ИСЛАНДСКИЕ САГИ

Перевод с древнеисландского языка,
общая редакция и комментарии
А. В. Циммерлинга

ТОМ 2

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва
2004

ББК 84.0
И 87

Издание осуществлено при поддержке

Министерства образования, науки и культуры Республики Исландия,
Министерства иностранных дел Республики Исландия,
чрезвычайного и полномочного посла Республики Исландия в Российской Федерации Бенедикта Йоунссона,
компании SAMSKIP,
Исландской корпорации морозильных заводов (IFPC),
компании MAREL

И 87 Исландские саги. Т. 2 / Пер. прозаич. текста с древнеисл., общ. ред. и коммент. А. В. Циммерлинга; Стихи в пер. А. В. Циммерлинга и С. Ю. Агишева / под ред. С. Ю. Агишева, А. В. Бусыгина, В. В. Рыбакова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с. – (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0004-0

Комментированное издание 4 древнеисландских саг и 14 текстов малого жанра. Все памятники переводятся на русский язык впервые. Научный аппарат включает вступительную статью о жанре саги, статьи о каждом из публикуемых памятников и подробные комментарии; обсуждается историко-филологическая и текстологическая проблематика каждого памятника, включая вопросы датировки протографа.

Во второй части книги, которой предпослана статья о скальдической метрике, анализируется более 60 стихотворений (вис), содержащихся в публикуемых текстах саг. Все висы приводятся на языке подлинника и анализируются в соответствии с разработанным форматом толкования. Издание снабжено географическими картами и указателями топонимов, личных имен и прозвищ.

ББК 84.0

ISBN 5-9551-0004-0
9785955100043

Оглавление

Приложения

Сага: рассказ для будущего и взгляд в прошлое

Настоящая книга продолжает серию научных изданий древнеисландских саг в русских переводах, начатую томом «Исландские саги», выпущенным издательством «Языки русской культуры» в 2000 г.[1] Она адресована двум основным категориям читателей — любителям литературы и лицам, специально интересующимся культурой и историей средневековой Европы. В соответствии с двойным предназначением книги составлен ее научный аппарат. Первая часть содержит тексты прозаических памятников. Все они переводятся на русский язык впервые. Каждый памятник снабжен концевыми сносками, из которых читатель может почерпнуть сведения культурно-исторического плана. Главные проблемы, связанные с текстом памятника, включая возможности исторической интерпретации, реконструкции протографа и его датировки, вынесены во вступительную статью к памятнику. Ориентиром для составителя было современное состояние научных знаний. Объем вступительной статьи и комментариев определяется тремя факторами — важностью встающих при анализе исторических и филологических проблем, общим числом верифицируемых деталей и степенью разработанности проблемы. Наиболее подробные комментарии и статья сопровождают текст «Саги об Ароне сыне Хьёрлейва», критическое издание которой отсутствует. Между тем анализ саги выявил в ней наличие важной исторической проблематики, недооцененной нашими предшественниками. Изданию каждого памятника предшествовала работа, связанная с ревизией его оценок: во многих случаях мы сочли необходимым предложить собственные гипотезы и аргументировать их. Эти страницы книги рассчитаны на специалистов и приглашают к дискуссии. Вторая часть посвящена скальдическим стихам, содержащимся в публикуемых сагах. Она адресована всем любителям поэзии, которые желают самостоятельно разобраться в структуре скальдических стихов и оценить их поэтику.

* * *

Слово “сага” ассоциируется у большинства читателей с родовыми и королевскими сагами, т. е. текстами, где дистанция между временем действия и

[1] Исландские саги / Пер. с древнеисл. и коммент. А. В. Циммерлинга; Стихи в переводах Ф. Б. Успенского и А. В. Циммерлинга. М., 2000.

временем записи составляет не менее 100—200 лет. Саги этой группы поддерживают ощущение достоверности, наличия исторической основы, а техника рассказа доведена в них до совершенства. Сага интересуется важными событиями прошлого и представляет их связь без прямых оценок, последовательно отсекая информацию, которую рассказчик считает лишней или неуместной. Поэтому современный читатель порой больше узнает о системе ценностей того общества, которое описывают саги, не из того, что сказано в тексте, но из того, что в нем опущено или подразумевается. Эстетический и культурно-исторический интерес к саге как литературной форме стимулирует интерес к обществу, в котором жили герои саг. Как читатели, так и специалисты, знакомясь с очередной родовой сагой, ищут в ней сведения, дополняющие представления о т. н. "веке саг" в Скандинавии (ок. 870—1030 гг.). Сопоставлению версий разных саг, касающемуся разной трактовки одного эпизода, описания реалий и культурных традиций и возможного влияния одной саги на другую, посвящено огромное число работ.

Саги других жанров не столь популярны, что непосредственно отражается в количестве переводов на другие языки и количестве посвященных им работ. Т. н. "саги о современных событиях", записанные по свежим следам, с позиций читателя нового времени обладают тем недостатком, что реально имевшие место и достоверно переданные события кажутся ему незначительными и мелкими. Именно так во многих странах воспринималась «Сага о Стурлунгах» — цикл саг о распрях исландцев XII—XIII вв.[2] Саги об исландских епископах непривлекательны для массового читателя в силу своей идеологической заданности. Т. н. "лживые" или фантастические саги о троллях и великаншах современный читатель воспринимает как заведомый вымысел, независимо от того, верили ли в эти саги средневековые исландцы[3]. Наконец, т. н. "романические саги", т. е. пересказы иноязычной куртуазной литературы, принимающие на скандинавской почве форму саги, отталкивают от себя уже тем, что они неоригинальны.

Знакомство читателей других стран с древнеисландской прозой обычно начинается с лучших родовых и королевских саг. Здесь русские читатели находятся в выгодном положении, хотя число переведенных на русский язык саг на порядок меньше числа саг, переведенных на английский, немецкий и скандинавские языки, т. е. языки тех стран, где исландская филология имеет

---

[2] Ср. работу Э. Уона о восприятии «Саги о Стурлунгах» в викторианской Англии: *Wawn A.* Brass-brain Rivalries: The Birth and Death of Sturlunga saga in Victorian Britain // The 9th International Saga Conference. The Contemporary Sagas. Reykjavík, 1994. P. 832—846.

[3] Ср. историко-литературную концепцию М. И. Стеблин-Каменского о т. н. «синкретической правде» и отсутствии в древнеисландской культуре таких категорий как «вымысел» и «осознанное авторство»: *Стеблин-Каменский М. И.* Мир саги. Л., 1971. С. 22.

более давние корни. В 1956 г. под редакцией выдающегося ученого М. И. Стеблин-Каменского вышли переводы четырех родовых саг, являющихся шедеврами древнеисландской словесности — «Саги об Эгиле», «Саги о Людях из Лососьей Долины», «Саги о Ньяле» и «Саги о Гуннлауге»[4]. Среди текстов, переведенных позднее, выделяются «Сага о Гисли», «Сага о Храфнкеле» и «Прядь об Аудуне с Западных Фьордов», впервые изданные в 1973 г. в книге «Исландские саги. Ирландский эпос» в рамках серии «Библиотека всемирной литературы»[5], а также «Круг Земной» Снорри Стурлусона, изданный в 1980 г. в серии «Литературные памятники»[6].

Родовые и королевские саги, однако, не однородны. Эстетическое совершенство и достоверность рассказа зависят от того, когда записана сага и в какой редакции она до нас дошла. Большинство родовых и королевских саг записаны в период 1220—1300 гг., но известно, что часть саг была записана ранее и что саги продолжали активно записываться и переписываться в XIV—XV вв. Четыре саги, включенные в настоящий том, показывают четыре разных сценария сохранения текста. «Сага о Людях с Песчаного Берега» дошла до нас в четырех редакциях[7]. Различия между ними касаются второстепенных деталей, и практически нет сомнений, что все редакции восходят к единому письменному источнику — протографу саги. «Сага о Союзниках» дошла до нас в двух редакциях, различия между которыми столь велики, что некоторые ученые отрицали наличие общего протографа и утверждали, что каждая из редакций непосредственно продолжает устную традицию. «Сага об Ароне сыне Хьёрлейва» частично сохранилась в списках XV—XVII вв., но большая ее часть восстанавливается только по вставкам, сделанным ок. 1340 г. в одну из саг о епископах. Наконец, самостоятельная редакция «Саги о Фарерцах» вообще не сохранилась, и материал данной саги приходится — с потерями, — вычленять из компиляций и королевских саг, записанных в XIII—XIV вв.

Две конкуририрующие в литературоведении концепции отражают двойственность саги как жанра. Одна концепция, отстаивавшаяся такими видными учеными, как Андреас Хойслер[8] и М. И. Стеблин-Каменский[9], видит в саге

[4] Исландские саги / Ред., вступит. ст. и примеч. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1956.

[5] Исландские саги. Ирландский эпос / Сост., вступит. ст. и примеч. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1973. (Библитека всемирной литературы, сер. 1, т. 8).

[6] *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Изд. подгот. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980.

[7] О “редакциях” саги говорят в том случае, когда имеющиеся рукописи текста не являются непосредственными источниками друг друга.

[8] Основные труды А. Хойслера в области саговедения собраны в двухтомнике: *Heusler A.* Kleine Schriften. Bd. 1—2. Berlin, 1969.

[9] Взгляды М. И. Стеблин-Каменского на жанр саги и его эволюцию наиболее полно изложены в его работах «Мир саги» и «Становление литературы», недавно переизданных в кн.: *Стеблин-Каменский М. И.* Труды по филологии. СПб., 2003.

форму хранения информации в бесписьменном обществе: события произошли, и нужно отразить их для будущего в адекватной форме, чтобы они остались в памяти людей. Для Хойслера, Стеблин-Каменского и их сторонников сага, в первую очередь, продукт устного творчества. Главный, хотя и нечасто применяемый, аргумент в пользу этой точки зрения — лингвистический: ритмико-синтаксическая фактура древнеисландской саги явно ориентирована на устную форму языка и произнесение вслух. Противоположная концепция, которую в разные годы отстаивали исландские литературоведы Сигурдюр Нордаль, Эйнар Оулавюр Свейнссон и Йоунас Кристьяунссон[10], оспаривает само существование устной саги и отрицает наличие устной традиции, соединяющей время действия родовой саги с временем ее записи. Для этих ученых и их многочисленных единомышленников литературная сага, прежде всего, ретроспектива, взгляд в прошлое. Их главным аргументом служит тот факт, что до сих пор никому не удалось убедительно показать, что все содержание литературной саги взято из ее предполагаемого источника — дописьменной саги, опирающейся на местные предания. Анализ саг почти всегда выявляет в их тексте анахронизмы и вставки, многие из которых выдают знакомство с письменными текстами. Те ученые, которые верят, что канон саги сложился в дописьменную эпоху, обычно настаивают на первичности родовой саги, а те ученые, которые оспаривают существование устной саги, объявляют первичными иные группы саг. Между тем вопрос о том, чем в действительности является исландская сага — посланием для будущих поколений или попыткой разобраться в прошлом — прямо не связан с вопросом об очередности записи саг.

Достоверность и беспристрастность изложения не являются постоянными величинами. Основной предмет саги — распря, т. е. набор ситуаций, предполагающих возможность освещения с позиций заинтересованных сторон. Нередко в комментариях к сагам можно прочесть, что персонаж А представлен как герой, персонаж Б — как злодей, а персонаж В мало индивидуализирован и имеет

[10] Все перечисленные исландские ученые, отрицавшие существование устной саги как сложившего литературного жанра, предлагали различные реконструкции очередности записи литературных саг в XIII в. Предложенные ими датировки ⟨протографов⟩ саг определяли состояние мирового саговедения и в течение десятилетий не имели альтернативы; большинство неисландских исследователей либо вообще не занималось проблемой датировки саг, либо, с тем или иным числом оговорок, принимало гипотезы С. Нордаля, Э. О. Свейнссона и Й. Кристьяунссона. Концепция С. Нордаля изложена в развернутом предисловии к изданию «Саги об Эгиле» в серии «Íslenzk fornrit»: *Sigurður Nordal.* Formáli // Íslenzk Fornrit. Bd. II. Reykjavík, 1938. Bls. I—CV. Концепция Э. О. Свейнссона изложена в книге: *Einar Ólafur Sveinsson.* Ritunartími Íslendingasagna. Reykjavík, 1965. Концепция Й. Кристьяунссона, доказывающего, что до «Саги об Эгиле», сочиненной Снорри Стурлусоном, родовые саги в Исландии вообще не записывались, изложена в получившей широкий отклик статье: *Jónas Kristjánsson.* Var Snorri Sturluson upphafsmaður Íslendingasagna? // Andvari. Nýr flokkur. Reykjavík, 1990. H. 32. Bls. 85—105.

лишь шаблонные черты. Такие замечания, разумеется, лишены научной ценности. Тем не менее, вопрос об отношении рассказчика к персонажам уместен, если его ставить в связи с анализом композиции саги. Одну группу текстов (среди них обнаруживаются родовые, королевские саги и саги о современных событиях) можно назвать “апологетическими”: рассказчик солидаризуется с одной из сторон в распре и оправдывает ее действия. В нашей подборке сюда относится «Сага об Ароне сыне Хьёрлейва». Можно указать также на «Сагу о Хаварде», «Сагу о Бьёрне Бойце Долины Реки Хит», «Сагу о Стурле», «Сагу о Торгильсе Заячья Губа» и пространную редакцию «Саг о Посошниках». Другая группа текстов оправдывает действия обеих сторон: рассказчик признает, что каждый из врагов имел основания отстаивать свои интересы и что они в равной мере придерживались некоторых принципов поведения. Саги данного типа наиболее известны, но они не составляют большинства. В нашей подборке сюда можно отнести «Сагу о Людях с Песчаного Берега» и, с оговорками, «Сагу о Фарерцах». Наконец, включенная в настоящий том «Сага о Союзниках» демонстрирует редкий случай, когда рассказчик одинаково негативно оценивает действия всех участников: все ключевые персонажи саги представлены как негодяи. Эта ситуация столь необычна, что в исландистике поднимался вопрос, не является ли «Сага о Союзниках» литературной пародией.

Если оценить публикуемые саги с точки зрения их исторической основы, то окажется, что наибольшее количество достоверных и проверяемых деталей содержит самая пристрастная из них — «Сага об Ароне сыне Хьёрлейва». Эта сага записана позже трех других — в начале XIV в. Изложение саги опирается на устную традицию о главном герое, но сама эта традиция столь ангажирована политически, что ее невозможно отделить от оценок событий. На другом полюсе находится «Сага о Людях с Песчаного Берега», изложение которой объективно и взвешено. Сага опирается на местные предания Широкого Фьорда, длительное время (в XI—XIII вв.) передававшиеся изустно. Но информация, почерпнутая из этих преданий, например, рассказ о мертвой колдунье, вставшей из гроба, не всегда заслуживает полного доверия. В той же саге можно найти подробные описания языческих ритуалов, но как раз эти страницы саги, как показано ниже, не основываются на традиции и представляют собой домыслы рассказчика о нравах и обычаях далеких предков. Кажущееся правдоподобие «Саги о Фарерцах» — результат умелой работы ее рассказчика, выдумывавшего второстепенные детали и создававшего местный колорит (действие этой саги происходит за пределами Исландии). И, тем не менее, «Сага о Фарерцах» принадлежит к тем немногим текстам, записанным на рубеже XII—XIII вв., где связь с техникой устного рассказа совершенно несомненна и где нет вкраплений т. н. “книжного стиля”. Напротив, заведомое неправдоподобие «Саги о

Союзниках» объясняется тем, что рассказчик этой саги, искушенный в книжном стиле, умышленно создавал гротескные ситуации. Анализ показывает, тем не менее, что фантазия рассказчика направлялась материалом (общие характеристики персонажей и некоторые факты из их жизни), который он унаследовал из местной традиции Среднего Фьорда. Итак, между устной традицией и достоверностью нет прямой связи. К тому же, “устная традиция” — расплывчатое и неконкретное понятие, не отражающее специфики передачи информации в дописьменном обществе. Как показано ниже, в комментариях к «Саге о Людях с Песчаного Берега», среди источников одной и той же письменной саги могут быть как короткие рассказы о памятных событиях — их письменные аналоги в исландистике принято называть “прядями”, так и пространные рассказы о распрях, т. е. устные саги. Часть устных прядей и саг имела широкое хождение, но другая часть (например, рассказы о происхождении местных топонимов) могла иметь узко локальную привязку к конкретному хутору или долине. Некоторые из устных саг изначально включали в себя скальдические стихи, сложенные участниками событий или приписанные им. В то же время, другая часть стихов X—XI вв. передавалась независимо от прозаического комментария и попадала в письменные саги непосредственно из скальдической традиции, носителями которой были скальды XII—XIII вв.[11] Поэтому крайне маловероятно, чтобы носителем всей информации, которая передавалась изустно и впоследствии вошла в письменную сагу, мог быть один и тот же человек.

Имена составителей саг, как правило, нам неизвестны, хотя они, разумеется, были известны современникам. Процесс массовой записи саг направлялся индивидуальными достижениями двух великих исландцев XIII в. — Снорри Стурлусона (1179—1241) и его племянника Стурлы Тордарсона (1214—1284). Снорри и Стурла были не первыми образованными исландцами, записавшими свои саги, но именно их деятельность определила судьбу исландской словесности. Большинство дошедших до нас сочинений Снорри записаны в 1220-е гг. В это время были составлены «Круг Земной», цикл саг о норвежских конунгах, доходящий до 1177 г., знаменитая «Младшая Эдда», созданная как пособие по скальдической поэтике и путеводитель по скандинавской мифологии, и «Сага об Эгиле»[12]. Последняя сага, рассказывающая о жизни величайшего из исланд-

[11] Составитель письменной саги, мог, кроме того, сам присочинить ряд стихотворений, если хорошо владел навыками версификации.

[12] Некоторые исследователи, кроме того, приписывают Снорри Стурлусону «Сагу о Гуннлауге Змеином Языке», действие которой происходит в тех же местах, что и действие «Саги об Эгиле» — в Городищенском Фьорде на юго-западе Исландии. Представляется вероятным, что «Сага о Гуннлауге Змеином Языке» была создана людьми из окружения Снорри Стурлусона после записи «Саги об Эгиле», но установить, был ли автором саги сам Снорри или же кто-то из его учеников, невозможно.

ских скальдов, Эгиля сына Скаллагрима (ок. 910—990), задала мастшаб событий и повлияла на стиль записанных впоследствии родовых саг, посвященных менее значимым фигурам прошлого. Стурла Тордарсон является автором двух саг о норвежских конунгах XIII в. — «Саги о Хаконе сыне Хакона», заказанной ему вождями правившей в Норвегии партии Берестяников, и «Саги о Магнусе Исправителе Законов», от которой сохранились лишь отдельные фрагменты, а также «Саги об Исландцах», рассказывающей о смутах и гражданской войне в Исландии, приведшей к утрате страной независимости. «Сага об Исландцах» охватывает небывало широкий для саг о современных событий период в 80 лет (ок. 1183—1268) и является основой обширной компиляции о распрях XII—XIII в., известной, как «Сага о Стурлунгах». Данная компиляция была, как полагают, составлена ок. 1305—1308 гг. учеником Стурлы Тордарсона, лагманом Тордом сыном Нарви[13]. Некоторые филологи, кроме того, считают Стурлу Тордарсона автором двух родовых саг — «Саги о Людях с Песчаного Берега»[14] и ранней редакции «Саги о Греттире»[15]. Данные гипотезы недостаточно аргументированы. Не подлежит сомнению, однако, что Стурла Тордарсон был одним из крупнейших знатоков родовых саг, причем не только записанных, но и устных. Это обнаруживается по тексту еще одного произведения Стурлы — «Книги о Заселении Земли» (Landnámabók): Стурла в гораздо большей степени, чем его предшественники, доверял устным преданиям, которые он, в отличие от современных исландских филологов, не стеснялся называть “сагами”. Вариант «Книги о Заселении Земли», составленный Стурлой Тордарсоном, т. н. «Книга Стурлы» (Sturlubók), является самой старой из дошедших до нас редакций данного произведения. Непосредственным предшественником Стурлы был секретарь Снорри Стурлусона, аббат Стюрмир сын Кари (ум. 1245 г.). «Книга Стюрмира» не сохранилась, но ее материал был использован в начале XIV в. авторами двух последующих редакций «Книги о Заселении Земли». Стурла, Снорри и Стюрмир были одновременно носителями к н и ж н о й т р а д и ц и и, связывавшей их с учеными исландцами XII в., о которых мы имеем отрывочные сведения. Наиболее известен историк Ари Мудрый (1068—1148), составивший две редакции «Книги об Исландцах» (Íslendingabók), в сжатой форме рассказывающей об открытии Исландии, ее крещении и перечисляющей имена первых исландских епископов, а также имена предков самого Ари. Одна

[13] *Guðrún Ása Grímsdóttir*. Sturla Þórðarson // Sturlustefna / Ed. Guðrún Ása Grímssdóttir and Jónas Kristjánsson. Reykjavík. 1988. (Rit Stofnunar Árna Magnússonar, 32). Bls. 11.

[14] *Hallberg P.* Ólafr Þórðarson Hvítaskáld, Knýtlinga saga och Laxdœla. En motkritik // Arkiv för Nordisk Filologi. Bd. 80. Lund, 1965. S. 176—182.

[15] *Örnólfur Thorsson.* Grettir sterki og Sturla lögmaðr // The 9th International Saga Conference. Bls. 907—933.

из редакций (поздняя) дошла до нашего времени, следы другой обнаруживаются в некоторых текстах XIII в. (пролог к «Кругу Земному»). Главной заслугой Ари считается создание общей хронологии, связывающей исландские события с европейскими, но, кроме того, он заложил фундамент датировки событий родовых саг. В настоящем издании русский читатель впервые может познакомиться с сочинением Ари — «Жизнью Снорри Годи» (Ævi Snorra Goða). Данное небольшое произведение указывает вехи жизни видного исландца конца X—XI вв., Снорри Годи, дочь которого, Турид Мудрая, как пишет Ари в первой главе «Книги об Исландцах», была одним из его основных информантов при реконструкции событий прошлого. Рассказчик «Саги о Людях с Песчаного Берега» знал и использовал данное сочинение в своей саге. Тем самым, связь между очевидцем событий и потенциальным рассказчиком устной саги (Турид) и литературной сагой XIII в., парадоксальным образом, поддерживается благодаря усилиям исландского книжника XII в. (Ари Мудрый).

Некоторые комментаторы высказывали предположение, будто Ари Мудрый первым систематизировал предания о заселении Исландии и распрях X—XI вв., т. е., иными словами, составил первоначальный вариант «Книги о Заселении Земли». Эту гипотезу доказать невозможно, хотя вероятно, что «Книга о Заселении Земли» в каком-то виде существовала уже в XII в. В любом случае, информация, связанная с семьей самого Ари и преданиями тех мест, где он жил, не могла пройти мимо окружения Ари, независимо от того, записывал ли Ари эти предания сам, или же только пересказывал их. К такого рода сведениям должен быть быть отнесен рассказ о прапрадеде Ари Мудрого, Ари сыне Мара (см. «Прядь о Людях с Мыса Дымов» в настоящем издании, с. 140).

Середина и конец XIII в. были переломной эпохой в истории Исландии, когда страна утратила независимость и была вынуждена подчиниться норвежским конунгам: ключевые факты читатель может найти ниже во вступительной статье к «Саге об Ароне сыне Хьёрлейва». Парадоксальным образом, именно в период, когда уклад жизни и идеология свободных людей окончательно перестали соответствовать реалиям эпохи, были записаны многие лучшие родовые саги. При внимательном чтении произведений, включенных в настоящий том, связь между актуальными событиями настоящего (или недавнего прошлого) и отношением рассказчика коллизиям далекого прошлого, становится очевидной. Рассказчик «Саги о Фарерцах», записанной ок. 1210—1215 гг., когда ничего не предвещало скорого краха, а сама Норвегия еще не оправилась от разрушений смутного времени, не испытывает сожалений по поводу того, что в XI в. норвежскому конунгу Олаву Святому (1015—1028) так и не удалось заставить фарерцев платить ему дань, и явно не сочувствует норвежцам, посланным собирать эту дань и убитых врагами конунга. Напротив, рассказчик «Саги об Ароне сыне Хьёрлейва», записанной в начале XIV в., всецело на стороне норвежского

конунга Хакона Старого (1204—1263), облагодетельствовавшего главного героя саги и пресекшего бесчинства знатных исландцев, которых он характеризует как врагов Бога, церкви и всех честных людей. Совсем иное представление об устройстве общества внушает «Сага о Людях с Песчаного Берега», которая подробно описывает уклад жизни, обычаи и законы X—XI вв. Жизнь в каждой округе определяется отношениями между предводителями, представителями знатных и богатых семей (для их обозначения используется термин *хёвдинг*, т. е. “вождь”, “главарь”, “первый по положению”) и их клиентами, рядовыми жителям округи, а также конфликтами между разными хёвдингами. Хёвдинги носят звание *годи* (первоначальное значение термина — “жрец общинного капища”) и объединяют своих сторонников в рамках *годорда*, т. е. своего рода избирательного округа: каждый свободный исландец входит в тот или иной годорд и может появляться на местном вече, *тинге*, или на всеисландском собрании граждан, *альтинге* (учрежден в 930 г.), только в составе отряда своего годи. Свободный человек — это, прежде всего, *бонд*, т. е. самостоятельный хозяин, владелец хутора, или же домочадец бонда (его работник или иждивенец). Рабство в Исландии носило домашний характер. По-видимому, к 1000 г. этот институт прекратил существование. Хотя родовые саги сообщают об особых *вирах за рабов*, которые были меньше виры за убийство свободного человека, письменные древнеисландские законы этого различия уже не фиксируют. Годи был обязан отстаивать своих сторонников (их саги часто называют термином *провожатые*) в распрях и судебных конфликтах. Исполнительной власти в Исландии IX—XIII вв. не было, поэтому осуществление приговора, в том числе, высшей меры наказания — *объявления вне закона* (полное поражение в гражданских правах, фактически равно смертной казни) с конфискацией имущества осужденного, было делом заинтересованных лиц. Понятно, что добиться выполнения приговора рядовой исландец мог только при поддержке своего годи, а последний мог это сделать, лишь подавив сопротивление других годи или поладив с ними. Реально не все годи (вначале их в Исландии было 39, а после реформы 1005 г. — 42) обладали достаточной властью, поэтому в сложных случаях приходилось обращаться к наиболее могущественным людям страны, которых саги называют *окружными хёвдингами*. Когда последние не могли договориться между собой и поделить сферы влияния, вспыхивали крупные конфликты, затрагивавшие сотни или даже тысячи исландцев. До начала XIII в. такие конфликты происходили редко, но с 1220-х гг. они приобрели регулярный характер и в 1230—1250 гг. переросли в гражданскую войну. Некоторые события этого драматического периода отражены, хотя и необъективно, на страницах «Саги об Ароне сыне Хьёрлейва» (см. ниже вступительную статью к данной саге, с. 379—383). Звание годи, в принципе, являлось прерогативой

рода и передавалось по наследству. В то же время официально разрешалось передавать годорд в постоянное или временное пользование другому лицу, в том числе не родственнику, ср. коллизию «Саги о Союзниках». Это было далеко не случайно: жители округи были заинтересованы иметь деятельного хёвдинга, способного их защитить. Если годи не обладал нужными качествами или не мог обеспечить клиентам должную защиту по иным причинам (например, в силу ухудшения имущественного положения), ему приходилось уступить звание и власть другим. «Сага о Людях с Песчаного Берега» рисует в целом оптимистическую картину общества подобного типа. Хотя справедливость, как признает рассказчик этой саги, никогда не торжествует полностью, и преуспевший хёвдинг порой уступает по своим личным качествам тем, кого он превозмог, после распрей утверждается мир и спокойствие. Законы тоже несовершенны (ср. слова данной саги по поводу исхода тяжбы об убийстве Арнкеля), но здравомыслящие люди в стране учатся на ошибках и вносят в законы нужные исправления. Диаметрально противоположное настроение царит в «Саге о Союзниках», представляющей собой ядовитую сатиру. Эта сатира, как показано во вступительной статье к названной саге, приобрела окончательный вид в начале XIV в. Предметом издевки здесь являются не только нарушения законов (подкуп суда, шантаж, несоблюдение процедуры и т. п.), но и сами законы эпохи независимости, носящие сугубо формальный характер и, в то же время, неоднозначные: они всегда, по мнению рассказчика саги, толкуются в пользу сильных. Если рассказчик «Саги о Людях с Песчаного Берега» в середине XIII в. еще надеялся, что победа достойного хёвдинга принесет мир и стабильность, то рассказчик «Саги о Союзниках» в начале XIV в. уже был совершенно убежден в том, что достойных хёвдингов в принципе быть не может.

Об исландском законодательстве стоит сказать особо. Впервые исландские законы, по сообщению Ари Мудрого, были частично записаны в 1117—1118 гг.[16] После утраты независимости и т. н. “старого соглашения” (gamli sáttmáli) между норвежским конунгом и исландцами (1262—1264) исландские законы были собраны воедино и записаны в книге под названием «Серый Гусь» (Grágás). Как полагают ученые, данная книга отражает законодательную практику, устоявшуюся к середине XII в. Но некоторые родовые саги, прежде всего, «Сага о Людях с Песчаного Берега», сохраняют более древние нормы, не запечатленные в «Сером Гусе». Отчасти это может быть связано с тем, что записывалось не все и часть предписаний и разъяснений не была перенесена на пергамент. Но главная причина состоит в том, что сами нормы за три столетия существования исландского общества претерпели изменения. При этом родовые саги, содержащие сведения о распрях X—XI вв., оказались главным,

[16] Рассказ о записи законов помещен Ари в гл. X «Книги об Исландцах».

если не единственным каналом сохранения информации о старой законодательной практике. Эта тонкая, но важная нить, связывающая столетия исландской истории, реабилитирует понятие «устной традиции» в том смысле, который вкладывали в этот термин А. Хойслер и М. И. Стеблин-Каменский. Разумеется, рассказы о распрях, и тем более — о процедуре тяжб, составляют лишь часть литературных саг. К тому же во многих поздних сагах (ср. «Сагу о Союзниках») в рассказы о событиях X—XI вв. вкрадываются анахронизмы, когда рассказчик бессознательно применяет нормы своего времени. С 1271 г. в Исландии действовало норвежское колониальное право. С 1271 г. по 1281 г. судебником был кодекс под названием «Железный Бок» (Járnsíða), а начиная с 1281 г. — т. н. «Книга Йона» (Jónsbók). Последний кодекс соответствует реформированному в 1274 г. норвежскому законодательству. С 1271 г. в Исландии назначались *лагманы* (lǫgmenn), т. е. королевские наместники, призванные следить за соблюдением закона. Первым лагманом, которому выпала миссия внедрять норвежское право в Исландии, был Стурла Тордарсон. Ранее, в эпоху независимости, распорядитель альтинга назывался *законоговорителем* (lǫgsǫgumaðr) и имел иные функции: он должен быть открывать и закрывать заседания альтинга, помнить все законы наизусть и в случае необходимости произносить их. По-видимому, аналогичные функции были и у распорядителей областных тингов в Западной Скандинавии: древнеисландское право, в целом, близко западнонорвежскому — во всех источниках подчеркивается, что исландские законы были установлены в начале X в. выходцами из Хёрдаланда в Западной Норвегии по образцу западнонорвежских законов Гулатинга[17]. Публикуемая в настоящем издании «Сага о Фарерцах» в рассказе о событиях начала XI в. применяет термин "законоговоритель" и к распорядителю фарерского тинга: эта квалификация не невероятна, хотя данная сага не считается абсолютно надежной.

В XIII—XV вв. саги стали включать в обширные компиляции, порой объединяющие произведения самых разных жанров. Одной из самых известных компиляций является «Подмаренничная Книга» (Mǫðruvallabók, AM 132 fol.): древнейшая часть этой книги, объемом 189 листов in folio, датируется началом XIV в. и содержит текст четырнадцати саг, в том числе, текст одной из редакций «Саги о Союзниках». Еще больше объем «Книги с Плоского Острова» (Flateyjarbók, Gks 1005 fol.), составленной в 1387—1394 гг. для богатого бонда по имени Йон Хаконарсон двумя священниками. Древнейшая часть этой книги насчитывает 202 листа in folio: в ней содержится, в частности, текст «Саги о Фарерцах», а также «Сага о Хаконе Старом», составленная Стурлой Тордарсоном. Сведения о прочих рукописях читатель может найти во вступительных

[17] Сведения об этом содержатся в гл. II—III «Книги об Исландцах», в «Книге о Заселении Земли» и в «Саге о Торде Пугале».

статьях к переведенным памятникам. В составе компиляций саги меньшего объема нередко вставлены в саги большего объема. Так, некоторые родовые саги, а также «Сага о Фарерцах» и «Сага об Оркнейцах», вплетены в текст королевских саг, а «Сага об Ароне сыне Хьёрлейва» вплетена в текст епископских саг. Чем более творчески компилятор подходил к своей задаче и чем тщательнее согласовывал объединяемые им фрагменты, тем хуже для историков литературы — в таком случае мы имеем необратимые потери в оригинальном тексте. И наоборот, чем более топорной была работа компилятора, тем больше шансов доказать, что то или иное место памятника восходит к протографу саги. Саги, вплетенные в саги большего объема, как проницательно заметил М. И. Стеблин-Каменский, отчасти утрачивают свою отличительную жанровую черту — непрерывность и законченность действия, и сближаются с “прядями”, т. е. короткими вставками в сагах[18]. Древнеисландская сентенция гласит: «сагу нужно рассказывать так, как она происходит» (svá skal sǫgu segja, er hun ferr), — т. е. соблюдая ту последовательность, в которой происходили события. Разумеется, линейность развертывания саги — иллюзия, которая поддерживается благодаря технике рассказа: читатель склонен верить, что события, о которых ему р а с с к а з а л и раньше, на самом деле п р о и з о ш л и раньше. Саги о современных событиях иногда позволяют понять, что это не так, но в родовых сагах мы можем установить это лишь в случае очень грубой ошибки рассказчика. Сага по определению посвящена важным событиям прошлого, которые интересны сами по себе. Напротив, прядь посвящена менее значимым эпизодам, которые представляют собой отступления от хода событий[19]. Есть лишь один древнеисландский нарративный памятник большого объема, последовательно нарушающий линейность рассказа, — это упоминавшаяся выше «Книга о Заселении Земли», построенная по географическому принципу и сохраняющая информацию о памятных событиях в каждой части Исландии. Разделы этого произведения, которые с жанровой точки зрения вполне уместно назвать «прядями», постоянно перекликаются друг с другом.

В XVII—XVIII вв. исландские древности стали предметом интереса коллекционеров из Дании и Швеции. В этот период все наиболее ценные рукописи были вывезены за пределы страны. Следует выделить выдающегося исландского филолога и собирателя рукописей Ауртни Магнуссона[20] (1663—1730), благодаря которому практически со всех древнеисландских манускриптов были сделаны списки: Ауртни занимал высокий пост при датском короле, имел

[18] *Стеблин-Каменский М. И.* Мир саги. Л., 1971. С. 25.

[19] Ср. *Гуревич Е. А.* Об одном нарративном приеме в «Прядях об исландцах» // Атлантика. М., 2001. Вып. V. С. 129—146.

[20] Данизированная форма имени и патронима Ауртни — *Арне Магнусен*, латинизированная — *Арнас Магнэус*.

в своем распоряжении крупную сумму денег на покупку и сохранение рукописей и целый штат сотрудников. В 1728 г. часть оригинальных рукописей и списков, сделанных писцами Ауртни, сгорела во время пожара Королевской Библиотеки в Копенгагене, но мастшаб потерь оказался меньше из-за того, что Ауртни предусмотрительно распорядился делать по нескольку списков с каждого памятника. Рукописи из собрания Ауртни имеют общую сиглу AM. До конца XX вв. эти рукописи, а также рукописи, собранные непосредственными предшественником Ауртни, его тестем Тормодом Торфэусом (1639—1719), хранились в Дании, но затем, в период с 1971 по 1997 г., по соглашению между двумя странами были возвращены Исландии, где ныне хранятся в специально построенном здании. Имя Ауртни Магнуссона носят два института древнеисландских рукописей — в Копенгагене и Рейкьявике.

* * *

В настоящем издании принята следующая форма нормализации скандинавских имен собственных. Личные имена нигде не переводятся. Почти все прозвища переводятся. Единичные исключения касаются случаев, когда, с точки зрения редактора, нет оснований для выбора какой-то одной из возможных интерпретаций прозвища (ср. Торлейв *Кимби*, Торд *Какали*); подобные случаи оговорены в примечаниях. Все исландские топонимы и все топонимы на территории скандинавских колоний, включая Фарерские острова, переводятся. Норвежские названия населенных пунктов не переводятся: иной подход крайне затруднил бы их идентификацию[21]. Патронимы исландцев и фарерцев IX—XVI вв. последовательно раскрываются как в переводах памятников, так и в тексте комментариев к ним[22], ср. *Сигмунд сын Брестира* (но не: *Сигмундр Брестиссон*), *Торд сын Нарви* (но не: *Тордр Нарвасон*) и т. п. Исключение сделано для имен двух исландцев — Снорри Стурлусона и Стурлы Тордарсона. При

[21] По тем же соображениям не был переведен топоним *Фарерские Острова*.

[22] Редактор отдает себе отчет, в том, что последовательное проведение данного принципа создает неудобства при столкновении древне- и новоисландских имен в тексте комментариев. Как известно, в современной Исландии большинство жителей по-прежнему не имеют фамилий: то же самое касалось исландцев XVII—XIX вв., в том числе упомянутого выше Ауртни Магнуссона, т. е. Ауртни сына Магнуса. Однако при официальных контактах исландцев с представителями других народов патроним обычно используется как “фамилия для внешнего предназначения”. Тот же Ауртни и его писцы были служащими датского короля и жили в Дании. Поэтому принятое в русской академической традиции решение не раскрывать их патронимы правомерно. В связи с этим встает дополнительный вопрос о приведении формы имени в соответствие с новоисландской нормой. В качестве условного рубежа новоисландского периода мы остановились на 1600 г., отсюда написания *Ауртни*, *Йоун* применительно к исландцам XVII—XIX вв., но *Арни*, *Йон* по отношению к исландцам IX—XVI вв. Тем самым, составитель «Книги Хаука», живший в начале XIV в., будет назван в тексте комментариев *Хауком сыном Эрленда*, (но не: **Хойкуром Эрлендссоном*), а писец XVII в. будет назван в тексте комментариев *Аусгейром Йоунссоном* (но не: **Асгейром сыном Йона*).

первой ссылке на них в тексте статьи патроним раскрывается, в квадратных скобках кириллицей дается транслитерированная форма, ср. *Снорри сын Стурлы* [т. е. *Снорри Стурлусон*]; При повторном упоминании этих двух лиц в тексте статьи дается транслитерированная форма без скобок. В переводах памятников патроним всегда раскрыт, транслитерированная форма не приводится.

Оригинальную древнеисландскую форму именований лиц и топонимов читатель может найти в указателях имен собственных. Впервые в практике изданий саг на русском языке приводится аннотированный указатель прозвищ: необходимость его составления назрела в связи с разнобоем в передаче прозвищ одних и тех же лиц разными переводчиками, а также в связи с отдельными ошибками предыдущих переводчиков. Издание снабжено географическими картами и иллюстративным материалом.

Книга издается благодаря финансовой поддержке ряда спонсоров — **Министерства Образования и Культуры Республики Исландия**, **Министерства Иностранных Дел Республики Исландия**, **чрезвычайного и полномочного посла Республики Исландия в России Бенедикта Йоунссона**, **компании SAMSKIP**, **Исландской корпорации морозильных заводов (IFPC)** и **компании MAREL**.

Редактор-составитель выражает глубокую благодарность Чрезвычайному и Полномочному Послу Исландии в России **Бенедикту Йоунссону** и секретарю Посольства Исландии **Йоуну Гойти Йоханнессону** за моральную и организационную поддержку, без которой издание было бы невозможно.

Я выражаю особую признательность авторскому коллективу издания — научным редакторам книги **А. В. Бусыгину**, **С. Ю. Агишеву** и **В. В. Рыбакову**, по инициативе которых в текст книги было внесено множество важных исправлений, а также **В. И. Циммерлингу** и **Ф. Б. Успенскому**, прочитавшим рукопись и высказавшим мне свои замечания. Оформление книги является заслугой **А. В. Шипуновой**, которая также составила указатель топонимов. Я благодарен **Крису Сандерсу**, **Джеймсу Книрку**, **Ингибьёрг Аднардоттир**, **Е. А. Гуревич**, **Е. О. Ершовой** и всем коллегам, давшим мне консультации.

Антон Циммерлинг

ЧАСТЬ I

Тексты саг и комментарии

Сага о Людях с Песчаного Берега

I

Одного славного херсира в Норвегии звали Кетиль Плосконосый[1]; он был сын Бьёрна Лапы, сына Грима Херсира из Согна. Кетиль был женат на Ингвильд, дочери Кетиля Барана, херсира в Раумарики. У них были сыновья по имени Бьёрн и Хельги, а дочери звались Ауд Глубокомудрая[2], Торунн Рогатая Секира и Йорунн Смекалка.

Бьёрн сын Кетиля воспитывался на востоке в Ямталанде у ярла по имени Кьяллак[3], мужа мудрого и прославленного. У ярла был сын по имени Бьёрн, а дочь ярла звали Гьявлауг. Это было в то самое время, когда конунг Харальд Прекрасноволосый пришел к власти в Норвегии. Из-за смуты и притеснений многие знатные люди покинули отчие земли; кое-кто бежал на восток через хребет Килир, а кое-кто морем на запад. Были и такие, которые держались зимой на Южных или Оркнейских Островах, а летом приходили воевать в Норвегию и причиняли державе конунга Харальда великий урон. Бонды пеняли на это конунгу и просили оградить их от этой напасти. Тогда конунг Харальд решил отрядить на запад войско и велел Кетилю Плосконосому возглавить его. Кетиль отнекивался, но конунг сказал, что он должен ехать. И когда Кетиль увидел, что конунг хочет настоять на своем, он собрался в путь и взял с собой жену и детей, всех что были при нем.

Прибыв в западные моря, Кетиль дал там несколько битв и везде одержал победу. Он подчинил себе Южные[4] и Оркнейские Острова и стал на них верховодить. Затем он помирился с виднейшими хёвдингами в западных морях и заключил с ними союз, а войско свое отослал обратно в Норвегию. Когда те предстали перед конунгом Харальдом, то поведали ему, что Кетиль Плосконосый стал хёвдингом Южных Островов, но им, мол, неведомо, завоевал ли он эти земли в западном море для конунга Харальда, или нет. Как только об этом узнает конунг, он присваивает себе все владения Кетиля в Норвегии.

Кетиль Плосконосый выдал свою дочь Ауд за Олава Белого, самого видного в те времена морского конунга в западных морях; он был сын Ингъяльда, сына Хельги, а матерью Ингъяльда была Тора, дочь Сигурда Змей в Глазу, сына Рагнара Кожаные Штаны[5]. Торунн Рогатую Секиру он выдал замуж за Хельги Тощего, сына Эйвинда Норвежца и Равёрты, дочери Кьярваля Конунга Ирландцев[6].

II

Бьёрн сын Кетиля Плосконосого оставался в Ямталанде до тех пор, пока не умер Кьяллак. Он женился на Гьявлауг, дочери ярла, и вслед за тем выехал с востока через хребет Килир, сперва в Трандхейм, а оттуда на юг посуху. Он занял владения, принадлежавшие его отцу, а управителей, которых поставил на них конунг Харальд, прогнал прочь.

Конунг Харальд был в Вике, когда до него дошли эти вести. Затем он выехал горным путем на север в Трандхейм. Прибыв в Трандхейм, он созвал тинг восьми фюльков[7], и на том тинге объявил Бьёрна сына Кетиля вне закона в Норвегии, постановив, что того надо захватить и убить, где бы он не сыскался. После этого он выслал Хаука Высокие Чулки[8] и других своих витязей убить его, если он повстречается на их пути. Когда те подошли с севера к мысу Стад, друзья Бьёрна проведали об их поездке и дали ему знать. Бьёрн тут же взошел на свою весельную ладью, взяв с собой всех домочадцев и движимость, и поплыл, держа путь по побережью на юг; зима была в самом разгаре, и выйти в открытое море он не решился.

Бьёрн плыл, покуда не подошел к тому острову, который лежит напротив Южного Хёрдаланда и называется Мостр. Там его приютил человек по имени Хрольв сын Эрнольва Рыбогона, и Бьёрн скрывался у него всю зиму. Конунговы посланцы распорядились землями Бьёрна и, посадив своих людей, повернули обратно.

III

Хрольв был большим хёвдингом и жил на широкую ногу; он следил на острове за капищем Тора и был большим его другом; поэтому его прозвали Торольв. Это был большой, сильный и видный муж, с окладистой бородой; поэтому его называли Бородач с Мостра. Он был знатнейшим человеком на острове.

Весной Торольв передал Бьёрну ладное длинное судно[9] с добрыми мужами на борту и придал ему в помощь своего сына Халльстейна. Они отправились в западное море проведать родичей Бьёрна.

Когда конунг Харальд узнал, что Торольв Бородач с Мостра держал у себя Бьёрна сына Кетиля, объявленного им вне закона, он послал к нему людей и велел ему очищать земли и убираться в изгнание, подобно его другу Бьёрну, если он не желает сам предстать перед конунгом и вверить свою судьбу ему. Это было десятью годами позже того, как Ингольв сын Эрна отправился заселять Исландию[10]. Эта поездка была у всех на устах, ибо те, кто приезжал из Исландии, рассказывали, что там отличные земли.

IV

Торольв Бородач с Мостра устроил большое жертвоприношение и стал вопрошать Тора, своего закадычного друга, мириться ли ему с конунгом, или же уезжать из страны и искать иного пристанища. Жребий указал Торольву плыть в Исландию. После этого он добыл большое судно для морских переходов[11], снарядил его для плавания в Исландию и взял с собой своих домочадцев и скот. Он разобрал капище и взял большую часть бревен с собой вместе с землей из-под жертвенника, на котором сидел Тор. После этого Торольв вышел в море, и ветер ему благоприятствовал; он нашел Исландию и подошел с юга, западнее Мыса Дымов. Тут попутный ветер утих, и они увидели, что в сушу врезаются большие фьорды. Тогда Торольв бросил за борт столбы почетной скамьи[12], что прежде стояла у него в капище; на одном из них был вырезан Тор. Он еще заранее решил, что поселится в Исландии там, где Тор изволит вынести себя на берег. И едва столбы отдалились от корабля, как их подхватило течением и понесло западнее того фьорда, как людям казалось, изрядно быстро. Затем поднялся свежий ветер; они поставили парус, прошли на запад к Мысу Снежной Горы и, обогнув его, зашли во фьорд. Они видят, что фьорд этот на диво велик и широк, и по обеим сторонам большие горы. Торольв дал фьорду имя и назвал Широким Фьордом. Пристал он на южном берегу, ближе к середине фьорда, и поставил корабль в заливе, который они позже назвали Капищным Заливом. После этого они осмотрели сушу и на ближнем мысу, к северу от того залива, обнаружили, что Тор достиг суши вместе со столбами. Это место с той поры зовется Мысом Тора. Потом Торольв объехал с огнем[13] занятые им земли от устья Посошной Реки на побережье вглубь суши до реки, названной им Рекой Тора, и поселил там своих спутников. Он поставил у Капищного Залива большой хутор и назвал его Капищный Двор. Там же он велел возвести капище; это был большой дом. В боковых стенах, ближе к углам, были прорезаны двери. Внутри стояли столбы почетной скамьи; они были закреплены гвоздями; гвозди эти звались боговыми[14]. Внутри капища было большое святилище. В помещении была постройка вроде хора в нынешних церквях, и там посреди пола стоял жертвенник, как алтарь в церкви. Поверх него лежало незамкнутое кольцо весом в двадцать эйриров[15]. На нем следовало приносить все клятвы. Кольцо это годи капища должен был надевать на руку на всех сходках. На жертвеннике также должна была стоять жертвенная чаша с прутом наподобие кропила. Им следовало разбрызгивать из чаши ту кровь, что звалась «долей», — то была кровь умерщвленных животных, принесенных в жертву богам[16]. Вокруг жертвенника в задней части капища стояли боги[17]. Все люди должны были платить налог на капище и сопровождать годи во всех поездках, как теперь жители округи своего хёвдинга. А годи должен

был содержать капище, чтобы оно не пришло в упадок, и устраивать в нем жертвенные пиры.

Торольв назвал мыс между Окраинным Фьордом и Капищным Заливом Мысом Тора. На том мысу есть гора; гору эту Торольв почитал до такой степени, что ни один человек не смел глядеть на нее немытым. На ней нельзя было никого убивать, ни скот, ни людей, разве что они умрут своей смертью. Гору эту называл он Святой Горой и верил, что отправится именно туда, когда умрет, и также все его родичи. На окраине мыса, в том месте, где Тор достиг суши, Торольв велел решать все тяжбы и учредил окружной тинг. Там тоже было столь большое святилище, что Торольв никоим образом не желал допустить осквернения поля, ни кровью, пролитой в ссоре, ни испражнениями; для этого была отведена шхера, которую называли Сраной Шхерой.

Торольв жил на широкую ногу и держал при себе множество народа, ибо в те времена на островах было вдоволь добычи и иной морской поживы.

V

Теперь следует рассказать о Бьёрне сыне Кетиля Плосконосого, что после того как они с Торольвом Бородачем с Мостра расстались, о чем говорилось ранее, он отплыл в западные моря. Бьёрн держал путь на Южные Острова. Когда он прибыл на запад, Кетиль, его отец, уже умер, но он застал там своего брата Хельги и своих сестер, и они предложили ему остаться у них на хороших условиях. Бьёрн убедился, что они сменили веру, и счел неладным, что они отказались от древних обычаев, которых держались их предки. Жить с ними было ему в тягость, и потому он свой хутор не ставил. Все же он провел зиму у своей сестры Ауд и ее сына Торстейна[18]. Когда те поняли, что он пренебрегает родней, то прозвали его Бьёрном с Востока; им было не по душе, что он не захотел с ними селиться.

VI

Бьёрн провел на Южных Островах два года, прежде чем собрался в Исландию. С ним вместе выехал Халльстейн сын Торольва. Они пристали в Широком Фьорде, и Бьёрн по совету Торольва занял землю между Посошной Рекой и Лавовым Фьордом. Бьёрн жил на Городищенском Холме в Заводи Бьёрна; он слыл очень знатным человеком.

Халльстейн сын Торольва счел неподобающим принимать землю от собственного отца. Он отправился по Широкому Фьорду дальше на запад, занял там землю и жил на Мысу Халльстейна.

Несколькими годами позже в Исландию прибыла Ауд Глубокомудрая; первую зиму она провела у своего брата Бьёрна. Затем она заняла все Долины

в Широком Фьорде между Оползневой Рекой и Рекой Завтрака и поселилась в Лощине. В это время был заселен весь Широкий Фьорд, однако здесь нет нужды рассказывать о том, где поселились люди, о которых в этой саге речи идти не будет.

VII

Гейррёдом звался тот человек, который занял землю от Реки Тора до Длинной Долины и жил на Песчаном Берегу. С ним вместе приехал Ульвар Боец, который получил от него землю окрест Ульваровой Горы, и Финнгейр, сын Торстейна Лыжи; тот жил в Лебяжьем Фьорде, его сыном был Торфинн, отец Торбранда из Лебяжьего Фьорда.

Вестаром звался человек; он был сын Торольва Дутая Голова. Он прибыл в Исландию вместе со стариком отцом, занял землю во Фьорде Китих и поселился на Дальнем Песчаном Берегу. Его сыном был Асгейр, который жил там впоследствии.

Бьёрн с Востока умер самым первым из всех этих поселенцев, и его похоронили в кургане у Городищенского Ручья. По нем осталось два сына; одним из них был Кьяллак Старый, который жил в Заводи Бьёрна после смерти своего отца. Кьяллак был женат на Астрид, дочери Хрольва херсира и сестре Стейнольва Короткого. У Кьяллака с Астрид было трое детей; их сыном был Торгрим Годи, а дочь звали Герд, на ней женился Тормод Годи, сын Одда Смелого. Другую дочь звали Хельга, на ней женился Асгейр с Песчаного Берега. От детей Кьяллака пошел большой род, и его называют Кьяллеклинги[19].

Другого сына Бьёрна звали Оттар, он был женат на Гроа дочери Гейрлейва, сестре Оддлейва с Бардовых Побережий; их сыновьями были Хельги, отец Освивра Мудрого, и Бьёрн, отец Вигфуса с Убойного Склона. Третьего сына Оттара сына Бьёрна звали Вильгейр.

Торольв Бородач с Мостра в старости женился на женщине по имени Унн; некоторые говорят, будто она была дочерью Торстейна Рыжего, но Ари Мудрый сын Торгильса не называет ее в числе детей Торстейна[20]. У Торольва и Унн был сын по имени Стейн. Этого мальчика Торольв подарил своему другу Тору[21] и нарек Торстейном; мальчик смолоду был не по годам развит. Халльстейн сын Торольва женился на Оск, дочери Торстейна Рыжего; их сына звали Торстейн. Торольв был его воспитателем и прозвал его Торстейном Черным, а своего сына он называл Торстейном Трескожором.

VIII

К этому времени в страну прибыла Гейррид, сестра Гейррёда с Песчаного Берега, и брат выделил ей место для жилья в Городищенской Долине дальше от

берега напротив Лебяжьего Фьорда. Она велела возвести главные постройки поперек проезжей дороги, чтобы все люди проезжали их насквозь. Внутри всегда был накрыт стол, и еду с него давали каждому, кто хотел. Из этого видно, сколь незаурядной женщиной она была. Гейррид ранее была замужем за Бьёрном сыном Бёльверка Слепорыла. Их сына звали Торольв; он был великий викинг. Торольв прибыл в страну несколько позднее своей матери и первую зиму прожил у нее. Он счел, что земель для жилья недостаточно, и потребовал их у Ульвара Бойца, предложив ему поединок; тот был уже пожилым человеком и, к тому же, бездетным. Ульвар предпочел скорей умереть, чем позволить Торольву себя запугать. Они взошли на островок в Лебяжьем Фьорде, и Ульвар пал, а Торольв был ранен в ногу и до конца жизни хромал. По этой причине его прозвали Торольв Скрюченная Нога. Он поставил свой хутор в Лощине в Долине Реки Тора.

Торольв прибрал Ульваровы земли к рукам; он не считал других людей себе ровней. Земли эти он продал вольноотпущенникам Торбранда из Лебяжьего Фьорда, Ульвару — Ульварову Гору, а Эрлюгу — Двор Эрлюга, и оба долго жили в этих местах. У Торольва Скрюченная Нога было трое детей; сын звался Арнкель, а одна из дочерей — Гуннфрид, на ней женился Торбейнир со Двора Торбейнира, что вблизи Озерного Кряжа рядом с Убойным Склоном. Их сыновьями были Сигмунд и Торгильс, а дочь звали Торгерд; на ней женился Вигфус с Убойного Склона. Другую дочь Торольва Скрюченная Нога звали Гейррид; на ней женился Торольв сын Херьольва Низкозадого. Они жили на Чаечном Склоне; детьми их были Торарин Черный и Гудню.

IX

Торольв Бородач с Мостра умер на Капищном Дворе. Тогда Торстейн Трескожор сел на свою вотчину. Он женился на Торе, дочери Олава Фейлана и сестре Торда Ревуна, который тогда жил в Лощине. Торольва похоронили в кургане на Курганном Мысу напротив Капищного Залива.

В эту пору высокомерие Кьяллеклингов было столь велико, что они перестали считать других людей в округе себе ровней; к тому же родичей и потомков Бьёрна было так много, что во всем Широком Фьорде нельзя было найти второго столь многочисленного рода. Многодетный Кьяллак, их родич, жил тогда на Побережье Средней Горы в месте, которое ныне зовется Двором Кьяллака; у него было множество сыновей, и все толковые[22]. Они неизменно помогали своим родичам с южного берега фьорда на тингах и сходках.

Однажды весной на Тинге Мыса Тора случилось так, что шурья Торгрим сын Кьяллака и Асгейр с Песчаного Берега сговорились между собой, что они не желают долее терпеть спесь Людей с Мыса Тора, и решили, что будут отныне справлять там нужду в траву, как на всех прочих сходках, невзирая на

то, что те возгордились настолько, что объявили свои владения более священными, нежели прочие земли в Широком Фьорде. Затем они возвестили, что не станут стаптывать свои башмаки в походах на дальнюю шхеру ради того, чтобы справить нужду. Когда об этом узнал Торстейн Трескожор, он не пожелал смириться с тем, что те осквернят поле, которое Торольв, его отец, почитал больше других своих владений. Он созвал к себе своих друзей и поведал, что будет оборонять от Кьяллеклингов поле с оружием, коли те вздумают его осквернить. В этом его поддержали Торгейр Крюк, сын Гейррёда с Песчаного Берега, и жители Лебяжьего Фьорда, Торфинн со своим сыном Торбрандом, Торольв Скрюченная Нога и многие другие соседи и друзья Торстейна.

Вечером, когда Кьяллеклинги закончили трапезу, они взяли свое оружие и пошли на мыс. Когда Торстейн и его люди увидели, что те свернули с тропы, ведущей к шхере, они схватили оружие и побежали за ними с воплем и шумом. Увидев это, Кьяллеклинги сомкнули свои ряды и заняли оборону, но жители Мыса Тора наступали столь яростно, что Кьяллеклинги бежали с поля на побережье. Там они поворотились, и началась жестокая битва. Кьяллеклингов было меньше, но зато люди у них были отборные.

Вот все это замечают жители Лесистого Побережья, Торгест Старый и Аслак из Длинной Долины; они прибежали и стали разнимать бьющихся, но обе стороны были в таком раже, что разнять их не удавалось до тех пор, пока они не обещали примкнуть к тем, кто прислушается. Затем их развели, и при этом таким образом, что Кьяллеклингам не удалось пройти назад к полю; они сели на свои корабли и уехали с тинга прочь. С обеих сторон были убитые, но больше со стороны Кьяллеклингов, и множество народа было ранено. Никакого перемирия заключено не было, ибо никто не захотел предлагать его. И те, и другие грозили при удобном случае напасть на врага. Все поле, где они бились, было залито кровью, и также все места, где стояли жители Мыса Тора во время схватки.

X

После тинга и те, и другие подолгу не распускали свои отряды и начались жестокие распри. Друзья их приняли решение послать за Тордом Ревуном, самым видным в ту пору хёвдингом в Широком Фьорде; он был родичем Кьяллеклингов[23], но при этом шурином Торстейна, и казался наиболее подходящим человеком, чтобы помирить их. Когда послание дошло до Торда, он выехал из дому с множеством народу и стал продвигать мировую. Он нашел, что помыслы сторон весьма несходны. Все же ему удалось договориться о перемирии и назначить встречу. Обе стороны, в конце концов, дали согласие, чтобы Торд решил спор на таких условиях: Кьяллеклинги оговорили, что они

никогда не будут справлять нужду на Сраной Шхере, а Торстейн оговорил, что ни за что не потерпит, чтобы Кьяллеклинги оскверняли поле тинга, ни сейчас, ни в дальнейшем. Кьяллеклинги объявили всех павших в войске Торстейна не заслуживающими виры за то, что они первыми напали на них, заранее это замыслив. А жители Мыса Тора объявили всех Кьяллеклингов не заслуживающими виры за преступление против закона, совершенное на освященной земле тинга. Однако, хотя условия эти были трудно совместимы, Торд все же согласился вынести приговор; он считал, что оставить их непримиренными еще хуже.

Торд начал возглашать приговор, сказав что удача с тем, кто воспримет. Он объявил, что ни одно из убийств или увечий, случившихся на Мысу Тора, не подлежит вире, а само поле тинга он объявляет испорченным кровью, пролившейся на него в ссоре, — он не считает отныне это место более священным, чем прочие земли. Виновны же в этом те, кто первым причинил другим людям увечья; нарушение мира, объявил он, заключалось именно в этом. Еще он сказал, что на этом месте впредь тинг собирать нельзя. А чтобы они хорошо соблюдали мир и были друзьями, он постановил, чтобы Торгрим сын Кьяллака содержал капище на половинных началах и имел подати на содержание капища и жителей округи в своем годорде поровну с Торстейном. Он должен был также с этих пор помогать Торстейну во всех тяжбах и поддерживать его во всем, какое бы святилище тот ни вздумал устроить на новом месте для тинга, которое он подыщет. На сем Торд Ревун выдал за Торгрима сына Кьяллака свою родственницу Торхильд, дочь своего соседа Торкеля Дурная Пашня. С той поры его стали называть Торгрим Годи. Затем тинг перенесли на северную оконечность мыса, где он поныне находится. А после того, как Торд Ревун учредил тинги четвертей[24], он велел созывать там Тинг Западных Фьордов; жители всех Западных Фьордов должны были вести свои тяжбы именно там. До сих пор можно видеть тот круг, где людей присуждали в жертву богам. В этом круге стоит камень Тора, о который предназначенным в жертву разбивали головы; еще и сейчас можно видеть пятна крови на камне[25]. На этом тинге тоже было большое святилище, но людям уже не запрещалось справлять нужду.

XI

Торстейн Трескожор стал жить на очень широкую ногу; при нем всегда находилось шесть десятков свободных людей. Он был очень предприимчив и часто ездил на рыбную ловлю. Он первым поставил хутор у Святой Горы и перевез свое хозяйство туда. Там же было устроено одно из самых больших капищ в стране. Торстейн велел поставить второй хутор на том мысу, где раньше собирался тинг; этот хутор он тоже распорядился отстроить на совесть,

а позже передал своему родичу Торстейну Черному. Тот перенес жилье туда и впоследствии прослыл большим мудрецом[26].

У Торстейна Трескожора был сын, которого прозвали Бёрком Толстым. А в то лето, когда Торстейну исполнилось двадцать пять лет, Тора родила мальчика; когда его окропили водой, то назвали Гримом. Этого мальчика Торстейн подарил Тору и нарек Торгримом. Осенью того же года Торстейн отправился в море к Хёскульдову Острову ловить рыбу. Однажды вечером, той же осенью, пастуху Торстейна случилось перегонять скот севернее Святой Горы. Он увидел, что гора с северной стороны приоткрылась, увидел внутри большие огни и услышал доносящийся изнутри гул и неясную речь. Прислушавшись, он разобрал отдельные слова и услышал, как кто-то приветствует Торстейна Трескожора и его спутников и говорит, что Торстейн сядет на почетной скамье напротив своего отца. Об этом знамении пастух вечером рассказал Торе, жене Торстейна; она опечалилась и сказала, что, быть может, грядут иные, и большие, события. Наутро с Хёскульдова Острова пришли люди и поведали, что Торстейн Трескожор утонул на рыбной ловле. Это сочли большой потерей.

Тора осталась смотреть за хутором; ей вызвался помогать человек по имени Халльвард; у Торы и Халльварда был сын по имени Мар.

XII

Сыновья Торстейна Трескожора подрастали дома со своей матерью и подавали большие надежды, но Торгрим выделялся во всем и сразу стал годи капища, как только достиг положенного возраста. Торгрим подыскал жену на западе во Фьорде Дюри, женился на Тордис дочери Кислого и перебрался на запад к своим шурьям, Гисли и Торкелю. Торгрим убил Вестейна сына Вестейна на осеннем угощении в Ястребиной Долине. А на следующую осень, когда Торгриму, как и его отцу, исполнилось двадцать пять лет, Гисли, его шурин, убил его во время осеннего угощения на Морском Жилье[27]. Несколько ночей спустя Тордис, жена Торгрима, родила ребенка; это был мальчик, и его назвали Торгримом в память об отце. Немного позже Тордис вышла замуж за Бёрка Толстого, брата Торгрима, и перебралась к нему на Святую Гору. Затем Торгрим, ее сын, переехал в Лебяжий Фьорд на воспитание к Торбранду. В детстве он был довольно беспокойным; поэтому его прозвали Снеррир (Задира), и, наконец, Снорри[28].

Торбранд из Лебяжьего Фьорда был женат на Турид, дочери Торфинна сына Торира Тюленя с Красного Песчаника. Одного из их сыновей звали Торлейв Кимби — он был старшим, второго — Снорри, третьего — Тородд, четвертого — Торфинн, пятого — Тормод, а дочь звали Торгерд. Все они были названными братьями Снорри сына Торгрима.

В ту пору Арнкель, сын Торольва Скрюченная Нога, жил на Жилом Дворе у мыса Вадиль. Он был велик ростом и силен как никто, хороший законник и человек умный. Это был добрый муж, выделявшийся своей твердостью; его любили в округе больше других людей. Он тоже был годи капища и имел многолюдный годорд.

Торгрим сын Кьяллака жил в Заводи Бьёрна, о чем сказано ранее. У них с Торхильд было три сына. Старшим был Бранд; он жил на Крестовом Мысу напротив Тюленьей Скалы. Другого сына звали Арнгрим; он был велик ростом, силен, с резкими чертами лица и большим носом. У него были бледно-рыжие волосы, рано отступившие со лба, сросшиеся брови и большие пронзительные глаза. Он был крайне заносчив, склонен к притеснениям и насилию; поэтому его прозвали Стюр (Раздор). Младшего сына Торгрима сына Кьяллака звали Вермунд; он был худощав и высок, хорош собой. Его называли Вермунд Тощий.

Сын Асгейра с Песчаного Берега звался Торлак; он был женат на Турид, дочери Аудуна Заики из Лавового Фьорда. Их детьми были Стейнтор, Бергтор, Тормод, Торд Пучеглазый и Хельга. Стейнтор был самым выдающимся из детей Торлака; он был велик ростом, силен, искусно владел оружием и был редкостным удальцом; в повседневной жизни он не был заводилой. Стейнтора признают третьим по силе воином Исландии после Хельги сына Дроплауг и Вемунда Шейный Платок[29]. Тормод был человек умный и мирного нрава. Торд Пучеглазый был человек буйный и на язык невоздержанный. Бергтор был самым младшим, но подавал большие надежды.

XIII

Снорри сыну Торгрима было четырнадцать лет, когда он выехал из страны вместе со своим названными братьями Торлейвом Кимби и Тороддом. Бёрк Толстый, дядя Снорри по матери, выдал ему пять десятков серебра на поездку[30]. Ветер им благоприятствовал; осенью они достигли Норвегии, и зиму провели в Рогаланде. Снорри остановился у Эрлинга из Соли[31], и Эрлинг ему благоволил, ибо в прежние времена их родичи Хёрдский Кари[32] и Торольв Бородач с Мостра были большими друзьями. Следующим летом они собрались плыть в Исландию, но замешкались со сборами; путешествие их было трудным, и незадолго до начала зимы они достигли Углового Фьорда[33]. Когда они ступили на сушу и собрались в дорогу, снаряжение Снорри и Торлейва Кимби рознилось как небо и земля. Торлейв купил себе самого лучшего коня, которого мог найти. У него было блестящее седло, украшенное камнями, меч хорошей выделки, золоченое копье, темно-синий щит с позолотой, и крашеная одежда: он истратил на это почти всю свою долю товаров. Снорри же ехал в черном плаще на доброй вороной кобыле; у него было старинное седло корытом и

почти не украшенное оружие. Снаряжение Тородда не выделялось ни в ту, ни в другую сторону. Они ехали с востока через Побережье по тропе, ведущей на запад в Городищенский Фьорд, далее через Нагорья, и остановились в Лебяжьем Фьорде. Затем Снорри выехал оттуда к Святой Горе с намерением провести зиму там. Бёрк отнесся к этому холодно, а его люди подняли одеяние Снорри на смех: Бёрк заключил, что поездка Снорри обернулась неудачно, и он спустил все свои деньги.

Однажды в начале зимы случилось так, что к хутору на Святой Горе подошло двенадцать человек в полном вооружении. Это был родич Бёрка Толстого Эйольв Серый сын Торда Ревуна[34]; он жил в Долине Выдр во Фьорде Эрна на западе. Когда их спросили о новостях, они поведали об убийстве Гисли сына Кислого и тех людей, что перед этим пали от его рук[35]. От этого известия Бёрк пришел в буйное веселье и велел Тордис со Снорри отблагодарить Эйольва как можно лучше, ибо сей человек снял с их рода великий срам. Снорри особой радости от известия не выказал, а Тордис сказала, что будет достаточной благодарностью, коли убийце Гисли дадут кашу.

Бёрк отвечает:

— Стряпня — не моя забота.

Бёрк сажает Эйольва на почетное место, а его спутников дальше на скамье с краю; они кладут свое оружие на пол. Рядом с Эйольвом сидел Бёрк, а за ним Снорри. Тордис накрывала на стол и держала ухватом горшок с кашей; когда она поставила кашу перед Эйольвом, ухват выскользнул у нее из рук на пол. Она нагнулась за ним, схватила меч Эйольва и быстро ударила им того под столом; удар пришелся Эйольву в бедро, потому что рукоятка задела стол, и, тем не менее, рана была большой. Бёрк отпихнул стол и ударил Тордис. Снорри же отпихнул Бёрка, так что тот упал, и, подхватив свою мать, усадил ее подле себя. Он сказал, что на ее долю и так выпало достаточно оскорблений, даже если б она осталась небитой. Эйольв и его люди вскочили, и все сцепились между собой. Кончилось дело тем, что Бёрк передал Эйольву право решить тяжбу, а тот присудил в свою пользу большую пеню за полученное увечье. Затем Эйольв уехал прочь. По этой причине неприязнь между Бёрком и Снорри усилилась.

XIV

Следующим летом на весеннем тинге Снорри потребовал у Бёрка вернуть наследство отца обратно. Бёрк отвечает, что наследство-то он ему выплатит, —

— но вот делить хутор на Святой Горе надвое, — говорит он, — я не желаю. А поскольку я вижу, что сообща владеть им нам несподручно, я готов выкупить всю землю.

Снорри отвечает:

— Я нахожу справедливым, чтобы ты назначил за землю любую цену, какая тебе по душе, а я бы выбрал, кто из нас двоих ее выкупит.

Бёрк размышляет над предложением и решает, что Снорри не хватит денег заплатить за землю, если платить надо будет быстро, и он оценивает землю в шесть десятков серебра. При этом он вычел из нее острова[36], так как надеялся получить их за малую цену позже, когда Снорри понадобится новое место для жилья. Кроме того, он выдвинул условие платить немедленно: занимать у других людей запрещалось,

— так что очередь выбирать за тобой, Снорри, — сказал Бёрк, — и коли этого хочешь, не мешкай.

Снорри отвечает:

— По всему видно, родич Бёрк, что ты счел меня сейчас совсем нищим, коли оценил землю у Святой Горы столь низко. Но я со своей стороны беру свою вотчину за данную цену, так что протягивай руку и передавай землю во владение мне[37].

— Это произойдет не прежде, — говорит Бёрк, — чем будет выплачен каждый пеннинг.

Снорри сказал своему приемному отцу Торбранду:

— Не передавал ли я тебе прошлой осенью кое-какой кошель?

— Верно, — говорит Торбранд, и тут же достает кошель из своего плаща.

Затем серебро пересчитали и выплатили за землю все до последнего пеннинга, и еще после этого в кошеле оставалось шесть десятков серебра.

Бёрк взял деньги и передал Снорри землю во владение.

Затем Бёрк сказал:

— Серебра, родич, у тебя набралось больше, чем мы думали. Теперь я хочу, чтобы мы оставили вражду между нами, и я пособлю тебе тем, что мы проживем эту зиму на Святой Горе вместе, ведь скота у тебя маловато.

Снорри отвечает:

— Пользуйся своим скотом сам и съезжай со Святой Горы прочь.

И никто не мог помешать Снорри настоять на своей воле. А когда Бёрк был уже готов съехать со Святой Горы, Тордис выступила вперед и назвала своих свидетелей в том, что она разводится со своим мужем Бёрком, приведя то основание, что он избил ее, а она его побои сносить не желает. Затем было поделено их имущество, и Снорри выступил от лица матери, так как был ее наследником. И Бёрку пришлось смириться с той участью, которую он готовил другим — отдать острова за малую цену. После этого Бёрк уехал со Святой Горы на запад на Побережье Средней Горы и сперва поселился на Дворе Бёрка, что между Пригорком Тетерева и Междуречьем. Затем он переехал в Леса Стеклянной Реки и жил там до старости.

XV

Снорри сын Торгрима держал хутор на Святой Горе, и домом заведовала его мать. Мар сын Халльварда, дядя Снорри, перебрался с множеством скота к ним и взял управление хутором Снорри в свои руки; поэтому хозяйство было на редкость богатым и многолюдным.

Снорри был человек среднего роста, скорей худощав, хорош собой, с правильными чертами лица, светлокожий, со светлыми волосами и рыжей бородой. В повседневной жизни он сохранял невозмутимость: по нему трудно было увидеть, доволен он или нет. Он был умен и умел предвидеть многие вещи заранее. Он был мстителен и злопамятен; своим друзьям он помогал добрым советом, но недруги должны были опасаться его замыслов. Снорри смотрел за капищем; поэтому его называли Снорри Годи. Он рано сделался большим хёвдингом, но власти его сильно завидовали, ибо вокруг было много людей, считавших себя не менее знатными, чем он, но при этом превосходивших его силой и закаленных в испытаниях.

У Бёрка Толстого и Тордис дочери Кислого была дочь по имени Турид; ее выдали замуж за Торбьёрна Толстого, жившего на Вещей Реке. Он был сын Орма Тощего, который первым занял земли на Вещей Реке и там поселился. Ранее он был женат на Турид, дочери Асбранда с Гребня, что в Широком Заливе; она была сестрой Бьёрна Бойца Широкого Залива, о котором позже пойдет речь в этой саге, и Арнбьёрна Сильного. Сыновьями Торбьёрна от Турид дочери Асбьёрна были Кетиль Боец, Гуннлауг и Халльстейн. Торбьёрн был муж видный и с людьми меньше себя обходился круто.

В ту пору на Чаечном Склоне жили Гейррид дочь Торольва Скрюченная Нога и ее сын Торарин Черный. Он был велик ростом, силен, безобразен и молчалив, в повседневной жизни спокоен и тих; его называли примирителем. Торарин не был богат, но успешно держал хутор. Это был человек непритязательный до такой степени, что враги говорили, будто у него скорее нрав бабы, чем мужчины. Он был женат, и жена его звалась Ауд. На Гудню, сестре Торарина, был женат Вермунд Тощий.

На хуторе Холм поодаль от Чаечного Склона жила вдова по имени Катла; это была красивая женщина, но в народе ее не любили. Сына Катлы звали Одд; он был высок и силен, болтлив и любитель пошуметь, склонен к клевете и зловреден.

Гуннлауг сын Торарина Толстого, был любознателен; он часто бывал на Чаечном Склоне и перенимал знания у Гейррид дочери Торольва, ибо ей было ведомо многое. Однажды днем, когда Гуннлауг шел к Чаечному Склону, ему случилось зайти на Холм, и он разговорился с Катлой, а она спросила его, правда ли, что он снова собрался на Чаечный Склон, чтобы трепать старухе живот?

Гуннлауг сказал, что занятие его состоит вовсе не в этом, —

— к тому же, ты, Катла, столь молода, что тебе негоже попрекать Гейррид старостью.

Катла отвечает:

— Я и не думала, что это похоже на правду, но это ничего не меняет, — говорит она, — для вас, видно, нет никаких женщин кроме одной Гейррид, хотя многие другие женщины умеют кое-что из того же, что и она.

Одд сын Катлы часто ходил вместе с Гуннлаугом на Чаечный Склон; и поскольку они возвращались поздним вечером, Катла не раз предлагала Гуннлаугу ночевать у нее, но он всегда шел домой.

XVI

Однажды в начале зимы того самого года, когда Снорри переехал на хутор на Святой Горе, случилось так, что Гуннлауг сын Торбьёрна отправился на Чаечный Склон вместе с Оддом сыном Катлы. Гуннлауг и Гейррид долго беседовали днем; когда уже сильно смеркалось, Гейррид сказала Гуннлаугу:

— Я бы не хотела, чтобы ты этим вечером шел домой, ибо множество духов реет над морем; нередко бывает, что за красивой личиной кроется нечисть. А вид у тебя сейчас, как я вижу, не самый удачливый.

Гуннлауг отвечает:

— Вреда мне не будет, — говорит он, — ведь идем мы вдвоем.

Она говорит:

— От Одда тебе прока не будет. А за упрямство поплатишься сам.

Затем Гуннлауг с Оддом вышли из дома и шли до тех пор, пока не подошли к Холму. Катла к тому времени уже легла в постель; она велела Одду пригласить Гуннлауга остаться на ночь. Тот сказал, что это уже делал, —

— но он хочет идти домой, — говорит он.

— Пускай тогда идет, как задумал, — говорит она.

Гуннлауг вечером не вернулся домой; заговорили о том, что надо бы выйти на поиски, но до дела не дошло. Ночью, когда Торбьёрн выглянул наружу, он нашел своего сына Гуннлауга лежащим перед дверьми; он был не в себе. Затем его внесли в дом и стащили с него одежду; плечи его были сплошь в крови, а мышцы ног сошли с кости. Всю зиму он пролежал в ранах, и о его болезни было множество пересудов[38]. Одд сын Катлы пустил слух, что это, должно быть, Гейррид заездила Гуннлауга; он рассказал, что в тот вечер они расстались в ссоре, и большинство людей верило, что все так и было.

Весной, когда пришло время вчинять иск, Торбьёрн выехал к Чаечному Склону и вызвал Гейррид на тинг за то, что она ведьма и ночами рыщет по округе и навлекла беду на Гуннлауга[39]. Тяжба была передана на Тинг Мыса

Тора, и Снорри Годи поддержал своего зятя Торбьёрна, а Аркнель Годи защищал свою сестру Гейррид. Тяжбу должен был разрешить суд двенадцати[40], но ни Снорри, ни Арнкель не могли решать тяжбу сами из-за родства с истцом и ответчиком[41]. Тогда был призван вынести приговор Хельги Капищный Годи, отец Бьёрна, отца Геста, отца скальда Рэва. Арнкель Годи подошел к месту суда и принес на жертвенном кольце клятву в том, что Гейррид не навлекала беду на Гуннлауга. С ним вместе поклялись Торарин и десять других людей[42]. После этого Хельги вынес оправдательный приговор, а иск Снорри и Торбьёрна утратил законную силу, что почета им не прибавило.

XVII

На том же тинге Торгрим сын Кьяллака и его сыновья враждовали с Иллуги Черным[43] из-за имущества и приданого жены Иллуги Ингибьёрг дочери Асбьёрна, которое хранилось у Оловянного Форни[44]. Во время тинга была сильная буря, поэтому никто с Побережья Средней Горы не смог явиться к началу тинга; из-за этого Торгрим не мог развернуться во всю свою мощь, ведь родичи его не подъехали. У Иллуги было сто человек, все как на подбор, и он успешно продвигал свои тяжбы в суде. Кьяллеклинги подошли к месту суда и попытались разогнать судей; образовалась сильная давка, но все же их развели. Кончилось тем, что Оловянный Форни выплатил Иллуги деньги по его требованию. Скальд Одд так говорит об этом в Драпе об Иллуги[45]:

№ 1

Запад вздыблен тяжбой
Мыса Тора — спóро
Посох песни шлема
Притязал на злато.
Крачки распрь кормилец,
Наконец, казною
Форни враз разжился —
Лад возник негладко[46].

После этого буря стихла, и северные Кьяллеклинги прибыли на тинг. Тогда Торгрим сын Кьяллака не захотел долее придерживаться мировой и напал на Иллуги; началась битва. Снорри Годи созвал к себе людей, и им вместе удалось заключить перемирие. Там пало трое людей в войске Кьяллеклингов и четверо в войске Иллуги; двоих из них убил Стюр сын Торгрима. Одд в Драпе об Иллуги говорит так:

№ 2

Гридь не чла поруку:
Искромсал троих там
Кромки ран смутьянов
Клен каленой льдины,
До того, как Снорри,
Сват Жены Кромешной,
Не пресек той сечи,
Власть вождей прославив[47].

Иллуги поблагодарил Снорри за помощь и предложил ему деньги, но тот сказал, что не хочет принимать награды в первый раз, когда он помог людям. Тогда Иллуги пригласил Снорри к себе, и на это Снорри согласился. Иллуги сделал ему хорошие подарки, и они со Снорри какое-то время были друзьями.

XVIII

В то же лето умер Торгрим сын Кьяллака, и его сын Вермунд Тощий сел на хуторе в Заводи Бьёрна. Он был человек умный, гораздый на добрые советы. Стюр тогда уже переселился к подножию Лавовой Пустоши южнее Заводи Бьёрна. Он был человек умный и жесткий. Женат он был на Торбьёрг, дочери Торстейна Волнореза. Сыновья их звались Торстейн и Халль, а дочь — Асдис, девушка не промах, но довольно надменного нрава. Стюр самовластно правил в своей округе и держал при себе много народа; у него всегда было вдоволь врагов, так как он совершал много убийств, но ни за кого не платил виры.

Тем летом к Устью Соленых Песков подошел корабль; половина его принадлежала норвежцам, а кормчего звали Бьёрн; он отправился зимовать на Песчаный Берег к Стейнтору. Другая половина корабля принадлежала жителям Южных Островов, и их кормчего звали Альвгейр; он отправился зимовать на Чаечный Склон к Торарину Черному. С ним вместе поехал его спутник по имени Нагли, человек проворный и рослый; он был родом шотландец.

У Торарина в горах был добрый боевой конь; у Торбьёрна Толстого тоже было немало лошадей в табуне, что пасся на горном пастбище; осенью он забивал некоторых из них на мясо. Той осенью случилось такое событие, что лошади Торбьёрна пропали; их искали повсюду, но не нашли. А осень между тем выдалась довольно суровой. В начале зимы Торбьёрн послал Одда сына Катлы на юг к окрестностям Лавовой Пустоши. Там жил человек по имени Гильс Ведун; он был провидец и ведовством мог распутывать кражи и прочие дела, в которых желал разобраться. Одд спрашивает, украли ли лошадей Торбьёрна иноземцы, или же люди из другой округи, или же свои соседи.

Гильс Ведун отвечает:

— Скажи Торбьёрну в точности так, как я говорю тебе. Я думаю, что лошади его недалеко отошли от своих пастбищ. А людей назвать здесь по именам трудно. И лучше лишиться имущества, чем вызвать большую беду.

Но когда Одд приехал к Вещей Реке, они с Торбьёрном расценили слова Гильса Ведуна так, что тот обиняком указал на Людей с Чаечного Склона. Еще Одд сказал, будто Гильс назвал самыми вероятными виновниками тех, кто, будучи беден, взял себе больше новых домочадцев, чем им нужно. Торбьёрн уверился, что эти слова обличают Людей с Чаечного Склона. После этого Торарин выехал из дома сам двенадцатый. Его сын Халльстейн выехал вместе с ним; Кетиля Бойца, другого сына Торбьёрна, тогда в стране не было. С ними также выехал Торир, сын Эрна с Пригорка Эрна, сосед Торбьёрна и муж доблестный. Был в их числе и Одд сын Катлы. А когда они приехали на Холм к Катле, она надела на своего сына Одда только что сшитый ею темно-коричневый плащ. Затем они отправились на Чаечный Склон. Торарин и его домочадцы стали перед дверьми снаружи, как только увидели подъезжающих. Они приветствовали Торбьёрна и справились о новостях:

Затем Торбьёрн сказал:

— Нас к тебе привело такое дело, Торарин, — сказал он, — что мы ищем наших лошадей, которые были украдены осенью; мы намерены добиваться от вас, чтоб здесь устроили обыск.

Торарин отвечает:

— Проводится ли этот обыск по законному праву, и запаслись ли вы правомочными понятыми?[48] Предоставите ли нам неприкосновенность и обысканы ли уже другие места?

Торбьёрн отвечает:

— Мы не считаем, что есть смысл искать дальше.

Торарин отвечает:

— Тогда мы наотрез вам откажем, раз вы намерены обыскивать нас незаконно и вне установленной череды.

Торбьёрн отвечает:

— Тогда мы сочтем за правду, что ты сам изобличил себя, раз не хочешь подвергнуться обыску и снять с себя подозрение.

— Делайте, как вам вздумается, — говорит Торарин.

После этого Торбьёрн начал суд у дверей[49] и назвал судьями шесть человек[50]. Затем Торбьёрн возбудил против Торарина иск о краже лошадей. В этот миг в дверях показалась Гейррид. Увидев, что происходит, она сказала:

— Вдвойне верно то, что говорят про тебя, Торарин: у тебя нрав бабы, а не мужчины, раз ты готов терпеть любой срам от Торбьёрна Толстого. И я не знаю, откуда у меня такой сын.

Тогда кормчий Альвгейр сказал:

— Мы все готовы положить ради тебя свои силы, что бы ты ни предпринял.

Торарин отвечает:

— Что-то мне надоело стоять здесь на месте.

После этого Торарин со своими людьми — а всего их было семеро — выбегает и хочет разогнать судей. Тут же начинается битва; Торарин убил работника Торбьёрна, а Альвгейр другого, при этом пал также один работник Торарина. Одда сына Катлы оружие не брало. Ауд, хозяйка дома, велела женщинам разнять их, и они набросили одежду на их оружие. После этого Торарин со своими людьми зашел внутрь, а Торбьёрн со своими уехал прочь, передав перед этим тяжбу на Тинг Мыса Тора. Они ехали по побережью залива и остановились перевязать раны у амбара, который зовется Ригой[51].

На выгоне перед Чаечным Склоном там, где они бились, нашлась рука. Ее показали Торарину, и он увидел, что это рука женщины. Он спросил, где Ауд. Ему сказали, что она слегла в постель. Тогда он подошел к ней и спросил, не ранена ли она. Ауд просила его об этом не беспокоиться, но он убедился, что ей отрубили руку. Затем он вызвал свою мать и просил ее перевязать рану Ауд. После этого Торарин и его товарищи вышли и побежали вслед за людьми Торбьёрна. На подходе к амбару они услышали, как те переговариваются.

Халльстейн взял слово и сказал:

— Сегодня Торарин отвел от себя обвинение в трусости.

— Он и впрямь сражался отважно, — говорит Торбъёрн, — но многие из тех, кто не слишком смел в обычной жизни, становятся смелыми, когда их прижимают.

Одд отвечает:

— Торарин, должно быть, доблестный муж, но то, что с ним приключилось сегодня, сочтут незадачей, ведь он сам отрубил руку своей жене.

— Это правда? — говорит Торбьёрн.

— Ясно как день, — говорит Одд.

Тут они повскакивали со своих мест и стали глумиться и смеяться.

В этот миг подоспели люди Торарина. Нагли оказался из них самым проворным, но едва он увидел, как враги хватают оружие, его объял ужас; он поворотился и в умопомрачении побежал в гору[52].

Торарин подскочил к Торбьёрну, ударил того сверху мечом в голову и разрубил ее до зубов. После этого на Торарина напал Торир сын Эрна с двумя людьми. Халльстейн, и с ним другой человек, напали на Альвгейра. Одд сын Катлы и еще один человек обратились против спутника Альвгейра. Трое спутников Торбъёрна напали на двоих людей Торарина, и бой был жестоким. Схватки их кончились тем, что Торарин отрубил Ториру ногу в том месте, где икра всего толще, а обоих его спутников убил. Халльстейн пал от руки Альвгейра, получив опасную для жизни рану. А когда Торарин освободился, Одд

сын Катлы бежал сам-третей; он не был ранен, ибо оружие его плащ не брало. Все остальные их спутники остались лежать на поле боя. Погибли также оба работника Торарина.

Торарин и его люди сели на лошадей Торбьёрна и поехали к дому; тут они увидели, как дальше по склону бежит Нагли. Когда они ступили на выгон, то увидели, что Нагли уже миновал двор и был на пути к Выпасной Скале. Там ему повстречались два раба Торарина, выгонявших со скалы скот. Он поведал им о встрече Торарина с Торбьёрном и о разнице в числе между ними и сказал, что Торарин и его люди наверняка уже мертвы. И в этот миг они видят, как по полю к ним едут всадники. Тут Торарин и его люди прибавили ходу, потому что они хотели спасти Нагли, дабы он не бросился в море или не забрался высоко в горы. Но когда Нагли и рабы увидели, что на них во весь опор скачут всадники, они решили, что перед ними Торбьёрн. Все трое бросились обратно на скалу и добежали до того места, которое ныне зовется Сходом Рабов. Там спутникам Торарина удалось-таки схватить Нагли, ибо тот в конец обессилел от усталости, но рабы добежали до края скалы, бросились вниз и погибли, чего следовало ожидать, ибо скала эта столь высока, что каждый, кто сорвется с нее, обречен на верную смерть.

После этого Торарин и его люди поехали к дому, и Гейррид стояла в дверях. Она спрашивает, как обернулось дело:

Тут Торарин сказал вису:

№ 3

Опроверг я, — *изверг*
Вершей бить решился, —
Крал с кормов нескрытых
Кречет, — бабьи речи.
Тишь не внес я в *посвист*
Бестий там на месте, —
Слов не лью *бахвалам*,
Часто, — *бога лести*[53].

Гейррид спрашивает:

— Можете ли поведать об убийстве Торбьёрна?

Торарин сказал:

№ 4

Меч башку под шапкой
Смог сыскать, двуострый, —
Трупов ток струился,
Наземь с *Моди меда*.

Кровь лилась, но *кровли*
Боя враг подкрался, —
Ухнул *тяжб глашатай*,
Тяжкий, возле уха[54].

— Значит, подначка подействовала, — сказала Гейррид, — заходите в дом и перевязывайте свои раны.

Те так и сделали.

Теперь следует рассказать об Одде сыне Катлы: он шел, покуда не пришел к Вещей Реке; там он рассказал о случившемся. Тогда Турид, хозяйка дома, велела созвать народ и отправиться за трупами, а раненых привезти домой. Торбьёрна положили в курган, а Халльстейн, его сын, исцелился. Торир с Пригорка Эрна тоже исцелился, и с тех пор ходил с деревянной ногой. Поэтому его прозвали Торир Деревянная Нога. Он был женат на Торгриме Колдовская Щека, а сыновья их звались Эрн и Вал, оба мужи крепкие.

XIX

Торарин остался ночевать на Чаечном Склоне. Наутро Ауд спрашивает Торарина, что он намерен предпринять.

— Выселять мы тебя не хотим, — говорит она, — но боюсь я, что этой зимой тут учинят не один суд у дверей, ибо я знаю, что Снорри Годи будет неотступно вести тяжбу об убийстве своего зятя Торбьёрна.

Тогда Торарин произнес вису:

№ 5

Грабежа в законе
Знатный *зачинатель*
Превозмочь не должен, —
Есть зимой защита,
Коль *издольщик поля*
Щедрый, *павших аса*,
Нас поддержит, Вермунд, —
Сыть сыча не сякнет![55]

Гейррид сказала:

— Разумней всего искать помощи у такой родни, как Вермунд или мой брат Арнкель.

Торарин отвечает:

— Скорее всего, прежде чем это дело закончится, придется прибегнуть к обоим. Но сперва попытаемся заручиться поддержкой Вермунда.

В тот же день, все, кто участвовал в побоище, поехали через фьорды и под вечер прибыли в Заводь Бьёрна. Они зашли, когда люди уже сидели за столом.

Вермунд приветствует их и тотчас освобождает для Торарина с товарищами почетное сиденье. После того, как они уселись, Вермунд справился о новостях.

Торарин произнес вису:

№ 6

Надлежит отряду, —
Внемлет люд — про лютость
Асов пляски дротов
Доложить открыто:
Перли не по праву
Крепи стрел стропила, —
Хрунд рычаг обручья
Опускался всуе[56].

— О чем это ты сейчас говоришь, шурин? — спрашивает Вермунд.

Торарин произнес вису:

№ 7

Ньёрды жерди, жизни
Положив, жилище
Осаждали, — *жало*
Троп ремня пронзало.
Трутней строя Триди
Истребил я быстро:
Милость стрел продлить мне
Было не под силу[57].

Гудню, его сестра, остановилась посреди помещения и сказала:

— Получается, что ты все-таки отвел от себя их хулу?

Торарин произнес вису:

№ 8

Ринд лавин отринуть
Нам пришлось упреки, —
Вестник язв вращался,
Вился вран над трупом.
Лемех в шлем, на сломе,
Вдарил, *хлопцу отчю*;
Из свища со свистом
Щелочь ран хлестала[58].

Вермунд сказал:

— Сдается мне, что вы рановато с ними сцепились.

Торарин произнес вису:

№ 9

Дев распев зловещий
Веча Гевн увечья
Зазвучал, и щит мой
Отозвался в сече.
Обагрился *обод*
Дров обручья Фроди;
Гьёлль-река из брега
Изливалась в поле[59].

Вермунд сказал:

— Похоже, теперь они знают, мужчина ты или женщина.

Торарин произнес вису:

№ 10

Отомстил вполне я
За молву срамную:
Всадник волн не сдюжил
В тяжбе с *Моди борта*.
Что бы там *избранник*
Рыб брони, подруге,
Ни брехал, — но коршун
Брашно брал на трупах![60]

После этого Торарин рассказывает новости:

Затем Вермунд сказал:

— А зачем ты побежал за ними вдогонку: неужто тебе было мало того, что произошло в первый раз?

Торарин произнес вису:

№ 11

Молний Хрофта, — молвят —
Прожигатель! — прежде
Бил у Лба я вволю, —
Волчий толк мне тошен.
Извращенцы вервий
Битвы врать горазды, —
Сам лишил-де — брешут ! —
Длани *Хлин подола*[61].

— Вполне понятно, — говорит Вермунд, — что ты не усидел на месте. А как, по-твоему, проявили себя иноземцы?

Торарин произнес вису:

№ 12

Нагли — *гагу нави*
Баловал едва ли:
Страж ларца от страха
В гору задал деру.
Шел, покрыт шеломом,
В *ворожбе оружья*, —
Огнь сражения жатву
Пожирал — Альвгейр[62].

— Выходит, Нагли не слишком помог тебе? — сказал Вермунд.

Торарин произнес вису:

№ 13

С плачем — *перепутье*
Копий трус покинул:
Мир обресть навряд ли
В *дебрях* мог *забрала*.
Понукатель клячи
И *мастак запястья*
Чуть в пучину с кручи
Скал не прыгнул, жалкий[63].

А после того, как Торарин провел в Заводи Бьёрна одну ночь, Вермунд сказал ему:

— Наверное, тебе покажется, что я поступаю не слишком великодушно и плохо помогаю тебе, но у меня недостаточно сил, чтобы держать тебя у себя, не ставя других людей под удар. Сегодня мы вместе поедем на Жилой Двор к твоему родичу Арнкелю и узнаем, чем он готов помочь нам. А Снорри Годи, сдается мне, будет рьяно преследовать вас.

— Вам решать, — говорит Торарин.

Когда они выехали на тропу, Торарин произнес вису:

№ 14

Мир до умервщленья
Мота клада, — *Лада*
Благ! — и радость пира,
Помним мы да Вермунд.
Нынче, чую, — *Нанна*
Льна! — бежать нам доле, —
Дождь краев червленых
Мне не люб — от *буя*[64].

Эти слова он сказал, имея в виду Снорри Годи. Вермунд и Торарин прибыли на Жилой Двор, и Арнкель приветствовал их и справился о новостях.

Торарин произнес вису:

№ 15

Трудно на подворье
На *пургу бирючью*, —
Мор потравы врана
Жег народ — решиться;
Где на сходке — *липа*
Жалит *блеск отвеса*,
И булат буравит
Бок *святыни Хёгни*[65].

Арнкель спрашивает, как в точности произошли те события, о которых сказал Торарин. Когда тот поведал, как все было, Арнкель сказал:

— Разъярился ты, родич, а ведь ты человек очень мирный.

Торарин произнес вису:

№ 16

Мыса птиц питомцы
Незлобивым звали, —
Но не сбавил буйства
Я в *забаве бури*.
Часто *гость ненастья*
Из тиши приходит:
Впредь *земля заклада*
Будет знать про это[66].

— Все может быть, — говорит Арнкель, — и я хочу предложить тебе, родич Торарин, побыть у меня, пока это дело чем-нибудь не закончится. Однако, хотя я взялся отстаивать тяжбу Торарина, я бы хотел сказать тебе, Вермунд, чтобы ты не устранялся совсем, несмотря на то, что Торарин будет жить у меня.

— Мне, конечно, положено помогать Торарину, чем я могу, — говорит Вермунд, — хотя главным его заступником будешь ты.

Тогда Арнкель сказал:

— Мой совет остерегаться Снорри Годи и сидеть эту зиму на нашем дворе всем сообща.

Так они и поступили, и Арнкель держал зимой на хуторе много народа. Вермунд жил попеременно либо в Заводи Бьёрна, либо у Арнкеля. Торарин вел себя в соответствии со своим нравом и подолгу молчал. Арнкель любил домашний уют и был большой весельчак: ему не нравилось, когда другие не веселились с ним вместе, и он часто выговаривал Торарину, что тот должен быть безмятежен и бодр, — он-де слышал, будто вдова с Вещей Реки стойко переносит свое горе, и ей покажется смехотворным, что вы держитесь не так хорошо, как она.

Торарин произнес вису:

№ 17

Не к лицу вприпрыжку
Днесь нестись вдовице,
С пьяных глаз — коль гложет
Остов тел обжора.
Не лелею распрю
Я, но *ястреб язвы*
Чтит *игру мученья*,
Злобу мужа множа[67].

На это один из домочадцев Арнкеля ответил:

— Пока не пришла весна и люди не разъехались по домам с тинга на Мысе Тора, не будь так самонадеян.

Торарин произнес вису:

№ 18

Оборонцам — кару
Люд пророчит в споре,
Коль защиты мощной
До суда не сыщем;
Соблюдает Арнкель
Клятвы наши свято, —
Верю *бережливцу*
Звона струн забрала[68].

XX

Гейррид, хозяйка хутора на Чаечном Склоне, послала на Жилой Двор сообщить, что ей стало доподлинно известно, что руку Ауд отрубил Одд сын Катлы: она выведала это у самой Ауд. Кроме того, Одд, по словам Гейррид, похвалялся этим перед своими друзьями. Когда Торарин и Арнкель услыхали об этом, они выехали с десятью спутниками на Чаечный Склон и провели там ночь. Наутро они выехали к Холму, и на хуторе увидели, как они скачут. Дома никого из мужчин, кроме Одда, не было. Катла сидела на поперечной скамье и мотала пряжу. Она велела Одду сесть рядом, —

— Не беспокойся и сиди тихо.

Она велела женщинам оставаться на своих местах, —

— А я буду отвечать за нас всех.

Прибыв на место, Арнкель и его люди тут же вошли в дом. Когда они зашли в покои, Катла приветствовала Арнкеля и спросила о новостях. Арнкель ответил, что рассказывать нечего; он спрашивает, где Одд. Катла сказала, что он уехал на юг к Широкому Заливу, —

— и он бы не стал избегать встречи с тобой, если бы был дома, потому что мы верим в твое благородство.

— Все может быть, — говорит Арнкель, — однако мы хотим обыскать здесь жилище.

— Это как вам угодно, — говорит Катла и велит кухарке посветить им и открыть ради них чулан, — других запертых помещений здесь у нас нет.

Они видели, что Катла мотает пряжу с челнока. Вот они обыскивают помещение, не находят Одда и после этого уезжают прочь. Не успели они далеко отъехать от ограды, как Арнкель остановился и сказал:

— Неужто Катле удалось заморочить нам голову? Ведь Одд, ее сын, был на хуторе — там, где нам казалось, будто мы видим прялку.

— На это она вполне способна, — говорит Торарин, — и мы поедем обратно.

Когда на Холме увидели, что они возвращаются, Катла сказала женщинам:

— Оставайтесь на своих местах, а мы с Оддом пройдем в сени.

А когда Катла с Оддом вышли в сени, она стала напротив входной двери и принялась расчесывать своего сына Одда и обрезать ему волосы. Арнкель и его люди ворвались в дом и увидели, что Катла стоит и играет со своим козлом, подравнивает ему бороду и хохол и вычесывает лохмы. Они прошли дальше, но Одда нигде не обнаружили; прялка Катлы лежала на скамье, и они уверились, что Оддом там и не пахло. Затем они вышли во двор и уехали прочь. Но когда они проехали примерно до того места, что в первый раз, Арнкель сказал:

— Не кажется ли вам, что Одд скрывался под личиной козла?

— Точно уже не узнаешь, — говорит Торарин, — но если мы снова повернем обратно, то сможем схватить Катлу за руку.

— Попытаем счастья еще раз, — говорит Арнкель, — и посмотрим на их занятия.

И они снова поворачивают обратно. Когда на хуторе заметили, как они едут, Катла велела Одду идти с ней. Они вышли во двор и подошли к куче золы; тогда Катла велела Одду лечь под кучей, —

— и оставайся на месте, чтобы вокруг не происходило.

Когда Арнкель и его люди прибыли на хутор, они сразу ворвались в покои; Катла сидела на скамье и пряла. Она приветствует их и говорит, что они сделались тут частыми гостями. Арнкель отвечал, что так и есть. Его спутники взяли прялку и разрубили на куски.

Тут Катла сказала:

— Теперь уже нельзя будет сказать вечером, что вы напрасно съездили сюда на Холм, раз вы порубили прялку.

Затем Арнкель и его люди пошли искать Одда в доме и на дворе и не увидели ничего живого, кроме одного ручного борова, который пасся у Катлы на

выгоне и лежал возле кучи золы. После этого они уехали прочь. Когда они прошли полпути к Чаечному Склону, то увидали Гейррид, выехавшую навстречу с одним работником. Она спросила, как прошла их поездка, и Торарин рассказал ей. Она отвечала, что они искали Одда спустя рукава, —

— и я хочу, чтобы еще раз повернули обратно. Я поеду вместе с вами, и Катле вряд ли снова удастся проскочить под парусом из лопуха.

Затем они повернули обратно. На Гейррид была синяя накидка. И когда их заприметили на Холме, Катле доложили, что едет четырнадцать человек, и один из них в крашеной одежде.

Тогда Катла сказала:

— Не иначе как сюда явилась троллиха Гейррид, и одними заморочками спастись теперь не удастся.

Затем она поднялась с поперечной скамьи и убрала подушку, на которой сидела; под скамьей была створка, ведущая в подпол. Она велела Одду спускаться туда, а сама, как и прежде, уселась сверху, сказав, что у нее тревожное предчувствие.

На сей раз, когда те вошли в покои, приветствий не было. Гейррид сбросила с себя накидку, подошла к Катле с мешком из шкуры тюленя, который она привезла из дома, и накинула его Катле на голову. После этого они связали ей ноги. Затем Гейррид велела сломать скамью; Одда обнаружили и тут же связали. После этого Катлу с Оддом отвезли на Выпасную Скалу, и Одд был там повешен. Когда он уже ступил на виселицу, Арнкель сказал ему:

— Злой конец настиг тебя по вине твоей матери, и, похоже, мать тебе досталась дурная.

Катла сказала:

— Может и правда, что мать у него нехорошая, но дурно кончил он вовсе не потому, что я этого хотела. Будь моя воля, все бы из вас кончили дурно, и я надеюсь, что так и будет. Теперь уже нет нужды скрывать, что именно я навлекла болезнь на Гуннлауга сына Торбьёрна, с которой начались все эти беды. А ты, Арнкель, — говорит она, — не сможешь кончить дурно из-за твоей матери, потому что ее уже нет в живых. Но я бы хотела, чтобы мое заклятье подействовало, и ты бы кончил настолько же хуже из-за твоего отца, чем Одд — из-за меня, насколько большим ты рискуешь, чем Одд. И я надеюсь, что под конец тебе еще придется услышать, что отец тебе достался дурной.

После этого они забили Катлу камнями до смерти у подножия Скалы. Затем они отправились обратно на Чаечный Склон и заночевали там, а наутро выехали к себе домой.

Все эти новости стали известны, и никто не выразил сожаления. Так проходит зима.

XXI

Следующей весной Арнкель однажды подозвал к себе для беседы своего родича Торарина, Вермунда и Альвгейра и спросил, какой именно дружеской помощи они ждут от него: хотят ли они ехать на тинг, —

— и искать помощи у всех наших друзей, — говорит он, — и тогда может случиться одно из двух: не исключено, что будет заключена мировая, и тогда вам придется пойти на большие траты, чтобы выплатить виру за всех людей, которые погибли или получили раны. Но не исключено также, что во время поездки на тинг случится нечто такое, что усугубит ваши трудности, если пытаться действовать силой. Есть и другой выход, — сказал он, — положить все свои старания на то, чтобы вывезти вас из страны вместе с вашим добром, а земли, которые еще не проданы, бросить на произвол судьбы.

Альвгейру больше всего по душе было второе. Торарин тоже сказал, что не видит возможности платить виру по всем тяжбам, возбужденным против него в этом деле. Вермунд отвечал, что не расстанется с Торарином ни в каком случае: он готов сопровождать его в плавание, если тот захочет уехать, или же поддержать его в распрях, если тот захочет остаться в стране. Тогда Торарин сделал свой выбор и попросил Арнкеля снарядить их в поездку. После этого был послан гонец на Песчаный Берег к Бьёрну Корабельщику, чтобы тот, не покладая рук, готовил их корабль к отплытию в кратчайшие сроки.

XXII

Теперь следует рассказать о Снорри Годи, что он принял на себя тяжбу об убийстве своего зятя Торбьёрна. Он также велел своей сестре Турид переехать к нему на Святую Гору, так как уже прошел слух, что Бьёрн сын Асбранда с Гребня повадился ходить к ней портить ее.

Снорри раскусил весь замысел Арнкеля и понял, что они не будут платить виры за совершенные убийства, как только узнал о том, что корабль снаряжают к отплытию; к тому же, никто с их стороны не предлагал мировой. Тем не менее, до того дня, когда пришло время вызывать на тинг, все было спокойно. В положенный срок Снорри собирает народ у себя и выезжает в Лебяжий Фьорд с восемью десятками людей. В те времена по закону требовалось вызывать виновных в убийстве либо так, что те могли это слышать, либо по месту их жительства; напротив, вызывать соседей до начала тинга не полагалось[69].

Когда на Жилом Дворе увидели, что едет Снорри, заговорили о том, что на них, не мешкая, нужно напасть и прогнать с побоями; на хуторе было много народа.

Арнкель говорит, что этого ни в коем случае нельзя допустить, —

— Надо позволить Снорри действовать по закону, — говорит Арнкель: — а поступить, как советовали, он готов лишь при крайней необходимости.

Поэтому, когда Снорри прибыл на Жилой Двор, обошлось без взаимных нападок. Затем Снорри вызвал на Тинг Мыса Тора Торарина и всех, кто участвовал в побоище. Арнкель выслушал это спокойно. После этого Снорри и его люди уехали прочь и направились к Ульваровой Горе.

Когда те уехали, Торарин сказал вису:

№ 19

Вор гонца огнива
Градин гада, рад бы
Обобрать в правах нас,
Полк набрав с избытком, —
Либо *правдолюбы*
Солнца кровли Тротта
Нас засудят скопом, —
Боги нам подмога![70]

Снорри Годи ехал горным путем по кряжу сперва к Кустарниковой Реке, а затем к Убойному Склону; наутро он миновал Свиное Озеро, подошел к Лавовому Фьорду, и оттуда поехал к Троллеву Кряжу обычной дорогой и не делал привала, покуда не достиг Устья Соленых Песков. Прибыв туда, они разделились: одни схватили норвежцев, а другие сожгли корабль. Совершив это, Снорри и его люди поехали домой.

Арнкель узнает, что Снорри сжег корабль. Тогда Арнкель, Вермунд, Торарин и несколько людей с ними сели в лодку и пошли на веслах к другому берегу фьорда к Мысу Завтрака. Там на берегу стоял корабль, принадлежавший норвежцам; Арнкель с Вермундом купили его, и Арнкель подарил половину корабля Торарину, а Вермунд начал загружать свою половину. Они отвели корабль к островку Димун[71] и подготовили его к плаванию. Арнкель находился при них, пока они не были полностью готовы, а после этого ехал вместе с ними до Ладейного Острова; там они расстались как добрые друзья. Торарин с Вермундом вышли в море, а Арнкель отправился назад к своему хутору. Помощь, которую он им оказал, все называли выдающейся.

Снорри Годи выехал на Тинг Мыса Тора и провел свои тяжбы по суду; на этом тинге Торарина и всех тех, кто участвовал с ним в побоище, объявили вне закона. А после тинга Снорри взыскал в свою пользу ту долю имущества осужденных, которая ему полагалась, и на этом тяжба закончилась.

XXIII

Вигфус сын Бьёрна сына Оттара жил на Убойном Склоне, о чем говорилось ранее. Его женой была Торгерд дочь Торбейнира. Вигфус был крепкий бонд

и человек неуступчивый. На него работал сын его сестры, по имени Бьёрн, человек неудачливый и на язык невоздержанный.

Осенью того года, когда закончилась тяжба Людей с Чаечного Склона, в горах нашлись лошади Торбьёрна Толстого; жеребец не удержал пастбища против коня Торарина, всех лошадей засыпало снегом, и их нашли мертвыми.

В то же лето на загон у Междуречья между Лососьей Долиной и Святой Горой выезжало много народа. Отправились туда и домочадцы Снорри Годи; во главе их был Мар сын Халльварда, дядя Снорри. Его пастуха звали Хельги. Бьёрн, родич Вигфуса, сидел на ограде загона с посохом в руке. Хельги выгонял овец. Бьёрн спросил, чьих овец он гонит; и когда присмотрелись, на овце оказалось клеймо Вигфуса.

Бьёрн сказал:

— По-ярыжному гонишь ты сегодня овец, Хельги.

Хельги отвечает:

— Вы рискуете гораздо большим, потому что сидите на чужом пастбище.

— Откуда тебе об этом знать, ворюга, — говорит Бьёрн, вскакивает и лупит его посохом, так что тот свалился без чувств.

Увидев это, Мар обнажил меч и ударил Бьёрна; удар пришелся в руку выше локтя, и это была большая рана. После этого к обеим сторонам сбежались люди, но их развели, и большего в тот раз не случилось.

Наутро Вигфус выехал на север к Святой Горе и потребовал виру за нанесенный урон, но Снорри сказал, что не видит разницы между двумя нападениями, которые случились на пастбище. Это очень не понравилось Вигфусу, и они расстались враждебней некуда. Следующей весной Вигфус возбудил тяжбу об увечье и вынес ее на Тинг Мыса Тора, а Снорри объявил Бьёрна не заслуживающим виры за то, что он нанес удар первым, и тяжба кончилась тем, что Бьёрну отказали в праве требовать виру, и он ничего не получил за свое увечье.

XXIV

На том же самом тинге Торгест Старый и сыновья Торда Ревуна вели против Эйрика Рыжего тяжбу об убийстве сыновей Торгеста, которые погибли предыдущей осенью во время похода Эйрика на Широкое Жилье за бревнами для настила, и тинг выдался крайне многолюдным[72]. Перед тингом обе стороны подолгу не распускали свои отряды. Во время тинга Эйрик подготовил корабль для морского плавания; он стоял в Эйриковом Заливе у Воловьего Острова. Эйрика поддерживали Торбьёрн сын Вивиля, Стюр Убийца, сыновья Торбранда из Лебяжьего Фьорда и Эйольв сын Эсы со Свиного Острова[73], однако из заступников Эйрика на тинге был один Стюр, который уводил от Торгеста всех, кого только мог. Стюр потребовал от Снорри, чтобы тот после

тинга не принимал участия в погоне за Эйриком в отряде родичей Торгеста. А Снорри выставил взамен условие, чтобы Стюр помог ему в следующий раз, даже если тут будет замешана его родня. И поскольку Стюр это пообещал, Снорри согласился не препятствовать замыслам Стюра в отношении Эйрика.

После тинга Торгест и его люди отправились на множестве кораблей обыскивать острова в Широком Фьорде, но Эйольв сын Эсы спрятал корабль Эйрика в заливе на островке Димун, а Стюр с Торбьёрном явились туда поддержать Эйрика. Эйольв и Стюр поступили по примеру Арнкеля и проводили Эйрика в море на своих судах до Ладейного Острова. В этой поездке Эйрик Рыжий открыл Гренландию; он провел там три года, а затем вернулся в Исландию и провел там одну зиму, прежде чем отправился обживать Гренландию. Было это четырнадцатью годами раньше того, как христианство было принято в Исландии по решению альтинга.

XXV

Теперь следует рассказать о Вермунде и Тораринe Черном, что их отнесло морем на север к Трандхеймскому Устью, и они пристали у побережья Трандхейма. В это время Норвегией правил ярл Хакон сын Сигурда, и Вермунд отправился к ярлу и сделался его дружинником. Торарин той же осенью отплыл в западные моря вместе с Альвгейром, и Вермунд отдал им свою часть корабля, и больше в этой саге Торарин упоминаться не будет.

Хакон ярл зимой сидел в Хладире. Вермунд был у него в милости, и ярл благоволил к нему, так как знал, сколь знатен род Вермунда в Исландии. При ярле находились два брата родом из Швеции, одного звали Халли, а другого Лейкнир. Они были настолько сильны и велики ростом, что в то время им не было равных в Норвегии, да и в других окрестных землях. Они были берсерки и в гневе теряли человеческий облик, бегали, как бешеные собаки, и не боялись ни огня, ни железа, но в повседневной жизни вели себя неплохо, если ничто их не раздражало; но едва на них находило, они принимались чудесить. Этих берсерков Хакону ярлу в свое время прислал Эйрик Победоносный, конунг шведов, предупредив, чтобы ярл держался с ними приветливо: он сказал, и это было правдой, что, если к берсеркам найти подход, они будут ярлу большим подспорьем.

Весной, после того как Вермунд провел у ярла одну зиму, ему захотелось в Исландию, и он стал просить у ярла разрешения отбыть. Ярл просил его ехать по своему усмотрению, а перед этим поразмыслить над тем, —

— нет ли в моей власти чего такого, что тебе особенно хотелось бы от меня получить, себе на пользу, а нам обоим — к чести и славе?

И когда Вермунд поразмыслил над тем, чего именно стоит добиваться у ярла, ему пришло в голову, что он мог бы высоко подняться в Исландии,

если б имел таких спутников, как двое берсерков, и в голове его крепко засела мысль просить выделить ему берсерков для сопровождения. А крылось за этим вот что: Вермунду казалось, будто Стюр, его брат, забрал себе чересчур много власти и помыкает им, как и большинством прочих людей, до которых дошли его руки. Он полагал, что Стюр поостережется с ним связываться, коли он раздобудет таких провожатых как братья Халли и Лейкнир. И вот Вермунд говорит ярлу, что тот уважит его на славу, коли даст ему двух берсерков — те были бы ему поддержкой и опорой.

Ярл отвечает:

— Ты просишь о вещи, которая, как мне сдается, окажется для тебя бесполезной, даже если я не откажу тебе. Думаю я, что в первый же раз, как вы между собой не поладите, ты на собственном опыте убедишься, что нрав берсерков слишком крут и тяжел для тебя. И хотя мне самому удавалось заставить их покорно нести службу, я думаю все же, что обуздать их или держать в страхе для большинства сыновей бондов — бремя непосильное.

Вермунд сказал, что, тем не менее, рискнет взять их, коли ярл захочет их ему вверить. Ярл просил Вермунда сперва выяснить у самих берсерков, хотят ли они за ним следовать. Тот так и сделал и предложил берсеркам отправиться с ним в Исландию, сопровождать и оберегать его; в обмен он обещал хорошо к ним относиться и выполнять просьбы, которые им кажутся важными и о которых они ему объявят. Берсерки отвечали, что никогда не держали в мыслях ехать в Исландию, ведь там, насколько они знают, нет таких хёвдингов, которым было бы прилично служить, —

— но раз ты, Вермунд, так сильно стремишься залучить нас к себе, заруби себе на носу, что мы не потерпим, если ты не пойдешь нам навстречу в том, что ты в силах исполнить.

Вермунд сказал, что до этого не дойдет. После этого он заручился согласием берсерков отправиться с ним в Исландию, коли ярл изволит дать на то свое разрешение. Теперь Вермунд излагает ярлу, как обстоит дело, и ярл постановил, чтобы берсерки выезжали в Исландию вместе с Вермундом, —

— коли ты видишь в том для себя наивысшую почесть, — но просил помнить, что, если Вермунд плохо поступит с берсерками, это будет расценено как самое враждебное действие, так как ярл поручил их его заботам.

Но Вермунд отвечал, что напоминать об этом излишне. Потом Вермунд с берсерками выехал в Исландию; ветер ему благоприятствовал, и он прибыл домой на свой хутор в Заводи Бьёрна. Это было в то самое лето, когда Эйрик Рыжий отправился в Гренландию, о чем было написано ранее.

Вскоре после того, как Вермунд вернулся домой, берсерк Халли заявил, чтобы Вермунд устроил ему почетную женитьбу, но Вермунд нигде не видел подходящей женщины, которая согласилась бы путаться с берсерком и жить

с ним под одной крышей, и Вермунд этот разговор замял[74]. Когда Халли это понял, то затаил злобу и стал вынашивать волчьи мысли, и все между ними пошло наперекосяк. Берсерки сделались резки и неласковы, и Вермунд начал раскаиваться, что принял их на свое попечение.

Осенью Вермунд устроил большое угощение и пригласил к себе Арнкеля Годи, жителей Песчаного Берега и своего брата Стюра. Когда угощение закончилось, Вермунд предложил Арнкелю принять берсерков в дар и уверял, что они ему лучше подходят, но Арнкель брать их не захотел. Тогда Вермунд просит у Арнкеля совета, как отвести от себя эту напасть, и Арнкель надоумил его подарить их Стюру, сказав, что держать берсерков больше всего пристало таким людям, как он, с его высокомерием и тягой к насилию.

Когда Стюр собрался в дорогу, Вермунд вышел его проводить и сказал так:

— Хотел бы я теперь, брат, чтоб мы с тобой оставили вражду, которая между нами была до прошлого лета, когда я выезжал из страны, и подкрепили свое родство доброй дружбой. Для этого я готов передать тебе двух людей, которых привез с собой из Норвегии, чтобы они следовали за тобой и защищали тебя. И мне трудно представить кого-либо, кто решится перечить тебе, если ты получишь таких провожатых, как эти.

Стюр отвечает:

— Я хорошо отношусь к тому, чтобы укрепить наше родство. Однако о тех людях, которых ты, родич, привез из Норвегии, я слышал только то, что они способны скорей создавать трудности, чем приносить удачу или успех. Поэтому я ни за что не хочу, чтоб они вступили в мое жилище: меня и без того слишком не любят в народе, чтобы я еще ввязывался в неприятности из-за них.

— Что же ты тогда посоветуешь, родич, — говорит Вермунд, — и как мне избавиться от этой напасти?

— А вот это уже другой разговор, — сказал Стюр, — вызволять тебя из беды — совсем не то же самое, что принимать этих людей от тебя в дар; такие дружеские подарки мне не нужны. Кто же еще по своему положению должен вызволять тебя из беды, как не я, если, конечно, мы смотрим на все одинаково?

Но какими бы оговорками Стюр не обставлял свое согласие, Вермунд предпочел, чтобы он забрал берсерков, и братья расстаются с большой теплотой. Затем Стюр отправился с берсерками домой. Сперва они были недовольны и говорили, что Вермунд не имел права продавать или дарить их, словно невольников, но потом объявили, что уж лучше служить Стюру, чем Вермунду. Первое время их отношения складывались гладко. Берсерки сопровождали Стюра в том походе, когда он выехал на Западные Фьорды убивать Торбьёрна Дышло из Фьорда Дышла. У того была крепкая спальня с засовом, сложенная из строевого леса, и берсерки разнесли ее одним махом, так что бревна разъехались в разные стороны. Однако смертельную рану Торбьёрну Дышло нанес сам Стюр.

XXVI

В ту самую осень, когда берсерки переехали к Стюру, случилось такое событие, что Вигфус с Убойного Склона отправился заготовлять уголь в то место, которое называется Прибрежные Хижины. С ним вместе отправилось трое его рабов; одного из них звали Сварт Сильный. Когда они вошли в лес, Вигфус сказал:

— Большое несчастье, Сварт, и ты, наверное, со мной согласишься, что столь сильный и мужественный с виду человек, как ты, принужден оставаться невольником.

— Конечно, это кажется мне большим горем, — говорит Сварт, — но изменить это не в моей власти.

Вигфус сказал:

— А что ты готов совершить ради того, чтоб я даровал тебе свободу?

— Деньгами мне свободы не выкупить, ведь их у меня нет, но то, что умею, ради этого положу без остатка.

Вигфус сказал:

— Ты отправишься к Святой Горе и убьешь Снорри Годи, и после этого точно обретешь свободу, а в придачу к ней отличные вещи, которые я тебе выделю.

— Это мне не удастся осуществить, — говорит Сварт.

— Я помогу тебе советом, — говорит Вигфус, — как сделать это без риска для жизни.

— Хочу об этом услышать, — говорит Сварт.

— Ты отправишься к Святой Горе и зайдешь на чердак, что сделан там над отхожим местом, и раздвинешь доски в полу настолько, чтобы можно было нанести удар пикой. И как только Снорри зайдет в отхожее место, ты сквозь доски поразишь его пикой с такой силой, чтобы острие показалось из живота. После этого беги по крыше к стене, прыгай вниз, и пусть ночная мгла будет тебе подмогой.

И вот, по этому совету Сварт отправился к Святой Горе, разодрал над отхожим местом крышу и залез на чердак; это было вечером, в ту пору, когда Снорри и его домочадцы сидели за ужином у огней. В те времена отхожие места были под одной крышей с жильем. Когда же Снорри и его люди окончили трапезу, они собрались в отхожее место; Снорри шел первым, и он успел проскочить дверь еще до того, как Сварт нанес свой удар. Следом за Снорри шел Мар сын Халльварда, и Сварт попал пикой в него. Удар пришелся в лопатку, острие скользнуло вбок и разодрало руку, но рана была небольшой. Сварт бросился на крышу и спрыгнул оттуда на стену; верхний булыжник был скользким, так что Сварт поскользнулся и со всего маху грянулся оземь, и

Снорри сумел схватить его раньше, чем тот встал на ноги. Тут ему пришлось выложить всю подноготную; он поведал все о своем уговоре с Вигфусом и рассказал, что тот жжет уголь возле Прибрежных Хижин. Затем рану Мара перевязали.

После этого Снорри, и всего семь человек, отправились на юг к Убойному Склону; на подходе к хутору они увидели, как полыхает костер там, где люди Вигфуса жгли уголь. Они подошли незамеченными и убили Вигфуса, а работникам его даровали пощаду. После этого Снорри отправился домой, а работники Вигфуса принесли эти вести на Убойный Склон. Позже, в тот же день, Вигфуса положили в курган.

В этот же самый день Торгерд, жена Вигфуса, выехала на Жилой Двор упрашивать своего родича Аркеля принять на себя ведение тяжбы об убийстве Вигфуса, но Арнкель за это дело не взялся, сказав, что продвигать его больше подобает Кьяллеклингам, родичам Вигфуса; тяжба эта, сказал он, по всем признакам отходит к Стюру, тем более что убитый был его родичем, — так что Стюру и полагается добиваться возмездия за убийство Вигфуса. А сам он, конечно, будет радеть об успехе.

Тормод сын Бахромы[75] сложил такую вису об убийстве Вигфуса:

№ 20

Сперва умервщлен
В шеломе златом
Вигфус был в поле
Дружиною Снорри.
С *наследника Бьёрна*
Позже задорно
Вóроны рвали
Мясо клоками[76].

XXVII

После этого Торгерд отправилась оттуда на запад к Лавовой Пустоши и просила Стюра принять тяжбу об убийстве его родича Вигфуса.

Стюр отвечает:

— Прошлой весной я обещал Снорри Годи за то, чтобы он не встревал в наши распри с людьми Торгеста, что я не буду враждебен ему в тех делах, что затрагивают меня наравне с прочей родней. Упрашивай теперь моего брата Вермунда или иных наших родичей, чтобы они приняли тяжбу.

После этого она поехала оттуда дальше к Заводи Бьёрна и попросила Вермунда возглавить тяжбу; она сказала, что ему это больше всех подобает, —

— ибо Вигфус из всех своих родичей больше всего доверял именно тебе.

Вермунд отвечает:

— Внести свой вклад тут я должен, но бежать в этой тяжбе впереди всей нашей родни и искать неприятностей на свою голову я не буду. Но я помогу тебе советом и сделаю со своей стороны все для успеха дела. Прежде всего, я хочу, чтоб ты отправилась к Песчаному Берегу и встретилась со Стейнтором, родичем Вигфуса. Он легок сейчас на подъем, и ему в самый раз испытать свои силы в подобных распрях.

Торгерд отвечает:

— Много заставляете вы меня претерпеть ради этой тяжбы. Но я не пожалею своих сил, если от этого дело продвинется.

Затем она отправилась оттуда еще дальше на запад к Песчаному Берегу, нашла Стейнтора и попросила его стать предводителем в тяжбе об убийстве Вигфуса.

Стейнтор отвечает:

— С какой стати ты просишь об этом меня? Я человек молодой и в чужие распри не ввязываюсь. Вдобавок те родичи Вигфуса, что приходятся убитому гораздо более близкой родней, не в пример заносчивей меня. И у меня нет никаких оснований брать эту тяжбу в обход их, хотя я, конечно, буду заодно с теми своими родичами, которые ее поведут.

И Торгерд не добилась там ничего, кроме этих слов.

После этого она поехала по побережью обратно к Вермунду и поведала, как обстоит дело. Она сказала, что тяжба пойдет прахом, если Вермунд не возглавит ее самолично.

Вермунд отвечает:

— Более вероятно все же, что тяжба эта завершится таким приговором, который тебя приободрит. Но мне придется дать тебе один еще совет, коли ты готова ему последовать.

Она отвечает:

— Я готова почти на все.

— Тогда отправляйся домой, — сказал Вермунд, — и вели выкопать из земли тело Вигфуса, твоего мужа. Затем возьми его голову, привези ее Арнкелю и скажи ему так: голова эта, мол, не колебалась бы взять на себя тяжбу в случае его смерти, если б это понадобилось.

Торгерд сказала, что не знает, как это приблизит ее к успеху, но совершенно ясно, что ее силы и честь беречь никто не намерен, —

— и все же я на это пойду, — говорит она, — коли от этого врагам моим станет хуже.

Затем она вернулась домой и поступила в точности так, как ее научили. Прибыв на Жилой Двор, она говорит Арнкелю, что родичи Вигфуса согласны, чтобы тяжбу об убийстве вел он, а они все окажут ему поддержку.

Арнкель отвечал, что уже говорил ей, что он на сей счет думает. Тогда Торгерд достала из под своей накидки голову Вигфуса и сказала:

— Вот голова, которая не стала бы уклоняться от мести за тебя, если б это понадобилось.

Арнкель изменился в лице, отпихнул от себя Торгерд и сказал:

— Ступай прочь, — говорит он, — и скажи родичам Вигфуса, чтобы они не прятались по углам при виде Снорри Годи, если я поведу тяжбу. Но есть у меня предчувствие, что, чем бы эта распря ни кончилась, они раньше меня дадут задний ход. Вижу я, что за твоими поступками стоят козни Вермунда, моего зятя, но больше подстрекать меня он не посмеет, где бы нам ни случилось встретиться.

Затем Торгерд отправилась домой; зима подошла к концу. А весной Арнкель возбудил тяжбы об убийстве Вигфуса против всех, кто при этом был, кроме Снорри Годи. Снорри же вынес на тинг тяжбы об умысле против своей жизни и об увечье, полученном Маром, и стал добиваться осуждения Вигфуса[77]. И те, и другие явились на Тинг Мыса Тора с большими отрядами; все Кьяллеклинги поддержали Арнкеля, и народу у них оказалось больше. Арнкель вел свои тяжбы на тинге с большим напором. Но когда тяжбы были переданы в суд, выступили посредники и предложили отозвать взаимные иски, чтобы при посредничестве добрых людей решить дело миром. Кончилось тем, что Снорри Годи под присягой поручился за своих людей и обязался выполнить мировую; после этого за убийство Вигфуса была определена очень крупная вира. Мар же должен был провести три года в изгнании. Снорри выплатил деньги сполна, и тинг завершился тем, что все тяжбы были улажены.

XXVIII

Вот какие события произошли вслед за этим: берсерки, как о том написано ранее, жили у Стюра. После того, как они провели там какое-то время, Халли повадился беседовать с Асдис, дочерью Стюра; она была девушка молодая и видная, своенравная и, при этом, довольно суровая.

Когда Стюр проведал об их беседах, он просил Халли прекратить унижать и срамить его, портя его дочку.

Халли отвечает:

— Никакого унижения в том, что я беседую с твоей дочерью, для тебя нет. И срамить тебя я вовсе не собирался. А коли объяснять тебе коротко, то у меня к ней такая любовная склонность, избавиться от которой выше моих сил. Теперь я хочу, — говорит Халли, — наладить с тобой прочную дружбу и прошу, чтобы ты выдал за меня твою дочь Асдис. А взамен я готов положить свою верность и дружбу и стать твоим провожатым; учти вдобавок мощь Лейкнира,

моего брата, и ты получишь такую охрану, какую никакие другие два человека в Исландии обеспечить не смогут. Поэтому-то наша поддержка укрепит твое положение хёвдинга гораздо больше, чем если б ты выдал дочку за самого главного бонда в Широком Фьорде. Все это с лихвой уравновесит то, что мы не можем похвастать богатством. А коли не пожелаешь это исполнить, то дружбе конец; тогда каждый из нас будет поступать по своему усмотрению, и все равно будет без толку запрещать нам с Асдис встречаться.

Когда Халли все это произнес, Стюр замолчал и не сразу нашелся, что ответить. Спустя какое-то время он сказал так:

— Принимать ли это всерьез, или же это недержание речи и повод для ссоры?

— Надо тебе втолковать, — говорит Халли, — что это отнюдь не дурь, и от того, какой ответ ты мне дашь, зависит вся наша дружба.

Стюр сказал:

— Тогда я хочу обсудить все с моими друзьями и услышать, что они мне тут присоветуют.

Халли сказал:

— Можешь обсуждать это с кем угодно до истечения третьей ночи; большей задержки с ответом не потерплю, ибо я не стану долго сидеть, как остолоп, и добиваться этой женитьбы.

На этом они расстаются.

Наутро Стюр скачет на восток к Святой Горе. Когда он прибыл на хутор, Снорри пригласил его к себе, но Стюр сказал, что у него есть разговор к Снорри, а после он поскачет обратно. Снорри спросил, нет ли у него каких неприятностей.

— Похоже, что есть, — говорит Стюр.

Снорри отвечает:

— Тогда мы вдвоем подымимся на Святую Гору; ведь замыслы, которые до сих пор рождались на ней, никогда не бывали бесплодны.

Затем они взошли на гору и просидели за беседой до вечера; никто не знал, о чем они говорили. После этого Стюр ускакал домой.

На следующее утро Халли и Стюр завели беседу; Халли спрашивает Стюра, как продвигается дело с женитьбой.

Стюр отвечает:

— Люди считают тебя почти нищим, и неясно, какие свершения могут покрыть недостаток имущества.

Халли отвечает:

— Совершить я готов все, что в моих силах, но имущество тут ни при чем, ведь его как раз нет.

Стюр отвечает:

— Вижу я, — говорит он, — что тебе придется не по нраву, если я не выдам за тебя свою дочь. Теперь я поступлю, как люди в древние времена, и заставлю тебя пройти ради женитьбы кое-какие испытания.

— Каковы же они? — говорит Халли.

— Ты должен будешь расчистить, — говорит Стюр, — дорогу через лавовую пустошь от здешнего хутора до Заводи Бьёрна и поставить изгородь на меже между нашими землями. Ты должен будешь также устроить загон здесь на лавовой пустоши. А когда ты покончишь со всеми делами, я, пожалуй, выдам за тебя свою дочь Асдис.

Халли отвечает:

— Работать я не привык, но все же я соглашусь на эти условия, если легко обеспечу этим свою женитьбу.

Стюр сказал, что тогда они заключат сделку.

После этого берсерки принимаются расчищать проход через лаву, и это очень большой подвиг. Они также поставили ограду, остатки которой можно наблюдать до сих пор. После этого они сделали загон. Покуда они были заняты своей работой, Стюр велел подготовить у подножия Лавовой Пустоши баню; она была вырыта в земле, а наверху над печью было проделано отверстие, чтобы через него поддавать жару. Жара внутри была страшная[78].

В последний день, когда берсерки в основном покончили с обоими заданиями, они занимались загоном — он был совсем рядом с хутором. Тут мимо них прошла Асдис дочь Стюра в своем самом лучшем наряде. Халли и Лейкнир окликнули ее, но она не отозвалась.

Тогда Халли произнес эту вису:

№ 21

Липа льна, нелживо
Мне скажи, куда же
Путь торишь, прекрасна, —
По траве — как пава.
Ведь зимой из дому,
Вдаль досель не длила
Шаг, в узорной шали,
Дис дороги асов[79].

Затем Лейкнир сказал:

№ 22

Пядь подпруги брега
Сигг, досель небрежна,
Водружает косы
Вкруг главы высоко.

Неспроста та прихоть,
Хоть не зрим мы тайны:
Рдеет рот твой, *рога*
Труд, мужей смущая[80].

После этого разминулись. Вечером берсерки пошли домой; они были крайне утомлены, как часто бывает с оборотнями — они теряют почти все силы, когда с них сходит боевое неистовство. Тут Стюр выходит им навстречу, благодарит за работу и предлагает сперва зайти в баню, а потом отдохнуть. Они так и делают. Как только они зашли в баню, Стюр велит загородить ее со всех сторон и положить камни на оконце, проделанное над входом. На ступеньки, ведущие в баню, он велит постелить сырую скользкую воловью шкуру. Затем он велит поддать сверху жару в отверстие над печью; тут в бане становится настолько жарко, что берсерки не выдержали и стали ломиться во все створки. Халли сумел проломить оконце и вылезти из него наружу, но упал на шкуру. Стюр тут же нанес ему смертельную рану. Лейкнир же попытался выпрыгнуть из дверей, и Стюр пронзил его насквозь; Лейкнир рухнул обратно в баню и распрощался там с жизнью. После этого Стюр велит позаботиться об их телах; их свезли на лавовую пустошь и засыпали камнями в одной из расщелин — она столь глубока, что оттуда не видно вообще ничего, кроме одного неба. Место это находится возле самой дороги.

Над могилой берсерков Стюр сказал вису:

№ 23

Опричников стыка копий
Не счел я гонцами счастья
Для тех, кто в *купели Али*
Кол закаляет *шквала*.
Не устрашен роковым я
Бояр на меня напором —
Меч мой сплеча разметил
Место навек берсеркам[81].

Когда Снорри Годи обо всем этом узнал, он прискакал на запад к Лавовой Пустоши, и Снорри со Стюром вновь просидели целый день. Об их беседе известно то, что вслед за ней Стюр обручил Снорри Годи со своей дочерью Асдис, и свадьбу справили той же осенью. Люди говорили, что от этого брака выиграли обе стороны: Снорри Годи был более умным и дальновидным из свояков, но Стюр был решительней и могущественней. У обоих была большая родня и много сторонников в своей округе.

XXIX

Жил человек по имени Тородд. Он был родом с Побережья Средней Горы и слыл мужем надежным. Тородд был известным купцом и ходил в плавания на своем корабле. Он часто ездил на запад в Ирландию, к Дювлину.

В это время на Оркнейских Островах правил ярл Сигурд сын Хлёдвера[82]; он воевал на Южных Островах и в западных водах у острова Мён. Ярл обложил жителей Мёна данью, и после того, как они помирились, оставил своих людей дожидаться дани — ее выплачивали, по большей части, плавленым серебром, — а сам отбыл к себе на север на Оркнейские Острова.

Когда те, кто был оставлен ждать дани, были готовы поднять парус, подул крепкий юго-западный ветер. Но когда они прошли часть пути, ветер переменился и подул с юго-востока, и разыгралась сильная буря. Их понесло на север к Ирландии и возле какого-то безлюдного островка корабль разбился в щепы, но люди выбрались на берег. В это время мимо них случилось плыть исландцу Тородду, который отплыл из Дювлина. Посланцы ярла закричали торговым людям, чтобы те спасли их. Тородд велел спустить на воду лодку, и сам взошел на борт. Когда они встретились, ярловы люди стали упрашивать Тородда спасти их и предложили ему деньги за то, чтобы он отвез их домой на Оркнейские Острова к ярлу Сигурду, но Тородд счел, что на это пойти он не может, так как уже заранее собрался в Исландию. Но они продолжали умолять его; они не сомневались, что их жизни и свободе придет конец, если их выведут на берег Ирландии или на Южные Острова, где они незадолго до того воевали. Кончилось тем, что он отдал им лодку с торгового корабля, а взамен взял себе большую часть дани. После этого они сели в лодку и направились к Оркнейским Островам, а Тородд без лодки на борту доплыл до Исландии и пристал в южной части страны. Оттуда он поплыл на запад, зашел в Широкий Фьорд и благополучно пристал у Мыса Завтрака; осенью все они отправились зимовать к Снорри Годи на Святую Гору. Тородда с этих пор прозвали Скупщиком Дани. Это случилось немного позже убийства Торбьёрна Толстого.

В ту зиму на Святой Горе находилась Турид, сестра Снорри Годи и вдова Торбьёрна Толстого. Вскорости после того, как Тородд прибыл на хутор, он завел разговор со Снорри Годи и попросил выдать за него его сестру Турид. И поскольку Тородд был богат, и Снорри знал, что он человек толковый, а Турид, как он видел, сильно нуждалась в хорошей опеке, — по всем этим причинам Снорри согласился выдать сестру за него, и осенью сам устроил их свадьбу у себя на Святой Горе. Следующей весной Тородд взял в свои руки хутор на Вещей Реке и прослыл добрым бондом и мужем надежным.

Но едва лишь Турид вернулась на Вещую Реку, как к ней повадился ходить Бьёрн сын Асбранда, и всеобщая молва была такова, что они с Турид

занимаются глупостями. Тородд пытался отвадить его, но ничего не добился. Торир Деревянная Нога жил тогда на Пригорке Эрна. К этому времени Эрн и Вал, его сыновья, уже выросли и подавали большие надежды. Они неотступно порицали Тородда за то, что он позволяет Бьёрну безнаказанно срамить себя, и вызвались сопроводить его, если он захочет положить посещениям Бьёрна конец.

Однажды случилось так, что, когда Бьёрн пришел на Вещую Реку и сел беседовать с Турид, Тородда нигде рядом не оказалось, хотя обычно он садился поблизости всякий раз, когда приходил Бьёрн.

Турид сказала:

— Подумай хорошенько, как ты пойдешь домой, Бьёрн, — сказала она, — думаю я, что Тородд замыслил проучить тебя за походы сюда. Сдается мне, что сейчас они поджидают тебя в засаде, и Тородд явно надеется на перевес в числе.

Тогда Бьёрн произнес эту вису:

№ 24

Мы с тобою, — девы
Взор сулит мне горе, —
День до дна бы длили,
Меж *теней* и *синью*.
Все одно, зазноба!
Пировать мне тризну
В память о минувшей
Радости, под вечер[83].

Затем Бьёрн взял свое оружие, вышел прочь и направился к дому. Но когда он проходил мимо Толстого Хребта, навстречу ему выскочило пять человек. Это были Тородд с двумя своими работниками и сыновья Торира Деревянная Нога; они сразу напали на Бьёрна, но он отлично защищался и держался мужественно. Особенно рьяно на него наседали сыновья Торира; они нанесли Бьёрну раны, но он сразил их обоих. После этого Тородд со своими работниками обратился в бегство; у него была легкая рана, а работники ранены не были.

Бьёрн шел своей дорогой, покуда не прибыл домой. Он зашел в покои, и хозяйка велела служанке о нем позаботиться; когда же служанка внесла в покои свет, она заметила, что Бьёрн сильно окровавлен; она идет дальше к очагу и говорит Асбранду, отцу Бьёрна, что тот вернулся домой весь в крови.

Асбранд вышел в горницу и спросил, отчего Бьёрн в крови, —

— или вы с Тороддом таки встретились?

Бьёрн отвечает и говорит, что все так и есть.

Асбранд спрашивает, как прошла их встреча.

Бьёрн произнес вису:

№ 25

Зря *щита носильщик*
Тщился встрянуть в сечу:
Враз сгубил сынов я
Двух Ноги Древесной.
Проще прощелыге
Гробить *Биль убора*
Иль *сквалыге лука*
Ныкать *дань владыки*[84].

После этого Асбранд перевязал ему раны, и они полностью затянулись.

Тородд передал Снорри Годи тяжбу об убийстве сыновей Торира, и Снорри вынес тяжбу на Тинг Мыса Тора, а сыновья Торлака с Песчаного Берега отстаивали сторону людей из Широкого Залива. Кончилось тем, что Асбранд поручился под присягой за своего сына Бьёрна и выплатил виру за эти убийства, Бьёрн же был осужден провести три года в изгнании и уехал из страны тем же летом.

В то же самое лето на Вещей Реке Турид родила мальчика, которого нарекли именем Кьяртан; он подрастал дома на Вещей Реке, и уже смолоду был рослым и подавал большие надежды.

Бьёрн же, после того как вышел в море, отправился вначале в Данию, а оттуда в крепость Йомсборг[85]. В то время предводителем йомсвикингов был Пална-Токи[86]. Бьёрн вступил в их сообщество и потому стал прозываться Бойцом. Он находился в Йомсборге, когда Стюрбьёрн Сильный[87] взял эту крепость. Бьёрн также отправился в Швецию в тот раз, когда йомсвикинги поддержали Стюрбьёрна. Он принимал участие и в битве на Полях Фюрисвеллир, где пал Стюрбьёрн[88], а после нее бежал в лес вместе с прочими йомсвикингами. И покуда Пална-Токи был жив, Бьёрн неизменно находился при нем во всех испытаниях и считался отличным воином и мужем редкой отваги.

XXX

Теперь следует рассказать про Торольва Скрюченная Нога. К этому времени он совсем одряхлел и состарился и в своей старости сделался крайне злобным, буйным и склонным к насилию; он перестал ладить даже со своим сыном Арнкелем.

Однажды днем случилось так, что Торольв отправился к Ульваровой Горе к бонду Ульвару; тот был отменный хозяин, и считалось, что сено сохнет у него быстрее, чем у соседей. У него, к тому же, была такая благодать со скотом, что скот его никогда не падал от недокорма и не знал болезней.

Когда Торольв с Ульваром встретились, Торольв спросил Ульвара, что тот ему посоветует, чтобы лучше управиться с работой, и каким Ульвару видится это лето, выдастся ли оно засушливым, или нет.

Ульвар отвечает:

— Я могу дать тебе лишь тот совет, которому последую сам: я сегодня же велю вынести косы и косить без передышки всю неделю подряд, потому что она, думаю, будет дождливой. А вот после этого погода, как я полагаю, полмесяца будет сухой и хорошей.

Все было именно так, как сказал Ульвар, ибо частенько оказывалось, что он угадывал с погодой лучше, чем прочие люди.

Затем Торольв поехал домой; у него было много работников, и он тотчас велел приступить к сенокосу. Погода была именно такой, как сказал Ульвар. У Торольва с Ульваром был общий луг на склоне горы. Вначале и те, и другие усердно косили траву, а после принялись сушить ее и укладывать в скирды.

Однажды утром Торольв рано поднялся на ноги и выглянул во двор: погода была пасмурной, и он решил, что сухой поре настал конец. Он велел своим рабам подыматься и ехать за сеном и просил постараться успеть как можно больше,

— ибо погода кажется мне ненадежной.

Рабы оделись и отправились на сенокос, а сам Торольв складывал сено и вовсю поторапливал рабов, чтобы они управились как можно быстрее.

В то же утро Ульвар рано поднялся на ноги и выглянул во двор. Когда он вернулся, работники спросили, какая погода. Он просил их спать спокойно, —

— Погода хорошая, — сказал он, — днем развеется, и будет солнце. Сегодня вы покосите выгон, а завтра заберем сено со своей части склона.

Погода была именно такой, как он сказал.

Когда стало смеркаться, Ульвар послал своего человека на склон взглянуть на стоявшие там стога. Торольв распорядился навьючить трех волов и возить на них сено в течение всего дня; к трем часам они управились со всем сеном со своей части. Тогда Торольв велел отвезти на свой двор сено Ульвара. Когда посланец Ульвара это увидел, то прибежал домой и обо всем рассказал хозяину. Ульвар отправился на склон в сильном гневе; он спрашивает, отчего Торольв вздумал его ограбить. Торольв сказал, что ему нет дела до речей Ульвара, вошел в раж, и иметь дело с ним было плохо; еще немного, и они бы сцепились. Ульвар не нашел другого выхода, как уйти восвояси; затем Ульвар едет к Арнкелю и рассказывает ему о понесенном уроне. Арнкель сказал, что попытается заставить отца заплатить за сено. Однако же, он сказал, что вовсе не уверен в том, подействует ли это.

Когда отец с сыном встретились, Арнкель попросил своего отца возместить Ульвару стоимость сена, но Торольв сказал, что этот раб и без того слишком

богат. Арнкель просил уважить его слово и все-таки заплатить за сено. Торольв сказал, что сделает это лишь в том случае, если Ульвар будет нуждаться, и на этом они расстаются. Встретившись с Ульваром, Арнкель рассказывает, какой ответ дал Торольв. По виду Ульвара легко было понять, что он не считает, что Арнкель положил ради него много усилий; он сказал, что уж он-то бы смог добиться толку от своего отца, будь он на месте Арнкеля. Арнкель сам заплатил Ульвару за сено такую цену, которую тот назвал. При следующей встрече Арнкель снова потребовал от отца возместить стоимость взятого сена, но ответы Торольва в лучшую сторону не менялись; оба расстались в гневе.

Осенью Арнкель велел пригнать с гор семь волов, принадлежавших Торольву, его отцу, и забить их всех на своем дворе. Это крайне не понравилось Торольву, и он потребовал возместить ему урон, но Арнкель ответил, что это ровно столько, сколько стоило сено Ульвара. Тогда Торольв пришел в еще худшее расположение духа, чем прежде, и уверился, что все это произошло по вине Ульвара; он сказал, что ему это еще припомнит.

XXXI

Зимой во время йоля Торольв устроил большую попойку и щедро потчевал своих рабов; когда те напились, он стал подстрекать их подняться на Ульварову Гору и сжечь Ульвара в его доме. За это он обещал отпустить их на волю. Рабы сказали, что выполнят эту работу, чтоб обрести свободу, если Торольв сдержит слово. Затем они вшестером отправились на Ульварову Гору, набрали хвороста, поднесли его к дому и высекли огонь. В это время Арнкель и его домочадцы сидели на Жилом Дворе за питьем; когда они пошли спать, то увидели, как с Ульваровой Горы тянется пламя. Они тотчас прибежали на место и схватили рабов, а огонь затушили; постройки к этому времени еще не успели сильно обгореть.

На следующее утро Арнкель велел отвезти рабов на Мыс Вадиль, и все они были там повешены. Затем Ульвар завещал Арнкелю все права на свое имущество, а Арнкель принял Ульвара под свою защиту. Этот их уговор очень не понравился сыновьям Торбранда, так как они полагали, что все владения Ульвара после его смерти должны отойти им[89]. Отсюда началась большая вражда между Арнкелем и сыновьями Торбранда; с той поры они уже не могли сообща участвовать в играх, хотя раньше часто встречались на них. При этом Арнкель неизменно оказывался сильнейшим, а вторым по силе был человек, который играл против него и звался Фрейстейн Проныра. Он был воспитанником Торбранда и был ему как родной сын; большинство людей верило, что он, на самом деле, сын Торбранда, только незаконный — матерью его была служанка. Это был человек мужественный и видный собой.

Торольв Скрюченная Нога затаил злобу на Арнкеля за убийство рабов. Он потребовал за них виру, но Арнкель наотрез отказался давать за рабов даже один пеннинг; от этого Торольв пришел в еще худшее расположение духа.

Однажды днем случилось так, что Торольв отправился верхом к Снорри Годи на Святую Гору, и Снорри предложил ему погостить, но Торольв сказал, что не собирается проедать здесь чужой хлеб, —

— пришел я сюда потому, что я хочу от тебя, чтобы ты выправил мою долю. Я заявляю, что ты первый хёвдинг в нашей округе[90] и потому обязан выправлять долю тех, кто ранее был несправедливо ущемлен.

— Кто же ущемляет твои права, бонд? — сказал Снорри.

— Арнкель, мой сын, — говорит Торольв.

Снорри сказал:

— На это ты жаловаться не должен, потому что он намного лучший муж, чем ты, с какой стороны вас ни сравнивать.

— Это не так, — говорит Торольв, — ибо ныне он совсем не дает мне проходу. Теперь я хочу завязать с тобой крепкую дружбу, Снорри, а ты прими у меня тяжбу о смерти рабов, которых велел убить Арнкель, и я не буду настаивать на том, чтобы вся вира отошла мне.

Снорри отвечает:

— В ваши с сыном распри я встревать не намерен.

Торольв отвечает:

— Ты отнюдь не друг Арнкеля. Может, впрочем, статься, что ты считаешь меня прижимистым, но сейчас это не так. Я знаю, — сказал он, — что ты мечтаешь завладеть Вороньим Мысом и тамошним лесом, а это величайшее сокровище здесь в округе. Я тут же откажусь от всех этих земель в твою пользу, а ты прими тяжбы об убийстве рабов и веди их с рвением, достаточным для того, чтобы слава твоя умножилась, а те, кто унизил меня, об этом бы пожалели. Я не хочу прощать никого из тех, кто в этом повинен, пускай даже он состоит со мной в ближнем иль дальнем родстве.

Снорри знал, что лес ему очень нужен. И, как рассказывают, он принял поруку на земли и взялся вести тяжбу об убийстве рабов. После этого Торольв уехал домой; он был очень доволен тем, как все обернулось, но прочие люди отзывались об их сделке неодобрительно.

Весной Снорри возбудил против Арнкеля тяжбу об убийстве рабов и вынес ее на Тинг Мыса Тора. Обе стороны явились на тинг с большими отрядами. Снорри произнес свои иски в установленном порядке. И когда все они были переданы в суд, Арнкель потребовал от судей отправдательного приговора[91], и привел то основание, что рабы были застигнуты при поджоге хутора с высеченным огнем. На это Снорри выставил такой довод: по закону рабов можно было убить на месте преступления, —

— но поскольку вы затем отвезли их на Мыс Вадиль, где они и были убиты, я полагаю, что там они уже подлежали вире[92].

Этим Снорри отвел возражение Арнкеля и спас свою тяжбу. После этого вмешались посредники и приложили руку к тому, чтобы завершить дело миром. Обе стороны согласились на мировую; приговор должны были огласить братья Стюр с Вермундом. Они присудили за каждого из рабов двенадцать эйриров[93], и деньги эти тотчас были выплачены на тинге.

Когда деньги были получены, Снорри вручил кошель Торольву. Он принял его и сказал так:

— Не рассчитывал я, когда отдавал тебе свою землю, что ты поведешь тяжбу столь малодушно. Я знаю, что Арнкель вряд ли бы отказал мне, если б я сам запросил у него столь ничтожную виру.

Снорри отвечает:

— Я заявляю, что позор с тебя снят, но я не намерен ставить свое доброе имя в заклад в обмен на твое злонравие и кривду.

Торольв отвечает:

— Можешь рассчитывать на то, что я никогда больше не стану беспокоить тебя со своими делами, и пусть беда не обойдет вас всех стороной в этой округе!

После этого люди поехали с тинга домой. И Арнкель, и Снорри были очень недовольны исходом тяжбы, но более всех недоволен был Торольв.

XXXII

Вслед за этим, как рассказывают, случилось такое событие, что Эрлюг со Двора Эрлюга слег с болезнью; когда ему стало совсем худо, Ульвар, его брат, стал сидеть при нем. От этой болезни Эрлюг скончался. Как только Эрлюг умер, Ульвар тут же послал за Арнкелем; Арнкель спешно приехал на Двор Эрлюга, и они с Ульваром объявили имущество покойного своим.

Когда же о кончине Эрлюга прослышали сыновья Торбранда, они явились на Двор Эрлюга и предъявили свои притязания на все, что принадлежало покойному, заявив, что имущество их вольноотпущенника переходит в их собственность. На это Ульвар сказал, что является наследником своего брата Эрлюга. Они спросили, какова тут доля Арнкеля. Арнкель отвечает, что покамест их союз в силе, никто не посмеет грабить Ульвара, —

— если что-либо здесь будет зависеть от меня.

Тогда сыновья Торбранда уехали прочь; вначале они отправились оттуда на север к Святой Горе рассказать обо всем Снорри Годи и попросили у него поддержки, чтобы начать тяжбу. Но Снорри Годи сказал, что не будет тягаться с Арнкелем по этому поводу, потому что они с самого начала были столь

неудачливы, что позволили Арнкелю с Ульваром первыми наложить на имущество лапу. На это сыновья Торбранда отвечали, что Снорри никогда не сможет забрать себе больше власти, если и впредь будет спускать такое.

Той осенью Арнкель устроил у себя на хуторе большое угощение; у него было в обычае приглашать своего друга Ульвара на все пиры, и он каждый раз делал ему на прощание подарки. В тот день, когда люди должны были разъезжаться домой с угощения на Жилом Дворе, Торольв Скрюченная Нога сел верхом и выехал из дому. Он отправился навестить своего друга Гильса Ведуна — тот жил в Долине Реки Тора на Дворе Гильса Ведуна[94] — и просил подняться вместе с ним на кряж Ульваровой Горы.

Когда они поднялись на кряж, Торольв сказал:

— Вон оттуда Ульвар скоро пойдет домой с угощения, и у него, наверняка, с собой будут почетные дары. Теперь я бы хотел от тебя, Гильс Ведун, — говорит он, — чтобы ты вышел ему навстречу и поджидал его возле изгороди на Ульваровой Горе. Я хочу, чтобы ты убил его; за это я дам тебе три марки серебра, и я же заплачу виру за это убийство. После того, как убьешь Ульвара, сними с него те вещи, что подарил ему Арнкель. Ты должен бежать с Ульваровой Горы на север к Вороньему Мысу. Если какие-нибудь люди погонятся за тобой, прячься в лесу. Оттуда отправляйся ко мне, а я уж сам присмотрю, чтоб тебе не причинили вреда.

И поскольку Гильс Ведун имел иждивенцев и очень нуждался в деньгах, он согласился стать наемным убийцей и сел у изгороди возле Ульваровой Горы. Он увидел, как Ульвар поднимается от Жилого Двора в гору с отличным щитом в руках, подарком Арнкеля, и мечом ладной выделки. Когда они встретились, Гильс Ведун попросил позволения взглянуть на меч. Он вовсю расхваливал Ульвара и сказал, что тот заделался знатью, раз сами хёвдинги удостаивают его столь почетных подарков. Ульвар распустил бороду и дал ему подержать меч со щитом. Гильс тотчас вытащил меч и пронзил Ульвара насквозь. Затем он побежал от Ульваровой Горы на север к Вороньему Мысу.

Арнкель стоял на дворе; он увидел, как кто-то бежит, держа в руках щит, и щит этот показался ему знакомым. Ему пришло в голову, что Ульвар вряд ли расстался бы с ним добровольно. Тогда Арнкель кликнул людей, чтобы они бежали за тем человеком вдогонку, —

— и поскольку, — говорит он, — за этим стоят козни моего отца, и человек этот по его наущению сразил Ульвара, я хочу, чтобы вы тотчас убили его, кто бы он ни был — не желаю, чтоб он попадался мне на глаза.

Затем Арнкель поднялся на Ульварову Гору; они нашли Ульвара уже мертвым.

Торольв Скрюченная Нога увидел, как Гильс Ведун бежит с Ульваровой Горы на север, держа в руке щит; из этого он понял, как прошла их встреча с Ульваром. Затем он сказал рабу, который сопровождал его:

— Отправляйся теперь на юг ко Двору Кара и скажи сыновьям Торбранда, чтобы они выезжали на Ульварову Гору и не позволяли оставить себя без наследства вольноотпущенника, ибо Ульвар уже убит.

Затем Торольв поехал домой; он был очень доволен тем, как провернул это дело. Гнавшиеся же за Гильсом Ведуном, сумели тем временем настичь его на побережье возле одной скалы, вдающейся в море; они выпытали из него всю подноготную. И когда он рассказал, как все было, они лишили его жизни и засыпали труп камнями возле скалы, а щит с мечом взяли с собой и принесли Арнкелю. Раб же Торольва пришел на Двор Кара и передал сыновьям Торбранда сообщение Торольва. Они тут же выехали на Ульварову Гору, но когда они явились туда, то застали там Арнкеля с множеством народа. Тут сыновья Торбранда предъявили свои притязания на все имущество Ульвара, но Арнкель огласил свидетельство тех, кто присутствовал при том, как Ульвар поручал свои владения ему, и сказал, что оставит их себе, так как они были переданы без нарушения законов. Впредь он просил сыновей Торбранда больше не заявлять о своих правах, ибо он намерен отстаивать полученное наследство, как если б был сыном покойного.

Сыновья Торбранда не видели для себя другого выхода, кроме как повернуть прочь; оттуда они снова отправились к Святой Горе, поведали Снорри Годи о том, что случилось, и попросили у него поддержки. Снорри сказал, что все вышло в точности, как в предыдущий раз, и они разыграли свою игру на ход позже Арнкеля, —

— и гроши эти, — сказал он, — вам из рук у него не вырвать, ведь все добро он уже ранее прибрал к рукам. Что до земель, то они равноудалены от вас всех, и, потому, скорее всего, достанутся тем, у кого крепче хватка. Тем более, есть основания ожидать, что Арнкелю здесь, как и в прочих ваших с ним стычках, суждена лучшая доля. По правде сказать, вам придется смириться с тем, что уже затронуло многих, ибо у Арнкеля власти больше, чем у кого-либо другого в этой округе, и так будет продолжаться до тех пор, покуда он жив, независимо от того, как долго это продлится.

Торлейв Кимби отвечает:

— Ты, Снорри, говоришь сущую правду. В таком случае неудивительно, что ты не защищаешь нас от притеснений Арнкеля, ведь сам ты ни разу так и не смог превозмочь его, когда вы тягались на тингах.

После этого сыновья Торбранда уехали прочь; они были крайне недовольны исходом дела.

XXXIII

Вот Снорри Годи велит приняться за Лес Вороньего Мыса и срубить там много деревьев. Торольв Скрюченная Нога счел, что лес скоро будет вконец сведен. Тогда Торольв сел верхом и выехал на север к Святой Горе и потребовал у Снорри вернуть ему лес обратно, сказав, будто он не дарил, а только одалживал его на время. Снорри сказал, что это легко прояснить, обратившись к свидетельству тех, кто был при том, как Торольв передал ему права — и с лесом он расстанется лишь в том случае, если свидетели покажут против него.

Тогда Торольв уехал прочь в самом злобном расположении духа и отправился оттуда прямиком на Жилой Двор к своему сыну Арнкелю. Арнкель приветствовал отца и спросил, какие у него к нему дела.

Торольв отвечает:

— Привело меня сюда такое дело: по-моему, большая незадача, что между нами сейчас вражда. Я бы хотел, чтобы мы оставили ее и вспомнили о своем родстве, ибо нам негоже жить в несогласии. Сдается мне, что мы сильно возвысимся в нашей округе, коли добавим к твоей твердости мою дальновидность.

— Чем лучше мы ладим, — говорит Арнкель, — тем больше мне по душе.

— Более всего я хочу — сказал Торольв, — чтобы мы положили начало нашему союзу и дружбе, потребовав Лес Вороньего Мыса у Снорри Годи обратно. Ибо мне невыносимо терпеть, что Снорри сидит на нашей земле и не хочет возвращать лес, ссылаясь на то, что я будто бы его подарил, но это ложь.

Арнкель отвечает:

— Не по-дружески поступил ты в тот раз, когда отдавал Снорри лес, и я не последую твоим наветам и не стану затевать распрю. К тому же я не намерен тешить твое злонравие и радовать тебя нашими со Снорри раздорами.

— А я думаю, — говорит Торольв, — что в тебе, скорее, говорит малодушие, чем боязнь потешить меня вашей распрей.

— Думай на этот счет все, что угодно, — говорит Арнкель, — но из-за этого леса я просто так затевать распрю со Снорри не буду.

На этом они расстаются. Торольв поехал домой; он был крайне удручен своей участью и не желал смириться с тем, что в этот раз не смог даже перекинуть свое весло за борт.

Вечером Торольв Скрюченная Нога пришел домой и не проронил ни слова. Он сел на свое почетное сиденье и вечером не притронулся к пище; так он продолжал сидеть и в час, когда люди отправились спать. Наутро, когда люди встали, Торольв по-прежнему сидел на своем месте; он был мертв. Тогда хозяйка послала гонца к Арнкелю и просила рассказать ему, как умер Торольв. Арнкель с несколькими домочадцами выехал из дому и поднялся к Лощине. Когда они прибыли на хутор в Лощине, Арнкель убедился, что отец его мертв

и сидит на возвышении, выпрямив спину. Весь народ был испуган, и у всех при виде такой кончины возникло тягостное чувство.

Вот Арнкель входит в горницу, идет вдоль скамьи и заходит Торольву за спину; он просил никого не приближаться к Торольву, покуда ему не закроют глаза и не уложат как полагается[95]. Затем Арнкель подхватил Торольва за плечи, но даже ему не хватило сил, чтобы сразу уложить его. Потом он обмотал голову Торольва покрывалом и убрал тело, как полагалось по обычаю. После этого он распорядился сломать стену за спиной Торольва и вытащить его наружу через пролом[96]. Затем подвели сани, запряженные двумя волами: Торольва погрузили на сани и повезли в горы в Долину Реки Тора, и довезти его до места, для этого предназначенного, было отнюдь не легкой задачей. Там тело Торольва основательно засыпали камнями. После этого Арнкель выехал обратно к Лощине и объявил своим все имущество, которое принадлежало его отцу и оставалось по его смерти. Арнкель пробыл там три ночи, и за это время никаких событий не произошло. Потом он уехал домой.

XXXIV

После смерти Торольва Скрюченная Нога многие люди стали замечать, что после захода солнца на дворе не все ладно. Когда лето подошло к концу, люди окончательно убедились, что Торольву не лежится в могиле; никто не мог чувствовать себя в безопасности вне дома, как только садилось солнце. В довершение этому, в волов, на которых везли тело Торольва, вселилась нечистая сила, а любая скотина, подходившая близко к могиле Торольва, бесилась и выла до самой смерти. Пастух на хуторе в Лощине стал приходить домой чаще обычного, потому что Торольв гнался за ним. Однажды осенью в Лощине случилось такое событие, что ни пастух, ни скотина не вернулись домой. Когда наутро отправились на поиски, пастуха нашли мертвым поблизости от могилы Торольва; он был весь черный как уголь, и все косточки у него были переломаны. Тело пастуха засыпали камнями возле могилы Торольва. Весь скот, ходивший в долине, либо сдох, либо бежал в горы, и с тех пор его больше не видели. Если же на могилу Торольва садились птицы, они сразу падали замертво. Привидение столь разгулялось, что ни один человек не решался отпускать свой скот в эту долину. На хуторе в Лощине по ночам часто слышался страшный грохот; люди заметили также, что кто-то частенько ездит на коньке крыши.

С наступлением зимы Торольв стал часто появляться уже в самом доме; сильнее всего он досаждал хозяйке; от этого пострадало немало людей, а сама хозяйка тронулось умом. В конце концов, хозяйка умерла от этой напасти; ее тоже отвезли в горы в Долину Реки Тора и похоронили под грудой камней рядом с Торольвом. После этого с хутора бежали все, кто там еще оставался.

Тогда Торольв принялся разгуливать по всей долине; его появления были столь зловредны, что все хутора в долине опустели — часть народа он свел в могилу, а часть согнал прочь. При этом всех, кто умирал, видели разгуливающими вместе с Торольвом. Люди были сильно озабочены этой бедой; многим казалось, что Арнкель обязан исправить положение.

Арнкель приглашал к себе всех, кому в его доме было жить веселее, чем в прочих местах. Там, где находился Арнкель, от Торольва и его спутников не было никакого вреда. Все были так напуганы появлениями Торольва, что зимой никто не решался выезжать из дому даже по важным делам. А когда зима прошла, наступила весна и сделалась оттепель; тогда Арнкель послал гонца на Двор Кара к сыновьям Торбранда и просил их выехать вместе с ним, чтобы вывезти Торольва прочь из Долины Реки Тора и поискать для него иного пристанища. В те времена, как и сейчас, все люди были по закону обязаны сопровождать мертвецов до места погребения, если их для этого вызывают. Но когда сыновья Торбранда услышали эту весть, они сказали, что не считают нужным вызволять Арнкеля и его людей из беды.

Но старый Торбранд отвечает так:

— Все обязаны выезжать в те поездки, которые установлены по закону, и раз теперь вас призвали для помощи, отказывать не годится.

Тогда Тородд сказал гонцу:

— Поезжай и скажи Арнкелю, что я отправляюсь с ним в эту поездку от имени всех моих братьев. Я подъеду к Ульваровой Горе, там и встретимся.

Тогда гонец уехал прочь и доложил обо всем Арнкелю. Тот собрался в путь и выехал из дому сам-двенадцатый; они захватили с собой тягловый скот и заступы с лопатами. Сперва они отправились к Ульваровой Горе и встретились там с Тороддом сыном Торбранда; с ним было двое. Они пересекли кряж, спустились оттуда в Долину Реки Тора и дошли до могилы Торольва. Разобрав насыпь, они обнаружили под ней Торольва; он еще не разложился и вид имел наимерзейший. Они вынули его из могильной ямы, положили на сани, запрягли в них двух сильных волов и протащили его до склона Ульваровой Горы. Тут волы изнемогли; пришлось взять других, чтобы втащить его на гребень. Арнкель собирался везти его дальше на Мыс Вадиль и похоронить там. Но едва они добрались до гребня кряжа, как оба вола взбесились, одним махом вырвались из упряжки, бросились бежать вдоль по кряжу, миновали двор на Ульваровой Горе с северной стороны склона и повернули к морю; тут им обоим пришел конец. Торольв к этому времени отяжелел настолько, что они не могли его толком никуда сдвинуть; все же они отволокли его на небольшую скалу, которая подвернулась вблизи, и похоронили на ней, и место это с тех пор зовется Скалой Скрюченной Ноги. Затем Арнкель велел сделать на скале ниже погребения такую высокую изгородь, чтобы никто не мог через

нее перебраться, кроме одних летающих птиц; еще и сегодня можно видеть ее остатки. Там Торольв лежал тихо все то время, пока Арнкель был жив.

XXXV

Снорри Годи велел вновь приняться за Лес Вороньего Мыса, чтобы бы ранее ни говорил на сей счет Торольв Скрюченная Нога. По Арнкелю легко было понять, что распоряжения Снорри относительно леса пришлись ему не по вкусу и он не считает их вполне законными. Арнкель полагал, что передав лес Снорри Годи, Торольв тем самым извратил порядок наследования[97].

Однажды летом случилось так, что Снорри послал своих рабов в лес для работы; те нарубили множество бревен, сложили их в кучу и после этого уехали домой. Когда бревна начали подсыхать, Арнкель сделал вид, что намерен забрать их к себе на хутор — на самом деле, делать этого он не собирался, зато велел своему пастуху быть начеку и дать ему знать, когда Снорри вышлет за бревнами своих людей.

Когда лес вполне подсох, Снорри выслал за ним трех своих рабов; в помощь им он придал своего провожатого Хаука, чтобы тот сопровождал рабов и охранял их. Прибыв на место, они связали бревна и погрузили их на двенадцать лошадей; затем они повернули назад.

Пастух Арнкеля проведал об их поездке и доложил Арнкелю. Тот взял свое оружие, поехал вдогонку и поравнялся с ними к северу от Реки Водоворота, между этой рекой и Пригорками. Едва он пристроился за ними, как Хаук спешился и пустил в Арнкеля копье; оно попало в щит, и Арнкель не пострадал. Тогда Арнкель спешился и пустил копье в Хаука; оно попало тому в живот, и Хаук пал. Место, где это случилось, называется сейчас Хауковой Рекой. Когда рабы увидели, что Хаук погиб, они выскочили из повозки и бросились бежать к дому во всю прыть. Арнкель гнался за ними вплоть до Воловьих Откосов. Затем Арнкель повернул обратно к дому, погоняя перед собой лошадей, груженых лесом. Лес он затем разгрузил, а лошадей отпустил прочь, закрепив на них сбрую; после этого их отвели на гору и погнали на север. Так лошади брели, пока не пришли домой на Святую Гору.

Новости эти стали известны, однако в течение полугода все было тихо.

Следующей весной Снорри Годи возбудил тяжбу об убийстве Хаука и вынес ее на Тинг Мыса Тора, а Арнкель вынес на тинг тяжбу об осуждении Хаука за то, что он напал первым. И Снорри, и Арнкель явились на тинг с множеством народа и тягались в суде с большим рвением. В конце концов, Хаук был признан не заслуживающим виры за то, что он первым напал на Арнкеля, и все тяжбы Снорри Годи утратили законную силу[98]. На этом тинг завершился, но стычки между людьми не прекращались в течение всего лета.

XXXVI

Одного человека звали Торлейв; он происходил с Восточных Фьордов и был ранее объявлен вне закона из-за прелюбодеяния. Той осенью Торлейв пришел на Святую Гору и стал упрашивать Снорри Годи взять его к себе, но Снорри ему отказал. Тем не менее, прежде чем Торлейв убрался прочь, они беседовали достаточно долго. После этого Торлейв отправился на юг к Жилому Двору; он явился туда к вечеру и провел на хуторе одну ночь.

Наутро Арнкель рано поднялся на ноги и принялся сколачивать входную дверь. Когда Торлейв поднялся, он подошел к Арнкелю и стал упрашивать взять его к себе. Арнкель отвечает ему довольно холодно и спрашивает, не встречался ли он накануне со Снорри Годи.

— Был я у него, — говорит Торлейв, — но он не захотел ради меня и пальцем пошевельнуть. Да и мне самому не больно-то хочется, — говорит Торлейв, — быть провожатым того человека, который всегда готов уступить чужой силе, с кем бы он ни связался.

— А мне вовсе не кажется, — говорит Арнкель, — что Снорри сильно прогадал, решив не кормить тебя наравне с прочей челядью.

Так они препирались какое-то время: Торлейв настаивал на своем, а Арнкель ему отказывал. Затем Арнкель принялся буравить отверстие для засова и отложил плотницкий топорик в сторону. Торлейв тут же подхватил его и быстро занес над головой, метя Арнкелю в голову. Услышав, свист топора, Арнкель пригнулся вниз и схватил Торлейва, подняв его себе на грудь. Тут сказалась разница в силах, ибо мощь Арнкеля была велика; он так приложил Торлейва оземь, что тот едва не лишился чувств, и топорик выскользнул у него из рук. Арнкель подхватил топорик и всадил его Торлейву в голову, и это была смертельная рана.

Ходили слухи, что человек этот был подослан Снорри Годи, чтобы убить Арнкеля. Снорри ничем не показал, что дело его касается, и потому каждый мог считать, что ему вздумается, и больше в том году никаких событий не произошло.

XXXVII

На следующий год, в канун наступления зимы, Снорри Годи устроил большое осеннее угощение и зазвал к себе друзей. Наварили вдоволь горячей браги, и пили крепко. Было там и множество застольных забав; начали подбирать мужей для сравнения и рассуждать о том, кто самый знатный муж в округе, и кто самый большой хёвдинг[99]. Как это чаще всего и бывает в тех случаях, когда начинают сравнивать мужей, к согласию не пришли: большинство признавало

самым знатным Снорри, но некоторые называли Арнкеля; были и такие, кто называл Стюра.

Пока они обсуждают все это, Торлейв Кимби подает голос:

— Отчего люди спорят о том, что всем должно быть ясно заранее?

— Куда же ты клонишь, Торлейв, — сказали ему, — раз ты столь круто берешь быка за рога?

— Никто, по-моему, не сравнится с Арнкелем, — говорит он.

— Чем же ты подкрепишь свое мнение? — говорят они.

— Истинной правдой, — говорит он, — я заявляю, что Снорри Годи и Стюр — все равно, что один человек, потому они свояки и держатся сообща. А между тем, у двора Арнкеля не лежит никто из его неотомщенных домочадцев, убитых по приказу Снорри Годи, хотя Хаук, провожатый Снорри, был убит Арнкелем и остался неотомщенным.

Речь эта показалась людям во многом справедливой, но чересчур сильной, принимая во внимание место, где она была сказана; больше этот разговор не возобновлялся.

Когда народ стал разъезжаться с угощения по домам, Снорри принялся наделять своих друзей подарками. Он проводил сыновей Торбранда до Залива Красной Скалы, где стоял их корабль. Когда они прощались, Снорри подошел к Торлейву Кимби и сказал:

— Вот секира, которую я хочу подарить тебе, Торлейв. Из тех, что есть у меня, у нее самая длинная рукоятка: как знать, может, она и достанет до головы Арнкеля, когда он поедет собирать свое сено на Двор Эрлюга, если ты, конечно, решишься выехать с ней из своего дома в Лебяжьем Фьорде.

Торлейв принял секиру и сказал:

— Можешь рассчитывать, — сказал он, — что я не замедлю занести секиру над нашим Арнкелем, когда ты соберешься мстить за своего провожатого Хаука.

Снорри отвечает:

— Вы, сыновья Торбранда, сможете оказать мне услугу, если будете следить за поездками Арнкеля и дадите мне знать, когда представится случай напасть. А поносить меня будете потом, если вдруг случится такое, что я не приду вам навстречу, когда вы меня вызовите.

Они расстаются, договорившись, что и те, и другие готовы лишить Арнкеля жизни, и сыновья Торбранда будут следить за всеми его поездками.

В начале зимы был сильный ледостав, и все фьорды замерзли. На Лебяжьем Фьорде овец пас Фрейстейн Проныра; его поставили, чтобы разведать, когда представится случай напасть на Арнкеля. Арнкель был очень трудолюбив и заставлял своих рабов работать целый день напролет от зари до зари. Арнкель сам распоряжался на обоих хуторах, Ульваровой Горе и Дворе Эрлюга, потому

что все соседи были подневольны сыновьям Торбранда и не могли занять эти земли. Зимой у Арнкеля вошло в обычай перевозить сено со Двора Эрлюга ночью, так как днем рабы его были заняты другой работой; кроме того, он не хотел, чтобы сыновья Торбранда знали, когда сено увезут с хутора.

Той зимой, накануне йоля, однажды случилось так, что Арнкель встал посреди ночи и разбудил трех своих рабов; одного из них звали Офейг. Вместе с ними бонд Арнкель выехал на Двор Эрлюга; у них было четыре вола и двое саней. Сыновья Торбранда проведали об их поездке, и Фрейстейн Проныра той же ночью отправился по льду на запад к Святой Горе и пришел туда в ту пору, когда люди уже давно лежали в постели. Фрейстейн разбудил Снорри Годи. Снорри спрашивает, что ему нужно.

Тот отвечает:

— Сейчас старый орел прилетел на кормежку на Двор Эрлюга.

Снорри встал и велел своим людям одеваться. Одевшись, они взяли свое оружие и пошли вдевятером по льду к Лебяжьему Фьорду. Когда они достигли вершины фьорда, навстречу им вшестером вышли сыновья Торбранда; оттуда они поднялись наверх ко Двору Эрлюга. Когда они подошли, один из рабов уже уехал домой с возом сена, а Арнкель и двое оставшихся рабов были заняты вторым возом. Тут Арнкель и его спутники заметили, что снизу со стороны моря к ним идут вооруженные люди.

Офейг сказал, что это, наверняка, враги, —

— и у нас только один выход — вернуться домой.

Арнкель отвечает:

— У меня есть хороший совет, как поступить так, чтобы каждый из нас был доволен. Вы вдвоем бегите домой и будите моих провожатых, и они быстро явятся мне на помощь. А сеновал огражден так удачно, что здесь хорошо биться — с него я и буду обороняться, если эти люди пришли не с миром. Это мне кажется более достойным, чем бежать. Вряд ли меня одолеют быстро. А мои люди не замедлят прийти мне на помощь, если вы как следует исполните мое поручение.

Как только Арнкель это сказал, как рабы бросились бежать во всю прыть. Офейг был более проворным: он перепугался настолько, что совсем потерял рассудок, забежал высоко в горы, свалился там в водопад и погиб; место это зовется Водопадом Офейга[100]. Другой раб прибежал обратно на хутор; когда он подбежал к амбару, то наткнулся там на своего товарища, который заносил сено внутрь. Он крикнул прибежавшему рабу, чтобы тот заносил сено вместе с ним. Эта работа, как оказалось, была рабу не противна, и он присоединился к товарищу.

Теперь следует рассказать про Арнкеля, что он опознал в подошедших людей Снорри Годи. Тогда Арнкель оторвал от саней полоз и залез с ним на

сеновал. Сеновал был обнесен высокой оградой, и середина стога сильно возвышалась над краями: это было удобно оборонявшемуся. Внутри было много сена, но возле самой ограды сено было убрано.

После того, как Снорри и его люди подошли к ограде, не сообщается, что они обменялись речами. Они сразу пошли на приступ; поначалу они использовали копья, но Арнкель отбивал их удары полозом и переломал им почти все древки. Арнкель при этом ранен не был. Когда метать им больше стало нечего, Торлейв Кимби подбежал к ограде и вспрыгнул на нее с обнаженным мечом, но Арнкель оглушил его ударом полоза, так что Торлейву пришлось, дабы смягчить удар, скатиться с ограды назад; полоз же ударился об ограду с такой силой, что ком мерзлой земли отлетел от него и подскочил вверх, а сам полоз переломился надвое в месте, где крепится деревянная плашка, и одна из половинок улетела за ограду. Арнкель заранее выложил на стог свой меч со щитом; теперь он взял их и стал защищаться оружием; тут они начали его доставать. Они забрались на ограду и окружили Арнкеля, но он взобрался на самую верхушку стога и какое-то время защищался оттуда. Но все же исход дела был предрешен, и Арнкель пал на стогу, и они прикрыли его тело сеном. После этого Снорри и его люди отправились домой на Святую Гору.

Об убийстве Арнкеля Тормод сын Бахромы сложил такую вису:

№ 26

Снорри победы
Смладу изведал,
Воронам пир
Мечом дарил.
Вместе с дружиной,
Снова поживу
Им он нашел —
Аркетиль сражен[101].

Теперь следует рассказать про рабов Арнкеля, что после того, как они внесли все сено в амбар, они зашли в дом и сняли свои тулупы. Тут провожатые Арнкеля проснулись и спросили, где он. Тогда раб словно пробудился ото сна и ответил:

— Точно, — говорит он, — он же сейчас сражается на Дворе Эрлюга со Снорри Годи.

Тут люди встрепенулись, спешно оделись и поехали на Двор Эрлюга, но нашли своего хозяина Арнкеля уже мертвым. Весь народ очень горевал об его смерти, ибо он был человек несравненных качеств, из тех, что ценились в прежнее время. Он был очень умен и имел отличный характер. У него было гордое сердце и редкостная отвага. Он был открыт, честен и миролюбив. Он

также неизменно выходил победителем во всех распрях, с кем бы он не тягался; этим-то он и нажил себе завистников, как теперь сполна проявилось.

Затем они взяли тело Арнкеля, убрали его и повезли к месту погребения. Арнкеля положили в курган около моря вблизи мыса Вадиль: это очень широкий курган, похожий на большую скирду.

XXXVIII

После убийства Арнкеля принимать наследство и вести тяжбу выпало женщинам, и поэтому такой мести, как можно было ожидать по смерти столь знатного человека, не было. Тем не менее, тяжба об убийстве Арнкеля была вынесена на тинг и решена миром. Единственным осужденным был Торлейв Кимби, которому приписали смертельную рану, полученную Арнкелем, — он должен был провести три года в изгнании. И поскольку возмездие было отнюдь не таким, как подобало по смерти столь видного хёвдинга, как Арнкель, правители страны внесли в законы поправку, чтобы впредь женщина, как и мужчина моложе шестнадцати лет, не могли выступать истцом в тяжбе об убийстве. И правило это неукоснительно соблюдается[102].

XXXIX

Торлейв Кимби тем же летом условился о провозе с торговыми людьми, корабль которых стоял в Стремнинном Фьорде, и кормчие приняли его в свое сообщество. В то время у торговых людей не было в обычае держать на борту поваров, и на корабле сами решали, кого и в каком порядке отряжать стряпать. Кроме того, с товарищами за питьем должны были сидеть все. Для этого у паруса выставлялся сосуд с напитком; сверху он был прикрыт крышкой. Часть напитка оставалась в бочонках, и оттуда подливали в сосуд по мере того, как он пустел.

Когда они были уже почти снаряжены, к ним на Палатную Скалу подошел человек. Человек этот был велик ростом и нес за спиной тяжелую ношу; торговым людям вид его показался довольно странным. Он справился, где тут кормчие, и ему показали палатку. Он сбросил с плеч свой мешок, положил его у входа в палатку и затем вошел внутрь. Он спрашивает, не захочет ли кормчий перевезти его через море. Те спросили, как его имя, а он назвал себя Арнбьёрном сыном Асбранда с Гребня и сказал, что хочет выехать из страны, чтобы искать своего брата Бьёрна, который покинул страну несколько лет тому назад, и о нем ничего не слышно с тех пор, как он выехал в Данию. Норвежцы сказали, что груз уже уложен и привязан, и перекладывать его они больше не могут. Но Арнбьёрн ответил, что у него с собой лишь такие вещи, которые вполне могут лежать поверх привязанных сундуков. И поскольку они сочли,

что у него и впрямь есть веские причины для отъезда, они взяли его с собой. Ему отвели место на носу судна, и он должен был стряпать себе сам. В мешке его оказалось три сотни грубого сукна[103], двенадцать овчин и котомка с едой. Арнбьёрн был прост в обхождении и всегда был готов помочь; торговым людям он нравился.

В пути ветер был слабым; они подошли к Хёрдаланду и стали у одного островка напротив суши. Еду в тот раз они стряпали на берегу. Торлейву Кимби выпало отправляться стряпать; он должен был приготовить кашу. Арнбьёрн был уже на берегу и варил себе кашу; он готовил в общем котле, который после него должен был забрать Торлейв. Торлейв поднялся на берег и потребовал котел у Арнбьёрна, но тот к этому времени еще не растолок свою кашу и продолжал помешивать ее мешалкой в котле. Торлейв стал у него за спиной. Тут норвежцы подали с корабля голос и сказали, чтобы Торлейв принимался стряпать — они сказали, что, судя по его лени, он настоящий исландец. От этого Торлейв пришел в дурное расположение духа, схватил котел в свои руки, вылил кашу Арнбьёрна на землю и пошел прочь. Арнбьёрн остался сидеть с мешалкой в руке; он огрел ей Торлейва и попал ему по шее. Удар сам по себе был слабым, но поскольку каша была горячей, шея Торлейва оказалась обожжена.

Торлейв сказал:

— Нечего норвежцам смеяться от того, что здесь встретились два земляка, и науськивать нас друг на друга, словно собак. Припомним это позже, когда будем с тобой в Исландии.

Арнбьёрн ничего не ответил.

Они стояли у островка несколько ночей, а потом поймали попутный ветер, достигли суши и разгрузили судно. Торлейв остался на зимовку в той же части страны, а Арнбьёрн условился о провозе с владельцами одного грузового судна и отплыл на восток в Вик, а оттуда уехал в Данию на поиски своего брата Бьёрна.

XL

Торлейв Кимби провел в Норвегии две зимы, а затем выехал в Исландию с теми же самыми торговыми людьми, что вывезли его из страны. Они вошли в Широкий Фьорд и пристали у Мыса Завтрака. Осенью Торлейв выехал к себе домой в Лебяжий Фьорд и, по своему обыкновению, держал нос высоко.

Тем же летом в Устье Лавовой Заводи приплыли братья Бьёрн с Арнбьёрном. За Бьёрном после этого закрепилось прозвище *Боец Широкого Залива*. Арнбьёрн привез с собой из-за моря хорошие деньги, и в то же самое лето, когда вернулся в страну, купил себе землю у Яра в Лавовой Заводи, и следующей весной поставил там собственный хутор. Зиму он провел на хуторе Судно

у своего зятя Торда Пучеглазого[104]. Арнбьёрн был человек незадиристый и редко высказывал свое мнение; однако же это был мужчина исключительной силы. Бьёрн, его брат, был очень боевит и по своем возвращении держался независимо, ибо он перенял обычаи иноземных хёвдингов. Он был гораздо красивее Арнбьёрна, но при этом ничуть не уступал ему в силе; кроме того, он был гораздо искушенней брата в ратных испытаниях и проявил отвагу, сражаясь в иных землях.

Тем летом, когда они едва успели вернуться в страну, была созвана многолюдная сходка на прибрежной пустоши у Курганного Берега, что к западу от Устья Вещей Реки, и все торговые люди явились на сходку в крашеных одеждах. Когда они прибыли на место, там уже находилось множество народа; была среди них и Турид, хозяйка хутора на Вещей Реке. Бьёрн подошел и заговорил с ней, и ни один человек не счел это предосудительным: всем казалось вполне естественным, что им хочется поговорить подольше, если учесть, сколько времени минуло с их последней встречи.

Днем на сходке случились увечья, и один из северян получил опасную для жизни рану; его отнесли на песок и положили у одного куста, что рос там. Из раны вытекло много крови, и у куста стояла целая лужа. Юный Кьяртан, сын Турид с Вещей Реки, находился поблизости; у него в руках была топорик. Мальчик подбежал к кусту и окунул топорик в кровь. А когда те, кто жил к югу от пустоши, поехали домой, Торд Пучеглазый спросил Бьёрна, как прошла его беседа с Турид. Бьёрн сказал, что все хорошо.

Тогда Торд спросил, не видел ли он сегодня маленького Кьяртана, их общего с Тороддом сына.

— Видел, — сказал Бьёрн.

— Ну и как он тебе показался? — сказал Торд.

Тогда Бьёрн произнес вису:

№ 27

Чу! Бежит в чащобе
Ловко к *влаге Волка*
Лавки хвощ, повадкой
Схож со мной, похоже.
Не в отца, *довеска*
Сивки вод, развилось
То дитя, — *дробилам*
Дерна Мёрн на диво[105].

Торд сказал:

— Что же теперь остается говорить Тородду о том, кто из вас отец ребенка?

Тогда Бьёрн произнес вису:

№ 28

Подтвердит супруга
Сокрушения, верно,
Ровная *крушина*
Рощ шатра, роскошна,
Коль сыны такие
Есть у сей невесты!
Да и мне, *помоста*
Мист мила, вестимо[106].

Торд сказал:

— На вашем месте было бы лучше всего замять это дело и оставить мысли о Турид.

— Это, наверное, хороший совет, — говорит Бьёрн, — но мне он не по сердцу, хотя мы в неравных условиях, если придется идти против Снорри Годи, ее брата.

— Ты сам выбрал для себя свой путь, — говорит Торд.

На этом они обрывают беседу. Бьёрн едет теперь к себе домой на Гребень и принимает хозяйство в свои руки, ибо отец его к тому времени уже умер. Зимой он возобновил свои походы через пустошь на север, чтобы видеться с Турид. И хотя Тородду это не нравилось, он счел для себя невозможным искать мести; он припомнил, как тяжко ему пришлось в тот раз, когда он попытался действовать силой. К тому же, он видел, сколь окреп Бьёрн за это время.

Зимой Тородд дал Торгриме Колдовская Щека денег за то, чтобы она наслала на Бьёрна буран, когда он пойдет по пустоши. Однажды днем Бьёрн отправился на Вещую Реку; вечером, когда он собрался домой, погода была теплой и даже шел дождь, и Бьёрн изрядно замешкался с выходом. Но когда он вышел на пустошь, похолодало и замело. Стало настолько темно, что он больше не различал дороги перед собой. После этого разразилась снежная буря с такими порывами ветра, что он насилу мог устоять на ногах; тут одежда начала к нему примерзать, ведь прежде он весь вымок до нитки. Он брел наугад, и не знал, в какую сторону идет. Ночью на его пути попалась небольшая пещера; он забрался внутрь и провел ночь там, и убежище его было холодным.

Тут Бьёрн сказал:

№ 29

Не одобрит участь
Скальда *Хлин кольчуги*,
Что на крюк в закуте
Крутит покрывала.

Но не знает *Нанна*
Тканей льна, как стынет
Укротитель тура
Вод, под сводом лежа[107].

Вслед за этим он сказал:

№ 30
Лебедей леденящую глыбу
Резал я на наклонном челне,
Ибо смладу смышленая дева
Прикипела любовью ко мне.
Путь с востока пройдя без опаски,
Натерпелся повсюду невзгод:
Вместо ложа жены обживает
Клен сражений скалистый оплот[108].

Бьёрн провел в этой пещере трое суток, прежде чем буря пошла на убыль, и на четвертые сутки вышел из пещеры на пустошь и пришел к себе домой на Гребень; он был очень изнурен. Домочадцы спросили, где он переждал непогоду.

Бьёрн сказал:

№ 31
На слуху остался
Сказ о днях Стюрбьёрна;
Угрожал народам
Эйрек в *реве дротов.*
Но теперь в пустыне
Я бреду постылой,
Заплутав по воле
Бабы злой, в метели[109].

Остаток зимы Бьёрн провел у себя дома. Весной Арнбьёрн, его брат, поставил свой хутор на Яру, возле Лавовой Заводи. Бьёрн же хозяйствовал на Гребне и жил на очень широкую ногу.

XLI

Той же самой весной на Тинге Мыса Тора Торлейв Кимби завел речь о сватовстве и попросил руки Хельги, дочери Торлака с Песчаного Берега и сестры Стейнтора с Песчаного Берега. Больше всего об этом браке радел ее брат Тормод — он был женат на Торгерд дочери Торбранда, сестре Торлейва Кимби. Но когда это дело вынесли на суд Стейнтора, он отнесся к сватовству холодно и сказал, что хочет услышать мнение своих братьев; тогда они пошли к Торду Пучеглазому.

Когда дело о сватовстве вынесли на суд Торда, он отвечает так:

— Я не стану дальше перепоручать ответ другим людям: пусть в этом деле я окажусь самым главным. А тебе, Торлейв, следует сказать, что я выдам за тебя свою сестру не прежде, чем заживут ожоги от каши у тебя на шее, которые ты получил три года назад, в тот раз, когда тебя побили в Норвегии.

Торлейв отвечает:

— Не знаю, суждено ли это вообще, и удастся ли отомстить за эту обиду, но я бы хотел, чтобы не пришлось ждать три года, прежде чем ты сам будешь побит.

Торд отвечает:

— Плевал я на твои угрозы.

На следующее утро возле палатки сыновей Торбранда люди забавлялись, бросая комья дерна; а сыновья Торлака проходили поблизости. В тот миг, когда они поравнялись с палаткой, откуда-то вылетела большая дернина. Она попала Торду Пучеглазому ниже затылка, и удар был столь силен, что Торд полетел вверх тормашками, и ноги его оказались выше головы. Когда он вскочил, то увидел, что сыновья Торбранда вовсю потешаются над ним. Сыновья Торлака тут же поворотились и обнажили оружие; те бросились им навстречу, и сразу же завязалась битва. Несколько людей было ранено, но убит никто не был. Стейнтора при этом не было; в это время он разговаривал со Снорри Годи. После того, как бьющихся развели, их начали мирить и договорились на том, что Снорри со Стейнтором объявят условия мировой; затем стали приравнивать раны людей с обеих сторон и покушения друг на друга, а остатний урон оплатили. Когда все отъезжали с тинга домой, то считались полностью примиренными.

XLII

В то лето в Устье Лавовой Заводи пришел корабль; другой корабль пришел к Мысу Завтрака. Снорри Годи нужно было подъехать по делу к тому кораблю, что стоял в Лавовой Заводи, и он выехал из дому сам-пятнадцатый. И когда они, проехав пустошь, спустились на юг в Долину Дувгуса, их нагнали шестеро мужчин в полном вооружении; это были сыновья Торбранда. Снорри спрашивает, куда они собрались. Те отвечали, что едут по делу к кораблю в Устье Лавовой Заводи. Снорри сказал, что, наверняка, сможет выполнить их поручение сам, и просил сыновей Торбранда ехать домой и не задирать людей — тем, кто и без того плохо ладит, обычно много не нужно, чтобы распалиться при встрече.

Торлейв Кимби отвечает:

— Пусть никогда о нас не будет такой молвы, что мы не смеем показать нос из своей округи из-за людей из Широкого Залива. А вот сам ты вполне

можешь отправляться домой, коли не смеешь ехать своей дорогой, даже если у тебя неотложное дело.

Снорри ничего не ответил. После этого они едут через кряжи дальше на юг вплоть до Капищного Двора, а оттуда едут на запад вдоль берега, по прибрежным пескам. И когда они были уже на подходе к Устью, сыновья Торбранда отделились от них и ускакали наверх к Яру. На подходе к хутору они спешились и попытались ворваться внутрь, но не смогли взломать дверь; тогда они забрались наверх и принялись сдирать крышу. Арнбьёрн взял свое оружие и защищался, оставаясь внутри дома: он бил копьем в прогалы крыши, и удары его достигали цели. Дело было ранним утром, и погода была ясной.

В то же утро люди из Широкого Залива рано поднялись на ноги; они собирались ехать к кораблю. Но когда они проезжали хутор Плечо, они заметили, что на крыше хутора у Яра стоит человек в богато украшенной одежде — они знали, что Арнбьёрн так не одевается. Тогда Бьёрн и его люди поскакали туда.

Когда Снорри Годи убедился, что сыновья Торбранда пренебрегли его указанием и ускакали прочь, он выехал за ними следом. Когда Снорри и его люди прибыли к Яру, сыновья Торбранда рвали крышу, как одержимые. Снорри просил их поворачивать прочь и не устраивать никаких бесчинств, находясь в его обществе. И поскольку им не удалось войти внутрь, они поступили по слову Снорри и прекратили приступ, и после этого вместе со Снорри уехали к кораблю.

Люди из Широкого Залива подъехали к кораблю днем; и те, и другие ходили только со своими отрядами. Между ними было много стычек и столкновений, но никто друг на друга не нападал. Людей из Широкого Залива на сходке было больше. Вечером Снорри Годи выехал оттуда на восток к Капищному Двору: в то время там жили Бьёрн и его сын Гест, отец Рэва с Капищного Двора.

Бьёрн Боец Широкого Залива и его люди предложили Арнбьёрну поехать за Снорри вдогонку, но Арнбьёрн этого не захотел, сказав, что пусть каждый останется при своем. Снорри и его люди выехали домой на следующий день, и недовольство сыновей Торбранда только возросло; они считали, что их положение гораздо хуже, чем до поездки. Так проходит лето.

XLIII

У Торбранда, бонда из Лебяжьего Фьорда, был раб по имени Эгиль Силач; он был велик ростом и силен как никто, и очень тяготился долей невольника. Он часто просил Торбранда и его сыновей отпустить его на волю и предлагал совершить ради этого все, что в его силах. Однажды вечером Эгилю случилось идти за овцами из Лебяжьего Фьорда дальше на север в Городищенскую Долину. Когда стало смеркаться, Эгиль увидел, что с запада с другой стороны

фьорда летит орел. При Эгиле была большая ловчая собака[110]: орел опустился на собаку, зажал ее своими когтями и полетел с ней обратно на запад на ту сторону фьорда к могиле Торольва Скрюченная Нога; затем он исчез за горой. Торбранд сказал, что это чудо, должно быть, предвещает большие события.

У жителей Широкого Залива был обычай устраивать в канун наступления зимы игры в мяч: их проводили вблизи хутора Плечо, что к югу от хутора Судно — место это с тех пор зовется Поля Игровых Палат — и туда стекались люди со всего края. Там были возведены большие палаты, чтобы игроки могли жить в них в течение полумесяца или дольше. В то время местность была уже густо заселена, и подбор игроков был хорошим; играла большая часть молодежи, кроме Торда Пучеглазого — он не мог состязаться из-за горячего нрава, но вовсе не потому, что особенно выделялся силой. Братья Бьёрн с Арнбьёрном, по общему мнению, были столь сильны, что не могли участвовать в играх, если не играли друг против друга.

Той осенью сыновья Торбранда стали уговаривать своего раба Эгиля отправиться на игры в мяч, чтобы убить кого-нибудь из жителей Широкого Залива — Бьёрна или Торда или Арнбьёрна, — когда представится случай, а затем он получит свободу. Некоторые люди рассказывают, что это было сделано по наущению Снорри Годи, и что Снорри будто бы наставлял Эгиля, как проникнуть в палаты скрытно и застать их врасплох; он наказал Эгилю заходить сверху со стороны того ущелья, что простирается выше палат, и спускаться в тот час, когда зажгут огни для ужина, ибо в тех местах, как сказал Снорри, ветер по вечерам обычно дует с моря, и тогда дым валит в ущелье. Спускаться к дому было велено не раньше, чем все ущелье наполнится дымом.

Эгиль вызвался исполнить это поручение; сперва он шел на запад вдоль берега и расспрашивал про овец из Лебяжьего Фьорда, делая вид, будто отправился на розыски; покамест он был в отлучке, стеречь овец в Лебяжьем Фьорде должен был Фрейстейн Проныра.

Вечером того дня, когда Эгиль отправился в путь, Фрейстейн Проныра пошел за овцами на запад за реку. Когда он поднялся на гряду, что проходит западнее реки и зовется Гейрвёр (Копейная Губа), то увидел неприкрытую землей человеческую голову без туловища. Голова сказала такой стишок:

№ 32

Кровью людскою
Окрашена Гейрвёр,
Скрыть суждено ей
Их черепа[111].

Фрейстейн рассказал о знамении Торбранду, и тот счел, что грядут большие события.

А о путешествии Эгиля следует рассказать, что он шел вдоль берега Лебяжьего Фьорда на запад до Выпасной Скалы, а за нею свернул на юг в горы и шел с таким рассчетом, чтобы спуститься с перевала в то самое ущелье, что простирается над Игровыми Палатами. Днем он спрятался в ущелье и смотрел за игрой оттуда.

Торд Пучеглазый сидел в стороне и в игре не участвовал. Он сказал:

— Я не могу разобрать, что именно я вижу наверху в ущелье; то ли это птица, то ли человек, и он временами высовывается из укрытия. Как бы то ни было, это что-то живое, — говорит он, — и, по-моему, стоит выяснить, что.

Тем не менее, этого не сделали.

В тот день стряпать были наряжены Бьёрн Боец Широкого Залива и Торд Пучеглазый; Бьёрн должен был разводить огонь, а Торд ставить воду. Когда огонь развели, дым, как и предполагал Снорри, повалил наверх в ущелье. Тогда Эгиль пошел вниз к палатам под прикрытием дыма. В это время день уже сильно клонился к вечеру, но игра все еще не была окончена. Огонь пылал очень сильно, и все палаты быстро заполнились дымом. Эгиль держит путь вниз; он изрядно окоченел, сидя днем на горе.

В башмаки Эгиля были вдеты сыромятные ремешки, и на конце их, по тогдашнему обычаю, крепились подковки[112]; один из ремешков развязался, и подковка волочилась по земле. Тут раб входит в сени. Когда он двинулся дальше в горницу, то хотел войти бесшумно: он видел, что Бьёрн с Тордом сидят у огня, и Эгиль полагал, что лишь краткий миг отделяет его от тех свершений, что окончательно и бесповоротно принесут ему свободу. Но, перешагивая через порог, он запнулся о свою подковку, ту, что волочилась по земле, и когда он, желая пройти дальше, занес над порогом вторую ногу, подковка уже сидела намертво. От этого он потерял равновесие, шатнулся вперед и грянулся на настил. Грохот был таким, словно на пол с размаху бросили тушу быка.

Торд вскочил и спросил, что за черт тут бродит. Бьёрн тоже подскочил к Эгилю и успел схватить его прежде, чем тот поднялся на ноги. Он спрашивает, что за человек здесь.

Тот отвечает:

— Это Эгиль, милый Бьёрн, — сказал он.

Бьёрн спросил:

— Какой еще Эгиль?

— Эгиль из Лебяжьего Фьорда, — говорит тот.

Торд схватил меч и хотел зарубить Эгиля, но Бьёрн отстранил Торда и просил его не рубить этого человека так поспешно, —

— Сперва мы хотим узнать от него всю правду.

Затем они закрепили путы на ногах Эгиля. А вечером, когда люди пришли в палаты, Эгиль рассказывает, так что все люди слышали, какая работа была

предназначена ему в этой поездке. Ночью они стерегли его в доме, а наутро вывели в ущелье — ныне оно зовется Ущельем Эгиля — и там убили.

В то время были такие законы, что убивший чужого раба должен был сам доставить владельцу виру и начать свой путь до того, как солнце взойдет в третий раз со времени убийства раба; вира составляла двенадцать эйриров серебра. И если виру за раба доставляли, как положено по закону, то тяжба об убийстве не возбуждалась[113]. После убийства Эгиля люди из Широкого Залива приняли решение доставить виру за раба, как положено по закону, и отобрали по хуторам, начиная с Игровых Палат, тридцать человек для поездки; все люди были как на подбор. Они сели верхом и поднялись по пустоши на север и остановились на ночлег на Песчаном Берегу у Стейнтора. Стейнтор вызвался их проводить, и оттуда они двинулись уже с шестью десятками людей. Они проехали по берегу фьорда еще дальше на запад и провели вторую ночь у Тормода, брата Стейнтора, на его хуторе Яр. Они призвали к себе на помощь своих родичей Стюра с Вермундом; после этого у них набралось восемьдесят человек. Затем Стейнтор послал своего человека к Святой Горе, чтобы разведать, что захочет предпринять Снорри, когда узнает о созванном ополчении. Но когда посланец Стейнтора прибыл на Святую Гору, Снорри Годи, как обычно, восседал на своем почетном сиденье, и во всем укладе хутора не было никаких изменений; посыльный не уловил ничего важного, из чего можно было бы понять замысел Снорри. Когда он прибыл назад к Яру, он пересказывает Стейнтору, чем заняты люди на Святой Горе.

Стейнтор отвечает:

— Следовало ожидать, что Снорри позволит другим людям действовать по закону. И раз он не выезжает из дому в Лебяжий Фьорд, я не вижу причин держать при себе такую уйму народа, ибо я хочу, чтобы мы ехали с миром, тем более что закон на нашей стороне. Кажется мне разумным, родич Торд, — говорит он, — чтобы вы с людьми из Широкого Залива остались здесь, ибо вам и сыновьям Торбранда достаточно самой малости, чтобы завестись.

Торд отвечает:

— Я, разумеется, поеду дальше, и Торлейв Кимби не получит повод смеяться над тем, что я не смею доставить виру за раба сам.

Тогда Стейнтор обратился к братьям Бьёрну с Арнбьёрном:

— Я хочу, — говорит он, — чтобы вы поджидали нас здесь с двадцатью людьми.

Бьёрн отвечает:

— Я не стану набиваться к тебе в провожатые настойчивей, чем это кажется тебе приличным. Но ранее мне не доводилось бывать в тех местах, где помощь моя объявлялась обузой. Еще же я думаю, — говорит он, — что Снорри Годи рассчитал вперед глубже, чем вы. И хоть я не провидец, — сказал Бьёрн, —

есть у меня предчувствие, что ваша поездка сложится так, что прежде чем мы с тобой встретимся снова, твое войско не покажется тебе слишком большим.

Стейнтор отвечает:

— Я буду принимать решение за всех нас, покуда я здесь, даже если я не столь дальновиден, как Снорри Годи.

— Ну, в этом, родич, я тебе не помеха, — говорит Бьёрн.

После этого Стейнтор и его люди ускакали с Яра на запад; их было чуть менее шестидесяти человек. Они ехали по Уступам до Убойного Склона, перевалили через Озерный Кряж, пересекли Долину Реки Водоворота, и, наконец, выехали на Кряж Ульваровой Горы.

XLIV

Снорри Годи заранее послал своим соседям сообщить, чтобы они подвели свои корабли к Заливу Красной Скалы. Едва посыльный Стейнтора отбыл прочь, как Снорри выехал к Заливу, взяв с собой своих домочадцев; раньше он не выезжал из дому именно потому, что догадывался, что человек этот послан разведать о его занятиях. Снорри плыл по Лебяжьему Фьорду вдоль берега; у него было три корабля и почти пятьдесят человек, и он прибыл на Двор Кара раньше Стейнтора.

Когда на Дворе Кара люди увидали, как приближается Стейнтор, сыновья Торбранда сказали, что нужно выступить им навстречу и ни в коем случае не пускать их на выгон, —

— ибо войско у нас и большое, и ладное.

Но Снорри Годи отвечает так:

— Не надо оборонять от них подступы к хутору. Нужно позволить Стейнтору действовать по закону, ибо он, наверняка, будет излагать свое дело разумно и не станет затевать склоку. Я хочу, чтобы все оставались в помещении и воздержались от любых слов, от которых злоключения людей только умножатся.

После этого все зашли в горницу и уселись на скамьи, а сыновья Торбранда расхаживали по настилу.

Стейнтор и его люди подъехали к дверям; рассказывают, что на Стейнторе был красный плащ, полы которого он вытянул наверх и заправил себе под ремень. У него были красивые щит и шлем, а на поясе укреплен меч. Это было на редкость изысканное оружие — пластины по обе стороны рукояти сверкали, ибо они были из серебра, а сама рукоять была перевита серебряной нитью; по краям ее шли золоченые планки.

Стейнтор и его люди спешились. Он подошел к двери и привязал к ней кошель с двенадцатью эйрирами серебра. Потом он назвал свидетелей того, что вира за убитого раба доставлена по закону. Створка была распахнута, и в

сенях находилась служанка, которая слышала, как объявляют свидетелей; она зашла в горницу и сказала:

— Недаром рассказывают, — сказала она, — что у этого Стейнтора с Песчаного Берега мужественный вид. Да и говорит он все правильно — вон сейчас привез за раба виру.

Когда Торлейв Кимби это услышал, он и прочие сыновья Торбранда вскочили со своего места и выбежали вперед; за ними двинулись все те, кто был в горнице. Торлейв вбежал в сени первым; он увидел, что перед дверьми со щитом в руках стоит Торд Пучеглазый, а Стейнтор отошел дальше на выгон. Торлейв схватил копье, стоявшее в сенях, и ударил им Торда Пучеглазого; удар пришелся в щит, и копье, скользнув по щиту, угодило в плечо, и это была большая рана. После этого люди выбежали наружу, и на выгоне завязалась битва. Стейнтор был вне себя и рубил с обеих рук, как одержимый. Когда Снорри Годи вышел наружу, он просил людей не умножать неприятностей и просил Стейнтора отъехать с выгона прочь; он сказал, что сам не будет преследовать их.

Стейнтор и его люди отъехали от хутора и спустились вниз на поля, и схватка прекратилось. Но когда Снорри Годи зашел обратно в сени, на пути ему повстречался его сын Тородд; у него было сильно поранено плечо. Мальчику было тогда двенадцать лет.

Снорри спросил, кто ранил его:

— Стейнтор с Песчаного Берега, — сказал тот.

Торлейв Кимби отвечает:

— Вот он и воздал тебе по заслугам за то, что ты не пожелал ехать за ним вдогонку. Мой совет теперь — не отпускать их на этом просто так.

— Именно так мы и поступим, — говорит Снорри, — и пообщаемся с ними еще немного.

Теперь он просит Торлейва объявить людям, что нужно ехать вдогонку. Когда Стейнтор и его люди заметили погоню, они уже успели миновать поля. Тогда они переправились через реку, спешно поднялись на гряду Гейрвёр, и приготовились к бою — там было удобно держать оборону, так как камни лежали под рукой.

Когда отряд Снорри показался у подножия гряды, Стейнтор по древнему обычаю метнул наудачу копье в отряд противника[114]. Оно пролетело над большинством людей Снорри, но все же нашло для себя подходящее место и попало в Мара сына Халльварда, родича Снорри, и тот сразу сделался неспособен к бою.

Когда это доложили Снорри, он говорит так:

— Хорошо изведать на своей шкуре, что не всегда стоит идти последним.

После этого началась жестокая битва. Стейнтор держался впереди своего отряда и рубил с обеих рук, но его отделанный меч никуда не годился и гнулся о

щит и броню; из-за этого ему часто приходилось выправлять клинок под ногой. Стейнтор больше всего стремился пробиться туда, где стоял Снорри. Стюр сын Торгрима бился рядом со своим родичем Стейнтором и наступал мощно; не прошло много времени, как он убил человека из отряда Снорри, своего зятя.

Увидев это, Снорри Годи сказал Стюру:

— Вот как ты мстишь за своего племянника Тородда, которому Стейнтор нанес смертельную рану. Таких мерзавцев, как ты, трудно сыскать!

Стюр отвечает:

— Этот урон я могу возместить тебе быстро.

Затем он поворотился, примкнул к людям Снорри и убил еще одного человека — на сей раз из отряда Стейнтора.

В это время подоспели родичи из Длинной Долины, Аслак со своим сыном Иллуги Мощным, и стали разводить бьющихся; у них было тридцать человек. В их ряды встал и Вермунд Тощий, и они вместе потребовали от Снорри Годи остановить смертоубийство. Тогда Снорри просил Людей с Песчаного Берега подойти, чтоб заключить перемирие. Затем они попросили Стейнтора принять перемирие. Тогда Стейнтор попросил Снорри протянуть руку, и тот так и сделал. Стейнтор же занес меч и ударил Снорри по руке. Раздался сильный треск; удар пришелся по кольцу жертвенному, что было надето на руку, и почти расколол кольцо надвое, но Снорри ранен не был.

Тут подает голос Тородд сын Торбранда:

— Они нарушат любое перемирие, и нам не след останавливаться, прежде чем все сыновья Торлака будут убиты.

Снорри отвечает так:

— Если все сыновья Торлака будут убиты, жизнь в округе станет слишком тревожной, и пусть перемирие останется в силе, если Стейнтор согласен на те условия, что объявлены ранее.

Все просили Стейнтора соглашаться. Кончилось тем, что было объявлено перемирие, чтобы каждый мог беспрепятственно добраться до дому.

Теперь следует рассказать о людях из Широкого Залива, что они проведали о том, что Снорри с множеством народа уехал в Лебяжий Фьорд. Тогда они сели на своих лошадей и поскакали во весь опор вслед за Стейнтором. Когда случилась битва на гряде, они были на Кряже Ульваровой Горы, и некоторые люди рассказывают, что Снорри Годи видел Бьёрна и его людей, когда они проезжали вершину Кряжа, ибо он со своего места смотрел в их сторону, и будто бы именно поэтому он столь охотно отпустил людей Стейнтора с миром.

Стейнтор и Бьёрн встретились на Дворе Эрлюга, и Бьёрн сказал, что все вышло так, как он и предполагал,

— и вот вам мой совет, — сказал он, — поворачивайте обратно, и сообща мы здорово их прижмем.

Стейнтор отвечает:

— В этот раз я намерен соблюдать перемирие со Снорри Годи, как бы наши дела с ним ни обернулись впоследствии.

После этого все разъехались по своим хуторам, а Торд Пучеглазый остался на Песчаном Берегу залечивать раны.

В битве при Лебяжьем Фьорде в войске Стейнтора пало пять человек. Двое пало в войске Снорри Годи, и множество людей с обеих сторон было ранено, ибо схватка была на редкость ожесточенной. Тормод сын Бахромы в Речах Ворона говорит так:

№ 33

Снорри кормил
Кровью из жил
Орла в битве страшной
Во Фьорде Лебяжьем.
И пять, кто там был,
Он загубил,
Чтоб показать,
Как нужно карать[115].

Торбранд во время битвы был в рядах посредников вместе с Аслаком и Иллуги; он-то и вызвал их, чтоб добиться перемирия. Теперь он благодарит Аслака с Иллуги за услугу, а Снорри Годи за поддержку в деле.

После битвы Снорри Годи отправился к себе домой на Святую Гору; тогда же было решено, что до окончания распри сыновья Торбранда будут попеременно жить то на Святой Горе, то у себя дома в Лебяжьем Фьорде, ибо в то время начались жестокие стычки, чего следовало ожидать, ведь после того, как люди вернулись со схватки домой, никакое перемирие больше не действовало.

XLV

Летом, еще до битвы при Лебяжьем Фьорде, на Мыс Завтрака пришел корабль из-за моря, о чем рассказывалось ранее. Тогда же Стейнтор с Песчаного Берега купил у корабельщиков хороший десятивесельник. Но когда он должен был отводить купленное судно домой, поднялся крепкий западный ветер, и их отнесло вглубь фьорда за оконечность Мыса Тора. Они пристали на Мысу Вечевых Палат и вытащили судно на сушу, поставив его в Рытвинный Сарай. Затем они прошли пешком через кряж на запад к Яру, сели там на другой корабль и уехали домой. Десятивесельник же остался стоять в Рытвинном Сарае, и осенью за ним никто не приходил.

Однажды утром незадолго до йоля Стейнтор рано поднялся на ноги; он говорит, что намерен наведаться к своему кораблю на Мыс Вечевых Палат. С ним вместе вызвались идти его братья Бергтор и Торд Пучеглазый; раны

Торда зажили к этому времени настолько, что он уже вполне мог держать оружие. С ними отправились также два норвежца, живших у Стейнтора; всего их было восемь человек. Их переправили через фьорд на запад к Лачужной Скале, и оттуда они пошли вдоль берега к Яру; там к ним присоединился их брат Тормод — он был девятым. Весь Капищный Залив, начиная с Большого Яра, был покрыт льдом, и они двинулись на запад сперва по льду залива, а затем миновали перешеек и вышли в Окраинный Фьорд; он замерз весь до основания. У этого фьорда есть такая особенность, что во время отлива вся вода уходит из него начисто, и в час отлива лед ложится прямо на глинистое дно, а те шхеры, что есть во фьорде, поднимаются над поверхностью льда. Лед вокруг шхер был сильно изломан, и льдины на подходе к шхерам торчали под большим наклоном. На льду лежал свежевыпавший снег, и ходить по нему было очень скользко.

Стейнтор и его спутники достигли Мыса Вечевых Палат и вытащили судно из корабельного сарая; они сняли с судна все весла и палубу и положили на лед. Они также сложили на лед одежды и часть оружия, которая весила больше всего. Затем они потащили судно к началу фьорда, и далее через перешеек к Капищному Заливу до самой кромки льдов. После этого они пошли обратно за своей одеждой и прочими вещами. И когда они во второй раз пришли в Окраинный Фьорд, они увидели, как шесть человек выходят с Мыса Вечевых Палат и идут быстрым шагом на север, держа путь к Святой Горе. Стейнтор и его спутники заподозрили, что это, скорее всего, сыновья Торбранда, которые собираются на Святую Гору, чтобы праздновать йоль. Тогда люди Стейнтора бросились вперед, чтобы успеть забрать одежды и оружие. А это, как и предполагал Стейнтор, были сыновья Торбранда. Когда они увидели, что какие-то люди бегут по льду фьорда в сторону моря, они сообразили, кто это может быть, и подумали, что жители Песчаного Берега захотят с ними встретиться. Тогда они, в свой черед, пустились бежать по направлению к шхере, чтобы заняв ее, держать на ней оборону. Они бежали почти что наперез друг другу, и сыновья Торбранда успели залезть на шхеру вовремя.

Когда Стейнтор и его люди подбежали к шхере, Торлейв Кимби метнул копье в их отряд; оно попало в живот Бергтору сыну Торлака, и он сразу же стал неспособен к бою. Он отошел в сторону и лег на лед, а Стейнтор и часть его людей обложили шхеру; некоторые же отправились за оружием. Сыновья Торбранда защищались стойко и мужественно. К тому же им было удобно держать оборону, поскольку льдины на подходе к шхере торчали под сильным наклоном и были невероятно скользкими. Поэтому, пока не подоспели те, кто ходил за оружием, до увечий не дошло.

Стейнтор и пятеро с ним пошли приступом на шхеру, а норвежцы отошли на расстояние выстрела; у них с собой были луки, и они принялись расстреливать защитников шхеры; от этого те терпели урон.

Увидев, что Стейнтор обнажил свой меч, Торлейв Кимби сказал:

— Рукоять у тебя, Стейнтор, сверкает, как прежде, — сказал он, — но я не знаю, сменил ли ты с осени тот мягкий клинок, что был у тебя в Лебяжьем Фьорде.

Стейнтор отвечает:

— Я бы хотел, чтобы, прежде чем мы расстанемся, ты испытал сам, мягок мой клинок или нет.

Взять шхеру приступом долго не удавалось. И когда они сражались уже длительное время, Торд Пучеглазый с разбегу налетел на шхеру и попытался поразить Торлейва Кимби копьем — тот постоянно держался впереди своих братьев. Торлейв Кимби отвел от себя удар щитом, и поскольку Торд вложил в этот удар всю силу, а стоял он на сильно наклонной льдине, ноги у него подкосились; он опрокинулся на спину и съехал со шхеры задом наперед. Торлейв Кимби выскочил вниз за ним вдогонку — он рассчитывал убить его прежде, чем тот поднимется на ноги. Вслед за Торлейвом выскочил Фрейстейн Проныра; на башмаках его были большие шипы. Стейнтор бросился туда и прикрыл Торда от удара Торлейва своим щитом. Другой рукой он ударил Торлейва Кимби мечом и отсек ему ногу ниже колена. Когда это случилось, Фрейстейн Проныра уже нацелился поразить Стейнтора в живот. Увидев это, Стейнтор подпрыгнул вверх и развел ноги, так что удар Фрейстейна захватил воздух. Все эти три приема, что здесь перечислены, Стейнтор проделал в один миг. Вслед за этим он ударил Фрейстейна мечом по шее так, что раздался сильный хруст.

Стейнтор сказал:

— Попало тебе, Проныра?

— Попасть-то попало, — сказал Фрейстейн, — да не так, как ты думаешь: нет на мне раны.

На нем был плащ с войлочным капюшоном, и вокруг шеи в него был зашит рог: как раз туда и пришелся удар.

Затем Фрейстейн поспешил подняться обратно на шхеру. Стейнтор просил его не убегать, коли он впрямь не ранен. Тогда Фрейстейн поворотился, и они сошлись в жестокой схватке у края шхеры. Стойка Стейнтора была хуже, и он рисковал упасть, так как льдины под ним были не только скользкими, но и наклонными. Фрейстейн же в своих башмаках с шипами стоял твердо и рубил часто и мощно. Но все же завершился поединок тем, что Стейнтор нашел у Фрейстейна незащищенное место выше бедер и разрубил его ударом меча надвое. Вслед за этим они взошли на шхеру и не делали передышек, покуда все сыновья Торбранда не полегли. Торд Пучеглазый предложил пройтись по всем

сыновьям Торбранда, чтоб их голова отлетела от туловища, но Стейнтор сказал, что не желает добивать лежащих людей. После этого они спустились со шхеры и подошли туда, где лежал Бергтор. К этому часу он еще мог говорить. Они взвалили его себе на плечи и понесли по льду фьорда, и далее по перешейку, к своему кораблю. Затем они сели на весла и вечером прибыли к Яру.

Пастух Снорри Годи днем находился на Воловьих Откосах и увидел оттуда встречу в Окраинном Фьорде; он сразу отправился домой и рассказал Снорри Годи, что днем в Окраинном Фьорде случилась встреча, и далеко не мирная. Снорри и его люди схватили оружие и пошли на юг к фьорду вдевятером. Когда они прибыли на место, Стейнтор со своими уже миновал льды фьорда и вышел на перешеек. Снорри и его люди осматривают раны: убитых, кроме Фрейстейна Проныры, не было, но все остальные лежали с опасными для жизни ранами.

Торлейв Кимби подзывает к себе Снорри Годи и просит ехать вдогонку за Стейнтором и не дать никому ускользнуть. После этого Снорри подошел к месту, где ранее лежал Бергтор, и увидел на снегу большое пятно крови. Он взял в горсть и кровь, и снег, растер все вместе у себя на ладони и засунул себе в рот; он спрашивает, из кого это вытекло столько крови. Торлейв Кимби говорит, что здесь лежал Бергтор. Снорри говорит, что у крови нутряной привкус.

— Все может быть, — говорит Торлейв, — ибо ранен он был копьем.

— Думаю я, — сказал Снорри, — что это — кровь обреченного, и мы не будем ехать в погоню.

После этого сыновей Торбранда отвезли домой на Святую Гору и перевязали им раны. У Тородда сына Торбранда была такая большая рана сзади на шее, что он не мог распрямить голову. Носки у него были закреплены на штанинах, и штаны были насквозь мокрыми от крови. Домочадец Снорри Годи должен был стаскивать их с Тородда. Но когда он попытался стащить штанину, она сидела намертво.

Тогда домочадец сказал:

— Воистину не зря говорят о вас, сыновьях Торбранда, что вы делаете все людям наперекор. Даже одежда ваша сидит так туго, что ее никак не удается с вас снять.

Тородд сказал:

— Похоже, за нее не взялись как следует.

После таких слов домочадец уперся одной ногой в столб и потянул на себя штанину со всей силы, но она не поддалась. Тут подошел Снорри Годи, ощупал ногу и понял, что между голенью и сухожилием застрял наконечник копья, и потому штанина оказалась пригвождена к ноге. Тогда Снорри назвал себя недюжинным остолопом за то, что не догадался об этом раньше.

Снорри сын Торбранда был самым бодрым из всех братьев и даже сидел вечером за столом рядом со своим тезкой; подавали творог и сыр. Снорри

Годи заметил, что его тезка почти не притрагивается к сыру, и он спросил, отчего тот так плохо кушает. Снорри сын Торбранда отвечает, что ягнятам тоже очень больно глотать сразу после того, как в рот им вставят распорку[116]. Тогда Снорри Годи ощупал его шею у горла и понял, что поперек горла у корня языка сидит наконечник стрелы; тогда Снорри взял клещи и вытащил наконечник, и после этого тот ел.

Снорри Годи выходил всех сыновей Торбранда. Но когда рана на шее Тородда начала подживать, голова его оказалась немного опущена вниз. Тогда Тородд говорит, что Снорри вознамерился залечить его, сделав калекой, но Снорри Годи сказал, что, по его мнению, посадка головы выправится, когда жилы на шее натянутся. Но Тородд не хотел ни о чем слышать и настоял, чтобы рану вскрыли по новой и посадили голову правильней. Все, однако, вышло так, как предполагал Снорри, и когда жилы натянулись, голова оказалась запрокинута наверх, и Тородд впоследствии почти не мог наклонить ее вниз. Торлейв Кимби до конца своих дней ходил с деревянной ногой.

XLVI

Когда Стейнтор с Песчаного Берега и его спутники прибыли к Яру и подошли к корабельному сараю, они поставили туда свой корабль. После этого Стейнтор, Тормод и Торд поднялись на хутор, а над Бергтором был разбит шатер у берега. Рассказывают, что Торгерд, хозяйка дома, вечером не захотела ложиться в одну постель со своим мужем Тормодом. Но в этот миг из корабельного сарая пришел человек и поведал, что Бергтор скончался. Когда это стало известно, хозяйка легла в свою постель, и не сообщается, что в дальнейшем у супругов возникали разногласия по этому поводу. Наутро Стейнтор выехал к себе домой на Песчаный Берег, и до конца зимы никто друг на друга не нападал.

Весной, когда подошло время выносить тяжбы на тинг, люди добропорядочные сочли, что дело подходит к опасной черте, если знатнейшие мужи в округе и дальше останутся непримиренными и будут продолжать свои распри. Тогда достойные мужи, бывшие в дружбе и с теми, и с другими, вызвались посредничать о примирении между сторонами. Главным миротворцем выступал Вермунд Тощий; его поддержали многие добропорядочные люди из числа тех, кто был связан родственными узами с обеими сторонами. В конце концов, было заключено перемирие, и они помирились. Большинство людей рассказывает, что обе стороны отдали свои тяжбы на суд Вермунда. Он же объявил свое решение на Тинге Мыса Тора, выслушав мнение самых мудрых людей из бывших в то время на тинге.

О самой мировой сообщается, что убийства и нападения с обеих сторон были приравнены друг к другу. Рана Торда Пучеглазого, полученная в Лебяжьем Фьорде, была приравнена к ране Тородда, сына Снорри Годи. Раны же

Мара сына Халльварда и удар по руке Снорри Годи, который нанес Стейнтор, пошли в зачет убийства троих людей, павших в Лебяжьем Фьорде. Те два убийства, которые совершил Стюр, сражаясь в каждом из отрядов, были сочтены уравновешивающими друг друга. Что до битвы в Окраинном Фьорде, то там убийство Бергтора было приравнено к ранениям троих сыновей Торбранда, а убийство Фрейстейна Проныры пошло в зачет гибели того человека, что пал в войске Стейнтора в битве при Лебяжьем Фьорде, и ранее оставался неучтенным. Торлейву Кимби заплатили за отрубленную ногу. А гибель того человека, что пал в Лебяжьем Фьорде в войске Снорри Годи, пошла в зачет того, что Торлейв Кимби первым напал на противника, что и послужило поводом к битве. Затем стали сравнивать раны прочих людей и выплачивать виры за урон, которых сочли существенным, и люди разъехались с тинга полностью примиренными, и мировая эта соблюдалась все то время, пока живы были оба — Стейнтор и Снорри Годи.

XLVII

Тем же летом после примирения Тородд Скупщик Дани пригласил Снорри Годи, своего шурина, на угощение к себе домой на Вещую Реку, и Снорри Годи отправился туда сам-девятый. Когда Снорри сидел за угощением, Тородд пожаловался ему на то, что Бьёрн сын Асбранда срамит и унижает его тем, что по-прежнему ходит к Турид, жене Тородда и сестре Снорри Годи. Тородд сказал, что, по его мнению, Снорри Годи обязан пресечь это безобразие. Снорри пробыл на угощении несколько ночей; Тородд проводил его в дорогу, сделав Снорри подобающие подарки. Оттуда Снорри Годи выехал на юг через пустошь; он пустил слух, будто едет к кораблю в Устье Лавовой Заводи. Дело было летом, в разгар работ на выгоне. И когда они прошли путь до Гребневой Пустоши, Снорри сказал:

— Отсюда мы поскачем по пустоши вниз к Гребню. Я хочу сообщить вам, — говорит он, — что я намерен застать Бьёрна врасплох и лишить его жизни, если представится случай. Но осаждать его в доме я не хочу, ибо постройки здесь крепкие, а сам Бьёрн могуч и отважен. К тому же, наш отряд мал, а те, кто пытался одолеть подобных удальцов у них дома, не особо преуспел даже тогда, когда наезжал на них с куда большим числом народа. И есть тому примеры: Гейр Годи и Гицур Белый с восемью десятками людей обложили Гуннара с Конца Склона на его хуторе[117], а он был в доме один, но тем не менее сумел ранить и убить много людей. Так бы они и отступили, если бы Гейр Годи со своим острым умом не понял, что стрелы и дроты Гуннара на исходе[118].

И поскольку, — говорит он, — Бьёрн сейчас стоит на дворе, чего можно ожидать, так как день сегодня сухой и погожий, я поручаю поразить Бьёрна

тебе, родич Мар. Но учти, что такого, как он, дразнить долго не нужно, и берегись, если тебе не удастся с первого раза нанести ему такое увечье, которое быстро принесет ему смерть, ибо голодный волк в гневе грозен.

Когда они спустились с пустоши и поскакали к хутору, то увидели, что Бьёрн стоит снаружи на выгоне и мастерит салазки для сена, и с ним никого из людей нет, и нет никакого оружия, кроме маленького топорика и большого плотницкого ножа, который он взял, чтобы проделать отверстия в дереве; лезвие ножа было длиной в пядь.

Бьёрн видел, как Снорри Годи и его люди скачут по пустоши и спускаются оттуда на поле; он сразу же понял, кто это. Снорри Годи был в синем плаще и ехал первым. Бьёрн принял такое решение: он схватил нож и быстрым шагом пошел им навстречу. Поравнявшись со Снорри, он ухватился одной рукой за рукав его плаща; в другой руке он сжимал нож, держа его так, чтобы ему было удобно поразить грудь Снорри в любой миг, когда это будет нужно.

Бьёрн приветствовал их, сразу как они встретились. Снорри Годи ответил на приветствие, а у Мара опустились руки — он счел, что Бьёрн живо расправится со Снорри, если против него затеют что-либо недружественное. Затем Бьёрн, не ослабляя захвата, проводил Снорри до дороги и расспрашивал его о всевозможных новостях.

Затем Бьёрн сказал:

— Так уж вышло, бонд Снорри, — и я этого не скрываю, — что ранее я причинил вам такие обиды, за которые вы вправе мне мстить. И мне рассказывали, что вы замышляете поступить со мной плохо. Теперь мне больше всего по душе, — говорит он, — чтобы вы, если вас привели сюда какие-то дела, кроме нужды прокатиться по здешней дороге, о них бы мне объявили. Если же нет, я хочу, чтобы вы отпустили меня с миром, и тогда я пойду домой, ибо пустой разговор меня не прельщает.

Снорри отвечает:

— Ты сам столь удачно обставил нашу встречу, что на сей раз уйдешь с миром, что бы ни было задумано ранее. Но я хочу просить тебя, чтоб ты впредь остерегся портить мою сестру Турид, ибо вражда между нами никогда не иссякнет, если ты не оборвешь заведенный обычай.

Бьёрн отвечает:

— Я обещаю лишь то, что точно исполню. Но я не знаю, смогу ли с собой совладать, — говорит он, — ведь мы с Турид живем в одной округе.

Снорри отвечает:

— Тебя держит здесь не столь многое, чтобы ты не мог перебраться в иные края.

Бьёрн отвечает:

— То, что ты сейчас говоришь — правда. И памятуя о том, что ты сам явился ко мне, и о том, как наша встреча сложилась, я обещаю, что со следующей зимы Тородд и ты избавитесь от унижений из-за наших с Турид встреч.

— Тогда ты поступишь верно, — говорит Снорри.

После этого они расстаются; Снорри Годи поскакал к кораблю, а затем уехал домой на Святую Гору. На следующий день Бьёрн выехал в Лавовую Заводь к кораблю и сразу договорился с корабельщиками о провозе в то же лето. Собрались они с запозданием; и в пути их застиг сильный северо-восточный ветер, который дул тем летом подолгу, и о корабле этом не было никаких вестей много лет.

XLVIII

После примирения людей с Песчаного Берега и людей из Лебяжьего Фьорда сыновья Торбранда, Снорри и Торлейв Кимби, отправились в Гренландию. Торлейв жил в Гренландии до старости, и по нему там назван Залив Кимби, который находится между ледниками. Снорри же отправился дальше к Винланду Доброму вместе с Карлсефни. И когда они сразились в Винланде со скрэлингами, там пал Снорри сын Торбранда; он был очень храбрым человеком[119].

Тородд сын Торбранда остался жить в Лебяжьем Фьорде. Он был женат на Рагнхильд дочери Торда, сына Торгильса Орла; Торгильс же Орел был сыном того самого Халльстейна Годи с Мыса Халльстейна, о рабах которого ходят рассказы[120].

XLIX

Дальше рассказывается о том, что Гицур Белый и его зять Хьяльти прибыли в страну возвестить христианство, и все люди в Исландии были крещены, а христианство узаконено решением альтинга. Среди жителей Западных Фьордов не было никого, кто радел бы о принятии христианства больше, чем Снорри Годи.

После того, как альтинг был завершен, Снорри Годи велел возвести на Святой Горе церковь, а Стюр, его тесть, — другую у Лавовой Пустоши; люди усердно строили церкви, ибо наставники обещали каждому, что он проведет в царство небесное стольких людей, сколько может вместить построенная им церковь.

Тородд Скупщик Дани тоже велел возвести церковь на своем хуторе у Вещей Реки, но хотя церкви эти и были построены, службы в них все равно не пелись, потому что священников в Исландии в то время почти не было.

L

В то лето, когда христианство стало законом по решению альтинга, с моря к Мысу Снежной Горы подошел корабль. Это было судно из Дювлина, и на борту, в основном, были ирландцы и жители Южных Островов; норвежцев было мало. Летом они долго стояли напротив Ребра и ждали попутного ветра, чтобы плыть дальше вглубь фьорда до Мыса Завтрака, и многие жители Мыса Снежной Горы приходили торговать с ними.

На корабле была одна женщина с Южных Островов, по имени Торгунна; ее товарищи говорили, будто у нее с собой такие сокровища, какие редко увидишь в Исландии. Когда об этом узнала Турид, хозяйка хутора на Вещей Реке, ей сильно захотелось взглянуть на сокровища своими глазами, ибо она любила побрякушки и была большая щеголиха. Она отправилась к кораблю, нашла Торгунну и спросила ее, нет ли у нее какого-нибудь убранства для женщин, из тех, что понаряднее. Торгунна отвечала, что на продажу у нее ничего нет, однако у нее есть сокровища, которые не зазорно надеть на себя к угощению и прочим сходкам. Турид попросилась поглядеть на сокровища, и та ей это позволила. Турид вещи понравились: она сочла их очень привлекательными, хотя и не самыми дорогими. Она принялась торговаться, но Торгунна продавать их не захотела. Тогда Турид пригласила ее к себе: она знала, что у Торгунны с собой много нарядных вещей, и надеялась со временем уломать Торгунну продать их.

Торгунна отвечает:

— Я не прочь поехать к тебе на зимовку, однако ты должна знать, что я не расположена платить за себя, ибо я вполне в силах работать. Работы я не чураюсь, но в дождь работать не буду. Я сама решу, с чем из моих вещей я захочу расстаться.

Торгунна говорила довольно надменно, но Турид все же предпочла, чтобы она переехала к ним на хутор. Тогда с корабля на берег вынесли имущество Торгунны: это были большой запертый сундук и переносной ларчик; все это отвезли домой на Вещую Реку. Когда Торгунна прибыла на место, она потребовала выделить ей постель; ей отвели место в глубине покоев. Затем она открыла сундук и вынула из него постельное белье; все оно было очень изысканным. На ложе она постелила плотные английские простыни и шелковое покрывало с подкладкой. Она также вынула из сундука занавесь в локоть шириной и шатер полога; это было столь большое богатство, что люди никогда в жизни не видели ничего подобного.

Тут Турид, хозяйка хутора, сказала Торгунне:

— Назови мне цену, какую ты хочешь за это постельное белье.

Торгунна отвечает:

— Я не намерена лежать перед тобой на соломе, хоть ты и женщина учтивая[121] и много о себе понимаешь.

Эти слова не понравились Турид, и она больше не просила уступить ей сокровища. Торгунна каждый день бралась за любую работу, которая не была связана с мокрой травой. А когда не было дождя, она убирала сухое сено на выгоне и велела сделать себе грабли, которыми ни с кем не желала делиться. Торгунна была женщина крупного сложения, рослая, ширококостная и очень дородная. У нее были черные брови, близко посаженные глаза и густые волосы. Она хорошо соблюдала обычай и каждый день заходила в церковь перед тем, как приняться за свою работу, но в обхождении была нелюбезной и малоразговорчивой. Люди полагают, что Торгунна уже перевалила за пятый десяток, однако бодрости в ней было хоть отбавляй.

К этому времени на иждивение на Святую Реку поступил Торир Деревянная Нога вместе со своей женой Торгримой Колдовская Щека, и у них с Торгунной сразу не заладилось. Кьяртан, сын хозяина, был тем человеком, с кем Торгунне хотелось общаться больше всего: она его очень любила, но он был с ней неприветлив, и она от этого часто печалилась. Кьяртану было тогда тринадцать или четырнадцать лет; он был велик ростом и собой виден.

LI

Лето было довольно дождливым, но осенью наступили сухие дни. К этому времени страда на Вещей Реке продвинулась так, что весь выгон был выкошен, и почти половина сена успела высохнуть. Очередной день выдался сухим и погожим; ветер был тихим, а небо ясным, так что нигде не было видно ни облачка. Бонд Тородд рано утром поднялся на ноги и указал каждому его работу. Кто-то принялся складывать сено, а кто-то его отвозить, а сам хозяин указывал женщинам, кому как сушить сено и распределил между ними работу: Торгунне выпало готовить сено для скотины в хлеву. Днем работа кипела вовсю.

Ближе к середине дня[122], в небе на севере над Башмаком появилась черная туча; она быстро перемещалась по небу и надвигалась прямо на хутор, и люди поняли, что она принесет с собой дождь. Тородд велел всем собирать сено, но Торгунна продолжала ворошить свое сено, словно одержимая: она так и не начала убирать его, несмотря на то, что это было ей сказано.

Дождевая туча быстро продвигалась вперед; когда она нависла над хутором на Вещей Реке, то наступила такая кромешная тьма, что, стоя на выгоне, ничего нельзя было разглядеть вокруг, и люди едва различали собственные руки. Из тучи хлынул такой сильный дождь, что все сено, которое оставалось разложенным, промокло насквозь. Туча исчезла так же быстро, как появилась,

и небо развеялось; тогда люди увидели, что ливень этот был кровавым. Вечером вновь было сухо, и кровь на всем сене, кроме того, которая должна была сушить Торгунна, испарилась. Сено Торгунны не высыхало, и грабли, с которыми она ходила, так и остались кровавыми.

Тородд спросил, что, по мнению Торгунны, может предвещать это чудо.

Она сказала, что точно не знает, —

— но больше всего похоже на то, — говорит она, — что это предвестник смерти кого-то из тех, кто находится здесь.

Вечером Торгунна отправилась в дом, подошла к своей постели и сняла с себя кровавые одежды. Затем она слегла в постель и тяжело задышала; люди поняли, что она подхватила болезнь. Ливень этот не выпал нигде, кроме как на Вещей Реке. Вечером Торгунна не притронулась к пище. А наутро к ней подошел бонд Тородд и спросил Торгунну, чем, по ее мнению, может кончиться эта болезнь. Торгунна отвечала, что других болезней у нее, наверное, уже не будет.

Затем она сказала:

— Тебя я считаю умнейшим человеком на хуторе, — говорит она, — поэтому я хочу поведать тебе свою волю, как поступать с тем имуществом, что останется после меня, и с самим моим телом, ибо все сбудется так, как я говорю, — сказала она. — И хотя вы едва ли считаете меня важной птицей, я думаю, что обойти мои распоряжения не удастся. Началось все таким образом, что я не смогу избежать больших событий и достичь тихой заводи, коли при спуске судна не поставят крепких упоров.

Тородд отвечает:

— Я вовсе не удивлюсь, если ты близка в этом к истине. Я обещаю тебе — сказал он, — не нарушать твоих указаний.

Торгунна сказала:

— Моя воля такова, что я завещаю отвезти мое тело к Палатному Холму, когда я умру от этой болезни: есть у меня предчувствие, что место это спустя какое-то время станет в здешней стране самым почитаемым[123]. Я знаю также, — говорит она, — что там будут клирики, которые смогут отпеть меня, и я прошу тебя, чтоб ты велел меня туда отвезти. За это ты вправе взять из моих вещей столько, чтобы не оказаться в накладе. А из оставшегося моего имущества пускай Турид получит мою пурпурную накидку. Завещаю ей накидку затем, чтобы ей легче было снести то, как я распоряжусь другими моими вещами. Но я хочу, чтобы ты отобрал для себя в виде платы за мое пребывание любые вещи, какие тебе по душе, либо нравятся Турид, за вычетом тех, на которые я указываю особо.

Есть у меня золотое запястье, и оно отправится в церковь вместе со мной. А мою постель и полог постели я велю сжечь в огне, ибо они никому не

принесут пользы. И предупреждаю я об этом вовсе не потому, что никому не желаю уступить эти вещи в пользование, если б только они были к тому пригодны. Кажется мне это столь важным потому, — говорит она, — что мне горько видеть, что из-за меня на людей обрушатся такие тяготы, которых — и я это доподлинно знаю — не избежать, если запреты мои будут нарушены.

Тородд обещал сделать все по ее воле. Вскоре болезнь Торгунны усилилась; она не пролежала много дней кряду, прежде чем умерла. Тело сперва отнесли в хуторскую церковь, и Тородд велел сколотить для него гроб. На следующий день Тородд велел вынести постельное белье Торгунны наружу, принес дров и велел обложить костер хворостом для запала. Тут подошла Турид, хозяйка хутора; она спрашивает, как Тородд намерен поступить с постельным бельем. Он отвечает, что намерен сжечь его на костре, как завещала Торгунна.

— Я не хочу, — говорит Турид, — чтоб такие сокровища погибли в огне.

Тородд отвечает:

— Она придавала большое значение тому, чтоб ее волю исполнили, как она завещала.

Турид сказала:

— Все это одна только ревность к живущим, и она наговорила такие слова потому, что ни с кем не хотела делиться, и коли мы немного отступим от ее завещания, никаких чудес не случится.

— А я опасаюсь — говорит он, — что случится именно так, как предупреждала Торгунна.

Тогда она обвила его шею руками и стала умолять не сжигать постельное убранство. Она приставала к нему так крепко, что он поддался на ее уговоры, и кончилось дело тем, что Тородд сжег на костре чепраки и подушки, а она взяла себе шелковое покрывало, простыни и весь полог постели. При этом недовольны остались оба.

После этого были подготовлены похоронные дроги, подобраны толковые люди сопровождать тело к погребению и запряжены хорошие лошади, принадлежавшие Тородду. Тело было обернуто в полотняные пелены, но не зашито; затем его положили в гроб. После этого они выехали на юг через пустошь, по привычным тропам. Об их поездке не сообщается до того, как они, двигаясь на юг, миновали Вальбьёрновы Поля; там их путь лежал через топкие места, и тело часто съезжало с дрог. Затем они проехали еще дальше на юг до Северной Реки и пересекли ее возле Островного Брода. Река стояла высоко; была буря и шел сильнейший дождь. В конце концов, они добрались до того хутора, что стоит в Столбовых Междуречьях и зовется Нижним Мысом, и попросились там на ночлег, но бонд отказался подать им помощь. Но поскольку дело шло уже к ночи, они решили, что ехать дальше нельзя: им было не по себе от мысли о том, что придется переправляться через Белую Реку ночью.

Они спешились, занесли тело в какую-то постройку, стоявшую на дворе близ сеней, и после этого зашли в покои и сняли свои одежды. Они приготовились провести ночь впроголодь: домочадцы залегли в постель еще засветло. И вот, когда все лежали в постели, со двора из сарая послышался страшный шум. Тогда вышли проверить, не забрались ли на хутор воры. И когда люди подошли к чулану, их взору предстала женщина большого роста; она была совершенно нагая, так что на ней не было надето вообще ничего. Она хлопотала над огнем и готовила еду. Увидевшие ее пришли в такой ужас, что не решились подойти ближе.

Когда об этом узнали провожатые, они вышли во двор и увидели, в чем дело: это встала Торгунна. Все согласились, что находиться в ее обществе не следует. Когда же Торгунна приготовила все, что хотела, она внесла еду в покои. После этого она разложила столешницу и поставила на нее еду.

Тут провожатые сказали бонду:

— Вполне может статься, что, прежде чем мы расстанемся, кончится тем, что ты получишь по заслугам за то, что не захотел нам помочь.

Тогда бонд и хозяйка сказали в один голос:

— Мы, конечно же, накормим вас и окажем любую помощь, в которой будет нужда.

И как только бонд предложил им свое гостеприимство, как Торгунна вышла из покоев; вслед за этим она вышла из дому, и с тех пор больше не показывалась. Тогда в покоях развели огни и стащили с гостей мокрые одежды, а взамен выдали им сухие. После этого они сели за стол и осенили крестом свою еду; бонд же велел обрызгать все жилище святой водой. Гости ели свою пищу, и вреда от нее никому не было, несмотря на то, что готовила Торгунна. Остаток ночи они спали и чувствовали себя желанными гостями.

Наутро они продолжили свой путь, и поездка проходила легко: везде, куда доходили вести об этих событиях, люди почитали за благо принять их и услужить им в том, что было нужно. Весь остаток пути прошел без приключений. Когда же они прибыли к Палатному Холму, то выложили сокровища, предназначенные для этого Торгунной. Клирики охотно приняли и тело, и сокровища. Там Торгунну предали земле, а провожатые отправились в обратный путь. Поездка их прошла гладко, и они вернулись домой в целости и сохранности.

LII

На хуторе у Вещей Реки была устроена большая кухня возле очага, а в глубине за кухней, по тогдашнему обычаю, размещалась спальня с засовом. По обе стороны от кухни у стен стояло по чулану: в одном из них хранилась вяленая рыба, а в другом — запас муки. Каждый вечер на кухне в очаге, по

тогдашнему обычаю, зажигали огни для готовки. В тот вечер, когда отряженные хоронить Торгунну вернулись домой и народ на Вещей Реке сидел за ужином, люди сквозь дощатую перегородку увидели, что взошел полумесяц: его видели все, кто находился в доме. Полумесяц был обращен задом наперед и двигался по дому против солнца. Он не исчезал, пока люди сидели возле огней.

Тородд спросил Торира Деревянная Нога, что это может предвещать.

Торир сказал, что это — Роковой Полумесяц, —

— должно быть, сюда, на хутор, придет мор, — говорит он.

Это событие повторялось целую неделю, и роковой полумесяц появлялся из вечера в вечер.

LIII

Дальше случилось такое событие, что пастух однажды явился домой и не проронил ни слова. Говорил он мало, а в том, что он произносил, сквозила злоба. Люди заключили, что его, скорее всего, заиграла нечистая сила, ибо он сторонился прочих людей и разговаривал сам собой. Так продолжалось некоторое время. А когда с начала зимы прошло две недели, случилось так, что пастух явился домой, пошел прямиком к своей постели и улегся в нее. Наутро, когда к нему подошли, он был уже мертв; его похоронили на хуторе у церкви. Вскоре после этого обитателям хутора стали сильно досаждать привидения.

Однажды ночью Торир Деревянная Нога вышел из дома по нужде и отошел от сеней в сторону. Когда он хотел зайти обратно, то увидел, что перед дверьми стоит пастух. Торир хотел войти в дом, но пастух, как выяснилось, вовсе этого не хотел. Тогда Торир хотел зайти в другом месте, но пастух нагнал его, схватил и отшвырнул назад к сеням. Ториру стало от этого больно, и хотя он кое-как добрался до своей постели, на теле его в разных местах образовались черные, как уголь, отметины. От этого он подхватил болезнь и умер; его, как и пастуха, похоронили у церкви. После этого оба они, пастух и Торир Деревянная Нога, неизменно разгуливали вместе: весь народ был сильно напуган, чего следовало ожидать.

После кончины Торира болезнь подхватил работник Тородда; он лежал три ночи, а потом умер. Затем стал умирать один за другим, так что всего скончалось шесть человек. Это было в канун рождественского поста, но в то время в Исландии еще не было принято поститься.

Чулан с вяленой рыбой загрузили под завязку, настолько, что дверцу было невозможно открыть. Куча доставала до балки крыши, и пришлось подставить лестницу для того, чтобы сбрасывать рыбу с верхушки кучи на пол. По вечерам, когда люди сидели за ужином возле огней, происходили странные вещи: из чулана слышался такой звук, словно кто-то рвет вяленую рыбу на части. Но

когда попытались выяснить, что тут кроется, ничего живого обнаружено не было.

Зимой перед самым йолем бонд Тородд выехал к оконечности Мыса, чтобы пополнить запасы вяленой рыбы. Всего их было шесть человек на десятивесельном судне; ночь они провели в море. В тот же вечер, когда Тородд выехал из дому, на Вещей Реке случилось такое событие, что, когда зажгли огни для трапезы, и люди пришли ужинать, они увидели, как из кострища высунулась голова тюленя. Ближе всего к месту оказалась одна из работниц, которая и заметила это чудо первой; она схватила лежавший у дверей валек для белья и огрела им тюленя по голове. От удара тюлень подрос выше и уставился на полог постели Торгунны. Тут подошел работник и принялся лупить тюленя; от каждого удара тот подрастал, пока, наконец, не встал на задние плавники. Тогда работник упал в обморок, а все, кто был при этом, были сильно напуганы. Тут подбежал юный Кьяртан, подхватил большую кувалду и огрел ей тюленя по голове: удар был очень сильным, но тюлень только потряс головой и повел вокруг глазами. Тогда Кьяртан принялся наносить удар за ударом, и тюлень стал опускаться, словно приседая на пятки. Кьяртан бил его до тех пор, пока тюлень весь не ушел вниз; он разбил пол над его головой вдребезги. И всю зиму было именно так, что разная нечисть больше всего опасалась Кьяртана.

LIV

Наутро, когда Тородд и его люди отправились с Мыса в обратный путь с вяленой рыбой на борту, все они потонули напротив Лба; корабль и вяленую рыбу прибило к подножию Лба, а тела найдены не были. Когда весть о случившемся дошла до Вещей Реки, Кьяртан и Турид позвали соседей на тризну; вынесли брагу, припасенную для йоля, и стали справлять тризну.

И в первый же вечер, когда гости пришли на тризну и уселись на свои места, бонд Тородд и его утонувшие спутники вошли в покои; все они были насквозь мокрые. Люди приветствовали приход Тородда, ибо это считалось добрым предзнаменованием: в те времена почитали за правду, что коли погибшие на море приходят на свою тризну, это значит, что Ран приняла их радушно[124]. Древняя вера была еще не изжита, хотя все люди были уже крещены и считались христианами.

Тородд и его спутники прошли вглубь главных покоев; покои были разделены двумя дверьми. Они прошли к очагу, и, не ответив на приветствия людей, уселись возле огня. Домочадцы рванулись из кухни прочь, а Тородд со спутниками сидели у очага до тех пор, пока огонь не догорел; тогда они исчезли. Так продолжалось каждый вечер, пока справляли тризну, и они неизменно приходили к очагу. На сей счет за столом было множество пересудов; некоторые полагали, что все это по завершении тризны должно прекратиться.

Вот званые гости разъехались с угощения домой; после этого развлечений поубавилось. В тот вечер, когда званые гости уехали прочь, на хуторе, как обычно, зажгли огни для ужина. Но когда огни разгорелись, вошел Тородд вместе со своей челядью: все они были мокрые. Они уселись возле огня и принялись выжимать свою одежду. И едва Тородд со своей братией уселся у очага, как в покои вошел Торир Деревянная Нога с шестью спутниками: все они были покрыты землей. Они затрясли своими одеждами и стали сбрасывать землю на Тородда и его спутников. Домочадцы рванулись из кухни прочь, чего следовало ожидать; у них под рукой ни оказалось ни лучины, ни разогретых камней, ни прочих нужных вещей, так что от огня в тот вечер им не было ровно никакого прока.

На следующий вечер огни для трапезы зажгли в другом помещении; была надежда, что привидения не найдут туда дороги, но она оказалось напрасной. Все повторилось в точности так, как в предыдущий вечер: и те, и другие, явились на огни. На третий вечер Кьяртан подал совет разжечь в кухне для разогрева сильный продольный огонь, а огни для трапезы зажечь в другом помещении. Так и поступили. Совет подействовал, и Тородд с братией сел у продольного огня, а домочадцы — возле малого огня, и так продолжалось весь йоль.

Шум, доносившейся из кучи вяленой рыбы, с течением времени становился громче и громче; и днем, и ночью можно было услышать, как трещит разрываемая на части рыба. Однажды пришла нужда взять вяленую рыбу. Тогда отправились к чулану, и человек, поднявшийся наверх, увидел, что из кучи торчит хвост, размером с паленый бычий; он был короткий, с волосками, похожими на тюлений ворс. Человек, поднявшийся на кучу, взялся за хвост, потянул за него и просил остальных присоединяться. Тогда к нему на кучу взобралось множество народу, как мужчин, так и женщин: они потащили хвост вместе, но ничего не вышло. Люди были убеждены, что хвост мертвый. Но когда они потянули со всей силы, хвост вырвался у них из рук так резко, что те, кто схватился за него крепче других, содрали себе на ладонях всю кожу. После этого хвоста больше никто не видел.

Затем из чулана вытащили вяленую рыбу; с каждой рыбешки была содрана кожа, а в нижней части кучи не осталось вообще ни одной целой рыбы. При этом в куче не обнаружилось ни единого живого существа.

Вскоре после этих событий заболела Торгрима Колдовская Щека, жена Торира Деревянная Нога. Она пролежала недолгое время и умерла, и в тот же вечер, когда ее тело предали земле, ее видели в обществе ее мужа Торира. После появления хвоста болезнь вспыхнула с новой силой, и теперь умирали больше женщины, чем мужчины. За короткое время скончалось шесть человек, а кое-кто бежал подальше из-за привидений и восставших мертвецов. Осенью

на хуторе было три десятка домочадцев; восемнадцать из них умерло, а пятеро сбежало, так что к началу месяца гои оставалось лишь семь человек.

LV

После того, как чудеса зашли так далеко, Кьяртан однажды выехал по побережью на восток к Святой Горе навестить Снорри Годи, своего дядю по матери, и попросил у него совета, как унять навалившиеся чудеса.

К этому времени на Святую Гору подъехал священник, которого Гицур Белый послал Снорри Годи. Снорри отправил священника на Вещую Реку вместе с Кьяртаном и дал им в помощь своего сына Торда Кису[125] и шесть прочих людей. Он посоветовал сжечь полог постели Торгунны и устроить у дверей суд над всеми восставшими мертвецами[126]; священника он просил пропеть на хуторе службы, освятить там воду и исповедать людей.

Затем они поскакали на запад к Вещей Реке, зазывая по пути к себе на помощь народ с соседних хуторов. Они прибыли на Вещую Реку в канун Мессы Свечей[127] и явились тогда, когда зажгли огни для ужина. Турид, хозяйка хутора, к этому времени тоже слегла с болезнью; были те же признаки, что у тех, кто помер раньше.

Кьяртан тотчас вошел в дом и увидел, что Тородд с братией, по своему обыкновению, сидит у огня. Кьяртан сбросил полог постели Торгунны на пол; потом он зашел на кухню, достал из очага горячий уголь и вышел с ним на двор. Затем было сожжено все постельное убранство, принадлежавшее Торгунне. Вслед за этим Кьяртан вчинил Ториру Деревянная Нога иск, а Торд Киса — бонду Тородду другой, за то, что они без спросу расхаживают по жилью, лишая людей здоровья и жизни. Вызваны были и все остальные, кто сидел у огня. Потом были назначены соседи, чтобы рассудить это дело, и приведены основания для иска. Судебные тяжбы продвигались в точности том же порядке, что на тингах: заслушивались свидетели, подводились итоги прений и оглашался приговор.

После того как обвинительный приговор против Торира Деревянная Нога был оглашен, он встал и сказал так:

— Хорошо посидели, покуда нас привечали.

Затем он вышел вон через те двери, у которых суда еще не было.

Затем огласили обвинительный приговор против пастуха. Услышав его, пастух встал и сказал:

— Придется теперь уходить, и думаю я, что раньше было бы пристойней.

Когда же Торгрима Колдовская Щека услышала, что обвинительный приговор против нее оглашен, она встала и сказала так:

— Хорошо побыли, пока нас не били.

Затем пришел черед всех остальных, и каждый, кого признавали виновным, вставал, и все они, перед тем как уйти, что-нибудь говорили; из слов их явствовало, что каждый покидал хутор против своей воли.

Приговор против бонда Тородда был оглашен в последний черед. Услышав, что его признали виновным, Тородд встал и сказал:

— Здесь, по-моему, против нас ополчились, айда отсюда все прочь!

Затем и он вышел вон. Тогда Кьяртан и его люди зашли в покои; священник нес с собой святую воду и святые мощи и обошел с ними весь хутор. На следующий день священник торжественно пропел мессу и прочие службы, и тогда восставшие мертвецы и прочие привидения с Вещей Реки перестали являться, а болезнь Турид пошла на убыль, и она исцелилась.

Весной, после этих чудес, Кьяртан набрал себе новых домочадцев и прожил на Вещей Реке немало лет, прослыв большим удальцом.

LVI

После того, как христианство в Исландии стало законом, Снорри Годи прожил на Святой Горе восемь зим; последняя из них пришлась на тот год, когда его тесть Стюр был убит на хуторе Каменистая Гряда, что в Стругальной Округе[128]. Снорри Годи самолично отправился за телом туда на юг, и заходил к Стюру в горенку на Кобыльем Холме, когда мертвец сел и схватил дочку хозяина за середку[129].

Весной Снорри поменялся землями с Гудрун дочерью Освивра и перенес свой хутор в Междуречье Обильной Долины; было это два года спустя после убийства Болли сына Торлейка, мужа Гудрун[130]. Той же весной Снорри Годи выехал на юг в Городищенский Фьорд с четырьми сотнями людей, чтобы возбудить тяжбу об убийстве Стюра. Вместе с ним выехал Вермунд Тощий, брат Стюра; к тому времени он жил в Озерном Фьорде. В этой поездке Снорри сопровождали также Стейнтор с Песчаного Берега, Тородд сын Торбранда из Лебяжьего Фьорда, Торлейк сын Бранда с Крестового Мыса — он был племянником Стюра — и много иных уважаемых людей. Они сумели продвинуться на юг до Белой Реки и выехать к Курганному Броду, что лежит напротив Двора. На южном берегу реки их поджидали Иллуги Черный, Клеппьярн Старый, Торстейн сын Гисли, Гуннлауг Змеиный Язык, Торстейн сын Торгильса с Козлиного Острова, зять Иллуги Черного, — он был женат на его дочери Вигдис. Там было и много иных уважаемых людей, и всего почти пять сотен народу.

Снорри Годи и его людям не удалось выбраться на южный берег реки, и они предъявили свои иски с того рубежа, на котором остановились и который могли занимать, оставаясь в безопасности. Стоя там, Снорри Годи вызвал Геста на альтинг за убийство Стюра. Летом на альтинге Торстейн сын Гисли дал

всем тяжбам Снорри Годи отвод, и они утратили законную силу. Той же осенью Снорри Годи выехал на юг в Городищенский Фьорд и лишил жизни Торстейна сына Гисли и его сына Гуннара[131]. В этой поездке его, как и прежде, сопровождал Стейнтор с Песчаного Берега, а, кроме того, — Тородд сын Торбранда, Бард сын Хёскульда, Торлейк сын Бранда; всего ездило пятнадцать человек.

Следующей весной на Тинге Мыса Тора встретились Снорри Годи и Торстейн с Козлиного Острова, зять Иллуги Черного. Торстейн был сыном Торгильса сына Торфинна, сына Торира Тюленя с Красного Холма. Матерью же Торстейна была Ауд дочь Альва из Долин, так что Торстейн приходился двоюродным братом и Торгильсу сыну Ари, и Торгейру сыну Хавара, и Торгильсу сыну Халлы, и Одди со Стужи, и жителям Лебяжьего Фьорда, Торлейву Кимби с прочими сыновьями Торбранда. Торстейн вынес на Тинг Мыса Тора много тяжб. Как-то на тинге Снорри Годи, стоя на холме тинга[132], спросил Торстейна, вправду ли тот собрался вести на тинге много тяжб.

Торстейн отвечает, что вынес на тинг кое-какие тяжбы.

Снорри сказал:

— Должно быть, ты ждешь от нас, что мы поступим с вашими исками так же, как вы, жители Городищенский Фьорда, обошлись с нашими прошлой весной.

— Я этого совсем не желаю, — сказал Торстейн.

Но едва Снорри Годи это сказал, как положение усугубили его сыновья и другие родичи Стюра: они наговорили много резкостей и сказали, что Торстейн еще дешево отделается, если каждая его тяжба будет сорвана, и было бы справедливей выместить на самом Торстейне те унижения, которым их подверг прошлым летом его тесть Иллуги.

Торстейн отвечал немногословно, и народ сошел с холма тинга. Торстейн и его родня, Люди с Красного Холма, прибыли на тинг с большим отрядом. А когда настала пора идти в суд, Торстейн приготовился продвигать свои иски, которые он выдвинул ранее. Когда об этом узнали родичи и свояки Стюра, они вооружились и стали между судьями и Людьми с Красного Холма, преградив им путь в суд. Завязалась битва.

Торстейн с Козлиного Острова не покладал рук, чтобы пробиться туда, где стоял Снорри Годи; Торстейн был силен, велик ростом и отменно владел оружием. И когда Торстейн стал крепко наседать на Снорри, навстречу ему выбежал Кьяртан с Вещей Реки, сын сестры Снорри: они с Торстейном долго бились один на один, и поединок был очень ожесточенным. Затем подоспели те, кто дружил с обеими сторонами, развели бьющихся и добились перемирия.

После битвы Снорри Годи сказал своему родичу Кьяртану:

— Ну и здорово ж ты сегодня сражался, парень из Широкого Залива!

Кьяртан отвечает довольно сердито:

— Нечего тебе переменять мне родню.

В этой битве в отряде Торстейна пало семь человек, и множество людей с обеих сторон было ранено. Распрю уладили прямо на тинге, и Снорри Годи, обговаривая мировую, не мелочился, ибо он не хотел, чтобы новые тяжбы попали на альтинг, пока не улажена тяжба об убийстве Торстейна сына Гисли.

Обо всех этих событиях, убийстве Торстейна сына Гисли и его сына Гуннара, и о случившейся затем битве на Тинге Мыса Тора, Тормод сын Бахромы сочинил в Речах Ворона такую вису:

№ 34

Могучий Снорри
Еще двоих воев
На юге убил,
В битве сразил.
И семеро позже
Мужей легло все же
На тинге, на месте,
Верны о том вести[133].

В мировой, которую Торстейн с Козлиного Острова заключил со Снорри, было условие, что Торстейну дадут провести своим чередом все иски, которые он заранее вынес на Тинг Мыса Тора.

Летом на альтинге была заключена мировая в тяжбе об убийстве Торстейна сына Гисли и его сына Гуннара; после этого люди, бывшие при этих убийствах вместе со Снорри Годи, собрались за море. Тем же летом Торстейн с Козлиного Острова изъял годорд Людей с Красного Холма из ведения Тинга Мыса Тора, ибо он понял, что там ему трудно тягаться с родней Снорри Годи. Затем его родичи учредили тинг в Стремнинном Фьорде, и долго собирались на этом месте впоследствии.

LVII

В ту пору, когда Снорри Годи еще не успел прожить в Междуречье Обильной Долины много лет, на севере в Стуже на хуторе Песчаный Берег жил человек по имени Оспак. Он был сыном Кьяллака с Кьяллаковой Реки, что течет вблизи Лавинного Лба. У Оспака была жена и сын по имени Глум; в то время он был еще молод. Оспак был велик ростом и силен как никто; он не останавливался перед насилием и имел дурную славу. При себе он держал семь или восемь мужчин. Оспак и его спутники были горазды обижать жителей северных мест; они постоянно разъезжали на своем корабле вдоль берега и, когда представлялся подходящий случай, отбирали у каждого его имущество или прибойную поживу.

Одного человека звали Альв Малыш; он жил в Брюшной Долине в Стуже. Альв был человек зажиточный и очень радел о своем хозяйстве; он ездил на тинг вместе со Снорри Годи и охранял на всем побережье до Гудлауговой Скалы принадлежавшие Снорри плавник и китов. Альв тоже испытал на себе вражду Оспака с товарищами и всегда при встрече жаловался на них Снорри.

В это время на Междуречье в Стуже жил Торир сын Золотого Хёрда. Он был другом Стурлы сына Тьодрека, которого называли Стурла Убийца; Стурла жил возле Усадебного Пригорка на Грязном Жилье. Торир был крепкий бонд и верховодил среди жителей Стужи; по поручению Стурлы он распоряжался его долей плавника на севере и присматривал за ней. Оспак и Торир нередко схватывались между собой, и успех сопутствовал то одним, то другим. Сам Оспак верховодил на севере, по ту сторону Долины Крестовой Реки и возле Лба.

В одну из зим случилось так, что рано ударили морозы, и пастбища на Стуже сразу замерзли и сделались негодными; от этого народ терпел большие убытки, а кое-кто выгнал всю свою скотину на пустошь. Накануне летом Оспак велел возвести крепость на своем хуторе Песчаный Берег; это было очень надежное укрепление, если хватало защитников.

Зимой, в месяц гои, сделалась сильнейшая метель; она держалась целую неделю при резком северном ветре. А когда метель поутихла, люди увидели, что к берегу повсюду с моря подошли льды; однако в саму Стужу вглубь фьорда льды не зашли. Тогда люди отправились проведать свои побережья. И вот, как рассказывают, к северу от Вехи, между ней и Гудлауговой Скалой, на берег выбросился большой синий кит. Большая часть этого кита принадлежала Снорри Годи и Стурле сыну Тьодрека; Альву Малышу и нескольким бондам с ним тоже полагалась какая-та часть туши. Жители Стужи съехались к киту и принялись разделывать его, как указывали Торир с Альвом.

И когда люди приступили к разделке кита, они видят, как с другого берега фьорда со стороны Песчаного Берега подгребает корабль; они опознали в нем большой двенадцативесельник, принадлежавший Оспаку. Корабль причалил возле кита, и из него на берег вышло пятнадцать человек в полном вооружении. Ступив на сушу, Оспак подходит к киту; он спрашивает, кто распоряжается китом.

Торир сказал, что он распоряжается той долей кита, что принадлежит Стурле, а Альв — тем, что принадлежит ему самому, а также долей Снорри Годи, —

— а после нас прочие бонды сами распоряжаются своей долей.

Оспак спрашивает, какую часть туши они отдадут ему.

Торир отвечает:

— Из доли, доверенной мне, я не выдам тебе ничего. Но я не знаю, быть может, бонды захотят продать тебе то, что принадлежит им. А что ты предлагаешь взамен?

— Разве ты, Торир, не знаешь, — сказал Оспак, — что я не привык покупать кита у вас, жителей Стужи?

— Зато у меня есть надежда, — говорит Торир, — что даром тебе не достанется ничего.

Разделанные куски туши лежали в общей груде, и ее еще не начинали делить. Оспак велел своим людям подойти и отнести кита на корабль. У тех, кто стоял возле кита, не было при себе никакого оружия, кроме тех секир, которыми они резали тушу. Когда Торир увидел, что люди Оспака пошли к киту, он крикнул своим, чтобы они не давали себя грабить. Тогда его люди, стоявшие у неразделанной части туши, рванулись навстречу Оспаку, и Торир оказался впереди своего отряда. Оспак тотчас обратился против него и оглушил его обухом секиры; удар пришелся в ухо, и Торир сразу рухнул без чувств. Бежавшие следом подхватили Торира, оттащили его назад и хлопотали над ним до тех пор, пока он не очнулся. Все то время, пока Торир лежал в обмороке, кита никто не оборонял.

Тут подоспел Альв Малыш; он просил людей Оспака не трогать кита.

Оспак сказал:

— Не лезь сюда, Альв, — говорит он, — башка у тебя тонкая, а моя секира тяжелая. И коли ты пройдешь дальше хоть пядь, тебе повезет меньше, чем Ториру.

Альв внял доброму совету, который ему подали. Люди Оспака занесли кита на свой корабль, и успели проделать это прежде, чем Торир пришел в себя. Узнав, как все обернулось, он стал поносить своих спутников, за то, что они малодушно стоят в стороне, когда на их глазах грабят и избивают других людей. Затем Торир вскочил. Но Оспак уже успел спустить свой корабль на воду; они отчалили и поплыли на запад на другую сторону фьорда к Песчаному Берегу и принялись обрабатывать свою добычу. Оспак не отпустил от себя никого из тех, кто был с ним в этой поездке; они отсиживались в крепости и приготовились к зимовке.

Торир и его люди распределили оставшуюся часть кита сами; они заявили, что забранная у них часть туши будет общей потерей всех тех, кому принадлежит кит. После этого люди разъехались по домам.

С той поры началась жестокая вражда между Ториром и Оспаком. А поскольку Оспак держал при себе много народу, запасы их быстро истощились.

LVIII

Однажды ночью Оспак и всего пятнадцать человек отправились в Брюшную Долину, подошли к хутору Альва, загнали Альва и всю его прислугу в покои и держали их там, пока грабили хутор; затем они повезли награбленное

домой на четырех лошадях. Однако люди на Углу Фьорда заметили, как они едут, и послали в Междуречье гонца сообщить Ториру. Торир тотчас собрал людей; всего их набралось восемнадцать, и они выехали из Междуречья вниз к основанию фьорда. Вскоре Торир увидел перед собой людей Оспака; они уже миновали Угол Фьорда и двигались на север.

Когда Оспак заметил за собой погоню, он сказал так:

— За нами едут люди: должно быть, это Торир, и он замыслил поквитаться за тот удар, что получил от меня зимой. Их восемнадцать человек, а нас всего пятнадцать, однако мы лучше оснащены. Как знать, кого больше обрадует обмен ударами. Но вот лошадей, которых мы взяли в Брюшной Долине, наверняка потянет назад к дому, а я не хочу упускать нашу добычу из рук. Пусть двое наших людей, которые вооружены хуже всего, первым делом отгонят вьючных лошадей к нам на Песчаный Берег, а потом вызовут нам подкрепление из дому, а мы тринадцать встретим Торира здесь, и будь, что будет.

Они сделали так, как сказал Оспак. А когда Торир и его люди настигли их, Оспак приветствовал их и спросил о новостях; он вел беседу учтиво, потому что хотел задержать Торира.

Торир спросил, где они разжились такими запасами. Оспак говорит, что они вывезли их из Брюшной Долины.

— Так как же вы их получили? — говорит Торир.

Оспак отвечает:

— Это не было ни подарком, ни покупкой, ни сделкой.

— Тогда вы, наверное, заходите с ними расстаться, — говорит Торир, — и сдать их нам на руки.

Оспак отвечал, что этого не желает. Тогда люди Торира напали на них, и завязалась битва. Торир и его люди бились, не щадя сил, но люди Оспака защищались мужественно. Тем не менее, из-за нехватки рук им пришлось тяжко; кто-то из них был ранен, а кое-кто пал.

У Торира в руках была рогатина, с какой ходят на медведя; он подбежал к Оспаку и попытался поразить его, но Оспак отвел удар от себя. И поскольку Торир сделал глубокий выпад, а рогатина в цель не попала, он упал на колени и наклонил голову вперед. Тогда Оспак ударил Торира по спине секирой, так что раздался громкий треск.

Оспак сказал:

— Это, скорее всего, отучит тебя, Торир, выезжать из дому надолго, — сказал он.

Торир сказал:

— Все может быть, но пока, как я думаю, ты и твой удар не мешают мне пройти дневной отрезок пути.

На шее у Торира, как тогда было заведено, висел нож на перевязи; нож съехал на спину, и именно в него пришелся удар Оспака. Спина Торира оказалась оцарапана по обе стороны от позвоночника, но и то не сильно. Вслед за этим к Оспаку подскочил один из спутников Торира и ударил его, но Оспак выставил вперед секиру; удар пришелся в рукоятку, и она, разломившись на части, выскользнула из рук Оспака. Тогда Оспак крикнул своим людям, что пора уходить; затем он и сам обратился в бегство.

Поднявшись на ноги, Торир тут же метнул свою рогатину Оспаку вдогонку; она попала тому в бедро и распорола его с внешней стороны. Оспак вытащил рогатину из раны и поворотился; он послал рогатину обратно, и она попала в живот тому человеку, который ранее нанес ему удар. Тот упал наземь мертвый. После этого Оспак бежал вместе со своими спутниками, а Торир со своими гнал их по побережью почти до самого Песчаного Берега. Тут с хутора навстречу им повалил народ; среди них были и мужчины, и женщины. Тогда Торир и его люди повернули обратно.

Больше зимой нападений не было. В этой битве пало трое людей Оспака и один человек Торира, и многие с обеих сторон были ранены.

LIX

Снорри Годи принял у Альва Малыша все тяжбы против Оспака и его спутников и объявил на Тинге Мыса Тора их всех вне закона. После тинга Снорри Годи уехал к себе домой в Междуречье и сидел дома до того дня, когда пришла пора исполнять приговор об изъятии имущества осужденных[134]. Тогда он с множеством народа выехал на север к Стуже. Но когда он прибыл на хутор, Оспак со всеми подручными уже съехал оттуда. Они отправились на север к Побережьям; у них было пятнадцать человек и два корабля. Летом они держались на Побережьях и творили там разные бесчинства. Логово их было на севере в Лежбищном Фьорде, и они продолжали пополнять свой отряд. Там к ним примкнул человек по имени Хравн, по прозвищу Викинг; он был самый что ни на есть отъявленный злодей и ранее промышлял разбоем на Северных Побережьях.

На новом месте они причиняли большой урон своими набегами, грабя и убивая людей. Продержались они там до начала зимы; затем жители Побережий, Олав сын Эйвинда со Скал, и с ним другие бонды, ополчились, и поехали к их логову. Те, как и прежде, устроили на своем хуторе в Лежбищном Фьорде крепость и сидели в ней, числом около тридцати человек.

Олав и его люди осадили крепость; им показалось, что взять приступом ее будет сложно. Они стали переговариваться, и разбойники вызвались уехать с Побережий прочь и не устраивать там впредь никаких бесчинств, если бонды

снимут осаду. И поскольку у бондов не лежала душа к тому, чтобы с ними связываться, они согласились на эти условия и скрепили договор клятвами. После этого бонды отправились домой.

LX

Теперь следует рассказать о Снорри Годи, что он, как написано ранее, выехал на север к Стуже, чтобы провести изъятие. Когда он прибыл на Песчаный Берег, Оспак уже скрылся. Снорри Годи провел изъятие, как полагалось по закону, собрал все имущество осужденных и поделил его между теми, кто более других пострадал от их бесчинств, — Альвом Малышом и другими жертвами их грабежей. После этого Снорри Годи выехал к себе домой в Междуречье. Так прошло лето.

В начале зимы Оспак и его спутники выехали с Побережий на двух больших кораблях. Сперва они плыли мимо Побережий вдоль берега, а затем развернулись к Разливу, держа путь на Озерный Мыс. Там они высадились, принялись грабить и загрузили добычей оба корабля под завязку. Затем они пересекли Разлив и поплыли на север к Стуже, пристали на Песчаном Берегу и занесли добычу в крепость. Летом там оставалась жена Оспака с их сыном Глумом и двумя коровами.

В ту же ночь, когда они вернулись домой, они вновь вывели оба корабля во фьорд и пошли на веслах к его вершине. Они поднялись на хутор в Междуречье, взломали постройки, вытащили бонда Торира из его постели, вывели во двор и убили. После этого они разграбили все, что можно было взять в доме, и отнесли добычу на корабль. Оттуда они прошли на веслах к Брюшной Долине, подбежали к хутору и взломали двери, точно так же, как в Междуречье.

Альв Малыш лежал одетым. Услышав, что дверь в сени взломана, он вскочил и бросился к потайным дверям, которые были сделаны в задней стороне дома. Альв выбрался наружу и побежал по долине вверх.

Оспак и его люди разграбили и унесли с собой все, до чего дошли руки; затем они двинулись домой на Песчаный Берег на двух загруженных кораблях и занесли всю добычу в крепость. Корабли они тоже завели в крепость и заполнили оба судна водой. После этого они заперли крепость — в ней теперь было все, что нужно для успешной обороны — и засели на зиму.

LXI

Альв Малыш бежал на юг через пустошь и не брал передышки, пока не прибыл в Междуречье к Снорри Годи и не поведал ему о своих несчастьях. Альв очень подстрекал Снорри немедля выехать на север за Оспаком и его

людьми, но Снорри Годи хотел сперва выяснить, не учинил ли Оспак с товарищами на севере чего-нибудь еще, помимо того, что он согнал Альва с хутора, и собираются ли разбойники обосноваться на Стуже надолго. Немного позднее с севера со Стужи пришли вести об убийстве Торира и о приготовлениях Оспака. Люди сочли, что, судя по рассказам, одолеть разбойников будет непросто. Тогда Снорри Годи велел съездить за домочадцами Альва и тем имуществом, что еще оставалось у них; их перевезли в Междуречье, и они остались там на зиму. Недруги Снорри ставили ему на вид, что он не спешит выправить долю Альва; Снорри Годи позволял каждому говорить на сей счет все, что вздумается, однако сам ничего не предпринимал.

Стурла сын Тьодрека послал с запада Снорри весть, что он готов выехать вместе с ним в поход против Оспака по первому слову Снорри, и передал, что считает это не в меньшей степени своим долгом, чем долгом Снорри. Зима продолжается, и приближается йоль; с севера постоянно приходили вести о бесчинствах людей Оспака. Стоял сильнейший мороз, и все фьорды замерзли.

Незадолго до начала поста Снорри Годи послал гонца на запад на Мыс к Ингъяльдову Пригорку. Там жил человек по имени Транд Рысак[135]. Он был сыном того Ингъяльда, по которому назван хутор на Ингъяльдовом Пригорке. Транд был велик ростом, силен как никто, и на редкость быстроног. Раньше он ездил вместе со Снорри Годи и слыл оборотнем, покуда был язычником. Однако с тех пор, как люди были крещены, буйство его весьма поубавилось. Снорри послал Транду такое сообщение, чтобы Транд приезжал к нему на восток в Междуречье и снарядился в поход так, как принято перед ратным испытанием.

Когда послание Снорри дошло до Транда, он сказал гонцу так:

— Ты можешь передохнуть здесь столько, сколько захочешь, а я отправлюсь в путь по указанию Снорри, ибо мы все равно не сможем шагать в ногу.

Гонец сказал, что вполне уверится, когда попробует. Но наутро, когда гонец пробудился, Транд был уже далеко: он взял с собой свое оружие и пошел на запад по берегу. Сперва он подошел к подножию Лба, а затем повернул на общую тропу и прошел по побережью до Выпасной Скалы; оттуда он пошел дальше к тому хутору, который называется Перешеек. Там он ступил на лед и пересек один за другим все фьорды, начиная с Углекопного и Лачужного Фьордов и кончая Окраинным Фьордом, и продолжал идти на запад по льду, пока не дошел до самого основания Лощинного Фьорда и вечером не прибыл в Междуречье.

Снорри в это время сидел за столом; он радостно приветствовал Транда. Транд ответил на приветствие и спросил, чего Снорри от него хочет; он сказал, что готов отправиться, куда нужно, если Снорри хочет нечто ему поручить. Снорри просил его спать эту ночь спокойно. После этого Транду переменили одежды.

LXII

В ту же ночь Снорри Годи послал гонца на запад к Усадебному Пригорку и просил Стурлу сына Тьодрека подъехать на другой день ему навстречу в Междуречье на Стужу. Снорри также послал весть на соседние хутора и собрал народ у себя. Днем они выехали оттуда на север с пятью десятками людей, миновали Пустошь Треугольной Горы, и к вечеру прибыли в Междуречье на Стуже; там уже находился Стурла сын Тьодрека с тремя десятками людей. Ночью они двинулись оттуда к Песчаному Берегу.

Когда они прибыли к крепости, Оспак и его люди вышли на стены; они спрашивают, кто предводители этого отряда.

Снорри и Стурла назвали себя и потребовали сдать крепость, но Оспак сказал, что ни за что не сдастся, —

— но мы предложим вам те же условия, что ранее жителям Побережий, — говорит он, — и уедем прочь из этой округи, коли вы отступите от крепости.

Снорри сказал, что их положение не таково, чтобы навязывать жесткие условия другим.

Наутро, когда рассвело, они условились между собой, кому с какой стороны крепости приступать. Снорри Годи выпало наступать на том участке, который оборонял Хравн Викинг, а Стурле — на том, который защищал Оспак. Сыновья Бёрка Толстого, Сам и Тормод, наступали против одной из стен крепости, а сыновья Снорри, Тородд и Торстейн Трескожор, наступали против другой стены.

Оспак и его люди защищались, в основном, камнями и не упускали случая пустить их в ход; они не жалели камней и обрушили на нападавших целый град, ибо в крепости находились храбрые люди. Снорри и Стурла использовали для нападения, в основном, дальнобойное оружие, как луки, так и прочие метательные орудия; они подвезли их в большом количестве, так как заранее приготовились брать крепость приступом.

Битва была крайне ожесточенной; много народу с обеих сторон было ранено, но убитых не было. Люди Снорри стреляли столь плотно, что Хравн и его товарищи отступили со стен и укрылись. Тогда Транд Рысак, разогнавшись, подбежал к стене и подпрыгнул вверх так высоко, что сумел зацепиться своей секирой за край стены. Затем он подтянулся на рукоятке секиры и взобрался наверх[136]. Как только Хравн увидел, что в крепость проник человек, он подскочил к Транду и ударил его копьем, но Транд отвел удар от себя и сам ударил Хравна по руке ниже плеча и отсек ее. После этого на Транда напало несколько человек сразу; тогда он спрыгнул с крепостной стены наружу и вернулся к своим.

Оспак призывал своих людей держать оборону и сам сражался доблестно. Он часто выходил вперед и швырял камни. В один из своих выходов он очень

далеко выдвинулся вперед, чтобы швырнуть камень в отряд Стурлы, и в это мгновение Стурла метнул в него ременное копье; оно попало Оспаку в живот, и тот упал с крепостной стены наружу. Стурла тотчас подбежал к нему и забрал его, запретив другим людям его трогать; он хотел, чтобы молва единодушно признала убийцей Оспака его.

Еще один человек упал с той стены, где наступали сыновья Бёрка. После этого викинги согласились сдать крепость, если им обещают жизнь и неприкосновенность, и выразили готовность сдаться на милость Снорри Годи и Стурлы. И поскольку у людей Снорри Годи стрелы и копья были уже на исходе, они согласились. Тогда крепость была сдана, а защитники ее отдались в руки Снорри Годи. Он же велел сохранить им жизнь и не калечить их, как было условлено. Оба они, Оспак и Хравн, умерли почти сразу, и с ними третий человек из их войска; множество народу с обеих сторон было ранено.

Тормод в Речах Ворона сказал так:

№ 35

Бой был на Битре:
Мужи пали в битве.
Там Снорри пир
Орланам дарил.
Викингов трое
Там перед Снорри
Легли распластавшись,
С жизнью расставшись[137].

Снорри Годи позволил жене Оспака и их сыну Глуму остаться на хуторе. Глум этот впоследствии женился на Тордис, дочери Асмунда Седоволосого и сестре Греттира Силача. Их сыном был Оспак, который враждовал с Оддом из Среднего Фьорда, сыном Офейга.

Снорри Годи со Стурлой прогнали викингов на все четыре стороны и рассеяли эту скверную шайку. После этого они отправились домой.

Транд Рысак пробыл у Снорри недолгое время, а затем уехал к себе на запад на Ингъяльдов Пригорок, и Снорри отблагодарил его за хорошую поддержку. Транд Рысак долго жил на Ингъяльдовом Пригорке, а под конец жизни перебрался на Двор Транда; он был муж видный.

LXIII

В то время в Лебяжьем Фьорде жил Тородд сын Торбранда; ему принадлежали тогда оба владения, и Ульварова Гора, и Двор Эрлюга, но люди не решались жить на этих землях из-за того, что Торольв Скрюченная Нога вставал из могилы и сильно разгулялся. Жилой Двор лежал в развалинах, ибо как

только Арнкель умер, Торольв сразу стал вставать из могилы и умертвил всех людей и весь скот на Жилом Дворе. По этим причинам никто не решался там жить. А когда вокруг все запустело, Скрюченная Нога перебрался на Ульварову Гору; при виде Скрюченной Ноги народ цепенел от ужаса. Тогда местный бонд выехал на Двор Кара и пожаловался на это несчастье Тородду, ибо он был его наемщиком. Бонд сказал, что люди полагают, что, если сидеть, сложа руки, Скрюченная Нога не остановится, пока не опустошит весь фьорд, изведя людей и скотину, —

— и я не смогу долее там оставаться, если ничего не предпримут.

Когда Тородд об этом услышал, он счел, что положение не из легких. Наутро Тородд велел вывести свою лошадь; своим работникам он велел отправляться с ним. Он также распорядился призвать людей с соседних хуторов. Они выехали оттуда на север к Скале Скрюченной Ноги и поднялись к могиле Торольва. Затем они разобрали насыпь и обнаружили под ней Торольва. Он все еще не разложился и вид имел самый, что ни на есть, адский; он был черен как Хель и огромен как бык. Они хотели сдвинуть его с места, но не смогли даже накренить его на бок. Тогда Тородд велел подложить под него вагу, и таким путем им удалось вытащить его из могильной ямы наружу. Затем они сбросили его со скалы вниз, сложили на берегу большой костер из хвороста, подожгли его, опрокинули на Торольва и сожгли все дотла. Тем не менее, прошло много времени, прежде чем огонь взялся за Торольва.

Дул свежий ветер, и зола разлеталась далеко в стороны; то, что им удалось выгрести из кострища, они сбросили в море. Покончив с этой работой, они разъехались по домам. Когда Тородд возвращался на Двор Кара, до полночи оставалось три часа, и женщины вышли доить. И когда Тородд въехал в загон для дойки, из под ног его лошади выскочили корова; она упала и сломала ногу. Тут присмотрелись к корове, и она оказалось столь тощей, что забивать ее на мясо сочли делом бессмысленным. Тогда Тородд велел перевязать сломанную ногу, но корова вовсе перестала давать молоко. Когда нога коровы срослась, ее вывели для прокорма на Ульварову Гору, ибо там были отличные пастбища, как на нетронутой земле. Корова часто спускалась на берег к месту, где был устроен погребальный костер, и лизала камни, на которых осела зола[138]. Некоторые люди рассказывают, будто жители островов, плывшие в глубь фьорда с грузом вяленой рыбы, видели эту корову на горном склоне, и вместе с ней серого в яблоках быка[139], о котором ни один человек не знал, откуда он взялся.

Осенью Тородд собрался забить корову. Но когда пришли ее забирать, ее на месте не оказалось. В течение осени Тородд не раз посылал искать ее, но она так и не нашлась; люди уверились, что корова или мертва, или украдена. Но незадолго до йоля, ранним утром на Дворе Кара, пастух, по своему обыкновению, пошел в хлев и увидел перед дверьми скотину. Он понял, что это

пришла корова со сломанной ногой, которой не доставало ранее. Пастух завел корову в стойло и привязал ее, а после доложил Тородду. Тот вышел в хлев, взглянул на корову и ощупал ее руками; они с пастухом поняли, что в корове теленок, и решили, что забивать ее нельзя. Тородд сам резал скотину на своем хуторе, когда это было нужно.

А весной, когда с начала теплой поры прошло немного времени, корова отелилась и родила телочку. Несколько позднее она принесла еще одного теленка, и это был бычок; он был таким большим, что с трудом вылез наружу. Вскоре корова пала. Большого теленка внесли в покои; он был серый в яблоках и казался отличным приобретением для владельца. В покои внесли обоих телят, включая того, что родился первым.

В покоях была одна древняя старуха; когда-то она воспитывала Тородда, и к тому времени уже была слепой. В пору, когда она была помоложе, ее считали провидицей, но когда она состарилась, ее слова стали принимать за старческий бред. Тем не менее, многое из того, что она говорила, сбывалось. Когда большого теленка привязали к помосту, он громко замычал. Услышав это, старуха содрогнулась и сказала:

— Это голос тролля, а вовсе не зверя. Зарежьте, прошу вас, эту зловещую тварь!

Тородд отвечал, что резать теленка негоже, и сказал, что его явно стоит выкормить, ибо он обещает стать отличной скотиной, когда подрастет. Тут теленок снова подал голос.

Тогда старуха сказала, вся дрожа:

— Сынок, — сказала она, — вели зарезать теленка, ибо мы все хлебнем из-за него горя, если дать ему вырасти. Он отвечает:

— Пусть теленка зарежут, раз ты, мать, этого хочешь.

Затем обоих телят вынесли на двор; после этого Тородд велел зарезать телочку, а бычка унести в амбар. Тородд предупредил, чтобы никто не говорил старухе о том, что теленок жив.

Теленок этот рос не по дням, а по часам, так что, когда весной телят выгнали на двор, он был ничуть не меньше телят, выкармливаемых с начала зимы. Он много носился по выгону, когда его вывели наружу, и громко ревел, словно взрослый бык, и это было отчетливо слышно в доме.

Тогда старуха сказала:

— Тролля все-таки не убили, и мы хлебнем из-за него столько горя, что словами не передать.

Теленок быстро рос; летом он пасся на выгоне и к осени вымахал до таких размеров, что редкая скотина в годовалом возрасте бывает крупнее. У него были большие рога, и он смотрелся необычайно красиво. Быка окликали именем Глэсир (Озаренный).

Когда Глэсиру было два года, он достиг размеров пятилетнего вола. Он неизменно пасся на хуторе рядом с молочными коровами. И каждый раз, когда Тородд заходил на загон для дойки, Глэсир подходил к нему и обнюхивал его и облизывал его одежду, а Тородд похлопывал его. Глэсир вел себя смирно и с людьми, и с другой скотиной, словно был не быком, а овцой. Но всякий раз, когда он мычал, он сильно преображался, и каждый раз, слыша его голос, старуха вся содрогалась.

Когда Глэсиру исполнилось четыре года, он не убегал от женщин, детей или подростков, но если к нему подходили взрослые мужчины, он пугался и не давался в руки, а затем уходил от них прочь.

Однажды случилось так, что Глэсир вернулся домой на загон для дойки и заревел во всю глотку, и это было отчетливо слышно тем, кто находился в жилище поблизости. Тородд был в покоях; там же находилась старуха. Она тяжело вздохнула и сказала:

— Не уважил ты мое слово, сынок, и не убил этого быка.

Тородд отвечает:

— Успокойся же, матушка, пусть Глэсир поживет до осени и нагуляет себе летний жир, а потом его забьют.

— Будет слишком поздно, — сказала она.

— Заранее никогда не знаешь, — сказал Тородд.

И пока они беседовали, бык вновь подал голос и заревел в этот раз намного страшнее, чем раньше.

Тогда старуха произнесла эту вису:

№ 36

Гнет главу *вождь стада*,
В гласе — крови жажда,
Тем, кто все в сединах,
В том видна погибель.
Скот сей жизнь захватит
Твою в путы, явно
Видит это старец —
Ты сойдешь в могилу![140]

Тородд отвечает:

— Разум твой, мать, теперь смутен, и видеть этого ты не можешь.

Она сказала:

№ 37

Баба рот откроет, —
Мните пустословьем
Все, что она скажет,
Но я труп твой вижу,

Градом ран побитый, —
Смертью бык сей станет
Для тебя, бросаться
На людей уж начал[141].

— Не будет, мать, ничего такого, — сказал он.

— Хуже всего, что все так и будет, — сказала она.

Летом, уже после того, как Тородд уже распорядился убрать все сено на выгоне в большие скирды, хлынул сильный дождь. А наутро, когда люди вышли во двор, они увидели, что на выгон пришел Глэсир, и колоды, которую насадили ему на рога в пору, когда он начал бросаться на людей, на месте нет. Повадки Глэсира безвозвратно переменились, ибо раньше он никогда не портил сено, даже если ходил по выгону. А теперь он налетал на один стог за другим, подсовывал голову вниз и метал сено на рога, разбрасывая его по всему полю; покончив с одной скирдой, он тут же принимался за другую. Он в бешенстве носился по полю и оглушительно ревел, и люди были настолько напуганы, что никто не решился подойти и прогнать быка с выгона.

Вот Тородду доложили, чем занят Глэсир. Тородд тотчас выскочил на двор. У входа в сени стояла поленница; он выдернул из нее большое суковатое березовое полено и взвалил на плечо, взявшись за сучья. Он побежал вниз на поле к быку. Увидев Тородда, Глэсир остановился и развернулся. Тородд шуганул его, но бык, вопреки всему, не отступил. Тогда Тородд поднял полено и ударил его между рогов с такой силой, что полено разломилось у сучьев. Удар столь разъярил Глэсира, что он бросился на Тородда, но тот успел схватиться за рога и провалить быка мимо себя. Так они пробегали какое-то время; Глэсир нападал, а Тородд уклонялся, уводя быка в разные стороны, и длилось это до тех пор, пока Тородд не начал уставать. Тогда он вспрыгнул быку на загривок, и лежа между рогов, обхватил руками шею быка у глотки; он рассчитывал таким способом уморить его. Но бык с Тороддом на спине носился по полю взад-вперед.

Домочадцы Тородда видели, что дела хозяина оборачиваются дурно, но не решались подступиться к быку безоружными; они пошли за оружием в дом, взяли копья и другое оружие и побежали вниз на поле. Увидев их, бык изловчился и просунул голову себе под ноги и сумел зацепить Тородда одним рогом. Затем он столь резко выпрямил голову, что обе ноги Тородда взмыли в воздух, и он почти встал на голову на загривке быка. А когда Тородд опустился, Глэсир выкрутил голову и ткнул его рогом в живот и сразу пронзил внутренности. Тогда руки Тородда разжались, но бык в испуге отшатнулся от него и понесся по полю вниз в сторону реки.

Домочадцы Тородда бежали за Глэсиром и гнали его через всю гряду Гейрвёр, пока путь им не преградила трясина, что находится ниже хутора на

Плитах; там бык прыгнул в трясину и сгинул, и больше его никогда не видели, и место это с той поры зовется Топью Глэсира.

Когда домочадцы Тородда возвратились назад на поле, самого Тородда там не было; он пошел домой к хутору. И когда они вошли в дом, Тородд лежал в покоях в своей кровати; он уже испустил дух. Тело его отвезли в церковь.

Кар, сын Тородда, после смерти отца взял хутор в Лебяжьем Фьорде в свои руки и долго жил на этом месте впоследствии, и теперешний хутор на Дворе Кара назван по нему.

LXIV

Жил человек по имени Гудлейв; он был сын Гуннлауга Богатого из Стремнинного Фьорда[142] и брат Торфинна, от которого произошли Стурлунги. Гудлейв был известным купцом. Он правил одним из двух больших торговых судов — а другое принадлежало Торольву сыну Ушастого Лофта, — когда они вместе с Торольвом сразились с Гюрдом, сыном ярла Сигвальди[143]; в этой битве Гюрд лишился глаза.

Это было на склоне дней Олава Святого, когда Гудлейву случилось плыть по торговым делам на запад в Дювлин. Отплыв оттуда, Гудлейв собрался в Исландию. Вначале он держался западного побережья Ирландии, но затем задул сильный ветер с востока и северо-востока, и их отнесло морем далеко на запад и юго-запад. А лето тогда уже подходило к концу, и они дали немало зароков лишь бы их, наконец, вынесло к суше.

И вот, вышло так, что однажды они заметили землю. Это была большая страна, но, что это за страна, они не знали. Гудлейв и его люди решили плыть к берегу, ибо им опостылело мыкаться в открытом море. Они нашли подходящую пристань, но не успели провести на берегу много времени, как навстречу им вышли люди. Народ этот был им сплошь незнаком, но им казалось, что речь этих людей более всего напоминает ирландскую[144]. Вскоре их окружило такое количество людей, что счет пошел на сотни. Местные жители напали на их корабль и захватили их всех в плен; затем их связали и погнали на берег. После этого их отвели на сходку и стали вершить над ними суд. Они поняли, что часть народа хочет убить их, а другая часть хочет, чтоб их обратили в рабство и распределили по семьям.

Пока обо всем этом рядили на сходке, они замечают, что к ним едет новый отряд, и перед ним несут знамя; из этого они заключили, что в отряде находится какой-то хёвдинг. Когда отряд подъехал ближе, они увидели, что возле знамени едет человек большого роста и величественного вида; он был уже в весьма преклонном возрасте, и у него были седые кудри. Все люди, находившиеся на сходке, склонились перед этим человеком и приветствовали его как своего

господина. Они быстро поняли, что за советом и поддержкой все обращаются к нему. Потом этот человек послал за Гудлейвом и его товарищами. И когда они перед ним предстали, он обратился к ним на северном наречии и спросил, из каких они стран.

Они сказали, что большая часть людей на корабле — исландцы. Человек этот справился об их именах. Тогда Гудлейв вышел вперед и приветствовал этого человека, а тот ответил на приветствие и спросил, из какой части Исландии они родом.

Гудлейв сказал, что он из Городищенского Фьорда. Тогда человек этот спросил, из каких именно мест в Городищенском Фьорде он родом, и Гудлейв ему об этом поведал. После этого тот подробно расспрашивал о каждом из виднейших людей в Городищенском Фьорде и в Широком Фьорде. Когда они это обсудили, он задал вопросы о Снорри Годи и о Турид с Вещей Реки, сестре Снорри, и подробно интересовался всеми вестями с Вещей Реки, а особенно — о маленьком Кьяртане, который теперь стал бондом на Вещей Реке.

Местные жители совещались в другом месте; они заявили, что насчет пришлых корабельщиков надо что-то решать. Тогда рослый человек отошел от Гудлейва и его спутников и позвал с собой двенадцать своих людей; они сели в стороне и долго беседовали. Затем они вернулись на сходку.

Тут рослый человек сказал Гудлейву с товарищами:

— Мы с земляками немного потолковали о вас, и мои земляки вверили вашу судьбу в мои руки. Вы получаете теперь от меня позволение ехать отсюда, куда вам угодно. И, несмотря на то, что вам кажется, будто лето уже на исходе, я настоятельно советую вам отплывать из этой страны прочь, ибо здешний народ ненадежен, и иметь с ним дело опасно. К тому же они полагают, что вы ранее нарушили их законы.

Гудлейв сказал:

— Как же нам назвать своего освободителя, если нам посчастливится вернуться на отчие земли?

Тот отвечает:

— Этого я вам не скажу, ибо я не желаю никому из моих родичей и названых братьев повторить путь, что проделали вы, если они останутся без моей поддержки. А возраст мой ныне таков, — сказал он, — что в любой миг можно ждать, что старость меня одолеет. Но даже если я проживу еще какое-то время, все равно в здешней стране найдутся более могущественные люди, чем я, и они не захотят отпустить иноземцев с миром, хотя сейчас, когда вы явились, больших хёвдингов, чем я, не было.

Затем этот человек велел снарядить их корабль в плавание и находился рядом, пока не подул ветер, достаточно благоприятный, чтобы отплыть в море.

Но прежде чем они с Гудлейвом расстались, человек этот снял с руки золотое запястье и вручил его Гудлейву вместе с хорошим мечом.

Затем он сказал Гудлейву:

— Если тебе будет суждено вернуться на землю, что вскормила тебя, привези этот меч Кьяртану, бонду с Вещей Реки, а запястье отдай его матери Турид.

Гудлейв сказал:

— Так как же мне назвать того, кто шлет им эти сокровища?

Тот отвечает:

— Скажи, что их послал тот, кто больше дружил с хозяйкой хутора на Вещей Реке, чем с годи Святой Горы, ее братом. Но если кто-нибудь захочет выпытать имя того, кто ранее владел этими сокровищами, то передай от меня такие слова, что я запрещаю всем и каждому искать со мной встречи, ибо поездка сюда обернется для них бедой, если им не выпадет столь невероятная удача, как вам, и они не сумеют благополучно высадиться в нужном месте. Ибо страна здесь обширна, а хороших пристаней мало, и иноземцев всюду ждет враждебный прием, разве что все приключится так, как теперь.

На этом они расстаются. Гудлейв и его спутники вышли в море и поздней осенью достигли Ирландии. Зиму они провели в Дювлине, а следующим летом отплыли в Исландию, и Гудлейв вручил сокровища, кому положено. И люди почитают за правду, что человек этот был ни кто иной, как Бьёрн Боец Широкого Залива. Однако других тому подтверждений, кроме этого рассказа, люди не знают.

LXV

Снорри Годи прожил в Междуречье двадцать лет; поначалу его верховенство в этих краях сильно оспаривалось, пока были живы такие заносчивые люди, как Торстейн сын Кугги и Торгильс сын Халлы, и с ними прочие хёвдинги из числа его недругов[145].

Снорри упоминается и во многих других сагах, помимо этой. О нем, как многим известно, рассказывается в Саге о Людях из Лососьей Долины; он был большим другом Гудрун дочери Освивра и ее сыновей. О нем рассказывается также в Саге о Битве на Пустоши. После Битвы на Пустоши Снорри, наряду с Гудмундом Могучим, больше всех помогал людям Барди.

Но когда Снорри состарился, приязнь к нему в народе усилилась; этому способствовало то, что число его завистников сократилось. Его также стали больше любить потому, что он породнился с виднейшими людьми в Широком Фьорде и за его пределами и заключил с ними союзы[146].

Снорри выдал свою дочь Сигрид замуж за Бранда Щедрого сына Вермунда[147]; позднее на ней женился Колли сын Тормода сына Торлака с Песчаного Берега. Они жили в Заводи Бьёрна[148].

Свою дочь Унн он выдал замуж за Барди Убийцу; позднее на ней женился Сигурд сын Торира Собаки с острова Бьяркэй[149]. Их дочерью была Раннвейг, на которой был женат Йон сын Арни, сына Арни, сына Армода; их сыном был Видкунн с Острова Бьяркэй, который был одним из знатнейших лендрманнов в Норвегии[150].

Снорри Годи выдал свою дочь Тордис замуж за Болли сына Болли, и от них пошел род Людей с Крутояра[151].

Свою дочь Халльберу Снорри выдал замуж за Торда сына Стурлы сына Тьодрека; их дочерью была Турид, жена Хавлиди сына Мара, и от них пошел большой род[152].

Свою дочь Тору Снорри выдал замуж за Берси Повозку сына Халльдора сына Олава со Стадного Холма[153]. Позже на ней женился Торгрим Паленый, и от них пошел большой род.

Все прочие дочери Снорри вышли замуж уже после его смерти. На Турид Мудрой, дочери Снорри, был женат Гуннлауг сын Стейнтора с Песчаного Берега. На Гудрун, дочери Снорри, был женат Кольфид из Солнечных Палат. На Торгерд, дочери Снорри, был женат Торгейр с Пригорка Асов. На Алов, дочери Снорри, был женат Йорунд сын Торфинна, брат Гуннлауга из Стремнинного Фьорда.

Из сыновей Снорри Годи самым знатным был Халльдор[154]. Он жил на Стадном Холме в Лососьей Долине, и от него происходят Стурлунги и Люди из Озерного Фьорда.

Вторым по знатности сыном Снорри Годи считался Тородд; он жил на Ведьминой Горе на Нагорном Побережье.

Мани, сын Снорри, жил на Овечьей Горе; у него был сын Льот, по прозвищу Мана-Льот, которого признают самым большим человеком из внуков Снорри[155].

Торстейн, сын Снорри Годи, жил на Банном Берегу; от него пошли Асбирнинги в Нагорном Фьорде и много других родов.

Торд Киса, сын Снорри Годи, жил в Долине Дувгуса.

Эйольв, сын Снорри Годи, жил на Дворе Ламби на Болотах.

Торлейв, сын Снорри Годи, жил на Побережье Средней Горы; от него пошли Баллэринги.

Снорри, сын Снорри Годи, после смерти отца жил в Междуречье Обильной Долины.

Еще одного сына Снорри Годи звали Клепп, но люди не знают, где стоял его хутор, и мы не знаем происходящих от него людей, которые упоминались бы в сагах.

Снорри Годи скончался в Междуречье Обильной Долины на следующую зиму после гибели конунга Олава Святого; его похоронили у той же церкви,

которую он сам велел возвести. А когда позднее церковное кладбище было раскопано, кости его подняли из могилы и перевезли дальше на то место, куда передвинули церковь. При этом присутствовала Гудню дочь Бёдвара[156], мать сыновей Стурлы — Снорри, Торда и Сигхвата, — и она рассказывала, что это были кости человека среднего роста и некрупного сложения. Она рассказала еще, что тогда же были подняты кости Бёрка Толстого, дяди Снорри по отцу, и они, по ее словам, были необычайных размеров. Тогда же были подняты и кости старухи Тордис, дочери Торбьёрна Кислого, матери Снорри Годи, и Гудню рассказывала, что это были кости маленькой женщины, и столь черные, словно их палили. Все эти кости были вновь захоронены там, где церковь стоит теперь.

На этом заканчивается сага о Людях с Мыса Тора, Людях с Песчаного Берега и Людях из Лебяжьего Фьорда.

Жизнь Снорри Годи

У Снорри Годи было девятнадцать свободнорожденных детей, вышедших из младенческого возраста. Торд Киса был старшим[1], вторым был Породд[2], третьим — Торстейн[3], четвертым — Гудлауг Монах[4], они были сыновьями Асдис, дочери Стюра Убийцы[5]. Пятой была Сигрид[6], шестой — Унн[7], они были дочерьми Турид, дочери Иллуги Рыжего. Седьмым был Клепп[8], восьмой — Халльдора[9], девятой — Тордис[10], десятой — Гудрун[11], одиннадцатым — Халльдор[12], двенадцатым — Мани[13], тринадцатым — Эйольв[14], четырнадцатой — Тора[15], пятнадцатой — Халльбера[16], шестнадцатой — Турид[17], семнадцатым — Торлейв[18], восемнадцатой — Алов[19], девятнадцатым — Снорри, он родился после смерти своего отца[20]. Все они были детьми Халльфрид дочери Эйнара[21].

У Снорри Годи было трое детей от служанок; один из них так же звался Торд Киса[22], а двое других — Йорунд и Торхильд[23].

Снорри Годи было четырнадцать лет, когда он выехал из страны; он провел за морем одну зиму. Следующую зиму, после того как он вернулся в Исландию, он провел на Святой Горе вместе с Бёрком Толстым, своим дядей по отцу, и своей матерью Тордис. Осенью того же года Эйольв Серый, сын Торда Ревуна, убил Гисли сына Кислого[24], а следующей весной, когда Снорри исполнилось шестнадцать лет, он поставил свой хутор на Святой Горе и прожил там двадцать три года[25] до того, как христианство в Исландии стало законом. После этого он прожил на Святой Горе еще восемь зим; в последнюю из них Торгест сын Торхалля[26] убил Стюра Убийцу, тестя Снорри Годи, на хуторе Каменистая Гряда в Стругальной Округе[27].

Затем Снорри перенес свой хутор в Междуречье Обильной Долины и прожил там двадцать лет[28]. Он велел построить на Святой Горе церковь, и еще одну — в Междуречьи Обильной Долины. Некоторые люди, кроме того, рассказывают, что Снорри совместно с Гудрун велел отстроить церковь на Святой Горе заново, когда сгорела та церковь, которую он велел построить там ранее.

Снорри умер от болезни на седьмом году седьмого десятка своей жизни; это было одну зиму спустя после гибели конунга Олава Святого[29]. И Снорри Годи похоронен у себя дома в Междуречьи Обильной Долины возле той церкви, которую он сам велел построить. У него было столь большое потомство, что к нему возводит свой род большинство знатнейших людей в Исландии, а также

Люди с Острова Бьяркэй в Халогаланде[30], Жители Гати на Фарерских Островах[31] и много иных видных людей, как в этой стране, так и за ее пределами, хотя они здесь не упоминаются. Еще…

[Рукопись обрывается]

Пряди о Людях из Широкого Фьорда

О Херьольве сыне Сигурда[1]

(S 80) Одного знаменитого воина звали Сигурд Свиная Голова. Он жил на Побережье Квернвагастрёнд[2] в Норвегии. Его сын Херьольв восьми лет отроду убил бурого медведя за то, что тот загрыз его козу. Об этом сложили стишок:

Мишка бурозадый
Сгрыз козу Херьольва,
А Херьольв низкозадый
Мишке мстил успешно.

Херьольву было двенадцать лет, когда он отомстил за смерть своего отца Сигурда; Херьольв был редкостный удалец.

Уже будучи стар, Херьольв отправился в Исландию и занял землю между Выпасной Скалой и Церковным Фьордом[3]. Сыном Херьольва был Торстейн Чернобородый[4], отец Торольва, отца Торарина Черного с Чаечного склона и Гудню, на которой женился Вермунд Тощий. Их сыном был Бранд Щедрый.

О Людях с Песчаного Берега[5]

(S 81) Вестар, сын Торольва Дутая Голова, был женат на Сване дочери Херрёда[6]; их сына звали Асгейр. Вестар отправился в Исландию вместе со стариком-отцом, занял Песчаный Берег и Церковный Фьорд. Он поселился на Дальнем Песчаном Берегу. Торольв и его сын оба похоронены в кургане на Мысу Дутой Головы[7].

Асгейр сын Вестара женился на Хельге дочери Кьяллака; их сыном был Торлак, а его сыном — Стейнтор. Матерью Стейнтора и прочих сыновей Торлака была Турид, дочь Аудуна Заики. Братом Стейнтора был Торд Пучеглазый, который женился на Откатле дочери Торвальда[8], сына Тормода Годи. Третьим сыном Торлака был Тормод, который был женат на Турид, дочери Торбранда из Лебяжьего Фьорда, а четвертым — Бергтор, который пал в Окраинном Фьорде. Их сестра Хельга вышла замуж за Асмунда сына Торгеста[9]. Стейнтор женился

на Турид, дочери Торгильса сына Ари; их сын Гуннлауг женился на Турид Мудрой, дочери Снорри Годи.

О Бьёрне с Востока[10]

(S 84, H 72) Бьёрном звался сын Кетиля Плосконосого и Ингвильд, дочери Кетиля Барана, херсира в Хрингарики[11]. Когда Кетиль отправился воевать на Южные Острова, Бьёрн остался сидеть на своей вотчине. Но когда Кетиль присвоил дань, полагавшуюся конунгу Харальду[12], конунг согнал Бьёрна с его вотчины и присвоил все земли себе. Тогда Бьёрн отправился в Западные Моря, но обосноваться там не пожелал. За это его прозвали Бьёрн с Востока. Бьёрн был женат на Гьявлауг дочери Кьяллака, сестре Бьёрна Сильного.

Бьёрн с Востока отправился в Исландию и занял землю между Лавовым Фьордом и Посошной Рекой. Он поселился в Заводи Бьёрна у Городищенского Холма, но держал при этом летнее жилье у Хижин и жил на широкую ногу. Он умер в Заводи Бьёрна и был похоронен в кургане у Городищенского Ручья, потому что он, единственный из всех детей Кетиля Плосконосого, был некрещеный.

Сыновьями Бьёрна и Гьявлауг были Кьяллак Старый, который, как и его отец, жил в Заводи Бьёрна, и Оттар, отец Бьёрна, отца Вигфуса с Убойного Склона, которого велел убить Снорри Годи. Другого сына Оттара звали Хельги; он ходил воевать в Шотландию и захватил там в плен Нидбьёрг, дочь конунга Бьолана и Кадлин, дочери Хрольва Пешехода. Хельги женился на Нидбьёрг; сыновьями их были Освивр Мудрый[13] и Эйнар Звон Весов[14], который утонул в Тюленьем Проливе у Эйнаровой Шхеры. Щит его вынесло к Щитовому Острову, а плащ – к Плащевому Островку. Эйнар был отцом Торгерд, матери Хердис, матери скальда Стейна.

Освивр женился на Тордис, дочери Тьодольва из Заводи; детьми их были Оспак, отец Ульва Окольничего[15], Торольв, Торрад, Эйнар, Торбьёрн и Торкель – все они были объявлены вне закона за убийство Кьяртана сына Олава[16], – а также Гудрун[17], мать Геллира, Болли с Торлейком, и Торда Кота.

Еще один сын Бьёрна с Востока звался Вильгейр[18].

Кьяллак Старый был женат на Астрид, дочери херсира Хрольва и Эндотт, сестры Эльвира Детолюба; их сыном был Торгрим Годи. Он был женат на [Торхильд]; их сыновьями были Стюр Убийца, Вермунд Тощий и Бранд, отец Торлейка. Дочерьми Кьяллака Старого были Герд, на которой женился Тормод Годи, и Хельга, на которой был женат Асгейр с Песчаного Берега.

О Людях с Мыса Тора[19]

(S 85, H 73) Торольв, сын Эрнольва Рыбогона, жил на острове Мостр; поэтому его прозвали Бородачем с Мостра. Торольв истово приносил жертвы и верил в Тора. Он бежал от притеснений конунга Харальда Прекрасноволосого в Исландию, подошел к ней с южной стороны и поплыл на запад вдоль берега. Когда Торольв подошел к Широкому Фьорду, он бросил за борт столбы своей почетной скамьи; на одном из них был вырезан Тор. Торольв говорил, что поселится именно там, где Тор выйдет на берег, указав ему место. Он заранее обещал посвятить Тору всю землю, которую займет, и назвать ее его именем.

Торольв вошел во фьорд и дал ему имя и назвал Широким Фьордом. Он занял землю на южном берегу фьорда, почти на его середине; там, на одном мысу, Торольв обнаружил вынесенного на берег Тора. Место это ныне зовется Мысом Тора. Они пристали там в отдаленном заливе, который Торольв нарек Капищным Заливом. Там он поставил свой хутор и сделал большое капище, посвятив его Тору. Место это ныне зовется Капищным Двором. Фьорд был тогда заселен мало или не заселен вообще.

Торольв занял землю от Посошной Реки вплоть до Реки Тора и назвал всю эту землю Мысом Тора.

Он настолько почитал гору, стоявшую на этом мысу, что нарек ее Святой Горой и постановил, чтобы ни один человек не смел глядеть на нее немытым. На горе было столь большое святилище, что никого на ней нельзя было умертвлять, ни скот, ни людей, разве что они умрут своей смертью. Торольв и его родня верили, что после смерти попадут внутрь горы. На том мысу, где Тор вышел на берег, Торольв решал все тяжбы и по совету всех жителей этих мест, учредил окружной тинг.

А в пору, когда люди находились на тинге, отправлять нужду на суше, разумеется[20], запрещалось — для этого была отведена шхера, которая зовется Сраной Шхерой — ведь они не желали осквернять столь священное поле. Но когда Торольв умер, а его сын Торстейн был еще молод, Торгрим сын Кьяллака и его зять Асгейр не захотели ездить справлять нужду на шхеру. Люди с Мыса Тора не снесли того, что те хотят осквернить столь священное поле. Поэтому Торстейн Трескожор и Торгейр Крюк бились из-за Сраной Шхеры с Торгримом и Асгейром прямо на тинге; пало несколько человек, и многие были ранены, прежде чем их удалось разнять. Помирил их Торд Ревун. И поскольку и те, и другие твердо стояли на своем и не желали уступать, поле было объявлено утратившим святость из-за крови, пролившейся на него в ссоре. Тогда приняли решение перенести оттуда тинг подальше от моря, в место, где он находится ныне. Там тоже было большое святилище; до сих пор стоит Камень Тора, о который разбивали предназначенных в жертву, а возле него — круг для судей,

где должны были приговаривать людей к смерти. Там Торд Ревун по совету всех жителей четверти учредил Тинг Четверти.

Сыном Торольва Бородача с Мостра был Халльстейн Годи Трескового Фьорда[21], отец Торстейна Сурта Умного. Матерью Торстейна Сурта была Оск, дочь Торстейна Рыжего. Другим сыном Торольва был Торстейн Трескожор; он был женат на Торе, дочери Олава Фейлана и сестре Торда Ревуна. Их сыном был Торгрим, отец Снорри Годи и Бёрка Толстого, отца Сама, которого убил Асгейр[22].

О Людях из Лебяжьего Фьорда[23]

(S 86, H 74) Одного из тех, кто прибыл в Исландию, звали Гейррёд; с ним вместе приплыли Финнгейр сын Торстейна Лыжи и Ульвар Боец. Все они прибыли в Исландию из Халогаланда[24]. Гейррёд занял землю между Рекой Тора и Рекой Длинной Долины. Он поселился на Песчаном Берегу. Гейррёд отдал своему спутнику Ульвару оба склона Ульваровой Горы и землю за горой. Финнгейру Гейррёд отвел землю дальше у основания Лебяжьего Фьорда; тот поселился в месте, которое ныне зовется Двором Кара. Финнгейр был отцом Торфинна, отца Торбранда из Лебяжьего Фьорда, который женился на Торбьёрг, дочери Торфинна сына Торира Тюленя.

Сестра Гейррёда звалась Гейррид; на ней ранее был женат человек по имени Бьёрн, сын Бёльверка Слепорыла. Их сын звался Торольв. После кончины своего мужа Бьёрна Гейррид с сыном отправилась в Исландию; первое время она жила на Песчаном Берегу. Весной Гейррид выделил своей сестре место для жилья в Городищенской Долине. Торольв же отправился за море и сделался викингом[25]. Гейррид никому не отказывала в еде и велела поставить свой дом поперек проезжей дороги. Она сидела на стуле и встречала гостей перед домом, а внутри стол всегда был накрыт. Торольв вернулся в Исландию после кончины Гейррид. Он позарился на земли Ульвара и вызвал его на поединок. Ульвар был тогда уже стар; детей у него не было. Он пал в поединке, а Торольв был ранен в ногу и до конца жизни хромал. Поэтому его прозвали Торольв Скрюченная Нога. Торольв взял себе часть земель Ульвара, а другая часть досталась Торфинну из Лебяжьего Фьорда, и он посадил на них своих вольноотпущенников Ульвара с Эрлюгом.

Гейррёд с Песчаного Берега был отцом Торгейра Крюка, который перенес хутор с песчаной отмели дальше от моря к подножию горы. Торгейр был отцом Торда, отца Атли.

Торольв Скрюченная Нога был отцом Арнкеля Годи и Гейррид, на которой женился Торольв с Чаечного Склона.

Сыновьями Торбранда из Лебяжьего Фьорда были Торлейв Кимби, Send, Снорри, Торфинн, Иллуги[26] и Тормод. Они враждовали с Арнкелем из-за наследства своих вольноотпущенников и были со Снорри Годи при убийстве Арнкеля на Дворе Эрлюга. После этого Торлейв Кимби отправился за море; там Арнбьёрн сын Асбранда из Широкого Залива пришиб его мешалкой; Кимби обратил все в шутку. Торд Пучеглазый высмеял за это Торлейва на Тинге Мыса Тора, когда тот посватался к его сестре Хельге. Тогда Кимби пришиб Пучеглазого комком дерна. Отсюда пошли распри Людей с Песчаного Берега с Людьми из Лебяжьего Фьорда и Снорри Годи; они бились между собой в Лебяжьем Фьорде и в Окраинном Фьорде.

О Тораринe с Чаечного Склона[27]

(S 79) Олавом Шкурой звали человека, который занял всю землю между Лбом и Вещей Рекой и поселился в Заливе Олава.

Ормом Тощим звался человек, который привел свой корабль к устью Вещей Реки и сперва поселился на Полях Тюленьего Мыса. Орм прогнал прочь Олава Шкуру и занял Старые Заливы между Лбом и Мысом, а сам поселился на Вещей Реке. Его сыном был Торбьёрн Толстый. Первой его женой была Турид, дочь Асбранда с Гребня: их сыновьями были Кетиль Боец, Халльстейн и Гуннлауг, а дочь звали Торгерд, на ней женился Энунд Зыркала. Позже Торбьёрн женился на Турид, дочери Бёрка Толстого и Тордис дочери Кислого.

Торбьёрн Толстый вызвал Гейррид дочь Скрюченной Ноги на тинг по обвинению в колдовстве[28] после того, как Гуннлауг, его сын, умер от болезни[29], которую подхватил, когда стал перенимать у нее мудрость. Гейррид была матерью Торарина с Чаечного Склона. Тяжбу отдали на суд двенадцати, а выносить решение призвали годи Арнкеля[30]. Он же устроил так, что Торарин поклялся на кольце жертвенника [в невиновности матери], и иск утратил силу[31].

Однако вслед за этим у Торбьёрна Толстого в горах пропали племенные лошади[32]. Он расценил это как происки Торарина, отправился к Чаечному Склону и устроил суд у дверей[33]. У Торбьёрна было двенадцать человек, а в доме с Торарином было семеро: Альвгейр Гебридец, Нагли, Бьёрн Норвежец[34] и трое работников. Они не дали Торбьёрну произнести вызов, и на выгоне перед домом завязалась битва. Один человек пал со стороны Торарина и двое — со стороны Торбьёрна. Ауд, жена Торарина, велела женщинам разнять их. Торбьёрн и его люди отъехали прочь и стали перевязывать раны у огороженного стога, напротив Заводи. На выгоне перед домом Торарина нашли отрубленную руку Ауд; поэтому Торарин поехал вслед за людьми Торбьёрна и настиг их возле того стога. Нагли с плачем убежал прочь и пустился в горы. Торарин

убил Торбьёрна и нанес Халльстейну опасную для жизни рану[35]. Пять человек пало там со стороны Торбьёрна.

Арнкель и Вермунд поддержали Торарина и сидели во главе ополчения на хуторе Арнкеля. Снорри Годи вел тяжбу об убийстве Торбьёрна и на Тинге Мыса Тора объявил всех участников побоища вне закона. После этого он сжег корабль Альвгейра, стоявший в Устье Соленых Песков. Арнкель купил для них на Мысе Завтрака другой корабль и проводил их в море до Островов. Отсюда пошли распри между Арнкелем и Снорри Годи.

Кетиль Боец был тогда за морем. Он был отцом Хродню, на которой женился Торстейн, сын Стюра Убийцы.

О Торарине с Чаечного Склона[36]

(H 67) Олавом Шкурой звали человека, который занял всю землю между Лбом и Вещей Рекой и поселился в Заливе Олава. Ормом Тощим звался человек, который привел свой корабль к устью Вещей Реки и прожил несколько зим на Полях Тюленьего Мыса. Орм прогнал прочь Олава Шкуру, занял весь Старый Залив между Лбом и Выпасной Скалой, и жил после этого на Вещей Реке. Его сыном был Торбьёрн Толстый, который бился с Торарином Черным и пал вместе с тремя другими людьми. Как рассказывается в Саге о Людях с Песчаного Берега, Торарин сложил об этих событиях Висы Чаечного Склона[37]. Вот одна из них:

Молний Хрофта, — молвят —
Прожигатель! — прежде
Бил у Лба я вволю, —
Волчий толк мне тошен.
Извращенцы вервий
Битвы врать горазды, —
Сам лишил-де — брешут! —
Длани *Хлин подола*[38].

Из-за этих слов они вновь стали биться[39].

Торбьёрн был женат на Турид дочери Бёрка Толстого, сына Торстейна Трескожора; их сыном был Кетиль Боец, он был тогда за морем. Кетиль был отцом Хродню, на которой женился Торстейн сын Стюра Убийцы.

Об Одде и сыновьях Хьяльти[40]

(S 207, H 174) Сигмунд из Вестфольда был женат на Ингибьёрг дочери Рауда Люльки из Наумудаля, сестре Торстейна Скобленого. Их сыном был

Кольбейн, который отправился в Исландию и занял землю между Каменной Рекой и Спорной Рекой, Долину Кольбейна и Долину Хьяльти.

Хьяльти сын Торда Ножны прибыл в Исландию и по совету Кольбейна занял Долину Хьяльти; он жил на хуторе Капище[41]. Его сыновьями были Торвальд и Торд, мужи выдающиеся. Тризна, которую они справили по своем отце, была самой знаменитой в Исландии: на ней присутствовало двенадцать сотен званых гостей, и все уважаемые люди получили на прощанье подарки. На той тризне Одд с Широкого Фьорда произнес драпу, сочиненную им в память о Хьяльти. Ранее перед этим Глум сын Гейри[42] вызвал Одда на Тинг Трескового Фьорда[43]. Тогда сыновья Хьяльти приплыли на корабле с севера во Фьорд Стейнгрима: они сошли на берег и пошли на юг пешком через пустошь: ныне путь, которым они шли, зовется Ложбиной Людей Долины Хьяльти. А когда они явились на тинг, то были столь хорошо снаряжены, что люди подумали, что это, не иначе, как пришли сами Асы. Об этом была сложена виса[44]:

Из мужей, в сраженьях
Бивших силу вражью,
Каждый мнил, что поступь
Асов видит въяве:
Шла, в *обличьях лобных*
Круч ремня, на Вече, —
Рать потомков Хьяльти, —
Фьорда Рыб, сурова[45].

О Торбьёрне Стужа[46]

(S 165, H 134) Одного человека звали Торбьёрн Стужа; он был викингом и злодеем. Торбьёрн отправился в Исландию вместе со своими присными. Он занял фьорд, который ныне называется Стужа, и жил там.

Немного позднее Гудлауг, брат Гильса Корабельный Нос[47], разбил в этих местах свой корабль в щепы возле скалы, которая ныне зовется Гудлауговой Скалой.

Гудлауг с женой и дочкой выбрался на берег, а прочие люди погибли. Тут к ним подошел Торбьёрн Стужа и умертвил Гудлауга с женой, скрыв это. Девочку же он взял себе и стал воспитывать. Но когда об этом узнал Гильс Корабельный Нос, он отправился туда и отомстил за брата. Гильс убил Торбьёрна Стужу и других людей с ним.

В память о Гудлауге назван Залив Гудлауга.

О Людях с Мыса Дымов[48]

(S 122, H 94) Ульв Косой сын Хёгни Белого занял весь Мыс Дымов[49] между Тресковым Фьордом и Козлиной Горой. Он был женат на Бьёрг дочери Эйвинда Норвежца и сестре Хельги Тощего. Их сыном был Атли Рыжий, который женился на Торбьёрг, сестре Стейнольва Короткого. Их сыном был Мар с Пригорков, он женился на Торкатле дочери Хергильса Пуговица на Заду. Их сына звали Ари; его отнесло морем к Стране Белых Людей — некоторые называют ее Великой Ирландией[50]. Она расположена на западе за морем вблизи Винланда Доброго, и туда шесть суток пути к западу от Ирландии[51].

Ари не удалось вернуться домой, и он принял там крещение[52]. Эту сагу[53] первым поведал Хравн Ездок в Хлюмрек, который много времени провел в Хлюмреке в Ирландии[54]. Так, по словам Торкеля сына Геллира[55], рассказывали те исландцы, которые слышали на Оркнейских Островах от ярла Торфинна[56], будто Ари хорошо знали в Стране Белых Людей, и хотя ему не удалось выбраться домой, он жил там в почете.

Ари был женат на Торгерд дочери Альва из Долин; их сыновьями были Торгильс, Гудлейв и Иллуги. Род этот зовется Людьми с Мыса Дымов[57].

У Ульва Косого был еще сын по имени Йорунд; он был женат на Торбьёрг Корабельная Грудь. Их дочерью была Тьодхильд, на которой женился Эйрик Рыжий, их сын — гренландец Лейв Счастливый[58]. У Атли Рыжего тоже был сын по имени Йорунд, он женился на Тордис дочери Торгейра Хлебалы; их дочерью была Откатла, на которой женился Торгильс сын Коля. Сын Торгильса звался Йорунд, и это — отец Снорри сына Йорунда[59].

О Людях из Стремнинного Фьорда[60]

(H 58) Тормод Годи и Торд Глыба, сыновья Одда Смелого, сына Торвида, сына Фрейвида, сына Альва из Вёрса — эти братья прибыли в Исландию и заняли землю между Лососьей Рекой и Стремнинным Фьордом. Торду досталась Скальная Долина, и он жил в ней. После него там жил его сын Скофти, отец Хьёрлейва Годи и Финны, на которой женился Рэв Большой. Их сын Дальк был отцом Стейнунн, матери Скальда Рэва[61].

Тормод жил на Дворе Рыжей Коровы; он был женат на Герд, дочери Кьяллака Старого. Их сыном был Гудлауг Богач; он был женат на Тордис, дочери Свартхёвди сына Бьёрна Золотоноши и Турид, дочери Одда из Междуречья[62], которая в то время жила на Капищном Холме.

Гудлауг Богач видел, что Земли Красного Песчаника лучше всех прочих земель в округе. Он стал домогаться этих земель у Торфинна [сына Торира Тюленя] и вызвал того на поединок. В поединке оба получили такие раны, что

не могли продолжать бой. Однако Турид дочь Одда из Междуречья вылечила их и помирила.

(H 59) После этого Гудлауг занял землю от Реки Стремнинного Фьорда до Сосны, всю полосу между берегом и горой, и жил на Городищенском Холме; от него пошел род Людей из Стремнинного Фьорда. Сыном Гудлауга был Гудлейв, который предводительствовал одним из больших торговых кораблей, — второй принадлежал Торольву сыну Лофта Старого с Песчаного Яра, — когда они сразились с ярлом Гюрдом сыном Сигвальди в Срединном Проливе и сохранили свое имущество. Об этом событии Гудлейв сложил Висы Гюрда[63].

Другим сыном Гудлауга был Торфид, отец Гудлауга, отца Тордис, матери Торда, отца Стурлы Старого из Лощины.

Об Иллуги Рыжем[64]

(S 41) Ульв, сын Грима Халогаландца и Сванлауг, дочери Тормода с Пашенного Мыса и сестры Берси, занял землю между Белой Рекой и Южными Ледниками и поселился на Козьей Земле[65].

Сыном Ульва были Хрольв Богатый, отец Халльдоры, на которой был женат Гицур Белый; их дочерью была Вильборг, которая была замужем за Хьяльти сыном Скегги[66]. Другим его сыном Хрольва был Хроальд, отец Хрольва Младшего, который был женат на Турид дочери Вальтьова, сына Эрлюга Старого; их сыном был Кьяллак из Рощи в Южной Долине, отец Коля[67], отца Бергтора. Еще одним сыном Хрольва был Сёльви с Козьей Земли, отец Торда с Дымного Холма[68], отца Сёльви, отца Торда, отца Магнуса, отца Торда, отца Хельги, матери Гудню, матери сыновей Стурлы.

Третьим сыном Хрольва[69] был Иллуги Рыжий[70], который сперва жил на Лавовом Кряже; в ту пору он был женат на Сигрид, дочери Торарина Злого и сестре Мышиного Бёльверка[71]. Иллуги отдал эту землю Бёльверку, а сам перебрался жить на Капищный Двор в Долине Дымов, ибо Люди с Козьей Земли были обязаны содержать это капище на половинных началах вместе с Оддом из Междуречья[72]. Под конец Иллуги перебрался на Крайний Остров близ Пашенного Мыса, ибо он поменялся со Старри Единоборствующим и землями, и женами, и всем имуществом. Иллуги досталась тогда в жены Йорунн, дочь Тормода сына Тьостара с Лебяжьего Мыса[73]; Сигрид же повесилась прямо в капище, ибо она не пожелала менять мужей.

Хрольв Младший выдал свою дочь Торлауг Жрицу[74] за Одда сына Ир. Поэтому Хрольв перебрался на запад к Чресельной Реке, прожил там много лет, и был прозван Хрольвом с Чресельной Реки[75].

Сага о Фарерцах

I

Одного человека звали Грим Камбан[1]; он первым поселился на Фарерских Островах[2]. А в дни Харальда Прекрасноволосого от его притеснений из страны бежало множество народу: кто-то остался на Фарерских Островах, а кое-кто отправился искать другие пустынные земли.

Ауд Глубокомудрая прибыла на Фарерские Острова на пути в Исландию. Здесь она выдала замуж Олов, дочь Торстейна Рыжего, и отсюда пошел знатнейший род фарерцев, который они называют Людьми с Гати[3]: поселились они на Восточном Острове.

II

Жил человек по имени Торбьёрн; его называли Бородач с Гати[4]. Он жил на Восточном Острове на Фарерских Островах. Его жена звалась Гудрун. Было у них два сына — старший по имени Торлак и младший по имени Транд. Оба подавали надежды. Торлак был силен и велик ростом; Транд тоже стал таким, когда вырос, но разница в возрасте между братьями была большой.

Транд был рыжеволос, с веснушками на лице, хорош собой.

Торбьёрн был человек с достатком. В то время, когда происходит сага, он был уже стар.

Торлак женился на Фарерских Островах, но продолжал жить на Гати вместе с отцом. Едва Торлак успел жениться, как Торбьёрн Бородач с Гати умер и был похоронен в кургане; справили тризну, как подобает по древнему обычаю, ибо все фарерцы в то время были язычниками. Сыновья его разделили наследство между собой, и каждый хотел оставить хутор на Гати себе, потому что это было большое достояние. Они бросили жребий, и выпало Транду.

Уже после дележа Торлак просил Транда, чтобы тот отступился от хутора, взяв себе больше движимости, но Транд не захотел. Тогда Торлак уехал прочь и подыскал себе другое место для жилья на Островах.

Транд отдал землю у Гати внаем многим людям и брал за нее дорого; сам же, взяв с собой немного товара, летом сел на корабль, прибыл в Норвегию, остался на зиму в городе и прослыл человеком скрытным. В это время Норвегией правил Харальд Серый Плащ.

Следующим летом Транд сел на грузовое судно и отплыл вместе с корабельщиками на юг в Данию и прибыл в Халейри[5]. В это время там была уйма народу, ведь, как рассказывают, больше всего людей в Северных Странах собирается вместе, когда идет ярмарка. В то время Данией правил конунг Харальд сын Горма, тот, что был прозван Синезубым. Тем летом он был в Халейри, и с ним множество народу.

Называют двух дружинников конунга из числа бывших при нем — братьев Сигурда и Харека. Они постоянно ходили по торжищу и подыскивали себе золотое запястье побольше и получше. Они пришли к палатке, выделявшейся своим убранством. Там сидел человек, он приветствовал их и спросил, что они хотели бы купить. Те отвечают, что хотят купить большое хорошее запястье из золота. Он сказал, что такого добра у него немало. Они спросили, как его имя, а он назвался Хольмгейром Богатым. Вот он раскрывает свои сокровища и показывает им золотое запястье изрядной толщины. Это было большое сокровище, и он запросил за него так дорого, что их взяло сомнение, смогут ли они сразу раздобыть столько серебра, сколько он просил. Они просят отсрочки до утра, и он соглашается. На этом они расстаются, и проходит ночь.

Наутро Сигурд выходит из своей палатки, а Харек остается дома.

Немного погодя Сигурд подходит к палатке и говорит:

— Родич мой Харек, — сказал он, — выдай мне поскорей кошель с серебром, что мы собрали для покупки запястья, ибо сделка заключена. Ты же жди меня здесь и стереги покамест нашу палатку.

И Харек приподымает полог и выдает ему серебро.

III

Вот немного позже в палатку входит Сигурд и идет навстречу брату со словами:

— Доставай серебро: сделка заключена.

Тот отвечает:

— Я же только что выдал тебе серебро.

— Нет, — говорит Сигурд, — я-то не брал его.

Теперь они препираются. После они рассказывают обо всем конунгу. Конунг, да и другие люди смекают, что их обокрали. Тогда конунг налагает запрет, чтобы никто не смел отплывать в море. Люди сочли это большим неудобством, ведь никто не хотел оставаться по прошествии ярмарки.

Норвежцы созвали сходку и стали решать, что делать. Транд был на сходке и сказал так:

— Здесь собрались на редкость бестолковые люди.

Они спрашивают его:

— Ты, что ли, можешь дать толковый совет?

— Конечно, — говорит он.

— Тогда говори, — сказали они.

— Бесплатно не стану, — говорит он.

Они спрашивают, что он имеет в виду.

Он отвечает:

— Каждый из вас заплатит мне по эйриру серебра, — говорит он.

Они сказали, что это слишком много, однако согласились выложить ему за совет по пол-эйрира, а другие пол-эйрира каждый должен был доплатить, если будет толк.

На следующий день конунг созвал тинг и сказал, что никто отсюда не выйдет, пока не разберутся с пропажей.

Тут встает молодой человек, щетина дыбом на бритой голове[6]; он рыжеволос и покрыт веснушками, с грубыми чертами лица. Он говорит так:

— Здесь подобрались люди не слишком толковые, — говорит он.

Советники конунга спрашивают, какой выход он видит.

Он отвечает:

— Мой совет, чтоб каждый приехавший сюда выложил столько серебра, сколько укажет конунг, и чтобы эти деньги были собраны в одно место. Пускай заплатят тем, кто пострадал, а конунг возьмет себе в виде почести то, что останется. Я уверен, что конунг распорядится как надо, а уйма людей, собравшаяся здесь, не будет напрасно просиживать попутный ветер и избежит большего урона.

Этот совет был быстро одобрен; все сказали, что охотно выложат деньги в виде почести конунгу, чтоб не ждать на месте себе в убыток. Так и порешили, и когда деньги собрали вместе, оказалось, что это несметное богатство.

Сразу же вслед за этим в море вышло множество кораблей. Затем конунг вновь созвал тинг; собранные деньги подсчитали и выплатили братьям то, чего они лишились.

Тогда конунг завел со своими людьми речь о том, что нужно делать с оставшейся кучей серебра. Тут один человек встает и берет слово:

— Мой государь, — сказал он, — чего, по-вашему, заслуживает давший совет?

Они смотрят и видят, что этот самый молодой человек и был тем, кто дал совет конунгу.

Тогда Харальд конунг сказал:

— Деньги эти будут поделены на две части: мои люди возьмут половину, а другую половину еще раз поделим надвое. Пусть этот молодой человек возьмет одну часть себе, а другая отойдет мне.

Транд поблагодарил конунга в красивых словах, со всей возможной учтивостью. На его долю выпало столько денег, что легко было сбиться со счета марок. Затем конунг Харальд отплыл прочь и скопище людей рассеялось.

Транд отплыл в Норвегию с теми же купцами, с которыми приплыл. Они выплатили ему деньги, как договорились, и он купил себе большое хорошее грузовое судно, погрузил на него добро, которое приобрел в этой поездке, и привел корабль на Фарерские Острова в целости и сохранности. Весной он обновил хутор на Гати и с тех пор больше не нуждался в деньгах.

IV

Жил человек по имени Хавгрим; он жил на Южном Острове на Фарерских Островах. Был он могуществен и напорист, добра имел вдоволь. Жену его звали Гудрид дочь Снэульва. Хавгрим был хёвдингом половины Фарерских Островов, и получил ее в лен от конунга Харальда Серый Плащ, который в то время правил Норвегией. Хавгрим был крайне заносчив и слыл человеком неумным. У него был домочадец Эйнар, по прозвищу Южанин. Другого спутника Хавгрима звали Эльдъярн Перо на Шляпе. Был он груб и болтлив, злобен и глуп, ленив и завистлив, склонен ко лжи и клевете.

В саге упоминается двое братьев с острова Подкова: один звался Брестир, а другой Бейнир. Они были сыновьями Сигмунда; Сигмунд, их отец, и Торбьёрн Бородач с Гати, отец Транда, были братьями.

Брестир и Бейнир были видными людьми и хёвдингами другой половины Фарерских Островов; они получили ее в лен от ярла Хакона сына Сигурда, который тогда сидел на севере в Трандхейме. Брестир и его брат были дружинниками ярла Хакона и его друзьями. Брестир был велик ростом и очень силен; он был лучшим воином на Фарерских Островах. Это был видный муж, искусный во всем. Бейнир был во многом похож на брата, но все же не мог с ним равняться.

Между братьями и Трандом была вражда, несмотря на то, что они были близкими родичами.

Братья эти женаты не были; были у них наложницы. Подругу Брестира звали Сесилия[7], а та, что жила с Бейниром, звалась Тора. У Брестира был сын именем Сигмунд; с раннего детства обещал он стать настоящим мужчиной. Сына Бейнира звали Торир; он был на два года старше Сигмунда.

Братья держали второй хутор на острове Димун, и он был меньшим из двух.

Сыновья Брестира с Бейниром были еще очень молоды в то время, когда происходит сага.

Снэульв, тесть Хавгрима, жил на Песчаном Острове; он был родом гебридец и бежал с Гебридских Островов на Фарерские из-за распрей и совершенных убийств. Первую половину жизни он был викингом; к старости он оставался человеком нелюдимым и неуживчивым.

V

Жил человек по имени Бьярни; он жил на Свином Острове и был прозван Бьярни со Свиного Острова. Это был зажиточный бонд и человек коварный. Он приходился Транду с Гати дядей по матери[8].

Тинг жителей Фарерских Островов был на Стремнинном Острове, и там есть пристань, которую они называют Заводью Тора.

Хавгрим жил на Южном Острове на хуторе, который называется у Капища; он исправно приносил жертвы, ибо в то время все Фарерские Острова были языческими.

Однажды осенью на Южном Острове на хуторе бонда Хавгрима случилось так, что Эйнар Южанин и Эльдъярн Перо на Шляпе сидели у огня и коптили пищу про запас. Начали сравнивать людей: Эйнар защищал своих родичей Брестира с Бейниром, а Эльдъярн защищал Хавгрима и ставил его выше. Кончилось тем, что Эльдъярн вскочил и огрел Эйнара поленом, которое держал в руке; удар пришелся Эйнару в плечо и оказался болезненным. Эйнар схватил секиру и ударил Перо на Шляпе по голове, так что тот потерял сознание и рухнул наземь.

Когда об этом узнал Хавгрим, он прогнал Эйнара и велел ему убираться к своим родичам с острова Подкова, раз уж он им так привержен.

— И вполне может быть, — говорит Хавгрим, — что рано или поздно нам и людям с Подковы предстоит померяться силами.

Эйнар поехал прочь, явился к братьям и поведал им о случившемся. Они хорошо его приняли, и он остался у них на зиму как желанный гость.

Эйнар просил своего родича Брестира принять его тяжбу, и тот так и сделал. Брестир был умен и хорошо разбирался в законах.

Зимой Хавгрим садится на корабль. Он плывет на остров Подкова, встречает братьев и спрашивает, как они намерены отчитаться за урон, который Эйнар нанес Эльдъярну Перо на Шляпе. Брестир отвечает, что они вынесут тяжбу на суд лучших людей, чтобы судили по справедливости.

Хавгрим отвечает:

— Мировой не бывать, если мне не дадут вынести решение одному.

Брестир отвечает:

— Это несправедливо, и так мы не договоримся.

Тогда Хавгрим вызвал Эйнара на тинг Стремнинного Острова, и после этого они расстались.

Брестир заблаговременно объявил о том, что Перо на Шляпе первым покусился на Эйнара.

Вот обе стороны собирают людей и едут на тинг. Но когда Хавгрим подошел к месту суда и вознамерился начинать тяжбу против Эйнара, навстречу ему с

большим отрядом выступили братья Брестир и Бейнир, и Брестир отвел иск Хавгрима и объявил, что Перо на Шляпе не имеет права на иск по древним законам, ибо он затеял свару, первым напав на неповинного человека[9]. Иск Хавгрима утратил силу, а братья довели тяжбу против Эльдъярна до конца и добились его осуждения. Хавгрим сказал, что это будет отомщено. Брестир же сказал, что готов к этому и его угроз не страшится.

На этом они расстаются.

VI

Чуть позже Хавгрим всходит на корабль и выезжает из дома. С ним вместе шесть человек и его жена Гудрид. Они едут к Песчаному Острову. Там жил Снэульв, тесть Хавгрима и отец его жены Гудрид.

Когда они подходят к острову, то никого из людей не замечают, ни на хуторе Снэульва, ни поблизости. Они идут к хутору, входят в дом и никого не находят. В горнице, куда они зашли, накрыт стол, а на нем — еда и питье, а людей след простыл. Все это кажется им странным, но, тем не менее, они остаются там на ночь.

Наутро они собираются в обратный путь и едут вдоль побережья. Тут на веслах навстречу им с другой стороны острова выходит корабль с множеством людей на борту; они признали в них бонда Снэульва и всех его домочадцев. Хавгрим гребет навстречу и приветствует своего тестя, но тот не отозвался. Тогда Хавгрим спросил, что Снэульв посоветует ему предпринять в тяжбе с Брестиром, чтобы обернуть ее к своей выгоде.

Снэульв отвечает:

— Плохо твое дело, — говорит он, — задираешь по пустякам людей лучше себя, но постоянно бываешь бит.

— Не хватало мне еще поношений от тебя, — говорит Хавгрим, — слышать тебя не хочу.

Снэульв схватил копье и метнул в Хавгрима. Хавгрим выставил перед собой щит, и копье прочно застряло в нем, а сам Хавгрим не пострадал. На этом они расстаются, и Хавгрим едет к себе домой на Южный Остров; он очень недоволен своей участью.

У Хавгрима и его жены Гудрид был сын по имени Эцур; ему было девять лет, когда это случилось. Мальчик подавал большие надежды.

Вот проходит какое-то время. Хавгрим выезжает из дому и едет на Восточный Остров к Транду, и Транд хорошо его принимает. Теперь Хавгрим ищет совета у Транда, чтобы тот помог ему в тяжбе против людей с Подковы, Брестира с Бейниром; он назвал Транда умнейшим мужем на Островах и сказал, что охотно готов ему чем-нибудь услужить.

Транд нашел странным, что Хавгрим хочет завлечь его в заговор против его же родичей, —

— Впрочем, едва ли ты говорил всерьез. Вижу я по тебе, что нрав твой таков, что ты хочешь залучить других на свою сторону, но сам не решаешься сделать то, что сулит успех.

— Не так это, — сказал Хавгрим, — я пойду на многое, чтобы ты был на моей стороне и помог мне лишить братьев жизни.

Транд отвечает:

— Я помогу тебе подстеречь братьев, — сказал он, — но ты должен будешь обязаться выплачивать мне каждую весну две цены коровы[10], да две сотни серебра каждую осень, и так будет продолжаться вечно, покуда ты жив, и также после твоей смерти. Я обязан тебе лишь при условии, что в сговоре будут другие люди. Хочу я, что ты посетил моего дядю Бьярни на Свином Острове и привлек его на свою сторону.

Хавгрим дает согласие и едет оттуда на Свиной Остров к Бьярни; он просит его о помощи на тех же условиях, которые выдвинул ему Транд. Бьярни отвечает, что он не пойдет на это, если не будет иметь особой выгоды. Хавгрим просил его сказать, что у него на уме.

Бьярни сказал:

— Ты будешь платить мне три цены коровы каждую весну и мясом на три сотни каждую осень.

Хавгрим дает на это согласие и едет домой.

VII

Теперь следует рассказать о братьях Брестире и Бейнире; у них было два хутора, один на острове Подкова, другой на Димуне. У Брестира была жена по имени Сесилия, норвежка родом. Был у них сын по имени Сигмунд. В то время, когда происходит сага, ему было девять лет; он был для своих лет рослым и складным. У Бейнира была наложница по имени Тора и сын от нее, по имени Торир; ему было тогда одиннадцать лет, и он подавал надежды[11].

Рассказывают, что как-то раз братья Брестир и Бейнир были на том своем хуторе, что на острове Димун, и оттуда отправиись на островок Малый Димун; там нет жилья. Братья держали на нем тех овец и коров, которых собирались забить. Мальчики Сигмунд и Торир попросились ехать с ними; отцы им это позволили и едут с ними на островок. Оба брата были во всеоружии.

О Брестире говорили, что он был силен, велик ростом и лучше других владел оружием. Был он умен, и до конца дней люди его любили. Бейнир, его брат, тоже был не промах, но все же не мог равняться с Брестиром.

Вот они отплыли с островка Малый Димун и прошли большую часть пути до Заселенного Димуна; они видят, что навстречу плывут три корабля, полные

вооруженных людей, по двенадцать человек на каждом судне. Они узнали этих людей; были то Хавгрим с Южного Острова, Транд с Гати на другом корабле, Бьярни со Свиного Острова на третьем. Они плыли между лодкой братьев и островом, и братья не успели достичь своей гавани и высадились где-то на отмели, в месте, где над морем нависал одинокий утес. Они бегут с оружием наверх, а мальчиков сажают там же подле себя. Верхняя часть утеса была широкой и пригодной для обороны.

Теперь подходят Хавгрим со своими людьми; они тотчас соскакивают на берег и бегут к утесу. Люди Хавгрима и Бьярни со Свиного Острова немедля нападают на братьев, а те защищаются мужественно и хорошо. Транд и его спутники ходят по берегу и в схватке не участвуют. Брестир оборонял утес там, где нападать было полегче, а защищаться труднее. Вот они бьются какое-то время и быстро одолеть их не удается.

Тут Хавгрим сказал:

— Я заключил с тобой договор, Транд, с тем, чтобы ты оказал мне помощь, и ради этого отдал тебе свое имущество, — сказал он.

Транд отвечает:

— Ты полное ничтожество, коли не можешь одолеть двух человек, имея две дюжины. Таков уж твой нрав, что ты любишь всегда загребать жар чужими руками, сам же не смеешь подойти ближе, когда нужно проявить отвагу. Было бы недурно, если в тебе есть хоть капля духа, первым напасть на Брестира, а другие пойдут за тобой следом. Впрочем, я вижу, что ты вообще ни на что не годишься, — и подстрекает его что есть мочи.

И после таких слов Хавгрим прыгает на Утес к Брестиру, разит его копьем в живот и пронзает насквозь. Брестир понимает, что рана смертельна; он идет на копье, достает Хавгрима и рубит его мечом. Удар пришелся тому в левое плечо и раскроил его, так что отрубленная рука полетела прочь. Хавгрим упал с утеса вниз мертвый, а Брестир упал на него сверху, и оба лишились жизни.

Теперь в другом месте обложили Бейнира, а он хорошо защищался; кончилось тем, что Бейнир пал и лишился жизни.

Рассказывают, что Брестир уже убил троих перед тем, как сразил Хавгрима. Бейнир убил двоих.

После этих событий Транд сказал, что мальчиков Сигмунда с Ториром надо бы убить.

Бьярни отвечает:

— Не надо убивать их, — сказал он.

Транд отвечает:

— Стоит это сделать потому, — сказал он, — что они принесут смерть большинству собравшихся здесь людей, если их отпустить.

Бьярни отвечает:

— Их не убить, не убив меня, — сказал он.

— Я говорил не всерьез, — сказал Транд, — я хотел лишь испытать, как вы это воспримете. Мой долг возместить мальчикам то, что я присутствовал при этой встрече, и я вызываюсь воспитать их.

Мальчики сидели на скале и видели все, что произошло, и Торир заплакал, но Сигмунд сказал:

— Не будем плакать, родич, но запомним надолго.

После этого они уезжают, и Транд велел увезти мальчиков к себе домой в Гать. Тело Хавгрима отвезли на Южный Остров и предали там земле по древнему обычаю, а друзья Брестира с Бейниром отвезли их тела на остров Подкову и похоронили там, тоже по древнему обычаю.

Теперь весть о случившемся обходит все Фарерские Острова, и о смерти братьев горевал каждый.

VIII

Тем летом из Норвегии на Фарерские Острова пришел корабль; кормчего звали Хравн, он был родом из Вика и имел двор в Тунсберге. Хравн часто ездил в Хольмгард и имел прозвище Ездок в Хольмгард[12]. Корабль этот пришел в Заводь Тора.

Когда торговые люди собрались в обратный путь, к кораблю, как рассказывают, подошла ладья Транда с Гати. Транд вызвал кормчего Хравна на разговор с глазу на глаз и сказал, что хочет продать ему двух будущих рабов. Тот отвечает, что не будет покупать, пока не увидит их сам. Тогда Транд приводит к нему двух мальчиков, обритых наголо и в некрашенных плащах. Они были хороши собой, но с распухшими от горя лицами.

Увидев мальчиков, Хравн сразу же сказал:

— Верно ли, Транд, что мальчики эти — сыновья тех самых Брестира с Бейниром, которых вы недавно убили?

— Я думаю, что в этом нет сомнений, — сказал Транд.

— Ни за что не перейдут они под мою власть, — сказал Хравн, — чтобы я покупал их за деньги.

— Мы изменим условия сделки, — сказал Транд, — здесь две марки серебра; я даю их тебе за то, чтобы ты увез мальчиков с собой и они никогда больше не появлялись на Фарерских Островах.

Тут высыпает он серебро кормчему на колени, пересчитывает и предъявляет ему. Хравну серебро показалось хорошим, и ударили по рукам. Он забирает мальчиков, выходит в море, когда выдается попутный ветер, и пристает в Норвегии где ему нужно — к востоку от Тунсберга. Там он проводит зиму, а мальчики находятся при нем, и с ними хорошо обращаются.

IX

Весной Хравн снаряжает свой корабль для плаванья на восток и спрашивает мальчиков, как им живется у него.

Сигмунд отвечает:

— Неплохо в сравнении с тем, когда мы были под властью Транда.

Хравн спрашивает:

— Знаете наш с Трандом уговор?

— Конечно, знаем, — сказал Сигмунд.

— Мой совет вам, — сказал Хравн, — уехать от меня, куда вам заблагорассудится. Вот то серебро, которое Транд вручил мне, передавая вас. Я считаю, что вы сами лучше распорядитесь, на что его тратить, хотя в незнакомой стране вам придется несладко.

Сигмунд поблагодарил его и сказал, что Хравн был на высоте в том, что касается их дела.

Теперь следует рассказать о Транде, что он прибрал к рукам все имущество и земли, которые принадлежали его родичам, братьям Бейниру и Брестиру, и подчинил себе всех людей, которые сопровождали их. Он забрал к себе маленького Эцура сына Хавгрима и стал воспитывать его. Эцуру было тогда десять лет. Теперь Транд распоряжался всем на Фарерских Островах один, и никто не смел возразить ему ни слова.

X

В то лето, когда братья Брестир и Бейнир были убиты, в Норвегии произошла смена власти. Харальд Серый Плащ пал за пределами страны[13], а ярл Хакон пришел ему на смену: первое время он платил дань конунгу Харальду сыну Горма и был его ленником. На этом окончился век сыновей Гуннхильд: некоторые были убиты, а другие бежали из страны.

Теперь следует рассказать о Сигмунде и Торире, что они провели в Вике две зимы с тех пор, как Хравн отпустил их на волю; к этому времени деньги, которые выдал им Хравн, закончились. Сигмунду было тогда двенадцать лет, а Ториру — четырнадцать. Они узнают, что к власти пришел ярл Хакон, и решают, что было бы неплохо посетить его, если представится случай. Им казалось, что где, как не у ярла, им можно ждать хорошего обращения, ведь отцы их служили ему. Они покидают Вик и идут в Упплёнд, а оттуда на восток в Хейдмёрк и далее на север через горы Доврафьялль. В это время начинается зима, и их встречает снег и мороз. Все же они решаются подняться на гору, толком не зная тропы, сбиваются с пути и много дней блуждают под открытым небом. Затем Торир ложится наземь и просит Сигмунда спасаться в одиночку и искать спуск самому. Сигмунд сказал, что они либо спустятся вместе, либо

останутся здесь. Разница в силах была столь велика, что Сигмунд взваливает Торира себе на спину. В это время немного просветлело, и он находит путь вниз. Оба совсем обессилили. Наконец однажды вечером они находят на горе небольшую ложбину и, следуя ей, идут вниз. Затем они чуют запах дыма, и это выводит их на хутор. Они заходят внутрь и идут в горницу; там сидели две женщины, одна уже в возрасте, а другая совсем молоденькая. Обе были хороши собой. Они приветствовали мальчиков, стащили с них одежду и выдали новую, сухую. Вскоре они дали им поесть, а затем проводили спать и хорошо уложили, сказав, чтобы сами они не показывались на глаза хозяину — у него, мол, очень крутой нрав.

Сигмунд просыпается от того, что в дом входит человек большого роста, в оленьем полушубке и с тушей оленя за спиной. Человек этот сразу втянул воздух, нахмурил брови и спросил, кого это еще принесло. Хозяйка сказала, что явилось двое мальчишек, измученных и замерзших, они, бедолаги, были почти при смерти.

Мужчина говорит:

— Взяв чужих в наш дом, ты добьешься того, что люди о нас узнают, и я твердил тебе это немало раз.

— Я не желала, — сказала хозяйка, — чтобы столь красивые люди умерли возле нашего дома.

Тут хозяин перестал гневаться; они садятся есть и затем укладываются спать.

В спальне было две кровати: в одной спали бонд и хозяйка, во второй — дочка бонда; мальчикам постлали в другом месте.

Рано утром бонд поднялся на ноги и сказал мальчикам:

— Сдается мне, что женщинам по душе, чтобы вы передохнули денек у нас, если вас это устроит.

Они отвечали, что очень хотят этого.

XI

Вот бонд выходит из дому и возвращается к вечеру; с Сигмундом и Ториром он держался приветливо. А на следующее утро бонд пришел к мальчикам и сказал:

— Так уж было суждено, что вы прибились к моему жилищу. И теперь, по-моему, вам лучше остаться здесь на зиму, если вы сами не против: женщинам вы пришлись по душе. К тому же вы сбились с пути, и до жилья в любую сторону путь неблизкий.

Сигмунд и Торир благодарят бонда за радушие и говорят, что очень хотели бы остаться.

Бонд сказал, чтобы они как следует помогали хозяйке с дочкой, и не отлынивали от той работы, которую женщины им укажут, —

— а самого меня днем не будет: я буду каждый день уходить на охоту и приносить нам добычу, когда повезет.

Теперь мальчики живут там, и с ними хорошо обращаются. Женщины с ними сердечны, а те этому рады. Бонд же изо дня в день отсутствует.

Дом этот был хорошим и прочным, отделан как надо. Бонд назвался именем Ульв, жену его звали Рагнхильд, а их дочку — Турид; она была очень красивой девушкой, с крупными чертами лица. Сигмунд и Турид понравились друг другу и часто беседовали, и бонд и хозяйка не проронили ни слова против.

Вот проходит зима и наступает первый день лета. Тогда бонд Ульв заводит речь и говорит Сигмунду:

— Вышло так, — сказал он, — что вы провели эту зиму со мной. И если вы не подыскали для себя занятий получше, чем жить здесь, то вам это будет позволено, и вы сможете здесь возмужать. Может статься, что нам суждено пережить что-то вместе. Но хочу предупредить вас об одном: не ходите в тот лес, что к северу от нашего хутора.

Они это обещали и с готовностью приняли предложение, поблагодарив бонда Ульва.

XII

Неподалеку от хутора был пруд, и бонд отвел мальчиков туда и научил плавать. Потом они оправились на стрельбище и начали упражняться в стрельбе на меткость; Сигмунд на лету схватывал указания Ульва и быстро поднаторел в боевых искусствах. Торир старался не отставать, но все же не мог равняться с Сигмундом. Ульв был высок и силен, и родичи поняли, что в боевых искусствах он большой мастер.

Они живут там уже три года; Сигмунду исполнилось пятнадцать лет, а Ториру — семнадцать. Сигмунд и его родич статью напоминали взрослых мужей, но Сигмунд во всем превосходил Торира, хотя был двумя годами моложе.

И вот как-то летом Сигмунд сказал Ториру:

— Что будет, если мы отправимся в тот лес, что к северу от дома?

Торир отвечает:

— Не тянет меня туда, — говорит он.

— А меня, так да, — говорит Сигмунд, — и я пойду туда.

— Ты можешь настоять на своем, — говорит Торир, — но тогда мы нарушим запрет моего приемного отца.

Вот они идут; у Сигмунда в руке дровяной топор. Они углубляются в лес и выходят на красивую поляну. Не успевают они пробыть там долго, как слышат

сильнейший шум и вскоре видят очень большого и злобного медведя. Это был лесной медведь; мех его был серовато-седым, как у волка. Они бегут назад по той же тропе; тропа была узкой и тесной, и Торир бежит впереди, а Сигмунд за ним. Зверь нагоняет их: тропа для него слишком тесна, и дубовые ветки от этого трещат. Сигмунд проворно сходит с тропинки, становится между деревьев и ждет, пока зверь не поравняется с ними; тогда он рубит медведя с обеих рук точно между ушей, так что топор сел по рукоятку. Зверь свалился замертво и даже не корчился в судорогах.

Торир был свидетелем всему этому и сказал так:

— Тебе было суждено совершить этот подвиг, родич, — сказал Торир, — а вовсе не мне, и похоже на то, что в большинстве дел мне суждено лишь идти тебе вслед.

Сигмунд сказал:

— Попробуем теперь, сумеем ли мы поднять зверя на дыбы.

Они так и делают, подпирают его сзади ветками, чтобы он не мог упасть, запихивают палочку в пасть, и со стороны кажется, будто зверь ощерился. После этого они идут домой.

Когда они возвращаются, Ульв, их приемный отец, стоит перед домом возле амбара: он уже собирался отправляться на поиски. Он был сильно не в духе и спросил, куда они ходили.

Сигмунд отвечает:

— Вышло неладно, отец: мы нарушили твой запрет, и медведь гнался за нами.

Ульв отвечает:

— Следовало ожидать, что этим закончится, но все же я бы не хотел, чтобы медведь гнал вас снова. Зверь этот таков, что я считал слишком опасным дразнить его, но теперь придется попробовать.

Ульв заходит в дом, хватает копье и бежит в тот самый лес, а Сигмунд и Торир за ним. Ульв замечает медведя, тотчас бежит на него и насаживает на копье; медведь падает. Тут Ульв видит, что медведь-то умер еще раньше. Он сказал:

— Вы сделали из меня посмешище. Так кто из вас двоих убил зверя?

Торир отвечает:

— Нет здесь моей заслуги, отец, — говорит он, — это Сигмунд убил зверя.

— Это большое свершение, — говорит Ульв, — но, должно быть, лишь первый в череде твоих подвигов, Сигмунд, — сказал он.

Затем они идут домой, и Ульв стал еще выше, чем раньше, ценить Сигмунда.

XIII

Вот родичи живут с Ульвом до тех пор, пока Сигмунду не исполнилось восемнадцать лет, а Ториру — двадцать. Сигмунд стал мужем исключительной стати, силы и ловкости; достаточно сказать о нем, что он больше всех приблизился к Олаву сыну Трюггви во всех искусствах[14].

И вот теперь-то Сигмунд говорит своему приемному отцу Ульву, что хочет собраться в дорогу, —

— Ведь мне кажется, что мы вряд ли оставим о себе память надолго, если не узнаем, как живут другие люди.

— Как вы решили, так и будет, — говорит Ульв.

А они еще раньше заметили, что каждую осень и каждую весну, пока они жили там, Ульв уходил на семь ночей или около того и возвращался с одеждой и пряжей, или с другими вещами, которые были нужны в доме.

Теперь Ульв велит изготовить для них одежду и сам собирается в путь: по женщинам было заметно, что разлука дается им тяжело, особенно младшей. Вот они прощаются и выходят прочь, и Ульв идет с ними и провожает их через горы Доврафьялль, пока не они не выходят на тропу, ведущую вниз в долину Оркадаль. Тут Ульв присаживается и говорит, что хочет передохнуть. Все трое садятся вместе.

Тут Ульв сказал:

— Теперь мне хочется знать, кого я воспитывал все эти годы, и какого вы рода, и где ваш родимый край.

Они рассказывают ему весь ход своей жизни начистоту.

Ульв очень опечалился.

Тут Сигмунд сказал:

— Теперь я хочу, отец, — говорит он, — чтоб и ты рассказал нам весь ход твоей жизни.

— Так и будет, — говорит Ульв.

XIV

— Я начинаю свою сагу с того, что в Хейдмёрке в Упплёнде жил бонд по имени Торальв[15], человек богатый; он был наместником упплёндских конунгов. Был он женат, и жена его звалась Идунн[16], а дочка — Рагнхильд, прекраснейшая из женщин.

Неподалеку жил бонд по имени Стейнгрим[17], он был довольно зажиточен. Жена его звалась Тора[18], а сын — Торкель; был он велик ростом, силен и способен на многое.

Промысел Торкеля был таков, что он жил дома со своим отцом, но каждую осень, когда начинались заморозки и озера покрывались льдом, вместе с

товарищами уходил в леса — он отлично стрелял из лука. Промысел его начинался с первыми осенними морозами, и за то его прозвали Торкель Осенний Заморозок.

Однажды Торкель завел со своим отцом беседу и попросил, чтобы тот помог ему подыскать жену и посватал за него Рагнхильд, дочку бонда Торальва. Стейнгрим отвечает, что Торкель хочет прыгнуть слишком высоко, но все же отец с сыном едут к бонду Торальву и заводят с ним речь о сватовстве Торкеля к его дочери Рагнхильд. Торальв отнесся к этому холодно и сказал, что предназначал свою дочь людям повыше Торкеля; он бы, мол, и хотел дать иной ответ ради дружбы со Стейнгримом, но этому не суждено сбыться. Они расстаются, и те едут домой.

XV

Немного позже Торкель выезжает из дому в ночь с одним спутником; он выведал, что Торальва дома не будет — тот выехал в свою округу собирать подати. Торкель и его спутник ночью заходят в покои, где лежит Рагнхильд, и Торкель берет ее в охапку, выносит и увозит к себе домой. Отец его был вне себя, сказал, что Торкель взвалил себе на шею камень, и велел ему как можно скорее отвезти ее обратно.

Тот отвечает:

— Этого я не сделаю.

Тогда Стейнгрим, его отец, велел ему убираться прочь.

Торкель так и поступил, уехал прочь и обосновался в лесу. С ним вместе поехало одиннадцать человек — его кумовья и товарищи.

Вот домой возвращается бонд Торальв, узнает о случившемся и немедля собирает людей. У него набралось сто человек, и с ними он едет к бонду Стейнгриму и требует выдать ему Торкеля и вернуть свою дочку.

Стейнгрим сказал, что их тут нет.

Торальв и его спутники устроили обыск, но не нашли того, что хотели. После этого они отправились прочесывать лес, разделившись на несколько отрядов, и с Торальвом было три десятка мужей.

И вот однажды Торальв видит в лесу двенадцать мужчин и одну женщину. Убедившись в этом, они спешат к ним.

Спутники Торкеля совещаются, увидев, что на них надвигается толпа людей. Они спрашивают Торкеля, что предпринять.

Он отвечает:

— Здесь неподалеку от нас есть пригорок. Мы взойдем на него все вместе: там удобно держать оборону. Наломаем себе камней и будем защищаться, как подобает мужчинам.

Теперь они идут на пригорок и готовятся к битве.

Вскоре подходит отряд Торальва и сразу же обрушивается на них с оружием, а люди Торкеля защищаются мужественно и хорошо.

Кончается их встреча тем, что со стороны Торальва пало двенадцать человек, а со стороны Торкеля — семь, а те пять, что остались живы, ранены. Бонд Торальв получил смертельную рану.

Торкель с товарищами бегут в лес, и битва заканчивается, а Рагнхильд остается на месте, и ее увозят домой, вместе с ее отцом. Едва Торальв добирается до жилья, как умирает от ран, и люди рассказывают, что именно Торкель был его убийцей.

Весть о случившемся распространяется повсюду. Торкель едет домой к отцу; у него легкая рана, а большинство его спутников ранено тяжелее. Все они исцелились.

XVI

После этого жители Упплёнда собираются на тинг, и на нем Торкеля Осенний Заморозок объявили вне закона.

Когда отец с сыном узнают об этом, Стейнгрим говорит Торкелю, что тот долее не сможет оставаться дома, когда его будут искать сильнее всего, —

— придется тебе, родич, отправиться к реке, что берет начало неподалеку от нашего хутора; там большие ущелья по берегам, и есть одна пещера, в которой можно укрыться; о ней не знает никто, кроме меня. Туда тебе предстоит отправиться; возьмешь с собой еду.

Торкель так и поступает и сидит в пещере, пока его ищут сильнее всего, и его не находят. В пещере ему становится скучно и спустя какое-то время он выходит наружу и направляется к тому хутору, что прежде принадлежал бонду Торальву[19]. Он вторично увозит Рагнхильд и на сей раз уходит в горы да дикие леса, —

— и остановился я в месте, — сказал он, — где поныне стоит мой хутор, и мы с Рагнхильд прожили здесь восемнадцать лет, и это возраст моей дочери Турид. Теперь я поведал вам всю мою жизнь, — говорит он.

— Не рядовой кажется мне твоя сага, отец, — говорит Сигмунд, — а теперь я скажу тебе, что я плохо вознаградил тебя за то, что ты взрастил и воспитал меня, ибо дочь твоя сказала мне на прощание, что ждет ребенка, и я один тому виной. Потому и хотел я уйти, ведь я считал, что это встанет меж нами.

Торкель отвечает:

— Я давно знал, что между вами любовь, и не хотел ничем вам вредить.

Сигмунд сказал:

— Я хочу тебя просить, отец, чтобы ты ни за кого не выдавал свою дочь Турид, ибо я либо женюсь на ней, либо не буду женат вовсе.

Торкель отвечает:

— У моей дочери не может быть лучшего мужа, чем ты. Но я хочу просить тебя, Сигмунд, если ты добьешься успеха у хёвдингов, чтобы ты помнил мое имя и помог мне заключить мир с земляками, ибо мне в конец опостылела жизнь в пустыне.

Сигмунд обещал это сделать, если представится случай.

Теперь они расстаются, и родичи идут, пока не приходят к ярлу Хакону в Хладир; там была его ставка. Они предстают перед ярлом и приветствуют его, а он отозвался на приветствие и спросил, что они за люди.

Сигмунд сказал, что он — сын того Брестира, — который был Вашим наместником на Фарерских Островах и был там убит. Искал я, государь, встречи с Вами потому, что надеюсь добиться с Вами успеха. Хотел бы я, государь, стать Вашим человеком, и мой родич тоже.

Ярл Хакон сказал, что не знает точно, что он за человек, —

— Хотя ты довольно похож на Брестира. Однако тебе придется самому делами подтвердить свое происхождение. А в еде я тебе не отказываю, — и он указал им место на скамье рядом с гостями ярла.

В то время Свейн сын Хакона[20] был еще молод и находился при дружине отца.

XVII

Сигмунд завел знакомство со Свейном Ярловым Сыном и показал ему множество приемов, и Ярлову Сыну нравилось быть в его обществе.

Сигмунд изложил Свейну свое дело и просил походатайствовать перед отцом, чтобы тот помог ему выбиться в люди.

Свейн спрашивает, к чему именно он стремится.

— Больше всего хотел бы я отправиться в военные походы, — сказал Сигмунд, — если твой отец решит поддержать меня.

— Хорошо задумано, — сказал Свейн.

Вот наступает зима и приближается время йоля.

К йолю в Трандхейм с востока приезжает ярл Эйрик сын Хакона[21]; его ставка была в Вике. Сигмунд заводит с ярлом Эйриком беседу и излагает ему свои трудности. Ярл Эйрик обещает замолвить за него слово перед своим отцом Хаконом и говорит, что поможет ему не меньше, чем ярл Хакон.

А после йоля Сигмунд обращается уже к ярлу Хакону, дабы тот поддержал его и позволил оправдать доброе имя Брестира — того, кто служил ярлу.

Хакон ярл отвечает:

— Верно, что я понес урон, когда был убит Брестир, мой дружинник и отважнейший муж; те, кто убил его, достойны кары. Чего, однако, ты добиваешься?

Сигмунд говорит, что больше всего хочет отправиться в викингский поход и либо стяжать себе славу, либо сложить голову.

Ярл нашел, что это хорошо сказано, —

— и весной, когда люди будут снаряжаться в дорогу, ты узнаешь о моем решении.

Вот проходит зима, и Сигмунд напоминает ярлу о дружеском обещании.

Ярл отвечает:

— Я дам тебе военный корабль и сорок вооруженных мужей, но войско это мало обучено, ибо мало кто хочет следовать за тобой, неведомым никому чужаком.

Сигмунд поблагодарил ярла и рассказал Эйрику о том, что выделил его отец.

Эйрик ярл отвечает:

— Немного, но все же дар этот впустую не пропадет. А от меня получишь второй корабль и еще сорок человек, — и корабль, который выделил Эйрик, был не в пример лучше снаряжен.

Теперь он рассказывает Свейну о том, как одарили его ярлы, отец с сыном.

Свейн отвечает:

— Мне, конечно, не с руки делать друзьям такие подарки, какие могут позволить себе мои родичи. Но я дам тебе третий корабль и на нем четыре десятка людей; это мои слуги, и я надеюсь, что из всех людей, что тебе приданы, они будут тебе вернее всего.

XVIII

Сигмунд и его люди снаряжаются в путь; собравшись, они отплывают на восток в Вик, а оттуда в Данию, проходят пролив Эйрарсунд и все лето плавают в Восточном Море[22]. Ему выпадает немного добычи. Из-за своей малочисленности он нигде не решается оставаться подолгу; торговых людей он, однако, не трогает. К концу лета он отплывает с востока и пристает у островов возле устья Широкой Реки[23]; там все время роятся викинги. Вот корабли стали в заливе напротив одного островка, и Сигмунд решает осмотреться и сходит на сушу. Он видит, что на другом берегу острова стоят пять кораблей, и один из них — дракон[24]. Он возвращается к своим и говорит, что на другой стороне острова стоят викинги на пяти кораблях, —

— и должен вам сообщить, что мне претит мысль о бегстве, пока мы не померялись силами. Не видать нам славы, коли мы будем бежать от опасности.

Они просили его распорядиться.

— Мы загрузим наши суда камнями, — сказал Сигмунд, — и приготовимся как можно тщательней. Корабли мы поставим на выходе из залива, в котором

сейчас стоим; это самое узкое место, и мне вчера показалось, что если развернуть суда поперек, другим судам мимо нас не пройти. Может статься, это поможет нам выстоять, ведь они не смогут выстроить все свои корабли зараз.

Так они и делают.

А наутро, когда они уже выстроились поперек залива, к ним на веслах подходят викинги на пяти кораблях. На носу дракона стоит человек высокого роста и мужественного вида, он спрашивает, кто здесь предводитель. Сигмунд назвал себя и спросил его об имени. Тот сказал, что зовут его Рандвер, и родом он с востока из Хольмгарда; предлагает на выбор — сойти с кораблей и сдаться ему на милость, либо защищаться. Сигмунд сказал, что выбор слишком неравный, и они сперва испытают свое оружие. Рандвер велел трем своим кораблям стать борт к борту; все суда развернуть было нельзя, а Рандвер хотел сперва посмотреть, как пойдет дело.

Сигмунд правил тем кораблем, что подарил ему Свейн Ярлов Сын, а Торир — тем, что подарил ярл Эйрик.

Вот викинги встают рядом и начинается битва. Люди Сигмунда сразу забрасывают их камнями, так что тем приходиться думать лишь о защите. Покончив с камнями, они обрушивают на викингов град стрел: было много убитых и еще больше раненых. Затем люди Сигмунда пускают в ход мечи и секиры. Битва развертывается теперь отнюдь не в пользу войска Рандвера. Увидев потери своих людей, он называет их ублюдками, коли они не пересилили тех, кого он и за мужей-то не считал. Они отвечали, что Рандвер частенько только подзуживает других, а сам стоит в стороне и просили вмешаться в битву. Он обещает, что все так и будет. Затем он развертывает дракон и тот корабль, где оставались свежие люди, борт к борту, а третье судно заполняет теми, кто еще не был ранен. Битва начинается во второй раз, и теперь она гораздо ожесточенней.

Сигмунд на своем корабле стоял впереди и рубил часто и мощно. Торир, его родич, тоже держался отменно. Бой продолжается, и пока невозможно увидеть, кому улыбнется удача.

Тут Сигмунд сказал своим людям:

— Стоя на месте, нам их не одолеть. Теперь я попробую взойти на дракон, а вы поддержите меня, как следует.

Вот Сигмунд всходит на борт дракона сам двенадцатый и сразу убивает врага, а за ним еще одного; его спутники хорошо поддерживают его. Торир тоже забрался на дракон сам пятый. Викинги отступают и пятятся назад. Когда Рандвер это видит, то выбегает навстречу Сигмунду, и они долго бьются один на один.

И вот Сигмунд показывает свое искусство и перебрасывает меч на левую руку, а щит на правую; он рубит Рандвера мечом и отрубает ему правую ногу ниже колена. Тогда Рандвер падает. Сигмунд рубит его по шее, так что голова

летит прочь. Тут войско Сигмунда вопит клич победы, и викинги бегут на трех кораблях, а люди Сигмунда очищают дракон, убивая каждого, кто был на нем.

Затем они пересчитывают свое войско; с их стороны пало тридцать человек. Они бросают якорь в заливе, перевязывают раны и несколько ночей набираются сил.

Сигмунд забрал дракон и второе судно викингов с собой. Они взяли на них богатую добычу, как оружием, так и другими ценными вещами. Потом они плывут обратно в Данию, а оттуда — на север в Вик и встречают там ярла Эйрика. Ярл приветствует Сигмунда и предлагает ему остаться. Сигмунд благодарит за приглашение, но говорит, что сперва хочет поехать на север навестить ярла Хакона, а ярлу Эйрику он передает на хранение два судна, на которых был недобор гребцов.

Теперь они являются к ярлу Хакону, и тот приветствует Сигмунда и его спутников; зиму Сигмунд проводит с ярлом; он делается знаменит.

Той же зимой ближе к йолю Сигмунд сделался дружинником ярла Хакона, и также — его родич Торир. Они проводят зиму без приключений, и их привечают.

XIX

В то время Швецией правил конунг Эйрик Победоносный, сын Бьёрна, сына Эйрика, сына Эйвинда. Это был могущественный конунг.

Той зимой двенадцати норвежским купцам случилось ехать на восток в Швецию через хребет Килир. Прибыв в Швецию, они устроили с местными людьми торг; там случилась свара, и норвежец убил шведа. Когда об этом узнает конунг Эйрик, он высылает своих гостей и велит убить этих двенадцать норвежцев.

И вот весной ярл Хакон спрашивает Сигмунда, куда он собирается плыть летом.

Сигмунд говорит, что это — на усмотрении ярла.

Хакон ярл сказал:

— Я бы хотел, чтобы ты отправился куда-нибудь поближе к державе конунга шведов и напомнил им о том, что они этой зимой из-за малых дел убили двенадцать моих людей; обида эта не отомщена.

Сигмунд обещал сделать это, если удастся.

Тогда ярл Хакон вверяет Сигмунду отборное войско из своих дружинников и лучших ополченцев. На сей раз уже все рвались к Сигмунду. Они держат путь на восток в Вик, встречают ярла Эйрика, и он вверяет Сигмунду второй ладный отряд; всего под началом Сигмунда теперь более трех сотен людей и пять полностью оснащенных судов. Они плывут в Данию, а затем на восток вдоль побережья Швеции и пристают в восточной части этой державы.

Сигмунд говорит тогда своим людям:

— Здесь мы сойдем на сушу и устроим набег.

Они сходят на берег и вступают в селенья с тремя сотнями людей, убивая местный люд, угоняя скот, поджигая дома. Все население, которое уцелело, бежит от них в леса и поля.

Неподалеку от края, где они гнали беглецов, правил наместник Эйрика конунга, по имени Бьёрн. Проведав о нападении, он собирает народ вокруг себя и, усилившись, выступает навстречу.

Вот однажды они замечают между кораблями и собой войско ополченцев.

Люди Сигмунда спрашивают, что нужно предпринять.

— Хороших путей пока много, — сказал Сигмунд, — и часто победа приходит не к тем, кого больше, но к тем, кто храбрее. Мы примем такое решение: выстроимся свиньей. Я и мой родич Торир станем впереди всех, за нами — трое, далее пятеро. А по обоим краям люди будут прикрыты щитами. Надеюсь я, что нам удастся пройти сквозь их строй: помните, что мы пробьемся, если шведы дрогнут.

Так они и поступают, набегают на строй шведов и врезаются в него. Завязывается большая битва, и со стороны шведов гибнет немало людей. Сигмунд держится храбро и рубит обеими руками. Он идет на знаменосца Бьёрна и наносит ему смертельный удар. Затем он призывает своих воинов разбить стену щитов вокруг Бьёрна, и им это удается. Сигмунд добирается до Бьёрна, и они обмениваются ударами; Сигмунд вскорости берет верх и наносит Бьёрну смертельную рану. Тогда викинги вопят клич победы, и ополченцы обращаются в бегство.

Сигмунд предупреждает, чтобы они не преследовали бегущих. Для этого, — сказал он, — у них в незнакомой стране недостаточно сил.

Они так и поступают, берут богатую добычу и с ней вместе идут к кораблям. Они отплывают из Швеции на восток к Хольмгарду и опустошают там прибрежные острова да ближние мысы.

В державе конунга шведов было, как сообщают, двое братьев: одного звали Вандиль, а другого — Адиль. Они охраняли владения конунга, и под их началом никогда не бывало меньше восьми обычных кораблей и двух драконов.

Конунг шведов узнает, что на его страну совершено нападение; он посылает братьям Вандилю с Адилем весть и велит им лишить жизни Сигмунда и его спутников. Те это обещали.

Осенью Сигмунд плывет с востока в обратный путь и подходит к некоему острову, лежащему напротив Швеции. Тут Сигмунд говорит своим людям:

— Будем начеку: мы среди шведов, а в этом краю друзей у нас нет. Сам я спущусь на остров и осмотрюсь.

Так он и делает и видит, что с другой стороны острова стоит десять кораблей, и из них два — драконы.

Сигмунд сказал своим, чтобы они приготовились загодя и вынесли на берег свое добро и внесли на борт камни. Всю ночь они снаряжаются.

XX

Рано утром к ним подходит на веслах десять кораблей, и предводители шведов спрашивают, чьи здесь суда. Сигмунд назвал себя. Узнав, кто перед ними, шведы не тратят слов, но обнажают оружие и идут в бой, и Сигмунду с его спутниками никогда прежде не приходились бывать в подобной переделке.

Вандиль ставит свой дракон против дракона Сигмунда. Те встречают их жестко, и когда они бьются уже некоторое время, Сигмунд говорит так:

— В этот раз, как и прежде, победить мы не сможем, если не пойдем в ближний бой. Я сейчас прыгну на их дракон, а вы поддержите меня как должно.

И вот Сигмунд прыгает на чужой дракон, а по пятам за ним следует большая дружина. Ему удается быстро убить одного врага, за ним второго, и шведы начинают пятиться.

Тогда Вандиль выступает навстречу Сигмунду, и они долго обмениваются ударами. Сигмунд использует тот же прием, что раньше — перебрасывает оружие на левую руку и рубит Вандиля так, что отрубает ему правую руку; меч, которым бился Вандиль, падает. Сигмунд не растягивает встречу и тут же наносит Вандилю смертельный удар. Тогда люди Сигмунда вопят клич победы.

Адиль сказал:

— Удача ныне нам изменила. Должно быть, Вандиль убит. Бежим, и спасайся кто может!

Теперь Адиль бежит прочь на пяти кораблях, а дракон и четыре других корабля остаются; все, кто на них остались, были убиты. Дракон и еще одно судно Сигмунд забрал с собой.

Они трогаются в путь и плывут, пока не достигают пределов державы конунга датчан. Здесь они чувствуют себя в безопасности, перевязывают свои раны и делают привал.

Набравшись сил, они отплывают в Вик к ярлу Эйрику; там их хорошо встретили. Они стоят в Вике недолгое время, а оттуда идут на север в Трандхейм и предстают перед ярлом Хаконом; ярл хорошо встречает Сигмунда и его спутников и благодарит за выполненную работу.

Зиму родичи Сигмунд и Торир и часть их людей проводят с ярлом; войско отправилось на зимовку в другие места.

XXI

С приходом весны ярл Хакон спрашивает у Сигмунда, где тот намерен воевать летом, Сигмунд сказал, что оставляет это на усмотрении ярла.

— Я не стану вновь призывать тебя дразнить шведов. Теперь я хочу, чтобы ты отправился в западные моря к Оркнейским Островам. Там можно ожидать человека по имени Харальд Железная Башка, моего заклятого врага. Он объявлен мной вне закона и совершил в Норвегии немало бесчинств. Это муж видный. Я хочу, чтоб ты убил его, если получится.

Сигмунд пообещал встретиться с Харальдом, если узнает, где тот находится.

Затем Сигмунд отплывает из Норвегии на восьми кораблях, и Торир правит тем драконом, что принадлежал Вандилю, а Сигмунд — тем, что принадлежал Рандверу. Они плавают в западных водах, и им почти не выпадает добычи. К концу лета они пристают возле острова Энгульсэй[25] — он расположен в Английском Море. Они замечают, что напротив них стоит десять кораблей, и один из них — большой дракон.

Сигмунд быстро убедился, что этими кораблями правит Харальд Железная Башка.

Они уславливаются между собой, что битву начнут утром.

Вот проходит ночь.

А утром, с первыми лучами солнца, они берут оружие и сражаются весь день напролет. С наступлением темноты они расходятся и договариваются продолжить битву утром.

Следующим утром Харальд вызывает Сигмунда и спрашивает, по-прежнему ли тот хочет биться. Тот отвечает, что об ином не помышляет.

— Я сейчас скажу то, — говорит Харальд, — чего никогда не говорил раньше. Я хочу, чтобы мы больше не бились, а стали товарищами.

Спутники обоих приняли эти слова хорошо и сказали, что им просто необходимо помириться и действовать заодно, ведь тогда мало кто сможет с ними совладать.

Сигмунд сказал, что есть одна загвоздка, которая мешает им помириться.

— В чем же она? — говорит Харальд.

— Хакон ярл послал меня за твоей головой.

— От него мне следовало ждать козней, но вы с ним несхожи, ибо ты — отважнейший муж, а Хакон — худший из людей.

— На сей счет мы останемся при своем мнении, — говорит Сигмунд.

Люди с обеих сторон приложили руку к тому, чтоб они помирились, и вот заключили мировую: договорились воевать и делить добычу вместе, и мало кто может устоять перед ними в то лето.

А осенью Сигмунд сказал, что хочет отплыть в Норвегию.

Харальд отвечает:

— Тогда наши пути разойдутся.

— Этого не будет, — сказал Сигмунд, — я хочу, чтобы мы теперь отправились в Норвегию вместе. Тогда я смогу исполнить кое-что из того, что обещал Хакону ярлу, если предстану пред ним.

— Как же я поеду к своему злейшему врагу?

— Предоставь это решать мне, — говорит Сигмунд.

— Тебе я вполне доверяю, но ты взвалил на себя тяжкую ношу. Однако поступим, как ты решил.

Затем они плывут на север в Норвегию и пристают в Хёрдаланде. Там им сказали, что Хакон ярл — в Северном Мёре и сидит в Бергунде. Они направляются туда и ставят корабли в заливе Стейнаваг. Оттуда Сигмунд едет в Бергунд на весельной лодке с двенадцатью людьми и хочет сперва встретиться с Хаконом ярлом один, пока Харальд стоит в заливе Стейнаваг.

Вот Сигмунд встречает ярла, а тот сидит за питьем. Сигмунд тотчас идет прямо к его месту, и приветствует ярла. Ярл был с ним ласков, спросил о новостях и велел пододвинуть сиденье для Сигмунда, что и было сделано. Они заводят беседу и Сигмунд рассказывает о своих плаваньях, но о встрече с Железной Башкой умалчивает. Когда ярлу показалось, что рассказ затянулся, он спрашивает Сигмунда, нашел ли он Харальда.

— Конечно, нашел, — сказал Сигмунд, — и рассказал ему, как случилось, что они с Харальдом помирились.

Ярл замолчал, весь побагровел и спустя какое-то время сказал:

— Частенько бывало, Сигмунд, что ты выполнял мои поручения получше.

— Человек этот прибыл теперь сюда к Вам, государь, — говорит Сигмунд, — и отдался под Вашу власть. И я рассчитываю, что Вы заключите с Харальдом мир, уважив мое слово, и Харальд сохранит жизнь, неприкосновенность и право жить в этой стране.

— Этого никогда не произойдет, — сказал ярл, — я тотчас же велю убить его, как только увижу.

— Я поручусь за него сам, государь, — сказал Сигмунд, — и выложу столько денег, сколько Вы укажете.

— Не видать ему от меня мира.

Сигмунд отвечает:

— Мало и дурно наградил ты меня за мою службу, если я не могу сохранить жизнь единственному человеку и добиться для него мира. Я уезжаю из этой страны и никогда впредь не стану служить тебе, и я бы хотел, чтоб вам пришлось как следует потрудиться, прежде чем вы этого человека убьете.

Сигмунд вскакивает с места и покидает палаты, а ярл остается сидеть и не произносит ни слова, и никто не решается заступиться за Сигмунда.

Затем ярл говорит:

— В гневе был сейчас Сигмунд, — сказал он, — и большая потеря для моей державы, если он решится уехать. Однако он говорил не всерьез.

— Конечно же, он говорил всерьез, — сказали люди ярла.

— Идите-ка за ним, — сказал ярл, — помиримся на тех условиях, что он предлагал.

Теперь ярловы люди идут к Сигмунду и пересказывают ему все это, и Сигмунд снова предстает перед ярлом, и на сей раз ярл приветствует его первым и говорит, что они заключат мировую на тех условиях, что предлагал Сигмунд, —

— не хочу я, чтоб ты покидал меня.

Сигмунд принял у ярла обещания жизни и мира для Харальда; он навещает Харальда и рассказывает ему, как обстоит дело и что мир заключен. Харальд нашел, что доверяться Хакону опасно, но все же они отправились к ярлу и помирились с ним. Затем Харальд уехал на север в Халогаланд, а Сигмунд остался зимовать с ярлом и жил у него в большом почете; с Сигмундом был его родич Торир и немало их людей.

Сигмунд следил за тем, чтоб никто из его людей не нуждался ни в оружии, ни в одеждах.

XXII

Теперь следует рассказать о фарерцах, что Эцур сын Хавгрима воспитывался у Транда с Гати до тех пор, пока не возмужал и не стал взрослым осанистым мужем. Транд нашел ему на Островах жену, лучшую из дочерей бондов. Затем Транд сказал, что они разделят власть на островах поровну: Эцур возьмет себе ту половину, что раньше была закреплена за его отцом, а Транд — ту, которой прежде распоряжались братья Брестир и Бейнир. Транд сказал Эцуру, что тот в полном праве забрать себе все деньги, земли и движимость Брестира с Бейниром в качестве виры за отца. Все шло ровно так, как указывал Транд.

У Эцура было два хутора или даже три — один на Южном Острове на своей вотчине, второй — на Подкове, третий — на острове Димун на вотчине Брестира с Бейниром.

Фарерцы прознали о Сигмунде, что он человек знаменитый, и стали готовиться загодя и соблюдать осторожность. Эцур велел возвести вокруг хутора на Подкове крепость и проводил основное время там.

Остров Подкова выглядит так, что он очень крут и высок, и его удобно оборонять; наверх ведет единственная тропа, и люди рассказывают, что если остров обороняют двадцать или тридцать мужчин, взять его приступом невозможно, сколько бы нападавших не было[26].

Эцур разъезжал между своими хуторами с двадцатью спутниками, а дома с ним всегда оставалось тридцать мужчин, вместе с работниками. На Фарерских Островах не было человека могущественней, не считая самого Транда.

Тот громадный запас серебра, который Транд получил в Халейри, не иссякал, и он был самым богатым человеком на Фарерах и по-прежнему заправлял на Островах всем один, потому что Эцур был простодушнее.

XXIII

Теперь следует рассказать о Сигмунде, что он завел с ярлом Хаконом беседу и сказал, что хочет покончить с походами и намерен попытать счастья на Фарерах. Он говорит, что более не желает слышать, как его попрекают тем, что он не мстит за отца и просит ярла о содействии и совете, как это устроить.

Хакон отвечает и говорит, что —

— море у Островов бурное, а прибои высокие; боевые корабли туда не дойдут. Но я велю сделать для тебя два больших кнёрра и дам довольно людей, чтоб заполнить их.

Сигмунд благодарит ярла за его благородство. К отплытию начинают готовиться зимой, а весной корабли уже полностью готовы, и на них подобраны люди.

Харальд весной приехал повидать Сигмунда и вызвался вместе плыть с ним. Когда Сигмунд уже был почти готов, Хакон ярл сказал:

— Нужно проводить того, кого ждешь назад.

И вот выходит ярл вместе с Сигмундом.

Тут Хакон сказал:

— Что можешь ты рассказать мне о своей вере?

Сигмунд отвечает:

— Я верю в свою силу и мощь.

Ярл отвечает:

— Так поступать негоже. Ты должен довериться тому, чему во всем доверяюсь я, и искать защиты у Торгерд Невесты Хёрди[27]. Мы сейчас пойдем к ней и испросим у нее для тебя удачи.

Сигмунд просил его распорядиться.

И вот они идут в лес, сперва по проезжей дороге, а затем по боковой тропке, и попадают на поляну, а там стоит дом, обнесенный тыном. Дом этот был очень красив, с резьбой, украшенной золотом и серебром. Внутрь заходят они, Хакон и Сигмунд, и с ними еще несколько людей. Там стояло множество идолов. В капище было много окон, так что ничто не отбрасывало тень. У торцовой стены стояла женщина в богатом убранстве. Ярл распростерся перед ней ниц и долго лежал. Наконец он встает и говорит, что они должны принести ей жертву и положить серебро перед ней на сиденье, —

— и мы поймем, приняла ли она жертву, — говорит Хакон, — по тому, отпустит ли она запястье, которое у нее на руке. В этом запястье, Сигмунд, — твоя удача.

Вот ярл касается запястья, и Сигмунду кажется, что она словно сжала кулак, и ярл не смог стащить запястье с руки. Ярл вторично падает ниц перед ней, и Сигмунд видит, что на глазах у него слезы. Затем ярл встает, берется за запястье, и оно подается. Он вручает его Сигмунду и говорит, чтобы Сигмунд это запястье никому не отдавал, и тот это обещает.

На этом они расстаются, и Сигмунд идет к своим кораблям; рассказывают, что на каждом из них было по пять десятков мужей. Они выходят в море, и ветер им благоприятствует; они держатся вместе, пока не встречают первых птиц, гнездящихся на Островах.

Харальд Железная Башка плыл на одном корабле с Сигмундом, а Торир правил другим кораблем.

Тут начинается буря, корабли расходятся, и несколько суток их швыряет море.

XXIV

Теперь следует рассказать о людях Сигмунда, что они поймали попутный ветер и идут под парусом к Островам. Они видят, что подходят с востока, и спутники Сигмунда узнали местность: вблизи от них был Восточный Остров. Сигмунд сказал, что если бы представилось выбирать, он предпочел бы схватить Транда. Но когда они подошли ближе, их встретил такой ветер и шторм, что было неясно, смогут ли они достичь берега. Тем не менее, им удается пристать у Свиного Острова; люди на борту были опытные и умелые. Подходят они, когда брезжит рассвет, и тотчас сорок человек бегут к хутору, а десять стерегут судно. Они вламываются на хутор, заполняют его, хватают бонда Бьярни в его постели и выводят наружу.

Бьярни спрашивает, кто предводитель этого похода.

Сигмунд назвал себя.

— Тогда будь жесток к тем, кто хотел обойтись с тобой хуже всего на давней встрече, где был убит твой отец. Я же не станут скрывать, что тоже был там; должно быть, ты еще не забыл, как я к тебе отнесся, когда пошли речи о том, что тебя с твоим родичем Ториром надо убить, и я сказал, что вас двоих не убить, не убив меня.

— Конечно, я помню, — сказал Сигмунд.

— Долго ли ждать поблажки? — сказал Бьярни.

— Прямо сейчас, — сказал Сигмунд, — ты сохранишь жизнь, но я сам решу, на каких условиях.

— Быть по сему, — сказал Бьярни.

— Поедешь с нами, — сказал Сигмунд, — на Восточный Остров.

— Туда ты доберешься не раньше, чем на небо, — сказал Бьярни, — при такой-то погоде.

— Тогда поедешь с нами на остров Подкову, если Эцур у себя дома.

— Тебе решать, — говорит Бьярни, — я думаю, Эцур там.

Следующей ночью они отплывают к Подкове и вновь подходят к берегу с началом рассвета. Сигмунду так повезло с прибытием, что никого из жителей Подковы на тропе не было. Тотчас наверх взбирается пятьдесят человек, с теми, кого придал им Бьярни. В этот миг люди Эцура показались на крепостных стенах, и Эцур спрашивает, кого сюда принесло.

Сигмунд назвал себя.

— Похоже, ты считаешь, что у тебя к нам неотложное дело. Я хочу предложить мировую, — сказал Эцур, — чтобы лучшие люди на Фарерских Островах рассудили нас.

— Мировая будет лишь в том случае, если я вынесу решение один.

— На таких условиях я мириться не стану, — говорит Эцур, — чтоб еще отдавать тебе право суда! Я не знаю, чем я столь виноват, и почему настолько хуже тебя, чтоб соглашаться на это.

Сигмунд отвечает ему, а своим людям говорит, чтоб они для вида пошли на приступ, —

— а я, меж тем, попробую найти у них слабое место.

Харальд Железная Башка был настроен воинственно и пресекал все попытки решить дело миром.

У Эцура в крепости было тридцать человек, и взять крепость было тяжело.

Сын Эцура, по имени Лейв, был в то время малым ребенком.

Вот люди Сигмунда идут на приступ, а те держат оборону.

Сигмунд обходит крепость и осматривает ее. Он был одет так: на голове шлем, на поясе меч, в руке широкая секира с рогами, украшенная серебром. Это было отличное оружие. На Сигмунде был красный плащ, а поверх плаща — короткая легкая кольчуга. И друзья, и недруги признавали, что на Фарерах не бывало людей, подобных Сигмунду.

Сигмунд видит, что в одном месте крепостная стена слегка обвалилась; забраться здесь было чуть легче. Сигмунд отступает от стены назад и с разбегу напрыгивает на нее; ему удается забраться достаточно высоко, чтобы зацепиться секирой за край стены. Затем он подтягивается на рукоятке секиры и быстро взбирается наверх[28]. Навстречу ему бежит человек и рубит его мечом. Сигмунд отводит от себя удар секирой и поражает его рогом секиры, так что лезвие входит в грудь. Тот человек вскорости умер. Эцур видит это, бежит навстречу и замахивается на него, но Сигмунд снова отводит от себя удар и

сам рубит Эцура так, что отрубает ему правую руку; меч Эцура падает. Тогда Сигмунд всаживает секиру Эцуру прямо в грудь, и Эцур пал. Затем на Сигмунда бросается несколько человек сразу, но он спрыгивает со стены задом наперед и приземляется снаружи стоя[29].

Спутники Эцура сидят у его изголовья, пока он не испустил дух.

Теперь Сигмунд говорит оставшимся в крепости, что у них два пути: либо он возьмет их измором или сожжет, либо они заключат мир, с тем, чтобы он вынес решение один. Они передают ему право суда и сдаются на милость.

О Торире нужно сказать, что его отнесло к Южному Острову, и он прибывает на встречу с Сигмундом, когда все эти события уже случились.

Потом ведутся речи о мировой между Сигмундом и Трандом. Уславливаются о перемирии и назначают встречу на Стремнинном Острове в Заводи Тора, где находится тинг жителей Фарерских Островов. Туда являются Сигмунд, Транд и множество народу. Транд держится радушней некуда. Вот уже говорят о мире. Транд сказал, что, —

— ему, конечно же, не следовало быть на той встрече, где был убит твой отец, родич Сигмунд, — сказал Транд, — я хочу предложить тебе мир на таких условиях, которые будут для тебя почетней всего, и ты сможешь это оценить. Я хочу, чтобы ты решил все тяжбы один.

— Этого я не хочу, — сказал Сигмунд, — я хочу, чтобы приговоры по всем тяжбам вынес ярл Хакон. Или же останемся врагами, и это, по-моему, пристало гораздо больше. Но если решим замириться, то поедем с тобой к ярлу Хакону вместе.

— А я больше всего хочу, родич, — сказал Транд, — чтобы ты решил все тяжбы сам. У меня лишь одно условие: право жить на Островах и попечение над своими округами.

— Мир будет, — говорит Сигмунд, — лишь на тех условиях, что предложил я.

И поскольку Транд видел, что иначе будет хуже, они договариваются, что следующим летом оба поедут в Норвегию.

Один из двух кораблей, с которыми прибыл Сигмунд, осенью отплыл обратно в Норвегию; на нем было множество народу. Сам Сигмунд провел зиму на острове Подкова. С ним были его родич Торир, Харальд Железная Башка и много иных людей. Сигмунд держался с размахом и не скупился на расходы.

Вот проходит зима, и Сигмунд снаряжает корабль в плавание. Транд готовит к отплытию свое грузовое судно. Оба знали о сборах друг друга. Сигмунд отплывает сразу, как собрался. С ним вместе Торир, Харальд Железная Башка и около двадцати других людей на борту. Они пристают в Норвегии в Северном Мёре, узнают, что Хакон ярл неподалеку и вскоре встречаются с ним.

Хакон ярл хорошо встречает Сигмунда и его спутников.

Сигмунд рассказывает ярлу о мировой с Трандом.

Ярл отвечает:

— Транд оказался похитрее тебя. Очень сомневаюсь, что он быстро предстанет предо мной.

Лето проходит, и Транд не появляется. С Фарерских Островов приходят другие корабли, и люди на них рассказали, что Транда встречным ветром отнесло обратно, и он настолько повредил свое судно, что оно стало негодно к плаванью.

XXV

Теперь Сигмунд говорит ярлу, что хочет, чтобы тот решил их спор с Трандом, несмотря на то, что тот не явился.

Ярл говорит, что так и будет.

— Я назначаю двойную виру за гибель каждого из братьев, и третью — за умысел против вашей жизни в тот раз, когда Транд хотел умертвить вас с Ториром после того, как были убиты ваши отцы. Четвертая вира пойдет за то, что Транд продал вас в рабство. К той четверти, которой ты правишь на Фарерских Островах, следует добавить доли Транда и наследника Эцура, так что в твое владение переходит половина всех Островов, а другая половина отойдет мне за то, что Хавгрим и Торир убили моих дружинников Брестира с Бейниром. Хавгрим не заслуживает виры, ибо он убил Брестира и первым напал на неповинных людей. За Эцура не положено виры потому, что он самочинно поселился в твоих владеньях и был там убит. Ты поделишь полученные деньги с твоим родичем Ториром по своему усмотрению. Пусть Транд получит право жить на Островах, если будет соблюдать мировую. Все Острова будешь держать от меня в лен, — говорит ярл, — и платить подати с моей половины.

Сигмунд поблагодарил ярла за решение тяжбы и остался с ним на зиму.

Весной он выехал домой на Фарерские Острова; с ним вместе отправился его родич Торир, а Харальд Железная Башка остался в Норвегии.

Ветер благоприятствовал Сигмунду; он прибыл на Фарерские Острова и вызвал Транда на тинг в Заводи Тора на Стремнинном Острове. Транд явился туда, и было людно.

Сигмунд сказал, что Транд плохо блюдет мировую; он оглашает на тинге решение ярла и просит теперь Транда сделать одно из двух — либо соблюдать мировую, либо отказаться от нее открыто.

Транд говорит, что отдает решение Сигмунду: он, мол, хочет все сделать к его славе.

Сигмунд сказал, что хватит ходить вокруг да около и велел Транду сказать либо «да», либо «нет». А сам он, по его словам, предпочтет, чтобы они с Трандом остались врагами.

Транд предпочел мир, но запросил отсрочки на выплату виры: ярл постановил, чтобы деньги были выплачены за год. Однако по просьбам людей Сигмунд согласился на то, чтобы виру платили в рассрочку в течение трех лет.

Транд сказал, что это превосходно, если его родич Сигмунд будет править на Островах столько же лет, сколько правил он, Транд, —

— и я нахожу это только справедливым.

Сигмунд сказал, что грубой лестью его не купишь, и он на нее никогда не поддастся.

Они расстаются, и все тяжбы считаются улаженными.

Транд предложил взять на воспитание Лейва сына Эцура, и тот рос у него дома на Гати.

Летом Сигмунд снарядил корабль для плаванья в Норвегию. Тогда Транд выплатил треть положенных денег, но сделал это после долгих проволочек.

Сигмунд собрал подати Хакона ярла, прежде чем отплыл с Островов.

Ветер благоприятствовал Сигмунду, и он привел корабль в Норвегию. Вскоре он навещает ярла Хакона и вручает ему его подати. Ярл хорошо встретил Сигмунда, его родича Торира и прочих спутников. Зиму они проводят с ярлом.

XXVI

Летом того года, когда Сигмунд сделался дружинником ярла Хакона, — а произошло это во время йоля — он выехал вместе с ярлом на Фростатинг. Там Сигмунд поднял дело Торкеля, своего тестя, и повел речь о том, чтобы ярл Хакон снял с него обвинения на тинге и даровал ему право свободно жить в стране. Хакон ярл быстро обещал это Сигмунду. Затем ярл велел выслать людей за Торкелем и его домочадцами, и ту зиму Торкель провел у ярла Хакона; при нем были его жена и их дочь Турид. В то же лето, когда Сигмунд и Торир расстались с ними, она родила девочку, которую назвали Тора.

Следующей весной ярл Хакон выделил Торкелю Осенний Заморозок наместничество в долине Оркадаль, и Торкель поставил там свой хутор и жил все то время, о котором рассказывалось в саге.

Вот Сигмунд едет в долину Оркадаль и встречает Торкеля; его хорошо приняли. Теперь Сигмунд поднимает речь о женитьбе и просит руки Турид. Торкель отнесся к сватовству хорошо и счел этот брак почетным как для себя, так и для дочери. Затем Сигмунд празднует свадьбу в Хладире у ярла Хакона, и ярл велит не прерывать пир семь ночей. Торкель Осенний Заморозок стал тогда дружинником Хакона ярла и сделался его другом. Затем разъезжаются по домам; Сигмунд с женой остаются при ярле и живут у него, пока осенью не приходит время собираться в путь. Тогда он отплывает на Фарерские Острова, и с ним вместе его жена Турид и дочь Тора.

Зимой на Островах ничего не происходит.

Весной люди выезжают на Тинг Стремнинного Острова; является много народу, Сигмунд со своим отрядом и Транд. Сигмунд требует, чтобы Транд выдал его имущество, вторую треть виры: ему вообще-то положено взять все сразу, но он пошел навстречу просьбам людей.

Транд отвечает:

— Вышло так, родич, — сказал он, что здесь со мной человек по имени Лейв: он сын Эцура, и я предложил ему перебраться ко мне, после того, как мы с тобой помирились. Теперь же я намерен просить тебя, родич, — сказал Транд, — чтобы ты как-то уважил Лейва за потерю его отца Эцура, которого ты убил. Тогда бы я мог выплатить Лейву те твои деньги, которые пока у меня.

— Этого я не сделаю, — сказал Сигмунд, — ты выплатишь мои деньги мне.

— Но ты и сам скажешь, что это справедливо.

Сигмунд отвечает:

— Плати сейчас же, — сказал он, — не то будет хуже.

Тогда Транд выплатил половину второй трети и заявил, что больше уплатить не в состоянии. Сигмунд же подошел к Транду, держа в руке ту самую секиру, украшенную серебром, которой он убил Эцура. Он приставил рог секиры к груди Транда и сказал, что сейчас нажмет так, что Транд почувствует сталь, если тотчас не выплатит деньги.

Тогда Транд сказал:

— Трудный ты человек, — говорит он и просит своего слугу сходить в палатку за кошелем, который там лежал и проверить, не осталось ли в нем серебра. Тот пошел и отдал кошель в руки Сигмунду, и когда серебро взвесили, оно потянуло ровно настолько, сколько полагалось Сигмунду.

На этом они расстались.

Тем же летом Сигмунд вывез в Норвегию подати Хакона ярла, и его хорошо приняли. Проведя с ярлом короткое время, он едет обратно и зиму сидит на Островах.

Торир, его родич, повсюду сопровождал Сигмунда.

У Сигмунда на Островах было много друзей. Он и Бьярни со Свиного Острова хорошо соблюдали свою мировую, и Бьярни постоянно посредничал между Трандом и Сигмундом. Поэтому до худшего не доходило.

Весной люди выехали на Тинг Стремнинного Острова, и явилось много народу. Сигмунд потребовал у Транда выдать его имущество, а Транд от имени Лейва сына Эцура просит виры за отца Лейва. Многие сказали тогда, что им пристало договориться.

Сигмунд отвечает:

— Транд выплатит эти деньги не Лейву, а мне. Но по совету добрых людей серебро это останется на своем месте. Однако я не отказываюсь от него и не выплачиваю его кому бы то ни было.

На этом расстаются и едут с тинга по домам.

Летом Сигмунд снова собрался везти в Норвегию подати ярла Хакона, но задержался. Снарядившись, он отплывает в путь. Турид, его жена, остается дома, а его родич Торир едет с ним. Ветер им благоприятствует; поздней осенью они пристают на севере страны в Трандхейме. Затем Сигмунд поехал к ярлу Хакону, и его хорошо встретили.

К этому времени Сигмунду исполнилось двадцать семь лет; он продолжал жить у ярла.

XXVII

В ту зиму в Норвегию пришли йомсвикинги и сразились с Хаконом ярлом и его сыновьями[30]. Родичи Сигмунд и Торир были в битве на стороне ярлов, Хакона с Эйриком, и Сигмунд сын Брестира управлял кораблем и имел под своим началом отряд воинов[31]. […]

И после этих событий Буи[32] хватает громадное рогатое копье[33], призывает своих людей держаться отважно и рубит обеими руками столь отчаянно и мощно, что все, кто попадаются на его пути, пятятся прочь. Когда Хакон ярл это видит, он призывает всех предводителей своего войска выступить против Буи и отбиться от этого викинга. Но почти все они были сильно утомлены после долгой битвы и старались держаться от Буи подальше, ведь никому не хотелось найти последний приют под его оружием.

Хакон ярл видит, что желающих подняться на подвиг и сразить Буи нет. А тот между тем крушит всех подряд и прорубает в войске ярла изрядную брешь. Тогда ярл призывает Сигмунда сына Брестира, чтобы тот подвел свой корабль к кораблю Буи и убил этого разбойника.

Сигмунд в ответ сказал:

— Верно, ярл, что я обязан вам многими почестями. Однако теперь вы хотите подвергнуть меня смертельной опасности, раз мне предстоит меряться силами с Буи.

Тогда Хакон ярл заполняет корабль Сигмунда лучшими и самыми стойкими воинами и велит Сигмунду идти вперед, не щадя себя. Затем тот подводит свой корабль к кораблю Буи, и между ними завязывается жесточайшая битва. Буи наносит страшные удары, ибо сил у него было в избытке, и многие пали от его рук и лишились жизни.

Сигмунд призывает своих челядинцев взобраться на судно Буи, и тридцать человек взбираются со стороны штевня. Буи с товарищами дает жестокий

отпор; завязывается долгая и жестокая битва. Буи и Сигмунд вскоре находят друг друга и обмениваются ударами: Буи был сильнее, но Сигмунд ловчее и искусней в бою. Сигмунд вновь перебрасывает оружие с руки на руку — он одинаково хорошо развил себе обе руки для боя, а добиться этого удается немногим или почти никому. Таким приемом Сигмунд отрубает Буи кисть руки, а вскоре — и вторую. Потеряв обе руки, Буи насаживает на обрубки золотые запястья из своих ларцов, полных сокровищ[34]. Он сказал тогда зычным голосом:

— За борт, все люди Буи!

Затем Буи прыгнул за борт и с тех пор больше не появлялся, а Сигмунд добыл эту победу для ярла Хакона.

Так рассказывают Халльбьёрн Хвост Старший[35] и Стейнгрим сын Торарина[36], по сообщению священника Ари Мудрого сына Торгильса[37].

Битва завершается так, как рассказано. Ярлы благодарят Сигмунда сына Брестира за ту победу, которую он одержал. […]

А о Сигмунде сыне Брестира следует рассказать, что следующую зиму после описанных событий он провел с ярлом. Летом он выехал на Фарерские Острова, получив на прощание богатые дары от Хакона ярла и его сыновей. Зиму Сигмунд сидит на Фарерских Островах, и там все спокойно. […]

XXVIII

Теперь следует рассказать о том, что конунг Олав сын Трюггви, проведя в Норвегии две зимы, крестил весь Трандхейм[38]. Весной конунг отправляет на Фарерские Острова послание к Сигмунду сыну Брестира и вызывает его к себе, а на словах просит передать, что поездка будет для Сигмунда почетной, и конунг сделает его первым человеком на Фарерах, если Сигмунд захочет ему присягнуть.

XXIX

Олав конунг выехал из Трандхейма на юг в конце лета. Прибыв в Южный Мёр, он сел пировать у богатого бонда. В это время из-за моря с Фарерских Островов по указанию конунга прибыли Сигмунд сын Брестира и его родич Торир.

Когда Сигмунд встретил конунга, тот принял его приветливо; вскоре у них завязалась беседа. Конунг сказал так:

— Ты хорошо поступил, Сигмунд, что не стал откладывать эту поездку: я пригласил тебя потому, что немало наслышан о твоей отваге и боевых искусствах. Я бы охотно стал твоим лучшим другом, если ты послушаешься меня в том, что для меня важнее всего. К тому же многие поговаривают, что нам

с тобой пристало держаться вместе, ибо нас обоих считают людьми не лишенными храбрости, несмотря на то, что нам пришлось пережить невзгоды и тяготы, перед тем как добиться почестей. Судьба наша схожа и в том, что нам обоим выпало жить в изгнании и сносить унижения. Ты был ребенком, когда у тебя на глазах без вины погиб твой отец. Я же был во чреве матери, когда моего отца предали и убили, и не было других причин, кроме злобы и зависти собственных родичей. Рассказывали мне и о том, что тебе не спешили предлагать виру за отца потому, что твои родичи покушались убить тебя вслед за твоим отцом, а впоследствии продали тебя в рабство или даже заплатили деньги за то, чтобы тебя унижали и угнетали и, таким образом, умыкнули и увезли от твоей земли и имущества. Ты долгое время провел в незнакомой стране, не имея помощи, пока совсем чужие люди не сжалились над тобой и не взяли под свою опеку. Все это, что я узнал о тебе, очень похоже на то, что случилось со мной самим, ибо едва я родился, как мои земляки стали преследовать меня, устраивая засады, и хотели лишить жизни, так что моя мать была принуждена бежать от собственного отца и родичей как нищенка, покинув свои владения. Так прошли первые три года моей жизни. Затем нас с матерью захватили викинги, и я навсегда расстался со своей матерью и никогда ее больше не видел. Трижды меня продавали в рабство: я жил в Эйстланде у чужих людей, пока мне не исполнилось девять лет. Тогда в Эйстланд прибыл мой родич, который признал наше родство; он вызволил меня из рабства и увез с собой на восток в Гарды. Там я провел в изгнании еще девять лет, но уже считался свободным человеком. Я возмужал и получил от конунга Вальдамара такие почести, на которые было трудно надеяться иноземцу, — совсем как ты у Хакона ярла. И наконец каждый из нас обрел свою отчину и родимый край за то, что долго был лишен счастья и славы.

И теперь — прежде всего потому, что я слышал, будто ты никогда не приносил жертвы идолам по обычаю прочих язычников, — у меня есть надежда на то, что верховный конунг небес, творец всего сущего, приведет тебя, по моим молитвам, к познанию своего высокого имени и святой веры и сделает тебя моим сотоварищем в правой вере, а не только по силе, доблести и прочим многочисленным дарам, которые он милостиво ниспослал как тебе, так и мне, еще до того, как я впервые узнал о его славе. Пусть тот же всемогущий Бог поможет мне привести тебя к правой вере и убедит служить ему, дабы ты с его милостью смог, по моему примеру и наущению, обратить к Богу всех своих подданных, и я надеюсь, что так оно и будет. Ежели ты послушаешься моих уговоров и внимешь тому, что я сейчас сказал, и будешь с твердой верой служить Богу, то обретешь мою дружбу и уважение, хотя все это не идет ни в какое сравнению со славой и блаженством, которыми воздаст тебе всемогущий Бог Отец. Как и все, кто блюдет его заповеди и любит Духа Святого, будешь

сидеть с одном царстве вместе с его милым Сыном, конунгом всех конунгов, вовеки во славе небес[39].

Когда конунг закончил свою речь, Сигмунд ответил:

— Вам, государь, хорошо известно, и вы сами упоминали о том в Вашей речи, что я присягал на верность Хакону ярлу: у него мне жилось как нельзя лучше, и ярл привечал меня, ибо он был надежен и верен, дружелюбен и щедр со своими друзьями, хотя к своим врагам он бывал жесток и коварен. Но ваши с ним верования очень несходны. Поскольку, однако, я вижу по Вашим красивым речам, что вера, которую Вы возвещаете, во всех отношениях лучше и привлекательней той, которой держатся язычники, я готов следовать Вашим советам и стать Вашим другом. А приносить жертвы идолам я не желал потому, что давно уже видел, что обычай это негодный, хотя я не знал лучшего.

XXX

Олав конунг был рад тому, что Сигмунд столь разумно отнесся к его речам. Затем Сигмунд и все его спутники крестились, и конунг велел наставить их в вере. После этого Сигмунд находился при дружине конунга и пользовался большим почетом.

С наступлением осени конунг сказал Сигмунду, что хочет послать его на Фарерские Острова обратить живущий там народ в христианство. Сигмунд отговаривался от этого труда, но в конце концов дал согласие исполнить волю конунга. Тогда конунг передал в его власть все Фарерские Острова и придал ему ученых людей, дабы они крестили народ и наставляли его в вере. Сигмунд отплыл, как только собрался, и поездка его прошла хорошо.

Прибыв на Фареры, он созвал бондов на Тинг Стремнинного Острова; явилось много народа. Когда тинг начался, Сигмунд встал, огласил свое известие и рассказал, что этим летом плавал на восток в Норвегию к конунгу Олаву сыну Трюггви и что конунг передал под его власть все Острова. Большинство бондов приняло эту весть хорошо.

Затем Сигмунд сказал:

— Я хочу объявить вам, что сменил веру. Теперь я христианин; я принял поручение Олава конунга и взялся обратить все население Островов в правую веру.

На его речь ответ дает Транд; он сказал, что слышал, как бонды в своем кругу называют это делом тяжелым. Бонды сказали, что это отличная речь.

Транд собирает вокруг себя бондов на другом конце поля и говорит им, что надо, не долго думая, отвергнуть это требование. И поддавшись на его уговоры, все соглашаются быть заодно.

Когда Сигмунд увидел, что весь народ стекся к Транду, и при нем не осталось никого, кроме тех, кто уже был крещен ранее, он сказал так:

— Многовато власти вручил я сейчас Транду.

Сразу вслед за этим бонды окружают Сигмунда, бряцают оружием и ведут себя отнюдь не мирно. Сигмунд и его люди вскочили и изготовились.

Тут Транд сказал:

— Пусть люди угомонятся и сядут на место. Надо тебе сказать, родич Сигмунд, что мы, бонды, пришли к единому мнению насчет того поручения, которое ты взял на себя, и мы ни за что не желаем менять веру. Мы сейчас же нападем на тебя и убьем тебя здесь на тинге, если ты не перестанешь упорствовать и не подтвердишь под порукой, что никогда впредь не станешь продвигать это дело у нас на Островах.

И поскольку Сигмунд видит, что он никак не может настоять на своем насчет веры, а сил у него, чтоб воевать со всем тингом, недостаточно, случается так, что Сигмунд обещает все, чего они требовали под порукой и при свидетелях. На этом тинг завершается.

Сигмунд сидит зиму на острове Подкова; он был в ярости от того, что бонды угрозами вынудили его отступить, но не показывал виду.

XXXI

Весной, в ту пору, когда волны всего больше и море вокруг Островов считается несудоходным, Сигмунд выехал из дому с острова Подкова с тремя десятками людей на двух кораблях. Он сказал, что придется положиться на судьбу — либо они выполнят конунгово поручение, либо сложат голову. Они держат путь к Восточному Острову и им удается высадиться; они внезапно появились во второй половине ночи и обложили хутор на Гати. После этого они вышибли бревном дверь каморки, где спал Транд, схватили Транда и вывели его наружу.

Тут Сигмунд сказал:

— Вот так-то, Транд: и на правителя есть управа. Осенью ты угрозами принудил меня сдаться и поставил перед тяжелым выбором. А теперь я сам заставлю тебя выбрать между двумя вещами отнюдь неравноценными. Лучший выбор в том, что ты обращаешься в правую веру и принимаешь крещение; коли не захочешь и выберешь худшее, то быстро лишишься богатств и мирского счастья на этом свете, а взамен обретешь лишь убожество да вечную адову муку в мире ином.

Транд отвечает:

— Не буду отказываться от моих давних друзей.

Тогда Сигмунд выделил одного из своих спутников, чтоб тот убил Транда и вручил тому человеку большую секиру. Но когда тот подошел к Транду с занесенной секирой, Транд взглянул на него и сказал:

— Не спеши рубить меня, парень. Я сперва хочу кое-что сказать. Где же Сигмунд, мой родич?

— Здесь я, — говорит тот.

— Ты сам по своему усмотрению решишь нашу тяжбу, — говорит Транд, — а я приму ту веру, какую ты хочешь.

Тогда Торир сын Бейнира сказал:

— Руби скорей, парень!

Сигмунд отвечает:

— Не сейчас.

— Это верная смерть для тебя и твоих друзей, — говорит Торир, — если Транду дадут ускользнуть.

Сигмунд сказал, что большего на сей раз не будет.

Затем священник крестил Транда и его домочадцев. После того, как Транда окрестили, Сигмунд велел увезти его с собой. Сигмунд объехал все Фарерские Острова и не останавливался до тех пор, пока весь народ не был крещен[40]. Затем он готовит корабль в плавание и собирается отвезти конунгу Олаву его налоги, а в придачу к ним — Транда с Гати.

Когда Транд узнал, что Сигмунд собирается вывезти его к конунгу, он стал отпрашиваться от этой поездки, но уговоры на Сигмунда не подействовали, и они отплыли, как только подул попутный ветер.

Не успели они далеко отплыть от берега, как их встретила сильнейшая буря с большими волнами; их выбрасывает обратно на Фарерские Острова. Корабль разлетелся в щепы, и все имущество погибло, но большинству людей удалось спастись. Сигмунд сам вытащил Транда и многих других.

Транд сказал, что плавание их не может пройти гладко, так как они увозят его с собой насильно.

Сигмунд сказал, что Транду, тем не менее, придется поехать, даже если ему это не нравится.

Затем Сигмунд взял другой свой корабль и выделил деньги для податей конунгу из своих средств; имущества у Сигмунда для этого вполне хватало. Снова выходят они в море, и на этот раз удается проплыть дольше. Но, как и прежде, их настигает сильный встречный ветер, сносит обратно к Фарерским Островам, и они ломают судно.

Сигмунд сказал, что не иначе как выехать им мешает большое заклятье.

Транд сказал, что так будет происходить всякий раз, сколько бы они ни пытались, потому что они вывозят его с собой насильно.

Тогда Сигмунд велит освободить Транда с условием, что тот принесет присягу, что будет твердо соблюдать правую веру, верно и преданно служить Олаву конунгу с Сигмундом, не сеять на Островах смуты и не подстрекать никого

отпасть от конунга с Сигмундом, способствовать и содействовать поручениям Олава конунга, как насчет крещения, так и в том, что конунг пришлет на Острова в дальнейшем. И Транд клянется столь истово, что Сигмунд нигде не смог заподозрить подвоха. Затем Транд едет домой на Гать, а Сигмунд проводит зиму на своем хуторе на острове Подкова, потому что, когда их вторично отнесло обратно к Островам, стояла уже поздняя осень. Сигмунд распорядился починить тот корабль из двух, который был меньше поврежден. В ту зиму на Фарерских Островах все спокойно и тихо.

XXXII

Весной Сигмунд сын Брестира стал готовить свой корабль в плавание, как только счел море судоходным. Снарядившись, он вышел в море. Транду было позволено остаться на тех условиях, что были изложены раньше. На этот раз поездка Сигмунда прошла хорошо. Он встретил Олава конунга на севере в Нидаросе и вручил ему те деньги, которые выложил взамен тех, что пропали прошлым летом, а, сверх того, те подати, что причитались за следующий год. Конунг принял его хорошо, и Сигмунд задержался у конунга на всю весну.

Сигмунд подробно рассказал конунгу обо всем, что приключилось у него с Трандом и другими островитянами.

Конунг отвечает:

— Очень плохо, что Транд не предстал передо мной и не прогнан с Островов, но продолжает вносить порчу в ваши селения за морем, ибо я полагаю, что там живет худший человек в Северных Странах, и это — Транд.

XXXIII

Однажды весной случилось так, что Олав конунг сказал Сигмунду сыну Брестира:

— Сегодня мы отправимся с тобой позабавиться и померяемся силами в разных искусствах.

— Для этого мне слишком многого не хватает, — говорит Сигмунд, — но пусть будет по Вашей воле, как в этом деле, так и в другом.

Затем они состязались в плавании, стрельбе и прочих искусствах, и поговаривают, что из всех людей, живших тогда в Норвегии, Сигмунд более всего приблизился к Олаву конунгу в разных искусствах, несмотря на то, что во всем, в чем они состязались, он уступал конунгу[41].

Рассказывают, что однажды, когда Олав конунг сидел за питьем с множеством народа и потчевал свою дружину, Сигмунд сидел рядом с конунгом на почетном месте; между ним и конунгом было всего два человека. Сигмунд

положил обе свои руки на стол. Конунг посмотрел на них и увидел, что у Сигмунда на руке толстое запястье из золота.

Конунг сказал:

— Покажи-ка запястье.

Сигмунд снял запястье с руки и отдал его конунгу.

Конунг сказал:

— Не подаришь ли это запястье мне?

Сигмунд ответил:

— Вообще-то я не собирался расставаться с этим запястьем, государь.

— Я дам тебе взамен другое, — говорит конунг, — и оно будет ничуть не меньше и столь же красиво.

— Не отдам я свое запястье, — говорит Сигмунд, — ибо я обещал Хакону ярлу, когда он с волнением в голосе дарил мне это сокровище, что никогда не расстанусь с ним, и это обещание я выполню, ибо запястье казалось мне превосходным, пока ярл был жив, и принесло мне немало пользы.

Тут конунг сказал:

— Думай сколь угодно хорошо про запястье и того, кто тебе его подарил. Но с этого мига тебе суждено немного удачи, ибо запястье это принесет тебе смерть. Я столь же отчетливо знаю и то, как ты его получил, и каково его происхождение. Домогался я запястья не потому, что мне так уж хотелось владеть им, но потому, что желал уберечь своих друзей от несчастий.

Конунг побагровел и стал красным как кровь, и беседа оборвалась. С той поры конунг уже никогда не был столь ласков с Сигмундом, как раньше. Тем не менее, Сигмунд еще какое-то время оставался при конунге, а в самом начале лета выехал на запад к Фарерским Островам. Простились они с Олавом конунгом по-дружески, и Сигмунд никогда больше не видел конунга. Сигмунд привел корабль на Фарерские Острова и обосновался на своем хуторе на острове Подкова. […][42]

XXXIV

Ярлы Свейн и Эйрик велели передать на Фарерские Острова Сигмунду сыну Брестира, чтобы он явился к ним. Сигмунд не стал откладывать поездку, прибыл в Норвегию и застал ярлов на севере в Хладире в Трандхейме. Они приняли его очень тепло и вспомнили давнюю дружбу; Сигмунд сделался тогда их дружинником. Они отдают ему Фарерские Острова в лен и расстаются как большие друзья. Осенью Сигмунд отплывает обратно на Фарерские Острова.

XXXV

Вот в Норвегии правят ярлы, Эйрик со Свейном; народ их очень любил, потому что каждому позволяли поступать, как он хочет. Ярлы в основном сидели на своей вотчине в Хладире в Трандхейме; они чувствовали себя увереннней всего там, где были их корни. Эйрик во всем считался первым из братьев.

Эйрик очень прославился двумя битвами, в которых участвовал — при Свольдре и в заливе Хьёрунгаваг; это были величайшие битвы, и в обеих он одержал верх. Эйрик был очень хорош собой и был отличным правителем: в этом он походил на своего отца, однако совсем не походил на него нравом и верой, и всеобщее мнение таково, что это один из явных примеров того, как сын, вырастая, становится лучше отца[43].

XXXVI

В саге упоминается трое людей, выросших у Транда с Гати: одного из них звали Сигурд, он был сыном Торлака, брата Транда. Это был высокий и сильный муж, видный собой; волосы у него были белокурые и вились локонами. Он преуспел в боевых искусствах и, по рассказам, приблизился в них к Сигмунду сыну Брестира. У него был брат Торд, по прозвищу Коротышка. Это был человек могучего сложения и большой силы[44]. Третьего звали Гаут Рыжий; он был сыном их сестры. Все трое были сильны и высоки ростом.

Лейв находился там же на воспитании, и они с родичами Транда были ровесники[45].

Вот как звали детей Сигмунда и Турид: старшей была их дочь Тора — та, что родилась в горах. Это была высокая статная женщина, лицом не слишком красивая, но смолоду проявлявшая изрядный ум. Старшего сына Сигмунда и Турид звали Торальв, другого — Стейнгрим, третьего — Бранд, четвертого — Хери. Все они подавали надежды.

С христианством на Фарерах обстояло так же, как и везде в державе ярлов, и каждый жил, как он хотел, хотя сами ярлы были христиане.

Сигмунд крепко держался новой веры, и все его люди с ним; он велел возвести на своем хуторе церковь.

Про Транда же рассказывают, что он вовсе забросил христианство и так же поступили все его сотоварищи.

Вот жители Фарерских Островов созывают тинг; туда является Сигмунд, Транд с Гати и много иных людей.

Транд сказал Сигмунду:

— Вышло так, родич Сигмунд, что я намерен добиваться виры от имени Лейва сына Эцура, чтобы ты уплатил ему за убийство его отца.

Сигмунд сказал, что будет придерживаться того приговора, который вынес ярл Хакон купно по всем их тяжбам.

Транд сказал, что было бы справедливей —

— оказать Лейву эту почесть в память об его отце, чтобы вас с ним помирили лучшие люди на Островах.

Сигмунд сказал, что Транду нет нужды раз за разом проворачивать весла, и ни к чему путному это не приведет.

Транд сказал, что —

— Вполне очевидно, что тебя тяжело ухватить за рога. Может, однако, статься, что мои родичи, которые выросли у меня дома, решат, что ты держишься с ними не на равной ноге, коли не хочешь делиться властью. А ведь нам полагается более половины того, чем владеешь ты, и неясно, готовы ли люди мириться с этим и впредь. Ты подверг меня всяческим унижениям, — сказал Транд, — и худшим из всех я считаю то, что ты принудил меня сменить веру, и мне невыносимо от того, что я всю жизнь обречен помнить, что тогда подчинился. Так что приготовься заранее, что люди не всегда будут столь покорно сносить твое самовластье.

Сигмунд ответил, что будет спать спокойно, невзирая на его угрозы.

На этом они расстаются.

XXXVII

Рассказывают, что как-то летом Сигмунд выехал на лодке на островок Малый Димун. Его сопровождали лишь Торир и Эйнар Южанин; Сигмунд собирался забить на мясо овец, которые паслись у него на островке. Сигмунд и его спутники стояли наверху; они видят, как на остров всходят мужчины, и щиты их красиво блестят на солнце. Они принялись считать пришельцев и насчитали двенадцать человек.

Сигмунд спросил, кто это мог бы быть.

Торир отвечает, что признал в них Жителей Гати, Транда и его родичей, — и что теперь следует предпринять? — говорит Торир.

— Все пока не так плохо, — говорит Сигмунд, — мы двинемся им навстречу с оружием в руках, и если они решат напасть на нас, рассыплемся в стороны, а затем все втроем встретимся на берегу у тропы, ведущей наверх.

Люди Транда договариваются, что против Сигмунда пойдет Лейв с сыновьями Торлака и с ними четвертый человек. Сигмунд и его люди слышат это и выходят навстречу. Спутники Транда тут же нападают на них, но те бросаются врассыпную и успевают собраться внизу на берегу. Оттуда они бегут к проходу наверх; там стоит человек Транда. Сигмунд подоспел к нему первым и быстро управился с ним. Затем Сигмунд остался держать оборону, а Торир с Эйнаром

бросаются к ладье Транда. При ней было двое: один держал канат, а другой был на судне. Торир подбежал к тому, кто держал канат, и убил его. Эйнар же побежал к лодке Сигмунда и спустил ее на воду. Сигмунд в это время оборонял проход, отступая по нему вниз, ибо он рассчитывал успеть к Ториру с Эйнаром. Уже на берегу он убил еще одного спутника Транда. Затем Сигмунд и Торир вместе прыгнули на ладью Транда. Сигмунд вышвырнул того, кто был на ней, в море. После этого они налегают на весла и уводят с собой оба судна, а тот, кого выкинул в море Сигмунд, выбрался на берег.

Люди Транда зажгли костер; к ним подошли люди на лодках и вывезли их домой к Гати.

Сигмунд собрал людей и надеялся захватить Транда и его спутников на островке, прежде чем до него дошли вести, что те уехали прочь.

Немного позже тем же летом Сигмунд, и с ним двое, сел в лодку и отправился собирать свои подати. Они зашли в узкий пролив между какими-то двумя островами. Ближе к выходу они замечают, что навстречу им выплывает корабль под парусом и расстояние между ними стремительно сокращается. Они признали людей на корабле: были это Жители Гати, Транд и всего двенадцать человек.

Тут Торир молвил:

— Они совсем уже рядом, — говорит он, — и как теперь поступать, родич Сигмунд? — спрашивает он.

— Выбирать почти не приходится, — сказал Сигмунд, — но поступим так, — говорит Сигмунд. Мы пойдем на веслах им навстречу, и когда наше судно поравняется с ними, они заходят свернуть парус, и вы пустите в ход ваши мечи и срежете оснастку с того борта, который не закрыт парусом. А я поступлю по своему усмотрению.

Вот они гребут навстречу, и когда лодка Сигмунда поравнялась с кораблем Транда, Торир с Эйнаром срезают всю оснастку с борта, не закрытого парусом. Сигмунд же хватает вилы, лежавшие в его лодке, и втыкает их в верхнюю часть носа корабля Транда, нажимая с такой силой, что из воды тут же показался киль. Сигмунд загнал вилы в тот борт, на который спускался парус. Корабль быстро перевернулся, ведь он и без того был изрядно накренен в эту сторону, тем более, что Сигмунд нажал со всей силы. Там утонуло пятеро людей из отряда Транда.

Торир сказал, что нужно убить каждого, до кого они доберутся. Сигмунд отвечал, что не хочет этого и добавил, что, оставляя их в живых, он подвергнет их еще большему позору. После этого они плывут дальше.

Тут Сигурд сын Торлака сказал:

— Из раза в раз нам выпадают одни злоключения, когда мы идем против Сигмунда.

Сигурд сумел выправить корабль и спас многих людей.

Но Транд, взобравшись на судно, сказал:

— Удача, должно быть, оставила Сигмунда и переметнулась к нам, — говорит он, — ибо теперь на Сигмунда нашло большое затмение, и он не убил нас, хотя имел для этого все возможности. Отныне мы должны, не страшась, ополчиться и не отступать до тех пор, пока не отправим Сигмунда в Хель.

Все сказали, что только этого и хотят. Затем они едут домой к Гати.

Вот лето подходит к концу, и до поры они не сталкиваются друг с другом.

XXXVIII

Однажды, когда до зимы было уже рукой подать, случается так, что Транд созывает к себе людей, и набирается шестьдесят человек. Транд говорит, что они отправятся искать встречи с Сигмундом; во сне, мол, привиделось ему, будто они быстро сумеют смирить Сигмунда. У Транда было два корабля и отборное войско. Вместе с ним выехали Лейв сын Эйцура, Сигурд сын Торлака, Торд Коротышка и Гаут Рыжий. Одного бонда с Восточного Острова звали Стейнгрим. Эльдъярн Перо на Шляпе уже давно сопровождал Транда. Бьярни со Свиного Острова не участвовал в сговоре с тех пор, как они с Сигмундом помирились.

Транд и его люди плыли, пока не подошли к острову Подкова. Там они вытащили корабли на берег и все вместе пошли к проходу наверх.

Остров Подкова столь удобен для того, чтобы держать на нем оборону, что, по слухам, его невозможно взять приступом, сколько бы наступавших не было, если тропу, ведущую наверх, обороняет десять мужчин.

Эльдъярн Перо на Шляпе шел самым первым и натолкнулся на стражника Сигмунда возле тропы. Они тотчас схватились, и схватка их закончилась тем, что оба скатились со скалы вниз и нашли свою смерть.

Затем Транд и все его люди поднимаются к хутору и окружают его; они появились столь внезапно, что для всех это было полной неожиданностью. Они взламывают двери. Сигмунд и те его люди, что были с ним, схватили оружие. Турид, хозяйка дома, тоже берет в руки оружие и сражается не хуже иного мужчины. Спутники Транда подносят к стенам огонь и рассчитывают взять хутор огнем и мечом. Бьются не щадя сил.

Когда они сражаются так уже некоторое время, Турид, хозяйка дома, выходит в сени и говорит:

— Как долго намерен ты, Транд, сражаться с людьми, у которых нет предводителя?

Транд отвечает:

— Конечно! Это же ясно как день: не иначе как Сигмунд выбрался прочь.

Затем Транд обходит хутор против солнца[46] и свистит. Вот Транд подходит к краю вала, который по тогдашнему обычаю отходил от стены хутора. Он ведет себя так; опускает руку на землю, а потом подносит ее к ноздрям и говорит:

— Здесь прошло трое людей: Сигмунд, Торир и Эйнар.

Тут Транд опускается на колени, ищет следы и обнюхивает их, словно собака. Он просит, чтоб его не отвлекали разговором. Оттуда он идет к месту, где проходит глубокая расщелина, а расщелина эта делит почти весь остров Подкову надвое.

Тут Транд сказал:

— Именно здесь они и прошли, и, должно быть, Сигмунду как-то удалось перескочить поверху. Теперь мы разделимся, — говорит Транд, — пускай Лейв сын Эцура с Сигурдом сыном Торлака и частью нашего войска отправятся к одному концу расщелины, а я пойду к другому концу; встретимся на другой стороне.

Так они и поступают.

Затем Транд произнес такие слова:

— Теперь, Сигмунд, было бы недурно как-то обнаружить себя, если ты не потерял присутствия духа и по-прежнему веришь в свою храбрость так, как долгое время верили другие.

Была кромешная тьма.

И вот немного позже через расщелину на сторону Транда перескочил человек: он рубит мечом Стейнгрима, соседа Транда, и разрубает его в плечах надвое. Был это Сигмунд. Вслед за этим он тотчас прыгает через расщелину назад.

— Там прошел Сигмунд, — говорит Транд, — идем за ними к концу расщелины.

Так они и поступают, и люди Лейва благополучно встречаются с Трандом.

Сигмунд и его товарищи собрались на утесе, что нависает там над морем; они уже слышат людскую речь повсюду вокруг себя.

Тут Торир сказал:

— Здесь нам, наверное, суждено принять бой и держать оборону.

— Не могу я держать оборону, — говорит Сигмунд, — ибо меч мой выскользнул у меня из ножен, когда я прыгал обратно через расщелину: отсюда мы прыгнем в море и пустимся вплавь.

— Сделаем, как ты хочешь, — говорит Торир.

Этому совету они последовали, бросаются вниз с утеса и плывут вдаль.

Услышав всплеск, Транд сказал:

— Это они, — говорит он, — возьмем себе корабль, какой найдем, и отправимся искать их, кто на суше, а кто на море.

Так они и поступают, но не находят их.

XXXIX

Теперь следует рассказать о Сигмунде и его товарищах, что они какое-то время плывут и держат путь к Южному Острову: до туда было ближе всего, но все равно не меньше морского перехода с лихвой[47].

Когда они прошли половину пути, Эйнар сказал:

— Здесь наши пути разойдутся.

Сигмунд сказал, что этого не допустит,

— и залезай, Эйнар, ко мне на плечи.

Тот так и сделал.

Так Сигмунд плывет еще какое-то время.

Затем Торир, плывший позади, сказал:

— Как долго ты, родич Сигмунд, намерен тащить за собой мертвеца?

— Думаю, что в этом уже нет нужды, — говорит Сигмунд.

Затем они плывут до тех пор, пока не остается пройти четверть пути.

Тут Торир сказал:

— Всю нашу жизнь, родич Сигмунд, мы держались с тобой вместе и любили друг друга, как ты, так и я. Но теперь, похоже, нашей бытности вместе приходит конец. Я плыл вперед, покуда был в силах. Теперь я хочу, чтоб ты думал о себе и спасал свою жизнь, а на меня не оглядывайся. Ибо ты, родич, расплатишься собственной жизнью, коли станешь со мною возиться.

— Никогда не случится, — говорит Сигмунд, — чтоб мы с тобой расстались подобным образом, родич мой Торир; или мы выберемся на берег оба, или не попадем никуда.

Сигмунд затаскивает теперь Торира себе на спину. Торир к этому мигу обессилел настолько, что уже никак не мог помочь себе сам. Так Сигмунд держится до тех пор, пока не подходит к Южному Острову. Высокий прибой был у берега; Сигмунд ослабел к этому времени до такой степени, что его то относило от берега, то выкидывало обратно. Торира смыло у него с плеч, и он утонул, а Сигмунд в конце концов сумел заползти на берег; он обессилел настолько, что не мог ходить, выполз на берег и зарылся в кучу водорослей. Это произошло на рассвете. Так он лежал, покуда не рассвело.

Там неподалеку на острове есть маленький хутор, который называется Песчаный Залив. На нем жил человек по имени Торгрим Злой, сильный и рослый муж; он сидел на земле Транда с Гати. У Торгрима было двое сыновей; одного звали Ормстейн, а другого — Торстейн. Оба подавали надежды.

Утром Торгрим Злой отправился на побережье; в руке у него был дровяной топор. Он подошел к тому месту, где из-под кучи водорослей торчало красное одеяние. Торгрим ощупывает кучу, видит, что там лежит человек и спрашивает, кто он такой.

Сигмунд назвал себя:

— Низко же пал наш хёвдинг, — сказал Торгрим, — а что приключилось?

Сигмунд рассказал все как было.

В это время подходят сыновья Торгрима. Сигмунд просит, чтобы ему помогли. Торгрим не спешил это обещать; он говорит тогда своим сыновьям вполголоса:

— Сдается мне, что у Сигмунда при себе столько добра, — сказал он, — что нам никогда нажить столько; больно уж велико его запястье из золота. Мой совет таков: убьем его и скроем его смерть, и об этом никто не узнает.

Сыновья сперва возражали отцу, но, в конце концов, согласились. Вот они подходят туда, где лежал Сигмунд, хватают его за волосы, и Торгрим Злой отрубает Сигмунду голову дровяным топором. Так окончилась жизнь Сигмунда, отважного и достойнейшего мужа в большинстве начинаний. Они стащили с него все одежды и драгоценности, отволокли тело к пригорку и там закопали. Труп Торира выбросило на берег, и они закопали его поблизости от Сигмунда, скрыв смерть обоих.

XL

Теперь следует рассказать о Транде и его спутниках, что после случившихся событий он уехал домой, а хутор на острове Подкова уцелел; он лишь слегка обгорел. Во время приступа погибло немного людей.

Турид, хозяйка дома, та, что позже была прозвана Вдовой Силы, после смерти своего мужа Сигмунда осталась смотреть за хутором на острове Подкова. При ней подрастали их дети с Сигмундом; все они обещали стать настоящими мужчинами.

Транд и Лейв сын Эцура прибрали к рукам все Фарерские Острова и самовластно распоряжались на них. Транд велел предложить Турид Вдове Силы и его сыновьям мировую, но те на нее не пошли. Причина была в том, что сыновья Сигмунда, которые были тогда детьми, искали поддержки у правителей Норвегии[48].

Так проходит несколько лет, и на Фарерских Островах все спокойно.

Транд заводит с Лейвом сыном Эцура беседу и говорит, что хочет устроить ему женитьбу.

— Где будем искать невесту? — говорит Лейв.

— Это Тора дочь Сигмунда, — говорит Транд.

— Это не кажется мне вероятным, — говорит Лейв.

— Если не посватаешься, девушку за тебя точно не выдадут, — говорит Транд.

Они держат путь на остров Подкову с несколькими людьми, и их принимают враждебно. Транд с Лейвом предлагают Турид и ее сыновьям мировую,

чтобы лучшие люди на Островах рассудили их. Те принимать ее не спешат. Затем Транд от имени Лейва завел речь о сватовстве и запросил для него руки Торы дочери Сигмунда; так, сказал он, легче всего прийти к полному примирению. Транд изъявил готовность поддержать Лейва, выделив ему изрядную долю своего имущества.

Сватовство это было воспринято всеми холодно, однако сама Тора отвечает так:

— Может статься, вы решите, будто мне не терпится замуж. Я же со своей стороны выдвигаю такие условия: если Лейв способен принести клятву в том, что он не убивал моего отца и не посылал людей убить его, тогда я требую, чтобы он выяснил, отчего мой отец погиб и кто здесь виновник. Если все эти условия будут соблюдены, мы сможем заключить мировую, с согласия моих братьев и матери и прочих наших родичей и друзей.

Эти слова все сочли разумными и уместными. Они договариваются на том, что Транд с Лейвом дают нужное обещание, и на этом они расстаются.

XLI

Вскоре Транд с Гати собирается в дорогу; с ним вместе едет Лейв и всего двенадцать человек. Они садятся на корабль, плывут на Южный Остров и приезжают в Песчаный залив к Торгриму Злому; случилось это, когда со времени гибели Сигмунда минуло несколько зим. Они высаживаются на острове поздно вечером и идут к хутору. Торгрим радушно встречает Транда и его спутников, и те заходят внутрь. Транд и бонд Торгрим идут в горницу, а Лейв и все остальные сидят в сенях у огня, который ради них развели.

Беседа Транда с Торгримом длится долго. Транд сказал:

— Что думают люди о том, как погиб Сигмунд сын Брестира?

— Точно этого никто не знает, — говорит Торгрим, — некоторые полагают, будто вы настигли его с Ториром на берегу либо в море и убили.

— Так думать негоже. Вдобавок это невероятно, — говорит Транд, — ибо все знали, что мы хотим Сигмунду смерти, но к чему нам скрывать их смерть? Друзья такого не скажут.

— А еще кое-кто поговаривает, будто они умерли в море, либо Сигмунду удалось достичь берега — ведь он был во многих вещах не чета прочим людям — и там его и убили, потому что покуда он добирался до берега, силы его оставили, но убившие держат это в тайне.

— А вот это как раз весьма вероятно, — говорит Транд, — и я сам верю, что все произошло именно так. Однако, приятель, не ты ли, как мне сдается, и есть виновник гибели Сигмунда?

Торгрим отпирается как только может.

— Спорить тут бесполезно, — говорит Транд, — ибо я убежден, что вина лежит на тебе.

Тот по-прежнему все отрицает. Тогда Транд велит вызвать Лейва и Сигурда и приказывает посадить Торгрима с сыновьями в оковы. Это было сделано, и их связали на совесть. Затем Транд велит развести в горнице жаркий огонь: четыре решетки велит он поставить в каждом из четырех углов. Девять клеток вырезает Транд повсюду вокруг решеток, а сам садится на стол между решетками и огнем и велит не беспокоить его разговором. Его люди так и поступают. Так Транд сидит какое-то время. И вот в горницу входит человек; он был мокрый с головы до ног. Они узнали этого человека: был это Эйнар Южанин. Он подходит к огню, простирает руки и держит недолгое время, а затем выходит прочь.

Спустя какое-то время в горницу входит другой человек; он тоже подходит к огню, протягивает руки и выходит прочь. Они поняли, что это был Торир. Вскоре после этого в горницу входит третий человек; он был велик ростом и весь в крови. В руках он держал собственную голову. В этом человеке все признали Сигмунда сына Брестира. Он постоял некоторое время посреди горницы и вышел прочь.

После этого Транд поднимается со стула. Он переводит дух и говорит:

— Теперь вы можете видеть, какой смертью умерли эти люди. Первым скончался Эйнар, он замерз до смерти или утонул, ведь он был из них троих слабейшим. Следующим погиб Торир; должно быть, Сигмунд тащил его на себе и от этого изнемог. Не иначе, как он выбрался на берег без сил. Должно быть, эти люди убили его, раз он явился нам окровавленным и без головы.

Спутники Транда подтвердили, что все, скорее всего, так и было.

Тут Транд говорит, что надо все вокруг обыскать. Они так и делают, но никаких улик не находят. Торгрим и его сыновья напрочь все отрицают и говорят, что к преступлению не причастны. Транд отвечал, что отпираться тут бесполезно и велел своим людям искать как следует, и те вновь принимаются за дело. В горнице стоял большой и ветхий сундук. Транд спрашивает, обыскан ли он. Он отвечают, что пока еще нет. Вот они отворяют сундук, и сперва им кажется, что внутри ничего нет, кроме рухляди. Какое-то время они роются в ней.

Транд сказал:

— Переверните сундук.

Они так и поступили, нашли внутри сундука сверток и вручили Транду. Он развязал его, и там оказалось множество тряпья, перешитого нитками. И под конец Транд находит внутри большое запястье из золота и опознает в нем то самое, что раньше принадлежало Сигмунду сыну Брестира и перешло к нему от ярла Хакона.

Когда Торгрим это видит, он признается, что тайком убил Сигмунда, рассказывает им теперь, как все приключилось и отводит их к местам, где лежат тела Сигмунда с Ториром. Тела они забирают с собой. Транд также велит увезти с собой Торгрима и его сыновей. После этого тела Сигмунда и Торира похоронили у церкви на острове Подкова — той самой, что велел возвести Сигмунд.

XLII

Вскоре после этих событий Транд велит созвать многолюдный тинг на Стремнинном Острове в Заводи Тора, где все фарерцы собираются вместе. Торгрим Злой и его сыновья рассказывают так, что каждый на тинге мог слышать, все об убийстве и гибели Сигмунда и признаются в том, что убили его, скрыв это. После того, как они это поведали, всех троих повесили на виселице прямо на тинге, и на этом их жизнь закончилась.

Затем Лейв и его приемный отец Транд возобновляют речи о сватовстве к Торе и предлагают ее родичам мировую на самых лучших условиях. Кончается все женитьбой Лейва на Торе дочери Сигмунда и полным примирением. Лейв обосновался на своей вотчине на Южном Острове у Капища. Какое-то время на Фарерских Островах все спокойно.

Торальв сын Сигмунда женился, поставил свой хутор на острове Димун и стал добрым бондом. […]

XLIII[49]

Тем же летом[50] из-за моря с Фарерских островов в Норвегию по указанию конунга Олава прибыли Гилли Законоговоритель[51], Лейв сын Эцура, Торальв с Димуна и много прочих сыновей бондов. Транд с Гати было собрался в дорогу, но когда он был уже почти готов отплыть, его свалила болезнь: он не мог шевельнуть и пальцем и остался дома.

Когда фарерцы явились к Олаву конунгу, он вызвал их на беседу и назначил сходку перед их отплытием. Так он выложил свои притязания и сказал, что хочет иметь с Фарерских Островов подати и учредить там свои законы. По речам конунга было ясно, что он не прочь заключить союз с теми фарерцами, которые явились к нему, если они клятвенно обяжутся исполнять его требования. Тем людям, которые показались ему наиболее видными, он предложил принести присягу и получить взамен его милость и дружбу. Фарерцы же поняли слова конунга так, что еще неизвестно, чем все обернется, если они не пойдут на его условия. И хотя в дальнейшем назначались новые сходки, порешили ровно на том, чего добивался конунг. Тогда людьми конунга стали и были приняты в его дружину Лейв сын Эцура, Гилли и Торальв. А все их спутники принесли Олаву конунгу клятву в том, что будут соблюдать на Фарерских Островах

законы и уложения, которые он им учредит, и платить подати по его повелению. Затем фарерцы собрались в обратный путь. На прощание конунг вручил им дружеские подарки, и присягнувшие ему отправились своей дорогой, когда были готовы. Конунг же велел снарядить еще один корабль, набрал на него людей и послал на Фареры за той данью, которую обещали уплатить фарерцы. Люди эти собирались не слишком поспешно, и про плаванье их можно сказать то, что они не вернулись обратно, и следующим летом податей не было, потому что с Фарерских Островов корабли вообще не приходили. Поэтому подати никто и не собирал.

XLIV

Следующим летом Олав конунг узнал, что корабль, посланный им накануне на Фарерские Острова за данью, пропал в море и до суши вроде бы не добрался. Тогда конунг выделил другой корабль, набрал людей и послал на Фарерские Острова за данью. Люди эти вышли в море и канули без следа, и о них известно не больше, чем о предыдущих. Было много догадок насчет того, что сталось с этими кораблями[52].

XLV

Весной на Фарерские Острова пришел корабль из Норвегии; с ним пришло указание Олава конунга, чтобы явился кто-нибудь из его фарерских дружинников — Лейв сын Эцура или Гилли Законоговоритель или Торальв с Димуна. Когда это было доложено им самим, они стали совещаться, какой замысел может крыться за указанием конунга. Они сошлись на том, что конунг захочет расспросить их о злоключениях своих посланцев с тех двух кораблей, что сгинули без следа, и что наверняка найдутся люди, которые скажут, будто приключилось это на самих Островах. Они решили между собой, что поедет Торальв. Он собрался в дорогу, снарядил свое грузовое судно и набрал на него людей; всего на борту было не то десять, не то двенадцать человек.

Когда они уже были готовы к отплытию и ждали попутного ветра, на Восточном Острове на Гати на хуторе Транда произошло вот что. В погожий день Транд зашел в дом, а там, на скамьях, лежали его племянники Сигурд и Торд — они были сыновьями Торлака. Третьего, что был с ними, звали Гаут Рыжий; он тоже был их родичем. Все воспитанники Транда были люди статные. Сигурд был старшим и верховодил среди них. У Торда было прозвище — его называли Торд Коротышка. Был он, однако, изрядного роста и к тому же на редкость крепок сложением и могуч[53].

Тут Транд говорит:

— Многое меняется на веку человека. Когда мы были молоды, не случалось такого, чтобы молодежь пролеживала погожие дни в лучшую пору, когда сил

им не занимать. В прежние времена едва ли поверили бы, что Торальв с Димуна вышел покрепче вас. А мое судно, что простаивает в корабельном сарае, по-моему, уже так обветшало, что скоро в конец сгниет, меж тем как весь дом доверху забит шерстью. До такого бы не дошло, будь мне самому на несколько лет меньше.

Сигурд вскочил и кликнул Гаута с Тордом — негоже, мол, лежа выслушивать брань Транда. Они вышли и направились туда, где находились работники. Затем они вместе с ними отправились к сараю и спустили судно на воду. После этого они отправились за товаром и принялись загружать его; товара дома было вдоволь, да и оснастка лежала недалеко, так что собрались они за считанные дни. Всего на корабле было десять или двенадцать человек. Отплыли они одновременно с Торальвом и всю дорогу держались рядом. Пристали они у Херны на склоне дня. Сигурд и его люди бросили якорь чуть поодаль, но расстояние между кораблями было небольшим.

Вечером, когда стемнело, произошло такое событие, что спутники Торальва решили справить нужду на суше. Тогда Торальв и еще один человек поднялись на утес и нашли себе место, а когда они уже собирались спускаться обратно — как рассказывал впоследствии спутник Торальва — на голову ему набросили одежду и подняли в воздух; в это время он услышал звук удара. Вслед за этим его раскачали и сбросили с обрыва; внизу было море, и он погрузился в пучину. Все же ему удалось выбраться на берег. Он вернулся к тому месту, где они с Торальвом расстались, и обнаружил Торальва: ему раскроили голову до плеч, и он уже не дышал. Когда спутники Торальва об этом узнали, то отнесли тело на корабль и ночью сидели вокруг него.

В это время Олав конунг был на пиру в Люгре; послали сообщить ему. Тогда разослали ратную стрелу или созвали тинг, и конунг был на нем. Он велел призвать фарерцев с обоих кораблей, и все они явились на тинг.

Когда тинг был открыт, конунг встал и сказал:

— Здесь случились такие события, которые лучше видеть пореже: убит добрый муж, и мы полагаем, что не по своей вине. Однако нет ли на тинге человека, который мог бы сказать о том, кто виновник этого злодеяния?

На это никто не отозвался.

Тогда конунг сказал:

— Я не буду скрывать того, что думаю об этом убийстве. Я полагаю, что в нем замешаны фарерцы. Сдается мне, что Торальва убил Сигурд сын Торалака, а Торд Коротышка, должно быть, сбросил его спутника в море. И я могу догадаться, что было причиной: они не хотели, чтобы Торальв поведал о тех их дурных делах и убийствах, о которых он, наверное, знал. У нас уже давно было предчувствие, что посланцы мои были тайно умерщвлены.

Когда конунг закончил свою речь, встал Сигурд сын Торлака. Он сказал:

— До этого мне не приходилось говорить на тингах. Может статься, что люди сочтут мою речь неискусной. Однако я считаю, что ответ дать обязан. Хотел бы надеяться, что речь, которую произнес конунг, сошла с уст людей, что не в пример глупее и хуже, чем он. Совершенно ясно, что люди эти — наши злейшие враги. Однако невероятно, будто я хотел причинить Торальву вред, ведь он был моим названным братом и другом. Да и даже если б у нас с Торальвом были какие-то распри и у меня была причина убить его, у меня бы хватило ума совершить это у себя дома на Фарерских Островах, а не здесь, на прибрежном мысу в Вашей стране, конунг. Я отвергаю обвинение против меня и всех моих спутников и готов принести клятвы, которые положены по закону. А если Вам это кажется недостаточным, то я готов нести железо и хочу, чтобы Вы сами смотрели за испытанием.

Когда Сигурд закончил свою речь, многие ходатайствовали за него перед конунгом и просили, чтобы ему позволили очиститься от обвинения. Всем казалось, что Сигурд произнес отличную речь и что он наверняка невиновен в том, в чем его обвиняют.

Конунг говорит:

— Насчет этого человека верно одно из двух. Либо его оболгали, и тогда он хороший человек. Но в противном случае его наглость не знает границ, и чутье говорит мне, что это вполне вероятно. Однако я полагаю, что он сам даст нам свидетельство.

Но по просьбам людей конунг принял у Сигурда обет пронести железо. На следующий день Сигурд должен был явиться в Люгру; испытание должен был проводить епископ. На этом тинг закончился, и конунг отправился обратно в Люгру, а Сигурд с товарищами к своему кораблю. Вскоре стало быстро темнеть.

Тут Сигурд сказал своим товарищам:

— Надо признать, что мы попали в большую передрягу и нас оболгали на совесть. А конунг этот хитер и коварен; легко предвидеть нашу участь, если судить будет он. Ведь это он сам сперва велел убить Торальва, а теперь хочет объявить нас преступниками. Ему ничего не стоит повернуть испытание железом так, как ему хочется. Думаю я, что плохо придется тому, кто отважиться согласиться на него. Сейчас с гор дует свежий ветер; мой совет — развернуть наш парус и отплыть в море. Пускай Транд следующим летом сам вывозит свою шерсть, коли ему так неймется продать ее. Что до меня, то я надеюсь, что ноги моей больше не будет в Норвегии, коли мне удастся отсюда выбраться.

Его спутники решили, что он говорит дело. Они поднимают свой парус, ночью выходят в море и плывут так быстро, как только могут. Они не останавливаются, пока не достигают Фарерских Островов и не приезжают домой

на Гать. Транд дурно отозвался об их поездке, а они отвечали ему тем же, но, тем не менее, остались жить у Транда.

XLVI

Вскоре Олав конунг узнал, что Сигурд и его люди снялись и уплыли; тогда об его деле пошла недобрая молва. Многие из тех, кто раньше отводил от Сигурда обвинение и отстаивал его перед конунгом, признали, что обвинили его справедливо. Олав конунг был на сей счет немногословен, но вполне уверился в том, что подозревал с самого начала.

Затем конунг выехал по своим делам и останавливался на пирах, которые для него приготовили.

XLVII

Весной Олав конунг выехал из Нидароса; вокруг него собралось немало народу из Трандхейма и прочих северных мест. Когда он вполне собрался, то выехал во главе войска на юг в Северный Мёр и затребовал себе ополченцев оттуда и из Раумсдаля. Затем он двинулся дальше в Южный Мёр, сделал привал на островах Херэйяр и стал дожидаться своего войска. В это время он часто созывал домашние тинги, и до его ушей доходило то, что он сам считал важным. И вот на одном из таких домашних тингов он взял слово и поведал об ущербе, который претерпел от фарерцев —

— а дань, что они мне обещали, так и не пришла. Ныне я собираюсь набрать людей и послать их за данью.

Конунг обращался с этой просьбой к разным людям, но все как один отвечали отказом и отговаривались от поручения.

Вот на тинге встает человек большого роста и мужественного вида; на нем красный плащ, а на голове шлем, на поясе меч и большая пика в руке. Он берет слово:

— По правде сказать, — говорит он, — большая разница между вами и конунгом. Конунг у вас отменный, а люди у него дурные, раз отказываются от поездки, которую им поручили. А ведь они принимали от него дружеские подарки и пользовались его уважением. Что до меня, то я не был другом этого конунга, да и он был моим врагом, и не без оснований. Теперь же я хочу предложить тебе, конунг, поехать с твоим поручением, коли больших охотников не найдется.

Конунг отвечает:

— Кто сей муж, что столь достойно отозвался на мою речь? Ты вовсе не похож на прочих собравшихся здесь, ибо те, кого я считал подходящими, ехать отказались. Но я ничего не слыхал о тебе и даже не знаю твоего имени.

Тот человек отвечает:

— За именем дело не станет; мое прозвание — Карл из Мёра.

Конунг отвечает:

— Верно, Карл, что я наслышан о тебе. И сказать по правде, если б встреча наша случилась раньше, вряд ли ты смог бы о ней поведать. Но сейчас мне не пристало отвечать на добро лихом, ведь ты вызвался пособить мне и можешь рассчитывать на мое радушие и благодарность. Ты, Карл, приходи сегодня ко мне и будь моим гостем, а там потолкуем.

Карл сказал, что быть по сему.

XLVIII

Карл из Мёра раньше был викингом и самым отъявленным разбойником. Конунг не раз посылал людей убить его. При этом Карл был человек родовитый и предприимчивый, складный и опытный в боевых искусствах. Поскольку же Карл вызвался ехать на Фареры, конунг помирился с ним, стал держать почти что за друга и велел снарядить его в путь как можно лучше. С ним на корабле выехало почти двадцать человек. Конунг отправил послание своим друзьям на Фарерах и поручил Карла заботам и попечению Лейва сына Эцура и Гилли Законоговорителя, послав им свои знаки.

Карл выехал тотчас, как был готов. Ветер ему благоприятствовал; они достигли Фарерских Островов и пристали в Заводи Тора на Стремнинном Острове. Затем был созван тинг, и пришло много народу. Туда явился Транд с Гати во главе большого отряда. Пришли и Лейв с Гилли; у них тоже было много народу. После того, как они покрыли палатку и убрали ее, они отправились к Карлу из Мёра. Встреча была радушной. Затем Карл передал слова и вручил знаки Олава конунга Гилли и Лейву. Они отнеслись к этому хорошо, пригласили Карла к себе и вызвались помочь ему довести до конца поручение конунга. Он был очень этим доволен.

Немного погодя явился Транд и радушно приветствовал Карла.

— Я так рад, — говорит он, — что конунгово поручение выпало нести в нашу страну столь видному мужу как ты, а наш долг — подчиняться. Я бы хотел, Карл, чтобы ты поехал прямо ко мне и остался у меня на зиму со всеми твоими людьми; это лишь укрепит твою славу.

Карл отвечает, что он уже дал согласие переехать к Лейву, — но в противном случае, — говорит он, — он бы охотно принял предложение Транда.

Транд отвечает:

— Значит Лейву выпало в этом больше удачи, чем нам. Впрочем, возможно, есть и другие вещи, в которых я могу быть тебе полезен.

Карл отвечает, что ему было бы большое подспорье от Транда, если бы тот собрал подати с Восточного Острова и всех Северных Островов.

Транд отвечает, что продвигать поручение конунга — его долг и обязанность. Затем Транд идет обратно в свою палатку. Больше на тинге ничего важного не происходит. Карл отправился зимовать к Лейву сыну Эцура и провел там всю зиму. Лейв собрал подати со Стремнинного Острова и всех островов южнее его.

Следующей весной Транда с Гати одолели хвори; у него сильно болели глаза. Были у него и другие болячки. Все же он, как обычно, собрался ехать на тинг. Явившись туда, он распорядился закрыть часть палатки черным шатром, чтобы лучи света не достигали его.

Когда с начала тинга прошло уже несколько дней, Лейв и Карл во главе большого отряда отправились к палатке Транда. Когда они подошли к палатке, снаружи стояло несколько человек.

Лейв спрашивает, в палатке ли Транд. Те отвечают, что он там. Лейв сказал, что они будут просить Транда выйти, —

— у нас с Карлом к нему важное дело, — говорит он.

Люди Транда зашли и вышли обратно. Они сказали, что у Транда так болят глаза, что выйти он не может, но просит Лейва самого зайти внутрь.

Лейв предупредил своих спутников, чтобы они были начеку и не создавали давки, так, чтобы тот, кто зашел последним, не спешил выйти первым.

Первым зашел Лейв, за ним Карл, за ним остальные их спутники; они были во всеоружии, будто собрались в битву. Лейв подошел к черному пологу и спросил, здесь ли Транд. Транд отозвался и приветствовал Лейва. Лейв ответил на приветствие и спросил, собрал ли Транд подати с Северных Островов и насколько хорошо серебро. Транд отвечал, что, конечно же, не забыл того, о чем они условились с Карлом, и подати выплачены, как положено, —

— А вот и кошель, полный серебра. Ты, Лейв, подойди и возьми его.

Лейв оглянулся и увидел, что в палатке немного народу; кое-кто лежал на скамьях, а несколько человек сидело.

Затем Лейв подошел к Транду и взял кошель, отнес его к краю палатки, куда достигал свет, и высыпал серебро на свой щит. Он ощупал серебро и сказал Карлу, чтобы тот взглянул своими глазами. Какое-то время они оба смотрят. Вот Карл спросил, что Лейв думает об этом серебре.

Тот отвечает:

— Я думаю что здесь собраны сквернейшие из грошей, что можно найти на Северных Островах.

Транд услыхал это и сказал:

— Неужто серебро не нравится тебе, Лейв?

— Именно так, — говорит тот.

Транд сказал:

— Значит, мои родичи изрядные мерзавцы, и им нельзя доверяться ни в чем. Я послал их взять подати с Северных Островов, ведь сам я был ехать не в состоянии. А они — должно быть, за взятки — приняли у бондов никуда не годное барахло. Лучше всего, Лейв, чтобы ты глянул на то серебро, что я собрал для себя.

Тогда Лейв отнес серебро на место, взял другой кошель и принес его Карлу; они стали рассматривать его. Карл спросил, какого мнения Лейв об этом серебре.

Тот сказал, что оно скверное, — хотя не до такой степени, как то, что мы видели раньше. Все же я бы не взялся вручать это серебро конунгу.

Один из лежавших на скамьях — это был Гаут Рыжий — сбросил с головы покрывало и сказал:

— Не зря в старину изрекли: чем старше, тем слабже. Так и с тобой, Транд — позволяешь целый день этому Карлу из Мёра рыться в своем серебре.

Услыхав слова Гаута, Транд вскочил вне себя от ярости и принялся бранить своих родичей. Вымолвив все это, он сказал Лейву, чтобы тот вернул ему серебро,

— А взамен бери тот кошель, что весной свезли мне мои земляки. Хоть я и плохо вижу, а все ж своя рука редко подводит.

Тут еще один из лежавших на полатях приподнялся на локте; это был Торд Коротышка. Он сказал:

— Немалый урон терпим мы из-за этого Карла из Мёра; хорошо бы ему отплатить.

Лейв взял кошель и вручил его Карлу; они смотрят на серебро.

Лейв сказал:

— Это серебро нет нужды разглядывать долго; каждый пеннинг здесь как на подбор и лучше другого. Это серебро мы возьмем себе. А ты, Транд, пошли кого-нибудь за весами.

Транд сказал, что Лейв вполне может и сам взвесить серебро вручную. Затем Лейв и его люди вышли, уселись возле палатки и стали взвешивать серебро. Карл снял с головы шлем и стал бросать туда то серебро, которое уже было взвешено.

Они видят, что мимо них идет человек с дрекольем[54] в руке, в низко надвинутой на лоб шляпе и в зеленом плаще с капюшоном. Он был бос и в холщовых штанах по щиколотку. Человек этот воткнул дреколье в землю, отошел поодаль и сказал:

— Смотри, Мёрский Карл[55], как бы тебе не было вреда от моего дреколья.

Немного спустя прибежал другой человек и во весь голос окликнул Лейва сына Эцура и просил его как можно скорее бежать в палатку Гилли Законоговорителя.

— Туда вбежал Сигурд сын Торлака и смертельно ранил спутника Гилли.

Лейв тотчас сорвался с места и пошел к Гилли; вместе с ним ушли все его люди. Карл же остался, и норвежцы стояли вокруг него. Гаут Рыжий подбежал к ним с топориком в руке и ударил Карла через спины норвежцев; удар пришелся Карлу по голове, и рана была небольшой. Торд Коротышка выдернул из земли торчавшее там дреколье и ударил по рукоятке секиры с такой силой, что лезвие вошло в мозг. Тут из палатки Транда повалил народ. Тело Карла унесли прочь.

Транд осудил убийство и предложил деньги ради мира для своих родственников. Лейв с Гилли вели тяжбу об убийстве решительно и отказались принимать виру, и Сигурд сын Торлака был объявлен вне закона за увечье, нанесенное спутнику Гилли, а Торд с Гаутом — за убийство Карла. Норвежцы снарядили корабль, который привел Карл, и отправились на восток к Олаву конунгу.

Но разобраться с фарерцами конунгу не было суждено из-за той смуты, что начиналась в Норвегии и о которой пойдет речь в дальнейшем, а здесь рассказ о событиях, которые произошли из того, что Олав конунг потребовал дань с Фарерских Островов, завершается[56]. На самих же Фарерских Островах после убийства Карла из Мёра случились большие распри; родичи Транда схлестнулись с Лейвом сыном Эцура, и об этом есть подробные рассказы[57].

XLIX[58]

За убийство Карла Мёрского и увечье, нанесенное на тинге спутнику Гилли родичи Транда Сигурд сын Торлака, Торд Коротышка и Гаут Рыжий были объявлены вне закона и изгнаны с Фарерских Островов[59]. Транд предоставил им судно, годное для плаваний по морю, и дал с собой какие-то деньги. Они сочли, что провожают их малодушно и плохо и сильно пеняли за это Транду, сказали, что он прибрал к рукам наследство их отца и ничего им не выделяет. Транд отвечал, что они и так получили больше, чем того заслуживают, сказал, что они долго висели у него на шее и часто принимали от него разные ценные вещи, а благодарности нет и в помине.

Вот Сигурд и его люди выходят в море; всего на корабле было двенадцать человек. По слухам, они собирались плыть в Исландию. Не успели они пройти долгий путь, как их настигла сильнейшая буря. Непогода держалась целую неделю, и на берегу поняли, что она направлена против Сигурда. У людей возникло дурное предчувствие насчет их поездки. В конце осени обломки их корабля обнаружились на Восточном Острове. С наступлением зимы хутор на Гати и весь Восточный Остров стали посещать привидения, и можно было видеть родичей Транда. От этого людям был большой вред; кому-то переломали кости или нанесли иные увечья. Привидения стали столь досаждать Транду,

что он не решался зимой выходить один. Обо всем этом было множество разговоров.

Вот проходит зима, и Транд посылает сообщить Лейву сыну Эцура, что им надо встретиться. Так и произошло. Встретившись с Лейвом, Транд сказал:

— Прошлым летом, сынок, мы попали в большую передрягу: еще немного, и весь тинг начал бы биться. Теперь бы я хотел, сынок, — сказал Транд, — чтобы с нашей подачи был принят закон, запрещавший людям брать оружие на тинг, когда наступает пора выносить приговоры по тяжбам и решать прочие дела.

Лейв нашел, что это хорошо сказано, —

— но мы с моим родичем Гилли Законоговорителем все же посовещаемся.

Гилли и Лейв были сыновьями сестер. Вот они встречаются и обсуждают предложение Транда между собой.

Гилли отвечает Лейву так:

— Доверяться Транду, по-моему, опасно. Но мы можем пойти на то, чтобы всем, кто принес присягу, а также кому-то из наших спутников, было позволено носить оружие. А простой люд пускай ходит безоружный.

Вот они заключают с Трандом уговор, и так проходит зима. Летом люди являются на Тинг Стремнинного Острова. И вот однажды, когда Гилли и Лейв выходят из своих палаток и подымаются на холм, откуда видно часть острова, они замечают, что с востока, со стороны солнца, идут люди, числом немало. Они насчитали тридцать человек; их крашеные щиты, шлемы, секиры и копья ярко отсвечивают на солнце. Это было нешуточное войско.

Они видят, что впереди в красном плаще идет человек высокого роста и мужественного вида. У него был щит, окрашенный наполовину, на голове шлем синей и желтой расцветки, большая пика в руке. Им показалось, что они узнают Сигурда сына Торлака. Вслед за ним шел человек могучего сложения в красном плаще и с красным щитом. В этом человеке они без труда признали Торда Коротышку. Шедший третьим нес красный щит с личиной на нем и держал в руке большую секиру. Это был Гаут Рыжий.

Лейв и Гилли спешно идут к своей палатке; Сигурд и его войско были уже на подходе. Все люди Сигурда были отлично вооружены. Транд и множество людей с ним выступили из своей палатки навстречу Сигурду; они были во всеоружии. У Лейва с Гилли было слишком мало народу, чтобы противостоять Транду. К тому же почти ни у кого не было с собой оружия.

Транд и его родичи подошли к отряду Лейва. Тут Транд сказал Лейву:

— Случилось так, сынок, что сюда явились те мои родичи, что были раньше принуждены спешно покинуть Фарерские Острова. Но теперь я больше не желаю, чтобы моя родня мыкалась горем из-за вас с Гилли. У вас есть выбор: либо я самолично рассужу вас с моими родичами, либо, коли вы несогласны, я не стану мешать им поступать с вами так, как им заблагорассудится.

Лейв с Гилли видят, что у них на сей раз недостаточно сил, чтобы тягаться с людьми Транда. Они решают принять предложение и отдают все тяжбы на суд Транда, а он тут же выносит свой приговор, — мол, даже если он затянет с решением, ничего лучшего, чем сейчас, не предложит, — говорит Транд, —

— я хочу, чтобы мои родичи жили на Фарерских Островах как свободные люди и делали, что им хочется, несмотря на то, что раньше их подвергли изгнанию. Никто никому не должен платить виры. Власть на Фарерах я хочу поделить так: треть мне, другая — Лейву, третья — сыновьям Сигмунда. Передел ее с давних пор служил началом для распрей, и мы настоятельно просим тебя, сынок, держаться помягче, — говорит Транд. — Я предлагаю тебе, Лейв, взять твоего сына Сигмунда на воспитание и делаю это ради твоего же блага.

Лейв отвечает:

— Я соглашусь отдать сына на воспитание лишь с ведома Торы, его матери, если она захочет, чтобы ее сын переехал к тебе. В противном случае он останется дома.

Когда же Тора узнает о предложении отдать сына на воспитание, она отвечает так:

— Может статься, что я вновь думаю не то, что другие, но я бы на вашем месте не отвергала предложение Транда, ибо он, по-моему, многим превосходит обычных людей.

Сигмунд, сын Торы и Лейва, отправился на воспитание к Транду и стал жить на Гати; ему было три года, и для своих лет это был развитой мальчик[60].

L

В ту пору, когда Норвегией правили конунг Свейн и его мать Альвива[61], Транд продолжал жить на Гати. С ним вместе жили его родичи Сигурд, Торд и Гаут Рыжий. Рассказывают, что у Транда никогда не было жены; была у него единственная дочь, по имени Гудрун. Когда родичи Транда прожили у него еще столько-то времени, он завел с ними беседу и сказал, что больше не желает терпеть у себя их бесчинства и невоздержанность.

Сигурд отвечает ему дурно, говорит, что Транд хочет извести всех своих родичей, а сам, мол, сидит на их законном отцовском наследстве. С обеих сторон были суровые речи. Затем трое родичей уехали прочь и направились на Стремнинный Остров — он заселен гуще других на Фарерах. Одного из бондов на острове звали Торхалль Богатый; у него была жена по имени Бирна, по прозвищу Бирна со Стремнинного Острова. Она была женщина предприимчивая и собой недурна. Торхалль был уже в возрасте; Бирну выдали за него ради денег. Почти все вокруг задолжали Торхаллю, но недоимки выплачивать не спешили.

Сигурд, Торд и Гаут явились на Стремнинный остров и вызвали бонда Торхалля на беседу. Сигурд предлагает ему взыскивать недоимки на половинных началах с тех, кто отдаст добровольно, а ежели понадобится прижать должника, то все издержки лягут на бонда. Торхалль счел условия для себя кабальными, но все же сделка была заключена. Сигурд отправляется собирать недоимки по Фарерским Островам и требует имущество Торхалля, прибегая к угрозам там, где ему кажется нужным. Вскоре у Сигурда набирается столько добра, что его уже можно считать богачом.

Сигурд и его родичи подолгу гостят у Торхалля, и Сигурд с Бирной часто просиживают за беседой; люди поговаривают, что они, скорее всего, шалят. Так они проводят зиму, а весной Сигурд говорит Торхаллю, что хочет заключить с ним союз и войти в долю. Торхалль сперва был настроен против, но хозяйка приложила руку к тому, чтобы бонд уступил и предоставил решение ей. Бирна и Сигурд рьяно берутся за дело и все решают по своему усмотрению, не спрашивая Торхалля.

LI

Летом случилось такое событие, что к Фарерским Островам подошел корабль и разбился возле Южного Острова в щепы; большая часть имущества погибла. Всего на корабле было двенадцать человек, из них пятеро погибли, а семерым удалось выбраться на берег. Одного из спасшихся звали Хавгрим, другого — Бьярнгрим, третьего — Хергрим[62]. Эти трое были братья; они же были хозяевами корабля. Они сильно нуждались в съестных припасах и многих других вещах.

Сигурд, Торд и Гаут отправились к ним и нашли их положение незавидным. Сигурд предлагает им всем перебраться к нему. Торхалль выразил Бирне свое неудовольствие и сказал, что это сделано слишком поспешно. Сигурд отвечал, что примет все расходы на себя. Вот корабельщики живут на хуторе, и им оказывают больше уважения, чем бонду Торхаллю. Торхалль был человек скаредный, и они с Бьярнгримом частенько бранились.

Однажды вечером случилось так, что люди сидели в горнице и бонд Торхалль с Бьярнгримом повздорили. Торхалль сидел на скамье и держал в руке посох; выйдя из себя, он стал размахивать им — а видел он плохо — и попал Бьярнгриму в нос. Тот пришел в ярость, хотел схватить секиру и рубить Торхалля в голову. Сигурд тут же подскакивает к ним, хватает Бьярнгрима и говорит, что сейчас помирит их. Так и произошло; они помирились и с тех пор зимой почти не сталкивались.

Когда проходит зима, Сигурд говорит гостям, что намерен их кое-чем поддержать; он вручает им годное для плаваний по морю грузовое судно, которым

они с Торхаллем владели сообща. Торхалль всячески выказывал, что это сделано против его воли, но хозяйка заставила его замолчать. Сигурд выдал гостям запас еды, и они отправились к своему судну; ночь они проводили на борту, но днем возвращались на хутор. Когда они были почти снаряжены, однажды утром случилось так, что они вернулись на хутор. Сигурда дома не было; он давал указания работникам и занимался тем, что считал неотложным. Вот, после того, как они отсидели день на хуторе, Сигурд вернулся домой и сел за стол; в это время торговые люди уже ушли к кораблю. Усевшись за стол, Сигурд спросил, где бонд Торхалль. Ему сказали, что он, должно быть, спит:

— Неестественный сон, — говорит Сигурд, — а была ли на нем одежда? Мы хотим дождаться его к трапезе.

Вот идут в горницу: Торхалль лежал в своей кровати и спал. Это сообщили Сигурду. Он вскочил, подошел к постели Торхалля и быстро убедился, что тот мертв. Сигурд стаскивает с него одежду: он видит, что вся кровать залита кровью и находит рану под левой рукой Торхалля — ему проткнули сердце тонким железом.

Сигурд сказал:

— Это худшее из деяний. Должно быть, это злосчастный Бьярнгрим решил расквитаться за удар посохом. Сейчас же отправимся к кораблю и отомстим им, если удастся.

Тут родичи берут свое оружие. У Сигурда в руке была большая секира. Они бегут к кораблю. Сигурд был вне себя от ярости. Он залезает на борт. Услышав брань и ругательства, братья вскакивают на ноги. Сигурд подбегает к Бьярнгриму и рубит того секирой с обеих рук в грудь, так что секира села по рукоятку. Тот сразу же умер. Торд Коротышка рубит Хавгрима мечом по плечу и раскраивает его до пояса, так что рука отлетела прочь, и тот сразу же умер. Гаут Рыжий бьет секирой Хавгрима в голову и разрубает ее пополам. После того, как все трое были убиты, Сигурд говорит, что не станет причинять вреда остальным, но заберет себе то имущество, которое принадлежало братьям; это было небольшое достояние.

Сигурд и его родичи возвращаются домой с имуществом братьев. Он счел, что вполне отомстил за бонда Торхалля. Тем не менее о Сигурде и всей его родне пошла дурная молва, будто они сами замешаны в убийстве Торхалля. Затем Сигурд женится на Бирне и держит хутор вместе с ней; у Торхалля с Бирной было много детей.

LII

Торвальдом звался человек, живший на Песчаном Острове; его жена звалась Торбера. Торвальд был довольно зажиточен и к тому времени, о котором

идет речь, уже немолод. Гаут Рыжий является к Торвальду и вызывается взыскать недоимки со злостных должников. Сделка их весьма походила на ту, что заключили между собой Торхалль с Сигурдом.

Гаут гостит у Торвальда не меньшее время, чем у Сигурда; вскоре начинают говорить, будто Гаут дурачит жену Торвальда. Гаут быстро богатеет от поездки к поездке.

Однажды вечером является один из должников Торвальда; это был рыбак. В покоях было темно, и люди сидели внутри. Тут Торвальд потребовал от рыбака вернуть долг, а тот отвечал нехотя и довольно злобно. Гаут и несколько человек с ним расположились на полу. И когда этого меньше всего ожидали, Торвальд сказал:

— Будь ты проклят, злосчастнейший из людей: всаживать нож в грудь ни в чем не повинным старикам!

Он вскочил возле перегородки и тут же умер. Когда Гаут это услышал, то сразу подбежал к рыбаку и нанес ему смертельный удар, сказав, что теперь тот уже не принесет новых несчастий. Гаут стал держать хутор вместе со вдовой и женился на ней.

LIII

Жил человек по имени Лейв; его отцом был Торир сын Бейнира[63]. Лейв сын Торира ездил по торговым делам между Норвегией и Фарерскими Островами и скопил себе состояние. Приезжая на Фарерские Острова, он попеременно гостил то у Лейва сына Эцура, то у Турид Вдовы Силы и ее сыновей. Как-то раз случилось так, что когда Лейв сын Торира привел свой корабль на Фарерские Острова, его пригласил к себе Сигурд сын Торлака, и они об этом условились.

Лейв сын Эцура тоже приехал к кораблю; ему крайне не понравилось, что его тезка решил перебраться к Сигурду. Он сказал, что Лейв вполне может по-прежнему гостить у него на Южном Острове. Лейв отвечал, что поедет как договорился, и переехал к Сигурду. Сигурд посадил его на почетное место рядом с собой и Лейв провел у него зиму как желанный гость.

LIV

Весной, как рассказывают, Сигурд в какой-то день объявил, что поедет взыскивать недоимку со своего соседа по имени Бьёрн,

— и я хочу, Лейв, — говорит он, — чтобы ты поехал со мной и пособил мне, ибо Бьёрн — муж скверного нрава, и я уже долгое время теряю на нем свои деньги.

Лейв отвечает, что готов ехать, раз этого хочет Сигурд. Они идут к Бьёрну вдвоем, и Сигурд требует отдать долг, а Бьёрн отвечает ему дурно. Они ссорятся, и Бьёрн хочет рубить Сигурда секирой, но между ними бросается Лейв,

секира Бьёрна попадает ему прямо в голову, и он сразу же умирает. Тогда Сигурд бросается к Бьёрну и наносит ему смертельный удар. Новости эти становятся известны. Сигурд оказался единственным свидетелем и, как и прежде, о нем пошла дурная молва.

Турид Вдова Силы и ее дочь Тора крепко пеняли Лейву сыну Эцура за то, что он из раза в раз сидит сложа руки, когда их срамят и позорят. Они стали обращаться с ним враждебно и холодно, а он выказал выдержку и все терпел. Тогда они сказали, что терпение его идет от лени и трусости. Особенно разъярила мать с дочерью гибель Лейва сына Торира; они были убеждены, что это дело рук Сигурда.

Рассказывают, что однажды хозяйке Турид привиделось во сне, будто к ней явился ее покойный супруг Сигмунд сын Брестира. Он сказал ей так:

— То, что Вам видится, будто я перед Вами предстал, дозволено мне самим Богом, — говорит он, — а на Вашего зятя Лейва вы зла и вражды не держите, ибо ему суждено в скором времени расквитаться за ваши обиды.

Затем Турид просыпается и рассказывает сон своей дочери Торе. С той поры они стали обращаться с Лейвом получше.

LV

Теперь пришел черед рассказать о том, что на Фарерские Острова на Стремнинный Остров пришел корабль и встал неподалеку от хутора Сигурда. Это были норвежцы; кормчего звали Арнльот, а всего на корабле было восемнадцать человек.

Возле стоянки корабля жил человек по имени Скофти. Он помогал торговым людям управляться с работой и хорошо им служил; они тоже относились к нему хорошо. Кормчий заводит со Скофти беседу и говорит так:

— Я доверю тебе свою тайну: Бьярнгрим и его братья, те, что были убиты Сигурдом сыном Торлака и его родичами, были моими сыновьями. Я бы хотел, чтобы ты держался со мной заодно и помог мне подстеречь Сигурда и отомстить за своих сыновей.

Скофти отвечает, что у него нет оснований радеть о благе Сигурда и его родни, и обещает дать знать, когда представиться случай для нападения.

Вот однажды летом трое родичей — Сигурд, Торд и Гаут — отправляются на лодке к некому острову, чтобы забить овец, ибо в обычае фарерцев запасать новое мясо каждые полгода. Когда они выехали, Скофти дает знать Арнльоту. Торговые люди не мешкая сели в корабельный баркас и отправились к тому острову, где находился Сигурд. Всего на борту было пятнадцать человек; двенадцать из них поднялись на остров, а трое стерегли судно.

Сигурд и его родичи увидели, как на остров поднялись люди и стали гадать, кто это может ходить в крашеных одеждах и с оружием.

— Вполне может быть, — сказал Сигурд, — что сюда пришли те купцы, что стояли у нас летом, и что на самом деле у них иные помыслы, нежели устраивать торжище, и они собираются встретиться с нами. Подготовимся, как подобает, и последуем примеру Сигмунда сына Брестира, — говорит Сигурд, — разбежимся в разные стороны, но вновь встретимся у корабля.

Вот они выходят навстречу. Арнльот принимается подстрекать своих людей и призывает их отомстить за его сыновей. Сигурд и его родичи разбегаются кто куда, и всем троим удается собраться внизу возле своей лодки. В это время поспевают люди Арнльота и нападают на них. Сигурд рубит напавшего на него и отрубает ему обе ноги выше колена; человек этот умер. Торд убивает другого норвежца, а Гаут — третьего. Затем они прыгают в свою лодку, гребут вдоль побережья и встречают корабельный баркас с тремя людьми на борту. Сигурд прыгает на их судно, убивает одного из норвежцев, а двух прочих спихивает в воду. После этого они гребут домой и уводят с собой оба судна.

Сигурд собирает у себя народ, едет на тот же остров. Они поднимаются на берег, а норвежцы готовятся к обороне.

Торд Коротышка сказал:

— Мой совет, родич Сигурд, даровать этим людям пощаду, ведь они в наших руках, а ранее мы причинили Арнльоту большой урон.

Сигурд отвечает:

— Отлично сказано. Однако я хочу, чтобы они сдались мне на милость, если хотят жить.

Так и произошло; они передали право вынести решение Сигурду, а он присудил в пользу Арнльота тройную виру за всех троих погибших его сыновей. Эти деньги были выплачены Арнльоту сполна. Арнльот был родом гебридец[64] и, получив свои деньги, отбыл с Фарерских Островов прочь.

Сигурду стало известно о предательстве Скофти. Он сказал, что Скофти сохранит жизнь, но должен будет уехать с Фарерских Островов, и тот уехал в Норвегию, а на Фарерах был объявлен вне закона.

LVI

Теперь следует рассказать о том, как Сигурд сын Торлака побуждал своего брата Торда жениться. Торд спрашивает, где это Сигурд подыскал ему невесту.

— Я бы не проходил мимо лучшего брака здесь на Фарерах, и это — Турид Вдова Силы[65].

— Так высоко я и в мыслях не держал, — говорит Торд.

— И не получишь ее, коли мы не посватаемся, — говорит Сигурд.

— Да я бы и пытаться не стал, — говорит Торд, — и непохоже на то, что она захочет за меня замуж. Однако попытаемся, коли ты хочешь.

Вот однажды Сигурд отправляется на остров Подкову и доносит это сватовство до Турид. Она приняла сватовство холодно, но он был настойчив и дошло до того, что она обещает посоветоваться с родичами и с сыновьями, а потом послать ему весть. Сигурд едет домой и рассказывают, что ответы Турид сулят надежду.

— Тогда это странно, — говорит Торд, — и сдается мне, что здесь что-то кроется.

Турид встречается с Лейвом, своим зятем и своей дочерью Торой и рассказывает им о сватовстве Торда. Тора спрашивает, как она ответила. Та говорит, что отказала, но не так решительно, как ей хотелось, —

— а что ты сама думаешь, дочь?

Тора отвечает:

— Я бы не отказала, если, как я думаю, Вы помышляете о том, чтобы встать на путь мести и расквитаться за унижение. И я не вижу лучшей наживки, на которую они могут клюнуть, чем эта. Впрочем, не мне вкладывать слова в уста моей матери, ибо ей ничего не стоит провести врага так, что он ничего не заподозрит.

Лейв во всем соглашается с Торой и обещает приложить все свои силы, чтобы Сигурд с его родней наконец-то получил по заслугам. Они совещаются, на какой день зазывать сватов.

Затем Лейв сказал:

— Далеко смотрел Транд, когда предложил нам воспитать ребенка, а ведь случилось это, Тора, с твоего согласия. Сигмунду, нашему сыну, грозит верная смерть, коли между нами и Сигурдом что-нибудь приключится.

— А я и не думаю, — говорит Тора, — что он отныне долго пробудет у Транда. Мой совет, чтоб мы с тобой отправились на Восточный Остров, и ты навестишь Транда, твоего приемного отца.

Лейв с Торой об этом условились.

LVII

Вот Лейв с Торой и всего семь человек садятся на корабль и приезжают на Восточный Остров. Днем их сильно захлестывало; Лейв и другие мужчины промокли с головы до ног, а Тора осталась сухой. Они поднимаются на хутор у Гати и Транд их радушно встречает и велит развести перед Лейвом огонь. А Тору проводили в горницу, и маленький Сигмунд, ее сын, находился при ней; ему исполнилось девять лет, и он был очень шустрый мальчик.

Мать спрашивает, чему научил его Транд, а он отвечает, что уже выучил наизусть, как надо возбуждать иск и вести тяжбу. И многое другое давалось мальчику с легкостью. Тогда она спрашивает, чему приемный отец научил

его из священной премудрости. Сигмунд отвечает, что выучил Патерностер и Кредо. Она говорит, что хочет послушать, и он произносит распевы. Ей показалось, что Патерностер он поет более или менее сносно, а Кредо Транда таково:

За порог — не одинок,
Четверо вспять,
Ангелов божиих пять.
Лелею мольбу,
Мольбу пред Христом,
Псалмов пою семь,
Помни о мне, господь!

В этом миг в горницу входит Транд и спрашивает, о чем они тут толкуют. Тора отвечает и говорит, что Сигмунд, ее сын, —

— поведал мне премудрость, которой ты его научил, и сдается мне, что кредо у тебя ни на что не похоже.

— Это все от того, что, как ты сама знаешь, — говорит Транд, — у Христа было двенадцать учеников или того больше[66], и у каждого из них было свое кредо. Вот почему мое кредо и то, что разучила ты, не во всем совпадают.

Ближе к вечеру они прекращают беседу. Гостей обихаживают и питья не жалеют. Транд был веселей некуда.

Транд говорит, что Лейва с Торой уложат в горнице и постелют им на настиле. Лейв отвечает, что это устроит их, но Тора говорит, что ей хочется, чтобы Сигмунд пересказывал ей ту премудрость, которую освоил, и лежал ночью возле нее.

— Это никак нельзя, — говорит Транд, — ведь тогда я точно не усну этой ночью.

— Ну, уж это ты мне можешь позволить, милый Транд, — говорит она.

И вышло так, что мальчик лег рядом с родителями. У Транда же была особая каморка, и он всегда спал в ней, а мальчик спал рядом, и вокруг них было немного народу.

Когда изрядная часть ночи была уже позади, Транд поднялся и ушел в свою каморку. Лейв улегся; он собирался заснуть и отвернулся от жены. Она пихает его рукой в спину и просить не спать, но вставать.

— Ночью мы объедем Восточный Остров вокруг и выведем из строя все корабли, чтобы на острове не было ни одного судна, на котором можно было бы выйти в море.

Так они и делают. Лейву на острове был знаком каждый заливчик. Они повредили там все суда, которые могли плавать. Ночью они не смыкают глаз, а рано утром выходят из дому. Тора идет прямо к кораблю, а Лейв подходит к

каморке Транда и просит Транда счастливо оставаться, благодаря за радушный прием, —

— и еще Тора хочет, что Сигмунд поехал с ней.

Транд почти не спал эту ночь. Он сказал, что не может быть и речи о том, чтобы Сигмунд уехал прочь. Лейв как можно скорее идет к кораблю, а Транд прозревает теперь весь замысел Лейва и Торы и велит работникам спустить на воду его весельную ладью. Они так и делают, и в ладью набивается множество народу. Черная как уголь вода струится внутрь, и они должны быть рады тому, что удается добраться обратно до берега. На острове не было ни одного годного корабля, и Транд принужден оставаться при своем, нравится ему это или нет.

Лейв едет, пока не приезжает домой, собирает вокруг себя людей. Это произошло накануне того дня, когда они должны были встретиться с Сигурдом.

LVIII

Теперь следует рассказать о Сигурде сыне Торлака, что днем он собрался выезжать из дому и подзуживает брата, чтоб тот поторапливался.

Торд говорит, что у него не лежит душа к этой поездке,

— и я полагаю, что ты обречен, если сам так рвешься в путь.

— Не делай из себя посмешище, — говорит Сигурд, — и не страшись без причины. Мы, конечно же, не отменим встречу, о которой договорились заранее.

— Тебе решать, — говорит Торд, — но для меня не станет неожиданностью, если не все из нас вернутся домой невредимыми.

Они выехали на одном корабле; всего их было двенадцать человек, все отлично вооружены. Днем они попали в сильную бурю с большими волнами, но миновали ее и подошли к острову Подкова. Тут Торд сказал, что дальше не поедет. Сигурд отвечал, что все равно надо подняться к хутору, даже если ему придется пойти одному. Торд сказал, что Сигурду недолго осталось жить.

Сигурд сходит на остров; он был в красном плаще с синей накидкой на плечах в виде полумесяца. На поясе у него висел меч, а на голове был надет шлем. Он поднимается наверх, и когда он был уже на подходе к жилью, он замечает, что двери закрыты на засов. Напротив дверей на выгоне стояла церковь, там самая, что велел возвести Сигмунд. Когда Сигурд зашел между домом и церковью, он увидел, что церковь открыта, и из нее выходит женщина в красном плаще и синей накидке на плечах. Сигурд узнает в ней Турид, хозяйку дома, и оборачивается к ней. Она радушно приветствует его и идет к бревну, лежавшему там же на выгоне. Оба они садятся на бревно, и она хочет сесть лицом к церкви, и он хочет сесть лицом к дверям дома, а к церкви спиной. Но она настояла на своем, и они садятся лицом к церкви.

Сигурд спросил, кто из мужчин дома. Она сказала, что их сейчас там немного. Он спросил, дома ли Лейв. Она ответила, что его нет.

— А сыновья твои дома? — говорит он.

— Вполне вероятно, — говорит она.

— Что они говорят о наших делах? — спрашивает Сигурд.

— Мы, женщины, потолковали между собой, — отвечает она, — и решили, что нам всем больше всего нравишься ты, и я бы не сильно тянула с ответом, если б ты не был повязан.

— Значит, судьба ко мне неблагосклонна, — говорит Сигурд, — но можно быстро устроить так, чтоб я стал неженатым.

— Это уж как придется, — говорит она, и при этих словах он обхватывает ее руками и хочет притянуть к себе, но она отстегивает свою синюю накидку в виде полумесяца, и в этот миг отворяются двери и наружу выбегает человек с обнаженным мечом. Был это Хери сын Сигмунда[67].

Когда Сигурд это видит, то стремительно прогибается вниз, оставляя свою накидку в руках Турид. В это время вышли и другие люди, и Сигурд бросается наутек вниз по полю. Хери хватает копье и бежит вслед за Сигурдом — он оказался из своих самым проворным. Вот он метает копье в Сигурда; Сигурд чувствует, что копье летит ему в спину; тогда он падает ниц, а копье пролетает над ним и втыкается в поле. Сигурд быстро вскакивает, выдергивает копье и посылает обратно; оно попадает Хери в живот, и тот вскорости умирает. Сигурд прыгает на единственную тропу, ведущую вниз, а Лейв подходит к месту, где лежит Хери, но быстро покидает его и, собрав все свои силы, прыгает со скалы прямо на берег вниз. По слухам, в этом месте до берега пятнадцать саженей.

Лейв приземляется на ноги и бежит к кораблю Сигурда; к этому времени Сигурд был уже возле корабля и собирался прыгать на борт. Лейв поразил его мечом в бок. Сигурд отклонился от удара, но меч, как показалось Лейву, все равно прошил внутренности.

Затем Сигурд прыгнул на борт, они отчалили и схватка прекратилась. Лейв поднимается на остров к своим людям и просит поскорее садиться на корабли, —

— и мы поедем за ними вдогонку.

Они спрашивают, может ли он точно сообщить о смерти Хери и повстречал ли он Сигурда. Он отвечает, что пока рассказать может немногое.

Они заполняют два корабля; у Лейва было восемь десятков мужчин; суда шли тяжело и сильно уступали кораблю Сигурда в скорости.

Сигурд и его люди причаливают на Стремнинном Острове; Сигурд сам стоял у руля и был неразговорчив. Когда он сходил на берег, Торд спросил его, сильно ли он ранен. Тот отвечает, что не знает точно. Сигурд подходит к стене корабельного сарая, что стоял там близко к воде и опирается на нее обеими руками, а они тем временем разгружают корабль. Затем они поднимаются к сараю и видят, что там стоит Сигурд: он был мертв и уже окоченел. Они отнесли его

тело на хутор и, не сказав новостей, сели ужинать. Пока они сидели за ужином, подошли люди Лейва, обложили хутор и подожгли его. Те отважно защищались, хотя их было всего одиннадцать человек против тридцати нападавших.

Когда весь дом занялся огнем, наружу выбегает Гаут Рыжий — долее терпеть он не мог. На него напал Стейнгрим сын Сигмунда с двумя спутниками, но Гаут хорошо защищался. Гаут рубит Стейнгриму ногу и разбивает ему коленную чашечку: это была большая рана, и Стейнгрим всю свою жизнь оставался хромым. Гаут также убил одного из спутников Стейнгрима. Тут подошел Лейв сын Эцура, они стали сражаться между собой, и кончилось тем, что Лейв убил Гаута.

В это время наружу выбегает Торд Коротышка, и навстречу ему становится Бранд сын Сигмунда[68] и двое других людей; схватка их закончилась тем, что Торд убивает Бранда и обоих его спутников. Тут подошел Лейв сын Эцура и пронзил его тем самым мечом, которым раньше поразил Сигурда, и Торд вскоре лишился жизни.

LIX

После этих событий Лейв едет домой; подвиги сильно прославили его. Когда же весть о случившимся дошла до Транда, она подействовала на него так сильно, что он с горя умер. Теперь Лейв правит всеми Фарерскими Островами один; было это в дни конунга Магнуса Доброго сына Олава.

Лейв отправился в Норвегию к конунгу Магнусу и принял от него Фарерские Острова в лен. Он возвращается домой, живет на Фарерских Островах до старости. Сигмунд, его сын, после смерти своего отца Лейва остался жить на Южном острове и прослыл видным мужем.

Турид, хозяйка дома, и Лейв умерли в дни конунга Магнуса[69], а Тора жила у своего сына Сигмунда и до конца своей жизни слыла женщиной незаурядной.

Сына Сигмунда звали Хавгрим, и от него произошли Эйнар и его сын Скегги, те, что недавно были наместниками на Фарерских Островах[70].

Стейнгрим Хромой сын Сигмунда жил на острове Подкова и слыл добрым бондом. И мы не слыхали о том, чтобы в дальнейшем в связи с Сигмундом сыном Брестира или его потомством произошло что-нибудь выдающееся.

Сага о Союзниках

I

Жил человек по имени Офейг[1]. Он жил на западе в Среднем Фьорде на том хуторе, который называется Дымы[2]. Отцом Офейга был Скиди, а мать звалась Гуннлауг. Матерью ее была Ярнгерд, дочь Офейга сына Ярнгерд, с Перевалов на севере[3]. Офейг был женат на Торгерд дочери Вали. Это была родовитая и весьма незаурядная женщина[4].

Офейг был человек большого ума, и к его совету очень прислушивались. Был он во всем муж видный, но хозяйство его было неприбыльным: земель было вдоволь, а движимости не хватало[5]. Он никому не отказывал в угощении, даже если приходилось брать из запасенного впрок. Офейг ездил на тинг вместе со Стюрмиром с Асгейровой Реки[6], который слыл тогда первым хёвдингом у них на западе.

У Офейга с женой был сын[7]; его звали Одд. Это был красивый юноша, не по годам возмужавший. Отец не питал к нему особой любви. Одда нельзя было назвать работящим.

Одного человека, воспитывавшегося на хуторе вместе с Оддом, звали Вали[8]. Это был красивый юноша, и о нем шла добрая слава.

Одд находился дома при своем отце, до тех пор пока ему не исполнилось двенадцать лет[9]. Офейг подолгу не разговаривал с Оддом и мало его любил[10]. Поговаривали, что в округе не было более многообещающего мужа, чем Одд. Однажды Одд завел со своим отцом беседу; он просит отца выделить ему движимость, —

— хочу уехать прочь из страны. Сложилось так, — сказал он, — что ты не оказываешь мне должного уважения. Да и я тебе не подспорье.

Офейг говорит:

— Я не отказываюсь поддерживать тебя, хотя ты прикладываешь для этого немало стараний. И я намерен поступать так и впредь: возможно, позже ты поймешь, какой тебе от меня прок[11].

Одд сказал, что от таких речей пользы немного. На этом они прекращают разговор.

На следующий день Одд достает из чулана мешковину, все снасти для рыбной ловли и двенадцать локтей грубого сукна[12]. Он уходит из дому, не

попрощавшись ни с кем, и держит путь на север к Озерному Мысу. Там он вступает в рыбачью артель и просит у рыбаков в долг вещи, которые кажутся ему самыми необходимыми. И поскольку они знали, что Одд из хорошего рода и пользуется доброй славой, они соглашаются уступить ему вещи на время. Он покупает теперь все нужное в долг и после этого рыбачит с ними в течение полугода. Рассказывают, будто больше всего везло тем, с кем выезжал Одд. Он проводит там три зимы и три лета, и вышло так, что он рассчитался с каждым за то, что был должен, и взял себе немалый барыш. Одд никогда не навещал отца, и оба они держались так, будто между ними нет никакого родства. Товарищи Одда любили.

Случается так, что Одд решает перебраться оттуда со своим скарбом на север к Побережьям[13]. Он покупает долю на паромной ладье и умножает свой доход. Вот он уже за короткое время нажил столько, что единолично владеет ладьей. Несколько лет кряду он водит ее между Средним Фьордом и Побережьями. Богатство его растет.

Теперь ему приедается и это занятие. Он покупает долю на корабле[14], и уезжает из страны, и какое-то время плавает по торговым делам, и у него снова все спорится и складывается хорошо. Ему удается добиться богатства и уважения. Вот он по-прежнему занят своим делом, но теперь ему принадлежит весь корабль и бóльшая часть товара на нем. Он проводит время в торговых плаваниях и делается важным и очень богатым мужем.

Одд часто гостил за пределами страны у хёвдингов и сановных мужей, и его везде высоко ценили, как он того заслуживал[15]. Ныне он уже настолько богат, что в плаваниях находятся сразу два принадлежащих ему торговых судна[16]. Рассказывают, что в то время вообще не было купца, который мог потягаться богатством с Оддом. Он был также намного удачливей в пути, чем прочие люди. Никогда не приводил он свой корабль в страну северней Островного Фьорда, и никогда западней Хрутова Фьорда[17].

II

Упоминается о том, что однажды летом Одд приводит свой корабль в Хрутов Фьорд к Столовой Отмели[18] и собирается остаться там на зиму. Тут друзья начинают уговаривать его осесть в их краях, и по их просьбе он так и делает и покупает в Среднем Фьорде землю, которая зовется Песчаник[19]. Он разворачивает там большое хозяйство и живет на широкую ногу, и рассказывают, что его оседлая жизнь ничуть не менее примечательна, чем его прежние странствия, и во всей северной части страны не было более прославленного мужа, чем Одд. Ему везло со скотом больше, чем прочим людям, и он охотно помогал тем, кто нуждался и жил от него поблизости. Но своему отцу никакой поддержки он не оказывал. Корабль свой он поставил на берег в Хрутовом Фьорде.

Рассказывают, будто здесь, в Исландии, не было более богатого человека, чем Одд. Многие говорят даже, что добра у него было не меньше, чем у троих самых богатых[20]. Достояние его было велико во всем — золоте и серебре, землях и скоте. Вали, родич Одда, сопровождал его повсюду, в Исландии и за ее пределами. Одд сидит теперь на своем хуторе и пользуется той славой, о которой сейчас было рассказано.

Называют человека по имени Глум[21]. Он жил у Лавинного Лба. Место это находится между Стужей и Фьордом Колли. Глум был женат на женщине по имени Тордис. Она была дочерью Асмунда Седоволосого, отца Греттира сына Асмунда[22]. Их сын звался Оспак[23]. Он был велик ростом, силен, задирист и неуживчив. Он рано начал сновать между Побережьями и северными округами и стал статным и очень могучим мужем[24].

Как-то летом Оспак прибыл в Средний Фьорд и стал продавать свою поживу. Однажды он сел на коня, поднялся к Песчанику и встретил Одда. Они обменялись приветствиями и справились друг у друга о всевозможных новостях.

Оспак сказал:

— Вышло так, Одд, — говорит он, — что о вашем хозяйстве идет добрая молва. Люди расхваливают тебя, и все, кто был у тебя, говорят, что довольны своей участью. Надеюсь, что и мне так покажется. Хотел бы наняться сюда к тебе.

Одд говорит:

— А тебя люди не слишком расхваливают, и слава о тебе нелучшая[25]. Утверждают, будто ты склонен хмурить брови, как водится у вас в роду[26].

Оспак говорит:

— Суди по своему опыту, а не по чужим словам, ведь мало что славят по достоинству[27]. Я ведь не прошу у тебя подарков. Мне нужен только твой кров; кормиться буду я сам[28]. Тогда и увидишь, как тебе это понравится.

Одд говорит:

— Вы, родичи, надменны и настырны, если вам перечить. Но раз ты так настоятельно просишь меня о крове, рискнем взять тебя на зиму.

Оспак принимает предложение с благодарностью и осенью переезжает на Песчаник вместе со своими пожитками. Он быстро завоевывает расположение Одда, хорошо управляется с хуторскими делами и работает за двоих. Одд к нему расположен. Так проходит полгода, а когда наступает весна, Одд предлагает Оспаку оставаться, и говорит, что так, на его взгляд, будет лучше. Оспак тоже этому рад. Оспак следит за хозяйством, и оно богатеет. Люди диву даются, как же везет Одду. У него и друзей много, и хозяйство теперь процветает, так что никого из бондов нельзя поставить с ним вровень.

Только одной вещи, по мнению людей, не хватает Одду, чтоб вполне соответствовать его положению: нет у него своего годорда. В то время был

распространен обычай учреждать новые годорды или покупать их[29], и Одд так и сделал. У него быстро набрались провожатые[30]: все стремились к нему попасть[31]. Некоторое время все спокойно.

III

Одду нравится Оспак, и он дает ему все больше и больше власти на хуторе. Тот работал много и на совесть и был подспорьем в хозяйстве. Проходит зима, и мнение Одда об Оспаке становится тем выше, чем больше дел тому поручают. К осени Оспак пригнал домой скотину с гор, и так удачно, что ни одной овцы не пропало.

Так проходит вторая зима и наступает весна. Тут Одд объявляет, что собирается за море, и говорит, чтобы его родич Вали принял на себя заботы о хуторе.

Вали говорит:

— Так уж сложилось, родич, что эта работа для меня непривычна, и я бы с большей охотой занялся нашим товаром и движимостью.

Тогда Одд обращается к Оспаку и просит его принять хутор.

Оспак говорит:

— Это бремя мне не по силам: я справлялся с ним лишь потому, что рядом был ты.

Одд настаивает, а Оспак отнекивается, хотя на самом деле очень рвется занять место. Наконец он соглашается уступить воле Одда, если тот обещает ему свою поддержку и даст полномочия. Одд говорит, что Оспак сможет распорядиться его владениями так, что слава Одда и уважение к нему будут расти, — мол, никто другой неспособен, да и не хочет, надзирать за его имуществом лучше Оспака. На этом разговор завершается.

Одд готовит теперь корабль к отплытию и велит поднять товар на борт. Долгие сборы Одду не понадобились. С ним вместе едет Вали. Когда Одд уже совсем готов отплыть, люди выходят проводить его до корабля. Оспак провожал его всю дорогу. У них было о чем поговорить.

Когда до корабля осталось совсем недалеко, Одд сказал:

— Есть еще одна вещь, насчет которой пока не решено.

— Что же это? — говорит Оспак.

— Не распорядились моим годордом, — говорит Одд, — и я хочу, чтобы его принял ты.

— Это совсем ни к чему, — говорит Оспак, — для этого я не гожусь. Я и так взвалил на себя столько, что еще неясно, справлюсь я или нет. Никто не подходит для этого дела лучше твоего отца. Он человек мудрый и искушен в тяжбах.

Одд сказал, что ни за что не поручит годорд отцу, — и я хочу, чтоб его принял ты.

Оспак уклоняется от поручения, хотя очень рад ему. Одд сулит ему свой гнев, в случае если Оспак откажется, и при их расставании Оспак принимает годорд[32]. Затем Одд отплывает, и поездка его, как обычно, была удачной. Оспак едет домой, и об их уговоре с Оддом немало пересудов. Поговаривают, что Одд передал этому человеку, Оспаку, слишком большую власть в руки.

Летом Оспак выезжает со своим отрядом на тинг[33]. В поездке он проявил себя с лучшей стороны и удачно решил все тяжбы, где требовалось его вмешательство[34]. Он уезжает с тинга, заслужив уважение. Оспак рьяно защищает своих людей и не уступает даже в мелочах; правда, там на них никто особенно не нападал. Он добр ко всем соседям и охотно помогает им. Хутор, по общему мнению, процветает ничуть не меньше, чем прежде. Работа кипит, и хозяйство богатеет. Так проходит лето. Оспак едет на осенний тинг и освящает его[35]. Позже осенью Оспак отправляется в горы за овцами и отряжает других сгонять кладеную скотину, и ее собирали как следует. Потрудились на совесть: ни одной овцы не пропало ни у самого Оспака, ни у людей Одда.

IV

Осенью вышло так, что Оспак выехал на север в Тальниковую Долину[36] ко Двору Свалы[37]. Там жила женщина по имени Свала. Оспаку оказали радушный прием. Свала была молода и красива. Она беседует с Оспаком и просит его помочь с хутором,

— я слышала про тебя, что ты отличный хозяин.

Оспак отнесся к этому благосклонно, и они беседовали еще долго. Они пришлись друг другу по нраву и стали ласково переглядываться. Беседа повернулась так, что Оспак спрашивает, кто ведает замужеством Свалы[38].

— У меня нет более близкого родственника, — говорит она, — из числа сколько-нибудь сто́ящих, чем Торарин Годи Длинной Долины[39].

Затем Оспак едет встречаться с Торарином. Там его приняли скорее хорошо, чем плохо. Вот Оспак сообщает, с чем приехал, и сватается к Свале.

Торарин говорит:

— У меня нет охоты делаться твоим тестем. Много чего сказывают про твои занятия. Я ясно вижу, что таким людям, как ты[40], нельзя подавать обе руки сразу. Придется, видно, пойти на одно из двух: нужно или сворачивать хозяйство Свалы и привозить ее сюда насильно, или махнуть на вас рукой. Сейчас я встревать не стану, но на женитьбу эту согласия все равно не дам[41].

После этого Оспак едет обратно на Двор Свалы и рассказывает ей, как обстоит дело. Они устраивают помолвку, и невеста обручает себя сама и переезжает к нему на Песчаник[42]. Но хутор на Дворе Свалы они держат за собой и

ставят нескольких людей надзирать за ним. Оспак сидит теперь на Песчанике и хозяйствует с размахом. Однако он успел прослыть человеком неуживчивым.

Вот проходит зима, а летом в Хрутов Фьорд приплывает Одд. Удача ему снова благоприятствовала, и он умножил свои деньги и славу. Он приезжает домой на Песчаник и осматривает свои владения; ему кажется, что за ними в его отсутствии следили хорошо, и он доволен. Так проходит лето.

Как-то раз Одд напоминает Оспаку, что было бы неплохо вернуть ему годорд.

Оспак говорит:

— Да, — говорит, — это то дело, которое я меньше всего хотел взваливать на себя и к которому я менее всего пригоден. Я и сам жду случая вернуть годорд. Но я полагаю, что такие вещи обычно делаются либо на весенних тингах, либо на осенних[43].

Одд отвечает:

— Возможно, это и так[44].

Лето подходит к концу, и приближается время осеннего тинга. Утром в тот день, когда должен был быть осенний тинг, Одд просыпается и видит, что в покоях мало народу. Он спал крепко и долго, а теперь вскакивает и убеждается, что люди ушли из дому. Ему это показалось странным. Он молча собирается в путь и едет с несколькими людьми на осенний тинг, дивясь случившемуся. А когда Одд со своими спутниками прибыл на место, там было многолюдно, но тинг уже освятили, и народ собрался разъезжаться по домам[45]. Тогда Одд хмурит брови: произошедшее его озадачило. Люди едут домой, и проходит еще несколько дней.

Однажды, когда Одд сидит за столом, а Оспак напротив него, Одд внезапно для всех опрокидывает стол и подскакивает к Оспаку с занесенной секирой, требуя тут же отдать годорд.

Оспак говорит:

— Тебе не стоило лезть с таким пылом. Ты можешь принять свой годорд в любой миг, когда хочешь: я просто не знал, всерьез ли ты намерен забрать его.

Затем он протянул руку и отдал Одду годорд[46]. Покамест все было тихо, но отныне между Оддом и Оспаком сделалась вражда. Оспак стал довольно груб в общении. Люди подозревают, что Оспак рассчитывал удержать годорд за собой и вовсе не собирался возвращать его Одду, и так бы оно и было, если б его не вынудили отступиться. Он забросил хозяйство, а Одд ему ничего не поручал. Друг с другом они не разговаривали.

Однажды Оспак стал собираться в дорогу. Одд делал вид, что ничего не замечает. Они расстались не попрощавшись. Оспак едет теперь на свой хутор на Двор Свалы. Одд делает вид, будто ничего не случилось, и некоторое время все тихо.

Упоминается о том, что осенью люди отправляются в горы за овцами, и исход для Одда разительно отличался от того, что бывало с ним прежде. Он недосчитался сорока кладеных баранов из числа самых лучших в его стаде. Теперь ищут повсюду — в горах и на пустоши, — но тщетно. Все это сочли странным, так как Одду, по общему мнению, всегда везло со скотом больше, чем прочим людям. Поиски вели с таким рвением, что искали пропажу в чужих округах и домах людей, но все впустую. В конце концов суматоха улеглась; однако пересуды, что бы это могло значить, не прекращались. Зимой Одд был невесел.

Вали, родич Одда, допытывался у Одда, почему тот невесел:

— Неужто тебя печалит сама пропажа? Птице столь высокого полета, как ты, не к лицу горевать о подобных вещах.

Одд говорит:

— Потеря баранов меня не печалит. Гораздо хуже то, что я не знаю наверняка, кто их украл.

— Уверен ли ты, — говорит Вали, — что за этим стоит дурной умысел, и кого ты подозреваешь?

Одд говорит:

— Скажу без утайки: я полагаю, что баранов украл Оспак.

Вали говорит:

— Вот и закончилась ваша дружба. После того как ты посадил Оспака надзирать за всем твоим имуществом, к этому шло.

Одд сказал, что это было величайшей глупостью и что, мол, еще дешево отделались.

Вали сказал:

— Многие люди говорили тогда, что твое решение странно. Теперь же я хочу, чтобы ты не спешил затевать тяжбу, чтобы ущемить его. Иные не преминут сказать, что обвинения голословны. Давай договоримся, — говорит Вали, — ты поручаешь разведать, как обстоит дело, мне, а я должен буду выяснить правду.

Вот они договариваются об этом. Теперь Вали собирается в путь и берет с собой товар; он едет верхом на север к Озерной Долине и Длинной Долине и распродает товар. У Вали было много друзей, и он слыл человеком доброжелательным. Он едет своей дорогой, пока не приезжает на Двор Свалы, где его хорошо приняли. Оспак был в приподнятом настроении. Наутро Вали собирается уезжать. Оспак вышел провожать его со двора и много расспрашивал про Одда. Вали отвечал, что дела его идут неплохо. Оспак хорошо отозвался об Одде и назвал того богачом, живущим на широкую ногу, —

— Впрочем, он, как будто, понес большой убыток осенью?

Вали говорит, что это действительно так.

— Какие у вас мысли насчет пропажи овец? Одду долгое время везло со скотом.

Вали говорит:

— Не все так просто. Кое-кто думает, что это дело рук злоумышленников.

Оспак говорит:

— На такое трудно решиться; немногие способны на подобное.

— Это точно, — говорит Вали.

Оспак сказал:

— Что думает об этом сам Одд?

Вали сказал:

— Он мало говорит об этом вслух, но другие упорно твердят, что это, так или иначе, дело рук злоумышленников[47].

— Следовало этого ждать, — говорит Оспак.

— Ну раз уж наш разговор, — говорит Вали, — пошел в эту сторону: многие не исключают, что виновник здесь ты. Люди сопоставляют, что вы с Оддом враждебно расстались, а пропажа произошла вскорости после этого.

Оспак говорит:

— Не ожидал я услышать такие слова от тебя, и если б мы с тобой раньше не были так дружны, я бы жестоко мстил за них.

Вали говорит:

— Сейчас бесполезно что-либо скрывать или распаляться напоказ. Тебе все равно не отвести от себя обвинений. Я уже понял все по твоему хозяйству. И я ясно вижу, что у тебя на хуторе гораздо больше запасов, чем ты мог нажить честно[48].

Оспак говорит:

— Едва ли кто-нибудь сможет это подтвердить. И я не знаю, каких речей ждать от врагов, если так говорят друзья.

Вали говорит:

— Никакой вражды к тебе с моей стороны нет, ведь говорим мы с глазу на глаз. Теперь, если ты поступишь, как я советую, и пойдешь мне навстречу, тебе будет легко выпутаться, потому что я сам позабочусь об этом. Я продавал свой товар в разных местах в этих округах. Я скажу, что его принял ты и расплатился со мной мясом и другими вещами. Едва ли меня кто-нибудь заподозрит. Я берусь устроить все так, чтобы тебе не было никакого бесчестья, если ты последуешь моему совету.

Оспак сказал, что на это не пойдет.

— Тогда будет хуже, — говорит Вали, — и ты сам это навлек на себя.

После этого они расстаются, и Вали едет домой. Одд спрашивает, удалось ли ему докопаться до правды насчет пропажи овец. Вали отвечал, что положение не из лучших.

Одд сказал:

— Довольно скрывать, что овец украл Оспак! Ты бы не преминул его выгородить, если бы знал как.

Остаток зимы проходит спокойно. А когда наступает весна и подходит срок вызова на тинг[49], Одд выезжает из дому с двумя десятками людей[50] и держит путь на Двор Свалы.

Когда они были уже на подходе к хутору, Вали сказал Одду:

— Теперь спешивайтесь, а я подъеду к дому, встречу Оспака и выясню, не хочет ли он замириться. Тогда не придется возбуждать тяжбу[51].

Они так и поступают. Вали едет к хутору. Никого снаружи не было. Двери были открыты. Вали заходит внутрь. В доме было темно. Совершенно внезапно с помоста вскакивает человек и рубит Вали между лопаток так, что тот сразу рухнул.

Вали сказал:

— Спасайся, несчастный, ибо Одд близко от хутора и хочет убить тебя! Вышли ему навстречу свою жену, и пусть она скажет, что мы с тобой уже замирились, и ты признал обвинение, а я, мол, поехал дальше в долину взимать свои недоимки.

Тогда Оспак сказал:

— Случилось худшее из дел. Я предназначал этот удар Одду, а не тебе.

Вот Свала встречается с Оддом и говорит, что Оспак и Вали заключили мировую — и Вали просил тебя поворачивать назад.

Одд поверил ее словам и уехал домой. Вали распрощался с жизнью, и его тело отвезли на Песчаник[52]. Одд счел, что это большая и дурная новость. О действиях Одда пошла дурная слова; люди сочли, что он был на редкость нерасторопен.

Вслед за этим Оспак исчезает, и люди не знают, что с ним приключилось[53].

V

Теперь следует рассказать о том, что Одд выносит тяжбу об убийстве на тинг и вызывает свидетелей из числа соседей. Далее случается такое событие, что один из названных им свидетелей умирает. Одд вызывает другого свидетеля заместо покойного[54]. Вот люди едут на тинг, и до открытия судов все спокойно[55]. Когда суды открываются, Одд выдвигает иск об убийстве, и это проходит гладко. Затем предлагают оспорить тяжбу. Неподалеку от судилища сидели хёвдинги, Стюрмир и Торарин, каждый со своим отрядом.

Тут Стюрмир сказал Торарину:

— Сейчас время оспорить тяжбу об убийстве. Не хочешь ли дать ей отвод?

Торарин говорит:

— Не буду встревать. Мне кажется, что у Одда есть веские основания добиваться возмездия за смерть такого человека, как Вали. А того, кто убил, я считаю худшим из людей.

— Да, — говорит Стюрмир, — человек он и впрямь нехороший. Однако он тебе вроде как родственник[56]?

— Это я ни во что не ставлю, — говорит Торарин.

Стюрмир сказал:

— Оцени, сколь возрастут наши трудности и насколько тяжелей нам придется, если его осудят. Затронут наш интерес: так давай же вмешаемся в тяжбу и дадим ей отвод, ибо мы оба видим, как это сделать.

— Это мне было понятно давно, — говорит Торарин, — но я по-прежнему не считаю уместным препятствовать тяжбе.

Стюрмир сказал:

— И все же она касается тебя, и люди скажут, что ты поступил малодушно, раз дал ход тяжбе, где напрашивался отвод. Кроме того, сказать по правде, будет неплохо, если Одд убедится, что помимо него, есть и другие стоящие люди. Он и так топчет нас с нашими провожатыми, как хочет, так что одно только его имя и слышно[57]. Нет беды в том, что он поймет на опыте, как хорошо он разбирается в законах.

Торарин говорит:

— Тебе решать, а я помогу тебе. Но дело это невыигрышное и, скорее всего, кончится плохо[58].

— Надо позаботиться, чтобы до этого не дошло, — говорит Стюрмир, вскакивает со своего места, подходит к судилищу и спрашивает, что за тяжбы там разбирают. Ему сказали.

Стюрмир сказал:

— Так уж получилось, Одд, что против твоей тяжбы нашлись возражения. Ты неправильно возбудил иск и назвал десять свидетелей, сидя у себя дома. Это незаконно. Ты должен был сделать это на тинге, а не у себя в округе. Так что либо выходи из суда прямо сейчас, либо мы произнесем отвод, как положено[59].

Одд молчит и обдумывает положение. Он находит, что все так и есть, покидает судилище вместе со своим отрядом[60] и направляется к своей палатке. Когда он заступает в проход между палатками, навстречу ему идет человек. Он уже в возрасте. На нем черный плащ с отстежными рукавами, заношенный почти до дыр[61]. Только один рукав пристегнут к плащу, и человек закинул его себе за спину[62]. В руке у него палка с шипом, на лоб надвинута широкополая шляпа, очи опущены долу[63]. Он с силой опирается на палку и идет изрядно ссутулившись. Это прибыл старый Офейг, отец Одда.

Тут Офейг сказал:

— Рановато выходите вы из суда, — говорит он, — больно уж вам везет, коли вы управляетесь со всеми делами столь скоро. А что, этот Оспак уже осужден?

— Нет, — говорит Одд, — он не осужден.

Офейг сказал:

— Морочить меня, старика, — не дело для хёвдинга. А почему ж он не осужден? Разве его вина не доказана?

— Конечно, доказана, — говорит Одд.

— За чем же тогда дело стало? — говорит Офейг. — Я-то думал, что он понесет наказание. Или это не он убил Вали?

— С этим никто не спорил, — говорит Одд.

Офейг сказал:

— Так почему ж он не осужден?

Одд сказал:

— Против тяжбы нашлись возражения, и она не пошла.

Офейг сказал:

— Как можно вообще возражать против тяжбы столь богатого человека[64]?

— Они заявили, что свидетели из числа соседей вызваны неправильно, — говорит Одд.

— Не было бы такого, если б ты сам занялся тяжбой, — говорит Офейг, — но, впрочем, может статься, ты лучше приспособлен для барышей и поездок, чем для образцового ведения тяжб. Однако я все же надеюсь, что ты не сказал мне всей правды.

Одд говорит:

— Мне мало дела, веришь ты мне или нет[65].

— Это возможно, — говорит Офейг, — только я сразу понял, едва ты выехал из округи, что тяжба возбуждена неверно. Но ты возомнил, что сам себе голова, и не удосужился спросить ни у кого совета. Теперь можешь расхлебывать это дело сам. Не исключено, что это тебе удастся, но таков уж удел всех, кто считает других хуже себя.

Одд говорит:

— Не похоже, что от тебя дождешься помощи.

Офейг сказал:

— Тяжбу твою можно спасти лишь в том случае, если ты обратишься ко мне. Насколько ты, однако, готов помочь деньгами тому, кто наведет в твоей тяжбе порядок?

Одд говорит:

— Я не поскуплюсь на расходы, если кто-нибудь примет тяжбу.

Офейг сказал:

— Тогда дай старику в руки какой-нибудь толстый кошель, ибо глаза людей косеют от денег[66].

Одд вручает ему большой кошель с деньгами.

Тогда Офейг спросил:

— Был ли произнесен отвод, как положено по закону?

— Нет, мы ушли из суда до того, — говорит Одд.

Офейг говорит:

— Правильно лишь то, что ты делал не думая[67].

На этом они расстаются, и Одд идет к себе в палатку.

VI

Теперь следует поведать о том, как старый Офейг направляется в Поля[68] и идет к судилищу. Он подходит к Суду Северной Четверти[69] и спрашивает, как идут тяжбы. Ему сказали, что некоторые уже решены, а по другим готовятся вынести приговор.

— Как продвигается тяжба Одда, моего сына, и завершена ли она?

— В общем, завершена, — говорят они.

Офейг сказал:

— Этот Оспак уже осужден?

— Нет, — говорят они, — это не так.

— По какой причине? — говорит Офейг.

— Против тяжбы нашлись возражения, — говорят они, — ее неправильно возбудили.

— Да, — говорит наш Офейг, — не позволите ли мне зайти к вам в судилище?

Они разрешают это. Он заходит в круг для судей и усаживается.

— Так судили или нет тяжбу Одда, моего сына?

— Вроде как судили, — говорят они.

— Как же так? — говорит Офейг. — Неужто Оспака обвинили ложно? Разве он не убивал Вали без всякой на то причины? Неужели все это сочли недостаточно очевидным?

Они говорят:

— Против тяжбы нашлись возражения, и она не имела ходу.

— Что именно было оспорено? — говорит Офейг.

Тут ему сказали.

— Все ясно, — говорит он. — И вам показалось сколько-нибудь справедливым обращать внимания на вещи, ничего не стоящие, и избавлять от наказания худшего из людей, вора и человекоубийцу? Не берете ли вы на себя слишком много, вынося приговор против справедливости, и оправдывая того, кто достоин смерти?

Они сказали, что им это тоже кажется неправильным, но они ничего не могут поделать.

— Все может быть, — говорит Офейг. — А вы приносили клятву? — говорит Офейг.

— Конечно, — говорят они.

— Так должно было быть, — говорит он. — А какие слова вы при этом произносили? Что-то в том роде, что вы будете судить, исходя из того, что найдете наиболее справедливым и правильным и более всего соответствующим закону? Вы должны были говорить примерно так[70].

Они сказали, что все верно.

Тогда Офейг сказал:

— А что может быть справедливей и правильней, чем объявить худшего из людей вне закона, подлежащим убийству и лишенным права на всякую помощь, если он изобличен в краже и вдобавок убил ни в чем не повинного человека, Вали? Но есть еще один довод: когда преступают клятву, это уже можно назвать податливостью. Вдумайтесь хорошенько, что для вас важнее — два слова, указующие на правду и справедливость, или одно единственное, отсылающее к законам? Вам, конечно, покажется, если вы способны видеть суть, что гораздо большая ответственность — объявить свободным того, кто заслуживает смерти, тем более что ранее вы принесли клятву, что будете судить по справедливости. Теперь можете сами видеть, что уйти от ответственности в любом случае не удастся, и выбор ваш труден.

Офейг то достает кошель из под полы плаща, то прячет его назад. Он убеждается, что их глаза следят за мошной.

Тут он сказал им:

— Стоило бы все-таки судить по правде и справедливости, как вы присягали, а взамен получить благодарность толковых мужей и правдолюбов[71].

Затем он достал кошель, высыпал из него серебро и сказал им так:

— Сейчас я выкажу вам свою дружбу, — говорит он, — но делаю это скорее ради вас, нежели в своих интересах. Я поступаю так не потому, что некоторые из вас — мои друзья, а другие — мои родичи, а потому, что все вы — люди нуждающиеся и предоставлены самим себе. Я хочу дать каждому из тех, кто сидит в суде, по эйриру серебра[72], а тем, кто будет подытоживать тяжбу[73], — по полмарки[74]. Тем самым вы разом и получите деньги, и снимите с себя груз клятвопреступления, которого следует избегать в первую очередь.

Они обдумывают положение и, поддавшись на уговоры Офейга, решают, что он говорит дело, и что они перед этим действительно нарушили клятву, и они принимают предложение Офейга. Сразу вслед за этим послали за Оддом, и он прибыл на место суда. Хевдинги к тому времени уже удалились в свои палатки[75]. Тут же начинают слушать тяжбу и Оспака объявляют вне закона. После этого называются свидетели того, что приговор вынесен. С этим люди отправляются по своим палаткам. Ночью о случившемся не прознал никто.

А утром на Скалу Закона[76] поднимается Одд и громко объявляет:

— Здесь ночью в Суде Северной Четверти за убийство Вали был осужден человек по имени Оспак. А про приметы осужденного следует сказать, что он большого роста и мужиковат. У него темные волосы и грубые черты лица, черные брови, здоровенные руки, толстые ноги, и все сложение на диво крупно, а вид — самый что ни на есть злодейский[77].

Теперь люди в изумлении хмурят брови, ведь многие до этого слыхом не слыхивали о тяжбе. Людям кажется, что Одд рьяно вел преследование и ему сильно повезло, учитывая все обстоятельства.

VII

Рассказывается о том, как Стюрмир и Торарин беседуют друг с другом.

Стюрмир сказал:

— Крепко опростоволосились мы из-за этой тяжбы и покрыли себя позором.

Торарин говорит, что этого следовало ожидать, —

— и похоже, нас провели умные люди.

— Да, — говорит Стюрмир. — Видишь ли ты теперь какой-нибудь способ исправить положение?

— Не знаю, удастся ли провернуть быстро, — говорит Торарин.

— Что именно? — говорит Стюрмир.

Торарин говорит:

— Можно было бы вчинить иск за подкуп суда, и дело должно выгореть[78].

— Подходит, — говорит Стюрмир.

После этого они расходятся по своим палаткам. Вот они созывают друзей и союзников на сходку. Первым среди них был Хермунд сын Иллуги[79], вторым — Геллир сын Торкеля[80], третьим — Эгиль сын Скули[81], четвертым — Железный Скегги сын Эйнара[82], пятым — Бродди Бородач сын Бьярни[83], шестым — Торгейр сын Халльдоры[84], далее — сами Стюрмир и Торарин. Эти восемь человек сидят теперь за беседой. Стюрмир и Торарин подробно излагают весь ход тяжбы и рассказывают, как она обернулась и какой большой куш можно сорвать на ней, — имущество Одда де столь велико, что всем хватит сполна. Они решают действовать сообща во всем, что касается тяжбы, и дают обет изгнать противника, либо навязать ему мировую на своих условиях. Затем они заключают между собой союз и скрепляют его клятвами, считая себя непреодолимой силой, перед которой тушуется любая воля и которую не проймет ни один законник. Проговорив все это друг другу, они расстаются; люди едут с тинга домой, и первое время их договор держится в тайне.

Одд очень доволен своей поездкой на тинг, и их отношения с отцом несколько потеплели по сравнению с прежним. Остаток зимы Одд сидит, ничего не

предпринимая. А весной отец с сыном встречаются в бане[85], и Офейг справляется о новостях. Одд сказал, что не слыхал ничего примечательного, и спрашивает, что известно отцу. Офейг говорит, что Стюрмир с Топарином собрали народ и рассчитывают ехать к Песчанику вызывать Одда на тинг. Одд спрашивает, какую причину они нашли. Офейг излагает ему весь их замысел.

Одд говорит:

— Не кажется мне все это опасным.

Офейг говорит:

— Может статься однако, что самим вам не справиться.

Вот подходят сроки вызова на тинг, и Стюрмир с Торарином являются к Песчанику с большим числом людей. У Одда на хуторе тоже было много народу. Стюрмир и Торарин приступают к делу и вызывают Одда на тинг за то, что по его наущению в суд противозаконно были внесены деньги.

Ничего большего не происходит, и Стюрмир и Торарин со своим отрядом уезжают прочь.

Вот отцу с сыном снова случается встретиться. Они беседуют, и Офейг спрашивает у Одда, по-прежнему ли тот не берет случившееся в голову.

Одд говорит:

— Дело не кажется мне трудным.

— Я другого мнения, — говорит Офейг, — но насколько у тебя точные сведения о том, что происходит?

Одд отвечал, что знает о событиях, которые случились к тому времени.

Офейг говорит:

— У этого дела куда более длинный след, чем тебе кажется: по моим сведениям, шестеро виднейших хёвдингов страны вошли в тяжбу против тебя.

Одд говорит:

— Сильно ж им было надо.

Офейг сказал:

— Что теперь думаешь предпринять?

Одд говорит:

— А что еще делать, кроме как ехать на тинг и искать там поддержки?

Офейг говорит:

— По-моему, это безнадежно в столь проигрышной тяжбе, как эта. К тому же не стоит ставить свою славу под удар, полагаясь на милость большинства.

Одд говорит:

— Что же тогда предпринять?

Офейг сказал:

— Мой совет таков: ты снарядишь свой корабль к началу тинга. Будь готов отплыть в море со всем твоим имуществом прежде, чем люди вернутся с тинга

домой. Однако как тебе больше нравится распорядиться деньгами — чтобы их у тебя отняли враги или чтоб держал я?

— Меньшее из двух зол — отдать тебе.

Вот Одд вручает отцу толстый кошель, набитый серебром, и на этом они расстаются. Одд снаряжает теперь свой корабль и определяет, кому с ним плыть. Приближается время тинга, и о приготовлениях Одда знают немногие, потому что он действует скрытно.

VIII

Вот хёвдинги выезжают на тинг со множеством народа. Старый Офейг ехал с отрядом Стюрмира[86]. Пятеро Союзников — Эгиль, Геллир, Стюрмир, Хермунд и Торарин — договорились встретиться на Пустоши Синего Леса[87]: оттуда они вместе двинулись на юг к Полям Тинга. Двое — Бродди Бородач и Торгейр сын Халльдоры из Банной Долины — прибыли с востока. Железный Скегги прибыл с севера; эти трое поравнялись с остальными у Китового Склона[88]. Теперь все отряды совместно въезжают на Поля, а оттуда — на сам тинг. Там только и было разговоров, что о тяжбе Одда. Всем казалось само собой разумеющимся, что прений не будет: считанные люди могли решиться оспаривать иск. К тому же это выглядело бессмысленным, учитывая, какие хёвдинги стояли за ним. Сами Союзники тоже были уверены в победе и изрядно бахвалились. Никто не сказал им поперек ни единого слова. Одд никому не предлагал принять его тяжбу. Он спустил на воду свой корабль в Хрутовом Фьорде, как только люди уехали на тинг.

В один из дней старый Офейг вышел из своей палатки, и у него тяжело на душе; помощи он нигде не видит, а противник силен. Трудно ему одному тягаться с такими хёвдингами, а в иске не к чему придраться. Он идет сгорбившись и плутает между палатками, спотыкается и долго бродит по тингу. Наконец он приходит к палатке Эгиля сына Скули. В это время к Эгилю для беседы пришли какие-то люди. Офейг отступил от двери и ждал, пока люди эти не уйдут. Эгиль вышел проводить их, и когда он хочет зайти обратно в палатку, к нему устремляется Офейг, приветствуя Эгиля по имени.

Эгиль посмотрел на него и спросил, кто он такой.

— Меня зовут Офейг, — говорит тот.

Эгиль сказал:

— Ты отец Одда?

Офейг подтвердил это.

— Тогда ты, наверное, захочешь поговорить о его тяжбе, но нужно говорить не со мной. Тут все закручено так, что от меня одного ничего не зависит. Тяжбой этой, в основном, ведают другие люди — Стюрмир и Торарин. Они-то и принимают большинство решений, а мы поддерживаем их.

Офейг отвечает ему стихом, сорвавшимся у него с уст:

№ 1

Впору бы прежде
Вспомнить об Одде, —
Не шел никогда я
Сыну на помощь.
Плохо следил
Остолоп за законом,
Хоть денег имел он
Полные жмени.

А затем он сказал так:

№ 2

Старому сидню
Нет слаще отрады, —
С мужем почтенным
Перемолвиться словом.
Мне ты навряд ли
В беседе откажешь,
Ибо мужи тебя
Мудрым считают.

— Однако лучше бы мне избрать для потехи иное занятие, чем обсуждать дела Одда: бывало, шли они и получше, чем ныне. Ты ведь не откажешь мне в беседе. Для старика вроде меня нет большей радости, чем говорить с людьми твоего круга и коротать так минуты жизни.

Эгиль говорит:

— Тебе не будет отказано в беседе.

Затем они вдвоем заходят внутрь и усаживаются.

Тут Офейг заводит разговор:

— Ты, Эгиль, держишь хутор?

Эгиль сказал, что это так.

— И живешь в тех местах у Городища?

— Верно, — сказал Эгиль.

Офейг сказал:

— Я слышал о тебе лестные слова. Сказывали мне, что ты ни для кого не жалеешь пищи и живешь на широкую ногу, и в этом мы с тобой не так уж несхожи. Оба мы знатного рода и держим отличные земли, но хозяйство сулит нам убыток. А еще мне рассказывали, что тебе нравится помогать друзьям.

Эгиль сказал:

— Мне лестно, что нас с тобой славят одинаково, ибо я знаю о тебе, что ты знатен родом и мудр.

Офейг сказал:

— Но есть и различие: ты — большой хёвдинг, не страшишься ничего и не уступаешь никому, с кем бы ни имел дело, а я — человек маленький. Но нрав у нас с тобой общий, и большая досада, что столь видным людям, как ты, не хватает денег.

Эгиль говорит:

— Не исключено, что вскоре все переменится и дело пойдет на лад.

— За счет чего? — говорит Офейг.

— Сдается мне, — говорит Эгиль, — что если нам перепадет добро Одда, мы сполна обеспечим себя, ибо нам немало рассказывали о его несметных сокровищах.

Офейг говорит:

— Не преувеличивают те, кто называют его богатейшим человеком в Исландии. Но тебе, наверное, любопытно, какая часть его имущества отойдет тебе, ведь ты сильно нуждаешься в деньгах.

— Все верно, — говорит Эгиль, — ты добрый и мудрый старик и, должно быть, знаешь точно, каково имущество Одда.

Тот говорит:

— Я полагаю, что никому не известно об этом больше меня, и я могу заверить тебя, что ни один из рассказов о богатстве Одда не преувеличивает его истинных размеров. Однако я заранее прикинул, сколько в итоге сможешь получить ты.

И с уст его слетела виса[89]:

№ 3

Право, развращают
Вертопрахов злата
Зла корысть, и кривда, —
Слово сильных хило.
Вам сулю прилюдно
Лихо смеха Хати,
Тунды смуты тарчей
Толстых, да бесчестье![90]

— Как, как? Ну, это маловероятно, — говорит Эгиль, — а скальд ты хороший.

Офейг сказал:

— Не следует долее держать тебя в неведении, какая награда ждет тебя: это шестнадцатая часть земли у Песчаника.

— Что за вздор! — говорит Эгиль. — Значит, состояние не столь велико, как я думал. Но как же это возможно?

Офейг говорит:

— Вовсе нет. Состояние огромно. Но я полагаю, что ты получишь ровно столько, сколько ты слышал. Разве вы не обговорили заранее сами, что вам отойдет половина имущества Одда, а вторая половина достанется жителям Северной Четверти? Сдается мне, что раз, вас, Союзников, восемь человек, то вам причитается половина земли у Песчаника, по вашим собственным расчетам, о которых вы объявили загодя. Ибо хотя ваша затея сопряжена с вещами, доселе неслыханными, свое слово вам придется держать.

Не могли же вы думать, что мой сын Одд будет сидеть сложа руки и ждать, когда вы с гоготом нагрянете к нему на север? Нет, — говорит Офейг, — наш Одд сам вам в руки не дастся! Ибо ума и хватки у него ничуть не меньше, чем сокровищ, и он проявит все эти качества, как только потребуется. И я подозреваю, что его большой кнёрр[91] не будет медленнее скользить по Исландскому Морю от того, что вы объявите Одда вне закона. Да и применимо ли слово «вне закона» к тяжбе, которая начиналась столь неправедно? И исход ее ударит по тем, кто ее развязал, и я надеюсь, что Одд заберет с собой на борт все, кроме самой земли у Песчаника. А вот что он предназначает вам. Он заранее разведал, что если ему случится зайти в Городищенский Фьорд, путь от моря до хутора Городище недолог. И все вернется к тому, с чего начиналось: на вашу голову вновь падут позор и поношения, и все скажут, что вы их заслужили.

Тогда Эгиль сказал:

— Это же сущая правда: дело, похоже, с подвохом. Можно было предположить, что Одд не будет сидеть сложа руки. Но я не против, если кое-кто из участников тяжбы окажется посрамлен, например Стюрмир, или Торарин, или Хермунд: они-то в основном и раздувают тяжбу[92].

Офейг сказал:

— Будет хорошо, если они получат по заслугам; многие скажут, что так им и надо. Но я считаю неправильным, что ты останешься не вознагражденным: ты пришелся мне по душе и понравился больше прочих Союзников.

Тут он нарочно упускает наземь толстый кошель. Эгиль перевел на него взгляд.

От Офейга это не укрылось: он как можно скорее подхватывает кошель и засовывает его обратно за полу плаща. Он сказал:

— Получается, Эгиль, — сказал он, — что все произойдет примерно так, как я описал тебе. Теперь я собираюсь уважить тебя кое-чем, — и с этими словами он раскрывает кошель и высыпает из него серебро на полы кафтана Эгиля. Там было две сотни самого отборного серебра[93], —

— прими их от меня в дар за то, что не будешь содействовать тяжбе. Это знак уважения к тебе.

Эгиль говорит:

— Да ты, старик, мерзавец, каких поискать![94] Но тебе нечего надеяться на то, что я нарушу данный мною обет.

Офейг говорит:

— Вы вовсе не те, кем хотите казаться. Желаете, чтоб вас называли хёвдингами, а сами проходите мимо своей удачи, если надо рискнуть. Перестал бы ты теперь ломаться, а я, со своей стороны, изыщу способ, чтобы ты не нарушил обет.

— Это как же? — говорит Эгиль.

Офейг сказал:

— Разве вы не говорили, что должны добиться либо осуждения, либо мировой на своих условиях?

Эгиль сказал, что так и есть.

— Не исключено, — говорит Офейг, — что нам, родичам Одда[95], позволят выбрать мировых судей самим. Вот, может статься, разрешить тяжбу поручат тебе. В этом случае я хочу, чтобы ты ее развалил.

Эгиль говорит:

— Ты, старик, говоришь дело — ума и коварства тебе не занимать. Но, тем не менее, я не готов взвалить на себя это бремя один: у меня недостаточно сил и людей, чтобы в одиночку бороться со всеми хёвдингами сразу, ибо тот, кто даст им отпор, навлечет на себя их вражду.

Офейг сказал:

— Что, если на твоей стороне будет кто-то еще?

— Тогда уже проще, — говорит Эгиль.

Офейг сказал:

— Кого из Союзников ты бы хотел привлечь на свою сторону? Предложи мне кого-нибудь на выбор!

— Есть двое, — говорит Эгиль. — Хермунд — мой ближайший сосед, но мы плохо ладим. Второй — Геллир, и я выбираю его.

— Это немалый труд, — говорит Офейг, — ибо я никому в этой тяжбе не желаю добра, кроме тебя одного. Впрочем, Геллиру, вероятно, хватит ума сделать правильный выбор и обрести деньги и уважение, вместо того чтобы лишиться денег и навлечь на себя позор. Теперь-то ты войдешь в дело, чтобы свести пеню на нет, если определить ее поручат тебе?

— Само собой, — говорит Эгиль.

— Тогда по рукам, — говорит Офейг, — и через какое-то время я вновь навещу тебя.

IX

Теперь Офейг идет прочь, и они с Эгилем расстаются. Офейг блуждает теперь между палаток и еле волочит ноги, но дух его далеко не столь вял, сколь виляют ноги, и речь его далеко не столь расслаблена, сколь расшатана походка. Наконец он приходит к палатке Геллира сына Торкеля и велит вызвать его наружу[96]. Геллир выходит и приветствует Офейга первым — он был человек простой в обхождении — и спрашивает, с чем тот пришел.

Офейг говорит:

— Мне просто случилось забрести к вам.

Геллир говорит:

— Ты, наверное, хочешь поговорить о тяжбе Одда.

Офейг говорит:

— Не хочу говорить о том, что мне не с руки. Лучше я найду себе иную забаву.

Геллир сказал:

— Так о чем же ты хочешь говорить?

Офейг сказал:

— Сказывали мне, что ты мудр, а с людьми мудрыми беседовать мне приятно.

Вот они усаживаются и начинают беседу.

Офейг спрашивает:

— Кто из молодежи у вас в округах на западе, по-твоему, может стать большим хёвдингом?

Геллир сказал, что выбор у них хорош, и назвал сыновей Снорри Годи[97] и Людей с Песчаного Берега.

— Мне уже говорили, — сказал Офейг, — что все обстоит так, но теперь я сам слышу это от мужа, который наблюдателен и правдив. А кого из девушек на западе считают завидными невестами?

Тот называет дочерей Снорри Годи и дочерей Стейнтора с Песчаного Берега[98].

— Это мне уже говорили, — сказал Офейг, — но вроде бы у тебя самого есть дочери?

Геллир подтвердил, что, конечно, есть[99].

— Отчего же ты их не упомянул? — говорит Офейг. — Вряд ли они кому-нибудь уступят в красоте. А они еще не замужем?

— Нет, — говорит Геллир.

— Так почему же? — говорит Офейг.

Геллир говорит:

— Потому что пока не сватались люди, которые вышли бы всем: были бы и богаты, и держали хороший удел, знатны родом и при этом сами толковые. Ибо, хотя я не богач, знатность и положение обязывают меня проявлять разборчивость в женихах. Но негоже мне только отвечать, ни о чем не спрашивая. Кто из мужей у вас на севере обещает вырасти в хёвдинга?

Офейг говорит:

— Выбор богат. Первым я назову Эйнара, сына Железного Скегги[100], а после него — Халля сына Стюрмира[101]. Некоторые люди говорят также, что и мой сын Одд — многообещающий муж. Однако пора передать тебе слова Одда. Он поручил мне сообщить тебе, что хочет породниться с тобой и сватается к твоей дочери, той, которую зовут Рагнхейд[102].

— Да, — говорит наш Геллир, — к этому можно было бы отнестись хорошо, но при сложившихся обстоятельствах, полагаю, придется повременить.

— Что же мешает? — говорит Офейг.

Геллир сказал:

— Положение Одда, твоего сына, пока что видится в мрачном свете.

Офейг говорит:

— Я скажу тебе по правде, что ты никогда не выдашь твою дочь удачнее, ибо все в один голос скажут, что Одд не уступит самым толковым людям, а богатства и знатности ему не занимать. К тому же ты сильно нуждаешься в деньгах: вполне может быть, ты найдешь в нем опору, ибо Одд великодушен к своим друзьям.

Геллир говорит:

— Все это можно было бы принять во внимание, если бы не обстоятельства тяжбы.

Офейг сказал:

— Не придавай значения ерунде, которая ничего не стоит, и сторонись срама и дури, которые сопряжены с ней.

Геллир говорит:

— И тем не менее есть немалая вероятность, что все обернется иначе, и я не могу дать согласия. Но если бы тяжба разрешилась, я был бы рад предложению.

Офейг говорит:

— Не исключено, Геллир, что все вы получите свою награду. Но я могу рассказать тебе, что достанется на твою долю, ибо я знаю это точно. В лучшем случае, вы, восемь Союзников, получите половину земли у Песчаника. Участь твоя при этом окажется незавидной: ты получаешь мало денег, утратив честь и достоинство. А ведь прежде ты слыл одним из самых достойных мужей в стране.

Геллир спросил, как такое может случиться.

Офейг говорит:

— Наиболее вероятно, что Одд сейчас уже вышел в море, забрав с собой все имущество, кроме земли у Песчаника. Вы не могли рассчитывать, что он станет сидеть сложа руки и позволит вам делить и распределять его добро между собой. Нет, — говорит наш Офейг, — он высказался скорей в том смысле, что, если он войдет в Широкий Фьорд, то сумеет найти твой хутор и сам выбрать себе невесту с твоего двора. А хвороста, чтобы сжечь твой хутор, если это понадобится, у него, по его словам, хватит. Точно так же, если он войдет в Городищенский Фьорд, он уже знает, что путь с моря до хутора Городище недолог. Если бы он зашел в Островной Фьорд, то смог бы найти хутор Железного Скегги[103]. Точно то же самое он может проделать на Восточных Фьордах, если вздумает найти жилище Бродди Бородача. У него теперь руки развязаны, раз он никогда больше не вернется в Исландию. Зато вы получите по заслугам и натерпитесь сраму и поношений. Но мне не нравится, что тяжко пострадает столь добрый хёвдинг, как ты, и я бы хотел оградить тебя от опасности.

Геллир говорит:

— Все это похоже на правду. Но я не стану особо переживать, даже если много денег взять не удастся. Я ведь ввязался в эту тяжбу скорее по уговорам друзей, нежели из расчета.

Офейг сказал:

— Ты сам поймешь, когда запальчивость схлынет с тебя, что самый почетный для тебя выход — выдать свою дочь за моего сына Одда, как я тебе уже говорил. Взгляни-ка на деньги, которые он посылает тебе. Одд сказал, что оплатит стоимость приданого невесты сам, потому что знает о твоих затруднениях[104]. Здесь две сотни серебра самой высокой пробы. Подумай теперь, кто еще предложит тебе такой выбор — выдать дочь за столь славного мужа, который сам платит за приданое своей невесты? Можно ожидать, что ты впредь навсегда избавишься от нужды, а дочь твоя будет купаться в богатстве.

Геллир говорит:

— Предложение настолько хорошо, что ему трудно противостоять. Но я не предам тех, кто доверился мне, хотя ясно вижу, что тяжба не сулит ничего, кроме хулы и насмешек.

Тогда Офейг говорит:

— Больно уж вы глупы, хёвдинги! Кто ж призывает тебя предавать тех, кто тебе доверился, или преступать свою клятву? Может случиться так, что решать мировую выпадет тебе, и ты сможешь тогда уменьшить пеню, не нарушая своего обета.

Геллир говорит:

— Это верно. Ты, старик, изворотлив на диво и страшно коварен. И все же я не стану лезть на рожон один против всех.

Офейг сказал:

— Что, если я подыщу тебе напарника? Тогда-то ты с тяжбой поможешь?

— Помогу, — сказал Геллир, — если ты устроишь так, что решение будет зависеть от меня.

Офейг сказал:

— Кого ты выбираешь себе в напарники?

Геллир говорит:

— Я выбираю Эгиля. Он мой ближайший сосед.

Офейг говорит:

— Что за вздор, ты выбираешь сквернейшего из вашего круга! Такому, как он, мне тяжело оказать уважение. Я не уверен, что хочу это делать.

— Теперь это твоя забота, — сказал Геллир.

Офейг сказал:

— Так ты войдешь в дело, если я привлеку Эгиля на твою сторону? Понять-то он, по-моему, способен, что для него лучше: получить почести или остаться ни с чем.

— Учитывая, сколько мне заплатили, — говорит Геллир, — я, пожалуй, рискну и попытаюсь.

Офейг сказал:

— Все это мы с Эгилем обговорили заранее. Дело не кажется ему трудным, и он на нашей стороне. Теперь я дам совет, как лучше поступить. У вас, Союзников, провожатые часто ходят вместе. И вряд ли хоть один человек заподозрит что-либо, если вы с Эгилем поговорите, когда пойдете к вечерне[105], сколь бы долгой ваша беседа ни была.

Геллир берет деньги, и они уславливаются. Затем Офейг идет прочь и направляется к палатке Эгиля. На сей раз он идет быстро и не петляет, и вид у него не согбенный. Он рассказывает Эгилю, как обстоит дело. Эгиль был доволен. Позже вечером люди идут к вечерне, и Эгиль с Геллиром заводят беседу и договариваются между собой. Ни у кого это подозрений не вызвало.

X

Теперь рассказывается о том, как на следующий день люди идут к Скале Закона. Там скопилось множество народа. Эгиль и Геллир собрали вокруг себя своих друзей. Офейг тоже собрался идти вместе со Стюрмиром и Торарином[106].

Когда к Скале Закона подошли все, кого ожидали увидеть[107], Офейг попросил слова и сказал:

— Прежде мне особо не приходилось вмешиваться в тяжбу моего сына Одда. Мне известно, однако, что здесь находятся люди, которые положили ради нее много сил. Первым среди них я хочу призвать Хермунда. Ведь тяжба эта началась с вещей доселе неслыханных, подобных которым на памяти людей

не было; весьма вероятно, что исход ее тоже сулит неожиданности[108]. Теперь я хочу спросить, есть ли надежда на мировую.

Хермунд говорит:

— Мы согласны мириться лишь на своих условиях.

Офейг говорит:

— Едва ли на памяти людей найдутся примеры, чтобы один человек передавал восьмерым право решить тяжбу миром, хотя есть примеры, когда один человек отдавался на суд другого. Но раз уж многое тут, как будто, происходит впервые, я соглашаюсь отдать тяжбу на суд двоим из вас.

Хермунд говорит:

— На это мы, конечно, согласны. Нам все равно, кто будут эти двое.

— Тогда вы, должно быть, предоставите мне право отвода, — говорит Офейг, — чтобы я мог по закону выбрать из вас, Союзников, двух человек по своему усмотрению.

— Да, да, — говорит Хермунд.

Тут Торарин сказал:

— Поддакивай нынче тому, в чем не раскаешься завтра[109].

— Слов назад брать не будем, — говорит Хермунд.

Теперь Офейг ищет себе поручителей и находит их без труда, ибо имущественное положение ответчика не вызывало сомнений. Вот люди берутся за руки, и истцы соглашаются принять пени, которые определят те из них, кого выберет Офейг; за это Союзники обязуются снять иск[110]. Затем решают, что Союзники вместе со своими отрядами должны отойти в Поля. Отряды Геллира с Эгилем выходят вместе, и все усаживаются в круг. А Офейг заходит внутрь круга; он озирается, подымает свой капюшон, почесывает руки и стоит, почти не сутулясь. Он поморгал глазами и вслед за этим сказал:

— Вот ты сидишь здесь, Стюрмир, и людям покажется странным, если я не привлеку тебя в тяжбу, которая меня касается, ибо я вхожу в твой годорд и должен искать защиты именно у тебя. Ты принимал от меня дорогие подарки, но отблагодарил за них хуже некуда. Сдается мне, что никто не выказал в этом деле большей вражды к моему сыну Одду, чем ты. Это в основном твоими стараниями была возбуждена данная тяжба, и я отвожу тебя[111].

— Вот ты сидишь здесь, Торарин, — говорит Офейг, — и загвоздка вовсе не в том, что тебе не хватает ума, чтобы судить эту тяжбу. И все же ты употребил свой ум во вред Одду, и был первым помощником Стюрмира в данной тяжбе, и поэтому я не останавливаю на тебе свой выбор[112].

— Вот ты сидишь здесь, Хермунд, большой хёвдинг, и я полагаю, что при иных обстоятельствах тебе вполне можно было бы доверить тяжбу. И однако же никто не продвигал эту тяжбу после того, как она была возбуждена, с бóльшим рвением, чем ты, и никто, кроме тебя, не заявлял открыто, что хочет унизить

противника[113]. Подвигнуть тебя на это могли только низменные соображения и тщеславие — недостатка в деньгах ты ведь не испытываешь, — и поэтому я отвожу тебя.

— Вот ты сидишь здесь, Железный Скегги. Ты бы не возражал, если бы эта тяжба попала к тебе на суд, ибо самомнения тебе не занимать. Самомнение твое столь велико, что на Вадлатинге ты велел вынести перед собой знамя, словно перед конунгом. И все же тебе не суждено стать конунгом в данной тяжбе, и я отвожу тебя[114].

Затем Офейг огляделся вокруг и сказал:

— Вот ты сидишь здесь, Бродди Бородач. А верно ли, будто конунг Харальд сын Сигурда говаривал тебе, когда ты находился при нем, что из всех людей, приехавших к нему отсюда, ты больше всего подходишь для того, чтобы быть конунгом?[115]

Бродди отвечал:

— Конунг часто бывал ко мне благосклонен, но трудно решить, говорил ли он это всерьез[116].

Тут Офейг сказал:

— Будешь конунгом в других делах, а не в этом! Я отвожу тебя[117].

— Вот ты сидишь здесь, Геллир, — говорит Офейг, и у тебя нет причин для участия в данной тяжбе, кроме корысти. Вполне понятно, однако, что ты нуждаешься в деньгах, ведь хлопот у тебя немало[118]. Но я не знаю, как поступить: я желаю зла вам всем без разбору, но так или иначе придется кого-то почтить, отдав ему тяжбу на суд. И поскольку я не желаю выбирать никого, кого уже отвел, я выбираю в судьи тебя, и делаю это потому, что прежде ты не был замечен в неправедном.

— Вот ты сидишь здесь, Торгейр сын Халльдоры, — говорит Офейг, — и совершенно ясно, что тяжбу, которая требует разумения, ни за что нельзя отдавать на суд тебе. Ибо ты вообще не умеешь решать тяжбы, и ума у тебя не больше, чем у вола или осла, и я отвожу тебя[119].

Затем Офейг огляделся вокруг, и с уст его слетела виса:

№ 4

Старости ждать
Мужам несподручно:
Зренье и разум
Берет она разом.
Прежде был выбор
Вождей превосходных —
Ныне лишь с волчьим
Хвостом я остался[120].

— Оказался я в том же положении, что волчище. Они грызутся до тех пор, пока не останется один хвост, а вовремя этого не смекают. У меня было много хёвдингов на выбор, а теперь остался один-единственный, от которого любой человек ждет подвоха, и который больше, чем кто-либо, бывал уличен в несправедливости. Ему безразлично, как получить деньги, лишь бы удалось ими разжиться. Его поведение вполне понятно, хотя в данной тяжбе он не проявил себя с худшей стороны и не встревал в нее до такой степени, как те, кого раньше считали людьми справедливыми и кто променял добродетель и стойкость на жадность и кривду. Людям едва ли могло прийти в голову, что я остановлю выбор на том, от кого все ждут подвоха, ибо равного Эгилю коварством в вашем отряде не сыщешь. Но придется так поступить, ибо всем остальным уже дан отвод[121].

Эгиль сказал, улыбнувшись:

— Случилось, как это порой бывает, что люди оказывают другим уважение против своей воли. Что ж, Геллир, нам с тобой надо подняться и отойти в сторону; обсудим тяжбу между собой.

Они с Геллиром так и делают, отходят прочь и усаживаются.

Тут Геллир сказал:

— Что скажем теперь о тяжбе?

Эгиль сказал:

— Мой совет — наложить небольшую пеню, и я не знаю, как все обернется, но, похоже, большой приязни за это мы не добьемся.

— Не будет ли перебора, если мы назначим пеню в тринадцать эйриров неочищенного серебра?[122] — говорит Геллир. — Ведь повод для тяжбы изыскан крайне несправедливый, и, чем больше они будут раздражены, тем лучше. Но у меня нет охоты самому объявлять решение, ибо людям оно вряд ли понравится.

— Одно из двух, — говорит Эгиль, — либо объявляй мировую, либо отвечай на вопросы[123].

— Я предпочитаю, — говорит Геллир, — объявлять мировую.

Вот они идут обратно к Союзникам.

Тогда Хермунд сказал:

— Встанем и послушаем посрамление[124].

Тут Геллир сказал:

— Ума у нас двоих не прибавится, и даже если мы будем сидеть дольше, все равно придем к тому же итогу. Наше решение с Эгилем — взыскать в нашу, Союзников, пользу, тринадцать эйриров серебра.

Тут Хермунд сказал:

— Правильно ли я расслышал: ты сказал тринадцать десятков эйриров серебра[125]?

Эгиль говорит:

— Неужели ты, Хермунд, отдавил себе ухо, когда вставал? Именно тринадцать эйриров, и деньги эти — не для передачи мужам почтенным. Они будут выплачиваться сношенными щитками, и обломками обручий, и прочим лишним в хозяйстве хламом, чтоб тебе было противней брать.

Тогда Хермунд сказал:

— Предал ты нас сейчас, Эгиль!

— Неужели? — говорит Эгиль. — Ты считаешь, что тебя предали?

— Я убежден, что меня предали, и предал меня ты.

Эгиль говорит:

— Я рад, что предал того, кто не доверяет никому, даже самому себе, и я найду своим словам подтверждение. Ты прятал свое добро в самых темных местах из расчета, что, если тебе самому взбредет в голову его искать, ты никогда не сможешь этого сделать[126].

Хермунд говорит:

— Теперь, как и прежде, ты лжешь, Эгиль. Давеча зимой, когда ты принял мое приглашение погостить у меня во время йоля и поднялся из своего убогого жилья ко мне в горы[127], ты говорил, что очень рад приглашению, чего и следовало ожидать. А когда йоль минул[128], ты опечалился, так как не хотел уезжать обратно в свой голодный дом. И когда я это понял, то предложил тебе остаться с одним спутником, и ты с радостью согласился[129]. А весной, после Пасхи, когда ты вернулся домой в Городище, ты стал рассказывать, будто у меня сдохли тридцать лядащих лошадей и всех их якобы съели[130].

Эгиль говорит:

— Я не думаю, что молва преувеличивает твою скаредность, и заключаю отсюда, что из этих лошадей съели очень немногих, если вообще решились на это[131]. А про меня весь народ знает, что я и мои челядинцы никогда не сидим впроголодь, хотя хутор мой не всегда процветает. Зато про житье у тебя приходят такие вести, что тебе самому ничего добавлять не нужно.

— Я бы хотел, — говорит Хермунд, — чтобы следующим летом на тинге одного из нас не было.

— На это я отвечу словами, — говорит Эгиль, — которые, как я надеялся, говорить никогда не придется, если бы ты держал рот на замке, пока цел. Ибо мне было пророчество, что умру я от старости. А чем раньше тебя заберут тролли, тем, по мне, лучше[132].

Тут Стюрмир сказал:

— Тот говорит о тебе всего правдивее, Эгиль, кто говорит самое худшее и кличет тебя пройдохой.

— Отлично, — говорит Эгиль, — чем сильнее ты меня поносишь и чем больше подтверждений своим словам найдешь, тем приятней мне будет. Ибо мне рассказывали, что вы, хёвдинги, сидя за пивом, стали забавы ради выбирать

себе мужей для сравнения, и ты сам избрал меня для сравнения с собой[133]. Из этого ясно, — говорит Эгиль, — что ты сам признаешь за собой мерзости, о которых прочие люди не ведают: кому как не тебе знать собственные повадки! Но как раз тут мы с тобою несхожи: каждый из нас обещал отправить войско другому на помощь, и я оказал тебе посильную помощь людьми и послал, кого мог, а ты сбежал, едва черноножки[134] взвились в воздух. Верно и то, что я никому не отказываю в еде, невзирая на постоянные нелады с хутором, и даю людям наесться, а ты держишь их впроголодь. Примечательно, что ты при этом владеешь чашей, которая зовется Еды Вдоволь. О ней никто из гостивших на хуторе не ведает, где она — только ты один это и знаешь. Вполне естественно, что моя челядь живет тяжко, когда нет запасов; но морить свою челядь голодом, когда всего вдоволь, — вещь гораздо худшая. Подумай теперь, куда себя отнести.

Вот Стюрмир замолкает. Тогда поднимается Торарин.

Тут Эгиль сказал:

— Молчи, Торарин, и садись обратно, и не встревай в разговор! Я дам тебе такую отповедь, что для тебя было бы лучше молчать. И мне вовсе не кажется смешным, — хотя мальчишки и смеются над тобой за это — что ты сидишь, тесно сдвинув ноги, и трешься одной ляжкой о другую[135].

Торарин говорит:

— Примем разумный совет, откуда бы он ни пришел[136], — садится обратно и молчит.

Тогда Торгейр сказал:

— Все люди видят, что пеня определена безосновательно и глупо — назначить всего тринадцать эйриров серебра по такой большой тяжбе![137]

— А я думал, — говорит Эгиль, — что основания покажутся тебе примечательными, и так оно и будет, если ты потрудишься вспомнить случившееся с тобой — кажется, на осеннем тинге Кривой Реки[138], — когда один захудалый бонд набил тебе на башке тринадцать шишек[139]. За это ты принял от него в виде виры тринадцать овец. Я-то надеялся, что это воспоминание тебе приятно[140].

Торгейр замолк, а Бродди Бородач и Железный Скегги вступать с Эгилем в перепалку не захотели[141].

Тут Офейг сказал:

— Теперь я хочу сказать вам вису, дабы тинг этот и исход нашей тяжбы остались в памяти большего числа людей:

№ 5

Всяк — *присягу Ама*
С Ойстри строю присно —
Был бы горд и меньшим, —
Тешусь тем — успехом.

Неимущ, я мощным
Заморочил *чашу*
Шеи, в завидущи
Очи пыль забросив[142].

Эгиль говорит:

— У тебя есть основания похваляться: еще никогда один человек не обходил с подветренной стороны стольких хёвдингов сразу.

После этого люди идут обратно к своим палаткам.

Тут Геллир сказал Эгилю:

— Я хочу, чтобы мы с тобой и наши люди держались вместе.

Так они и поступают. Теперь всю оставшуюся часть тинга продолжаются стычки: Союзники были крайне обозлены исходом тяжбы. А виру эту никто брать не захотел, и деньги так и остались лежать разбросанные в Полях. Теперь люди едут с тинга домой.

XI

Вот отец с сыном встречаются: Одд уже был полностью готов отплыть в море. Офейг говорит теперь Одду, что он отдал тяжбу на суд противника.

Одд говорит:

— И завершил тяжбу как самый убогий из людей!

Офейг говорит:

— Потеха еще не кончена, родич.

Теперь он излагает сыну весь ход дела и говорит, что подыскал для него невесту. Тогда Одд благодарит отца за помощь и дивится, сколь далеко тот все предусмотрел и как ловко осуществил свой замысел. Он говорит, что Офейг отныне больше не будет нуждаться в деньгах.

— Езжай теперь, как задумал, — говорит Офейг, — а свадьбе твоей быть на Песчанике[143] в шестую неделю от конца лета[144].

После этого отец с сыном дружелюбно прощаются. Одд выходит в море и ловит попутный ветер до Торгейрова Фьорда на севере; там уже ранее стояли торговые люди. Попутный ветер стих, и они стоят там несколько ночей кряду[145]. Одду было не по душе ждать ветра на месте. Он поднимается на высокую гору и видит оттуда, что дальше в море дует другой ветер. Он возвращается обратно на свой кнёрр и велит своим людям выбираться из фьорда в море. Норвежцы[146] смеялись над ними и сказали, что до Норвегии он догребет не скоро.

Одд говорит:

— Да вам-то откуда знать? Разве что подождете нас тут, пока мы не вернемся?

И едва они выходят из фьорда в море, как тут же начинает дуть попутный ветер. Они не сворачивают парус до самых Оркнейских Островов[147]. Одд покупает там солода и зерна[148] и тратит какое-то время, снаряжая корабль к отплытию. Как только он был готов, сразу начинает дуть ветер с востока, и они поднимают парус. Ветер им благоприятствует, и они достигают Торгейрова Фьорда; торговые люди все еще стояли на месте. Одд плывет на запад вдоль берега и входит в Средний Фьорд. Он отсутствовал всего семь недель[149]. Теперь готовятся к пиру; там не было недостатка в обильных и добрых припасах. Явилось и множество гостей. Приехали и Геллир, и Эгиль[150], и много прочих видных мужей. Пир выдается на славу. Люди уверены, что свадьбы, лучшей, чем эта, никогда прежде в Исландии не было. А когда пир закончился, гостей проводили, дав на прощание богатые подарки; на это в основном пошло имущество, которым Геллир с Оддом владели на паях[151].

Тут Геллир сказал Одду:

— Я бы хотел, чтобы Эгиль был хорошо уважен, ибо он это заслужил.

— Сдается мне, — говорит Одд, — что мой отец хорошо уважил его заранее.

— Добавь, однако, еще, — говорит Геллир.

Теперь Геллир и все его люди едут прочь.

Эгиль едет прочь, и Одд провожает его до дороги и благодарит его за поддержку, —

— и я, наверное, все равно уважил тебя меньше, чем следовало, хотя вчера по моему распоряжению на юг к Городищу погнали шестьдесят кладеных баранов и двух волов[152]. Скорее всего, они будут ждать тебя дома. Пусть помощь тебе никогда не скудеет, и ты не будешь нуждаться, пока живы мы оба.

Теперь они расстаются. Эгиль был очень доволен, и они с Оддом закрепляют дружбу. Эгиль едет к себе домой в Городище.

XII

Осенью того же года Хермунд собирает войско и едет вверх, держа путь к осеннему тингу в Лощине[153]. Оттуда он рассчитывает спуститься к Городищу и сжечь Эгиля у него в доме. Но когда они проезжали Соколиную Гору[154], то услышали звук, будто на горе зазвенела тетива, и в следующий миг Хермунд почувствовал резкую боль под рукой[155], и им пришлось поворачивать назад: недомоганье его усиливалось. Когда они проезжали Двор Торгаута[156], пришлось снимать его с лошади. Тогда послали на Прибрежный Склон за священником[157]; когда тот прибыл, Хермунд уже не мог говорить, и священник остался при нем.

И как-то раз, когда священник наклонился над Хермундом, губы того прошептали:

— Две сотни в расщелине, две сотни в расщелине[158].

Затем он умер, и жизнь его кончилась так, как было сейчас рассказано.

Одд сидит теперь на своем хуторе, живет на широкую ногу и хорошо ладит с женой.

Все это время об Оспаке не было ни слуху, ни духу. На Свале женился человек по имени Мар сын Хильдира[159]; он перебрался к ней на Двор Свалы и стал заправлять хутором. У Мара был брат-полудурок, по имени Бьяльви; он был очень силен.

Бергтором звался человек, живший тогда на Пригорке Бёдвара. Бергтор подытоживал тяжбу, когда Оспака объявляли вне закона[160]. Однажды вечером на Пригорке Бёдвара, когда люди сидели возле огня, к хутору подошел человек, постучал в дверь и попросил бонда выйти наружу. Бонд понял, что это явился Оспак, и сказал, что не выйдет. Оспак вовсю подбивает его выйти, но тот ни в какую не хочет выходить сам и запрещает выходить остальным. На этом они расстаются. А наутро, когда женщины пошли в хлев, то нашли там девять коров, пораненных до смерти[161]. Это становится повсюду известно.

А когда прошло еще некоторое время, случается так, что на Двор Свалы приходит человек и направляется в помещение, где спал Мар[162]. Это было рано утром. Человек этот подходит к постели и бьет Мара тесаком, сразу пронзая тому нутро.

Это был Оспак. Он сказал вису:

№ 6

Тесак прихватил я,
Заточенный остро,
Им пробуравил
Брюхо я Мару.
Отдать не желал я
Отродью Хильдира
Сбитой прекрасно
Свалы объятий[163].

Но когда он идет назад к двери, вскакивает тот самый Бьяльви и всаживает в Оспака плотницкий нож. Оспак идет к хутору, который называется Городищенский Пригорок и объявляет там об убийстве[164]. После этого он идет прочь, и некоторое время о нем нет никаких вестей. Об убийстве Мара стало известно повсюду, и люди сочли это дурным делом.

Затем сочли новостью, что пять лучших племенных лошадей Одда нашлись мертвые, и люди приписывали это деяние Оспаку[165].

Вот уже долгое время об Оспаке ничего не слышно. Но осенью, когда люди пошли собирать кладеных баранов, они обнаружили в каких-то скалах пещеру, а в ней — мертвого человека. Рядом с ним стоял таз, доверху полный крови;

она была черна как смола[166]. Это был Оспак, и люди думают, что его доконала рана, которую нанес ему Бьяльви; к тому же, некому было ему помочь. Так закончилась его жизнь.

Не упоминается о том, чтобы мстили за убийство Мара или за убийство Оспака[167].

Одд живет на Песчанике до старости; он прослыл выдающимся человеком. От него пошел род Людей со Среднего Фьорда[168] — Снорри сын Кальва[169] и многие другие знатные люди. Дружба отца с сыном была неизменно крепкой, как и подобало столь близким родичам. На этом заканчивается эта сага.

Пряди о Людях из Северной Четверти

Об Аудуне Дышло[1]

(S 177, H 143). Одного ярла в Англии звали Стейнар Собака; он был женат на Алов, дочери Рагнара Кожаные Штаны. Их детьми были Бьёрн, отец Аудуна Дышло, Эйрик, отец Сигурда Лысуна из Бьодара, и Исгерд, на которой женился ярл Торир из Вермаланда[2].

Аудун Дышло отправился в Исландию, занял Тальниковую Долину и поселился на Дворе Аудуна. Вместе с Аудуном прибыл его товарищ Торгильс Крикун, отец Торарина Годи[3].

Аудун Дышло был отцом Торы Лишай на Шее, матери Ульвхильд[4], матери Асты, матери конунга Олава Святого. Сыном Аудуна Дышло был Асгейр с Асгейровой Реки; он был женат на Йорунн, дочери Ингимунда Старого. Их детьми были Торвальд, отец Даллы, матери епископа Гицура[5], и Аудун, отец Асгейра, отца Эгиля, который был женат на Ульвхейд, дочери Эйольва сына Гудмунда. Их сыном был Эйольв, которого убили на альтинге, он был отцом Орма, капеллана епископа Торлака[6].

Другого сына Аудуна Дышло звали Эйстейн, он был отцом Торстейна, отца Хельги, отца Торорма, отца Одда, отца Халльбьёрна, отца священника Сигхвата. Дочерью Асгейра с Асгейровой Реки была Торбьёрг Украшенье Скамьи.

О Людях из Длинной Долины[7]

(S 185, H 152). Одного человека звали Хольти, он занял всю Длинную Долину, начиная с Мшистой Горы, и жил на Дворе Хольти. Он был отцом Ислейва, отца Торвальда, отца Торарина Мудрого[8].

Дочерью Торвальда была Тордис, на которой женился Халльдор сын Снорри Годи[9]. Их дочерью были Торкатла, на которой был женат Гудлауг сын Торфинна из Стремнинного Фьорда[10], и от них происходят Стурлунги и Люди из Одди. Другой их дочерью была Гудрун, на которой женился Кьяртан сын Асгейра из Озерного Фьорда; их детьми были Торвальд и Ингирид, на которой женился священник Гудлауг.

Сага об Ароне сыне Хьёрлейва

I

Начинается эта сага с того, что Норвегией, как известно, правил конунг Сверрир[1], сын Сигурда сына Харальда[2]. В то время в Исландии были такие епископы: епископ Паль сын Йона[3] на Палатном Холме[4] и епископ Гудмунд[5] на Пригорках[6] — и такие могущественные люди из числа мирян[7]: Йон сын Лофта[8] и сын его Сэмунд[9], Гицур сын Халля[10] и сын его Торвальд[11], а еще Магнус, который позже был епископом на Палатном Холме[12], Снорри сын Стурлы[13] с его братьями Тордом[14] и Сигхватом[15].

Одного человека звали Хьёрлейв сын Гильса[16]. Его жену звали Сигрид дочь Хавторира[17]. Оба были достаточно родовиты[18]. Хьёрлейв был человек внушительного роста, осанки и силы, так что среди живших в то время едва ли можно было сыскать ему ровню.

Старшего сына Хьёрлейва звали Арон; в этой саге в основном рассказывается о нем[19]. Другого их сына звали Офейг[20], третьего Бард[21], четвертого Олав[22], он позже был аббатом на Святой Горе[23].

Хьёрлейв сперва жил в Заводи Бьёрна[24], а потом на Большом Холме[25]. Он был очень щедрым хозяином. Первое время он не нуждался в деньгах[26]. Хьёрлейва любили в народе, и его имя было повсюду известно.

Сигрид, его жена, была хороша собой, и работа у нее спорилась; это сполна оценило множество людей, своих и чужих. Но еще больше похвал она заслужила за кроткий нрав; можно сказать, что ее любил каждый ребенок.

Арон рос у отца и матери на Большом Холме. Уже с ранних лет он был велик ростом, честен и предан своим друзьям. Быстро обнаружилось, что он строптив во всем, что делалось против его воли, о чем еще пойдет речь в этой саге позднее. Однако же он знал меру и всегда вел себя достойно.

У Хьёрлейва, помимо тех сыновей, что здесь названы, было и много других детей.

Мать Хьёрлейва звали Ингвильд; она была дочерью Халльдора сына Бранда Щедрого[27], имя которого широко известно в этой стране и за ее пределами[28]. Хавторир же, отец Сигрид, был сын Арона сына Барда Черного с Тюленьей Реки[29].

Вот какие братья были у Хьёрлейва сына Гильса[30]: одним из них был священник Сёльви, почтенный муж[31], другого звали Торд[32], третьего Хельги[33]. Все они были люди храбрые и надежные, сильны и хороши собой. К этому прибавлялся хороший нрав, так что подобных им сыскать было трудно. Однако Хьёрлейв все же многим превосходил их. Вот один из примеров силы Хьёрлейва: не было такого быка, которому он бы не мог отрубить голову одной рукой. Если же бил двумя, то мог забить и двух быков сразу.

II

Одного человека звали Торлак сын Кетиля[34]; он держал в Долине Реки Хит отменный хутор и был превосходный муж. Его жену звали Гудлауг дочь Эйольва[35]. Это была незаурядная женщина. Торлак сын Кетиля приходился Сигрид, матери Арона, близким родичем[36], и когда Сигрид оставила хутор на Большом Холме, она обратилась к нему[37]. Вместе с ней поехало двое ее сыновей, Арон и Бард; Арон был в это время уже достаточно взрослым, а Барду исполнился один год[38]. Торлак их всех радушно принял[39].

У Сигхвата сына Стурлы было много сыновей — Туми[40], и Стурла[41], и Торд[42], и еще много других, хотя они здесь не упоминаются[43]. Торлак и Сигхват были большими друзьями[44], поэтому Стурла сын Сигхвата подолгу находился у Торлака на воспитании, и тот привечал и любил его. Стурла был человек завидного роста и других внешних качеств[45]. Арон и Стурла были примерно одного возраста. Поэтому они сдружились почти как названые братья[46]. В то время они отлично ладили друг с другом и лишь во время игр схлестывались всерьез. Однако затем отношения между товарищами стали портиться, и тогда Хельги, дядя Арона по отцу, пригласил его к себе. Арон это приглашение принял[47].

Однажды, когда Хельги отправился по фьордам на запад взыскивать недоимки, его родичу Арону случилось выехать с ним вместе[48]. Они прибыли на Плоский Остров в Широком Фьорде. Там жил прославленный муж, Эйольв сын Кара[49]. Он был женат на женщине по имени Хердис дочь Хравна. Она приходилась Арону близкой родственницей[50]. Эйольв и Хердис предложили Арону перебираться к ним, если Хельги уедет этим летом из страны — о его поездке было известно заранее. Арон это приглашение принял и прожил у Эйольва два года[51]; его любили и привечали.

Эйольв был столь большим другом епископа Гудмунда на Пригорках, что не колеблясь отдал бы за него свою жизнь, если б это понадобилось.

III

В это время в северной части страны начались большие распри между епископом Гудмундом и Сигхватом сыном Стурлы[52]. В этих распрях братья Стурла и Туми, как и множество прочих хёвдингов, были на стороне своего отца Сигхвата. Из-за этого много людей в северной части страны терпели большие невзгоды: кто-то лишился своего добра и крова и был обречен на изгнание, а кое-кто даже лишился жизни из-за самовластья Сигхвата и его сыновей, ибо они жестоко притесняли епископа Гудмунда, не брезгуя насилием и расправами[53].

Вот Туми и прочие собирают ополчение; для них было вполне достаточным основанием то, что епископ, на их взгляд, слишком строптив, а они до сих пор не расправились с друзьями епископа так, как хотели, ибо он своей властью и мужеством поддерживал их[54].

Узнав об этом их замысле, епископ Гудмунд сильно озаботился, но тем не менее нашел отличный выход и решил не мешкая послать за своими друзьями, чтобы они пришли пособить ему в этой напасти. Первым из них он назвал Эйольва сына Кара. Тот быстро откликнулся на послание епископа Гудмунда и явился к нему. Этот поход Эйольва сына Кара — первый, который под его началом проделал Арон сын Хьёрлейва[55]. Эйольв с Ароном, и другие друзья епископа подъехали к нему в конце лета и стали держать совет. Все в один голос сказали, что у епископа недостаточно сил, чтобы сражаться против такого множества хёвдингов. Это признал и сам епископ.

И покамест они сидят и решают эти дела, враждебные полчища отправляются в путь. Тогда епископ Гудмунд велел собрать свои корабли в Нагорном Фьорде и счел за благо удалиться прочь; ходили слухи, что те собираются захватить епископа, чтобы держать его под своей властью и мучить, а самим сесть на епископский престол на Пригорках — что они в дальнейшем и сделали.

Вот епископ Гудмунд отводит свои корабли из Нагорного Фьорда к Рудному Острову[56]; там они сошли на берег. Всего их было семь десятков крепких мужчин[57].

Когда же те полчища подошли к усадьбе на Пригорках, не застали там епископа Гудмунда и обнаружили, что все корабли ушли прочь, они приняли решение разбиться на несколько крупных отрядов. Затем Туми занял престол на Пригорках и сел на владениях святых мужей, словно был их законным наследником[58], а всех людей, которых поставил там епископ, согнал прочь. Они устраивают там такие порядки, что Туми велит блюсти усадьбу с оружием и отрядить конную стражу.

Туми держал дома много людей, но не все из них были годны для того, чтобы носить оружие. Так он сидит какое-то время, и ни те, ни другие друг на друга не покушаются.

IV

Теперь следует рассказать о епископе Гудмунде и его людях, что они обосновались на Рудном Острове и ищут себе пропитания. Главным распорядителем у епископа Гудмунда был Эйольв сын Кара, а после него — Арон сын Хьёрлейва; Эйольв очень любил его. Арон в основном отправлялся в море на ловлю и выбирал себе спутников по своему усмотрению. Они также постоянно отправлялись за добычей на сушу.

Когда Туми об этом узнал, он велел выставить стражу, чтобы люди епископа нигде не могли высадиться.

Теперь невзгоды и печали епископа Гудмунда сильно умножились: он согнан с престола, а они нигде не могут найти себе пропитания — за этим явно крылся замысел уморить его. Предводители войска стали укрепляться в намерении рискнуть жизнью ради того, чтобы отомстить за все, что претерпел епископ и они сами.

Вот запасы на острове начинают сильно скудеть, а погода меж тем портится, и с добычей становится совсем туго. Так они сидят какое-то время, и вот наступает зима. Они видят, что дальше сидеть сложа руки негоже; тогда Эйольв и Арон, с согласия епископа Гудмунда, задумывают, невзирая на опасность для жизни, искать поживу в том месте, на которое, как им кажется, у них больше всего законных прав — на Пригорках, откуда их незадолго перед тем вышибли. Теперь уже они готовы к большим делам, если это им суждено. Тем временем приближается рождество, но с отплытием они не спешат, чтобы соблюсти пост и переждать пору, когда народу на хуторе всего больше.

Называют человека по имени Аудун, по прозвищу Ручка. Он был мал ростом, почти карлик. После рождества его послали на сушу, чтобы он кое-что разведал. Ему было велено проводить на Пригорках как можно больше времени между Рождеством и постом. В эту пору Туми хорошо привечал гостей. Аудун должен был, кроме того, выяснить уклад в покоях и постелях, где спали лучшие люди, а еще — узнать, ночует ли Туми в спальне с засовом или же в палатах[59]. Аудун должен был также спать ночью меньше, чем днем, и давать всем понять, что сюда наверняка нагрянут люди епископа и что этого скорее надо ждать ночью, чем днем.

И вот, накануне Мессы Свечей[60], разыгрывается буря.

Рассказывается о том, что однажды вечером, когда Туми уселся за стол, он будто бы призвал к себе свою стражу и дал им в ту ночь увольнительную, а они это приняли[61]. И в тот же самый вечер епископ Гудмунд сказал своим людям, Эйольву с Ароном, что у него есть предчувствие, будто ночь эта вполне подходит для того, чтобы снять затруднения, даже если им кажется, что с бурей совладать нелегко[62]. Они хотят сейчас же последовать совету епископа Гудмунда, ибо слова, слышанные от него, они неизменно почитали как вещие[63].

V

Теперь следует рассказать о том, что они собирают вместе своих спутников, чтобы узнать, кто из них больше всего подходит для этой поездки. Набирается три с половиной десятка мужчин, которые хотят ехать[64]; против не выступил никто. Поход возглавляют те же — Эйольв с Ароном. Называют и третьего предводителя, человека по имени Эйнар, по прозвищу Белёк[65]. Он был родичем епископа Гудмунда[66] и крепко натерпелся от Стурлунгов, потеряв из-за них много людей и имущества[67]. Но вот Петр сын Барда[68], тоже очень храбрый муж, нападать на своего родича Туми не захотел[69].

Они спешно собираются, спускают свои корабли на воду и грузят на них камни: им казалось, что в такую бурю проплыть порожняком невозможно. Люди епископа не останавливаются, пока не достигают берега. Затем они идут к тому хутору, который зовется Устье, и узнают там такие вести, что Туми дома и спит у себя в спальне сам-пятнадцатый и что у большинства его спутников нет недостатка в оружии. Тут Эйольв и его люди вооружаются и пускаются в бег с полной выкладкой[70]; они подошли к усадьбе на Пригорках еще до рассвета, когда их никто не ждал. Было это за одну ночь до Мессы Агаты[71].

После этого Эйольв с Эйнаром располагают свой отряд, чтобы идти на приступ. Тех, кто лучше владел оружием, отрядили приступать к спальне, а прочих поставили напротив выходов из дому, которые загородили балками. Вот раздается страшный грохот; те, кто был внутри спальни, вскакивают и бросаются к своей одежде. Каждому удается схватить какое-нибудь оружие. В этот миг нападавшие подносят к дверям в спальню столбы, ибо двери в нее удерживались мощными железными засовами. Им удается ворваться внутрь, но их встречает жесткий отпор суровых людей. Сопротивление было крайне ожесточенным и продолжалось долго. Вот нападавшие вновь бьют в дверной проем столбом, и Арону с четырьмя людьми удается прорваться внутрь; начинается рукопашная с увечьями[72]. В этот миг Туми был сильно ранен; рану приписывали Арону, но он впоследствии не брал ее на себя, хотя и не опровергал этого[73].

Вот все огни в каморке гаснут. Тогда люди Арона возвращаются назад к своим, ибо напор на них был слишком силен. Чтобы взять каморку, были пущены в ход разные средства; вот они высекают сильный огонь и подносят к хворосту, который они перед этим собрали и внесли в дом. Между тем стычки не утихают: по рассказам людей, редкая схватка продолжалась дольше, чем эта. Но вот буря быстро подхватывает огонь, вздымается высокое пламя и распространяется дым. Теперь Туми и его люди видят, что чужая взяла.

Туми просит пощады и дозволения выйти и предлагает временное перемирие. Им позволяется покинуть каморку и выйти наружу, если они бросят

оружие, но никакой пощады не обещают[74]. Вокруг выходящих, по обычаю воинов, устраивают оцепление[75]. Вот до Туми выходит пять или шесть человек, и всех их тотчас хватают…[76]

Тогда была сложена эта виса.

№ 1

Учинила *бучу*
Крючьев — чадь владыки,
Светоч сеч в усадьбу
Средь зимы подкинув.
Был по воле рати
Умервщлен Торгейр,
Туми пал надменный,
Родом крут, с Бергтором[77].

К этому времени уже светало. Они решают хорошенько связать всех, кто еще оставался. Потом они обыскивают покои и набирают себе и епископу вдоволь хуторского имущества, съестных припасов и одежды — на это их подвигла крайняя нужда. Затем они довольно спешно собираются в обратный путь, чтобы не упустить подходящий час[78]. Теперь они веселы и довольны.

На сей раз люди епископа сменили груз в трюме — нагрузили суда доброй ношей, а камни выбросили прочь. Едва они вышли в море, как ветер утих. Они сели на весла, и поездка их сложилось гораздо легче, чем они ожидали[79]. На следующую ночь они прибывают на Рудный Остров. Эйольв с Ароном соскакивают с корабля, тотчас идут к дому и приходят в помещение, в котором спал епископ Гудмунд. Они застали его за молитвой. Епископ приветствовал их первым и спросил их о новостях. Они же рассказали все, как было. Он счел, что это большие новости, но сказал, что этого следовало ждать — с Божьей помощью их встреча должна была кончиться именно так.

Тогда была сложена эта виса.

№ 2

В дом назад внезапно
Заявилось войско,
В *смуте копий* Туми
Умер, *Фрейр шелома*!
Внутрь Арон ворвался,
Сам-первой, в каморку.
Орошал врагов он
Кровью — *шест урона*[80].

Теперь следует рассказать о людях на Пригорках, что они прикрыли мертвых и позаботились об их телах.

Вот весть о событиях дошла до Сигхвата со Стурлой, и они сочли себя близко затронутыми случившимся. Затем весть распространяется по всей стране.

Тогда ярость Стурлунгов возросла, и многие в дальнейшем испытали ее на себе. Сигхват снова отдает распоряжения насчет хутора, и в этот раз не случилось ничего большего.

Потом и те, и другие долго остаются на своих местах, пока продолжается зима. Когда же зима пошла на убыль, понадобилось съестное, потому что народу было много, а новых припасов не поступало. Советники епископа Гудмунда решили, что рассеиваться на мелкие отряды негоже. Они были легки на подъем и всегда проявляли усердие там, где нужно было добиться своего, и вот они отплыли с Рудного Острова на север к Гримову Острову[81]. И не упоминается ни о чем, кроме того, что поездка эта сложилась легко и удачно и прошла, как они и рассчитывали. Затем они обосновываются на острове и ищут себе место для жилья.

Гнупом звался человек, живший на Гримовом Острове[82]; из местных бондов[83] он пользовался наибольшим уважением. В те времена на острове обычно было вдоволь поживы и подручных занятий, даже когда в стране всего было в обрез. Немаловажно и то, что епископ всегда хотел ехать туда, где, по его разумению, он и епископская служба были нужнее всего: он видел свой долг в том, чтобы надзирать за верой как положено и улучшать христианство в меру своих сил.

Перед пасхой случилось такое событие, что у Эйнара Белька открылось кровотечение из носа[84]. Эйнар был родич епископа Гудмунда и его друг и очень видный муж. Поэтому его кончину все сочли бы большей потерей. Тогда епископ Гудмунд сам пошел останавливать ему кровь, и на какое-то время это подействовало. И все же у него вновь открылось кровотечение, да такое сильное, что кровь, как рассказывают люди, била у него через рот и уши. Тогда епископ Гудмунд говорит, что болезнь эта сведет Эйнара в могилу — и именно потому, как он думает, кровь рвется наружу с такой силой. Тем не менее, по рассказам, ему еще раз удалось остановить кровь. Но хотя кровь больше не выступала у Эйнара из носа или других членов, она проступила у него между лопаток. После этого силы его пошли на убыль, и затем Эйнар умер.

VI

Теперь надо еще раз упомянуть о том, что Сигхват и сын его Стурла сочли себя кровно оскорбленными и ущемленными гибелью своих родичей и друзей, и многие признавали, что дело обстоит именно так. После этого они решают собрать войско, и вскоре набирается большое полчище. Они затаили лютую злобу на всех, кто был при убийствах на Пригорках и попутно припомнили

много иных дел. Вот они узнают, что епископ Гудмунд переехал на Гримов Остров, и ни с ним, ни с его людьми переведаться не удастся, если самим не отправиться к ним на остров.

Сигхват со Стурлой взяли все суда, какие смогли достать, малые и большие. У них набралась такая прорва народа, какая в прежние времена в Исландии собиралась вместе только на тингах[85], потому что одних кораблей, выведенных ими в поход на Гримов Остров, судя по рассказам, было тридцать пять[86].

Походом больше распоряжался Стурла, ибо он уже достиг совершеннолетия и очень рано возмужал, о чем в один голос говорят все, кому довелось его видеть. Отец с сыном хотели, чтобы Стурле доставалось больше славы там, где требовалось личное участие предводителей, хотя Сигхват решал все их общие дела наравне со Стурлой[87]. Сигхват и его войско отплывают из Исландии в хорошую погоду, как только собрались в путь. Люди епископа постоянно держали стражу, ибо у них было более чем достаточно оснований ждать вражеского нападения.

Однажды утром на восходе солнца дозорные епископа увидели плывущие корабли; они извещают об этом епископа и Эйольва сына Кара. Затем каждый рассказывает товарищу. Все бодро вскакивают и вооружаются тем, что было под рукой, только вот под рукой было всего ничего. Теперь все ясно понимают, что как только суда подойдут к суше, встречи с врагами не избежать.

Епископ Гудмунд поднимается и идет к церкви вместе со своими священниками. Он обращается к своим людям с красивыми словами, но коротко, потому что уже не хватало времени, чтобы успеть сказать им все то хорошее, что он хотел.

Затем Эйольв с Ароном бегут к морю и расставляют свои отряды у тех пристаней, куда держат путь корабли. Они видят, сколь велика разница в силах, и большинство людей поняли, что в этот вечер не все из них сумеют поведать о событиях, которые случатся сегодня. Арону выпало оборонять самую удобную пристань на острове; им казалось, что там наверняка высадится кто-нибудь из предводителей. Они выстроились у заливов. Эйольв с Ароном надеялись обороняться стойко, и Эйольв должен был самолично поддерживать в бою все три их отряда[88] — Эйольв в тот день сражался отважно, что единодушно подтверждается всеми свидетелями. В отряде, где стоял Арон, было восемнадцать человек[89]. Эйольв надеялся, что Арон будет для них хорошим предводителем. Кораблям предстояло пройти еще немало пути до берега.

VII

Теперь следует рассказать о том, что Арон счел стоявший с ним отряд слабо вооруженным. Причиной была большая нужда в деньгах. И вот Арон спросил Эйольва, не прихватил ли кто из его отряда с собой оружие Туми.

Эйольв сказал, что его не брал никто и оно лежит дома, —

— по-моему, задор отца с сыном и без того немал, — чтобы подвергать их подобному унижению, учитывая то, насколько велик перевес в силах.

Но Арон отвечает, что считает неподобающим, чтобы его люди шли под мечи голыми и безоружными из-за того, что они не решаются носить такие сокровища, и столь превосходное оружие,

— и я не думаю, что проживу меньше от того, что буду вооружен. К тому же, пока еще есть время забрать оружие[90].

Теперь Арон отдает собственное оружие в руки тем людям, которые казались ему наиболее подходящими для того, чтобы использовать его с толком. Он бежит домой и встречает епископа Гудмунда и его духовную свиту на дворе перед церковью. Арон приветствует епископа, а тот ласково ему отвечает, ибо епископ любил Арона больше прочих людей, что впоследствие, как думают люди, получило весомое подтверждение. Вот Арон спешно идет и вооружается надежной броней, добрым шлемом и крепким щитом. Четвертым оружием был длиннейший тесак, наподобие большого меча: это было превосходное оружие[91]. Арон быстро бежит назад.

И вот, епископ вновь оказывается на его пути и благосклонно смотрит на его занятия, —

— и я хочу теперь, сын мой, чтобы ты у меня исповедался.

— Нет уже времени, владыка, — говорит Арон, — ибо строй оборонцев едва ли можно назвать плотным, и еще один человек не будет в нем лишним.

— Хорошо сказано, — говорит епископ, — однако, ты должен быть крепок в вере, сын мой, и проявляй доброту к бедным![92]

Затем епископ благословляет его со словами:

— Есть у меня предчувствие, что ты нанесешь Стурлунгам тяжкий урон, но все-таки я надеюсь, что впоследствие мы с тобой еще повидаемся.

И слова эти оказались пророческими, ибо когда они были произнесены, да и первое время спустя, подобное представлялось невероятным.

Арон идет теперь своей дорогой и возвращается к своим людям, а епископ Гудмунд остается дома; он пожелал Арону счастливого пути.

Корабли между тем надвигаются на берег. Арон к тому времени уже успел вернуться к пристани, где ему поручили стоять. Залив там был не слишком широк, но достаточно глубок для судов. На берегу лежали клубки водорослей. С обеих сторон были скалы, и взбираться по ним было небезопасно, если сверху стояли оборонявшиеся, пусть даже и в малом числе. По слухам, у Сигхвата со Стурлой было три сотни людей[93], а у оборонявшихся — семьдесят человек[94].

Теперь Арон просит своих людей обнажить оружие и сопротивляться как подобает мужчинам, насколько хватит сил. То же самое своим людям говорит и Эйольв, —

— пусть в этот день, как и прежде, каждый храбрый муж успеет проявить отвагу, прежде чем все закончится!

Вот к берегу к месту, где стоял Арон, идет семь кораблей, и войском этим правит сам Стурла. Его было легко распознать, когда он стоял выпрямившись во весь рост, ибо он намного превосходил прочих людей ростом и силой, так что в этой стране никто не мог с ним сравниться по стати. Когда корабли были уже на подходе, Стурла стал вглядываться, не стоит ли на берегу кто из предводителей; он хотел в первый черед напасть на них.

Тут Стурла молвит такое слово:

— Вон он стоит, этот дьявол Арон! Смелей нападайте на него, и мы быстро его прикончим.

Арон откликается, вздымая вверх тесак — сокровище Туми:

— Здесь, трусливая сволочь, ты можешь видеть клинок Туми, твоего брата. Так что, коли охота, нападайте на нас, а мы будем ждать вас, не дрогнув[95].

Вот как говорит священник Тормод сын Олава[96]:

№ 3

Столп толпы, на струге
Стоя, гневным словом
Щедрого Арона
Обозвал в запале.
Но вернул, с избытком,
В выраженьях схожих
Речь храбрец известный,
Воеводу кроя[97].

Стурла распаляется и соскакивает с корабля вниз на клубки водорослей. Клубки были скользкими, и он стоял на них нетвердо. Арон подбегает к нему и разит его тесаком Туми со всей своей силы. Удар пришелся Стурле в живот. И поскольку подошвы проскальзывали, водоросли были мокрыми, а удар очень сильным, то Стурла потерял равновесие и упал.

Священник Тормод говорит так:

№ 4

Строгий в распре, Стурла,
Остров брать решился,
Где Арон, с отборной
Ратью, ждал напора.

Но *руды дробитель*
Врезал посередке, —
Рухнул *Фрейр раздора*:
Был удар изрядный![98]

А далее священник Тормод говорит так:

№ 5
Тесаком — *утёсов*,
Силой, жив, *сокольих* —
Люд сплеча калечил
Лютый сын Хьёрлейва.
Распласталась челядь,
Вражья, в луже крови,
Перед тем, как воин
Пал у хладной хляби[99].

Затем Арон замахивается на Стурлу со всей мочи и держит тесак обеими руками; если бы бой шел один на один, этого бы хватило с лихвой. Называют человека по имени Сигмунд Крючок. Он спешно выбросил щит над Стурлой, и удар пришелся в щит[100]. Стурла быстро поднялся на ноги, и ему не пришлось особо подстрекать своих людей нападать на Арона и тех, кто был при нем. Оборона была отважной, но большинства надолго не хватило, так как перевес в силах был слишком велик. Кое-кто быстро распрощался с жизнью; другие бежали, получив раны. Арон сражался несколько дольше тех, кто стоял близ него. Это было удивительно, ибо сам Стурла, да и другие люди, сражавшиеся против Арона, были убеждены, что достали его. В какой-то миг копья стояли в теле Арона так густо, что новые удары не могли свалить его, ибо наконечники, застрявшие ранее, поддерживали его на ногах. Но броня была столь надежна, что она не подавалась; по этим причинам Арон не упал так быстро, как мог бы при ином раскладе. У Арона было три больших раны, но ни одна из них не была опасна для жизни. Один из ударов пришелся в щеку; наконечник распорол рот вплоть до неба, и подобная затычка причиняла изрядные неудобства[101]. Вторая рана была у него на бедре, а третья — на ноге у подъема. Эта оборона сильно прославила Арона. Под конец Арон изнемог от усталости и потери крови и упал, но произошло это гораздо позже ожидаемого. Но хотя Арон выказал в ходе обороны неслыханную стойкость и мощь, люди более склонны объяснять это милостью божьей и молитвами епископа Гудмунда, нежели его собственными усилиями, а также тем, что защитники епископа Гудмунда были менее виновны перед богом, нежели нападавшие.

Об этом сложена такая виса:

№ 6
Стурла в толще бондов
Вызвал *бурю лезвий*.
Сонм мозгов рассеял
Фрейр меча на Гримсэй[102].

И еще:

№ 7
Шел Арон, в бою не дрогнув,
Духом яр, на *дело брани*.
Черепа дробил, — не древа,
Гнева полн, средь полчищ Стурлы[103].

Теперь Стурла хочет проведать своего отца и узнать, как обстоит дело в их схватке с Эйольвом. Их встреча проходила так, как можно было ожидать. Эйольв, как обычно, стойко защищался. Полегло много народа; кто-то был убит, а кто-то — ранен. Были и такие, кто бежал к церкви и рассчитывал, укрывшись в ней, уцелеть и спасти свою жизнь. Сигхвату со Стурлой показалось вероятным, что среди них вполне мог быть и Эйольв. Они бегут к хутору; епископ со своими священниками находился в церкви и молился. Услышав шум, епископ поспешно вышел и стал снаружи у церковных дверей. Когда туда подошел Сигхват, епископу и его свите пришлось выслушать суровые речи. Епископ отвечает с достоинством, но, вместе с тем, сдержанно, ибо в их положении можно было ждать больших напастей. Те в первую очередь спрашивают, в церкви ли Эйольв и с ним ли другой человек, убийца брата Стурлы, Эйнар Белек, к которому они питали особую ненависть. Им было сказано, что Эйольва там нет, а что касается Эйнара, то его уже нет в живых, и что он умер при тех обстоятельствах, о которых было сказано в саге, — те же об этом ничего не знали.

Стурла не хочет удовлетвориться тем, что ему было сказано, и он велит тогда обыскать церковь. А когда это было сделано, Стурла называет имена людей, которых он приказывает вытащить из церкви и жестоко мучить. Мы упомянем лишь двоих, которых звали Кнут и Снорри, оба они были священники; Стурла велел затем оскопить их обоих[104]. На долю же епископа досталась отборная брань вкупе с тяжкими оскорблениями, — они сказали, что ему по совести надо бы вырезать язык, чтобы он больше не мог хулить их столь скверно, как они сами считали. Но к счастью, до этого злодеяния все же не дошло[105].

Но вот череда пакостей временно прекращается. Однако не все приняли рассказ о кончине Эйнара на веру. Его тело было вновь выкопано из могилы и поднято наверх на насыпь; они сдернули саван с лица и по всем признакам

убедились, что рассказ был нелживым. Тогда Сигмунд Крючок ударил покойника обухом секиры и вслед за этим пнул его ногой, чтобы запихнуть обратно в могилу; на этом он с ним расстался[106]. Такой поступок все сочли гнусным.

VIII

Теперь сага возвращается к Эйольву и его свояку Арону. Когда большая часть отряда Эйольва сына Кара полегла, а прочие побежали к церкви, Эйольв бросился к месту схватки Арона со Стурлой; когда Эйольв туда подошел, Арон сидел на поле боя с оружием в руках. Вокруг него лежали раненые и мертвые; по рассказам, погибших было девять человек[107].

Эйольв допытывается у своего свояка Арона, может ли он как-то передвигаться и покинуть это место. Арон говорит, что как будто может, и встает на ноги; теперь оба идут вместе по побережью, и на пути их оказывается скрытый от глаз залив. Там неподалеку от берега стоял корабль; за веслами сидело пять или шесть человек[108], и нос судна был обращен в сторону моря. Так заранее распорядился сам Эйольв, на случай, если придется спешно забирать когонибудь с суши.

Теперь Эйольв говорит Арону, что места на борту предназначены им самим, — теперь он уже точно видит, — сказал Эйольв, — что больше ничем они в этот раз помочь епископу не смогут.

— Но я надеюсь, что придут лучшие дни, — говорит Эйольв.

— Странным кажется мне такое решение, — говорит Арон, — ведь я думал, что мы не покинем епископа Гудмунда в этой напасти. И еще есть у меня подозрение, что здесь кроется нечто иное, и я ни за что не поеду, если только ты не ступишь на борт первым.

— Так не пойдет, свояк, — говорит Эйольв, — ведь дно повсюду здесь мелкое, а я не хочу ссаживать никого из гребцов, чтобы подталкивать судно. Вдобавок ты при твоих увечьях еле ходишь, и поэтому первым на борт заходить именно тебе.

— Тогда сперва выложи свое оружие на борт, — говорит Арон, — чтоб я поверил тебе.

И вот Эйольв сделал так, как просил Арон, и тогда Арон поднимается на борт. Эйольв бредет вслед за судном и подталкивает его, ибо повсюду были большие отмели. И в миг, показавшийся ему подходящим, Эйольв хватает со штевня большую секиру и отпихивает судно вперед со всей своей могучей силы.

— Прощай, Арон: счастливого тебе пути! — говорит Эйольв, — и, даст Бог, увидимся.

И поскольку Арон ослабел от тяжелых ран и потери крови, пришлось с этим смириться, но расставание было для Арона тяжким, ибо с тех пор они никогда больше не виделись.

Эйольв крикнул людям на корабле, чтобы они налегли на весла и сделали, все, что в их силах, чтобы Арон не высадился на остров ни сегодня, ни в ближайшие дни. И вот Арон и его спутники плывут своей дорогой, а Эйольв возвращается на берег и идет к стоявшему поблизости корабельному сараю[109]. В этот миг он видит, как толпа врагов высыпает с хутора после совершенных ими злодеяний и направляется к берегу. Тогда Эйольв бросается в сарай; в нем стояла большая паромная ладья бонда Гнупа. Эйольв останавливается и рассчитывает обороняться изнутри, насколько хватит удачи. Вход в сарай загораживали две створки, и Эйольв подпирает их тяжелыми камнями.

Называют человека по имени Бранд[110]. Он сопровождал Сигхвата и был очень крепким мужем. Он заметил, как прошел человек, и сказал своим провожатым, что опознал в нем Эйольва сына Кара; Бранд просил своих спутников бежать вслед за ним. Стурлы при этом рядом не было. Всего их собирается девять или десять человек[111]. Они бегут к сараю, где засел Эйольв.

Бранд спрашивает, что за человек в сарае, и Эйольв называет себя.

— Ты, должно быть, хочешь выйти наружу, — говорит Бранд, — и предстать перед Стурлой?

— Обещаете за это пощаду? — говорит Эйольв.

— Вряд ли до этого дойдет, — говорит Бранд.

— Тогда вам надлежит наступать, — говорит Эйольв, — а мне защищаться, и сдается мне, что мы не в равных условиях.

На Эйольве была надета броня; из оружия у него была лишь большая секира и ничего кроме нее. Вот они на него напали. Он защищался стойко и мужественно, срубая им наконечники копей, и они обменялись множеством мощных ударов. В этой схватке секира Эйольва слетает с рукоятки; тогда он хватает весло паромной ладьи и отбивается им, а затем, когда оно треснуло, — другое, и оба весла разломились от яростной обороны. За это время Эйольв пропустил удар под руку, и рана была глубокой; некоторые люди рассказывают, будто он сломал и это копье тоже, и наконечник остался в ране. Эйольв понимает, что оборона близится к концу. Тогда он бросается прямо на них, стремясь прорваться наружу, и это ему удается. Это было для нападавших полной неожиданностью, но, однако же, они не растерялись. Маром звался человек, который ударил вдогонку Эйольву[112]; удар пришелся в ногу у лодыжки и почти отсек ее, так что она держалась лишь на коже. С этой раной Эйольв отступает дальше к пригорку, который образовался на дне во время отлива. Теперь Эйольв бросается вплавь, невзирая на раны, и проплывает двенадцать

саженей от берега до ближней шхеры. Там он вначале припал на колени, а потом рухнул ничком на землю, раскинув руки. Голова была обращена на восток, словно он лег на молитву[113]. Они спускают на воду лодку и хотят выяснить наверняка, что с ним стало. Когда же они подходят к шхере, один человек ткнул его копьем, а вслед за ним — и второй; ни одна из ран не кровоточила.

На этом они расстаются с ним, едут на берег, находят Стурлу и правдиво рассказывают ему о встрече с Эйольвом. Стурла и прочие люди с ним согласились, что это была выдающаяся оборона. Стурла дал понять, что доволен случившимся.

Тогда Бранд произнес эту вису[114]:

№ 8

Веслами — на славу —
Отбивался Эйольв
От десятка[115], долго,
Слуг меча на Гримсэй.
После — вплавь пустился,
Мучим раной жгучей, —
Врана волн правитель
К шхере шёл последней[116].

Священник Тормод сложил такую вису[117]:

№ 9

Эйольв на отшибе
Умер бесшабашный:
Десятью, уважен,
Вождь, в неравном споре.
Плыл, пронзен навылет,
Без ноги на сгибе,
С мыса, *мост доспехов*,
Мощь явив на диво[118].

Теперь Стурла подходит к тому месту, где они расстались с Ароном; Арона там не было, что всем показалось невероятным. Стали озираться и увидели, как от острова в море гребет корабль; он уже успел отдалиться от берега на порядочное расстояние.

Тут Сигхват говорит, что Арон, должно быть, находится на этом корабле, и просит грести вслед за ним и убить его.

Стурла отвечает:

— По-моему, мы расстались с ним при таких обстоятельствах, что мне не делает чести гнаться за ним с большой толпой. А если ему все же суждено прожить дольше, чем я думаю, то может статься, что вскоре мы еще повстречаемся.

Тогда Сигхват говорит:

— Есть у меня предчувствие, что ты еще раскаешься в своем решении, и, быть может, не однажды.

На этом их разговор прекращается[119].

IX

Теперь следует сказать об Ароне и его провожатых, что им не пришлось особенно маяться с погодой во время их поездки. А когда они вполне уверились, что избежали наибольшей опасности и на сей раз ускользнули от недругов, священник Арни[120] осматривает раны Арона. Обнаружилось три глубоких колотых раны, и все тело было в кровоподтеках и порезах. Затем они окропили раны водой епископа и вслед за этим сделали перевязку. Об их поездке не упоминается до того, как…[121]. Они поставили свой корабль в том месте, которое показалось им наиболее надежным. После этого они идут к ближайшему хутору и просят бонда приютить их на эту ночь. Бонд выставил им какое-то угощение. После этого они заходят в покои и тут же садятся, ибо все они были измотаны поездкой, а некоторые к тому же еще и ранены. Затем бонд подробно расспрашивает о случившемся, а они рассказывают ему все как было. Они пробыли на хуторе несколько ночей.

После этого священник Арни снимает повязки с ран Арона; кровь хорошо запеклась в ранах, словно их пользовали лучшими мазями. Раны, по словам Арона, болели меньше, чем можно было бы ожидать. Он объяснял это в первую очередь всемогуществом Божьим и действием воды епископа Гудмунда; никакого другого лечения, кроме воды, освященной епископом, не было, и раны зажили быстрее и лучше, чем это обычно случается.

Затем они заключили с бондом сделку и отдали ему корабль, а взамен взяли себе лошадей и вещи, в которых больше всего нуждались. После этого они выехали оттуда, держа путь в разные стороны; каждый отправился в место, которое считал для себя наиболее безопасным. Они выдали Арону самую надежную лошадь из имевшихся и выделили пешего провожатого. На этом они расстались, и больше о священнике Арни в этой саге речь идти не будет.

Арон ехал к Восточным Фьордам по привычным тропам, покуда не прибыл в Оружейный Фьорд. Затем он поворачивает в Речную Долину и рассчитывает перебраться оттуда в южные округи.

Упоминается о том, что однажды вечером он просит ночлега на хуторе, который зовется Двором Вальтьова[122]. В это время бонда Торарина[123] не было дома, но хозяйка хутора хорошо приняла Арона; она видела, что он нуждается в уходе. Там Арон провел несколько ночей, и с ним хорошо обходились. Потом он пожелал съехать, хотя хозяйка предлагала ему оставаться и дальше, если он сам этого хочет.

Теперь он едет по тропам, держа путь поперек Восточных Фьордов в сторону Углового Фьорда. О его пути не упоминается до того, как он прибывает к хутору, что зовется Свиной Горой[124]. Там жил тогда Орм сын Йона, большой хёвдинг; его называли Свиногорец[125]. Арон надеялся, что встретит там хороший прием. Но это оказалось ошибкой, ибо на хутор уже успели прийти опасные для него донесения Стурлунгов. Стоял поздний вечер. Люди уже встали из-за стола, а бонд Орм отправился в баню; баня была сделана снаружи, и проход к ней охраняли стражники. Арон подъехал к тем людям, что стояли на страже[126]. Конь его тотчас упал под ним от усталости. Стражники приветствовали Арона и спросили об имени, он же назвал им и свое имя, и имя своего отца, так как полагал, что это не может ему повредить.

Тогда один человек спешно заходит в баню и говорит, кто там пришел.

— Этот человек, — говорит Орм, — не должен иметь возможность сам рассказать о случившемся, если все пройдет так, как я задумал. Отведите его в Каморку Сёрли[127] и как следует стерегите его.

Вот уходивший возвращается и говорит товарищам, что надо схватить Арона. Это было полной неожиданностью для Арона, и он спрашивает, чем он заслужил подобное обращение. Они говорят, что именно ему вменяют в вину, и передают слова, сказанные Ормом. Тогда Арон сказал, что им нет нужды вести его насильно — он вполне может пройтись с ними неподалеку туда, куда им велено, ведь еще довольно времени, чтобы жестокий приказ переменился к лучшему. Вот они вместе заходят к маленькую каморку и затем оставляют Арона в ней одного, запирая за ним дверь. Он вешает свое оружие на стену, и ему кажется, что его положение ничуть не улучшилось и далеко от желаемого. Однако приходится с этим смириться.

На хуторе было довольно людей, которым захват Арона пришелся весьма не по душе; особенно недовольны были знавшие его родителей. Однако открыто против не выступил почти никто.

Бонд Орм возвращается из бани. Он спрашивает своих, как они поступили с тем человеком. Те рассказали об их беседе и добавили, что, по их мнению, тот человек вряд ли бы их опасался, если бы они встретились с ним на равных,

— но мы расстались с ним точно так, как ты наказал нам.

Орм дал понять, что доволен этим.

X

Называют человека по имени Торарин сын Йона. Он был брат Орма и превосходный муж[128]. Торарин не был столь близким другом Стурлунгов, как Орм[129]. В то время он как раз приехал к брату на угощение. Узнав о замысле Орма, Торарин встает из своей постели и идет к постели Орма.

Тот приветствует брата и спрашивает, что привело его в этот час.

— Повод не слишком велик. Я хочу осведомиться насчет захвата Арона: не чересчур ли неприглядное это дело? Ибо для меня большая новость, чтобы человека, приехавшего к совсем чужим ему людям, так привечали на хуторе, при том что он еще ребенок годами[130], и раны на нем не вполне затянулись.

Орм говорит:

— Вам часто удаются красивые речи. Но я хочу, чтобы последнее слово порой оставалось за мной.

Каждый остался при своем мнении.

После этого Торарин уходит прочь и направляется прямо к каморке; с ним вместе идет один из его людей. Торарин сбивает дверной засов и заходит внутрь. Арон сидит на помосте и держит в руке тесак, сокровище Туми. Он приветствует вошедшего. Торарин отзывается на его приветствие. Потом он что-то тихо говорит своему спутнику, и тот выходит и какое-то время отсутствует. Тогда Арон спрашивает стоящего перед ним об имени, и Торарин сообщает ему свое имя. Арон понимает, кто перед ним, но теряется в догадках, что привело Торарина сюда. У него было дурное предчувствие из-за отлучки спутника Торарина, и он не понимал, что за ней кроется.

Теперь Торарин спрашивает Арона о новостях. Арон отвечает на каждый вопрос. Пока они беседуют, дверь отворяется, и в каморку входит тот же самый человек; у него в руках было пуховое одеяло, и он расстелил его на скамье. Затем он поставил стол со столешницей; вслед за этим вошла женщина и принесла пищу. Торарин просит Арона садиться есть, а потом укладываться спать, —

— чем бы все ни кончилось. Сам я сейчас уйду, но мой провожатый будет спать эту ночь здесь.

Когда Арон насытился, он лег спать. Он счел, что уюта немного прибавалось против того, что он думал.

Вот проходит ночь и наступает утро. Торарин рано поднимается на ноги; он будит своих провожатых и просит их встать и одеться. Они так и делают. К Арону они отправили своего человека и передали, чтобы он вставал, одевался и был наготове, какой бы оборот дело ни приняло. Арон быстро поднимается на ноги.

А когда просыпается Орм, Торарин идет к своему брату и допытывается у него, не изменились ли намерения Орма за истекшую ночь.

Он говорит, что не изменились.

— Тогда я должен тебе сообщить, что такой поступок недостоин хёвдинга и прослывет здесь, в Исландии, величайшим злодеянием. И я бы не хотел даже, чтобы сами Стурлунги занимались такой грязной работой.

Тогда Орм говорит:

— Я вижу, что ты не жалеешь слов, защищая свой выбор. Но ведь и я твердо связал себя обещанием.

На это Торарин отвечает:

— Я не буду долее скрывать, что у меня на уме, и объявляю открыто, что сегодня придется поведать о бóльших событиях, нежели гибель одного Арона, ибо я и все мои люди сплотимся вместе и окажем вам противодействие, если вы захотите напасть на него. И я надеюсь, что многие скорчатся тут от боли, прежде чем мы с Ароном будем убиты.

Орм отвечает:

— В этом деле ты, как это частенько бывает с тобой, брат, проявляешь чрезмерное рвение. Я, конечно, не стану без причины сражаться с тобой ради того, чтобы убить одного человека. Забирайте его под свою опеку и уезжайте с ним, куда заблагорассудится[131].

Тогда Торарин поблагодарил своего брата Орма, и не упоминается о том, чтобы впоследствие это дало повод для их разногласий.

Этот поступок Торарина стяжал ему добрую славу и надолго останется в памяти людей.

Священник Тормод говорит так[132]:

№ 10

Торарин, *росток ограды*
Нив костра, на Свиногорье,
Пособил герою бодро,
От беды упас и горя.
Замышлял ведь Орм подвергнуть
Казни злой зело Арона, —
Вольный муж отбить решился
Супостата, впрямь, у брата[133].

Торарин принимает теперь Арона под свою опеку; какое-то время они еще остаются на хуторе, а затем вместе выезжают прочь[134]. Торарин дает Арону хорошего провожатого по имени Гудмунд сын Олава[135]; впоследствии он был при сожжении Торвальда из Озерного Фьорда[136] вместе с сыновьями Хравна[137].

О том, как Арона захватили на Свиной Горе, сложены такие висы[138]:

№ 11

Сумрак стрел с утра Арону
Не сулил добра недаром:
Свиногорец Орм надумал
Уморить его взаправду.

Избежал *брони ревнитель* —
Шла молва о том широко —
Бед — помог *гонцу победы*
Торарин, в ристаньях щедрый[139].

№ 12

Гнал коня при гнойных ранах
Воин твердый через фьорды, —
Ради крова *кровник врана*
Пробирался в Свиногорье
Завлекли *клинков посланца*
Там *столпы блестящей стали*,
Скорой смертью угрожая,
Заточили в черном срубе[140].

Но вот Торарин вывез Арона со Свиной Горы. Он был хорошо снаряжен к поездке, но тем не менее им с Гудмундом приходилось ехать скрытно и чаще ночью, чем днем, ибо были серьезные основания опасаться за свою жизнь. Однако о местах их ночлега не рассказывается до того, как они прибыли в Городищенский Фьорд и подошли к тому хутору, который зовется Южным Красным Песчаником. Там жили тогда священник Сёльви сын Йорунда и Сигрид, мать Арона[141]. К тому времени прошла уже почти половина тинга.

Арон с Гудмундом появились на хуторе под утро, когда большинство людей спали. На дворе было двое мальчишек, которые вышли присмотреть за лошадьми. Они увидели, как к хутору подъезжают какие-то люди. Одним из мальчиков был Бард, брат Арона, а второй звался Орм. Мальчики приветствовали этих людей и спросили их об имени. Те назвали себя, но не так, как на самом деле, завели своих лошадей за дом и подозвали туда мальчиков. Арон сказал им, чтоб они тихонько подошли к постели Сигрид дочери Хавторира и сказали ей, что на дворе стоят люди, которые хотят с ней встретиться. Мальчишки сделали, как их просили. Сигрид расспрашивает, как выглядят эти люди, ибо она была сильно озабочена странствиями Арона. Мальчишки рассказывают, что люди эти рослые и хорошо вооружены. Тогда она поднимается, а мальчиков просит помалкивать и ложиться спать. Сигрид выходит на двор, и один из этих людей сразу узнает ее и бросается ей навстречу. Она так сильно обрадовалась встрече с сыном, что поначалу не могла вымолвить ни слова; затем она просит их уйти с проезжей дороги, сама же заходит в дом, идет к постели священника Сёльви и рассказывает ему, что происходит. Он поспешно вскакивает и выходит во двор; родичи встречаются, и Сёльви тут же распоряжается позаботиться о них. Немного позже их отвели к одной пещере на лавовой пустоши, которая находилась на большом отдалении от хутора. От этого пещера получила свое нынешнее имя и зовется Ароновой Пещерой[142].

Потом доверенные люди подвезли туда припасы и одежду, чтобы они могли продержаться. Какое-то время они сидят в пещере.

XI

Немного позже люди вернулись с тинга[143], и пришли вести о том, что Арон и с ним пятнадцать людей епископа[144] объявлены вне закона. Наказание Арона, однако, было более тяжким, нежели у его товарищей, ибо его объявили вне закона без права выезда[145]: за его убийство не полагалась вира, и его нельзя было перевозить и оказывать ему какую-либо помощь, а всем тем, кто вздумает ему как-то помочь, полагалась суровая кара[146].

Некоторое время Арон с Гудмундом сидят в своей пещере. Затем они стали разъезжать в открытую. Иногда они приходили на ночь к священнику Сёльви. И однажды вечером, когда они отправились оттуда в баню, работник Торлака сына Кетиля со Двора Кольбейна[147] стоял на дворе и увидел возле бани вооруженных людей. Зрелище показалось ему достойным упоминания. А баня находилась поодаль от общей тропы. Работник сообщает о виденном Гудлауг, хозяйке хутора, а она принялась обсуждать это вслух, потому что никогда не умела держать новости при себе[148].

Но Торлак подзывает ее и тихонько говорит с ней, чтобы она прикусила язык: он смекнул, что здесь к чему. Торлак был муж умный и часто помогал друзьям добрым советом; поэтому к нему часто обращались. Он послал сообщить священнику Сёльви и Сигрид о том, что уже прошел слух о поездках Арона, и сказал, что далее так продолжаться не может. Он просит Арона съехать и поискать себе убежища в другом месте, где недруги не смогут до него добраться[149]. Арон с Гудмундом вняли этому разумному совету и тайно покинули округу, хотя и это было немалым испытанием. Они пришли к тому хутору на Лесистом Побережье[150], что зовется Приют, достали там корабль и переправились через Широкий Фьорд на Бардово Побережье[151]. Там они попеременно навещали своих родичей; дольше всего Арон пробыл у Эйвинда с Томасом[152]. Однако те также не сочли возможным держать Арона у себя подолгу, опасаясь мести могущественных людей, так что Арон с Гудмундом отправились оттуда во Фьорд Эрна к хутору, который звался Песчаный Берег[153].

XII

На Песчаном Берегу во Фьорде Эрна жили двое братьев, люди приметные и родовитые. Один из них звался Эйнар, а другой — Свейнбьёрн[154]. Они были сыновьями Хравна сына Свейнбьёрна. Арона там хорошо приняли. Арон просит у братьев покровительства и защиты.

Эйнар говорит, что это чревато неприятностями, учитывая, сколь неблагоприятно обернулась тяжба Арона. Братья хорошо понимали, что тут не избежать мести, —

— даже если преследовать будут строго по закону.

Тем не менее они не захотели отказывать Арону и сочли себя обязанными принять его ввиду родства между ними[155]. Они взяли Арона к себе на зиму и отлично его содержали.

Об этом узнает Стурла и обращает свою вражду на сыновей Хравна. Так проходит зима.

А весной сыновья Хравна выехали в Озерный Фьорд[156]; с ними вместе отправился и Арон[157]. Весть о походе вовремя дошла до Торвальда, и он спешно вышел в море[158]. После этого случились большие стычки и было убито двое бондов — один из них звался Ими, а другой — Снорри[159]; еще одному человеку отрубили ногу[160]. Затем они уехали[161].

Той же весной Стурла прибыл на Западные Фьорды[162], чтобы взыскать положенные ему почести с сыновей Хравна: Стурла полагал, что они нанесли его славе и уважению ощутимый урон. Стурла остановился в Долине Тюленьей Реки[163]; при нем была довольно большая свита. Стурла послал за сыновьями Хравна[164]. Они быстро явились, но перед этим позаботились, чтобы их участь на сей раз не зависела целиком от милости Стурлы — Арон в это время оставался на Песчаном Берегу. Поначалу встреча проходила холодно и враждебно. Но в конце концов они помирились. Стурла должен был сам назвать цену, какую хотел взять, и была положена пеня в шестьдесят сотен[165]. Братья пробовали добиться мировой для Арона, но чем больше они настаивали, тем дальше были от цели. Братья обязались долее не держать Арона, врага Стурлы, у себя, и на прощание условились о дружбе со Стурлой.

Прибыв домой, сыновья Хравна поведали обо всем, что произошло. Арон отвечал, что этого можно было ожидать, и сказал, что не вправе долее ставить их под удар.

Все же они до некоторой степени помогли ему. Называют бонда по имени Йохамар[166]. Он жил на хуторе, который зовется Отмель Фьорда Гейртьова[167], и сидел на земле братьев. Они послали туда Арона вместе с верительными знаками, чтобы он оставался на хуторе втайне от всех. Хутор этот лежит очень далеко от общей тропы. Йохамар принял Арона к себе. Тот долго скрывался там летом.

Уехав домой, Стурла поставил людей разыскивать Арона; другие были отряжены за его головой. Всего Стурла посылал на Западные Фьорды для покушения на Арона двадцать человек. Они разделились: часть двинулась по Северным Фьордам, а часть — по Западным[168]. Стурла надеялся таким путем приблизить встречу с Ароном[169]. Во главе тех, кто отправился на запад, стоял

человек по имени Рёгнвальд; он был сыном Кара[170]. Это был очень крепкий муж. Одного из его спутников звали Торвальд сын Свейна[171], а третьим был Берг Танцор[172]; оба были мужи крепкие и хорошо вооружены.

Теперь следует рассказать о делах Арона. У бонда Йохамара была старая лодка, изношенная до такой степени, что ее нельзя было вывести в море; между тем у бонда на отшибе хранились кое-какие запасы. Арон взялся починить лодку за лето[173].

Однажды днем случилось то, чего ранее не бывало: к Арону подошло двое хорошо вооруженных людей. Арон же снял с себя все свое оружие, кроме стального шишака, и положил рядом с собой.

Арон идет навстречу тем людям и приветствует их. Они хорошо отзываются на его приветствие. Тогда он спрашивает их имена. И один из них называет себя Сигурдом[174], а другой — Эгилем[175]. Они спрашивают его имя. Он называет себя не таясь и спрашивает их о новостях и откуда они пришли. Они сказали, что пришли с запада из Долин и что они — посланцы Торвальда из Озерного Фьорда[176]. Они спрашивают, почему он столь неосторожен, когда ему отовсюду грозит опасность[177].

Арон отвечает, что все предвидеть невозможно. Он спрашивает их, не знают ли чего-нибудь важного из свежих новостей.

Они отвечали, что знают лишь один мелочи, —

— но мы встретили вчера трех людей в броне с головы до пят, и нам показалось, что справиться с ними нелегко, и мы доподлинно знаем, что их послали за твоей головой. И есть все основания думать, что вам предстоит встреча еще до того, как этот день завершится, если ты будешь ждать их на месте. Но разумным нам это не кажется.

Арон обдумывает про себя каждое их слово. Он не знает точно, как должен действовать, ибо люди эти были ему прежде незнакомы[178]. Затем он припоминает древнее речение о том, что добрый совет стоит принять, с какой бы стороны он не пришел: он видит, что решать надо быстро, хотя люди эти кажутся ему ненадежными.

Тогда Арон говорит:

— Присядьте со мной; я хочу рассказать вам свой сон.

Они так и делают.

— Приснилось мне, — говорит Арон, — что ко мне пришел человек в рясе с капюшоном. Я едва различал его лицо, потому что капюшон был низко надвинут. Человек из сна говорит: «Если хочешь, исповедуйся мне». — «Не привык я делать это по будням», — сказал я ему. Тогда он протянул мне будто бы тот же самый плащ, что теперь надет на мне, и я проснулся в тот миг, когда я, как мне показалось, узнал этого человека. И кажется мне, что был это сам епископ Гудмунд[179].

Они говорят, что это хороший сон, и весьма вероятно, он предвещает какие-то события.

Затем Эгиль говорит, что им пора в дорогу, —

— ибо день уже клонится к вечеру. Может статься, что если те люди найдут его, мы впоследствии раскаемся, что расстались с ним, не проявив должного мужества.

Сигурд говорит, что еще достаточно много времени.

Эгиль сказал, что ничто не заставляет их встревать в чужие разборки, —

— однако редко бывало так, чтобы я бежал, когда ты решил остаться. Сможешь ли ты оказать Арону достойную помощь, если он будет нуждаться в ней?

Сигурд на это ничего не ответил[180]. Вечерело.

Броня Арона лежала на носу лодки. Сигурд поднял броню, и ему показалась, что она на редкость хороша; он снимает с головы стальной шишак, надевает броню и заявляет, что она отлично ему подходит. Эгиль отошел и поднялся наверх на кручу. Он видит, как скачет трое всадников в полном вооружении. Эгиль возвращается назад к корабельному сараю и рассказывает, как обстоит дело.

Тогда Арон сказал Сигурду:

— Дай-ка мне мою броню, товарищ. Может статься, она мне вскоре понадобится.

Сигурд тотчас хочет снять броню. Тут Арон вполне уверился, что они не замышляли предать его[181]. Он спрашивает их теперь, помогут ли они ему в бою, или же намерены ехать прочь.

— Пусть решает Эгиль, — говорит Сигурд.

— О нас пойдет дурная молва, — сказал Эгиль, — если мы с тобой оба покинем его накануне таких событий.

— Слова твои мне вполне по душе, — говорит Сигурд, — но вряд ли мы поступаем предусмотрительно.

Арон поблагодарил их за такой выбор.

На Ароне был длинный панцирь и хороший стальной шишак, он был вооружен круглым щитом и держал в руке тесак, Сокровище Туми.

Вслед за этим на кручу въезжают трое людей и направляются оттуда к корабельному сараю. Они спешиваются. Рёгнвальд узнал Арона, потому что ранее они несколько раз уже виделись[182].

Рёгнвальд спрашивает, правильно ли он опознал преступника, объявленного Стурлой вне закона.

Арон просил не сомневаться на сей счет.

— Очень хорошо, — говорит Рёгнвальд, — ибо мы затратили на твои поиски много времени.

— Тогда вам положено объявить мне, зачем я вам нужен, — говорит Арон.

— За этим дело не станет, — говорит Рёгнвальд, подбегает к Арону и бьет его копьем; одновременно с ним наносит свой удар и Арон.

Арон выставил перед собой щит, а сам в это время другой рукой срубает копье Рёгнвальда с древка. Затем они какое-то время доблестно сражаются трое на трое. Они с Эгилем обменялись противниками, так что Торвальд обращается теперь против Арона, а Эгиль против Рёгнвальда, Сигурд же бьется с Бергом[183]. Вскоре Торвальд пал, получив… [несколько] … ран[184]. И людям не кажется, что Торвальд в этой саге проявил себя с лучшей стороны[185]. Арон освобождается в тот миг, когда Эгиля почти совсем уже одолели, так что помощь подоспела вовремя[186]. Вот к какому приему прибег Арон: он бьет Рёгнвальда тесаком плашмя ниже стального шишака. Рёгнвальд пошатнулся, так как удар был очень силен; шишак съехал ему на глаза, и шея оголилась. Тогда Арон обеими руками рубит его по шее с такой силой, что голова отлетает прочь. Это видит Берг, который в другом месте сражается с Сигурдом; ему кажется, что Арон рубит чересчур уж мощно, и он, не желая испытывать судьбу в бою с Ароном, когда тот к нему подоспеет, спешно бежит назад к своей лошади. Торвальд с теми царапинами, которые у него были, уже успел сесть в седло. Берг подбегает к лошади, а Арон несется за ним. Берг успевает чуть раньше; он цепляется одной ногой за стремя и ложится поперек крупа, а Торвальд разгоняет под ним лошадь и заводит ее наверх на кручу. Арон что есть сил бежит вслед и хочет настичь кого-нибудь из них[187].

Тут Торвальд громко кричит:

— Скорей сюда, люди Стурлы, дьявол Арон[188] гонит нас!

Арон счел вполне вероятным, что Стурла взаправду может быть где-то рядом, и остановился. За счет этой уловки Бергу удается вскочить в седло, и Арон поворачивает назад. На этом они расстаются. А это была самая наглая ложь, будто Стурла был близко.

Арон идет теперь к своим товарищам. Они сидят на поле боя; у обоих были большие раны. Арон сворачивает к месту, где лежал труп Рёгнвальда, стаскивает с него броню, хватает тело и голову и швыряет их в море. Но поскольку ветер дул с моря, тело прибило обратно к берегу. Арон спускает лодку на воду, кладет труп на судно и ненадолго выходит в море. Затем он спускает тело Рёгнвальда за борт, пронзив ему грудь тесаком, и говорит, что Стурла, коли захочет, сможет достать своего провожатого и оттуда[189]. После этого он возвращается туда, где сидят Эгиль с Сигурдом. Он спросил, могут ли они сами идти к хутору. Они говорят, что, конечно же, могут. Вот они являются на хутор и рассказывают новости. Бонд счел свою участь незавидной ввиду столь больших событий и повесил голову[190].

Арон просил его приободриться,

— мы, конечно же, найдем какой-нибудь выход, чтоб отныне новых трудностей у тебя не возникло.

После этого они заходят в дом, и Арон перетягивает им раны жгутами. Там они проводят ночь.

Лишь только стало смеркаться, Арон требует себе провожатого[191].

Эгиль с Сигурдом спрашивают, куда он собрался.

— Неподалеку, — говорит Арон, — я съезжу и быстро вернусь.

Они сказали, что полагаются на него.

Арон с провожатым едут своей дорогой по кряжу к Мшистой Долине[192]. Они достают корабль[193] и переправляются оттуда к Песчаному Берегу[194]. Арон посылает своего провожатого к хутору и говорит, что хочет повидать Эйнара с братом. Посланный вначале подходит к постели Эйнара, будит его и говорит, что Арон хочет встретиться с братьями. Эйнар быстро одевается, идет за своим братом и просит его подниматься.

После этого они выходят наружу и идут, пока не встречают Арона.

Он радушно приветствовал их.

Они тоже хорошо его встретили и спросили о новостях.

А он рассказывает им обо всем, что произошло.

Они сказали, что не станут укорять его за содеянное, —

— но что сейчас привело тебя сюда к нам?

Арон говорит, что ждет от них кое-какой помощи.

Они отвечали, что ныне уже мало чем могут поддержать его из-за твердых обещаний, данных ими Стурле, —

— но чего именно ты добиваешься?

— Я хотел бы, — говорит Арон, — чтобы вы приняли у себя Сигурда с Эгилем, и я бы хотел, чтобы вы расстались с ними не прежде, чем они смогут сами вернуться в Озерный Фьорд.

Братья сказали, что сделают это и что Эгиль с Сигурдом заслужили такое обращение, пособив Арону.

О встрече во Фьорде Гейртьова была сложена такая виса[195]:

№ 13

Лезвий свод изведать
Довелось Арону,
На отряд нарвавшись
В Фьорде Гейртьова.
Куст щитов спасался
Рысью от героя;
Виры враг повергнул
Мертвым Рёгнвальда[196].

Не упоминается о том, чтобы в этот раз братья оказали какую-либо помощь самому Арону. На этом они расстаются. Арон едет назад к Отмели Фьорда Гейртьова и рассказывает Эгилю с Сигурдом об уговоре. Они дали понять, что довольны. Как только темнеет, все трое собираются в путь. Арон подвозит их к Мшистой Долине, как заранее было условлено с братьями: местный бонд должен был переправить их оттуда к Песчаному Берегу[197]. Когда же они туда прибыли, их встретили очень спокойно. Люди на хуторе сделали вид, будто ничего не слышали, и справляются у пришедших о новостях. Те подробно излагают весь ход событий. Тогда Эйнар спрашивает, не ранены ли они, а Эгиль с Сигурдом отвечают, что у них есть пара царапин.

— Вы, должно быть, хотите остаться здесь на ночь, раз вы нуждаетесь в уходе?

Тогда те снимают окровавленные одежды. На Сигурде была добрая броня, которую отдал ему Арон. Свейнбьёрн перевязывает их раны[198] и предлагает им побыть некоторое время у них — они, мол, вполне заслужили это своей храбростью, которую незадолго перед тем проявили. Уехали они не прежде, чем раны их затянулись. Оттуда они направились домой в Озерный Фьорд. И хотя Торвальд отнюдь не был другом Арона, он тем не менее одобрил поступок Эгиля с Сигурдом[199]. Весть о случившемся распространяется теперь по всем округам.

XIII

Теперь следует рассказать о том, что Торвальд и Берг прибыли домой на Овечью Гору[200] и правдиво рассказали об убийстве Рёгнвальда и произошедших событиях. Стурла отнесся к ним неласково и назвал их неудачниками, загубившими всю поездку, —

— я бы охотно отдал много добра ради того, чтобы Рёгнвальд вернулся назад, а вы вдвоем остались лежать там[201].

От таких слов им легче не стало.

Теперь следует рассказать об Ароне, что он собрался съезжать прочь с Отмели Фьорда Гейртьова[202]. Он решает переправляться через Фьорд Эрна ночью и идти к хутору, что зовется Замковыми Скалами[203]. Там жил добрый бонд по имени Хельги[204]. Его жена звалась Турид; она была дочерью Хравна[205]. Зимой Арон попеременно находился у них, либо у других своих родичей[206]. Одного человека звали Хавторир сын Снорри; он был дядей Арона по матери[207]. Хавторир долго разыскивал Арона, и встреча родичей была радостной; они стали ходить и прятаться вместе[208].

Следующим летом Стурла прибыл на Западные Фьорды, чтобы найти тех, кто помог спастись объявленному им вне закона Арону[209]. Из-за этого многие

понесли огромные убытки. Поговаривают, что состояние Стурлы выросло после этого аж на двести сотен[210]. Стурла велел усиленно выяснять, куда делся Арон, но на сей раз встретиться им не довелось: Арон с Хавториром бежали на острова Широкого Фьорда, выбирая для убежища такие места, где встреча со Стурлой была наименее вероятна[211]. Арон понимал, что неважно готов для подобной встречи.

Лето уже заканчивается, и Арон с Хавториром возвращаются в Исландию на Лесистое Побережье[212] и идут к хутору, который зовется Сокольей Скалой[213]. Там жил человек по имени Вигфус, он был другом Арона[214]; Арон останавливался у него еще до своего изгнания[215]. Они встречают бонда и говорят с ним при малом стечении народа. Вигфус хорошо встретил Арона и проводил его до укрытия, сказав, что для безопасности самого Арона им надежнее всего прятаться там[216]. Арон с Хавториром согласились. Они оставались там почти до самого йоля.

Стурла сидел у себя дома, но высылал лазутчиков, чтобы следить за поездками Арона.

Несколько раз было так, что Арон заходил в покои, где за работой сидели женщины, посвященные в его тайну; ему казалось, что с ними повеселее[217]. Однажды вечером на хутор пришел паренек из чужой округи; на него обратили мало внимания[218]. Когда в покои вошли люди, он сделал вид, что спит, а сам прислушивался к разговорам и услышал, как называют имя Арона. Когда женщины покончили со своей работей, все вместе вышли, чтобы проводить Арона с Хавториром к убежищу, где они обычно спали, а был это закут для ягнят[219]. И немного позже, когда хозяйка хутора легла в постель, кто-то изнутри открыл наружнюю дверь. Она спрашивает, кто это вышел во двор, но ответа не последовало. А в это время большинство людей уже спало. Так проходит ночь, а наутро, после того как люди встали и пришли в покои, оказалось, что парень исчез. Хозяева решили, что за этим кроется одно из двух: либо парень что-то украл, либо он лазутчик — и последнее оказалось ближе к истине.

Вот бонд подходит к Арону, рассказывает ему о случившемся и просит их с Хавториром остерегаться. Он сказал, что Стурла не замедлит явиться, когда донесение дойдет до него. Арон отвечал, что собраться-то им недолго, но пока еще неясно, отчего парень так поступил. Ни днем, ни в ближайшую ночь ничего предпринято не было.

А когда наступил следующий день, они вышли со двора и двинулись в ту сторону, откуда меньше всего можно было ждать наезда; они хотели убедиться, что нет ничего, что могло бы привлечь их внимание. Не успевают они отойти далеко, как приходится остановиться: они слышат в ближнем лесу голоса людей и чувствуют, что там их немало.

Тут Арон сказал Хавториру:

— Очень может быть, родич, что парень все-таки оказался поганым.

Вслед за этим из лесу выходит одиннадцать вооруженных мужчин[220]. Тогда Арон сказал:

— Бежим назад за нашим оружием: оно явно будет не лишним, если эти люди пришли не с миром.

Теперь они идут к закуту для ягнят, где лежит их оружие. Одновременно с этим приезжие скачут к хутору и сразу же спешиваются.

XIV

Вначале следует сказать о приезжих; они входят в дом отнюдь не с миром. Они похватали много народа на хуторе, а кое-кого избили. Бонда Вигфуса ударили обухом секиры по голове[221], и с ним еще одного человека, по имени Паль[222].

Теперь нужно рассказать об Ароне и Хавторире. Арон облачается в броню. Хавторир снарядился и тут же направился к двери. Арон просил его подождать, чтобы пойти к хутору вместе.

Хавториру показалось, что все приезжие уже вошли внутрь; он опрометью бежит к дому, останавливается у боковой стены покоев и взбирается наверх; он снимает стальной шишак и припадает ухом к оконцу. Услышав, что происходит внутри, он спрыгивает со стены вниз. И в этот миг к нему подскакивает человек и рубит ему голову двумя руками; он этой раны Хавторир быстро умирает. Тот, кто бил, звался Эйрик; у него было прозвище Берестяник[223]. Эйрик тут же возвращается в дом, возглашая, что убил кого-то из двух — не то Арона, не то Хавторира[224]. Стурла отозвался и сказал, что это далеко не одно и то же[225].

Арон подходит к дому как раз тогда, когда повергли Хавторира. Он сказал:

— Слишком уж ты, родич, спешил вернуться домой, — говорит Арон, — можешь ли еще говорить?

Губы шевельнулись, но ничего ответить Хавторир не смог. Он выпрямил перед собой пальцы, и Арон расценил этот знак так, что он отсылает его прочь[226].

В этот миг появляются Стурла и его люди. Увидев это, Арон спешно поворачивает назад.

Арни сын Энунда[227] крикнул ему и спросил, кто это там припустил столь широким шагом.

Арон взглянул на него и сказал:

— Доверяйте тому, что видите.

Стурла сказал:

— Прибавьте хода, и не дайте ему причинить никому новый урон.

Тогда двое прыгают в седло и скачут в погоню, и все остальные тоже бегут вслед за ним, что есть сил. Арон был на редкость проворен, даже если попадал в

меньшие переделки, чем эта. Конные быстро опередили Арона, развернувшись ему в лоб; вслед за этим его взяли в оцепление. И люди, бывшие там на месте, рассказывают, что Стурла собирался, захватив Арона, долго его мучить и готовил ему перед смертью не один и не два удара[228].

Вот Арон стоит, как можно уразуметь, перед крайней опасностью, но тем не менее вовсе не теряет присутствия духа. Он отбрасывает щит, потому что тот только мешал как следует размахнуться тесаком. Затем он вздымает тесак обеими руками и бросается прямо на провожатого Стурлы, которого звали Бьёрн, и рубит его обеими руками. Удар пришелся в стальной шишак, и Бьёрн рухнул замертво как подкошенный[229]. Арон перескакивает через него и вырывается из кольца оцепления наружу. И все в один голос говорят, что никому, кроме Арона, не удавалось с такой честью ускользнуть от столь суровых людей, как те, что там были.

Вот какой стих сложен о встрече Стурлы с Ароном[230]:

№ 14

Прочь Арон отпрянул,
Вдаль от Скал Сокольих,
К смельчакам неласков,
В оцепленьи ставшим.
Разминулся с лютой
Смертью *златовержец*, —
Бьёрн сперва пред рьяным,
Рухнул, *древом меры*[231].

Стурла теперь вовсю подстрекает своих людей нагнать Арона. Но обстоятельства складывались так, что уже начинало смеркаться, и одновременно сделалась вьюга. Арон понял, что ускользнул и должен благодарить за спасение свои руки и ноги. У Арона была рана на лодыжке: кто-то метнул ему вдогонку копье[232].

Стурла едет теперь домой; он очень недоволен.

Об этом событии сказал Олав Белый Скальд[233]:

№ 15

Выпал сход опасный,
Днем, для войск обоих:
Был *кольчуг крушитель*
Крут, у Скал Сокольих.
Меченоша, брошен
В круг мужей суровых,
Все ж, с крючка сорвался
Враз, Арон у Стурлы[234].

Арон не знает теперь точно, куда он идет. Ветер начинает крепчать и разыгрывается буран. Он лишь изредка различает дорогу. Он понимает по ощущению, что должен был выйти на ту пустошь, что зовется Нагорья[235]. Арону в пути пришлось очень тяжко: озера и реки сделались труднопроходимы, а рана его примерзает[236]. Но все же он, не останавливаясь, идет вперед, покуда не приходит к тому хутору, что зовется Мыс[237]. Там жила женщина по имени Това[238]. Она была большим другом Сигрид дочери Хавторира. Арон сделал там привал, и его хорошо приняли. Затем послали за Сигрид, чтобы та пришла вылечить своего сына; она делает это с радостью[239].

Теперь нужно еще раз вернуться к рассказу о Стурле[240]. Это может показаться промыслом Божьим, но, как только Арон вырвался из оцепления наружу, налетел сильнейший шквал и разыгралась такая вьюга, что они тотчас потеряли след. Вьюгу эту люди долго не могли потом забыть. Поговаривают, будто там, где шел Арон, погода была гораздо мягче[241].

После этих событий Арон выехал прочь с Мыса к Красному Песчанику и нашел свою мать. Она пересказывает ему новости, но ей тяжело объявить ему, что на сей раз их встреча будет короткой, —

— Торлак с женой[242] велели передать мне, что Стурла уже доподлинно знает о том, что ты здесь, и Торлак предлагает тебе не испытывать судьбу в нашей округе, чтобы твои недруги не могли до тебя добраться[243].

Услыхав эту весть, Арон распростерся на земле плашмя и выпрямил руки, изобразив крест. Он спел сперва псалом *Бенедиците*, а потом — *Аве Мария*. Затем он поднялся и сказал, что впереди его еще ждет нечто хорошее.

Сигрид сказала:

— У кого же ты выучил такие молитвы, сын?

Арон говорит, что этому приему и молитве его обучил епископ Гудмунд, чтобы он прибегал к ним в нужде, если хочет, чтобы бог и святая Мария услыхали его молитву[244].

Арон пробыл там на хуторе недолгое время, и об этом знали немногие. Он думает, куда еще ему можно податься[245].

XV

Называют человека по имени Сигмунд Крючок[246]. Он был провожатым Стурлы на Гримовом Острове, и Арон считал, что тот подступал к нему в бою чересчур близко[247]. В ту зиму Сигмунд жил на Пустыре[248]. Однажды Арону случилось проезжать мимо[249]. Произошла встреча, и Сигмунд был быстро убит, потому что Арон застиг его вне дома[250]. Одной из причин, подтолкнувших Арона на это дело, было то, что Арон счел, что Сигмунд посажен с ним рядом неслучайно и подослан для охоты за его головой[251]. К тому же

Арон не мог смириться с тем, что убийство его родича Хавторира осталось неотомщенным[252].

Впоследствии по убийству Сигмунда была заключена мировая с его сыновьями[253]. Решение вынесли епископ Хейнрек[254] и Бранд, который позже был епископом на Пригорках[255].

Той зимой Арон в основном скрывался под чужим именем[256]; потом он перебрался на юг к Моржовому Мысу[257]. Там он провел остаток зимы под опекой Эйнара сына Снорри, своего дяди по матери[258].

Следующей весной Арон выехал на юг страны просить помощи у почтенного мужа, Харальда сына Сэмунда[259], и его братьев Вильхьяльма[260] с Филиппусом[261]. Они хорошо приняли Арона[262]. Здесь, как и в многих иных местах, ему очень помогла дружба с епископом Гудмундом, ибо сыновья Сэмунда издавна питали любовь к епископу[263]. Они устроили Арона на корабль и дали ему хороших провожатых. Корабль благополучно доплыл до Норвегии, и они пристали в Трандхейме — месте, которое Арон охотнее всего выбрал бы сам. Там уже находились епископ Гудмунд[264] и Хьёрлейв, отец Арона[265]. Они радостно встретили Арона и сочли его вызволенным из ада.

Той третью Норвегии в то время правил ярл Скули[266]; он был одним из знатнейших людей страны и слыл лучшим другом исландцев[267]. До него дошли вести о том, через какие испытания пришлось пройти Арону в Исландии, и ярл рассудил, что Арон отлично проявил себя, противостоя таким видным хёвдингам. Той же зимой ярл предложил Арону сделать его своим дружинником, и Арон это предложение принял[268]. Теперь его уклад разительно изменился: ярл и вся дружина хорошо привечают его.

Так проходит зима и начинается лето. Арон докладывает ярлу, что хотел бы выехать из страны; он говорит, что заранее дал обет совершить паломничество в Йорсалир[269]. Ярл отнесся к этому холодно. Просьбу Арона поддержали епископ Гудмунд и Хьёрлейв, отец Арона, но ничего не добились. Из ответов ярла они поняли, что Арон гораздо нужнее ему при себе, нежели где-то вдали. Арону было крайне не по душе, что приходится нарушать свой обет в столь важном деле, как это. Тем не менее ярл был вправе самолично принимать решение за тех, кто ему присягнул. На этом они прекращают беседу.

В то же лето Хьёрлейв отправился в Исландию[270]. Поездка сопровождалась разными напастями и диковинными событиями, слышать о которых доводится нечасто[271]. В пути Хьёрлейв и много иных храбрых мужей распрощались с жизнью. Рассказывают, что он надорвался, спасая других людей во время кораблекрушения, и от этого умер.

Ближайшие зиму и лето Арон провел с ярлом. Он укрепляется в мысли, что негоже брать назад обет, данный перед богом[272]. Большинство людей, однако, считали, что уезжать без позволения ярла неосмотрительно. Все же Арон

решился на это и взял себе в провожатые исландца по имени Эйольв[273]. Вот они выезжают из страны. Поездка прошла удачно, хотя путь вовсе не был безопасным из-за войн и множества прочих препятствий. Какое-то время они шли вместе отрядом из шестнадцати человек. Затем в их ряды пришла болезнь, и многие от нее умерли. А те, кто выжил, не останавливались, покуда не пришли в Йорсалир и не повидали места, какие хотели. Потом они повернули в обратный путь, и в этот раз не сообщается о том, чтобы в их поездке произошли какие-нибудь особенные события[274].

Арон возвращается обратно в Норвегию; Эйольв был при нем. Они встретили конунга Хакона на востоке в Вике[275], подошли к нему и приветствовали. Конунг хорошо принял их, просил их остаться передохнуть и справился о новостях. А они поведали ему все, что знали.

Однажды Арон спрашивает у конунга, не против ли тот, чтоб он предстал перед ярлом.

Конунг отвечает:

— Я хочу, чтобы ты соблюдал присягу, данную ярлу, и, быть может, ярл учтет мое заступничество и примет тебя по-доброму, когда мы с ним повстречаемся.

Одного человека звали Олав сын Торда[276]. Он был другом Арона. Олав сложил вису об Ароне и его путешествии[277]:

№ 16

Шаг, стрелец, обретший
Сан и славу, — ставлю
Выше доблесть мужа —
Мерил к Иордану.
Смыл клеймо, с лихвою,
Фрейр щита пресветлый,
Вознеся изгоя
Имя, в Йорсалиме[278].

Летом конунг и ярл встретились, и конунг отправился к ярлу на званое угощение в Трандхейм.

Однажды конунг завел с ярлом беседу:

— Не хотите ли Вы снова принять к себе Арона, Вашего дружинника? Кажется мне, что он не зря занимает свое место. Я хочу оплатить Вам урон, который он Вам причинил, ибо он преуспел в спасении души.

Ярл отвечает довольно недружелюбно и говорит, что Арон сыграл с ним в дурную игру, —

— и наше совместное пребывание будет коротким.

Конунг отвечал, что не станет долго вымаливать то, о чем просил, —

— тем более, что Арону, похоже, особого проку от этого не будет[279].

Разговор конунгу не понравился. После этого конунг принял Арона под свою опеку и сделал его своим дружинником, и Арон находился при нем почти три десятка лет[280].

XVI

Конунг едет теперь с угощения домой, и они расстаются с ярлом. Конунг отплыл на юг к Бергену и сидел там остаток лета[281]. Арон был у него в милости. Немного позже конунг устроил Арону выгодную женитьбу на женщине по имени Рагнхильд. Она была вдовой и родней конунгу[282]. Конунг дал Арону достаточный надел земли, чтобы Арон мог построить на нем свой дом, причем место это находилось вблизи от двора самого конунга[283]. И еще одну услугу оказал конунг Арону, которая была ему большим подспорьем: он поручил ему две банных избы. В одной из них должен был париться сам конунг, а Арон и прочие дружинники должны были раздеваться в другой. Обе избы были столь просторны, что в каждой из них можно было свободно принять и полностью обслужить до пяти десятков людей[284]. Конунг постановил также, что каждый, кто хотел посетить баню, платил за это весовой пеннинг, а это были немалые деньги[285]. И они были нелишними, ибо у Арона постоянно были большие расходы[286].

Свидетельством благодеяний конунга по отношению к Арону служит то, что конунг неизменно сажал его с собой на корабль, на котором плыл сам, и еще один небольшой знак: меч Арона должен был лежать рядом с мечом самого конунга. Были еще иные знаки.

Здесь стоит также упомянуть о том, что отношения между конунгом и ярлом стали портиться, но разрыв вызревал достаточно долго[287]. И все же затем пришел черед жестоких распрей, но об этом существуют письменные рассказы[288].

XVII

В то время Стурла сын Сигхвата выехал из Исландии[289]. Когда он прибыл в Берген, конунг Хакон находился в городе; при нем был и Арон. Когда Стурла прибыл в Берген, он, как рассказывают, расспрашивал лишь об одном — в городе ли Арон или нет[290]. И ему сообщили, что в городе.

Как раз в это время Арону случилось пойти в баню вместе с несколькими товарищами. Вышло в точности по речению, что у многих есть друг даже среди недругов. На корабле Стурлы находился один исландец по имени Хунбоги, он был родич Арона[291]. Хунбоги становится известно о распросах Стурлы; он сходит с корабля и дает знать Арону.

Арон говорит, что бывали времена, когда он был хуже готов ко встрече со Стурлой, чем сейчас. Он вылез из бани и оделся; с ним вместе собрались его спутники. Они выходят из дверей бани и идут по улице[292].

Когда Стурла доподлинно выяснил, где Арон, он призвал к себе Торда сына Гудмунда[293] и двух других людей. И у Стурлы, и у Арона в руке был меч, но никакого другого оружия при себе не было. Однако вокруг было такое скопление народу, что никто не мог причинить другому вреда, даже если замышлял это. Но большинство людей полагает, что, если бы их стерегло поменьше свидетелей, один из них точно не смог бы поведать потом о случившемся.

Заметив Арона, Стурла остановился и впился в него пронзительным взглядом.

Арон сказал:

— Ну что, Стурла, очень тебе нравится объявленный тобой вне закона, раз ты на него долго пялишься? Или, может статься, ты думаешь, что я сильно переменился со времени нашей последней встречи?

Но Стурла ничего не ответил и пошел прочь к своим людям. И больше о нем в этой саге рассказываться не будет[294].

XVIII

Однажды летом[295] произошло событие из числа тех, что случаются часто: стравливали коней[296]. Называют человека по имени Гаут из Меля[297]; это был очень знатный и во многих отношениях примечательный муж. Гаут был большим другом Стурлунгов и получил от Стурлы в подарок доброго коня. Многие люди говорили, будто равных этому коню в Норвегии нет.

Называют человека по имени Арни Беспорядок[298]; он был исландец[299]. Арни ранее послал конунгу коня, которого называл лучшим в Исландии[300]; этих двух коней решили стравить. Пришло много народу.

Когда коней вывели, каждый из них оказался на редкость красивым. Когда их отвязали, они сразу сшиблись; бой был захватывающим и жестоким и продолжался долго. Но закончился он тем, что конь конунга отступил. Это пришлось конунгу крайне не по душе, и по его виду было легко понять, что в любом другом месте он чувствовал бы себя лучше.

Гаут продирается сквозь кольцо людей и пристально всматривается в происходящее своим единственным глазом[301]. Арон стоял поблизости; с ним рядом стоял человек по имени Торарин, он был родич Арона[302]. Им не понравилось, что конунгов конь оказался побежден. Арон был другом Арни[303], но отнюдь не Гаута. Он полагал, что знает причину поражения.

Увидав, что конунг неласково обращается со своим конем, Арон с Торарином подошли к конунгу.

Тут Арон сказал:

— Не хулите своего коня, государь, ибо это большое сокровище в своем роде, просто он не получает обращения, к которому привык.

— Каково же оно? — говорит конунг.

— У нас в стране, — говорит Арон, — каждого коня, которого выводят на бой, сопровождает человек с палкой. Ею он похлопывает коня сзади по крупу, и этим приемом заводит коня, когда тот встает на дыбы.

— Если ты, Арон, уверен, что сможешь добиться от коня толку, — говорит конунг, — тогда выводи его сам.

Теперь Арон с Торарином снимают верхние одежды и берут в руки по пластине китового уса. Затем они идут к коню конунга, который стоит на краю круга, и охаживают его своими палками. Поняв, чего от него добиваются, конь встрепенулся и налетел на коня Гаута, а тот поднялся ему навстречу, и они сшиблись в жестоком бою. На сей раз коню Гаута пришлось намного тяжелее, ибо конь конунга был сильно раззадорен. Теперь к нему уже вполне подходило речение, что, *такие*, *мол*, *не подведут*. На склоне дня конь Гаута отступил, но ни бежать, ни отпрыгивать прочь не собирался. Арон с Торарином подкалывали своего коня пуще и пуще, пока, наконец, конь Гаута не присел на землю от усталости и мощных ударов и больше уже не вставал.

Гаут был слишком честолюбив, чтобы стерпеть поражение молча: он полагал, что Арон загубил ему коня, и громко выражал негодование. Однако конунг, как обнаружилось, был доволен. Затем вывели других коней, но об этом отдельно не рассказывается.

Арон с Торарином бродили по полю и смотрели на конские бои.

И тут кто-то касается плеча Арона, и раздается голос:

— Я бы охотно отдал все свои одеяния и свое золото за то, чтобы Стурла был от тебя не дальше, чем сейчас стою я.

Тогда Арон обернулся и сказал:

— Лучше бы ты молился о более важной для тебя вещи, бонд Гаут, — говорит Арон.

— Так о чем же? — говорит Гаут.

— О том, чтобы дьявол не выдрал тебе второй глаз так же, как ранее выдрал первый.

Гаут побледнел, переменился в лице, и стал немногословен. Они и раньше неважно ладили, а после этой беседы — тем паче. По ответу Арона видно, сколь неуступчив он был, даже когда имел дело с гораздо более могущественными людьми, чем он сам.

XIX

К тому времени Торд сын Сигхвата, тот, у которого было прозвище Какали[304], выехал из страны[305] и два года находился в Норвегии[306]. Торд был храбрым и достойным мужем, однако не знал удержу в питии[307], и поэтому конунг не был с ним так приветлив, как могло бы быть в ином случае. Торд жил в городе[308], на дворе, который звался Халльвардовым. Двор этот принадлежал Халльварду Черному[309], дружиннику конунга и большому гордецу. Они с Тордом неважно ладили, потому что Торду выпадало гораздо меньше почета. Неподалеку оттуда находился двор Арона, но между Ароном и Тордом была вражда, как это часто бывает и при менее достаточных основаниях.

Той зимой Бард, брат Арона, гостил у него, но постоянно отправлялся на потехи к Торду: дорога Барда лежала в Исландию, и он охотно примкнул бы к Торду. Торд отнесся к этому хорошо, а Арон ничему не препятствовал. Торд жил на широкую ногу и потчевал своих людей с размахом; это стоило ему немалых расходов, и он спустил большую часть своего состояния. При нем был его провожатый Храни сын Кодрана[310], второго его спутника звали Торд Большой Палец[311], третьего — Петр, четвертого — Эйстейн[312], он был прислужником Торда.

Однажды вечером случилось так, что Торд пил на пиру вскладчину[313]; был выставлен очень хмельной напиток. Когда стало вечереть, ушли все те, кто знал меру. Торд же и с ним несколько конунговых людей остались. Ближе к ночи они повздорили, сцепились и стали драться питейными рогами и светильниками. Торд был человек плотного сложения и изрядной силы. Тем, кто попался ему под руку, здорово досталось: они были все в синяках и кровоподтеках. В конце концов их удалось разнять, и все разбрелись по домам досыпать остаток ночи. А когда наступило утро и пропели мессу, пострадавшие от рук Торда подошли к конунгу и рассказали ему о своей обиде. Конунг улаживает это дело, но отныне лишает Торда своей милости.

XX

Вот проходит лето, и положение Торда быстро ухудшается, ибо то немногое, что у него еще оставалось, ушло на расходы.

А когда с начала зимы прошло не так много времени[314], с запада с Оркнейских Островов приходит корабль с конунговым управителем на борту, по имени Финн[315]. В тот же самый день Бард, брат Арона, пришел на потеху к Торду. Торд и Храни сидели за шахматной доской[316]. Они пригласили Барда присаживаться за стол, и он так и сделал. Затем в дом вошел бонд Халльвард; он шел быстрым шагом. Никаких приветствий со стороны Торда не последовало.

Бард приветствовал Халльварда и спросил, откуда тот пришел.

Тот сказал, что был на конунговом дворе.

— Какие там новости? — говорит Бард.

— Хватает новостей о вашей родне в Исландии: большие битвы, гибель хёвдингов и людские потери[317].

— Кто же из хёвдингов погиб? — говорит Бард.

— Сигхват, Стурла и все прочие его сыновья[318].

Тут Торд оторвался от доски и отозвался на это известие так:

— Не одних коровенок умеют забивать исландцы, коль это правда.

Торд пошел на двор конунга, чтобы самому услышать новости. Но когда он туда пришел, ему передали в точности то же самое. Обстоятельства сложились так, что на долю Торда выпало несколько тяжких испытаний сразу: прежде всего это была утрата друзей и знатнейших родичей, а кроме того, он остался без единого пеннинга, так что ему больше не на что было содержать своих провожатых. К этому добавлялась опала конунга, вещь, которую большинство людей почитают за тягчайшее бремя. Вот уже все спутники Торда, кроме прислужника, покинули его. Торд сносил нужду достойно.

XXI

Вот о тех же событиях узнает Арон, и они, как можно было ожидать, не дали ему повода горевать. Однако из слов Арона обнаружилось, что он сочувствует бедственному положению Торда. И когда Бард это понял, он сказал своему брату, что мог бы дать Торду знать, что, мол, Арон сын Хьёрлейва, как утверждают многие, — не рядовой муж по своему благородству. К словам Барда присоединилась Рагнхильд, жена Арона. Арон отнесся к их ходатайству весьма сдержанно и сказал, что не знает, как Торд примет его помощь: он не хотел заходить чересчур далеко на случай, если Торд примет ее дурно. Но Бард сказал, что берется выяснить это у самого Торда.

Бард пошел встречаться с Тордом. Они не проговорили много времени, как Бард спросил Торда, как бы он отнесся к тому, чтоб Арон обратился к нему с парой слов.

Но Торд отвечал, что ему особо не в чем упрекнуть Арона, потому что тот, по словам Торда, причинил его родичам лишь то, к чему был понужден обстоятельствами[319], —

— правда, нам не по душе другой поступок Арона.

Бард спросил, что это за поступок.

— Он вставил несколько слов против меня, когда я должен был стать дружинником, и не захотел делить со мной помещение[320].

На этом они прекратили беседу. Бард пошел прочь и пересказал Арону слова Торда и его ответ. Арон не скрыл своего недовольства.

Вот проходит ночь и наступает новый день. Рагнхильд стало известно о том, что Торд заложил единственную ценную вещь, которая у него еще оставалась. Это был пурпурный плащ, подбитый белым мехом. Рагнхильд говорит Арону, как далеко зашло дело. Вместе с Бардом они давят на Арона, чтоб он больше не медлил и поскорее вмешался.

Тогда Арон вскочил и направился к чердаку Торда сам-третéй. Торд сидел дома один, при нем был лишь мальчик-прислужник. Как только Арон взошел на чердак, Торд поднялся со своего места, приветствовал Арона и протянул ему руку. Он вполголоса поговорил с мальчиком; тот вышел прочь и вернулся, и вслед за этим появилась кадка меда; началось застолье да веселье. Торд предложил Арону оставаться у него до конца дня, если он никуда не торопится. Арон отвечает, что пришел к Торду ровно затем, чтобы пригласить его к себе, если, конечно, они смогут поладить между собой лучше, чем раньше, и сказал, что это было бы только разумно.

Торд отвечал, что хотя ему пока что не предлагают почетные отступные в их тяжбе, он все же убирать руку в знак отказа не хочет, —

— что-то пирушки здесь совсем поскучнели.

Арон тотчас отряжает человека на торг и велит забрать плащ Торда, который лежал там. Затем все вместе идут ко двору Арона. Торда ждал хороший прием. Торд пробыл у Арона три недели подряд. По их истечении Арон предложил Торду делить с ним все успехи и невзгоды, покуда Торд будет в этом нуждаться. Торд с благодарностью принял предложение и произнес много уважительных слов об Ароне.

Некоторое время спустя они пошли к конунгу и попробовали добиться для Торда большей милости конунга, чем прежде. Это было нелегко, и на первый раз пришлось отступить.

Немного погодя Торд заводит беседу с Ароном и говорит, что тому не нужно повторять попыток умилостивить конунга.

Арон сказал, что так поступать негоже, —

— ибо, даже если разница в силах невелика, более слабому все равно обычно приходится склониться. Но зато потом он добивается бóльших почестей.

— Тебе решать, Арон, — говорит Торд. — Я убедился, что ты всегда советуешь мне от чистого сердца и верно смотришь на многое.

Однажды, незадолго до йоля, Арон с Тордом пошли встречаться с конунгом и приветствовали его.

Арон начал так:

— Государь, сюда к Вам пришел Торд, и мы бы хотели поддержать его просьбу, чтобы Вы вернули ему свою милость, как бывало раньше. И мы бы хотели просить, чтобы Вы как-то пособили ему, так чтобы Торду это было почетно.

Конунг промолчал.

Тогда Торд сказал:

— Я бы хотел, государь, чтобы Вы разрешили мне покинуть страну и предстать перед другими хёвдингами[321].

Конунг запретил это, и тогда они ушли.

Немного дней спустя на двор Арона пришли посланцы с конунгова двора и передали слова конунга, что он приглашает Арона с Тордом к себе на пир во время йоля. Те изумились, но дали согласие, сочтя, что за этим можно ждать новых милостей. Весь йоль они сидят на пиру. На следующий день они идут к конунгу и благодарят за хорошее угощение.

Тут конунг сказал:

— По-моему, мне, Арон, подобает слегка разгрузить тебя, и пускай Торд остается здесь с нами.

Арон отвечает, что будь его воля, он предпочел бы именно это.

Теперь Торд и Арон в первый раз расстаются друг с другом. С тех пор они неизменно оставались друзьями, и Торд провел с конунгом еще несколько зим[322]. В этом случае, как стало ясно впоследствии, наглядно проявилась удача Арона, позволявшая ему помогать разным людям; здесь видно также, насколько высоко конунг ценил его мнение.

Наш государь конунг Хакон прочно закрепил дружбу Торда и Арона и поручил Торду опекать Арона, если тот захочет поехать в Исландию, ибо Арон уже давно рвался туда, чтобы повидать свою родню и друзей[323].

Когда же они прибыли в Исландию, Торд принял Арона на свое попечение и мужественно отстаивал его во всех распрях, ограждая Арона от тех, кого тот считал своими врагами[324]. Все родичи Арона отлично его встретили и приняли как мужа прославленного. Благодаря поддержке Торда и собственных родичей Арон добился полного оправдания и заключил несколько мировых[325].

После этого Арон отбыл обратно в Норвегию и встретился с конунгом Хаконом[326]. Тот ласково его принял. Арон провел с конунгом еще несколько зим[327] и пользовался не меньшим почетом, чем прежде.

XXII

В то время в Норвегию прибыл легат нашего владыки папы, по имени Вильхьяльм[328]. Он прибыл затем, чтобы короновать конунга Хакона и королеву Маргрет[329]. Сверх того, он совершил в Норвегии немало иных славных дел[330].

Он рукоположил епископа Хейнрека на престол на Пригорках в Долине Хьяльти. И когда епископ Хейнрек собрался в Исландию, Арон выехал вместе с ним[331]. Зиму он провел с епископом[332], а следующим летом собрался выезжать из страны вместе с Эйстейном Белым[333]. Но осенью корабль их разбился у

Капищного Мыса в Долине Плоского Острова[334]. Погибли все, кроме Арона и двух других людей[335]: Арону с божьей помощью удалось спасти их[336]. Арон остался зимовать у епископа Хейнрека, и слава его только умножилась[337].

Следующим летом Арон помирился с сыновьями Сигмунда Крючка[338]. Решение по мировой вынесли епископ Хейнрек и аббат Бранд[339]; позже поручителями со стороны Арона выступили также Гицур[340] с Торгильсом Заячья Губа[341]. И после этого Арон оказался примирен со всеми людьми в Исландии.

На следующее лето Арон выехал из страны[342], и поездка прошла удачно. Корабль прибыл прямо в Берген, и Арон тотчас отправился на встречу с конунгом Хаконом. А тот, как обычно, отлично его принял.

Арон не успел пробыть в Норвегии долгое время, как тяжко заболел[343]. Во время этой болезни его навещал конунг, будто Арон был его наперсником или родичем, и люди почитали это за великую честь. Арон был соборован и выслушал все службы, и после этого скончался.

А когда его тело понесли к церкви, сам конунг со своей дружиной несли его. Конунг самолично стоял у погребального одра и произнес речь почета. В памяти остались такие слова:

— Этот человек, Арон, наш дружинник, повидал разные страны, прошел через множество испытаний и отлично себя проявил, многократно ставя свою жизнь под удар. И мы хотели бы закончить словами, — говорит конунг, — что здесь мы потеряли лучший меч среди наших подданных.

Похороны Арона были очень почетными. И надо надеяться, что душа его обрела хорошее пристанище, отчасти благодаря заступничеству его друга, доброго епископа Гудмунда сына Ари, но особенно ввиду величайшего милосердия нашего спасителя, чьим пилигримом Арона можно назвать по праву, ибо он посетил его святейшую гробницу и многие другие святые места.

На этом заканчивается Сага об Ароне сыне Хьёрлейва.

Комментарии к текстам саг

Принятые сокращения

Grg. Ia, b — Grágás: Islændernes Lovbog i Fristatens Tid / Udg. og overs. af Vilhjálmur Finsen. Kjøbenhavn, 1852—1870.

Grg. II — Grágás efter det Arnamagnæanske Haandskrift, 334 fol., Staðarhólsbók / Udg. af Vilhjálmur Finsen. Kjøbenhavn, 1879.

H — Hauksgerð Landnámabókar.

S — Sturlugerð Landnámabókar.

St — Sturlunga saga / Guðni Jónsson bjó til prentunar. Reykjavík, 1981. Bd. I—III.

Сага о Людях с Песчаного Берега

Обаяние родовых саг заключается в том, что они воспринимаются как правдивые рассказы о реальных событиях далеких эпох. Чем лучше изложена сага, тем легче в это поверить. Неискушенные читатели ждут от незнакомого текста новых подробностей и захватывающих сюжетов из века саг (ок. 870—1030 гг.). Специалисты ищут в саге достоверные сведения, согласующиеся с ранее накопленными данными и в чем-то дополняющие их. «Сага о Людях с Песчаного Берега» даст пищу и тем, и другим. Читатель найдет в ней согласованную и непротиворечивую картину распрей на полуострове Мыс Снежной Горы. Специалист оценит «Сагу о Людях с Песчаного Берега» как первичный письменный источник: сага была записана не позднее середины 1260-х гг. и повлияла на окончательные версии других родовых саг. Сама же она опирается на устную традицию и на скальдические стихи, большинство из которых намного древнее ее текста.

В центре внимания саги — фигура Снорри Годи сына Торгрима (963—1031), одного из самых дальновидных и влиятельных исландцев века саг. Снорри Годи был хёвдингом и имел большое потомство. Особенно важны генеалогические связи, связывающие его с последующими владельцами хуторов Святая Гора и Междуречье Обильной Долины, где в разное время проживал Снорри. Оба хутора были в дальнейшем усадьбами хёвдингов, а Святая Гора — еще и культурным центром: с 1184 г. там размещался монастырь. Ранее, в XI в., на Святой Горе жил крестник Снорри, хёвдинг Геллир сын Торкеля (1008—1074[1]), внук и воспитанник которого, историк Ари Мудрый сын Торгильса (1068—1148[2]), составил «Жизнь Снорри Годи». Перевод этого текста помещен в настоящем томе непосредственно после «Саги о Людях с Песчаного Берега». Вехи жизни Снорри Годи интересовали Ари в связи с построением общей хронологии, связывающей исландскую историю с европейской. Эту задачу Ари решил в другом произведении — «Книге об Исландцах» (Íslendingabók). В первой главе этого произведения Ари указал, что его хронология опирается на “рассчеты” (ætlun ok tǫlu) мудрых людей старшего поколения, с которыми он лично общался. Среди них упомянута и

[1] Исландские анналы помечают смерть Геллира сына Торкеля под 1073 г., однако из текста «Книги об Исландцах», составленной внуком Геллира, Ари Мудрым, следует, что Геллир умер в 1074 г. Ср.: *Jakob Benediktsson.* Formáli // Íslenzk Fornrit. Bd. I. Reykjavík, 1986. Bls. X.

[2] Год рождения Ари Мудрого (1068 г.) восстанавливается на основе того, что сам Ари пишет в «Книге об Исландцах» о своем детстве. Исландские анналы дают более раннюю дату: в большинстве анналов стоит 1067 г., а т. н. «Аннал Ресена», составленный Стурлой Тордарсоном, дает 1066 г.

Турид, дочь Снорри Годи (1024—1112)[3]. «Жизнь Снорри Годи» сообщает, что Снорри умер шестидесяти семи лет от роду, “зиму спустя после гибели конунга Олава Святого”, т.е. в 1031 г. В сочетании со сведениями о том, сколько лет Снорри прожил на первом и на втором хуторе (соответственно — двадцать восемь и двадцать три) и сведениями о возрасте, в котором Снорри поставил собственный хутор на Святой Горе (шестнадцать лет), это позволяет датировать события его жизни. Рассказчик саги знал оба названных сочинения Ари. Это видно из того, что дает в гл. XXIV точную хронологию важного события века саг, связанного с Широким Фьордом — открытия Гренландии Эйриком Рыжим (982 г.)[4]. Не столь ясно, пользовался ли рассказчик «Книгой о Заселении Земли»: дошедшие до нас редакции этого произведения, особенно, «Книга Стурлы», составленная Стурлой Тордарсоном (1214—1284), сами испытали влияние «Саги о Людях с Песчаного Берега»[5].

В XIII в. власть в Широком Фьорде сосредоточилась в руках семейства Стурлунгов, сперва у Торда сына Стурлы (1170—1237), а затем у его сыновей Бёдвара и Стурлы [Тордарсона][6]. Рассказчик саги принадлежал к окружению одного из них. Это выдает, прежде всего, ссылка на свидетельство матери сыновей Стурлы, Гудню дочери Бёдвара (ум. 1221 г.), которая лично присутствовала при перезахоронении останков Снорри Годи[7], а также указания на родство Стурлунгов со Снорри Годи и другими героями саги (см. гл. LXIV—V, с. 129)[8]. Но задачей саги является не прославление одних родов в ущерб другим[9], а связное изложение распрей между жителями трех мест — Песчаного Берега (Eyrr), Мыса Тора (Þorsnes) и Лебяжьего Фьорда (Alptafjǫrðr). В начальных главах говорится, кем и когда они были заселены, а в последних словах последней главы рассказчик завершает сагу, называя ее “Сагой о Людях с Мыса Тора, Людях с Песчаного Берега и Людях из Лебяжьего Фьорда”. Этот длинный ряд имен является самоназванием текста. Краткое название — «Сага о Людях с Песчаного Берега», впервые приводится в редакции «Книги о Заселении Земли» (Н 67), составленной Хауком Эрлендссоном ок. 1300 г. Краткое название саги, как предполагают комментаторы,

---

[3] Снорри Стурлусон в «Прологе» к «Кругу Земному» добавляет, что Турид была “женщиной столь памятливой, что помнила своего отца Снорри Годи”. По мнению комментаторов, эту фразу Снорри Стурлусон заимствовал из ныне утраченной ранней редакции «Книги об Исландцах».

[4] Открытию Гренландии посвящена гл. V «Саги об Исландцах».

[5] Ср. обсуждение в работе: *Jakob Benediktsson.* Op. cit. Bls. LXV—XVI.

[6] В меньшей степени это относится к их брату Олаву Белому Скальду (ум. 1259 г.), который не был хёвдингом и большую часть жизни прожил в Городищенском Фьорде. Вместе с тем, Олав является наиболее вероятным автором «Саги о Людях из Лососьей Долины», сообщающей о распрях в Долинах в Широком Фьорде.

[7] «Сага о Людях с Песчаного Берега», гл. LXV.

[8] «Сага о Людях с Песчаного Берега», гл. LXIV и LXV. Высказывалось мнение, что последняя глава, содержащая ссылки на другие саги, была дописана позже: *Einar Ólafur Sveinsson.* Ritunartími Íslendingasagna. Reykjavík, 1955. Bls. 109—110.

[9] Изложение саги подчеркнуто объективно. Так, в гл. XXXVII рассказчик высказывает сожаления по поводу гибели Арнкеля, врага Снорри, и подчеркивает, что Арнкель пал жертвой завистников. Напротив, Стюр Убийца, тесть и союзник Снорри, своими действиями вызывает у читателя лишь отвращение. Ср. характеристики, которые даются ему в гл. XII, XVIII, XXV, XXVIII, XLIV.

утвердилось благодаря тому, что хутор Песчаный Берег в XI—XIII вв. был основным и наиболее вероятным местом устной передачи, а затем и переписи саги. В XI в. на этом хуторе жил зять Снорри Годи, Гудлауг сын Стейнтора, а начале XIII в. хутор перешел во владение Торда сына Стурлы: после смерти последнего в 1237 г. хутор принял его сын Стурла Тордарсон.

Биография Снорри Годи говорит о преемственности власти. Вначале потомки Торольва Бородача с Мостра, поселившегося на Мысу Тора, соперничали с потомками другого первопоселенца, Бьёрна с Востока, — их сага сперва называет Кьяллеклингами, а затем — Людьми с Песчаного Берега. Снорри Годи, правнук Торольва, первоначально опирался на соседей, Людей из Лебяжьего Фьорда. Позже Снорри заключил союз с главой Кьяллеклингов, одиозным Стюром Убийцей, и женился на его дочери Асдис[10], а в 998 г. помирился с другим вождем Кьяллеклингов, Стейнтором. После гибели Стюра в 1007 г. первенство Снорри не оспаривалось, и именно он в 1008 г. возглавил поход в Городищенский Фьорд с целью мести за Стюра. Собственно, этим эпизодом содержание саги исчерпывается. В последней главе рассказчик лишь вскользь упоминает о распрях Снорри с хёвдингами из других областей, ссылаясь на то, что об этом “сказано в других сагах”. Почти все события саги относятся к периоду, когда Снорри жил на своем первом хуторе, Святой Горе (979—1007). К периоду, когда Снорри переселился в Междуречье Обильной Долины (1008—1031), относится единственный эпизод — распри с разбойниками из фьорда Стужа (Bitra). Этот эпизод датируется 1010—1012 гг.

Рассказчик саги использовал большое количество разнородных источников — от ученой традиции до местных преданий о привидениях. Хронологию событий он сверял по сочинениям Ари Мудрого. Второстепенные детали рассказчик мог домысливать, опираясь на необычные топонимы вроде Сраная Шхера, Камень Тора, Сход Рабов, Пустошь Берсерков, к которым приурочены сообщения об убийствах героев саги. Много информации взято из вис, сохранявшихся в скальдической традиции. Почти все висы сложены местными уроженцами. Обращает на себя внимание, что львиная доля стихов приписана скальдам, принадлежавшим к семье Кьяллеклингов, враждовавшей со Снорри — Торарину Черному (семнадцать вис) и Бьёрну Бойцу Широкого Залива (семь вис). В окружении Кьяллеклингов, вероятно, возникли и передавались стихи об убийстве берсерков (три висы)[11]. Однозначно положительно Снорри Годи охарактеризован лишь в пяти висах Тормода сына Бахромы и одной висе Одда[12], но именно эти шесть вис, представляющие собой остатки хвалебных поэм, имеют четкую атрибуцию и надежно датируются концом IX — началом X в. Данные поэмы передавались в среде

[10] Этот союз явно осуждался в народе. Ср. слова Торлейва Кимби в гл. XXXVI о том, что “Снорри Годи и Стюр — все равно, что один человек, потому что они свояки и держатся сообща”. Из контекста следует, что реплика была произнесена, чтобы уязвить Снорри.

[11] В такой пропорции нет ничего удивительного. Снорри, как указано выше, в 1007 г. перебрался в соседнюю округу. Между тем, потомки Кьяллеклингов оставались на Мысу Снежной Горы в XI в. на первых ролях. В XIII в. на хуторе Песчаный Берег долго жил Торд сын Стурлы, а после его смерти хутор унаследовал его сын, Стурла Тордарсон.

[12] Еще в одной висе Одда, где Снорри не назван по имени, скальд радуется поражению Кьяллеклингов в тяжбе на Тинге Мыса Тора в 980 г.

знатоков скальдической поэзии независимо от саг и прядей. Прочие стихи были в той или иной мере связаны с устной прозаической традицией.

Флокк Торарина Черного посвящен битве у Чаечного Склона (980 г.) Об этом событии ходили устные рассказы, которые легли в основу соответствующих глав «Книги о Заселении Земли»[13]. Для оценки объема этих рассказов важны два обстоятельства. Во-первых, висы флокка получили известность благодаря собственно поэтическим достоинствам: одна виса цитируется в «Младшей Эдде», а другая — в «Книге о Заселении Земли». Во-вторых, за вычетом эпизода, которому посвящен флокк, жизнь Торарина была мало примечательна. Разумно заключить, что о Торарине никогда не существовало ни устной, ни письменной саги, и что висы флокка подлинные или, по крайней мере, были очень рано, не позднее XI в., соотнесены в скальдической традиции с именем Торарина.

Висы, приписываемые Бьёрну Бойцу Широкого Залива, заведомо не составляют цикла: они привязаны к разным эпизодам, между которыми пролегает дистанция в одиннадцать лет. К тому же, Бьёрн, в отличие от Торарина, — герой по всем меркам: он прославился не только как личный враг Снорри Годи и любовник его сестры Турид, но как участник ряда крупнейших битв в Скандинавии. Предания о выдающемся земляке, окончательно покинувшем Исландию в 998 г., возможно, начали складываться еще при его жизни. Самое раннее из них приведено в гл. LXIV со ссылкой на известного купца Гудлейва: в конце 1020-х гг. Гудлейв якобы общался с Бьёрном в некой отдаленной стране за морем[14]. Все это побуждает заключить, что стихи, связываемые с именем Бьёрна, были частью у с т н о й с а г и, которая строилась как с а г а о с к а л ь д е[15]. Последнее было возможно, если Бьёрн имел прижизненную славу скальда. Так или иначе, с именем Бьёрна к моменту записи «Саги о Людях с Песчаного Берега» связывался ряд вис, сообщающих о романических переживаниях скальда. Стилистика (а в одном случае, и метрика) этих вис столь необычны, что возможность их присочинения самим рассказчиком «Саги о Людях с Песчаного Берега» крайне маловероятна[16].

Если существование устной саги о Бьёрне — лишь правдоподобная гипотеза[17], то существование саги о тесте Снорри, Стюре Убийце, — факт. Значительная часть этой саги была записана в XIII в. и вошла в письменный текст «Саги о Битве на Пустоши». В последней саге есть виса, приписанная берсерку Лейкниру, жертве Стюра; та же виса приводится и в «Саге о Людях с Песчаного Берега». Есть все основания полагать, что данная виса и еще две, вставленные в эпизод об убийстве берсерков, попали в

---

[13] Перевод данных прядей приводится в настоящем издании ниже.

[14] Рассказчик саги говорит, что плавание Гудлейва, где он встретился с Бьёрном, состоялось “на склоне дней конунга Олава Святого”. Олав Святой погиб в 1030 г. Он правил Норвегией с 1015 по 1028 гг.

[15] К данному типу относятся такие родовые саги, как «Сага о Гуннлауге Змеином Языке», «Сага о Бьёрне Бойце Долины Реки Хит», «Сага о Гисли сыне Кислого», «Сага о Кормаке сыне Эгмунда», «Сага о Халльфреде Трудном Скальде», «Сага о Хаварде Хромом». О жанровых признаках саг о скальдах см. работу: *Bjarni Einarsson.* To skjaldesagaer. Oslo; Bergen; Tromsø, 1976.

[16] Подробный разбор вис Бьёрна читатель может найти во второй части книги.

[17] Данная гипотеза выдвигается в исландистике впервые.

текст «Саги о Людях с Песчаного Берега» из саги о Стюре. Не столь ясно, знал ли рассказчик «Саги о Людях с Песчаного Берега» письменный текст «Саги о Битве на Пустоши»: этот спорный вопрос много обсуждался[18]. Кроме эпизода с берсерками, знакомство рассказчика «Саги о Людях с Песчаного Берега» с сагой о Стюре подтверждается наличием вводной характеристики и описания внешности Стюра[19] (гл. XII). Единственным персонажем саги, помимо Стюра, развернутое описание которого мы имеем, является сам Снорри Годи (гл. XV).

Саговая традиция, связанная непосредственно со Снорри Годи, с нашей точки зрения, имеет четкий стержень — тяжбы Снорри, проявляющие его необычайную изощренность в законах. Важно подчеркнуть, что прозаическая и скальдическая традиция о Снорри не пересекаются: в посвященном Снорри флокке Тормода сына Бахромы Снорри удостаивается похвалы за акты насилия[20]. Каждая из тяжб Снорри с Арнкелем и Кьяллеклингами имеет изюминку, связанную с неожиданным действием одной из сторон или редко применяемой нормой[21]. В нескольких эпизодах сага ссылается на нормы, не запечатленные в «Сером Гусе», но это тот редкий случай, когда отклонения от письменного текста исландских законов эпохи независимости не являются следствием некомпетентности рассказчика, заменяющего законы «Серого Гуся» нормами позднейшего колониального норвежского законодательства. Как показал более 100 лет назад К. Маурер, «Сага о Людях с Песчаного Берега» с высокой вероятностью отражает юридическую практику X—XI вв., предшествующую записи «Серого Гуся»[22]. Поэтому дважды повторяемые в гл. XXII и XLIII утверждения

---

[18] Ср. обсуждение: *Einar Ólafur Sveinsson.* Formáli // Íslenzk Fornrit. Bd. IV. Reykjavik, 1935. Bls. XX—XXI. Большинство ученых, вслед за Сигурдуром Нордалем, признавало «Сагу о Битве на Пустоши» более архаичной, чем «Сага о Людях с Песчаного Берега». Обратная, менее убедительная, точка зрения отстаивается в работе Бьядни Гвюднасона: *Bjarni Guðnason*. Túlkun Heiðarvígusögu. Reykjavík, 1993.

[19] «Сага о Людях с Песчаного Берега», гл. XII.

[20] В то же время, в стихах врага Снорри Торарина Черного Снорри дважды характеризуются кеннингами, описывающими его как законника-крючкотвора, осуществляющего «грабеж прав других людей с помощью закона». См. примечания к висам № 5 и № 19.

[21] В первой тяжбе Людей с Чаечного Склона ответчику удается оправдаться от обвинения в наведении порчи за счет свидетельства двенадцати человек (гл. XVI). Во второй тяжбе Людей с Чаечного Склона истец пытается устроить суд прямо на хуторе ответчика, который отказывается подвергнуться обыску (гл. XVIII). Далее в той же тяжбе говорится о необходимости лично вызвать на тинг обвиняемого в убийстве (гл. XXII). В тяжбе об убийстве Вигфуса, где Снорри выступает ответчиком, против мертвеца возбуждается встречный иск (гл. XXVII). В тяжбе об убийстве рабов Торольва выясняются условия, при которых поджигателей можно убить без суда (гл. XXXI). В двух ситуациях обсуждаются сделки с наследством, требующие согласия третьей стороны (гл. XXXII, гл. XXXV). В тяжбе об убийстве Хаука применяется норма о законной самозащите (гл. XXXV). Юридический казус, связанный с тяжбой об убийстве Арнкеля, приводит к изменению законодательства и внесение поправки, запрещающей ведение тяжб об убийствах женщинами и несовершеннолетними (гл. XXXVIII). Битве в Лебяжьем Фьорде предшествует попытка Стейнтора в трехдневный срок доставить виру за убитого раба и за счет этого избежать тяжбы (гл. XLIII).

[22] Ср.: *Maurer K.* Zwei Rechtsfälle aus der Eyrbyggja saga // Sitzungsberichte der philosophischen-philologischen und der historischen Klasse der königlichen bayerischen Akademie der Wissenschaften.

рассказчика о том, что "ранее законы отличались от действующих ныне" заслуживают доверия. В любом случае, сведения о нормах X—XI вв. дошли до нас в рассказах о тяжбах Снорри Годи и благодаря этим рассказам. При этом, как показал Бьёртн Магнуссон Ульсен, благодаря авторитету «Саги о Людях с Песчаного Берега» описание норм, отклоняющихся от «Серого Гуся», было в XIII в. перенесено Стурлой Тордарсоном в «Книгу о Заселении Земли» (S 79)[23].

Еще двумя ингредиентами «Саги о Людях с Песчаного Берега», прощупывающимися за ее письменном текстом, являются генеалогии исландцев (большая их часть собрана в гл. I—XII и LXV) и то, что в более позднюю эпоху было бы названо фольклором (ср. гл. XVI, XVIII, XX, XXXIV, XL, L—LV, LXI, LXIII). Общим для этих групп устных источников является то, что они, во-первых, имеют узколокальную привязку (их сфера бытования может быть ограничена одним заливом или округой), а во-вторых, предполагают особую среду, где происходит их передача, т. е. иными словами, наличие знаний, доступных не всем. То, что это все же разные группы источников, лучше всего подтверждает гл. XLVIII, где в составе генеалогии упоминается некий годи Халльстейн, "о рабах которого ходят рассказы". По случайности, предания о рабах Халльстейна сохранились — их записали собиратели фольклора в XIX в[24]. Рассказчик саги знал эти предания, иначе бы он не сослался на то, что они были широко известны в его время. Однако он не понял, что владелец рабов и Халльстейн, сын Торольва, о котором рассказывалось ранее в гл. III—VII, — одно и то же лицо. Большая часть вероятных фольклорных источников «Саги о Людях с Песчаного Берега» связана с рассказами о привидениях и нечистой силе, или, если воспользоваться ходовым древнеисландским словом, "чудесами" (undr). Русский читатель, помнящий рассказы о "чудесах" в других сагах, вряд ли удивится, узнав, что многолетние беды жителей Лебяжьего Фьорда связаны исключительно с происками дурного человека по имени Торольв Скрюченная Нога, после своей смерти превратившегося в тролля — данное слово действительно использовано в саге для одного из воплощений Торольва[25]. Более оригинален рассказ о чудесах на Вещей Реке (Fróðárundr)[26]. Здесь смерти жителей названного хутора в 1000—1001 гг. связываются с прибытием в Исландию кельтки по имени Торгунна; сага описывает ее как принявшую христианство колдунью. Торгунна вскоре умирает, завещав похоронить ее на хуторе Палатный Холм, где впоследствие будет учрежден епископский престол. По пути к месту погребения случается чудо: когда некий бонд отказывается кормить людей, сопровождающих труп, мертвая Торгунна встает и печет им хлеб. Версия этого эпизода, запечатленная в саге — самая ранняя, но далеко не единственная: в средние века и даже в новое время

Heft 1. München, 1896. Большинство аргументов Маурера принимается в работе Бьёртна Магнуссона Ульсена: *Björn Magnússon Ólsen.* Landnáma og Eyrbyggja saga // Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie. R. 2. B. 20. København, 1905. S. 81—117.

[23] Ibidem.

[24] В данных преданиях рассказывается о происхождении топонима Svefneyjar «Сонные Острова». Годи Халльстейн заставлял рабов добывать соль. Он застиг их на островах спящими, разгневался и велел повесить. Ср.: *Jón Árnason.* Íslenzkar þjóðsögur. Bd. II. Leipzig, 1864. Bls. 85. *Jón Þorkelsson.* Þjóðsögur og munnmæli. Reykjavík, 1899. Bls. 195.

[25] «Сага о Людях с Песчаного Берега», гл. LXIII.

[26] Под таким названием соответствующие события упомянуты в исландских анналах.

о Торгунне продолжали рассказывать были[27]. В одном из поздних бумажных списков «Саги о Людях с Песчаного Берега» Торгунна после смерти вступает в диалог с Мана-Льотом, внуком Снорри, который еще не родился к 1000 г.: в эпоху записи саги такой явный анахронизм был, разумеется, еще невозможен.

Возникает вопрос, ради чего подобные рассказы включались в столь фундаментальный и в целом исторически достоверный текст. Было бы ошибкой видеть в них сплошной вымысел, сообщаемый только ради того, чтобы посмешить читателей (в нескольких местах, впрочем, можно уловить иронию рассказчика, подробно повествующего о проказах призраков и методах их изгнания). Представляется, что в обоих эпизодах с выходом нечистой силы на авансцену есть историческая основа. Речь идет о массовом заболевании людей со смертельным исходом: в эпизоде с Торгунной прямо сказано, что зараза пришла на хутор с иноземного корабля и распространилась вместе с вещами покойной, которые не сожгли, вопреки разумному совету. Очевидно, подобные вспышки заболевания, отражавшиеся в рассказах о нечистой силе, не были эпидемиями. Они не распространялись на всю округу и затрагивали лишь отдельные хутора или долины. Именно потому соответствующие рассказы, как можно думать, не были общим достоянием и бытовали преимущественно среди местных жителей. Помимо Торольва и Торгунны сага упоминает ряд исландцев X в., которых подозревали или даже обвиняли в колдовстве. Наиболее примечательный эпизод связан с Гейррид, матерью скальда Торарина Черного: ее в 980 г. вызвали на тинг, обвинив в наведении порчи на ученика, перенимавшего у нее “тайные знания”.

Еще одна группа устных преданий, просматривающаяся за сагой, связана с рассказами о дальних морских путешествиях, совершенных жителями Широкого Фьорда. Здесь стоит обратить внимание на несколько деталей. В гл. XXIV говорится о том, как Стюр Убийца в 982 г. экипировал и обеспечил отъезд из страны Эйрика Рыжего, который в данной поездке открыл Гренландию. Согласно гл. XLVIII, после 998 г. в Гренландию переселились двое названых братьев Снорри Годи. Один из них, Торкель Кимби, остался жить в Гренландии и умер в этой стране, а другой, Снорри сын Торбранда, достиг Винланда (т. е. Северной Америки) и погиб там в стычке со скрэлингами (т. е. индейцами). Наконец, в гл. LXXIV говорится о том, что известный купец, Гудлейв сын Гудлауга, в 1020-е гг. был отнесен ветром в некую большую страну за Атлантическим океаном, где он якобы встретил Бьёрна Бойца Широкого Залива. Комментаторы сомневаются в достоверности последнего эпизода (вероятно, заимствованного из устной саги о Бьёрне), хотя, строго говоря, в нем не больше подозрительных деталей, чем в начальных главах саги, подробно описывающих языческие обычаи и детали языческого культа в IX–X вв. Эти страницы саги комментаторы по не вполне понятным причинам воспринимают некритически, считая, например, описание капища или поля тинга в гл. IV вполне надежным[28]. Между тем, эпизод встречи Гудлейва с Бьёрном изложен подчеркнуто

---

[27] Торгунна является действующим лицом романа Х. К. Лакснесса «Христианство у подножия ледника» («Kristnihaldið undir Jǫkli»), действие которого разворачивается в тех же местах, что и сага.

[28] Последняя по времени из работ, где описание капища и тинга в «Саге о Людях с Песчаного Берега» принимается на веру: *Gunnell T.* Hǫf, hǫll, goð(ar) and dvergar: Ritual Space in the Pagan

корректно — рассказчик даже оговаривает, что у него нет дополнительных сведений, подтверждающих рассказ Гудлейва. Напротив, сообщения о суеверных первопоселенцах, которые якобы запрещали “глядеть на священную гору немытым” и “посвящали” детей “своему другу Тору”, явно вносят комический эффект. К тому же, интерес исландцев XIII в. к своему прошлому не опирался на какую-либо традицию или среду, где языческий культ мог отправляться. Не случайно, рассказчик при описании капища навязчиво сопоставляет капище с церковью, жертвенник с алтарем, а жертвенный прут — с кропилом. Тайное отправление жертвоприношений было запрещено в Исландии уже в самом начале XI в., и невозможно представить себе среду, где языческие ритуалы могли бы передаваться из поколения в поколения вплоть до XIII в.[29] Наконец, в эпизодах с описанием языческих обычаев есть детали, которые в свете сегодняшних знаний кажутся прямо ошибочными. Между тем, комментаторы, поддаваясь авторитету памятника, сомнительные детали не замечают. Укажем в этой связи на контексты, связанные со сменой личного имени.

Когда сага в гл. IX и XI говорит, что мальчиков, которых при рождении сперва нарекли именами “Стейн” и “Грим”, затем посвятили Тору и переименовали, соответственно, в Торстейна и Торгрима, в это можно поверить. Подобные замены разрешены правилами свертывания и развертывания древнегерманских личных имен. Двухчастные имена, такие как Þor-steinn, Þor-grímr, могли сокращаться до своих значащих вторых компонентов, ср. Steinn «камень», Grímr «закрытый шлемом», а последние могли достраиваться до двухкомпонентных за счет разных расширителей, ср. Grímr > Þor-Grímr, Arn-Grímr, Hall-Grímr и т. д.[30] Однако, когда сага в гл. II без тени сомнения заявляет, что человека по имени Хрольв в IX в. прозвали Торольв, “потому что он истово поклонялся Тору”, это уже похоже на вымысел. Имя Hrólfr, как и имя Þórólfr, является сложным, двухчастным: в роли второго компонента в обоих именах выступает элемент -ólfr / -úlfr со значение «волк». Скорее всего, если переиме-

---

Icelandic Skáli // The 12th International Saga Conference. Scandinavia and Christian Europe in the Middle Ages. Bonn, 2003. P. 190. См. также: *Jón Hnefill Aðalsteinsson. Blót* and *þing*: The function of the tenth-century Goði // A Piece of Horse Liver: Myth, Ritual and Folklore in Old Icelandic Sources. Reykjavík, 1998. P. 35—56.

[29] Против этого можно возразить, что мифологические песни «Старшей Эдды», в которых нетрудно найти сообщения о действиях жрецов, были впервые записаны в том же XIII в. Однако передача языческих (по происхождению) текстов не равнозначна сохранению дохристианской обрядности: сведения о последней могут быть точными лишь в том случае, если отправление культа не прерывалось. Между тем, исландское общество и церковь, проявлявшие терпимость или поощрявшие литературные традиции, коренившиеся в языческом прошлом, не допускали ни открытого, ни тайного отправления языческих ритуалов. Возможность записи в 1220-е гг. такого текста, как «Младшая Эдда», одновременно являющегося руководством по скальдической поэзии и компендиумом языческой мифологии, наглядно свидетельствует о том, что язычество к этому время перестало быть угрозой для христианского общества и могло рассматриваться как культурное наследие, интерес к которому не является чем-то предосудительным. То же самое справедливо и по отношению к описаниям капищ в родовых и королевских сагах, тем более, что они обычно сопровождаются нравоучительными или ироническими комментариями.

[30] О двучленных германских личных именах см., прежде всего, работу: *Schramm G.* Namenschatz und Dichtersprache: Studien zu den zweigliedrigen Personennamen der Germanen. Göttingen, 1957.

нование вообще было, героя первоначально звали Úlfr, а не Hrólfr. Рассказчик саги хорошо знал, что в исторические времена замена одного двухчастного имени на другое не практиковалась, но это не удержало его от домысла о такой возможности по отношению к суеверным поклонникам Тора.

Еще более примечательная коллизия связана с объяснением, почему главного героя саги зовут Снорри, а не как-то иначе. Как известно из разных источников, Снорри Годи родился уже после убийства своего отца Торгрима и потому, по общему правилу, автоматически унаследовал его имя — Торгрим. Далее две родовые саги предлагают целых две версии переименования. «Сага о Гисли сыне Кислого» в гл. XVIII объясняет, что у мальчика в детстве якобы был скверный характер, как у его отца Торгрима, который плохо кончил. Поэтому, во избежание худшего, его решили вовремя переименовать в Снорри, что благотворно сказалось на характере. Иначе объясняет ситуацию «Сага о Людях с Песчаного Берега» в гл. XII: мальчик в детстве был беспокойным, поэтому его сперва прозвали Снеррир, т. е. «Задира», а затем Снорри (значение то же). Итак, если верить «Саге о Гисли», воспитатели ребенка умышленно заменили одно личное имя другим, а если верить «Саге о Людях с Песчаного Берега», прозвище ребенка вытеснило его личное имя. Оба объяснения являются догадками, лишь частично соответствующими истине. Имя “Снорри” было известно в Исландии в качестве личного имени с конца IX в.,[31] и нет ни одного примера, подтверждающего его использование в качестве прозвища: возможно, именно поэтому рассказчик «Саги о Людях с Песчаного Берега» для правдоподобия прибег к промежуточной форме Snerrir, которая является окказиональным образованием от глагола snerra. Версия «Саги о Гисли» обходит эту трудность, но не решает вопрос, почему мальчик получил имя, которого не было в роду. Ответ, как нам представляется, можно вычленить из деталей, которые «Сага о Людях с Песчаного Берега» приводит в разных местах. Герой воспитывался не у родственников, а на хуторе соседа, бонда Торбранда из Лебяжьего Фьорда. Все пятеро сыновей Торбранда стали его назваными братьями; второго сына Торбранда звали как раз Снорри[32]. Из гл. XIII следует, что первенец Торбранда, Торлейв Кимби, был старше Снорри Годи, с которым он вместе выезжал из страны в 977 г. В таком случае, Снорри сын Торбранда был ровесником Снорри Годи или же немногим старше его. Правомерно заключить, что герой саги получил свое второе имя от Снорри сына Торбранда, либо им обоим в рамках обряда побратимства поменяли имя[33].

Выше были подробно перечислены вероятные источники «Саги о Людях с Песчаного Берега»: а) сочинения Ари Мудрого и, возможно, другие тексты, принадлежащие

---

[31] Первый носитель имени “Снорри”, Snorri Hlíðarmannagoði, прибыл в страну в конце IX в. Он упоминается в «Книге о Заселении Земли» (S 228, H 194).

[32] Все прочие сыновья Торбранда носят имена, начинающиеся на Тор-: *Тор*лейв, *Тор*одд, *Тор*финн, *Тор*мод.

[33] Заманчиво выглядит гипотеза, что первоначальное имя Снорри сына Торбранда было *Торд*: именно так Снорри Годи назвал своего первенца. Второго сына Снорри Годи назвал *Тороддом*, в честь следующего по старшинству сына Торбранда. Снорри Годи, очевидно, был особенно близок с теми из своих названых братьев, которые были его примерными ровесниками, т. е. со Снорри и Тороддом. Ни один из сыновей Снорри не был назван в честь Торфинна и Тормода, младших сыновей Торбранда, а в честь старшего сына Торбранда, Торлейва Кимби, который был старше Снорри Годи, Снорри назвал лишь своего семнадцатого ребенка.

ученой традиции, b) местные топонимы, c) циклы скальдических стихов, d) устные нарративные тексты — саги и рассказы об отдельных эпизодах, e) генеалогии, f) бывальщина и иные фольклорные тексты, g) предания о дальних морских плаваниях, h) домыслы и догадки о языческих ритуалах. Главное разграничение, как мы старались показать, проходит не между письменными и устными источниками, а между источниками, опирающимися / не опирающимися на непрерывную традицию в прозе и / или стихах. Среди традиционных источников важно различать источники общезначимые и относительно доступные — саги, пряди, отчасти стихи, передающиеся в скальдической традиции, и источники необщезначимые, имеющие узколокальную привязку.

Время записи саги не может быть установлено с точностью до десятилетия. В начале прошлого века было принято считать, что протограф был записан в 1220-е — 1230-е гг. Эйнар Оулавюр Свейнссон, издавший сагу в серии «Íslenzk Fornrit» в 1935 г., считал нижней границей год смерти Гудню дочери Бёдвара (ум. 1221 г.), на которую сага ссылается в гл. LXV. Верхней границей Эйнар Оулавюр Свейнссон считал 1235 г., когда секретарь Снорри Стурлусона, ученый аббат Стюрмир Мудрый (ум. 1245 г.), переехал в монастырь на Лесистом Острове: в этом монастыре Стюрмир составил собственную редакцию «Книги о Заселении Земли», по мнению Эйнара Оулавюра, испытавшую влияние «Саги о Людях с Песчаного Берега»[34]. К сожалению, сама «Книга Стюрмира» не сохранилась: известно лишь, что ее материал был использован ок. 1300 г. лагманом Хауком сыном Эрленда и включен им в «Книгу Хаука». Тем самым, трудно определить, кто именно из редакторов книги — Стюрмир или Хаук, испытал влияние саги[35]. В работах последующего времени (Йоун Йоуханессон, П. Халльберг) защищалась другая датировка — 1250-е — 1260-е гг., которая представляется равновероятной. Сага записана местным уроженцем: в ней нет топографических ошибок и анахронизмов.

Датировать протограф концом XIII в. едва ли возможно ввиду значительных расхождений между тремя редакциями саги. Одна из редакций была в конце XIV в. включена в состав обширной компиляции, известной как Vatnshyrna[36]. Рукопись Vatnshyrna (*V*) сгорела в 1728 г. во время пожара в Копенгагене, но сохранилось два надежных списка «Саги о Людях с Песчаного Берега», сделанных в конце XVII в. Один из этих списков сделан рукой Аусгейра Йоунссона, лучшего писца Ауртни Магнуссона. Вторая редакция саги ныне хранится в г. Вольфенбюттель (*W*) в Германии; тот же пергамент содержит текст «Саги об Эгиле». «Книга из Вольфенбюттеля» датируется XIV в. Третья редакция саги сохранилась в составе «Книги с Песчаника» (Melabók, *M*), компиляции, записанной на хуторе Песчаник в Среднем Фьорде в конце XV в. и

34 *Einar Ólafur Sveinsson.* Formáli // Íslenzk Fornrit. Bd. IV. Reykjavik, 1935. S. XLVII.

35 Датировка Эйнара Оулавюра Свейнссона критикуется в работах: *Jón Jóhannesson.* Gerðir Landnámubókar. Reykjavík, 1941. Bls. 136. *Turville-Petre G.* Origins of Icelandic Literature. Oxford, 1953. P. 243—44.

36 В одной из хранящихся в Стокгольме рукописей (Perg 2, 4to), которая датируется ок. 1300 г., дается перечень саг в некой компиляции, составленной раньше Vatnshyrna. Все саги этой компиляции повторяются в составе Vatnshyrna. Если доверять этому перечню, то «Сага о Людях с Песчаного Берега» стояла в компиляции между некой «Сагой о Снах» и «Сагой о Сожжении Энунда». Последняя сага входит в состав «Саги о Стурлунгах», ее принятое название — «Сага о Гудмунде Драгоценном».

содержавшей, кроме того, оригинальную редакции «Книги о Заселении Земли». Сохранились лишь фрагменты рукописи, в том числе, семь листов с текстом «Саги о Людях с Песчаного Берега». Большинство издателей предпочитали опираться на чтения *V*, как самые гладкие и связные; в нескольких случаях, однако, варианты, предлагаемые *W* и *M*, производят более архаичное впечатление, и возможно стоят ближе к протографу.

Личность рассказчика не может быть установлена, хотя круг его общения и литературных связей примерно ясен. В 1960-е гг. появилось две работы, где доказывалось, что автором саги является сам Стурла Тордарсон, который сочинил сагу во второй половине жизни[37]. Выдвинутые аргументы: a) Стурла правил текст «Книги о Заселении Земли» с оглядкой на сагу, b) Стурла знал стихи из саги и пользовался их материалом в собственном творчестве, c) текстуальные сближения между «Сагой об Исландцах» и «Сагой о Людях с Песчаного Берега», — недостаточны. Стурла, несомненно, хорошо знал сагу, и его собственный стиль формировался под ее влиянием, но это не доказывает, что он был ее автором. Столь видный скальд, как Стурла, мог почерпнуть стихи не из саги, а непосредственно из скальдической традиции, тем более, что он долгое время жил на хуторе Песчаный Берег, старой усадьбе Кьяллеклингов. К тому же, обсуждавшиеся параллели между стихами из «Саги об Исландцах» и стихами из «Саги о Людях с Песчаного Берега» носят поверхностный характер. Что касается стихов в редком размере хаддарлаг, которым воспользовался Стурла в одной из своих поэм, то, как показано в примечаниях к висам Тормода сына Бахромы, висы Стурлы имеют иную метрическую структуру, нежели висы Тормода, и говорить о заимствовании или, наоборот, подозревать Стурлу в фальсификации вис Тормода нет оснований.

Хронология основных событий саги выстраивается так:

Харальд Прекрасноволосый становится конунгом всей Норвегии	868 г.
Открытие Исландии	870 г.
Торольв Бородач с Мостра занимает Широкий Фьорд	884 г.
Бьёрн с Востока приплывает в Исландию	886 г.
Родился Торстейн Трескожор	913 г.
Смерть Торольва Бородача с Мостра	918 г.
Распри Торстейна с Кьяллеклингами	ок. 932—934 гг.
Утонул Торстейн Трескожор сын Торольва	938 г.
Родился Торгрим сын Торстейна Трескожора	938 г.
Родился Стюр Убийца сын Торгрима	ок. 940 г.
Приезд Торбьёрна Кислого в Исландию	952 г.
Гибель Хакона Доброго	960 г.
Гисли сын Кислого убивает Торгрима	963 г. или 964 г.
Родился Снорри Годи сын Торгрима	963 г. или 964 г.
Смерть Одда из Междуречья и Торда Ревуна	965 г.
Гибель Харальда Серая Шкура	975 г.
Снорри выезжает за море вместе с Торлейвом и Тороддом	977 г.
Снорри проводит зиму с матерью и Бёрком Толстым	978 / 79 г.

[37] Ср.: *Gunnar Benediktsson.* Sagnameistarinn Sturla. Reykjavík, 1961. S. 190; *Hallberg P.* Ólafr Þórðarson Hvítaskáld, Knýtlinga saga och Laxdœla. En motkritik // Arkiv för nordisk filologi. Bd. 80. Lund, 1965. S. 176—182.

Эйольв Серый убивает Гисли	осень 978 г.
Снорри ставит свой хутор на Святой Горе	979 г.
Распря Иллуги с Кьяллеклингами	
Смерть Торгрима сына Кьяллака	980 г.
Первая тяжба людей с Чаечного Склона	
Убийство Торбьёрна Толстого	980 г.
Вторая тяжба людей с Чаечного склона	981 г.
Отъезд Торарина Черного и Вермунда	981 г.
Распря Снорри и Вигфуса на тинге	
Тяжба Эйрика Рыжего	982 г.
Эйрик Рыжий отплывает и находит Гренландию	982 г.
Вермунд возвращается в Исландию	982 г.
Убийство Вигфуса	осень 982 г.
Стюр убивает берсерков, Снорри женится на Асдис	
Бьёрна объявляют вне закона, и он отплывает	983 г.
Рождение Кьяртана	985 г.
Эйрик Рыжий селится в Гренландии	986 г.
Смерть Торольва Скрюченная Нога	ок. 987—990 гг.
Убийство Хаука	991 г.
Убийство Арнкеля на Дворе Эрлюга	начало зимы 993 г.
Торлейв Кимби и Арнбьёрн отплывают за море	994 г.
Битва ярлов с Йомсвикингами	994 г.
Убийство ярла Хакона Могучего	995 г.
Возвращение Бьёрна	ок. 997 г.
Битва в Лебяжьем Фьорде	ок. 997 г.
Битва в Окраинном Фьорде	ок. 997 г.
Примирение Снорри со Стейнтором, отъезд Бьёрна	ок. 998 г.
Принятие христианства на альтинге	1000 г.[38]
Битва при Свольдре	1000 г.
Чудеса на Вещей Реке	1000—1001 гг.
Убийство Стюра	1007 г.
Снорри убивает Торстейна сына Гисли	1008 г.
Снорри меняется хуторами с Гудрун	1008 г.
Распря Снорри с Торстейном с Козлиного Острова	1009 г.
Столкновения с разбойниками	1010—1012 г.
Изгнание разбойников, смерть Оспака	1012 г.
Битва на Пустоши	1014 г.
Плавание Гудлейва	ок. 1025—1028 гг.
Смерть Снорри Годи	1031 г.

«Сага о Людях с Песчаного Берега» переводилась на английский (не менее шести раз), немецкий, датский, шведский, норвежский (не менее пяти раз), итальянский (дважды), французский, испанский и чешский языки. На русский язык сага перево-

[38] Дата законодательного принятия христианства на альтинге (1000 г.) приводится по исландским анналам.

дится впервые. Перевод сделан по изданию: Eyrbyggja saga / Einar Ólafur Sveinsson og Matthías Þórðarson gáfu út // Íslenzk Fornrit, Bd. IV. Reykjavik, 1935.

Примечания

[1] Кетиль Плосконосый и все его семейство упоминаются во многих текстах. Наиболее подробно о нем рассказывается в начале «Саги о Людях из Лососьей Долины».

[2] Все рукописи «Саги о Людях с Песчаного Берега» передают прозвище Ауд с ошибкой, как “Глубокобогатая”. Это неверное чтение возникло за счет добавления лишней буквы: djúp*a*uðga вместо правильного djúpuðga “глубокомудрая”.

[3] Имя “Кьяллак” ирландского происхождения (дирл. Cellach), поэтому указание, что Кьяллак был родом из Ямталанда (совр. Емтланд), области между современной Швецией и Норвегией, вызывает подозрения.

[4] Южными Островами в исландских источниках неизменно называются Гебридские Острова.

[5] Рагнар Кожаные Штаны — датский викингский вождь, воевавший в Англии в IX в. и павший там. В 870 г. Ивар, сын Рагнара, убил английского короля Эадмунда. О Рагнаре и его сыновьях существует лживая (фантастическая) исландская сага и многочисленные фарерские предания.

[6] Хельги Тощий считался одним из знатнейших первопоселенцев в Исландии. Он упоминается во многих текстах.

[7] Тинг восьми племен — это Эйратинг в Трандхейме, первый по статусу тинг в Норвегии.

[8] Хаук Высокие Чулки — дружинник (или гость) Харальда Прекрасноволосого, выполнявший ответственные поручения. В 918 г. Хаук отвез в Англию юного Хакона, сына конунга Харальда.

[9] Длинными судами называли боевые корабли.

[10] Плавание Ингольва датируется 874 г. Этот год считается официальной датой открытия Исландии.

[11] “Большие суда для морских переходов” — это парусные торговые корабли с высокими и широкими бортами. Суда данного типа хорошо изучены по археологическим находкам в г. Роскилле, Дания.

[12] “Почетная скамья со столбами” — это короткая поперечная скамья в доме. На ней могло помещаться не более трех человек.

[13] Объезд незанятой земли с огнем в руках был ритуальным действием, означавшим освоение земли и вступление в права собственности.

[14] Загадочное слово “боговы гвозди” (reginnaglar) один раз встречается у Торарина Славослова, скальда начала XI в.: Торарин называет монахов (по другому толкованию, мучеников) кеннингом reginnaglar bókmáls, букв. “гвозди книжной речи”. Неясно, имеются ли в виду под reginnaglar гвозди, обладающие особой святостью, как понимает это рассказчик саги, или же это просто гвозди большого размера, несущие капитальную нагрузку, т. е. “стержневые гвозди”. Если интересующее

нас слово действительно было строительным термином, такие гвозди должны были использоваться не только в капищах, но и вообще в любых крупных деревянных постройках.

[15] Кольцо жертвенника, скорее всего, было серебряным: об этом сообщает редакция *M*. Эйрир серебра весил 26,79 г. Неясно, можно ли доверять цифре "двадцать эйриров", которая приводится в редакции *B*; редакции *M*, *V* дают чтение "два эйрира", но это противоречит другим источникам, где четко сказано, что кольцо жертвенника должно было весить "не менее трех эйриров".

[16] Считается, что жертвенную кровь использовали для гаданий.

[17] Археологические раскопки скандинавских капищ, в целом, подтверждают описание саги. Однако при раскопках фигуры богов, т. е. идолы, обнаружены не были.

[18] Упоминаемый здесь Торстейн Рыжий в 880-е гг. захватил власть на полуострове Катанес в Шотландии, но вскоре был убит. О Торстейне и его потомстве рассказывается в «Саге о Людях из Лососьей Долины».

[19] Далее, в гл. XVII, сага, однако, назовет Кьяллеклингами не только потомков Бьёрна с Востока, но и их родичей, сыновей Многодетного Кьяллака сына Бьёрна.

[20] Ссылка на Ари Мудрого в данном случае не оправдана. Согласно гл. IV «Книги об Исландцах», жену Торольва Бородача с Мостра звали Оск дочь Торстейна Рыжего. Тем самым, версия Ари и версия «Саги о Людях с Песчаного Берега», которая приписывает жене Торольва имя "Унн", расходятся.

[21] Глагол "подарил" следует понимать в смысле "посвятил сына Тору".

[22] О Многодетном Кьяллаке и его детях существовала устная сага, т. н. «Сага о Кьяллеклингах» (Kjalleklinga saga), краткое содержание которой было записано Стурлой Тордарсоном и включено им в «Книгу о Заселении Земли» в виде отдельной главы (S 111). Текст этой главы сильно испорчен, что навело ряд комментаторов на мысль о том, что Стурла, помимо устных преданий, воспользовался неким утраченным письменным текстом, уже к тому времени бывшем в плохом состоянии.

[23] Торд Ревун сын Олава Фейлана был правнуком Ауд Многомудрой, а Торгрим сын Кьяллака был внуком Бьёрна с Востока, брата Ауд. Тем самым, утверждение саги о том, что Торд был родичем Кьяллеклингов, справедливо. О Торде Ревуне существовала устная сага: Стурла Тордарсон ссылается на нее в своей редакции «Книги о Заселении Земли» (S 97). Из письменных текстов о Торде больше всего говорится в «Саге о Курином Торире» и «Саге о Людях из Лососьей Долины», а также в гл. V «Книги об Исландцах» Ари Мудрого. Анналы относят смерть Торда к 965 г.

[24] Законодательная реформа, включавшая разбиение Исландии на четыре четверти и введение Тингов Четвертей, была проведена Тордом Ревуном на альтинге в 963 г.

[25] "Камень Тора" сохранился до нашего времени, но никаких следов "круга, где людей присуждали в жертву богам", археологам найти не удалось.

[26] Торстейн Черный получил второе прозвище — "Умный", — за усовершествование календаря. Счет в древнескандинавском календаре шел на целые недели, число дней в году равнялось 52 неделям $\times$ 7 = 364. Торстейн предложил компенсировать явление, известное нам как "високосный год", добавляя каждое седьмое лето дополнительную неделю (sumarauka). Это предложение было принято на альтинге в конце

X в., как сообщает Ари Мудрый в гл. IV «Книги об Исландцах». Торстейн утонул в Широком Фьорде ранее 960 г. О его смерти рассказывается в «Саге о Людях из Лососьей Долины».

[27] Об убийствах Вестейна и Торгрима, связанных с распрей внутри семьи, подробно рассказывается в «Саге о Гисли сыне Кислого». Торгрим, отец Снорри Годи, погиб в 963 или 964 г.

[28] Об обстоятельствах смены имени героя см. вступительную статью, с. 288.

[29] О Хельги сыне Дроплауг (ум. 998 г.) и его боевых искусствах рассказывается в «Саге о сыновьях Дроплауг. Вэмунд Шейный Платок — герой «Саги о Людях из Долины Дымов». Эпизоды, в которых он участвует в этой саге, датируются отрезком 970–985 гг. Таким образом, оба героя, с которыми рассказчик «Саги о Людях с Песчаного Берега» сравнивает Стейнтора, были старшими современниками последнего.

[30] "Десяток серебра" — традиционная исландская мера. Имеется в виду десять эйриров серебра. Эйрир был одной восьмой частью марки и составлял 26,79 г. серебра. Стоимость эйрира зависела от пробы серебра: качественное серебро (т. н. "плавленое") ценилось вдвое дороже серебряного лома (т. н. "бледное" серебро).

[31] Эрлинг из Соли, он же Эрлинг сын Скьяльга (ум. 1028 г.) — могущественный норвежский лендрманн, конфликтовавший с конунгом Олавом Святым. В 977 г., когда на его хуторе гостил Снорри Годи, Эрлинг должен был быть еще молод.

[32] Хёрдский Кари, полулегендарный герой начала X в., упоминается во многих исландских генеалогиях. В одной из редакций «Саги о Торде Пугале» он назван К е т и л е м п о п р о з в и щ у "Хёрдский Кари".

[33] Угловой Фьорд находится на восточном побережье Исландии. Тем самым, Снорри и его названые братья должны были пересекать всю страну в неудобное время.

[34] Эйольв Серый сын Торда Ревуна был прадедом Ари Мудрого, который в конце «Книги об Исландцах» сообщает, что Эйольв дожил до 999 г. и "был крещен в старости".

[35] Гисли сын Кислого, дядя Снорри, погиб в 978 г. Согласно «Саге о Гисли сыне Кислого», в последней схватке он убил и смертельно ранил восемь человек.

[36] Под "островами" имеются в виду Острова Святой Горы, лежащие к востоку от Мыса Тора.

[37] Передача собственности или тяжбы, связанной с имущественными претензиями, обязательно осуществлялась через рукопожатие.

[38] «Книга о Заселении Земли» (S 79) утверждает, что Гуннлауг умер от болезни.

[39] В исландском законодательства была норма об ответственности за наведение порчи с тяжкими последствиями, повлекшими болезнь или смерть жертвы. Тяжбы по таким делами должен был решать расширенный состав суда — "суд двенадцати" (Grágás II, 27).

[40] Существовало две формы судебных слушаний. Рядовые тяжбы могли решаться т. н. "судом соседей" (búakviðr), в состав которого входили ближайшие соседи истца и ответчика, вызываемые ими. Обычно их число равнялось девяти. Тяжбы о серьезных преступлениях выносились на рассмотрение "суда двенадцати" (tylftarkviðr); эти

судьи обычно назначались годи того годорда, в который входил ответчик. Приговор выносился большинством голосов.

[41] Эта норма в письменном виде не запечатлена, но, весьма вероятно, «Сага о Людях с Песчаного Берега» отражает здесь древнюю законодательную практику.

[42] В «Сером Гусе» не сказано, что ответчик мог освободиться от обвинения, принеся клятву в своей невиновности. Данная норма соответствует древненорвежскому законодательству, где, однако, не было суда двенадцати. Неясно, является ли это место «Саги о Людях с Песчаного Берега» анахронизмом, или же оно действительно отражает старую древнеисландскую практику.

[43] Хёвдинг Иллуги Черный контролировал Городищенский Фьорд в конце X — начале XI в.

[44] Оловянный Форни был внуком Многодетного Кьяллака. Свою тяжбу он должен быть передать главе рода, т. е. Торгриму сыну Кьяллака.

[45] Скальд Одд имел прозвище “Житель Широкого Фьорда”. О нем и его стихах см. ч. II, с. 487.

[46] “Песня шлема” — битва. “Посох песни шлема” — муж, в данном случае — Иллуги Черный. “Кормилец крачки распрь” — он же.

[47] “Смутьяны кромки ран” — мужи, в данном случае — Кьяллеклинги. “Каленая льдина” — меч. “Клен каленой льдины” — муж, в данном случае — Иллуги Черный. “Кромешная Жена” — великанша (воплощение битвы); “сват кромешной жены” — муж (тот, кто затевает битву), в данном случае — Снорри Годи.

[48] Понятые (lǫgsjándr), которые должны присутствовать при проведении обыска, упоминаются только в данном контексте. Их присутствие означало, что обыск проводится с согласия обыскиваемого, и что его результаты определяются вердиктом третих лиц.

[49] Термин “суд у дверей” (dúradómr), который использует рассказчик «Саги и Людях с Песчаного Берега», не встречается ни в «Сером Гусе», ни в других сагах. По-видимому, суд у дверей ответчика — разновидность т. н. “частного суда” (einkadómr), в экстраординарных случаях проводимого за пределами тинга. О возможности такого суда говорится также в норвежских «Законах Гулатинга».

[50] Других шесть человек в состав суда мог назвать ответчик, если он был согласен признать легитимность “суда у дверей”.

[51] Название амбара, возле которого Торарин настиг Торбьёрна — “Рига” (Korngarðr), сохранилось лишь в одном из списков редакции *M*. Текст прочих редакций в данном месте испорчен.

[52] Описание поведения Нагли, соответствует исландским представления о безумии, в которое якобы впадают кельты на поле боя. Употребленное в тексте саги слово gjalt “ужас”, “помешательство” заимствовано из древнеирландского (< дрирл. geilt).

[53] “Верши” — щиты, “изверг вершей” — меч. “Посвист бестий” — битва, “бестия змея” — меч. “Бог лести” — Один (речи Одина — это битвы и убийства). “Бахвалы бога лести” — мужи. Смысл висы: я опроверг клевету женщин и достойно рубился в

битве, хотя мне не часто приходится хвастать подобным. Начальные строки данной висы цитируются в «Младшей Эдде».

[54] “Ток трупов” — кровь. Моди — один из асов, “Моди меда (т. е. поэзии)” — муж, в данном случае — Торарин Черный. “Кровля боя” — щит, “враг кровли боя” — меч. “Глашатай тяжб” — меч.

[55] “Знатный зачинатель грабежа в законе” — муж (тот, кто поражает врагов в правах, ведя тяжбы), в данном случае — Снорри Годи. “Щедрый издольщик поля аса павших” — муж, в данном случае — Вермунд Тощий. “Ас павших” — Один, “поле аса павших” — поле битвы, “издольщик поля битвы” — муж (тот, кто арендует поле, и расплачивается за это частью урожая). “Сыть сыча” — павшие в битве.

[56] “Асы пляски дротов” — мужи, в данном случае — Торбёрн Толстый и его люди; “пляска дротов” — битва. “Стропила (т. е. балки) крепи стрел” — Торбьёрн Толстый и его люди; “крепь стрел” — щит. Хрунд — валькирия, “рычаг обручья Хрунд” — меч.

[57] Ньёрд — один из асов, “Ньёрды жерди (т. е. меча)” — мужи, в данном случае — Торбьёрн Толстый и его люди. “Жало троп ремня” — меч. Триди — одно из имен Одина, “трутни строя Триди” — мужи, в данном случае — Торбьёрн Толстый и его люди. “Милость стрел” — мир. Смысл висы: я нарушил мир не по своей воле, враги поплатились жизнью за то, что напали на меня в моем доме.

[58] Ринд — валькирия, “Ринд лавин” — женщина, в данном случае — Гейррид, мать скальда. “Вестник язв” — меч. “Лемех”, в данном случае — меч. “Хлопец отчий” — сам скальд, в данном случае — Торарин Черный. “Щелочь ран” — кровь. Смысл висы: я отвел от себя упреки женщины и дал мечом пищу ворону, меч врага бил в мой шлем, кровь хлестала из ран.

[59] “Зловещий распев дев веча Гевн увечий” — битва; Гевн — валькирия, “вече Гевн увечий” — битва, “девы битвы” — стрелы, “распев стрел” — битва. “Обод дров обручья Фроди” — щит; Фроди — легендарный конунг, “дрова обручья Фроди” — мечи, “обод мечей” — щит. Гьёлль — мифологическая река, в данном случае — кровь.

[60] “Всадник волн” (тот, кто едет на коне волн, т. е. корабле) — муж, в данном случае — Торбьёрн Толстый. Моди — один из асов; “Моди борта” — сам скальд, в данном случае — Торарин Черный. “Избранник рыб брони” — муж, в данном случае — Снорри Годи; “рыба брони” — меч.

[61] Хрофт — одно из имен Одина, “молнии Хрофта” — золото, “прожигатель молний Хрофта” — муж (тот, кто тратит золото). “Волчий толк” — битва. “Извращенцы вервий битвы” — дурные мужи, в данном случае — враги Торарина, клевещущие на него; “вервии битвы” — броня. Хлин — валькирия, “Хлин подола” — женщина, в данном случае — Ауд, жена Торарина. В третьей строке скальд упоминает о том, что прежде он “бил вволю у Лба”; скорее всего, это означает, что он принимал участие в каком-то конфликте возле горы Лоб на полуострове Мыс Снежной Горы. Смысл висы: народ считает меня не склонным к сражению, хотя ранее я отличился в стычке у Лба; сейчас враги заявили, будто я сам отрубил руку своей жене — это гнусная ложь. Данная виса Торарина известна также по «Книге о Заселении Земли».

[62] “Гага нави (мертвечины)” — вóрон. “Страж ларца” — трусливый муж, в данном случае — Нагли. “Ворожба оружья” — битва. “Огнь сраженья” — меч.

[63] "Перепутье копий" — битва. "Дебри забрала" — битва. "Понукатель клячи" — трусливый муж, в данном случае — Нагли. "Мастак запястья" — он же.

[64] "Мот клада" — муж, в данном случае — Торбьёрн Толстый. "Лада благ" — женщина, в данном случае — слушательница висы; возможно, имеется в виду Гудню, сестра Торарина Черного. "Нанна льна" — она же; Нанна — женское божество. "Дождь краев червленых" — битва; "червленые края" — щиты (красного цвета). "Буй" — воинственный муж, в данном случае — Снорри Годи.

[65] "Бирючья (т. е. волчья) пурга" — битва. "Мор потравы врана" — меч; "потрава врана" — павшие в битве. "Липа" — копье. "Блеск отвеса" — щит (вывешиваемый на борт боевого корабля викингов). Хёгни — легендарный конунг, "святыня Хёгни" — щит.

[66] "Питомцы мыса птиц" — жители Ястребиного Мыса, враги скальда. "Забава бури" — битва. "Гость ненастья" — битва. "Земля заклада (т. е. золота)" — женщина, в данном случае — Турид, вдова Торбьёрна Толстого.

[67] "Ястреб язвы" — во́рон. "Игра мученья" — битва.

[68] "Бережливец звона струн забрала" — муж, в данном случае — Арнкель; "звон струн забрала" — битва.

[69] Согласно «Серому Гусю», произносить иск достаточно было один раз: это полагалось делать на тинге. Наоборот, вызывать свидетелей (соседей) полагалось до тинга. «Сага о Битве на Пустоши» отражает здесь более раннюю законодательную практику.

[70] "Вор гонца огнива градин гада" — муж, в данном случае — Снорри Годи; "гад" — меч или копье, "градины гада" — битва, "огниво битвы" — меч, "гонец меча" — муж, "вор мужей", обирающий их в правах — тот, кто объявляет людей вне закона. См. аналогичный кеннинг в висе № 5. Тротт — одно из имен Одина, "правдолюбы солнца кровли Тротта" — мужи, в данном случае — Снорри Годи и другие враги скальда; "кровля Тротта" — Вальхалла, чертог Одина, "солнце Вальхаллы" — щит.

[71] Гористый остров Димун расположен к югу от Мыса Завтрака у начала Лощинного Фьорда. Он имеет форму подковы и представляет естественное укрытие для корабля. Данный остров и соседние острова контролировались Кьяллеклингами. Топоним "Димун" ирландского происхождения (< дрирл. di-muinn) и значит "раздвоенная гора". Острова с таким названием есть возле Исландии, на Фарерских и Шетланских островах.

[72] Об убийстве сыновей Торгеста и других событиях, предшествовавших отплытию Эйрика Рыжего, рассказывается в «Саге об Эйрике Рыжем», гл. 2 и в «Книге о Заселении Земли» (S 89, H 77).

[73] Эйольв сын Эсы — Кьяллеклинг. Его брат Оловянный Форни упоминался выше.

[74] В «Саге о Битве на Пустоши» эпизод изложен иначе. Вермунд сам заводит беседу с Халли и просит его прекратить волочиться за его дочерью. Когда это не действует, Вермунд вызывает Стюра.

[75] Тормод сын Бахромы — скальд начала XI в. Его отцом был хёвдинг Торкель Бахрома, прославившийся благодаря уму и коварству. Торкель жил в Городищенском Фьорде, но по родичам жены (его тестем был Торстейн Черный, о котором см. выше

примеч. 26, с. 301) был связан также с Широким Фьордом. О нем много рассказывается в «Саге о Курином Торире», «Саге о Людях из Лососьей Долины» и «Пряди о Снэбьёрне Борове».

[76] “Наследник Бьёрна” — Вигфус.

[77] Снорри выносит на тинг иск об объявлении вне закона ранее убитого Вигфуса. Проведение этого иска через суд позволило бы считать, что Вигфус был убит по законному праву (er óhelgr), и за него не нужно платить виру. Об ответственности за умысел против чужой жизни (т. е. за подстрекательство) существовала особая норма. Если покушение удавалось, за это полагалось объявление вне закона, а если покушение срывалось, то кара была меньшей — трехлетнее изгнание. Ср. Grágás II, 369.

[78] Из описании саги очевидно, что баня Стюра состояла из двух камер, в одной из которых была печь, а в другой — наружняя дверь.

[79] “Липа льна” — женщина, в данном случае — Асдис дочь Стюра. “Дис дороги асов” — она же. Виса приводится также в «Саге о Битве на Пустоши», где она приписана Лейкниру.

[80] “Пядь подпруги брега Сигг” — женщина, в данном случае — Асдис; Сигг — гора в Норвегии, “подпруга брега” Сигг — море, “солнце моря” — золото, “пядь золота” — женщина. Труд — валькирия, “Труд (питейного) рога” — женщина, в данном случае — Асдис.

[81] “Опричники стыка копий” — воинственные мужи, в данном случае — берсерки; “стык копий” — битва. Али — легендарный конунг, “купель Али” — битва. “Кол шквала” — меч.

[82] Оркнейский ярл Сигурд Толстый сын Хлёдвёра (ум. 1004 г.) часто упоминается в сагах. Он охотно принимал исландцев в свою дружину. О походе ярла на Южные Острова говорится и других текстах, но там не сказано о том, что ярл воевал на острове Мён (о. Мэн).

[83] “Тени и синь”, о которых говорит скальд, являются оригинальными символами восхода и заката. На полуострове Мыс Снежной Горы, в местах, где жили Бьёрн и Турид, солнце всходит, оттеняя стволы деревьев и заходит, садясь в синее море.

[84] “Носильщик щита” — муж, в данном случае — Тородд. “Древесная Нога” — Торир Деревянная Нога. “Прощелыга” — Тородд. Биль — женское божество, “Биль убора” — женщина, в данном случае — Турид. “Сквалыга лука” — трусливый муж, в данном случае — Тородд. “Дань владыки (т. е. Одина)” — золото; кеннинг содержит издевку над Тороддом, который в реальной жизни “заныкал” дань земного владыки — оркнейского ярла Сигурда.

[85] Крепость Йомсборг, резиденция военного сообщества йомсвикингов, т. е. балтийских викингов, была расположена близ устья р. Одер. Йомсвикинги представляли серьезную угрозу не только для плаваний в Балтийском море, но и для скандинавских конунгов. В 994 г. они предприняли попытку свергнуть норвежского ярла Хакона Могучего, а в конце 990-х гг. участвовали в междуусобной борьбе между шведским конунгом Эйриком и его племянником Стюрбьёрном.

[86] Пална-Токи, т. е. Токи сын Пални, согласно «Саге о Йомсвикингах», был основателем и главным вождем сообщества йомсвикингов при датских конунгах Харальде Синезубом и Свейне Вилобородом.

[87] Стюрбьёрн Сильный был племянником шведского конунга Эйрика Победоносного, упомянутого выше в гл. XXV, и, одновременно, зятем датского конунга Харальда Синезубого.

[88] В шведских и датских рунических надписях данная битва известна как "Битва под Упсалой".

[89] По исландским законам бывший хозяин вольноотпущенника был его наследником, если собственных детей у вольноотпущенника не было (Grágás Ia 227, II 72). Уговор Ульвара с Арнкелем мог считаться законным только с согласия сыновей Торбранда, поэтому их недовольство вполне естественно.

[90] Торольв обращается к Снорри через голову своего сына Арнкеля, в чей годорд он входил. Поэтому он заявляет, что Снорри — первый по положению хёвдинг в округе.

[91] Оправдательный приговор, которого требует Арнкель, должен был вынесен "судом соседей", состоявшим из девяти человек (см. выше примеч. 40, с. 302); для оправдания требовалось пять голосов. Ср. Grágás III, 632—633.

[92] Позиция Снорри соответствует как исландским, так и континентальным скандинавским законам о виновных в поджоге: поджигателей можно было убить без суда только на месте преступления, при свежих уликах. Ср. Grágás Ia 185, II 378.

[93] Двенадцать эйриров серебра составляли полторы марки. См. выше примеч. 30.

[94] Гильс Ведун, которого Торольв Скрюченная Нога нанимает для убийства Ульвара — иное лицо, нежели Гильс Ведун, к которому ранее обращался Торбьёрн Толстый.

[95] То, что Торольв умер стоя и с открытыми глазами, является признаком того, что он хочет влиять на живущих. Поэтому ему необходимо как можно скорее закрыть глаза и положить лежа.

[96] Действия Арнкеля направлены на то, чтобы предотправить посмертные появления Торольва. По поверьям, мертвец пытается зайти в свой дом тем же путем, каким его вынесли. Поэтому его выносят не через дверь, а через пролом в стене, в надежде, что, столкнувшись со стеной, мертвец уйдет прочь. Аналогичный рассказ содержится в «Саге об Эгиле» (похороны Скаллагрима).

[97] "Извращение порядка наследования" (arfskot или arfsvik), которое Арнкель усматривает в сделке своего отца Торольва со Снорри, состоит в том, что Арнкель, как наследник своего отца, не давал своего согласия на сделку. Формально Арнкель прав: он может даже выдвинуть против Снорри иск и потребовать для него трехгодичного изгнания. Ср. Grágás Ia 247, II 84.

[98] Эта ситуация соответствует норме «Серого Гуся». Ср. Grágás Ia 145, II 298.

[99] "Сравнение мужей" (mannjafnaðr) было особым устным жанром, близким к перебранке (senna), и традиционной забавой на исландских хуторах: известны примеры из родовых, королевских саг и саг о современных событиях. Оно могло проводиться как в присутствии сравниваемых, так и в их отсутствии.

[100] Ныне это место зовется Водопадом Мертвеца.

[101] Аркетиль — полная форма имени Аркель.

[102] Запрет на ведение тяжб об убийствах малолетними и женщинами отражен в «Сером Гусе». Ср. Grágás Ia 167—169, 334—336.

[103] Три сотни грубого сукна равнялись 360 суконным эйрирам. Суконный эйрир составлял 24 мерных эйрира (стандартных отреза сукна).

[104] Из контекста следует, что Торд Пучеглазый женился на родственнице Бьёрна с Арнбьёрном и переселился в их округу.

[105] “Влага Волка” — кровь; “Волк” — Фенрир, чудовище, которое убьет Одина. “Хвощ лавки” — ребенок (который сидит на лавке и бегает в доме), в данном случае — Кьяртан. “Довесок сивки вод” — муж, в данном случае — Тородд, “сивка вод” — корабль. Мёрн — р. Марна, “дробилы дерна Мёрн” — мужи, “дерн Мёрн” — золото.

[106] “Крушина рощ шатра” — женщина, в данном случае — Турид. “Невеста” — она же. Мист — валькирия, “Мист помоста” — женщина, в данном случае — Турид.

[107] Хлин — валькирия, “Хлин кольчуги” — женщина, в данном случае — Турид. Нанна — женское божество, “Нанна тканей льна” — женщина, в данном случае — Турид. “Укротитель тура вод” — муж, в данном случае — Бьёрн, “тур вод” — корабль.

[108] “Леденящая глыба лебедей” — море. “Клен сражений” — муж, в данном случае — Бьёрн.

[109] “Рев дротов” — битва. “Дни Стюрбьёрна” — время правления Стюрбьёрна Сильного в Швеции. Эйрек — Эйрек Победоносный, конунг шведов.

[110] Ловчая собака могла быть размером с небольшого терьера; таких собак в континентальной Скандинавии использовали для охоты на лис.

[111] Имя Гейрвёр, букв. “Копейная Губа”, вероятно, было дано гряде уже после битвы в Лебяжьем Фьорде.

[112] Ремешки на башмаках того времени были длинными и наматывались на ногу. Подковка на ремешке Эгиля, скорее всего, была декоративным элементом.

[113] Эта норма действовала в весьма раннее время. В «Сером Гусе» ее нет. Размер виры за раба, который выплачивает Стейнтор — двенадцать эйриров, соответствует пене, которую Аркель по решению третейских судей платит Снорри за убийство каждого из рабов Торольва в гл. XXXI.

[114] Обычай метать копье наудачу в войско противника в начале битвы связан с культом Одина. Ср. «Прорицание Вёльвы»: Fleygði Oðinn ok í folk um skaut, / þat vas enn folkvíg fyrst í heimi (Vsp 2), букв. “Метнул Один и выстрелил в полк, / было то убийство первым в мире”.

[115] Виса примечательна тем, что называет точное число погибших в войске Стейнтора.

[116] Распорку в рот ягнятам вставляли для того, чтобы отучить их ходить к реке.

[117] О героической гибели Гуннара с Конца Склона рассказывается в «Саге о Ньяле» и «Книге о Заселении Земли». Во всех источниках число нападавших ограничено более правдоподобной цифрой, чем в «Саге о Людях с Песчаного Берега»: от 20 до 40 человек.

[118] В «Саге о Ньяле» говорится, что решение продолжать бой с Гуннаром принял не Гейр Годи, а Гицур Белый.

[119] О плавании Снорри сына Торбранда в Винланд, т. е. Северную Америку, рассказывается также в «Саге об Эйрике Рыжем», где говорится и о сражении с местным населением, скрэлингами (т. е. индейцами). Однако там жертва скрэлингов названа Торбрандом сыном Снорри.

[120] О рабах Халльстейна см. вступительную статью, с. 293.

[121] Слово “учтивая” (kurteis), которое употреблено в реплике Торгунны, выбивается из стилистики родовых саг; возможно, оно было добавлено одним из первых переписчиков саги. В редакции *M* стоит более нейтральное слово oflátlig “высокомерная”.

[122] “Середина дня” (nón) по древнеисландскому счету — это три часа дня.

[123] На Палатном Холме в Южной Исландии в 1056 г. был учрежден епископский престол. В начале XI в. на хуторе жила семья Гицура Белого, одного из инициаторов принятия христианства на альтинге в 1000 г.

[124] Ран — богиня моря. Согласно, «Младшей Эдде», Ран ловит своей сетью утопших.

[125] У Снорри Годи было двое сыновей по имени Торд Киса. По-видимому, здесь имеется в виду его первенец, Торд Киса Старший.

[126] Снорри советует прибегнуть для изгнания мервецов к той же процедуре, которая в экстраординарных случаях практиковалась в отношении обычных людей — суду у дверей ответчика (см. выше примеч. 49, с. 303). В данном случае ответчиками являются покойный бонд Тородд и его скончавшиеся домочадцы, которые злостно не желают покидать хутор.

[127] Месса Свечей (дрисл. Kyndilmessa, лат. Missa candelarium) — праздник Сретения. Он приходится на 2 февраля.

[128] Убийство Стюра случилось в конце 1007 г. Об обстоятельствах подробно рассказывается в «Саге о Битве на Пустоши».

[129] Этот эпизод есть в «Саге о Битве на Пустоши», куда он попал из устной саги о Стюре.

[130] Об убийстве Болли сына Торлейка, третьего мужа Гудрун дочери Освивра, подробно рассказывается в «Саге о Людях из Лососьей Долины».

[131] В «Саге о Битве на Пустоши», сын Торстейна сына Гисли, убитый людьми Снорри, назван Торвардом.

[132] “Холм тинга” (þingbrekka) — это официальная трибуна тинга. Произносить объявления полагалось, стоя на возвышении.

[133] “Двое воев”, убитых Снорри на юге — это Торстейн сын Гисли и его сын Гуннар.

[134] Изъятие имущества осужденных (féránsdómr) производилось четырнадцать ночей спустя объявления ответчика вне закона. Годи, в чей годорд входил осужденный, по требованию истца назначал двенадцать судей, которые должны были провести конфискацию и поделить имущество. Судьи должны были заседать неподалеку от хутора

осужденного. Годи получал обязательное вознаграждение, а остаток распределялся между истцом и жителями годорда (или четверти).

[135] Прозвище Транда несет двойной смысл: во-первых, оно подчеркивает, что Транд может быстро ходить без устали, во-вторых, — намекает на его связь с нечистой силой.

[136] Описание приема, при помощи которого Транд взобрался на стену, есть также в «Саге о Фарёрцах», где аналогичное действие демонстрирует Сигмунд сын Брестира. Не исключено, что рассказчик «Саги о Людях с Песчаного Берега» знал этот эпизод из «Саги о Фарёрцах», записанной ок. 1220 г.

[137] Примечательно, что в данной висе, в отличие от прозаического текста саги, не сказано, что победа над викингами была одержана Снорри совместно со Стурлой сыном Тьодрека.

[138] Рассказ о рождении тролля Глэсира от коровы, которая "лизала камни, на которых осела зола" от погребального костра Торольва Скрюченная Нога, повторяет древнегерманский миф о сотворении первого великана, которого корова Аудумла вылизала из ядовитых камней.

[139] Серая или серая в яблоках масть скота, по исландским и ирландским поверьям, связана с нечистой силой.

[140] "Вождь стада" — бык, в данном случае — Глэсир.

[141] "Град ран" — кровь.

[142] То же лицо в «Книге о Заселении Земли» названо Гудлаугом. Такая же форма имени представлена в редакции *V*.

[143] О Гюрде, сыне Сигвальди, ярла йомсвикингов, рассказывается в «Саге о Йомсвикингах». В одной из датских рунических надписей упомянут Гюрд, брат Сигвальди из Йомсейда. Неясно, то же это лицо, или нет, но судя по именам, это, скорее всего, члены одной семьи.

[144] Фраза, что речь местных жителей в стране, куда попал Гудлейв, "напоминала ирландскую", отражает популярное в Исландии убеждение, что о том, что к западу от Ирландии за морем находится некая большая страна, называемая Великой Ирландией или Страной Белых Людей (Hvítramannaland). Комментаторы не пришли к единому мнению относительно плаваний в эту страну. С одной стороны, сведения о наличии за морем страны, похожей на Ирландию, опираются на литературный источник — древнеирландское сказание «Плавание Брендана». Этот текст был позже переведен на древненорвежский язык. Другой термин — "Страна Белых Людей", косвенно отражает латинское название самой Ирландии — Terra Alba, т. е. "Белая Страна". Вместе с тем, известно, что с начала XI в. исландцы неоднократно плавали в Северную Америку, и нет ничего невероятного в том, что некоторые корабли могло отнести намного южнее тех мест, которые были известны под названием "Винланд". В таком случае, Страна Белых Людей — часть Атлантического Побережья Северной Америки.

[145] О Торгильсе сыне Халлы и его гибели рассказывается в «Саге о Людях из Лососьей Долины». Согласно этой саге, Снорри был в сговоре с убийцей, мстившим Торгильсу. Об убийстве хёвдинга Торстейна сына Кугги (ум. 1027 г.) нигде специально

не рассказывается, но из «Саги о Людях из Лососьей Долины» можно понять, что он погиб от руки простолюдина, возможно, наемного убийцы.

[146] В исландских генеалогиях дети не всегда приводятся в порядке старшинства. Иногда на первый план выходят такие факторы, как значимость, заслуги, обилие сведений о лице. Именно эти принципы являются главенствующими при перечислении детей Снорри Годи в «Саге о Людях с Песчаного Берега». Для дочерей Снорри очередность их упоминания может объясняться порядком, в котором их выдавали замуж. Для сыновей Снорри, как поясняет ниже сам рассказчик, главный фактор — их “знатность” (gǫfgi), т. е. собственные заслуги и занимаемое социальное положение.

[147] Бранд Щедрый сын Вермунда Тощего был известным купцом и одним из наиболее уважаемых исландцев своего времени. Ему посвящена прядь, см. русский перевод Е. А. Гуревич: «О Бранде Щедром», в кн.: Исландские саги / Под ред. О. А. Смирницкой. Т. II. СПб., 1999. Бранд Щедрый был современником конунга Олава Святого (ум. 1030 г.) и, согласно пряди, встречался с конунгом Харальдом Суровым (ум. 1066 г.). Именно Бранда Щедрого, как образца щедрости и достоинства, Стурла Тордарсон избирает в гл. 190 «Саги об Исландцах» в качестве символа ушедшей эпохи независимости и противопоставляет его своему времени, когда страна стала подвластна “конунгу Хакону и его потомку”.

[148] Колли сын Тормода, сына Торлака, по другим источникам неизвестен. Обращает внимание, что Колли с Сигрид заняли хутор Заводь Бьёрна, который ранее должен был принадлежать первому мужу Сигрид, Бранду Щедрому.

[149] Колли сын Тормода, сына Торлака, по другим источникам неизвестен. Обращает внимание, что Колли с Сигрид заняли хутор Заводь Бьёрна, который ранее должен был принадлежать первому мужу Сигрид, Бранду Щедрому.

[150] Лендрманн Видкунн сын Йона жил в начале XII в.

[151] О браке Болли сына Болли и Тордис рассказывается в «Саге о Людях из Лососьей Долины».

[152] Хавлиди сын Мара (ум. 1130 г.) — хёвдинг из Среднего Фьорда, герой «Саги о Торгильсе и Хавлиди», входящей в состав «Саги о Стурлунгах».

[153] Берси Повозка сын Халльдора, зять Снорри, в других источниках не упоминается, но о его отце Халльдоре много рассказывается в «Саге о Людях из Лососьей Долины» и «Саге о Кормаке». Имя «Берси» герой получил в честь Берси Единоборствующего, воспитателя его отца.

[154] О Халльдоре сыне Снорри, дружиннике конунга Харальда Сурового (1047—1066), существует две пряди. Халльдор прославился участием в дальних походах Харальда Сурового и строптивым нравом.

[155] Мана-Льот, внук Снорри, упоминается в исландских сказках. В одном из контекстов он упомянут вместе с колдуньей Торгунной, о которой сага рассказывает в гл. LI—LII.

[156] Гудню дочь Бёдвара, мать сыновей Стурлы, умерла в 1221 г. Неизвестно, в каком году произошло перезахоронение костей Снорри Годи и его семьи.

Жизнь Снорри Годи

Маленький фрагмент, названный редакторами Ævi Snorra goða, т. е. «Жизнь Снорри Годи», составлен историком Ари Мудрым сыном Торгильса (1068—1148). Фрагмент сохранился только в составе «Книги с Песчаника» (Melabók), компиляции XV в., включавшей оригинальную редакцию «Книги о Заселении Земли», «Сагу об Эгиле» и «Сагу о Людях с Песчаного Берега». В «Книге с Песчаника» текст «Жизни Снорри Годи» следовал непосредственно за последней главой «Саги о Людях с Песчаного Берега». Самое начало и конец текста утрачены, но судя по сохранившейся части, объем его изначально был небольшим.

Личность составителя устанавливается при помощи указания «Саги о Людях из Лососьей Долины» и косвенных свидетельств. В настоящее время авторство Ари Мудрого считается доказанным[1]. Как и в другом коротком тексте XII в., связываемом с именем Ари — «Перечнем Священников» (Prestatal), в «Жизни Снорри Годи» нет повествования: текст устроен как перечень имен собственных и отдельных событий, большинство из которых датированы. Уместно напомнить, что «Книга об Исландцах» тоже заканчивается двумя перечнями имен, второй из которых является генеалогией самого Ари, причем его имя завершает всю книгу[2]. В связи с этим получила распространение теория, что Ари (а, возможно, и другие ученые исландцы его времени) работал, составляя для себя короткие памятные заметки на отдельных листках (лат. schedae)[3]. Эти памятные заметки могли использоваться им при составлении крупных связных текстов[4] или оставаться в своем первоначальном виде.

С «Житием Снорри Годи» связана хронологическая проблема, полностью не решенная до сих пор. Исландские анналы относят принятие христианства на альтинге к 1000 г., т. е. к тому же году, в котором состоялась битва при Свольдре. В этой битве пал конунг Олав сын Трюггви, в период правления которого были крещены Норвегия и Исландия. Между тем, из сочинений Ари Мудрого вытекает, что крещение Исландии

---

[1] Ср. *Jakob Benediktsson*. Formáli // Íslenzk Fornrit. Bd. I. Íslendingabók. Landnámábók / Jakob Benediktsson gáf út. Reykjavik, 1986. Bls. XIV.

[2] Ср. *Успенский Ф. Б.* Язык родословных в «Книге об Исландцах» Ари Мудрого // Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 482.

[3] *Halldór Hermannsson*. Introduction // The Book of Icelanders by Ari Thorgilsson / Ed. and Transl. by Halldór Hermannsson. Ithaca, New York, 1930. (Islandica. Vol. XX). P. 41—42.

[4] Известно, что Ари составил две редакции «Книги об Исландцах». Более ранняя, пространная редакция до нашего времени не сохранилась, но она была хорошо известна Снорри Стурлусону. Ср. доводы в: *Jakob Benediktsson*. Op. cit. Bls. IX—X. Предполагается также, что Ари составил собственную версию исландских анналов. Ср. работу: *Ólafía Einarsdóttir*. Studier i kronologisk metode i tidlig islandsk historieskrivning. Lund, 1964.

произошло летом 999 г., и «Жизнь Снорри Годи» это впечатление подтверждает. Здесь Ари сообщает, что после принятия христианства Снорри Годи «прожил на Святой Горе восемь зим», и что в последнюю из этих зим был убит его тесть Стюр. После этого Снорри перенес свой хутор в другое место, прожил еще двадцать три года и умер «одну зиму спустя после гибели конунга Олава Святого», т. е. в 1031 г. Стюр погиб в 1007 г.: отсчитывая с этой даты восемь лет назад, получаем дату крещения Исландии, на которую ориентировался Ари — 999 г. Вместе с тем, приходится заключить, что Снорри перенес свой хутор в новое место не в 1007 г., а в 1008 г., иначе не получается двадцати трех лет, о которых говорит Ари. В «Прологе» к «Кругу Земному», составленному Снорри Стурлусоном в 1220-е гг., говорится, что Снорри Годи «было примерно тридцать пять лет» когда Исландия была крещена (hann var þá nær hálfertøgr, er kristni kom á Ísland)[5]. Это место, как показали историки, взято Снорри Стурлусоном из ныне утраченной ранней редакции «Книги об Исландцах». Снорри Годи родился в 963 или 964 г.; в таком случае ему действительно было тридцать пять или тридцать шесть лет в 999 г.

В рукописи «Книги с Песчаника» есть легко устраняемая ошибка, которой, вне всяких сомнений, не было в протографе «Жизни Снорри Годи»: писец перепутал местами сообщения о количестве лет, прожитых Снорри на своем первом (двадцать лет) и втором хуторе (двадцать три года). Эта ошибка устраняется единственно возможным способом, поэтому сомнений относительно протографа, в данном случае, быть не может.

Все имена детей Снорри (за одним исключением) соответствуют тексту «Саги о Людях с Песчаного Берега». Поучительно сопоставить порядок расположения материала в «Житии Снорри Годи» и в последней главе «Саги о Людях с Песчаного Берега». Если Ари Мудрый перечисляет детей Снорри в порядке старшинства, указывая их матерей, то в саге на первый план выходят такие факторы, как собственные заслуги и обилие сведений о лице. Для дочерей Снорри главным фактором для рассказчика саги является очередность, с которой их выдавали замуж. Существенно, что мы может это обнаружить лишь потому, что Ари эксплицитно сообщает нам порядок старшинства. Дочери Снорри выстроены в гл. XLV так:

I Сигрид (пятый ребенок Снорри) > II Унн (№ 6) > III Тордис (№ 9) > IV Халльбера (№ 15) > V Тора (№ 14) > VI Турид (№ 16) > VII Гудрун (№ 10) > VIII Торгерд (??) > IX Алов (№ 18)[6].

Не менее любопытен порядок перечисления сыновей Снорри, ни один из которых не унаследовал могущества и социального положения отца:

I Халльдор (одиннадцатый ребенок Снорри Годи) > II Тородд (№ 2) > III Мани (№ 12) > IV Торстейн (№ 3) > V Торд Киса (№ 1) > VI Эйольв (№ 13) > VII Торлейв (№ 17) > VIII Снорри (№ 19) > IX Клепп (№ 6), вообще не упомянут Гудлауг Монах (№ 4).

---

[5] *Snorri Sturluson*. Heimskringla / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út // Íslenzk Fornrit. Bd. XXVI. Reykjavík, 1941. Bls. 7.

[6] Разрядкой здесь и ниже выделены имена тех детей, которые названы с нарушением порядка старшинства.

Родословная Снорри Годи и его жен известна настолько хорошо, что дает редкую возможность точно установить критерии выбора личных имен в большой исландской семье X—XI вв. Эту информацию читатель может найти в примечаниях к тексту.

Примечания

[1] Прозвище Kausi (т. е. "Киса", "Котик") является детским. Тот факт, что такое прозвище носило двое сыновей Снорри Годи, доказывает, что кот рано стал домашним животным в Исландии. Первенец Снорри, Торд Киса Старший, родился ок. 984 г. Он жил в Долине Дувгуса на юге Мыса Снежной Горы; это говорит о том, что он рано отселился от отца. Торд упоминается в гл. LV «Саги о Людях с Песчаного Берега» в рассказе о событиях 1000—1001 гг. По-видимому, он умер вскоре после этого, и в его память назвали сына Снорри от служанки, Торда Кису Младшего. Не вполне ясно, почему Снорри назвал своего первенца именем "Торд". Не исключено, что он был назван в честь хёвдинга Торда Ревуна (ум. 965 г.). Другая возможность, связанная с обстоятельствами переименования самого Снорри Годи, обсуждается во вступительной статье к «Саге о Людях с Песчаного Берега».

[2] Тородд, второй сын Снорри Годи, упоминается в «Круге Земном» и в «Саге о Греттире». «Сага о Людях с Песчаного Берега» называет его "вторым по знатности сыном Снорри". Во время битвы в Лебяжьем Фьорде в 997 г., где Тородд был ранен, ему было 12 лет, стало быть, он родился в 985 г. Тородд жил далеко от отца, в Нагорном Фьорде в Северной Четверти. Свое имя Тородд получил в честь Тородда сына Торбранда, названого брата Снорри.

[3] Торстейн, третий сын Снорри, как и его брат Тородд, жил в Нагорном Фьорде. Это значит, что он рано отселился от отца, вероятно, к родственникам жены. Торстейн назван в гл. LXV саги «предком Асбирнингов и многих прочих родов». В «Генеалогиях», включенных в «Сагу о Стурлунгах», сообщается, что Асбьёрн сын Арнора был женат на Ингунн, дочери Торстейна сына Снорри. У Торстейна было прозвище "Трескожор", как сообщает «Сага о Людях с Песчаного Берега» в гл. 62. Он получил его в память о своем прадеде Торстейне Трескожоре, сыне Торольва.

[4] О Гудлауге Монахе, четвертом сыне Снорри, рассказывается в «Саге о Битве на Пустоши». Он отказался ехать мстить за своего деда Стюра, уехал в Англию и стал монахом. Неясно, в честь кого Гудлауг получил свое имя.

[5] Свадьба Снорри Годи и Асдис дочери Стюра Убийцы, согласно хронологии саги, датируется 983 г. О смерти Асдис и последующих женитьбах Снорри ни в одном из источников не говорится. Примечательно, что имена Стюра и его родни у детей Снорри Годи не отражаются.

[6] Сигрид, старшая дочь Снорри Годи, получила свое имя в память о бабке по матери, Сигрид, жены Иллуги Рыжего. О последней см. «Прядь об Иллуги Рыжем», с. 141. Обе старшие дочери Снорри были выданы за знатных людей при жизни отца.

[7] Унн дочь Снорри ок. 1019 г. была выдана замуж за Барди Убийцу сына Гудмунда, главного героя «Саги о Битве на Пустоши». Они развелись в Норвегии, и Унн вторично вышла замуж за Сигурда сына Торира Собаки с острова Бьяркэй. «Сага о Битве на

Пустоши» называют данную дочь Снорри Годи Ауд: это вариант того же женского имени. Унн / Ауд, скорее всего, получила имя в честь знатной первопоселенки Ауд Многомудрой, прабабки Торы, бабки Снорри Годи.

[8] Клепп — единственный сын Снорри, хутор которого не локализуется. Он был назван в честь деда матери, херсира Клеппа или Клюппа (Klyppr hersir). О последнем см. «Сагу о Торде Пугале». Согласно этой саге, херсир Клюпп убил конунга Сигурда сына Гуннхильд и был убит людьми последнего после 960 г. Затем братья Клюппа и его дочь бежали в Исландию.

[9] Халльдора дочь Снорри в «Саге о Людях с Песчаного Берега» не упомянута: это единственное расхождение в списке детей Снорри между «Жизнью Снорри Годи» и сагой. Вместо Халльдоры в саге названа отсутствующая в «Жизни Снорри Годи» Торгерд, которая была выдана замуж за некого Торгейра с Пригорка Асов. Возможно, однако, что Торгерд стоит отождествлять не с Халльдорой, а с Торхильд, внебрачной дочерью Снорри.

[10] Тордис дочь Снорри, его девятый ребенок, упоминается в «Саге о Людях из Лососьей Долины». Она была выдана замуж за Болли сына Болли. В «Саге о Людях с Песчаного Берега» потомки Тордис и Болли названы Людьми с Крутояра: это может означать, что в какой-то период сама Тордис или ее дети занимали хутор Крутояр в Городищенском Фьорде. Свое имя Тордис получила в память о Тордис дочери Кислого, матери Снорри.

[11] Гудрун дочь Снорри, его десятый ребенок, была выдана замуж после смерти своего отца, согласно саге, уже после своей младшей сестры Халльберы. Мужем её был некто Кольфид из Солнечных Палат: это место локализуется в Восточной Исландии. Гудрун была названа в честь Гудрун дочери Освивра, союзницы Снорри, с которой Снорри поменялся хуторами в 1008 г.

[12] Халльдор сын Снорри, одиннадцатый ребенок Снорри, — самый знаменитый (“знатный”, по выражению «Саги о Людях с Песчаного Берега») из его сыновей. Халльдору посвящены две пряди. Его потомство упомянуто в «Генеалогиях». Свое имя Халльдор, вероятно, получил в честь Халльдора сына Олава Павлина, соседа Снорри по второму хутору.

[13] Мани, двенадцатый ребенок Снорри, жил на хуторе Овечья Гора, где впоследствии в XIII в. проживал вождь Стурлунгов, Стурла сын Сигхвата. Сын Мани, Мана-Льот, назван в гл. LXV «Саги о Людях с Песчаного Берега» “самым большим человеком из внуков Снорри”. По-видимому, имеется в виду социальное положение, а не физическая сила. Мана-Льот упоминается также в «Саге о Стурлунгах».

[14] Эйольв, тринадцатый ребенок Снорри, жил на Дворе Ламби в Городищенском Фьорде, т. е. за пределами округи, которую контролировал его отец. Имя “Эйольв” он получил в честь деда матери, Эйольва с Поперечной Реки.

[15] Тора дочь Снорри, его четырнадцатый ребенок, была замужем за Берси сына Халльдора, бонда из Долин. Второй муж Торы, некто Торгримом Паленый, несколько раз упоминается в составе генеалогий. Тора была названа в честь Торы дочери Олава, бабки Снорри.

[16] Халльбера дочь Снорри, его пятнадцатый ребенок, по утверждению саги, была выдана замуж за Торда сына Стурлы сына Тьодрека еще при жизни Снорри, т. е. до 1031 г. Вероятно, это ошибка: к этому времени Халльбере было около десяти лет. Следующая по старшинству дочь Снорри, Турид (род. 1024 г.) была выдана замуж уже после смерти отца. Потомство Халльберы упоминается в составе генеалогий.

[17] Турид, шестнадцатый ребенок Снорри, (1024—1112 гг.) была информантом Ари Мудрого. Ее мужем был Кьяллеклинг, Гудлауг сын Стейнтора. Судя по всему, Турид жила на вотчине Кьяллеклингов, хуторе Песчаный Берег. Свое имя Турид, скорее всего, получила в честь Турид дочери Бёрка, единоутробной сестры Снорри Годи.

[18] Торлейв, семнадцатый ребенок Снорри, проживал на Побережье Средней Горы в Лощинном Фьорде. Сага называет его предком Баллэрингов, т. е. Людей с Чресельной Реки. Торлейв сын Снорри получил свое имя в честь Торлейва Кимби, старшего из названых братьев Снорри Годи.

[19] Алов, восемнадцатый ребенок Снорри, была выдана замуж за знатного человека из Стремянного Фьорда, Йорунда сына Торфинна. Их потомство упоминается в генеалогиях Стурлунгов.

[20] Снорри сын Снорри получил имя отца потому, что родился уже после его смерти в 1031 г. Сага говорит, что Снорри Младший удержал хутор в Междуречье Обильной Долины.

[21] Халльфрид, третья жена Снорри Годи, была дочерью богатого бонда, Эйнара с Поперечной Реки, брата хёвдинга Гудмунда Могучего. Ее отец и дядя упоминаются почти во всех родовых сагах. Примечательно, что никого из детей Снорри не назвали ни Эйнаром, ни Гудмундом.

[22] Торд Киса Младший, внебрачный сын Снорри, упоминается в «Саге о Битве на Пустоши». Он ездил вместе с отцом в Городищенский Фьорд в 1008 г.

[23] См. выше примеч. 9 о возможном отождествлении Торхильд, внебрачной дочери Снорри, с той дочерью, которая в «Саге о Людях с Песчаного Берега» названа Торгерд.

[24] Гисли сын Кислого, дядя Снорри по матери, был убит в 978 г.

[25] В рукописи ошибка. Правильное чтение: “двадцать лет”. См. вступительную статью.

[26] Ари Мудрый приводит полную форму имени убийцы Стюра. Рассказчик «Саги о Битве на Пустоши» называет то же лицо Гестом сыном Торхалли, употребляя уменьшительные формы.

[27] Убийство Стюра случилось в 1007 г.

[28] В рукописи ошибка. Правильное чтение: “двадцать три года”. См. вступительную статью.

[29] Конунг Олав Святой погиб в 1030 г. Таким образом, дата смерти Снорри — 1031 г.

[30] Эта генеалогическая связь объясняется вторым замужеством Унн дочери Снорри. См. выше примеч. 7.

[31] Родство Снорри с Жителями Гати на Фарерских островах проверить трудно, так как родословная последних известна плохо. Скорее всего, Ари связывал Жителей Гати

с Олов, дочерью Торстейна Рыжего, прапрадеда Снорри по матери. Согласно «Саге о Людях из Лососьей Долины», Олов была выдана замуж на Фарерских островах, “и от нее пошел знатнейший род в этой стране, который называют Жителями Гати”.

Пряди о Людях из Широкого Фьорда

Пряди о Людях из Широкого Фьорда представляют собой разделы «Книги о Заселении Земли». По своему содержанию они соприкасаются с «Сагой о Людях с Песчаного Берега» и, в отдельных деталях, дополняют последнюю. «Книга о Заселении Земли» сохранилась в пяти редакциях, наиболее важными их которых являются «Книга Стурлы» (Sturlubók), составленная Стурлой Тордарсоном (1214—1284) в конце жизни[1], «Книга Хаука» (Hauksbók), собственноручно записанная лагманом Хауком сыном Эрленда ок. 1306—1308 гг.[2], и «Книга с Песчаника» (Melabók), предположительно составленная Снорри сыном Маркуса ранее 1313 г.: от последней редакции уцелели лишь отдельные фрагменты[3].

Еще две редакции были записаны в XVII в. «Книга с Перевала» (Skarðsbók[4]) была составлена Бьёртном Йоунссоном не позднее 1636 г. Ценность этой редакции в том, что в распоряжении Бьёртна были те же рукописи, которыми в начале XIV в. пользовался Хаук сын Эрленда. При этом Бьёртн в ряде случаев сумел прочесть текст источников точнее Хаука. Наконец, «Книга Торда» (Þórðarbók[5]), составленная Тоурдуром Йоунссоном из Долины Реки Хит (ум. 1670 г.), ценна тем, что доносит до нас чтения из ныне утраченной части «Книги с Песчаника»: Тоурдур Йоунссон взял за основу текст «Книги с Перевала», но дополнял его материалом «Книги с Песчаника».

Тем, что «Книга о Заселении Земли» представляется собой занимательное, а местами — захватывающее чтение, мы обязаны прежде всего Стурле Тордарсону. Стурла в гораздо большей степени, чем его предшественники, полагался на устную традицию и знакомые ему письменные саги. Он также написал пролог об открытии Исландии, перекомпоновал материал всей книги и изменил последовательность его подачи. Стурла был, однако, не первым и не последним редактором книги. До него свою редакцию «Книги о Заселении Земли» составлял секретарь Снорри Стурлусона, приор Стюрмир сын Кари (ум. 1245 г.). «Книга Стюрмира» (Styrmisbók) ныне утрачена, но она была

[1] Рукопись «Книги Стурлы» сгорела в 1728 г. во время пожара в Копенгагене. Существующий список (AM 107 fol.) сделан пастором Йоуном Эрлендссоном в конце XVII в.

[2] «Хаукова Книга» представляет собой компиляцию из прозаических и стихотворных текстов. К «Книге о Заселении Земли» относятся начальные 14 листов, собственноручно записанные Хауком (AM 371 4to). Два листа ныне утрачены. В конце XVII в. рукопись была еще полной, и тот же пастор Йоун Эрлендссон сделал с нее список (AM 105 fol.).

[3] До наших дней дошло только два листа, находящиеся в плохом состоянии и изобилующие ошибками. Уцелевшие листы «Книги с Песчаника» (AM 445 b 4to) датируются XV в. В XVII в. рукопись была еще полной, и ей смог воспользоваться автор поздней редакции Тоурдур Йоунссон.

[4] Основная рукопись «Книги с Перевала» имеет индекс AM 104 fol.

[5] Рукописи «Книги Торда» имеют индексы AM 112 fol., AM 106 fol.

известна Хауку сына Эрленда, который скомпилировал собственную редакцию, объединив материал «Книги Стюрмира» с материалом «Книги Стурлы»[6]. Об этом Хаук прямо говорит в гл. CCCXCVII своего текста. Существует гипотеза, что в XII в. свою редакцию «Книги о Заселении Земли» создал и Ари Мудрый. Это гипотезу проверить трудно, но вполне вероятно, что Стюрмир был не первым составителем книги, и, во всяком случае, не писал ее на пустом месте, а имел доступ к ранее собранным письменным текстам — генеалогиям и памятным заметкам.

Отношения между различными редакциями текста разобраны в фундаментальной работе Йоуна Йоуханессона «Редакции “книги о Заселении Земли”»[7]. Большинство положений этой работы принимаются в последующих исследованиях. Вопрос о связи «Книги Стурлы» и «Книги Хаука» с «Сагой о Людях с Песчаного Берега» изучался в работах К. Маурера и Бьёртна Магнуссона Ульсена[8]. Позже на ту же тему писали такие авторитеты, как Эйнар Оулавюр Свейнссон и Якоб Бенедихтссон[9]. Наиболее вероятным выглядит следующее объяснение:

- В «Книге Стюрмира» уже были некоторые пряди о Людях из Широкого Фьорда. В их число могла входить «Прядь о Торарине Черном»[10].
- Стурла Тордарсон внес в текст собственной редакции изменения и добавления с оглядкой на «Сагу о Людях с Песчаного Берега».
- Хаук сын Эрленда в своей редакции умышленно отклонился от текста Стурлы. При этом он ориентировался не только на «Книгу Стюрмира», но и на знакомый ему текст «Саги о Людях с Песчаного Берега».
- Следов обратного влияния «Книги о Заселении Земли» на «Сагу о Людях с Песчаного Берега» нет. Нет нужды предполагать, что какие-либо разделы саги были заимствованы из какой-либо редакции «Книги о Заселении Земли»[11].

---

[6] Некоторые фрагменты «Книги Стюрмира» восстанавливаются также по «Пряди о Гейрмунде Адская Кожа», написанной составителем «Саги о Стурлунгах», лагманом Тордом сыном Нарви ок. 1300 г.

[7] *Jón Jóhannesson*. Gerðir Landnámubókar. Reykjavik, 1941.

[8] *Maurer K.* Zwei Rechtsfälle aus der Eyrbyggja saga // Sitzungsberichte der philosophischen-philologischen und der historischen Classe der königlichen bayerischen Akademie der Wissenschaften. München, 1896. Heft 1. *Björn Magnússon Ólsen*. Landnáma og Eyrbyggja saga // Aarbøger for nordisk Old kyndighed og Historie. Rk. 2. Bd. 20. København, 1905.

[9] *Einar Ólafur Sveinsson*. Formáli // Íslenzk Fornrit. Bd. IV. Reykjavik, 1935. Bls. XVI—XVII; *Jakob Benediktsson*. Formáli // Íslenzk Fornrit. Bd. I. Íslendingabók. Landnámábók. Reykjavik, 1986. Bls. LXIII—LXXI.

[10] Иного взгляда придерживается Якоб Бенедихтссон (op. cit.). Представляется все же, что расхождения между текстом «Саги Стурлы» и «Сагой о Людях с Песчаного Берега», касающиеся как описания тяжб Торарина, так и деталей Битвы у Чаечного Склона в 981 г., свидетельствуют против предположения о том, что Стурла Тордарсон сам составил эти пряди, на основе саги. Наиболее примечательной чертой «Пряди о Торарине» в «Книге Хаука» является наличие висы Торарина, опущенной в «Книге Стурлы». Неясно, был Хаук настолько сведущ в скальдической поэзии, чтобы по собственной инициативе добавить отсутствующие у Стурлы и Стюрмира висы: в «Книге Хаука» на четыре висы (№ 2, 3, 29, 32) больше, чем в «Книге Стурлы».

[11] Противоположной точки зрения придерживались К. Маурер (op. cit.) и Эйнар Оулавюр Свейнссон (op. cit.), с которыми полемизировали, соответственно, Бьёртн М. Ульсен (op. cit.) и Якоб Бенедихтссон (op. cit.).

Пряди о Людях из Широкого Фьорда повествуют о событиях конца IX—X вв. Они предлагают читателю широкую панораму нравов и настроений — от незатейливых бытовых шуток до настоящих трагедий. Разными были и сами первопоселенцы. Кто-то селился самовольно, кто-то сгонял конкурента с выгодного места, кто-то занимал всю округу и затем наделял друзей и домочадцев участками земли. В первое время среди первопоселенцев были даже разбойники — ср. рассказ о Торбьёрне Стужа (S 165, H 134). Кто-то из этих людей искал независимости, кто-то бежал от возмездия, кто-то надеялся преуспеть. Мерзкий Торольв Скрюченная Нога не погнушался вызвать старика на поединок, чтобы захватить его земли (S 86, H 74). И совсем рядом — обратный пример: человек по имени Вестар заботливо привез в Исландию старика-отца, чтобы потом похоронить его на новой земле (S 81). Тот же Торольв Скрюченная Нога был сыном благородной женщины, Гейррид, которая всегда была готова помочь людям в беде. Имена этих людей не пропали для потомков — они живут в прихотливых текстах, перемежающих генеалогии и топонимы с рассказами о памятных событиях. Жизнь давала разные поводы развернуть лист имен собственных в маленькую прядь и сама порождала новые имена. У побережья утонул знаменитый скальд, Эйнар Звон Весов; места, где были обнаружены его тело и вещи, обрели новые названия (S 84, H 72). Другой скальд, Одд, попал в затруднительное положение, но его выручили покровители, эффектно появившись на тинге: скальд отплатил им красивой висой (S 207, H 174). Мирный бонд по имени Торарин пришел в ярость, узнав, что его жене отрубили кисть, и жестоко отомстил обидчикам (S 79). Молодой человек по имени Атли уехал из страны и пропал без вести. Семья с надеждой внимает рассказам бывалых купцов, будто Атли видели в некой отдаленной стране за морем, напоминающей Ирландию (S 122, H 94)[12]. И совсем из ряда вон выходящий случай. Беспокойный человек по имени Иллуги Рыжий меняется с соседом землями и женами; жена Иллуги не пожелала смириться со сделкой и повесилась прямо в капище (S 41).

Могут сказать, что подобные рассказы интересны, прежде всего, самим исландцам, знающим местность и помнящим свои родословные. Действительно, трудно найти более глубоко укорененный в национальной исландской культуре жанр, чем пряди из «Книги о Заселении Земли». И, в то же время, они потенциально столь же привлекательны для иноязычного читателя, который, скорее всего, не станет искать на карте место, где повесилась жена Иллуги. Ценность прядей не только в том, что они с максимально возможной полнотой доносят до нас проблемы и удачи рядовых людей, живших более тысячи лет тому назад, но еще и в том, что они воплощают искания выдающихся личностей своего времени: Стурлы Тордарсона, Хаука, Стюрмира, — от которых потребовалась незаурядная чуткость и знания для того, чтобы собрать и сохранить рассказы о своих предках. Их подвиг имеет мало равных в истории мировой литературы, и остается надеяться, что читатели других стран дождутся выхода полных переводов «Книги о Заселении Земли» на их языки.

На русский язык Пряди о Людях из Широкого Фьорда переводятся впервые. Название является редакционной условностью: нами были взяты главы «Книги о Заселении Земли», содержащие элемент повествования и перекликающиеся по содержанию с

---

[12] Имеются серьезные основания считать, что данный рассказ в устной или письменной форме восходит к историку Ари Мудрому (1068—1148). См. примечания ниже.

«Сагой о Людях с Песчаного Берега». Большинство выбранных для перевода глав представлены в «Книге Стурлы» и «Книге Хаука» в идентичном виде. В нескольких главах текст редакций слегка расходится: в этих случаях избиралась одна из редакций, что оговаривается в примечаниях. Наконец, «Прядь о Торарине Черном» приведена в двух вариантах, фактически представляющих собой разные тексты. Перевод сделан по изданию: Íslenzk Fornrit. Bd. I. Íslendingabók. Landnámábók / Jakob Benediktsson gáf út. Reykjavik, 1986.

Примечания

[1] «Прядь о Херьольве сыне Сигурда» соотносится с гл. VIII «Саги о Людях с Песчаного Берега», где упомянуты ее персонажи. Перевод следует тексту «Книги Стурлы». Текст «Книги Хаука» почти не отличается от него, за вычетом двух деталей: a) прозвище Херьольва передано как hokinrazi, а не holkinrazi; b) в генеалогию добавлено имя Торфинны, сестры Бранда Щедрого.

[2] Побережье Квернвагастрёнд (совр. Вогестраннен) находится в фюльке Фирдир (совр. Согн-ог-Фьюране) в Норвегии.

[3] Топоним “Церковный Фьорд” точно не локализуется, но ясно, что Херьольв поселился в той же округе, где впоследствии жил его правнук Торарин Черный.

[4] В этом пункте прядь отклоняется от «Саги о Людях с Песчаного Берега». Там Торстейн Чернобородый не упомянут вовсе, а Торольв назван сыном самого Херьольва.

[5] «Прядь о Людях с Песчаного Берега» соотносится, в первую очередь, с гл. VII и XII «Саги о Людях с Песчаного Берега», но упоминает также о событиях, о которых сага рассказывает позже. Перевод следует тексту «Книги Стурлы».

[6] В «Книге Хаука» жена Вестара названа Спаной. Считается, что это чтение Хаук заимствовал из «Книги Стюрмира».

[7] Данная деталь в саге не приводится.

[8] Имя жены Торда Пучеглазого, Откатлы дочери Торвальда, в саге не приводится. Прядь восполняет этот пробел.

[9] О браке Хельги с Асмундом в саге ничего не говорится.

[10] «Прядь о Бьёрне с Востока» перекликается с гл. I—VII «Саги о Людях с Песчаного Берега», и, помимо этого, сообщает о некоторых событиях, не упоминаемых в саге. Текст «Пряди» в «Книге Стурлы» и «Книге Хаука» идентичен.

[11] Сага называет Кетиля Барана “херсиром в [фюльке] Раумарики”, а не в фюльке Хрингарики, куда помещает его прядь.

[12] Прядь прямо говорит о том, что Кетиль Плосконосый изменил конунгу Харальду, “присвоив его подати”. В саге приводится более осторожная формулировка.

[13] Освивр Мудрый упоминается в «Книге об Исландцах» и в «Саге о Людях из Лососьей Долины».

[14] Эйнар Звон Весов — знаменитый исландский скальд X в. Он сочинял о ярле Хаконе Могучем (ум. 995 г.). Прозвище Эйнара является кеннингом золота.

[15] Ульв Окольничий был предводителем дружины конунга Харальда Сурового (1047—1066). Ульв упоминается в «Круге Земном» и в «Саге о Людях со Светлого Озера».

[16] Убийство Кьяртана сына Олава, согласно исландским анналам, произошло в 1003 г. О распре, приведшей к нему, подробно говорится в «Саге о Людях из Лососьей Долины».

[17] О Гудрун дочери Освивра, бабке Ари Мудрого, рассказывается в «Саге о Людях из Лососьей Долины». Гудрун — главная героиня этой саги.

[18] В данном пункте прядь расходится с сагой, которая называет Вильгейра в н у к о м, а не сыном Бьёрна с Востока.

[19] «Прядь о Людях с Мыса Тора» соотносится с гл. IV и IX «Саги о Людях с Песчаного Берега». Текст «Пряди» в «Книге Стурлы» и «Книге Хаука» идентичен.

[20] Рассказ о суевериях Торольва изложен в саге и пряди одинаково иронично. Слово “разумеется” (víst), выдающее отношение рассказчика к предписанию относительно Сраной Шхеры, в соответствующем месте саги отсутствует. Возможно, его добавил в текст пряди сам Стурла Тордарсон.

[21] О том, что Халльстейн сын Торольва жил в Тресковом Фьорде, можно прочесть в саге, но сага, в отличие от пряди, нигде не называет Халльстейна “Годи Трескового Фьорда”. О рабах Халльстейна см. вступительную статью к «Саге о Людях с Песчаного Берега», с. 293.

[22] Сам сын Бёрка Толстого упоминается в нескольких сагах. О его убийстве и личности убийцы, упоминаемого в пряди Асгейра, ничего неизвестно.

[23] «Прядь о Людях из Лебяжьего Фьорда» соотносится, прежде всего, с гл. VIII «Саги о Людях с Песчаного Берега», но упоминает также о событиях, о которых сага рассказывает позже. Текст «Пряди» в «Книге Стурлы» и «Книге Хаука» идентичен.

[24] О том, что Люди из Лебяжьего Фьорда прибыли в Исландию из Халогаланда в Норвегии, сага не сообщает.

[25] Здесь сага и прядь расходятся. Сага сообщает, что Торольв Скрюченная Нога, успевший побывать в викингских походах, прибыл в Исландию п о з ж е матери и первую зиму провел у нее; затем он вызвал на поединок Ульвара. Согласно пряди, Торольв прибыл в Исландию о д н о в р е м е н н о с матерью и отправился в викингский поход непосредственно из Исландии.

[26] Иллуги сын Торбранда в саге не упомянут.

[27] «Прядь о Тораринe Черном» дошла до нас в двух сильно отличающихся вариантах. Мы приводим оба: вначале дается текст «Книги Стурлы», а затем — текст «Книги Хаука».

[28] Сообщение о тяжбе Торарина против Гейррид соотносится с гл. XVI «Саги о Людях с Песчаного Берега».

[29] О смерти Гудлауга сага не сообщает.

[30] Здесь прядь слегка расходится с сагой, которая говорит, что ни Арнкель, ни Снорри Годи не могли решить тяжбу сами из-за родства с ответчиком и истцом.

[31] Как и сага, прядь ссылается на юридическую норму, не представленную в «Сером Гусе», и сообщает, что Торарин отвел от себя обвинения, принеся клятву в невиновности матери.

[32] Этот эпизод распри соотносится с гл. XVIII «Саги о Людях с Песчаного Берега».

[33] Термин “суд у дверей” является крайне редким. Считается, что Стурла Тордарсон взял его из «Саги о Людях с Песчаного Берега» и добавил в «Книгу о Заселении Земли».

[34] О том, что Бьёрн принимал участие в Битве у Чаечного Склона, сообщает только «Книга Стурлы». Сага сообщает, что Бьёрн находился на хуторе Песчаный Берег у Стейнтора.

[35] Согласно саге, рану Халльстейну нанес Альвгейр, а не Торарин.

[36] Текст «Пряди о Торарине Черном» в «Книге Хаука» значительно короче и не вполне совпадает по содержанию с вариантом, предлагаемым «Книгой Стурлы». Считается, что Хаук сознательно следовал здесь тексту «Книги Стюрмира».

[37] Данное место «Книги Хаука» является самой ранней ссылкой на «Сагу о Людях с Песчаного Берега» и на цикл вис Торарина.

[38] Виса Торарина разобрана выше в примечаниях к «Саге о Людях с Песчаного Берега», см. вису № 11 по нумерации данной саги, с. 304.

[39] Это предложение выглядит мало осмысленным. Скорее всего, Хаук или его предшественник Стюрмир не понял контекста. Из саги следует, что Торарин сказал данную вису уже после убийства Торарина. Между тем, из слов Хаука следует, что виса Торарина оскорбила его врагов, которые вторично напали на него. Это объяснение абсурдно, поскольку уже само место битвы доказывает, что Торарин гнался за Торбьёрном, успевшим достаточно далеко отъехать от хутора.

[40] «Прядь об Одде и сыновьях Хьяльти» с некоторой долей условности можно соотнести с гл. XVII «Саги о Людях с Песчаного Берега», где упомянут скальд Одд. Текст «Пряди» в «Книге Стурлы» и «Книге Хаука» идентичен. По географическому принципу прядь в обеих редакциях книги помещена не в раздел о Западной Исландии, где происходит ее действие, но в раздел о Северной Исландии, откуда родом ее герои, сыновья Хьяльти.

[41] Хутор Капище был рано перенесен в место, где ныне стоит хутор Пригорки, с 1106 г. ставший резиденцией североисландских епископов.

[42] Глум сын Гейри — знаменитый исландский скальд X в. Он сочинял о конунге Харальде Серая Шкура. О Глуме и его родичах рассказывается в «Саге о Людях из Долины Дымов».

[43] Тресковый Фьорд находится на северном берегу Широкого Фьорда. Тинг Трескового Фьорда является одним из трех окружных тингов Западной Четверти. Не совсем ясно, почему Глум сын Гейри, живший в Северной Четверти, вызывает Одда на этот тинг. Логично предположить, что Одд, имевший прозвище Житель Широкого Фьорда, входил в один из годордов, относящихся к Тингу Трескового Фьорда.

[44] Автором данной висы, с высокой вероятностью является сам Одд из Широкого Фьорда. Виса приводится также в «Саге о Барде Асе Снежной Горы».

[45] “Лобные обличья круч ремня” — шлемы. “Фьорд Рыб” — Тресковый Фьорд, “Вече Фьорда Рыб” — Тинг Трескового Фьорда.

[46] «Прядь о Торбьёрне Стужа» по географическому принципу не относится к Широкому Фьорду, но содержание ее прямо перекликается с гл. LVII—LXII, рассказывающих о разбойниках, осевших во фьорде Стужа. Прядь повествует о первом разбойном нападении в окрестных местах. Текст «Пряди» в «Книге Стурлы» и «Книге Хаука» идентичен.

[47] Гильс Корабельный Нос — первопоселенец, занявший Фьорд Гильса, лежащий в глубине Широкого Фьорда у его вершины. Торбьёрн Стужа поселился по другую сторону узкого перешейка, разделяющего Широкий Фьорд и полуостров Западные Фьорды.

[48] «Прядь о Людях с Мыса Дымов» по своему содержанию перекликается с гл. LXIII «Саги о Людях с Песчаного Берега»: она сообщает об исландце X в., которого якобы видели в той же загадочной стране за море, куда попали герои саги Бьёрн и Гудлейв. Текст «Пряди» в «Книге Стурлы» и «Книге Хаука» идентичен.

[49] Хутор Мыс Дымов был на рубеже X—XI вв. усадьбой хёвдингов. Ари, отец хёвдинга Торгильса, пропал без вести в конце X в.

[50] Считается, что топоним “Страна Белых Людей”, отнесенной к загадочной стране за морем, является переводом латинского названия самой Ирландии (Alba, т. е. “Белая”). Однако происхождение топонима не проясняет смысл, который в него вкладывали исландцы.

[51] Эти слова пряди могут служить подтверждением, что “Страной Белых Людей” исландцы называли южную часть атлантического побережья Северной Америки.

[52] Рассказ о крещении Ари связан с ирландскими поверьями, будто на западе за морем находится некая большая страна, связанная с Ирландией (по другой версии — потусторонний мир). Вполне возможно, однако, что эти поверья, в свою очередь, частично мотивированы дальними плаваниями скандинавов и кельтов.

[53] Читателю стоит обратить внимание на слово “сага”, употребленное по отношению к устному рассказу, передававшемуся из поколения в поколения.

[54] Упоминаемый здесь “Хлюмрек” — это г. Лимерик в Ирландии. Купец Хравн Ездок в Хлюмрек жил в середине XI в. Он был уроженцем Широкого Фьорда. Женой Хравна была Вигдис, дочь Торарина Жеребячий Лоб и двоюродная сестра Торкеля сына Эйольва, прадеда Ари Мудрого.

[55] Торкель сын Геллира, на которого ссылается прядь как на информанта, — дядя и воспитатель историка Ари Мудрого. Сам Ари Мудрый, скорее всего, тоже приложил руку к распространению “саги” о своем тезке Ари сыне Мара. Ари получил свое имя в честь одного из Людей с Мыса Дымов. Дед Ари, Геллир сын Торкеля, был женат на Вальгерд, дочери Торгильса сына Ари; отец историка, Торгильс сын Геллира, был назван в честь деда, Торгильса сына Ари, а сам историк был назван либо в честь прапрадеда, Ари сына Мара, либо в честь двоюродного дяди, Ари сына Торгильса. В гл. V «Книги об Исландцах» Ари ссылается на рассказы своего дяди Торкеля сына Геллира именно в связи с рассказами о дальних плаваниях в Гренландию и Америку.

Кроме того, Ари Мудрый как латинист мог перевести ученое название Ирландии (Alba) и приложить его к легендарной стране за морем, где якобы видели Ари сына Мара. Все эти соображения, разумеется, не доказывают, что Ари Мудрый является автором текста «Пряди о Людях с Мыса Дымов», но они подтверждают, что предания о судьбе Ари сыне Мара в XI—XII вв. должны были передаваться людьми из ближайшего окружения историка.

[56] Ярл Торфинн Раскалыватель Черепов правил на Оркнейских Островах в 1004—1066 гг.

[57] О Торгильсе и его братьях много рассказывается в «Саге о Названых Братьях», «Саге о Битве на Пустоши» и «Саге о Ньяле».

[58] Об Эйрике Рыжем и его сыне Лейве Счастливом см., прежде всего, «Сагу о Гренландцах» и «Сагу об Эйрике Рыжем». Эйрик был первооткрывателем Гренландии, а Лейв одним из первых благополучно достиг Винланда, т. е. Северной Америки.

[59] Снорри сын Йорунда — предок Стурлунгов. Ошибочная генеалогия с его именем повторяется и у Стурлы, и Хаука. Она возникла в результате невнимательного чтения текста предшественников. Вопреки пряди, Йорунд, отец Снорри, был сыном упомянутого выше Торгильса сына Коля, а не Атли Рыжего.

[60] «Прядь о Людях из Стремнинного Фьорда» по своему содержанию перекликается с гл. LXIII «Саги о Людях с Песчаного Берега». Она сообщает о купце Гудлейве, видевшим Бьёрна в Стране Белых Людей (см. выше примеч. 48 и 50, с. 324 и 324), и о его знатных родичах: многие из этих родичей упоминаются и в саге. Перевод следует «Книге Хаука».

[61] Скальд Рэв, он же Рэв с Капищного Двора сын Геста, жил в первой половине XI в. Прадед Рэва, Хельги Капищный Годи, и его сын Бьёрн дважды упоминаются в «Саге о Людях с Песчаного Берега». Мать Рэва, Стейнун, тоже была скальдом и прославилась как противница принятия христианства, о чем говорится в «Саге о Ньяле».

[62] О Турид дочери Одда из Междуречья рассказывается в «Саге о Курином Торире».

[63] В «Книге Стурлы» указание, что Гудлауг сочинил флокк под названием «Висы Гюрда», опущено. Очевидно, Стурла Тордарсон не знал этих стихов, но их мог знать Стюрмир, из редакции которого Хаук заимствовал данную информацию.

[64] «Прядь об Иллуги Рыжем» непосредственно не перекликается с содержанием саги, хотя в ней упомянута Турид дочь Иллуги, вторая жена Снорри Годи. Формально ее можно соотнести с последней главой саги, где перечисляется потомство Снорри Годи, в том числе — дети Турид. Прядь резко выделяется необычной коллизией, связанной с обменом жен. Она интересна также описанием языческих обычаев и тем, что демонстрирует методы работы Стурлы Тордарсона с материалом. Версии «Книги Стурлы» и «Книги Хаука» несколько отличаются. Стурла сознательно изменил генеалогии, собранные его предшественниками, и предложил смелое отождествление двух носителей одного имени, живших в разных округах. Хаук не пошел до конца вслед за Стурлой, но, в свою очередь, добавил в текст пряди несколько новых имен, продлив генеалогии до своего времени. Перевод следует «Книге Стурлы».

[65] Места о которых идет речь в пряди, находятся в Городищенском Фьорде на юго-западе Исландии. Первопоселенец Ульв селится в верховьях Белой Реки. Это свидетельствует о том, что к тому времени более выгодные места были уже заняты. Тем не менее его потомкам удалось процвести и впоследствии занять богатые хутора в округе.

[66] Гицур Белый и его зять Хьяльти сын Скегги — исландские хёвдинги, бывшие инициаторами принятия христианства.

[67] О Кьяллаке из Рощи и его сыне Коле говорится в «Саге о Хёрде и Островитянах», где они названы “очень знатными людьми”.

[68] Торд сын Сёльви, сына Торда, занимал хутор Дымный Холм в середине XI в; он упоминается в одной из редакций «Саги о Союзниках» в эпизоде, датируемом ок. 1056 г. Представители данного южноисландского рода часто принимали духовные звания. В начале XIII в. хутор Дымный Холм находился в руках Снорри Стурлусона.

[69] Имеется в виду Хрольв Младший, живший во второй половине X в., а не его дядя Хрольв Богатый. «Сага о Хёрде и Островитянах» в гл. XI, тем не менее, называет Иллуги Рыжего сыном Хрольва Богатого, что не согласуется ни с одной из редакций «Книги о Заселении Земли».

[70] Об Иллуги Рыжем сыне Хрольва подробно рассказывается в «Саге о Хёрде и Островитянах», где он описан как человек коварный и беспокойный. Тот же образ рисует прядь.

[71] О Мышином Бёльверке, шурине Иллуги, рассказывается в другой главе «Книги о Заселении Земли» (S 43, H 31). Бёльверк убил Торарина сына Халлькеля и был убит братьями Торарина, Иллуги Черным (см. примеч. 43 к «Саге о Людях с Песчаного Берега», с. 303) и Тиндом. Согласно «Книге о Заселении Земли», это произошло уже после того, как он обменялся хуторами с Иллуги.

[72] О том, что Одд из Междуречья был годи капища и первым хёвдингом (“предводителем округи”) в юго-западной Исландии, говорится в двух сагах — «Саге о Курином Торире» и «Саге об Эгиле» (гл. LXXXIV).

[73] В «Саге о Хёрде и Островитянах» говорится, что у Иллуги была и третья жена, Турид дочь Гримкеля.

[74] Симптоматично, что указания на языческие обряды и капища постоянно сопровождают рассказ об Иллуги и его родне.

[75] Чресельная Река находится в Лощинах в Широком Фьорде. Отождествление Хрольва Младшего с Хрольвом с Чресельной Реки является смелой гипотезой самого Стурлы Тордарсона. В «Книге Стюрмире», версии которой следуют «Книга Хаука» и «Прядь о Гейрмунде Адская Кожа», Хрольв с Чресельной Реки назван сыном Кьяллака.

Сага о Фарерцах

«Сага о Фарерцах» принадлежит к текстам, занимающим промежуточное положение между родовыми и королевскими сагами. К этой группе относятся также «Сага об Оркнейцах» и «Сага о Йомсвикингах». Все три саги были записаны в первой половине XIII в. в Исландии, но их действие разворачивается в других странах. В этих трех сагах упоминаются иноземные правители — конунги и ярлы, но основное внимание уделено не им, а скандинавским общинам в целом, соответственно — жителям Фарерских, Оркнейских островов и сообществу йомсвикингов (балтийских викингов). Из этих общин наиболее тесные торговые и политические связи с исландцами в X—XII вв. были у оркнейцев, менее тесные — у фарерцев и эпизодические — у йомсвикингов[1]. Поэтому неудивительно, что из перечисленных текстов «Сага об Оркнейцах» в наибольшей степени, а «Сага о Йомсвикингах» — в наименьшей степени опирается на местные предания о памятных событиях прошлого. «Сага о Фарерцах» занимает промежуточное положение. С одной стороны, она служит главным источником сведений об истории Фарерских островов в период с 940 по 1047 гг., с другой — особенности рассказа заставляют подозревать, что многие детали не имеют отношения к предполагаемой фарерской устной традиции, но являются плодом домыслов самого исландского рассказчика.

Есть еще одно важное обстоятельство, сближающее «Сагу о Фарерцах» с королевскими сагими: рукопись самостоятельной редакции саги ныне утрачена, и фрагменты саги дошли до нас исключительно в составе королевских саг — двух редакций «Саги об Олаве сыне Трюггви» и четырех редакций т. н. «Большой Саги об Олаве Святом». Тем не менее, полный текст «Саги о Фарерцах» может быть восстановлен в правильном порядке, что было убедительно показано исландским ученым Оулавюром Хатльдоурссоном, который в 1987 г. выпустил критическое издание памятника[2]. Единственная рукопись, содержащая почти полный, хотя и не вполне связный, текст саги — это знаменитая «Книга с Плоского Острова» (Gl. kgl. 1005 fol.). Первые тридцать три главы саги сохранились также в составе старшей редакции «Саги об Олаве сыне Трюггви»

---

[1] Сообщество йомсвикингов просуществовало ок. 70—100 лет: пик их военной активности пришелся на конец X — начало XI вв. В сторону Исландии йомсвикинги не могли плавать по техническим причинам: военные корабли викингов не были приспособлены для дальних морских переходов. Поэтому контакты исландцев с йомсвикингами, в основном, сводились к: a) случаям, когда исландцы сражались против йомсвикингов (ср. рассказ о битве Гудлейва с ярлом Гюрдом) или, наоборот, вступали в их ряды (ср. рассказ о Бьёрне Бойце Широкого Залива), b) поездкам исландских скальдов к вождям йомсвикингов.

[2] Færeyinga saga / Ólafur Halldórsson bjó til prentunar. Reykjavík, 1987. Ранее Оулавюр Хатльдоурссон выпустил популярное издание саги в серии Íslensk Úrvalsrit.

(рукописи AM 61 fol., AM 53 fol., AM 54 fol.[3]). Эта редакция «Саги об Олаве сыне Трюггви» была, предположительно, известна писцу и компилятору первой части «Книги с Плоского Острова», священнику Йону Тордарсону[4], но он предпочел в большинстве эпизодов следовать не ей, а тексту «Саги о Фарерцах», рукопись которой была в его распоряжении. По мнению Оулавюра Хатльдоурссона, гл. I—XXVII, XXXIV—XLII, XLIX—LIX непосредственно отражают чтения этой ныне утраченной рукописи: Йон Тордарсон вставлял их в текст компиляции без существенных изменений. Напротив, гл. XXVIII—XXXIII Йон взял из старшей редакции «Саги об Олаве сыне Трюггви». Гл. XLIII и XLV—XLVIII Йон взял из имевшейся в его распоряжении редакции «Саги об Олаве Святом»[5]. Наконец, короткая главка XLIV, сохранившаяся в ряде редакций «Саги об Олаве Святом», оказалась лишней ввиду того, что Йон вновь соединил три фрагмента саги, где шла речь о Фарерских островах. Ни одна из редакций «Саги об Олаве Святом» не воспроизводит текст «Саги о Фарерцах» в неизменном виде, поэтому Оулавюр Хатльдоурссон остановился в гл. XLIII—XLVIII (эпизод с поездкой Карла из Мёра и его убийством в 1028 г.) на чтениях одной из наиболее старых рукописей «Саги об Олаве Святом» — т. н. «Круга» (Kringla). Эта рукопись является ранним списком «Круга Земного» Снорри Стурлусона, сделанным неизвестным исландцем в 1250—1280 гг. Оригинал «Круга» сгорел в 1728 г. во время пожара в Копенгагене, но сохранились списки XVII в., лучший из которых, AM 36 fol., сделан ок. 1688 г. Аусгейром Йоунссоном. Таким образом, «Сагу о Фарерцах» удается восстановить в полном составе и правильном порядке глав, что является безусловным филологическим достижением. Правда, как было указано выше, восстановленный текст все же не отражает единой редакции, так как многочисленные составители «Саги об Олаве Святом» — Снорри Стурлусон был далеко не первым из них — меняли изначальный текст «Саги о Фарерцах». Едва ли, однако, современный читатель может быть на это в претензии: благодаря стилистической правке Снорри эпизод с убийством Карла из Мёра может быть отнесен к лучшим страницам саги.

В центре внимания саги — распря двух фарерцев, наделенных индивидуальными и весьма характерными чертами. Они — антагонисты. Сигмунд сын Брестира, воин и викингский вождь, становится дружинником правителей Норвегии и их наместником на Фарерских Островах. Сигмунд равнодушен к языческим обрядам и верит лишь “в свою силу и мощь”, как он открыто говорит о себе в гл. XXIII. Он берется выполнить поручение конунга Олава сына Трюггви и насильно крестит своих земляков. Его главный противник Транд с Гати[6], хитрый купец и богатый бонд, привержен старому

---

[3] Старшая из рукописей «Саги об Олаве сыне Трюггви», AM 61 fol., датируется временем ок. 1360 г.

[4] Первая часть «Книги с Плоского Острова» была составлена Йоном Тордарсоном в 1387 г.

[5] Главу XLII, содержащую характеристику ярла Эйрика сына Хакона, компилятор переставил, дабы объединить рассказы «Саги о Фарерцах» и «Саги об Оркнейцах», относящиеся к примерно одному и тому же времени. В протографе «Саги о Фарерцах» данная глава, как показал Оулавюр Хатльдоурссон, стояла непосредственно за главой XXXIV, где говорилось о том, что ярлы Свейн и Эйрик после победы в битве при Свольдре в 1000 г. вызвали Сигмунда к себе.

[6] Ранее прозвище передавалось как *Транд с Гаты*. Древнескандинавское слово gata «улица» является ранним заимствованием из славянского **гать**. В этой связи мы сочли возможным в данном томе последовательно переводить фарерский топоним как «Гать».

укладу и противится попыткам норвежцев установить свои порядки на Фарерских островах. Транд — язычник и колдун, но христианство противно ему не только само по себе, но еще и потому, что оно навязывается иноземными правителями вместе с обязательством платить им дань: Транд всеми силами противится христианству и велит своим подручным убивать посланцев конунга. В саге коварный Транд превозмог прямолинейного Сигмунда, которого сага превозносит как героя. Но в памяти народа остался именно Транд, которого фарерцы справедливо считают первым борцом за свою независимость. В честь Транда фарерцы по-прежнему называют своих детей. Между тем, имя "Сигмунд" на Фарерских островах почти вышло из употребления. Тем не менее, победа Транда не была безусловной ни в саге, ни в жизни. В последних главах саги Лейв сын Эцура, зять Сигмунда, убивает родичей Транда и получает от конунга Магнуса Доброго (1035—1047) Фарерские острова в лен. После этого, как признает рассказчик саги в гл. LIX, никаких выдающихся достижений (meiri afdrif), связанных с потомками Сигмунда, не было, хотя представители этого рода в XI—XII вв. сохраняли первенство на островах и получали от норвежских конунгов звания управителей (sýslumenn). Напротив, память о событиях начала XI в., когда норвежцы столкнулись с ожесточенным сопротивлением Транда и его сторонников, прочно запечатлелась в памяти исландцев, и соответствующие рассказы были в уже в первые десятилетия XIII в. включены в саги об Олаве сыне Трюггви и Олаве Святом. Стоит напомнить, что Исландия в это время еще сохраняла независимость, и пример соседней скандинавской общины, вынужденной подчиниться чужеземному конунгу, вряд ли воспринимался апологетически, вопреки заранее заданной установке саг на прославление конунгов-миссионеров.

По-видимому, сведения исландцев о Фарерских островах не были подробными. Они складывались из знания географии островов — здесь изложение саги свободно от ошибок, — рассказов о распрях Сигмунда с Трандом, составляющих основной предмет саги, сведений о времени заселения островов и их общественном устройстве (места тингов, титулы местных хёвдингов и расположение их хуторов), имен отдельных фарерцев XII—XIII вв., с которыми исландцы сталкивались в Норвегии. Особое отношение было к самозванцу Сверриру (ум. 1202 г.), фарерцу, который провозгласил себя сыном конунга и положил начало новой династии в Норвегии, и его родне, наводнившей Норвегию во время смутного времени. В целом же исландцы, что явно следует из текста саги, воспринимали Фарерские острова как отсталую и малокультурную провинцию, живущую по старинке и незнакомую с европейскими обычаями. Ср., в этой связи, рассказы о замужестве старухи Турид, которую персонаж саги называет в гл. LVI "самой завидной невестой на Островах", о колдовстве Транда в гл. XLI и вложенную ему же в уста в гл. LVII простонародную молитву, которую Транд наивно выдает за Credo, т. е. символ веры. Некоторые исследователи предполагали даже, что в молитве Транда исландский рассказчик высмеял фарерские диалектные формы[7]. Интерес исландцев к своим фарерским современникам можно, с долей условности, назвать "этнографическим": он основывался на стереотипах о нравах соседей и не предполагал специальных знаний.

[7] *Foote P.* Þrándr and the Apostles // Medieval Literature and Civilization: Studies in Memory of G. N. Garmonsway. London, 1969. P. 129—140.

Иначе обстоит дело с рассказами о заселении Фарерских островов и о викингских походах Сигмунда. Эта часть саги воскрешает в памяти общее героическое прошлое древних скандинавов, когда еще не было однозначного деления на норвежцев, исландцев и фарерцев. Фарерские острова были заселены скандинавами в начале IX в., т. е. примерно на полвека раньше Исландии. По одной из версий, подкрепляемой авторитетом исландского ученого Сэмунда Мудрого (1056—1133), первые скандинавы, побывавшие в Исландии, приплыли именно с Фарерских островов[8]. Упоминаемый в начальной главе «Саги о Фарерцах» Грим Камбан был дедом первопоселенца Торольва Жира, ок. 870 г. приплывшего в Исландию с Фарерских островов на корабле викинга Флоки сына Вильгерд[9]. Транд с Гати ведет своей род от норвежца Кетиля Плосконосого (ср. рассказы о последнем в «Саге о Людях с Песчаного Берега»), ок. 880 г. покинувшего Норвегию и захватившего власть в Западных Морях, т. е. на Оркнейских и Южных (Гебридских) островах и в части Шотландии. Потомки Кетиля осели и в Исландии, где сразу же выдвинулись на первые роли (ср. пряди из «Книги о Заселении Земли». В конце X в. Сигмунд сын Брестира повторяет путь Кетиля. Фаререц по месту рождения, но норвежец по воспитанию, Сигмунд делается викингским вождем и, получив мандат от норвежского ярла Хакона, становится хёвдингом в Западных Морях. Покончив с походами, он селится на Фарерских островах, где остается первым по могуществу человеком. Описания удали и боевых искусств Сигмунда выдержаны в духе лучших родовых саг. Подвиги Сигмунда настолько напоминают аналогичные сцены с участием Гуннара с Конца Склона в «Саге о Ньяле», Кьяртана в «Саге о Людях из Лососьей Долины» и других исландцев “века саг”, что напрашивается мысль о том, что «Сага о Фарерцах» была смоделирована по образцу названных родовых саг. Но это иллюзия: «Сага о Фарерцах» заведомо древнее этих саг, и нет ни одного случая, где удается доказать, что она заимствует материал какой-либо родовой саги. Напротив, обратное влияние «Саги о Фарерцах» на родовые саги почти несомненно. Тем самым, как ни парадоксально, описания подвигов знаменитых исландцев в родовых сагах в значительной мере следуют стандартам, впервые отработанным в сагах, героями которых являются жители других стран.

К сведениям, которые исландцы могли почерпнуть только от фарерцев, т. е. к фарерской устной традиции, в саге относится сравнительно немногое — общие характеристики Сигмунда и Транда, рассказы об их союзах и конфликтах с правителями Норвегии и отношении к христианству. Сюда же, бесспорно, относятся имена трех племянников Транда, детей и норвежской жены Сигмунда, его зятя Лейва сына Эцура. Сага точно указывает возраст Сигмунда (ему было девять лет в 975 г., когда пал норвежский конунг Харальд Серая Шкура) и отслеживает большинство его последующих действий по годам, но трудно сказать, является ли такая четкость следствием точных знаний, или, наоборот, следствием домыслов рассказчика. К числу наиболее достоверных деталей относятся сведения о местах убийств ключевых персонажей саги и

[8] Ссылка на Сэмунда Мудрого есть в начале редакции «Книги о Заселении Земли», составленной Стурлой Тордарсоном (S 3). Стурла называет по имени первого фарерца, достигшего Исландии: это был викинг *Наддодд* (Nadd-oddr). Неясно, упоминал ли Наддодда Сэмунд Мудрый.

[9] Об этом эпизоде рассказывается в «Книге о Заселении Земли» (S 5, H 5).

топографически точные описания этих мест. Рассказ о необычных обстоятельствах, при которых погиб Сигмунд, тоже, вероятно, опирается на местные фарерские предания. В то же время анализ показывает, что в большом числе случаев исландский рассказчик домысливал эпизоды и выдумывал имена второстепенных персонажей. Большинство личных имен и прозвищ в саге не внушают доверия: некоторые из них вообще не встречаются за ее пределами или засвидетельствованы только в других частях Скандинавии и на несколько веков позже. Читателю саги не стоит удивляться, обнаружив на ее страницах женщину X в. с христианским именем Сесилия или зловредного работника с экзотическим прозвищем Эльдъярн Перо на Шляпе (гл. V). Элемент литературной игры, побуждавшей рассказчика лихо изобретать сомнительные имена эпизодических персонажей, вроде имен братьев Хавгрима, Хергрима и Бьярнгрима в гл. LI, при том что он не владел существенной информацией о родне главных героев и не мог, например, назвать по имени родителей Бьярни, дяди Транда (гл. V), или матерей Лейва сына Эцура с Гилли (гл. XILIX), был очевиден для подготовленных исландцев XIII—XIV вв. в не меньшей мере, чем для современных комментаторов. К тому же многие из этих исландцев, в отличие от комментаторов, хорошо знали, в какой среде была записана «Сага о Фарерцах» и кто мог быть ее автором. Неудивительно, что многие компиляторы и составители королевских саг в случае, если версия «Саги о Фарерцах» вступала в противоречие с версиями того же эпизода в других памятниках, предпочитали следовать последним и выбрасывали куски «Саги о Фарерцах». Яркий пример вольного обращения рассказчика «Саги о Фарерцах» с культурными реалиями и словами, их обозначающими, демонстрирует гл. LXVIII, где идет речь об убийстве норвежца Карла, случившегося на Фарерских островах в 1028 г. Один из убийц, фаререц Гаут Рыжий, втыкает в землю некое оружие, названное словом *refði*, заимствованным скандинавами из греческого языка (по-видимому, через посредство варягов). Из контекста следует, что рассказчик называет этим словом небольшую секиру на длинной ручке, оружие, которое обладало достаточной массой и длиной, чтоб с размаху нанести им тяжелый удар[10]. Однако греческое слово *ῥάβδος*, послужившее источником refði, значит “палка”, “посох”, “жезл”: скандинавы заимствовали это слово в значении «декорированная дубина, которую носит знать». В древнеисландской прозе слово refði встречается преимущественно в переводных текстах и почти неизменно сопровождает описания иноземных конунгов; крайне сомнительно, чтобы фарерцы начала XI в. воспользовались для убийства посланца норвежского конунга столь экзотическим предметом как *ῥάβδος* / refði. Можно предположить, что по неясным причинам слово refði вошло в моду в период записи саги и что рассказчик не к месту употребил его в ситуации, где речь шла о небогатых фарерских бондах XI в.

Примерное время записи «Саги о Фарерцах» устанавливается с точностью, превышающей датировки большинства саг, что показал Оулавюр Хатльдоурссон. Нижней границей времени создания протографа служит упоминание в последней главе Эйнара сына Скегги, управителя норвежских конунгов на Фарерских островах, который упоминается в другом тексте в рассказе о событиях 1210 г.[11]. «Сага о Фарерцах» го-

---

[10] См.: *H. Falk*. Altnordische Waffenkunde // Skrifter utg. av Videnskapsselskapet i Kristiania. II. Hist.-Filos. Kl. 1914. No. 6. Kristiania, 1914. S. 114.

[11] В пространной редакции «Саг о Посошниках», сохранившейся в пересказе Педера Клауссона Фриса, говорится, что Эйнар, управитель (syslemand), привез в 1210 г. в Норвегию

ворит об Эйнаре, что он “еще недавно был управителем на Островах”. Кроме того, есть основания считать, что «Сага о Фарерцах» старше «Саги об Оркнейцах», протограф которой был записан ок. 1200 г.[12] Верхней границей служит время создания саг об Олаве Святом, в состав которых вставлялись главы «Саги о Фарерцах». «Сага об Олаве Святом», написанная Снорри Стурлусоном, датируется 1220—1230 гг. «Сага о Фарерцах» старше не только саги Снорри, но и той редакции «Саги об Олаве Святом», которая была составлена секретарем Снорри, аббатом Стюрмиром сыном Кари. Эта сага непосредственно предшествовала редакции Снорри[13]. Тем самым «Сага о Фарерцах» почти наверняка была записана в период 1210—1215 гг. Стилистические и текстологические соображения, в частности, ссылки на род Кетиля Плосконосого, побуждают считать, что сагу записали в Западной Исландии, в окрестностях Широкого Фьорда. Но эта гипотеза, в отличие от датировки протографа, не может быть строго доказана[14].

Раннее время записи «Саги о Фарерцах», когда книжная традиция в Исландии еще не устоялась, лучше всего подтверждается языком саги, и, прежде всего, ее синтаксисом. Оулавюр Хатльдоурссон отмечает, что саги, записанные в начале XIII в., значительно чаще используют дейктические частицы nú “вот”, “сейчас”, “теперь” и þá “тогда”, “потом”, характерные для разговорного языка[15]. Это наблюдение верно, но ему есть все основания придать более категоричную форму: рассказчик «Саги о Фарерцах» ориентировался на идиоматично звучащую устную речь и систематически использовал не только упомянутые частицы, но и целые цепочки безударных слов, группировавшиеся по строгому правилу, т. н. закону Ваккернагеля[16]. Этот закон действовал в германских языках, в основном, в дописьменный период; он характерен, прежде всего, для языков со свободным порядком слов[17]. Разумеется, все эти соображения доказывают лишь то, что синтаксис «Саги о Фарерцах» организован в соответствии с законами устного рассказа в самом древнеисландском языке, а не то, что «Сага о Фарерцах» продолжает фарерскую устную традицию.

В XIV в. содержание саги было изложено стихами в трех циклах *рим*, т. е. исландских баллад. Сохранилось два цикла (не полностью). Они носят названия «Римы Сигмунда» и «Трэнлы», т. е. «Стихи о Транде». Эти два цикла, как полагают, сложены разными поэтами. «Римы Сигмунда» и «Трэнлы» не опираются на устную традицию. Их ценность в том, что они следуют письменному тексту первоначальной версии

к ярлу Филиппусу на своем корабле некоего Эрлинга, выдававшего себя за сына конунга Сверрира.

[12] *Ólafur Halldórsson*. Formáli // Færeyinga saga / Ólafur Halldórsson bjó til prentunar. Reykjavík, 1987. Bls. CCXXXIII.

[13] *Ólafur Halldórsson.* Op. cit. Bls. CCXXIII—CCXXIV.

[14] Одним из косвенных доводов служит то, что упомянутый выше Эйнар, управитель на Фарерских островах, был женат на исландке, которая доводилась праправнучкой Снорри Годи, хёвдингу Широкого Фьорда и главному герою «Саги о Людях с Песчаного Берега». См.: Ibid. Bls. CCXXI.

[15] Эту особенность оригинала переводчик попытался отразить.

[16] Тот же вывод справедлив по отношению к языку «Саги об Оркнейцах».

[17] Строгое доказательство этого положения см. в кн.: *Циммерлинг А. В.* Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002. С. 367—375.

«Саги о Фарерцах» и сохраняют второстепенные детали, выброшенные позднейшими компиляторами[18]. Так, только в римах упоминается прозвище племянника Транда, Сигурда сына Торлака — Сигурд Кольцо. Прозвище брата Сигурда, Торда Коротышки, приводится во многих источниках, но лишь благодаря римам мы знаем, что прозвище было ироническим: его носитель был "высок на диво"[19].

Хронология событий саги, согласно ее собственному свидетельству и другим источникам, выстраивается так:

Родился Грим Камбан	ок. 800 г.
Грим Камбан селится на Фарерских островах	ок. 820 г.
Фарерцы открывают Исландию	ок. 870 г.
Ауд Многомудрая останавливается на Фарерских островах	ок. 880 г.
Родился Торбьёрн Бородач с Гати	ок. 910 г.
Родился Транд с Гати	ок. 950 г.
Родился Сигмунд сын Брестира	966 г.
Транд прибыл на ярмарку в Халейри	ок. 970 г.
Убийство Брестира и Бейнира, гибель конунга Харальда Серая Шкура	975 г.
Сигмунд встречается с ярлом Хаконом Могучим, рождение Торы дочери Сигмунда	984 г.
Поход Сигмунда в Балтийское море	лето 985 г.
Поход Сигмунда в Швецию	лето 986 г.
Поход Сигмунда к Оркнейским островам	лето 987 г.
Возвращение Сигмунда на Фарерские острова, убийство Эцура сына Хавгрима	лето 988 г.
Ярл Хакон Могучий мирит Сигмунда с Трандом	989 г.
Родился Торальв с Димуна	ок. 990 г.
Примирение Сигмунда с Лейвом сыном Эцура	993 г.
Битва ярлов с йомсвикингами в заливе Хьёрунгаваг	994 г.
Гибель ярла Хакона Могучего	995 г.
Сигмунд прибывает к конунгу Олаву сыну Трюггви	997 г.
Крещение жителей Фарерских островов	999 г.
Битва при Свольдре, гибель конунга Олава сына Трюггви	1000 г.
Гибель Сигмунда	ок. 1002—1005 гг.
Лейв сын Эцура женится на Торе	ок. 1005—1008 гг.
Смерть ярла Свейна сына Эйрика	1015 г.
Убийство Торальва с Димуна, рождение Сигмунда сына Лейва	1026 г.
Убийство Карла из Мёра, изгнание конунга Олава Святого	1028 г.
Примирение Лейва и Гилли с Трандом	1029 г.
Гибель конунга Олава Святого	1030 г.
Убийство Сигурда сына Торлака и его братьев. Смерть Транда	ок. 1035 г.
Смерть Лейва и Турид	ок. 1040 г.
Смерть конунга Магнуса Доброго	1047 г.

[18] *Ólafur Halldórsson*. Op. cit. Bls. CXXVII.
[19] Ibid. Bls. CXXI.

Перевод «Саги о Фарерцах» на фарерский язык, выполненный пастором Йоханом Хенриком Шрётером (1751—1861) и Й. Давидсеном, был издан уже в 1832 г. (вместе с датским переводом К. К. Равна)[20] и стал вехой для истории фарерской литературы и языка. В своем переводе Й. Х. Шрётер привел оригинальный фарерский вариант «Кредды» Транда. Это дало повод для филологической дискуссии о происхождении данного текста и его структуре; этот спорный вопрос обсуждается в примечаниях к части II.

«Сага о Фарерцах» переводилась также на шведский, норвежский, английский, французский и немецкий языки. На русский язык сага переводится впервые. Перевод сделан по изданию: Færeyinga saga / Ólafur Halldórsson bjó til prentunar. Reykjavík, 1987.

Примечания

[1] Прозвище “Камбан” кельтского происхождения, но его точный смысл неясен. Грим Камбан должен был родиться ок. 800 г.: его внук Торольв Жир плавал в Исландию ок. 870 г. О Гриме «Книга Хаука» (H 19) говорит, что он был “прозван Камбан” и что «ему после смерти приносили жертвы ввиду его приятного нрава (fyrir þokkasæld sína)». Это необычное сообщение составитель «Книги Хаука», Хаук сын Эрленда, почерпнул из «Книги Стюрмира», но неизвестно, откуда его взял составитель этой редакции, аббат Стюрмир Мудрый. Возможно, соответствующий рассказ был в протографе «Саги о Фарерцах».

[2] Первые скандинавские поселенцы прибыли на Фарерские острова ок. 820 г. После упоминания имени Грима Камбана в тексте «Саги об Олаве сыне Трюггви» (рукопись AM 61 fol.) стоит генеалогия, связывающая Грима Камбана с его потомком по прямой линии, исландским хёвдингом начала XI в. Гудмундом Могучим. Там же приводится генеалогия, связывающая Аудуна Гнилушку (Auðunn rotin), правнука Грима Камбана, с епископом Гудмундом сыном Ари (ум. 1237 г.). Обе генеалогии приводятся в «Книге о Заселении Земли» (S 232, H 198). Возможно, что первая генеалогия была в протографе «Саги о Фарерцах».

[3] Об Ауд Многомудрой, ее остановке на Фарерских островах и замужестве Олов, внучки Ауд, рассказывается в «Саге о Людях из Лососьей Долины». О родственных связях между исландцами и Жителями Гати упоминает также Ари Мудрый, см. «Жизнь Снорри Годи», с. 130.

[4] Рассказчик саги не знал, сколько поколений связывали Олов и Торбьёрна Бородача с Гати. Из контекста саги следует, что последний умер ок. 970 г.

[5] Халейри — древнее название области Халланд в Южной Швеции. Халланд и соседние области Сконе и Блекинге до XVII в. принадлежали Дании. В начале XIII в., в эпоху записи саги, крупная летняя ярмарка проводилась не в Халланде, а в Сконе. Ярмарка в Сконе длилась с 15 августа по 9 сентября. На ней присутствовал датский конунг с дружиной.

[20] В 1972 г. эта ставшая раритетом книга было переиздана фототипическим способом: Færeyinga Saga eller Færøboernes Historie i den islandske Grundtext med færøisk og dansk Oversættelse / Udgiven af Carl Christian Rafn. Tórshavn, 1972.

[6] Прическа Транда на ярмарке — “щетина дыбом на бритой голове” — выдает его низкий социальный статус на тот момент: голову брили подросткам, нищим и рабам.

[7] Ниже в саге Сесилия названа ж е н о й Брестира, а не его наложницей. Христианское имя Сесилия, которое приписано норвежке или фарерке X в., подозрительно. Имя Сесилия носила мать конунга Инги сына Барда (ум. 1217 г.).

[8] Рассказчик саги опускает имя матери Бьярни, так как не может его сообщить. Из текста следует, что мать Бьярни была сестрой Гудрун, матери Транда.

[9] Нападение первым — собственно исландский, а не норвежский правовой термин. Поэтому ссылка на “древние законы”, к которым якобы прибегнул Брестир, со стороны рассказчика не оправдана.

[10] “Цена коровы” (kúgildi) — исландская мера, соответствовавшая полмарке бледного серебра. Неизвестно, применялась ли эта мера на Фарерских островах.

[11] Повторное упоминание жен и детей Брестира с Бейниром объясняется небрежностью компилятора «Книги с Плоского Острова», Йона Тордарсона. В начале гл. V он следовал самостоятельной редакции «Саги о Фарерцах», а в рассказе о гибели Брестира с Бейниром в гл. VII взял за основу какую-то иную версию. Имеется фактическая нестыковка между текстом двух глав: в гл. V сказано, что Брестир с братом н е б ы л и ж е н а т ы, а в гл. VII говорится, что Сесилия была ж е н о й Б р е с т и р а, и сообщается, что она была р о д о м и з Н о р в е г и и. Синтаксический анализ побуждает считать, что текст спорного места в гл. V взят из протографа саги, а текст в гл. VII возник как конъектура к нему.

[12] Хольмгард — скандинавское название Новгорода.

[13] Конунг Харальд Серая Шкура пал в Дании в 975 г. Выражение “пал за пределами страны” одновременно подчеркивает, что в Норвегии произошла смена власти и что конунг погиб в походе.

[14] Конунг Олав сын Трюггви (ум. 1000 г.), с которым Сигмунду предстоит познакомиться впоследствии, во всех сагах представлен как эталон силы и мужества. В редакции «Саги об Олаве Святом», составленной Снорри Стурлусоном, Олав сын Трюггви признается одним из трех величайших воинов Норвегии, наряду с конунгом Хаконом Воспитанником Адальстейна (ум. 960 г.) и Асмундом сыном Гранкеля (первая треть XI в.).

[15] Имя Торальв, которым рассказчик наделяет норвежского бонда, отца Рагнхильд, едва ли взято из устной традиции. Рассказчик домыслил его, основываясь на том факте, что старшего сына Сигмунда, о котором имелись достоверные сведения, звали Торальв.

[16] Рассказчик по неизвестным причинам наделил мать Рагнхильд крайне маркированным именем “Идунн”, которое носит женское божество скандинавского пантеона. В «Книге о Заселении Земли» упомянуты всего две женщины по имени “Идунн”, причем в одном случае редакция Хаука (H 187) называет персонажа именем “Торунн”.

[17] Имя Стейнгрим, которым рассказчик наделяет отца Ульва, скорее всего, домыслено им на основании того факта, что одного из сыновей Сигмунда звали “Стейнгрим”.

[18] Имя Тора, которым рассказчик наделил мать Ульва, домыслено им на основании того факта, что это имя носила дочь Сигмунда.

[19] Упоминание о том, что в пещере объявленному вне закона “становится скучно” и он ищет женского общества, повторяются в ряде саг. Ср., прежде всего, «Сагу о Названых Братьях» и «Сагу об Ароне сыне Хьёрлейва».

[20] Свейн сын Хакона (ум. 1015 г.), которого сага вначале называет не “ярлом”, а “ярловым сыном”, был младшим, но при этом законорожденным, сыном ярла Хакона. В большинстве королевских саг Свейн находится в тени своего брата Эйрика, но «Сага о Фарерцах» тепло относится к Свейну, оказавшему Сигмунду особое покровительство. Эта особенность саги явно основывается на устных рассказах о Сигмунде и его отношениях с ярлами.

[21] Ярл Эйрик (ум. 1013 г.) — старший, но незаконорожденный сын ярла Хакона — во всех сагах описывается как один из лучших правителей Норвегии, храбрый воин, удачливый полководец и великодушный человек. Ср. похвалу ярлу Эйрику ниже в гл. XXXV.

[22] “Восточным Морем” сага называет Балтийское море.

[23] “Широкая Река”, по-видимому, — р. Эльба.

[24] Дракон— боевой корабль викингов с головой дракона, вырезанной на штевне.

[25] Энгульсэй— остров Энглсакс.

[26] Описание, данное в саге острову Подкова, лучше подходит для острова Большой Димун, который действительно представляет собой неприступную крепость. Эту неточность первым отметил создатель литературного фарерского языка В. У. Хаммерсхаймб (1819—1909).

[27] Торгерд Невеста Хёрди (или: “Невеста Хёльги”) — языческое божество, почитавшееся в Норвегии. Из намеков королевских саг можно понять, что ее культ был связан с человеческими жертвоприношениями.

[28] Ср. аналогичный рассказ о Транде Рысаке в «Саге о Людях с Песчаного Берега».

[29] То же самое рассказывается о Транде Рысаке.

[30] Имеется в виду битва ярла Хакона с Йомсвикингвами в заливе Хьёрунгаваг в 994 г. О ней подробно рассказывается в «Саге о Йомсвикингах» и королевских сагах.

[31] Об участии Сигмунда в битве и его поединке с Буи другие источники не упоминают.

[32] Буи Толстый сын Весети, один из предводителей йомсвикингов, согласно «Саге о Йомсвикингах», был датчанин.

[33] “Рогатое копье” — большой бердыш с двумя лезвиями.

[34] Данная фраза воплощает компромисс между двумя версиями гибели Буи, известными компилятору «Книги с Плоского Острова», Йону Тордарсону. С одной стороны, Йон оставил упоминание о том, что Буи л и ш и л с я в б о ю о б е и х к и с т е й, которые ему отрубил Сигмунд («Сага о Фарерцах»). С другой стороны, Йон сохранил верность версии «Саги о Йомсвикингах» и королевских саг, где говорится, что Буи, получив смертельную рану, п о д х в а т и л л а р ц ы с з о л о т о м и прыгнул за борт.

Отсюда странное сообщение, что Буи насадил на обрубки рук кольца своих ларцов.

[35] Исландский скальд Халльбьёрн Хвост упоминается в «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде»; он сочинял стихи о конунге шведов Кнуте сыне Эйрика (ум. 1196 г.) и о норвежском конунге Сверрире (1177—1202 гг.). Прозвище *Старший*, вставленное в текст, призвано отграничить его от упоминаемого в «Саге об Исландцах» Халльбьёрна Хвоста Младшего, который в 1255 г. нанес смертельную рану хёвдингу Одду сыну Торарина. Неясно, было ли прозвище *Старший* в протографе саги, или же его вставил кто-то из позднейших переписчиков.

[36] Кто такой Стейнгрим сын Торарина, неизвестно, но можно предположить, что это исландец XIII в.

[37] Ссылка на Ари Мудрого свидетельствует о том, что Ари в каком-то из своих сочинений упоминал битву в заливе Хьёрунгаваг.

[38] Действие данной главы происходит уже после смерти ярла Хакона. Сменивший его конунг Олав сын Трюггви пришел к власти в 995 г., а встреча Сигмунда с конунгом случилась два года спустя, т. е. в 997 г.

[39] Большая речь конунга Олава, обращенная к Сигмунду, есть только в «Саге об Олаве сыне Трюггви». Скорее всего, она отсутствовала в протографе «Саги о Фарерцах». Высказывалось мнение, будто эта речь была сочинена монахом Гуннлаугом сыном Лейва (ум. 1218 г.), написавшим латинскую сагу об Олаве сыне Трюггви.

[40] Из изложения саги следует, что Фарерские острова были крещены в 999 г. Предположительно в том же году христианство стало законом в Исландии по решению альтинга.

[41] Похожий рассказ о состязании Кьяртана сына Олава с конунгом Олавом сыном Трюггви есть в «Саге о Людях из Лососьей Долины».

[42] В этом месте лакуна. В ней должно было говориться о смене власти в Норвегии в 1000 г.

[43] Глава XXXV, представляющая собой панегирик ярлу Эйрику сыну Хакона, стоит в «Книге с Плоского Острова» в ином месте, уже после рассказа о гибели Сигмунда. Эта перестановка объясняется методами работы компилятора, Йона Тордарсона. См. вступительную статью.

[44] Ниже, в гл. XLV о Торде Коротышке говорится, что он был большого роста и что прозвище, таким образом, ироническое. Отсутствие этой детали в гл. XXXV вызвано тем, что компилятор «Книги с Плоского Острова» Йон Тордарсон отклонился от текста «Саги о Фарерцах» в пользу одной из версий «Саги об Олаве Святом».

[45] Из слов саги, что Лейв и родичи Транда “были ровесники”, вытекает, что все эти люди должны были родиться ок. 985 г.

[46] Движение против солнца было частью колдовского действа.

[47] “Морской переход” равен 8,3 км. Реальное расстояние между островом Подкова и Южным островом не меньше 12 км, а между Большим Димуном и Южным островом — более 8 км.

[48] Все сыновья Сигмунда, по свидетельству саги, родились уже на Фарерских островах, после возвращения Сигмунда в 988 г. Очевидно, старший сын Сигмунда, Торальв с Димуна, родился не ранее 989 г. Если он не достиг совершеннолетия в год убийства отца, то Сигмунд погиб не позже 1005 г., скорее всего, в 1002—1004 гг.

[49] Гл. XLII—XLVIII приводятся по тексту «Круга Земного», составленному Снорри Стурлусоном. Поскольку Снорри приводит в «Саге об Олаве Святом» только два эпизода, связанных с фарерцами и вообще не упоминает в «Саге об Олаве сыне Трюггви» о существовании Сигмунда сына Брестира, он вынужден делать отсылки к некоторым предшествующим и последующим событиям.

[50] Действие саги переносится в начало 1020-х гг. Лакуна в саге занимает около пятнадцати лет.

[51] Гилли Законоговоритель специально не представлен, но, возможно, его вводная характеристика была в протографе саги, использованном Снорри Стурлусоном. Ниже уточняется, что Гилли и Лейв сын Эцура были сыновьями сестер. Имя Гилли по происхождению кельтское. Гилли исполнял роль председателя фарерского тинга на Стремнинном острове, но то, что он назван “законоговорителем”, вызывает подозрение: соответствующий правовой термин за пределами Исландии не засвидетельствован.

[52] Рассказчик имеет в виду, что посланцы конунга Олава были убиты по приказу Транда.

[53] Повторный ввод сыновей Торлака в гл. XLV (ср. выше примеч. к гл. XXXV) объясняется тем, что эпизод с их участием был вставлен в «Сагу об Олаве Святом», которая умалчивала о случившихся ранее стычках сыновей Торлака с Сигмундом.

[54] Вопрос о том, какой именно предмет воткнул в землю человек Транда, до сих пор не решен. В оригинале употреблено слово *refði*, заимствованное варягами из греческого языка. Избранный нами перевод “дреколье” оправдан по ситуации: из описания следует, что оружие, во-первых, можно было в о т к н у т ь в з е м л ю, во-вторых, оно обладало достаточной м а с с о й и д л и н о й, чтоб с размаху нанести им тяжелый удар.

[55] Форма прозвища Карла в оригинале варьируется. Вариант “Мёрский Карл” (Mœru-Karl) — наиболее фамильярный.

[56] В том же году, когда на Фарерских островах был убит Карл из Мёра (1028 г.), конунг Олав Святой был изгнан из Норвегии.

[57] Данная фраза является добавлением Снорри Стурлусона, который ссылается здесь на свой источник — «Сагу о Фарерцах».

[58] Начиная с гл. XLIX, текст «Саги о Фарерцах» вновь приводится по «Книге с Плоского Острова».

[59] Повторное упоминание о том, что родичи Транда “были осуждены на тинге”, внесено компилятором «Книги с Плоского Острова»

[60] Согласно саге, Сигмунд сын Лейва родился в 1026 г., а примирение Транда с Лейвом и Гилли произошло в 1029 г.

[61] Конунг Свейн сын Кнута и его мать Альвива правили в Норвегии в 1028—1035 гг.

[62] Имена купцов — Хавгрим, Хергрим и Бьярнгрим — имеют общий второй компонент. Это вполне возможная ситуация: так, в «Книге о Заселении Земли» (S 6, H 6) упоминаются трое сыновей норвежского ярла Атли — Херстейн, Хольмстейн и Хастейн, жившие в конце IX в. В то же время, с учетом того, что имя “Хавгрим” носит один из фарерских хёвдингов, названных в саге ранее, введение в рассмотрение трех однотипных имен, одно из которых (Хергрим) встречается редко, а другое (Бьярнгрим) вообще не упоминается в других источниках, скорее всего, является плодом фантазии рассказчика.

[63] Ранее в саге не упоминалось о том, что у Торира сына Бейнира был сын по имени Лейв.

[64] Любопытно, что Арнльота сага называет гебридцем, в то время как его спутники ранее были представлены как норвежцы.

[65] Эпизод со сватовством Торда Коротышки к Турид Вдове Силы, которой к тому времени было около семидесяти лет, смущал многих комментаторов. Ауртни Магнуссон (1663—1730) ссылался на якобы сохранявшуюся на Фарерских островах традицию выдавать старух замуж. В любом случае, слова Сигурда, назвавшего старуху Турид “лучшей невестой на Фарерских Островах” исландские читатели саги воспринимали иронически.

[66] Говоря, что у Христа “было двенадцать учеников или больше”, Транд, как и многие невежественные люди в последующие века, путает апостолов с мучениками. Культ последних активно насаждался миссионерами.

[67] Хери сын Сигмунда носит редкое личное имя. Соответствующее скандинавское слово значит “заяц”. Следует допустить, что имена сыновей Сигмунда рассказчик «Саги о Фарерцах» взял из местной устной традиции.

[68] Неясно, в честь кого был назван Бранд сын Сигмунда. Все сыновья Сигмунда носят разнотипные имена без повторяющихся компонентов: Торальв, Стейнгрим, Бранд, Хери. Такой принцип наречения имен контрастирует с однотипными личными именами второстепенных персонажей, скорее всего, выдуманными самим рассказчиком: ср. имена Ормстейн и Торстейн в гл. XXXIX, Хавгрим, Хергрим и Бьярнгрим в гл. LI.

[69] Конунг Магнус Добрый умер в 1047 г.

[70] В саге описка: “Эйнар и Скегги, его сыновья”. Эйнар упоминается в «Саге о Посошниках» в рассказе о событиях 1210 г.

Сага о Союзниках и Одд сын Офейга

«Сага о Союзниках» — произведение, во многих отношениях уникальное. Это одна из наиболее совершенных по стилю родовых саг — в лучшей ее редакции, дошедшей до нас в составе «Подмаренничной Книги» (Mǫðruvallabók, далее — *M*), все продумано до мельчайших деталей и отточена каждая реплика. И в то же время рассказчик открыто глумится над устоями века саг, выставляя в неприглядном свете не только нарушения закона, но и сами представления о законе и справедливости, бытовавшие в Исландии в эпоху независимости и тиражировавшиеся большинством родовых саг. Рассказчик «Саги о Союзниках» отлично знал эти саги и использовал материал некоторых из них, например, «Саги о Гуннлауге Змеином Языке» и «Саги о Гисли». И, однако же, Эгиль сын Скули, персонаж «Саги о Союзниках», выглядит чуть ли не карикатурой на своего тезку и прадеда, героя «Саги об Эгиле» скальда Эгиля сына Скаллагрима, а рассказ о смерти хёвдинга Хермунда сына Иллуги смахивает на пародию, высмеивающую романтические предания о несчастной судьбе его младшего брата Гуннлауга. Необычно и время действия саги. “Век саг”, как принято считать, завершается к 1030—1031 гг., со смертью законоговорителя Скафти сына Тородда и Снорри Годи. Но действие «Саги о Союзниках» начинается после этой даты, а ее главное событие — тяжба Союзников — относится к середине 1050-х гг. Сага локализуется на севере Исландии в округе Тингэйрарсисла, но в какой мере она опирается на местные предания, неясно, так как ее основной эпизод развертывается на альтинге, где в центре внимания оказываются персонажи из совсем иных округ. Многие комментаторы саги, начиная с Ауртни Магнуссона, были убеждены, что описание распри Офейга с Союзниками опирается не на реальные события, а на литературные артефакты — саги и пряди, переработанные рассказчиком и отнесенные им к середине XI в. Однако вопреки установке на развенчание рассказчика, никому не удалось найти существенные ошибки в хронологии саги: анализ подтверждает, что ключевые персонажи саги действительно жили в одно время, и их интересы пересекались.

Пожалуй, ни о какой другой саге, кроме, быть может, «Саги о Названых Братьях», не высказывалось столько спорных и противоречивых суждений, как о «Саге о Союзниках». Отчасти это вызвано тем, что сага дошла до нас в двух редакциях, генетическое соотношение которых неясно. Некоторые ученые (Андреас Хойслер, Густав Индребё и Кнут Листёль) сомневались даже в наличии общего протографа и полагали, что обе редакции непосредственно отражают разные варианты саги в устной традиции. Напротив, исландские филологи Бьёртн М. Ульсен и Гвюдни Йоунссон отказывали стилю и языку «Саги о Союзниках» в каких-либо чертах устности и признавали ее плодом творчества изощренного книжника. Обе редакции саги дошли до нас в составе компиляций XIV—XV вв. Более ранней из них является упомянутая выше «Подмаренничная Книга» (AM 132 fol.), записанная в начале XIV в. Вторая рукопись — Gl. Kgl.

Sml. 2845 4to, известна как «Конунгова Книга» (Konungsbók, далее — *K*) и датируется серединой XV в. Текст *K* на треть короче текста *M* и в нем нет пяти скальдических вис из шести, приводимых в *M*.

Все бумажные списки «Саги о Союзниках» либо принадлежат той же редакции, что *M*, либо списаны непосредственно с нее; к той же редакции, что *M*, восходит также лист пергамента из собрания Йоуна Сигюрдссона (Fasc II, Nr. 6, далее — *JS*), содержащий фрагмент из гл. IV. Списки, примыкающие к *M*, и фрагмент *JS* ценны тем, что они помогают исправить описки и мелкие небрежности в тексте «Подмаренничной Книги», но сами по себе они не дают ответа на вопрос, является ли текст *M* протографом саги, или нет. Текст *K* протографом быть не может — это исключает датировка рукописи, но редакция *K* теоретически может быть ближе к протографу, чем *M*, и в этом случае отсутствие поздних бумажных списков является аргументом в пользу первичности *K*. Большую древность *K* по сравнению с *M* отстаивали Хатльдоур Фридрикссон, Конрад Маурер, Ойген Могк, Финнур Йоунссон, Гвюдни Йоунссон, Вальтер Бэтке. В то же время, крупнейший знаток «Саги о Союзниках» в XX в., норвежец Халльвард Магерой, в течение многих десятилетий отстаивал первичность *M* по сравнению с *K* и предлагал различные объяснения, как именно могла возникнуть редакция *K*. В эстетическом отношении редакция *M* предпочтительней[1], но это не доказывает ее большей древности. Как раз наоборот, большая литературная обработанность *M* дала таким приверженцам *K*, как Конрад Маурер и Финнур Йоунссон, повод утверждать, что редакция *M* возникла в результате стремления писца XIII—XIV вв. сделать текст «Саги о Союзниках» более занимательным. Симптоматично, что большинство сторонников *K* настаивали на ранней датировке «Саги о Союзниках» — конец XII в., начало или середина XIII в.[2]; многие их них допускали, что *K* близка к устной традиции. Напротив, большинство сторонников *M* утверждали, что «Сага о Союзниках» была записана поздно — в конце XIII в. — начале XIV в., когда большинство родовых саг уже существовали в письменном виде. Нетрудно догадаться, что те филологи, которые признавали первичность *K*, опирались именно на текст этой рукописи в своих изданиях и переводах «Саги о Союзниках», а те филологи, которые признавали первичность *M*, опирались на текст последней и отвергали большинство чтений *K*.

При внимательном чтении в «Саге о Союзниках» обнаруживается два исторических слоя: один из них связан с социальными отношениями и законодательством XI в. и шире — с эпохой независимости, так, как их представлял себе рассказчик саги, другой — с социальными отношениями и законодательством его собственной эпохи. Это несоответствие не укрылось от внимательного глаза Ауртни Магнуссона (1663—1730), который заметил, что некоторые объяснения рассказчика противоречат нормам «Серого Гуся», действовавшим в Исландии до 1271 г., но согласуются с нор-

---

[1] Впрочем, свои поклонники были и у редакции *K*. Так, Хатльдоур Фридрикссон остался неудовлетворен текстом *M*, который он нашел “местами перегруженным и раздутым по сравнению с другой редакцией”. Эта эстетическая оценка, высказанная в 1858 г., стоит особняком в литературе о «Саге о Союзниках».

[2] Гвюдбранд Вигфуссон утверждал, что «Сага о Союзниках» была записана ок. 1180 (sic!), Финнур Йоунссон датировал протограф ок. 1200 г., Бьёртн М. Ульсен полагал, что сага была записана в первой половине XIII в., Гвюдни Йоунссон доказывал, что сага была записана до 1262 г., а А. Хойслер относил сагу к периоду 1230—1280 гг.

мами колониального норвежского уложения, внедренного в Исландии после этой даты. Правда, Ауртни при реконструкции юридических норм эпохи независимости переоценивал надежность других родовых саг, прежде всего, «Саги о Ньяле». Но сам факт наличия в «Саге о Союзниках» анахронизмов, выдающих, что ее текст был записан после 1271 г.[3], бесспорен: тем самым смена законодательства в Исландии служит terminus post quem для датировки саги. Terminus ante quem служит время составления «Подмаренничной Книги» — ок. 1340 г; если же будет доказано, что текст *M* является списком с протографа саги, но не самим протографом, верхнюю границу придется сдвинуть к началу XIV в.

В настоящее время мало кто сомневается, что рассказчик «Саги о Союзниках», повествуя о занятиях Одда сына Офейга и его распрях в XI в., одновременно держал в уме гораздо более поздние события. Но политические симпатии рассказчика и цель, которую преследует сага, — обличение настоящего под видом далекого прошлого, очернение прошлого, литературная пародия и т. п. — не очевидны. А. Хойслер и его последователи видели в саге воплощение собственно крестьянской традиции, отражающей протест рядовых бондов против засилья хёвдингов и текстов, хёвдингов прославляющих. Вторая часть этой гипотезы привлекательна. Но среди персонажей «Саги о Союзниках» вообще нет никаких бондов, противопоставленных хёвдингам, если не считать малодушных судей-взяточников и наглого взяткодателя Офейга, который без посторонней помощи не может свести концы с концами на собственном хуторе. В роли антагониста хёвдингов выступает не бонд, а богатый купец Одд, который по своим ухваткам глубоко чужд крестьянской культуре и ни во что ее не ставит. Гвюдни Йоунссон усматривал в саге страстный протест образованного исландца против анархии периода распрь 1230—1250 гг., когда юридические нормы превратились в пустой звук; по его мнению, обличительные тирады, которые произносит Офейг, сетуя на несовершенство законов, позволяющих убийце уйти от наказания, нужно принимать всерьез, поскольку Офейг якобы alter ego рассказчика. Но в «Саге о Союзниках» предметом издевок являются не только законы, но и сами представления о справедливости и порядке: методы, которые использует Офейг, столь же аморальны и отвратительны, как методы его врагов, и сам Офейг, ничуть не стеснясь, признает себя “редкостным негодяем” в разговоре с подобным себе персонажем — он лишь ставит тому на вид, что собеседник точно такой же негодяй, как он. В сущности, основание для положительной оценки Офейга лишь одно — его конечный успех.

Напротив, Халльвард Магерой видел в саге средневековую комедию, основная цель которой — смешить аудиторию комическими ситуациями и острыми репликами. «Саге о Союзниках» действительно присущ элемент театральности: акцент в ней — особенно в редакции *M* — сделан на прямую речь. Яркий речевой портрет в саге получают не только главные персонажи — демагог Офейг и грубый хам Одд, но и периферийные, например, неспособный изъясняться без экивоков Вали или его речевой антипод — изрекающий афоризмы Торарин. И Гвюдни Йоунссон, и Х. Магерой, при-

[3] В редакции *K* явных анахронизмов больше: некоторые из них, как, например, упоминание о вывозе трески из Исландии в гл. II и реплика о богатстве исландских церквей в той же главе, объясняются изменениями в исландском обществе, произошедшими в XIV в. Но эти места могут быть позднейшими добавлениями писца.

знавая безусловно положительным героем саги Офейга, задаются вопросом, почему Одд сын Офейга охарактеризован неоднозначно: в начале и в конце саги рассказчик превозносит удачу Одда, но в распре с Оспаком и с Союзниками Одда преследуют одни провалы, причем он обнаруживает себя с крайне непривлекательной стороны. Отсюда Гвюдни Йоунссон, полагавший, что «Сага о Союзниках» была записана рано, сделал вывод, что рассказчик саги не преодолел гетерогенности материала и механически соединил две различных традиции об Одде, в одной из которых тот характеризовался положительно, а в другой — отрицательно[4]. Напротив, Х. Магерой, полагавший, что «Сага о Союзниках» была записана сравнительно поздно и что в ней нет случайных деталей, доказывал, что характеристика Одда была двойственной с самого начала: Одд якобы воспринимался как фольклорный типаж, что-то вроде выпавшего из нормальной жизни увальня-запечника[5]. Оба комментатора проглядели, что с фигурой Одда связана серьезная социально-экономическая проблематика, проливающая свет на возможные устные корни «Саги о Союзниках», и не поняли, что применительно к этой саге понятие “положительный герой” вообще лишено смысла. Попробуем прочесть сагу внимательно и вдуматься в источники дохода Одда и его репутацию.

Одд сын Офейга, сын бонда из Среднего Фьорда на севере Исландии, рано уходит из дому и нанимается в рыбачью артель. Сага объясняет это плохими отношениями с отцом, но, очевидно, была и другая причина, тоже названная в тексте, — хутор Офейга, отца Одда, был убыточен, и ему было трудно содержать семью. Скопив первоначальный капитал, Одд покупает долю на пароме и начинает ездить между Побережьем Ходнстрандир и Средним Фьордом, перепродавая в одной округе то, что он приобрел в другой. Вскоре он уже настолько богат, что выкупает доли компаньонов и становится единственным владельцем парома: молва ему благоприятствует. Здесь нужно сделать паузу. В X—XIII вв. Побережье Ходнстрандир на Западных Фьордах представляло собой общинную собственность. Там промышляли не только жители ближних хуторов, но и пришлые, среди которых было немало объявленных вне закона и профессиональных мародеров, грабивших бондов: желанной добычей были плавниковый лес и киты. Именно этим занимались в начале XI в. Торгейр сын Хавара с Тормодом Скальдом Чернобровой и другие персонажи «Саги о Названых Братьях» (Ингольв с Торбрандом, Торгильс сын Мака). «Сага о Людях с Песчаного Берега» сообщает, что мародеры и разбойники порой собирались в большие банды (до тридцати человек) и строили себе крепости; предводителем одной из таких банд был Оспак сын Кьяллака, дед Оспака сына Глума, героя «Саги о Союзниках» и врага Одда. Оспак сын

[4] *Guðni Jónsson*. Formáli // Íslensk fornrit, VII. Reykjavík, 1936. Bls. LXXXVI.

[5] Ср. *H. Magerøy*. Studiar i Bandamanna saga // Bibliotheka Arnamagnæana, XVIII, 1957. S. 279—281. *H. Magerøy*. Introduction. P. XXV // Bandamanna saga. Ed. By Hallvard Magerøy. Oslo, 1981. Неадекватность этого объяснения, заимствованного Х. Магероем из более ранней работы Х. Демера, видна невооруженным глазом. Герой-“запечник” (др. исл. *kolbítr*, норв. *Askeladden*), поздно созревающий в детстве, а потом начинающий чудесить, хорошо известен по сагам, ср., прежде всего, Греттира в «Саге о Греттире сыне Асмунда» и Гуннара в «Саге о Гуннаре Дурне». Однако Одд к этому типу как раз не относится: рассказчик подчеркивает, что Одд был не по годам развит и слыл самым обещающим юношей в округе (гл. I). Да и действия Одда едва ли можно назвать подвигами — они направлены исключительно на собственную наживу.

Кьяллака был убит в 1012 гг., но семье было позволено остаться на хуторе, и его внук Оспак сын Глума продолжил занятия деда: «Он был велик ростом, силен, задирист и неуживчив. Он рано начал сновать между Побережьями и северными округами»[6]. Это, естественно, создало ему нелучшую славу, по выражению саги[7]. Те же занятия оставались типичными для многих жителей северной Исландии и спустя сто лет, о чем повествует «Сага о Торгильсе и Хавлиди». В этой саге действует некто Мар сын Бергтора, племянник хёвдинга Хавлиди сына Мара (ум. 1130 г.), жившего на Озерном Мысу и контролировавшего в начале XII в. всю округу, где жили упомянутые выше персонажи «Саги о Союзниках»[8]. Мар, как и Оспак сын Глума, — законченный негодяй, насильник и убийца: он разъезжает на собственном корабле между Побережьем Ходнстрандир и Озерным Мысом и притесняет бондов[9]. Возникает вопрос, почему сага столь снисходительна к Одду, который вроде бы занимался тем же, чем Оспак. Точного ответа мы никогда не узнаем. Наиболее вероятно, что Одд, в отличие от Оспака, был осторожен и сам не участвовал в актах насилия. Но в таком случае он мог быстро разбогатеть, лишь скупая награбленное, т.е. имея дело с людьми, подобными Оспаку. Тем, кто сочтет такое толкование недопустимой модернизацией, искажающей характер Одда, можно порекомендовать прочесть «Прядь об Одде сыне Офейга», известную по компиляции «Гнилая Кожа» (записана ок. 1275 г.): в этой пряди Одд тоже скупает в Норвегии запрещенный к вывозу товар — пушнину. Правда, прядь вроде бы возлагает вину на спутников Одда, якобы без ведома хозяина купивших пушнину у саамов, но дальнейшее поведение Одда выдает его с головой: вместо того, чтобы вернуть запрещенный товар и заплатить виру за своих людей, Одд прячет пушнину на своем корабле и нагло подкладывает ее во время обыска под зад конунгу Харальду Суровому (1047—1066 гг.)[10]. Рассказчик саги знал эту прядь[11], и главные черты Одда в саге — беспардонная наглость и вера в собственную безнаказанность — очевидным образом согласуются с описанием его похождений за морем.

Не менее интересны для историка последующие этапы карьеры Одда. Покончив с промыслом на Побережье Ходнстрандир, Одд покупает долю на морском корабле, затем выкупает весь корабль и наконец богатеет до такой степени, что может позволить себе держать два морских корабля в плаваниях. К этому времени он уже богатейший человек в Исландии и один из самых известных купцов: правители

[6] «Сага о Союзниках», гл. II.

[7] Там же.

[8] Один из персонажей «Саги о Торгильсе и Хавлиди», некто Торольв сын Бьёрна даже жил на хуторе Оспака Лавинный Лоб. Рассказчик «Саги о Торгильсе и Хавлиди» называет его “человеком небогатым”, но при этом “другом и провожатым” Хавлиди сына Мара.

[9] «Сага о Торгильсе и Хавлиди», гл. III—VI.

[10] Похожий эпизод есть в «Саге о Ньяле», где Траин сын Сигфуса укрывает некого Храппа от гнева ярла Хакона на своем корабле и сажает его в бочки, сброшенные за борт. Этот эпизод, скорее всего, смоделирован по образцу конфликта Одда с конунгом Харальдом Суровым. Обратное влияние маловероятно: «Сага о Ньяле» моложе «Пряди об Одде сыне Офейга».

[11] Наиболее явно это подтверждает эпизод с плаванием Одда в гл. X, где рассказчик отправляет Одда на Оркнейские острова, полагая что в Норвегию тот плыть не мог из-за конфликта с конунгом Харальдом.

других стран принимают его у себя (см. гл. I, с. 212). Конунг Харальд Суровый делает его своим дружинником, но Одд в один из приездов обманывает конунга и решает обосноваться в родных краях (см. гл. II, с. 213). По совету друзей он покупает хутор Песчаник в Среднем Фьорде и приобретает права на годорд. Такая схема лишь на первый взгляд кажется шаблонной и типовой: анализ показывает, что рассказы о богатых купцах X—XI вв. связаны прежде всего с окрестностями Среднего Фьорда, и более того — именно с теми хуторами, где жили Одд и его отец Офейг. Предшественником Одда в его округе был Эйд сын Скегги, который был еще жив в 1015 г. Эйд был сыном хёвдинга Скегги из Среднего Фьорда и первоначально занимал тот самый хутор Дымы, где впоследствии жил Офейг, отец Одда. Эйд не захотел перенимать годорд отца и предпочел образ жизни купца статусу хёвдинга в Исландии. Оставив плавания, он переселился в другую округу в Городищенский Фьорд; согласно «Саге о Торде Пугале» и «Книге о Заселении Земли»[12], там же умер его престарелый отец Скегги. Эйд общался (а может быть, и торговал) с одним из наиболее известных купцов следующего поколения, своим родичем[13] Торкелем сыном Эйольва (979—1026), отцом Геллира (1008—1074), о котором идет речь в «Саге о Союзниках». Фраза о "двух морских кораблях в плавании", которая характеризует в «Саге о Союзниках» степень богатства Одда, употреблена в гл. LXVIII «Саги о Людях из Лососьей Долины» по отношению к Торкелю. Торкель был сыном хёвдинга Эйольва Серого (см. о нем «Сагу о Гисли»), но в первой половине карьеры оседлой жизни не вел: статус хёвдинга (и, видимо, звание годи) он обрел, женившись в 1007 г. на знатной женщине, Гудрун дочери Освивра. Точно так же богач Одд сын Офейга обретает в «Саге о Союзниках» устойчивое положение после женитьбы на знатной невесте, Рагнхейд, дочери Геллира и внучке Торкеля. Очевидно, что эти сближения неслучайны: они показывают, что сказания об известных купцах северо-западной Исландии сохранялись примерно в одной и той же среде[14]. Упоминание о двух кораблях в плавании оказывается не дежурной фразой, но характеристикой поворотного момента в карьере преуспевающего купца, который тратит часть своего капитала (условно — один корабль) на покупку земель в Исландии, но при этом сохраняет достаточно движимости для того, чтобы развернуться в новой роли.

Если хутор Дымы связывает Одда сына Офейга с его предшественниками, то купленный им хутор Песчаник связывает его с преемниками, названными в последней главе «Саги о Союзниках» Людьми из Среднего Фьорда, в руках которых

[12] См. S 40, H 28. Данная глава «Книги о Заселении Земли» считается вставкой, сделанной Стурлой Тордарсоном на основании ранней редакции «Саги о Торде Пугале», ср.: Íslensk Fornrit, I. Reykjavík, 1986. Bls. 77.

[13] О родстве между Эйдом и Торкелем и контактах между ними сообщают «Сага о Людях из Лососьей Долины» в гл. LVII и «Сага о Торде Пугале» (редакция Vatnshyrna) в гл. VI. Дед Торкеля хёвдинг Широкого Фьорда Торд Ревун (ум. 965 г.) был женат на Хродню дочери Скегги, сестре Эйда.

[14] Следует подчеркнуть, что речь идет не о литературном влиянии одних саг на другие, а о пересечениях в биографиях реальных исландцев X—XI вв. Примечательно, что все трое упомянутых выше купцов имеют в сагах ярко индивидуальные черты. Ключевой характеристикой Эйда является его миролюбие, ключевой характеристикой Одда — наглость, ключевой характеристикой Торкеля — его непомерное тщеславие.

находилась власть в Среднем Фьорде в XII—XIII вв. С этим родом связана одна из редакций «Книги о Заселении Земли», т. н. «Книга с Песчаника» (Melabók), предположительно составленная Снорри сыном Маркуса с Песчаника (ум. 1313 г.), лагманом в период 1302—1307 гг.[15] Нет ничего удивительного, что данная редакция «Книги о Заселении Земли» содержит генеалогию, ведущую от упомянутого выше Эйда сына Скегги к Маркусу с Песчаника, отцу составителя[16]. Генеалогии, ведущие от Одда сына Офейга к последующим владельцам Песчаника, не приводятся, вероятно, лишь потому, что составитель не знал, сколько звеньев связывает Одда с годи Снорри сыном Кальва (ум. 1175 г.): не знал этого и рассказчик «Саги о Союзниках», который ограничился кратким указанием в гл. XI о том, что “от Одда недалеко до Снорри сына Кальва”[17]. Тем не менее, имя Одда не было забыто на хуторе Песчаник в конце XIII в., что подтверждает полулегендарная «Прядь о Хеминге сыне Аслака»[18], где Одд представлен как дружинник конунга Харальда Сурового, владелец богатого хутора и инициатор строительства церкви на Песчанике; согласно «Пряди о Хеминге», Одд посвятил эту церковь св. Стефану. Тот факт, что «Прядь о Хеминге» считается исторически ненадежной, в данном случае служит лучшим подтверждением существования преданий, связывавших церковь на Песчанике с именем Одда.

Таким образом, имеются серьезные основания предполагать, что не только распря Одда с Оспаком, упоминаемая в гл. LXII «Саги о Людях с Песчаного Берега», но и вообще вся существенная информация, связанная с фигурой Одда — начало его карьеры на Побережье Ходнстрандир, успешные плавания за морем, покупка хутора, черты характера, проявляющиеся в конфликтах с другими людьми — заимствована рассказчиком саги из местной традиции Среднего Фьорда, приуроченной к хуторам Дымы и Песчаник. Гораздо меньше уверенности в устных корнях центрального эпизода саги — тяжбы Союзников на альтинге. Больше всего в литературе обсуждался вопрос о соотношении «Саги о Союзниках» и «Пряди (или “саге”) о Пивном Капюшоне»[19], действие которой происходит на альтинге ок. 1020 г. В обоих случаях самые могущественные хёвдинги страны сообща затевают тяжбу против единственного ответчика. У него находится ловкий и наглый защитник, который проваливает тяжбу; в конце концов разбирательство превращается в публичную перебранку на альтинге, где хёвдингам приходится выслушать много нелестных слов. Изложение тяжбы в «Саге о Союзниках» реалистичнее, в нем нет заведомо недостоверных деталей, напротив, «Прядь о Пивном Капюшоне» напоминает откровенный фарс, где люди обмениваются площадной бранью прямо с трибуны альтинга, Скалы Закона (что запрещалось

[15] Ср.: *Jakob Benediktsson*. Formáli // Íslensk Fornrit, I. Reykjavík, 1986. Bls. LXXXIV.

[16] Íslensk Fornrit, I. Reykjavík, 1986. Bls. 214. Та же генеалогия, продленная до сына Снорри с Песчаника, Торстейна Передистого (bǫllóttr), аббата монастыря на Святой горе (ум. 1352 г.), приводится в «Саге о Торде Пугале» (редакция Vatnshyrna).

[17] Данная формулировка взята из редакции *K*: редакция *M* говорит просто, что “от него [Одда] происходит Снорри сын Кальва и Люди из Среднего Фьорда”.

[18] Данный текст дошел до нас в составе «Книги с Плоского Острова» и в рукописи Hrokkinskinna. См.: *H. Magerøy*. Introduction // Bandamanna saga. Ed. By Hallvard Magerøy. Dreyers Forlag. Oslo, 1981. P. XXXVII.

[19] См. русский перевод Е. А. Гуревич: «О Пивном Капюшоне», в кн.: Исландские саги. Т. II / Под. ред. О. А. Смирницкой. СПб., 1999.

под страхом смерти). Но большее правдоподобие тяжбы Союзников в саге может объясняться не только наличием у нее — в отличие от пряди — исторической основы, но и более поздним временем записи, давшим возможность рассказчику саги ознакомиться с текстом пряди и поправить его. Первую точку зрения отстаивали Х. Геринг, А. Хойслер[20] и его последователи, вторая была впервые высказана 300 лет назад Ауртни Магнуссоном[21] и позже обоснована Гвюдни Йоунссоном в начале XX в.[22] Представляется более чем вероятным, что рассказчик «Саги о Союзниках» знал «Прядь о Пивном Капюшоне» и заимствовал из нее отдельные мотивы[23]; в то же время нельзя исключить, что рассказчик пряди мог знать какие-то устные предания о тяжбе Одда сына Офейга, описываемой в саге. Так или иначе, «Прядь о Пивном Капюшоне» не обнаруживает никаких следов знакомства с доступным нам текстом «Саги о Союзниках», и есть все основания думать, что этот текст к моменту записи пряди еще не существовал. Настроение, царящее в пряди и саге, диаметрально различны. «Прядь о Пивном Капюшоне» — сравнительно безобидная шутка, прославляющая одних хёвдингов века саг — Бродди Бородача, отчасти Торкеля сына Гейтира, в ущерб другим, прежде всего, — Гудмунду Могучему (ум. 1028 г.) и законоговорителю Скафти сыну Тородда (ум. 1030 г.). Последние двое негативно характеризуются в целом ряде других саг, например, в «Саге о Людях со Светлого Озера» и «Саге о Ньяле», поэтому их оценки в «Пряди о Пивном Капюшоне» стандартны. Иск хёвдингов в пряди направлен против безвестного пивовара, Пивного Капюшона, которого никак нельзя назвать реальным противником власть имущих: совместный иск против него не сулит большой прибыли и говорит лишь о низости самих хёвдингов. Напротив, «Сага о Союзниках» представляет собой тотальную сатиру на все исландское общество, выдающей совершенно индивидуальный, по своей сути — авторский — взгляд исландца колониальной эпохи на события эпохи независимости и на ее официальную идеологию, отраженную в родовых сагах. Противником Союзников является один из богатейших людей Исландии, нувориш Одд сын Офейга, который слишком легко наживает деньги и представляет угрозу для хёвдингов, многие из которых держат убыточные хутора. Одд ни во что не ставит законы и пытается решить все проблемы при помощи денег, причем в самом буквальном смысле — он способен выложить очень крупную сумму серебром, что для Исландии X–XIII вв. было редкостью. Тем самым, распря Одда с Союзниками воплощает конфликт убыточного скотоводства и земледелия с торговым капиталом, который Одд быстро увеличивает, не стесняясь в средствах. Общество, однако, не готово принять методы Одда, и он

[20] Ср.: *A. Heusler*. Zwei Isländergeschichten. Hrsg. von A. Heusler. 2. verbr. Auflage, 1913. S. XLIX.

[21] По выражению Ауртни, «Сага о Союзниках» является “фабулой, сочиненной ad imitationem et methodum «Пряди о Пивном Капюшоне»”. Цит. по: *Guðni Jónsson*. Formáli // Íslensk fornrit, VII. Reykjavík, 1936. Bls. LXXXV.

[22] *Guðni Jónsson*. Formáli // Íslensk fornrit, VII. Reykjavík, 1936. Bls. LXXXV–LXXXVI.

[23] Три наиболее знаменательных совпадения — 1) участие Бродди сына Бьярни в обеих текстах, 2) закулисные переговоры, приводящие к предательству двух истцов, 3) перебранка с оскорблениями в адрес хёвдингов. Правда, в «Пряди о Пивном Капюшоне» юный Бродди является антагонистом хёвдингов, а в «Саге о Союзниках», действие которой происходит более чем на 30 лет позже, он уже является одним из участников иска.

сталкивается с серьезным противодействием как у себя в округе (Стюрмир и Торарин), так и в масштабах всей страны (прочие Союзники). Одд оказывается вынужден играть по правилам Союзников, т. е. соблюдать юридические процедуры, и нанимает в качестве защитника собственного отца Офейга. Последний, как сказано в самом начале саги, человек большого ума, но он влачит жизнь захудалого бонда и потому способен решать только чужие дела. Напротив, его сыну Одду, как выясняется по ходу саги, не хватает как раз ума и культуры, чтобы самостоятельно выпутаться из затруднений. Офейг столь же циничен, как сын, но гораздо умнее. Интеллект Офейга и деньги Одда помогают им успешно развалить тяжбу Союзников и заключить выгодный альянс с двумя из них. Союзники, разумеется, тоже корыстны и вероломны, а один из них — Эгиль сын Скули — оказывается повествовательным двойником Офейга, что специально подчеркнуто в саге: как и Офейг, Эгиль, человек большого ума и дерзости, не может совладать с собственным хутором (см. гл. VIII, с. 227). Действующие законы не заслуживают ничего, кроме презрения: они сугубо формальны (гл. V) и к тому же предоставляют слишком много возможностей себя обойти, оправдывая поговорку "закон что дышло". Рядовые судьи никчемны и беспринципны: они поддаются давлению, и их можно купить задешево (см. гл. VI, с. 223). В этой безрадостной картине нет ни единого светлого пятна. Ни один из хёвдингов не соответствует идеалу, даже если считать идеальной совокупность качеств, приносящую успех. Торарин и Стюрмир действуют в саге сообща; распределение ролей между ними напоминает альянс между Оддом и его отцом — Торарин мудр, но нерешителен, а Стюрмир, напротив, решителен, но опрометчив. Самый могущественный из Союзников, Хермунд, оказывается и самым мерзким: помимо других недостатков — жестокости, завистливости и жадности — он, в довершение ко всему, лишен чувства юмора (ср. его диалог с Эгилем в гл. IX).

Возникает вопрос, соответствует ли социально-экономическая коллизия «Саги о Союзниках» какой-то определенной исторической ситуации. Представляется, что к XI в. она непосредственного отношения не имеет: исландские купцы X—XI вв., даже самые богатые из них, как мы старались показать, были интегрированы в исландское общество. Рассказчик саги воспользовался теми индивидуальными чертами, которые устная и письменная традиция приписывали Одду сыну Офейга, и создал шарж на общество своего времени, по всей видимости, отнюдь не благоденствовавшее. Экономическая бесперспективность традиционного хуторского уклада проявилась, вероятно, еще до отмены института годи и провожатых, но лишь по окончании эпохи независимости критики могли объявить об этом без сожаления. Реальной экономической силой, ограничивавшей частное хуторское хозяйство, в XIV в. были, во-первых, крупные землевладельцы — монастыри и церкви, во-вторых купцы — экспортеры рыбы. Вряд ли случайно, что редакция *K* упоминает в гл. I о том, что Одд разбогател на вывозе трески из страны, а в гл. II говорит, что богатства у Одда было не меньше, чем у трех самых богатых церквей страны. Даже если этих фраз, как полагает Х. Магерой, в протографе саги не было[24], они показывают, что в XIV—XV вв. антиутопия, связанная с фигурой Одда и его тяжбой против Союзников, была понята

[24] *H. Magerøy*. Introduction // Bandamanna saga. Ed. By Hallvard Magerøy. Oslo, 1981. P. XLVII.

правильно[25]. Остается лишь пожалеть о том, что комментаторы XIX—XX вв., идя по стопам Ауртни Магнуссона, увидели в саге лишь "фабулу", т. е. литературный артефакт, и проглядели в ней серьезную социально-экономическую проблему, на которую реагировала средневековая аудитория.

Рассказчик «Саги о Союзниках» отлично знал родовые саги и использовал материал многих из них. О знакомстве с «Сагой о Гуннлауге Змеином Языке» свидетельствует упоминание о Соколиной Горе, роковой для сыновей Иллуги Черного (см. гл. XI, с. 241), а виса, приписываемая Оспаку (№ 6), дословно воспроизводит реплику Хравна, обращенную к Гуннлаугу в той же саге. Сцену убийства врага на супружеском ложе, рассказчик, скорее всего, стилизовал в духе «Саги о Гисли» или «Саги о Сыновьях Дроплауг». Рассказ о временной передаче годорда и его возвращении, вероятно, заимствован из «Саги о Торстейне сыне Халля с Побережья». Все места саги, свидетельствующие о возможном влиянии со стороны других родовых саг, подробно прокомментированы Х. Магероем в его специальном исследовании о «Саге о Союзниках»[26]. С нашей точки зрения, больше всего материала рассказчик почерпнул не из перечисленных выше родовых саг, а из «Саги о Торгильсе и Хавлиди», входящей в состав «Саги о Стурлунгах». Действие данной саги происходит в начале XII в. в окрестностях Среднего Фьорда, на Побережье Ходнстрандир и на альтинге (т. е. почти там же, где происходит действие «Саги о Союзниках»); она была записана очень рано, возможно, уже в конце XII в. Укажем лишь на наиболее существенные параллели:

1) «Сага о Торгильсе и Хавлиди» подробно рассказывает о плаваниях жителей округи Хунавахтнссисла на Побережье Ходнстрандир и о случаях разбоя и насилия во время этих плаваний. Ср. аналогичные рассказы об Оспаке и Одде.

2) «Сага о Торгильсе и Хавлиди» содержит подробный рассказ о том, как юноша 12 лет от роду нанимался рыбачить. То же рассказывается об Одде в «Саге о Союзниках».

3) «Сага о Торгильсе и Хавлиди» рассказывает, как хёвдинг Торгильс назначает своим союзникам встречу на Пустоши Синего Леса перед въездом на альтинг. Ср. аналогичный эпизод с въездом Союзников.

4) Одним из союзников Торгильса является Хрейн сын Стюрмира, правнук хёвдинга Хермунда из Городищенского Фьорда, наиболее могущественного из Союзников.

5) «Сага о Торгильсе и Хавлиди» сообщает о вопиющем нарушении юридических норм: объявленный вне закона хёвдинг Торгильс во главе большого ополчения приезжает на альтинг. Попытка истца (Хавлиди сына Мара) конфисковать имущество осужденного проваливается, и ему приходится довольствоваться лишь случайно оставшимися вне хутора вещами. Ср. в этой связи шантаж Офейга на переговорах с Союзниками, что Одд может сняться с места вместе со своим имуществом, и тогда иск экономически не оправдается.

---

[25] Не стоит забывать, что церковь на Песчанике, т. е. том хуторе, который когда-то принадлежал Одду, тоже была богатым землевладельцем. В конце XIII — начале XIV вв. владельцы этого хутора часто одновременно были и местными священниками.

[26] *H. Magerøy*. Studiar i Bandamanna saga // Bibliotheka Arnamagnæana, XVIII. 1957. S. 248—279.

6) «Сага о Торгильсе и Хавлиди» в деталях сообщает о перебранке на альтинге в 1120 г. и в 1021 г., причем один из сторонников Торгильса, известный скальд Ингимунд сын Эйнара, произносит издевательскую вису о ранении Хавлиди. Ср. в этой связи хулительные стихи Офейга в саге.

7) Именно в «Саге о Торгильсе сыне Хавлиди» впервые встречается слово “черноножка” (svartleggja) в значении “секира”. Это редкое слово представлено в реплике Эгиля сына Скули в «Саге о Союзниках».

Наиболее любопытная, хотя и спорная, параллель связывает Офейга из «Саги о Союзниках» с его возможным прототипом в «Саге о Торгильсе и Хавлиди», неким Бёдваром сыном Асбьёрна. Этот последний, действующий как сторонник и советчик Торгильса, открыто противопоставившего себя закону (ср. фигуру Одда), охарактеризован как полный безбожник и человек злонравный, а в одном эпизоде — еще и как демагог: вначале он с пеной у рта удерживает Торгильса от нападения на врага, ссылаясь на святой праздник и неприкосновенность церкви, а затем признается, что заранее просчитал, что завязавшаяся стычка приведет к потерям с их стороны, а святость и мораль для него — пустой звук[27]. Как и Офейг, Бёдвар сын Асбьёрна знатен, но не имеет собственного годорда; это не мешает ему планировать действия людей вместо своего годи (St I, 51). Но самая интересная деталь, сближающая Офейга с Бёдваром, связана с эвфемизмом *волчий хвост*, который Офейг употребляет в «Саге о Союзниках» по отношению к Эгилю сыну Скули на альтинге. Ту же фаллическую метафору, комментируя действия Хавлиди сына Мара, использовал на альтинге в 1121 г. и Бёдвар[28]. Похоже, этот достойный последователь Офейга в древнеисландской политике был одновременно его предшественником в древнеисландской литературе.

Хронология основных событий саги выстраивается так:

Родился Хермунд сын Иллуги Черного	ок. 980 г.
Родился Офейг сын Скиди	ок. 995 г.
Битва при Свольдре, где участвует Скули, отец Эгиля. Принятие христианства на альтинге	1000 г.
Родились Стюрмир, Торарин, Железный Скегги сын Эйнара, Бродди Бородач сын Бьярни, Эгиль сын Скули	ок. 1005—1010 гг.
Убийство Оспака сына Кьяллака, деда Оспака сына Глума	ок. 1012 г.
Родился Одд сын Офейга	ок. 1025 г.
Родился Оспак сын Глума	ок. 1030 г.
Конунг Харальд Суровый пришел к власти в Норвегии	1046 г.
Конфликт Одда с конунгом Харальдом в Норвегии	ок. 1050 г.
Осуждение Оспака на альтинге	ок. 1054 г.
Тяжба Союзников против Одда. Свадьба Одда и Рагнхейд. Смерть Хермунда сына Иллуги	ок. 1055 г.
Убийство Мара на Дворе Свалы. Смерть Оспака	ок. 1056 г.

[27] «Сага о Торгильсе и Хавлиди», гл. XVI (St I, 47—48).

[28] Ср. речение Бёдвара “Þar reis at undir króki” (St I, 75) со стихом Офейга “Nú er úlfs hali / einn á króki” (см. гл. X, с. 235).

«Сага о Союзниках» переводилась на английский (шесть раз), немецкий (пять раз), шведский (четырежды), норвежский (дважды), датский, французский, японский и венгерский языки. На русский язык сага переводится впервые. Как и любой другой издатель «Саги о Союзниках», составитель настоящего тома столкнулся с проблемой выбора между редакциями *K* и *M*. Для перевода была выбрана редакция *M*, которую мы сочли более репрезентативной. Перевод сделан по изданию Х. Магероя: Bandamanna saga. Ed. By Hallvard Magerøy. Oslo, 1981 и сверен с изданием: Íslensk fornrit, VII. Guðni Jónsson bjó til prentunar. Reykjavík, 1936.

Примечания

[1] Офейг упоминается также в «Саге о Людях с Песчаного Берега» и «Пряди об Одде сыне Офейга», но лишь как отец Одда. Как деятельный участник событий он известен только по «Саге о Союзниках». Офейг должен был родиться ок. 995 г.

[2] Знатность Офейга косвенно подтверждается тем, что он живет на хуторе Дымы, вотчине хёвдингов Среднего Фьорда. В X в. там жил хёвдинг Скегги из Среднего Фьорда, упоминаемый в «Саге о Торде Пугале», «Саге о Хромунде Хромом», «Саге о людях из Лососьей Долины» и многих других родовых сагах. Неизвестно, как и когда усадьба Дымы отошла к Офейгу. «Сага о Торде Пугале» сообщает, что в старости Скегги съехал из Среднего Фьорда и перебрался на юг в Городищенский Фьорд к своему сыну Эйду. Имя “Скиди”, которое носит отец Офейга, скорее всего, подтверждает его родство с упоминаемым ниже годи Стюрмиром, который происходил от Торкеля Вингнира сына Скиди Старого.

[3] Приведенная генеалогия, связывающая Офейга с его тезкой, видным бондом Офейгом сыном Ярнгерд, не годится по хронологическим соображениям. Рассказчик саги желает внушить читателям, что Офейг, герой его саги, был назван в честь Офейга сына Ярнгерд, имя которого было более известно. Об Офейге сыне Ярнгерд и его отношениях с хёвдингом Гудмундом Могучим (ум. 1031 г.) много рассказывается в «Саге о Людях со Светлого Озера» и «Пряди об Офейге сыне Ярнгерд». Имя “Офейг” было в ходу в окрестностях Среднего Фьорда в XII–XIII вв. Так, у Эйольва сына Кара, героя «Саги об Ароне», был сводный брат Йон сын Офейга.

[4] Торгерд дочь Вали, мать Одда, по другим источникам неизвестна. Упоминание о том, что она была “незаурядной женщиной” призвано навести читателя на мысль, что независимый характер и своеволие унаследованы Оддом от матери.

[5] “Большой ум” Офейга отнюдь не помогает ему сводить концы с концами на хуторе: его щедрость — он не стесняется “брать из запасенного впрок” — отнюдь не является достоинством в крестьянском обществе. Напротив, его сын Одд, большим умом не отличающийся, легко наживает добро, но несведущ в законах и неспособен защитить себя в тяжбе сам.

[6] В другой редакции саги (*K*) Стюрмир с Асгейровой Реки назван сыном Торгейра. Генеалогия Стюрмира есть в «Книге о Заселении Земли» (S 191, H 158), где он назван праправнуком первопоселенца Торкеля Вингнира, “занявшего все Озерное Ущелье и Долину Черной Реки”. Генеалогии, связывающие данный род с епископом Гицуром

(1082—1118), приводятся также в сагах о епископах и в «Саге о Торгильсе и Хавлиди». Примерная дата рождения Стюрмира — ок. 1010—1015 гг.

[7] Формулировка саги, что “у Офейга с женой был сын”, по-видимому, призвана заранее отвести подозрение в том, что небрежение, оказываемое Одду в детстве, объясняется тем, что Одд был незаконным ребенком.

[8] Имя “Вали” является редким. Судя по тому, что мать Одда звали Торгерд дочь Вали, Вали, названый брат Одда, был его родичем по материнской линии, возможно, двоюродным братом.

[9] Комментаторы обращают внимание на то, что во многих сагах и в фольклоре герой совершает свой первый подвиг в двенадцать лет. Но в «Саге о Греттире», с которой перекликается здесь «Сага о Союзниках», Греттир совершает первые самостоятельные действия раньше, в десять лет. Законодательство было менее романтичным: дети до 15 лет не могли быть участниками тяжбы.

[10] Аналогичный рассказ о детстве Греттира сына Асмунда и его дурных отношениях с отцом приводится в «Саге о Греттире». Греттир, как и Одд сын Офейга, был родом из Среднего Фьорда; его племянник Оспак упоминается ниже в «Саге о Союзниках». Такое сходство не может быть случайным, хотя неясно, которая из саг заимствует здесь материал другой.

[11] Реплика Офейга двусмысленна. Одд и, вслед за ним, Х. Магерой, воспринимают ее как издевку над сыном: “учитывая твое безобразное поведение, я еще обращаюсь с тобой хорошо”. Однако рассказчик саги имел в виду более завуалированный смысл, который Одд с Магероем проглядели: “я не отказываюсь поддерживать тебя и еще успею прийти тебе на помощь в будущем”.

[12] Исландский локоть первоначально равнялся 49 см. Отрезы грубого сукна, которые берет Одд, могли быть шириной в два локтя. 12 локтей грубого сукна, которые Одд изъял у отца, были эквивалентны 2 мерным эйрирам (lǫgaurar). Выходка Одда показывает, что он уподобляет себя работнику, расторгающему контракт с хозяином.

[13] Побережьями, без указания имени первопоселенца, называлась северная оконечность полуострова Западные Фьорды, которая стала общинной собственностью еще в начале Х в. после того, как сидевший на этой земле Бьёрн, управитель знатного первопоселенца Гейрмунда Адская Кожа, был объявлен вне закона. Поэтому на Побережьях в Х—XI вв. неизменно промышляли не только местные жители, искавшие плавниковый лес и туши китов, но и чужаки, среди которых были преступники и профессиональные грабители, объединявшиеся в банды и отнимавшие добычу у тех, кто ее находил первым, ср. «Сагу о Людях с Песчаного Берега», «Сагу о Названых Братьях» и «Сагу о Греттире». Несомненно, имелись и профессиональные скупщики награбленного, которые сами не участвовали в грабеже и могли безнаказанно продавать добычу в других округах. Есть все признаки того, что Одд сын Офейга, державший паромную ладью и ездивший между Побережьями и Средним Фьордом, разбогател именно на этом промысле. Примечательно, что в «Пряди об Одде сыне Офейга», вроде бы прославляющей Одда, он тоже выступает как скупщик запрещенного к вывозу товара.

[14] Любопытно, что рассказчик пунктуально прослеживает этапы карьеры Одда и отмечает, что Одд в обоих случаях начинает как совладелец парома и морского корабля

и только потом скупает доли своих компаньонов. Параллельная редакция саги (*K*) сообщает, что "Одд покупает треску и уезжает из страны". Х. Магерой сомневается в достоверности этого свидетельства, посколыу экспорт рыбы не был характерен для исландской торговли до XIV в.

[15] О пребывании Одда у сановных мужей (т. е. конунгов и ярлов) сообщается в «Пряди об Одде сыне Офейга». См. также вступительную статью.

[16] Купцы, имевшие два больших корабля, пригодных для морских плаваний, были в Исландии редкостью. Эта же деталь, подчеркивающая необычайное богатство, присутствует в характеристике героя «Саги о Людях из Лососьей Долины» Торкеля сына Эйольва, отца упоминаемого ниже Геллира.

[17] Необычайная удача, сопутствующая Одду, помогает ему приставать именно в той части страны, откуда он родом и где живут его постоянные покупатели. В параллельной редакции саги (*K*) вместо Хрутова Фьорда (фьорд рядом со Средним Фьордом) назван Городищенский Фьорд на юго-западе Исландии, что является результатом порчи текста: скорее всего, рассказчик редакции *K* просто не поверил (и вполне резонно) в то, что Одда никогда не сносило ветром в море.

[18] Столовая Отмель в Хрутовом Фьорде была одной из удобных пристаней, которой часто пользовались купцы.

[19] Усадьба Песчаник расположена на другом берегу Среднего Фьорда, напротив хутора Дымы, где жил Офейг. Начиная с XI в. именно эта усадьба была резиденцией местных хёвдингов.

[20] Параллельная редакция (*K*), говоря о богатстве Одда, говорит что добра у него было больше, чем "у трех самых богатых церквей". Все комментаторы считают это место анахронизмом: в середине XI в. церквей в Исландии было мало, и они не играли значительной роли в экономике страны. Зато после окончания эпохи народовластия и смены законодательства в 1271—1281 гг. церкви и монастыри превратились в крупнейших собственников в стране. На хуторе Песчаник тоже стояла богатая церковь; согласно полулегендарной «Пряди о Хеминге сыне Аслака», ее построил в середине XI в. сам Одд.

[21] Упоминаемый здесь Глум был сыном вожака разбойников Оспака сына Кьяллака, о котором рассказывается в «Саге о Людях с Песчаного Берега». Там же, в гл. 62, сказано, что после убийства Оспака (ок. 1010—1012 гг.) Снорри Годи позволил вдове Оспака и их сыну Глуму остаться на хуторе.

[22] Согласно «Саге о Греттире», Греттир сын Асмунда был убит в 1031 г. Об Асмунде Седоволосом, отце Греттира, рассказывается в той же саге. Его родословная приводится и в «Книге о Заселении Земли» (S 161, H 130). Хутор Асмунда Утес стоял неподалеку от Песчаника, выше по течению Реки Среднего Фьорда.

[23] Оспак сын Глума один раз упоминается в «Саге о людях с Песчаного Берега» (в контексте распри с Оддом) и трижды в «Саге о Греттире» (гл. 14, 51, 83). «Сага о Греттире» называет его участником тяжбы об убийстве Греттира и Иллуги на альтинге летом 1032 г. Если это верно, Оспак родился не позднее 1013 г. и был с т а р ш е, а не моложе своего врага Одда, вопреки «Саге о Союзниках». Но «Сага о Греттире» крайне

ненадежна, в то время как «Сага о Союзниках» не содержит явных отступлений от принятой хронологии событий.

[24] Из этих слов рассказчика вытекает, что он представлял себе Оспака более молодым человеком, чем Одд. Но разница в возрасте между ними, скорее всего, была незначительной. Одд родился около 1225 г., а Глум, отец Оспака, родился до 1210 г. Тем самым, Оспак мог родиться около 1230 г. Намного моложе Оспак быть не может: основные события саги развертываются в 1052—1055 гг., между тем Оспак ведет себя в саге как заведомо совершеннолетний — нанимается на работу, женится и даже выполняет представительские функции на тинге. Гвюдни Йоунссон полагал, что Оспак был с т а р ш е Одда, но это мнение опирается на спорное место в «Саге о Греттире» (см. предыдущее примеч.).

[25] “Нелучшая слава”, которая идет об Оспаке, объясняется почти наверняка тем, что Оспак не вел обычный образ жизни бонда и, как и его дед, промышлял разбоем на Побережьях. Знаменательно, что Одда, который тоже не занимался крестьянским трудом и разъезжал между Побережьями и Средним Фьордом, молва не осуждает. Это свидетельствует о неразборчивости Оспака в средствах: он, вероятно, самолично занимался разбоем и грабил бондов, в то время как Одд был более осторожен и лишь вывозил награбленное.

[26] Одд ставит Оспаку на вид, что его род имеет дурную репутацию. Дед Оспака по отцу, Оспак сын Кьяллака, был предводителем шайки разбойников, а дядя Оспака по матери, Греттир сын Асмунда, был всем известным абреком: оба были объявлены вне закона и впоследствии убиты — первый ок. 1010—1012 гг., а второй — в 1031 г.

[27] Аналогичные слова — “суди по своему опыту, а не по чужим словам” — в совершенно аналогичной ситуации найма работника с дурной репутацией произносит Асбьёрн Скальный Откос в «Саге о Гуннаре Убийце Тидранди».

[28] Обычно работники, нанимавшиеся на хутор, получали и кров и еду (вознаграждение выплачивалось по окончании сезона). Оспак подчеркивает, что ему нужен лишь кров.

[29] Утверждение рассказчика, что в “те времена (середина XI в. — *А. Ц.*) был распространен обычай учреждать или покупать новые годорды”, представляет собой очевидную передержку. Трудно сказать, действительно ли рассказчик не знал условий получения годорда (как полагает большинство комментаторов) или же он сознательно шаржирует общественное устройство Исландии в эпоху народовластия, создавая впечатление, что богач вроде Одда легко мог повернуть закон в свою пользу и устроить для себя годорд. Реально число годордов было фиксированным. После реформы 960 г., проведенной Тордом Ревуном (см. о нем «Сагу о Людях с Песчаного Берега», с. 29), страна была поделена на Четверти, и была принята следующая квота: на каждом местном тинге собираются жители ровно трех годордов, в Западной, Восточной и Южной Четверти три местных тинга, а в Северной Четверти — четыре. Таким образом, в Исландии было всего 13 местных тингов и 39 годи. Все годи были обязаны присутствовать на альтинге и делегировать своих представителей в суды. После реформы 1005 г., когда был введен так называемый Пятый, т. е. Третейский, Суд, представительство Четвертей на альтинге было уравнено и добавлено три новых годи, которые

получили право назначать по дюжине судей в Пятый Суд. «Сага о Ньяле» сообщает в гл. 97, что среди новых годордов, введенных в 1005 г., был и годорд Людей с Песчаника (Melmannagoðorð). Именно этот годорд и попал в руки Одда, но он его не “учреждал”, как уверяет сага, а приобрел, получив права на него у прежних держателей путем какой-то сделки.

[30] “Провожатые” Одда — в данном случае не только его домочадцы, но все жители годорда, обязанные сопровождать своего годи на альтинг. Расходы в пути ложились на плечи годи, поэтому богатство Одда позволяло ему лучше содержать своих провожатых, чем многим его конкурентам.

[31] Слова саги, что “все стремились попасть к Одду”, значат, что он переманивал провожатых у конкурентов, т. е. у своих соседей Стюрмира и Торарина, которые ему завидовали, ср. ниже гл. 6. Переходить из годорда в годорд не возбранялось.

[32] Одд передает свой годорд в ведение Оспака в неформальной обстановке, что является нарушением процедуры: «Серый Гусь» прямо говорит, что в случае отъезда годи из страны передача годорда должна была проводиться на тинге в присутствии большого числа свидетелей (Grágás Ia 141). Рассказчик саги внушает читателю, что Одд ничего не смыслит в законах, но верит в свою удачу и безнаказанность.

[33] Имеется в виду альтинг. Заседание альтинга длилось две недели и проводилось в период между 18 июня и 8 июля: первым днем альтинга должен был быть вторник. Местные тинги проводились весной, между 7 и 27 мая.

[34] Вмешательство годи на альтинге требовалось во всех тяжбах и сделках, где участвовали люди из его годорда.

[35] Выражение “освящать осенний тинг” (helga leið), скорее всего, относилось к процедуре его открытия, хотя рассказчик саги, судя по дальнейшему изложению, мог иметь в виду и процедуру закрытия осеннего тинга.

[36] Тальниковая Долина лежит восточнее Среднего Фьорда. Между этими соседними округами была древняя вражда: не случайно их жители относились к разным годордам.

[37] Топоним Двор Свалы точно локализуется рядом с Асгейровой Рекой, хутором Стюрмира. Это место с давних пор представляет собой пустырь. Существенно, что Оспак знакомится с женщиной из годорда врагов Одда.

[38] Замужеством женщины моложе 20 лет ведали ее родичи или опекуны. Вдова могла обручить себя сама.

[39] Длинная Долина, о которой идет речь, лежит к востоку от Тальниковой Долины на окраине Медвежачьего Фьорда. Годи Торарин из Длинной Долины, сын Торвальда, опекун Свалы, был правнуком первоселенца Хольти, занявшего Длинную Долину. «Книга о Заселении Земли» (S 185, H 152) называет его Торарином Мудрым. Параллельная редакция «Саги о Союзниках» (*K*) приводит в данном месте заведомо невероятную генеалогию Торарина, возможно, появившуюся на каком-то этапе из-за банальной описки. Прозвище “Годи Длинной Долины” (Langdœlagoði) писец принял за «Годи Лососьей Долины» (Laxdœlagoði), после чего придумал собственную версию происхождения Торарина от героев «Саги о Людях из Лососьей Долины». Торарин родился не ранее 1010—1015 гг.

[40] Х. Магерой трактует эту реплику Торарина иначе: он полагает, что под «такими людьми» Торарин имеет в виду не только Оспака, но и свою воспитанницу Свалу.

[41] Негативная реакция Торарина объясняется не только дурной репутацией Оспака в юности, но и тем, что тот является наместником его конкурента Одда. С учетом этого, позиция Торарина, который снимает с себя ответственность за женитьбу, но не препятствует встречам Оспака со Свалой, выглядит странно.

[42] Самостийное обручение Свалы с Оспаком без согласия родственников, если оно вообще имело место, было незаконным. Скорее всего, Оспак и Свала обошлись вообще без женитьбы.

[43] Возможно, Оспак прав, и возвращать годорд полагалось на тинге, но в законах это прямо не сказано. Конфликтная ситуация, где лицо, получившее годорд во временное пользование, не хочет возвращать его постоянному держателю, описана также в «Саге о Торстейне сыне Халля с Побережья», действие которой разворачивается на Восточных Фьордах в начале XI в.

[44] Эта реплика Одда является частью его речевого портрета в саге: рассказчик подчеркивает, что Одд не знает и не уважает законы, будучи уверен, что всегда сможет их обойти.

[45] Можно предположить, что рассказчик употреляет выражение "освятить тинг" в смысле "закрыть тинг": Одд появился поздно, когда люди "уже собрались уезжать". Осенний тинг, т. н. разъезд (leið), продолжался всего один день; неизвестно, требовалось ли присутствие всех трех годи (это Одд, Стюрмир и Торарин) для его открытия и закрытия. В любом случае, Одд проявил нерасторопность.

[46] Годорд возвращается к Одду столь же нелегитимным путем, как он был передан в ведение Оспака. Аналогичный эпизод есть в «Саге о Торстейне сыне Халля»: Торстейн, угрожая секирой, заставляет своего вероломного союзника Торхадда вернуть годорд.

[47] Несколько реплик Вали, где он стремится смягчить обвинение, в оригинале выражены крайне туманным слогом. На основании этих мест Б. М. Ульсен и Гвюдни Йоунссон заключили, что все диалоги «Саги о Союзниках» нехарактерны для разговорной речи исландцев того времени. Это вряд ли верно. Рассказчик саги индивидуализировал речь персонажей, поэтому витиеватые фразы Вали и его чрезмерная учтивость по отношению к Оспаку могли быть введены для создания комического эффекта.

[48] Изобилие в доме плохого хозяина или бедняка воспринималось как свидетельство его нечестности, что является общим местом для родовых саг. Конфликты подобного рода происходили осенью, когда соседи недосчитывались овец или лошадей.

[49] На местный тинг полагалось вызывать за две недели до его начала, на альтинг — за четыре недели до его начала.

[50] Двадцать десятков людей, которые берет с собой Одд, согласно «Серому Гусю» (Grágás Ia, 58), составляли необходимый минимум для произнесения вызова. Эти двадцать человек являлись официальными свидетелями истца.

[51] Предложение Вали "замириться" непосредственно в день вызова на тинг противоречит исландским законам эпохи независимости, но соответствует законодательству

норвежскому, запечатленному в двух кодексах — «Железном Боке» и «Йоуновой Книге». Первый кодекс действовал в Исландии в период с 1271 по 1281 гг., второй — после 1281 г.

[52] Тело Вали отвозят на Песчаник, поскольку он был домочадцем Одда. Ко времени записи саги на Песчанике стояла церковь (см. примеч. 20, с. 353); возможно, рассказчик желал дать понять, что тело Вали было похоронено в церкви. Подобного рода анахронизмы, связанные с погребением исландцев в начале XI в., обычны для родовых саг.

[53] Поскольку Оспак исчезает, официально не объявив об убийстве Вали, его преступление подпадает под категорию “тайное убийство” (morð), что лишает его права явиться на тинг. Тем самым, Оспак не имеет никаких шансов при нормальном ведении тяжбы.

[54] Процессуальный казус, описанный в «Саге о Союзниках», — смерть свидетеля обвинения в период между произнесением вызова и тингом — в «Сером Гусе» не предусмотрен. Согласно саге, Одд совершает фатальную ошибку, “вызывая нового свидетеля заместо покойного”, сидя в своей округе, в то время как он должен делать это по приезде на альтинг. Гвюдни Йоунссон ставит под сомнение достоверность этого свидетельства, полагая что рассказчик саги мог специально придумать редкую ситуацию, чтобы показать беспомощность Одда. Другие комментаторы допускают, что описанный в саге случай действительно регулировался нормой, по тем или иным причинам не зафиксированной письменно. «Серый Гусь» указывает, что при неявке свидетеля его следует заменять непосредственно на тинге (Grágás Ia, 60—61), ср. также: Grágás Ia, 69, 178—179; III, 632, 677. Можно предположить, что предписания на случай смерти свидетеля были аналогичны.

[55] Заседания Судов открывались в первый понедельник альтинга (22—28 июня) и возобновлялись по мере необходимости. Слушания начинались около 14:00 и продолжались до ночи (темноты). Последнее понятие было растяжимым, поскольку время альтинга приходится в Исландии на пору белых ночей. Формально ночью должно было считаться время от захода до восхода солнца: в месте проведения альтинга, Полях Тинга, солнце скрывается из виду в 20:30 и показывается в 2:30.

[56] Оспак живет со Свалой, родственницей Торарина, и раз Торарин открыто не препятствует их союзу, ему следует поддерживать Оспака. Кроме того, в случае осуждения Оспака его хутор, Двор Свалы, будет конфискован в пользу Одда. В этом случае Свала станет иждивенкой Торарина.

[57] Стюрмир имеет в виду, что Одд переманивает к себе людей из их с Торарином годордов (см. выше примеч. 30, с. 355). Вражда между жителями Среднего Фьорда, входившими в годорд Одда, и их соседями, жителями Тальниковой Долины, входившими в годорд Стюрмира, тлела до XIII в.: в 1215 г. между ними произошла крупная битва, описанная в гл. 33 «Саги об Исландцах». См. также вступительную статью.

[58] Мудрость Торарина (ср. его прозвище) проявляется не только в знании законов, но и в даре предвидения. Этого свойства его союзник Стюрмир лишен.

[59] Стюрмир, упиваясь своим превосходством, допускает ошибку, позволяя Одду уйти из суда. Он должен был официально объявить об отводе иска, а не предупреждать

истца о нарушении процедуры. После этого свидетели, вызванные Оддом, должны были подтвердить большинством голосов, что иск против Оспака снимается.

[60] Оговоренный в законах минимум для отряда годи на альтинге составлял 9 человек. На практике хёвдинги привозили с собой гораздо больше народа, порой до нескольких сот. Годи был обязан размещать всех этих людей в своей палатке и кормить их.

[61] "Заношенный до дыр черный плащ", который носит Офейг, одновременно подчеркивает и его нынешние затруднения, и то, что он знавал лучшие времена: простые люди в Исландии крашеных плащей не носили.

[62] Упоминание о единственном рукаве на плаще Офейга отнюдь не означает, что второй рукав истлел: плащи того времени часто имели отстежные рукава.

[63] Бытовые детали, сопровождающие портрет Офейга, многозначительны: рядовые люди не ходили с палкой с металлическим шипом, т.е. тростью. В то же время, широкополая шляпа, низко нахлобученная на голову Офейга, была одеждой стариков и простолюдинов. Одежда и походка Офейга подчеркивают, что он стесняется смотреть в глаза людям и избегает общества.

[64] Все речи Офейга в саге являются провокационными и крайне циничными. Данную реплику и следующую далее характеристику Одда, вложенную в уста того же Офейга, правомерно считать отражением взгляда рассказчика саги на своего персонажа.

[65] Данная реплика Одда является исключительно грубой и полностью выпадает из речевого этикета, что справедливо отмечает Х. Магерой. Переводчик предпочел не усиливать выражение "мне мало дела", хотя оригинал давал для этого повод.

[66] Х. Магерой предположил, что выражение "глаза людей косеют от денег", употребленное Офейгом, было поговоркой.

[67] Эта реплика Офейга еще более ядовита, чем предыдущие. Офейг подчеркивает, что все успехи "счастливчика" Одда не являются собственной заслугой последнего: как только Одд пытается действовать по зрелом размышлении, он проваливается.

[68] Полями называлась часть альтинга на восточном берегу Секирной Реки, см. географическую карту.

[69] Места судов ("судилище") в пределах Полей (см. предыдущее примечание) определялись законоговорителем. В Суде Четверти должно было заседать 36 судей, назначаемых держателями старых годордов.

[70] «Серый Гусь» предписывал судьям клясться так: "Я называю свидетелей того, я приношу клятву на Книге (т.е. Библии — *А. Ц.*) (вариант: на кресте), клятву, имеющую законную силу, и объявляю перед Богом, что вынесу тот приговор [в данной тяжбе], который по моему разумению является самым справедливым и правильным (sannast ok réttast) и более всего соответствующим законам", ср. (Grágás Ia 46, 72; Ib, 206; II, 49; III, 45).

[71] Офейг вновь проявляет вопиющий цинизм: давая взятку, он нагло называет себя "правдолюбом", который якобы хочет просто восстановить справедливость и наказать виновного в убийстве Вали.

[72] Эйрир бледного серебра в начале XI в. был эквивалентен 4 суконным эйрирам; суконный эйрир составлял 24 мерных эйрира (стандартных отреза сукна). О том, как измерялись последние, см. выше примеч. 12, с. 352.

[73] В исландском суде того времени не было профессиональных прокуроров и защитников. Часть их функций выполняли двое судей, "подытоживавших" тяжбу (reifa mál): один из них перед вынесением приговора повторял аргументы истца, а другой — ответчика. Этим двоим Офейг сулит взятку в полмарки, оценивая их вклад вчетверо выше. Один из получивших полмарки — Бергтор с Пригорка Бёдвара — назван в последней главе саги.

[74] Полмарки бледного серебра соответствовали популярной исландской мере — цене коровы (kúgildi). Всего Одд тратит на подкуп суда 5,25 марки серебра.

[75] Очевидно, взятка была дана поздно вечером или ночью, когда не подозревавшие подвоха Стюрмир с Торарином уже спали.

[76] Скала Закона (Lǫgberg) служила официальной трибуной альтинга.

[77] Перед нами самое ранее свидетельство об обычае объявлять приметы осужденного со Скалы Закона. Как справедливо отмечает Х. Магерой, громко провозглашенное Оддом описание примет Офейга по развязности тона — ср. фразу: "и вид самый что ни на есть злодейский!" — не имеет равных в саговой литературе. Очевидно, средневековые читатели саги, как и участники альтинга, должны были вздрогнуть от хамства Одда.

[78] Иск о подкупе суда, который Стюрмир с Торарином возбуждают против Одда, вероятно, был подан в т. н. Пятый Суд (см. выше примеч. 29, с. 354), где должны были рассматриваться процессуальные нарушения. Однако из саги это понять невозможно.

[79] Хермунд сын Иллуги с Крутояра в Городищенском Фьорде был братом скальда Гуннлауга Змеиный Язык, героя одноименной саги, и самым старшим из союзников. Хермунд родился около 980 г. Его сын Хрейн был женат на Турид, сестре Стюрмира и назвал собственного сына Стюрмиром в честь деда, героя «Саги о Союзниках». Сага перечисляет шестерых союзников по часовой стрелке, начиная с Хермунда на юго-западе и кончая Торгейром на юге. Единственным отступлением от этого принципа является то, что Геллир сын Торкеля назван раньше Эгиля, возможно потому, что Геллир был более известен, чем Эгиль.

[80] Геллир сын Торкеля сына Эйольва (1008—1074) был хёвдингом Широкого Фьорда в Западной Четверти. Точные годы его жизни мы знаем благодаря его внуку и воспитаннику, историку Ари Мудрому (1068—1148). В редакции *M* Геллир назван сыном Торда, что является очевидным случаем порчи текста, подтверждающим, что текст *M* (Mǫðruvallabók) не может быть протографом саги.

[81] Эгиль сын Скули, сына Торстейна, известен только по «Саге о Союзниках». Он жил в Болотах на хуторе Городище, где проживал его великий прадед, скальд Эгиль сын Скаллагрима (ок. 910—995). Несмотря на то, что потомки Эгиля держали годорд, первенство в Городищенском Фьорде в X—XI вв. и позже было в руках других семей, контролировавших верховья Белой Реки — сперва у Одда из Междуречья (см. «Сагу о Курином Торире»), а затем у Иллуги, отца Хермунда. Отсутствие упоминаний об Эгиле сыне Скули в «Книге о Заселении Земли» объясняется, скорее всего, тем, что

никто из известных в XII—XIII вв. исландцев не возводил свой род к нему. Скули сын Торстейна, отец Эгиля, известен как участник битвы при Свольдре (1000 г.); Эгиль должен был родиться ок. 1005—1010 гг.

[82] Железный Скегги сын Эйнара с Поперечной Реки держал годорд в Островном Фьорде в Северной Четверти. Генеалогические связи показывают, что он родился ок. 1000 г.

[83] Бродди Бородач сын Бьярни сына Шип-Хельги держал годорд в Оружейном Фьорде в Восточной Четверти. О нем рассказывается во многих сагах, причем в лестных словах: Бродди был большим храбрецом и известным силачом своего времени. Он родился ок. 1005—1010 г.

[84] Торгейр сын Халльдоры по другим текстам неизвестен, и его происхождение является для комментаторов загадкой. Далее говорится, что он был родом из Банной Долины: это место находится в Южной Четверти в округе Ауртнессисла недалеко от альтинга. Судя по месту его проживания, он был как-то связан с родом первопоселенца Кетильбьёрна Старого и его потомками, Людьми из Ястребиной Долины.

[85] Баня, где встретились Одд со своим отцом, скорее всего, была устроена возле хутора Офейга Дымы, стоящего у горячего источника (отсюда название хутора).

[86] Офейг по-прежнему остается провожатым Стюрмира и скрывает факт примирения с сыном.

[87] Имя Геллира в рукописи *M* пропущено по небрежности писца: оно восстанавливается по тексту параллельной редакции (*K*). Пятеро названных союзников едут с запада и встречаются на Пустоши Синего Леса, непосредственно граничащей с Полями Тинга с севера. Редакция *K* уточняет, что вначале Хермунд встретился со Стюрмиром и Торарином, и они ждали, когда подъедут Эгиль с Геллиром.

[88] Китовый Склон, где встречаются Железный Скегги, Бродди Бородач и Торгейр, лежит к востоку от озера Эльфусвахтн в 15 км от альтинга.

[89] Усыпив бдительность Эгиля двумя незатейливыми “стишками” (stǫkur), проникнутыми притворным самоуничижением, Офейг внезапно произносит сложную вису в размере дротткветт, изобилующую резкими выражениями. Офейг заранее просчитал, что Эгиль, в роду которого было много поэтов, быстро отреагирует на содержание висы и поймет, что имеет дело с серьезным противником.

[90] “Вертопрахи злата” — мужи (те, кто швыряет, т. е. раздает деньги), в данном случае — Эгиль и другие Союзники. Кеннинг носит отчетливо издевательский характер, так как Офейг называет жадных людей, польстившихся на чужие деньги, “раздавателями злата”. “Смута тарчей (щитов)” — битва; Тунд — одно из имен Одина; “Тунды смуты толстых тарчей” — мужи, в данном случае — Союзники. Хати — великан, “смех Хати” — золото, поэтому “лихо смеха Хати” — недостаток золота, финансовые убытки, которые Офейг сулит Эгилю и прочим союзникам.

[91] Большой кнёрр Одда — это парусное судно с высоким бортом.

[92] Прием Офейга оказался действенным: Эгиль еще до получения взятки начинает торг с Офейгом и намекает тому, кого именно среди союзников он не числит среди своих друзей. В параллельной редакции (*K*) Эгиль указывает Офейгу только на Хермунда.

[93] Точный эквивалент двух сотен серебра не может быть установлен твердо, но в любом случае это была большая сумма. Сотней, видимо, называли большую сотню (120) эйриров серебра. Поскольу серебро было “отборным”, речь может идти о 240 эйрирах плавленого серебра (см. выше примеч. 72, с. 359), что эквивалентно 1920 суконным эйрирам или 128 стоимости коровы.

[94] Характеристика Офейга, как “редкостного мерзавца” (eigi meðalkarl vándr) является лучшим ответом тем комментаторам, которые стремятся сделать из Офейга положительного героя. Примечательно, что Офейг совершенно не возражает против такого определения, но лишь ставит Эгилю на вид, что тот точно такой же мерзавец, как он, и к тому еще и лицемер.

[95] Не совсем понятно, имеет ли в виду Офейг, говоря об “родичах Одда”, самого себя или группу людей. В любом случае, ссылки на волю мифической родни Одда как на некую третью силу являются частью демагогии Офейга.

[96] Характерно, что в общении с Геллиром Офейг с самого начала ведет себя иначе, чем с Эгилем: Эгиля он подобострастно ждал возле палатки, в то время как Геллира он велит вызвать наружу и держится с ним на равных.

[97] У Снорри Годи сына Торгрима (ум. 1031 г.) было двенадцать сыновей, ср. «Жизнь Снорри Годи». Главой рода Людей с Песчаного Берега был Стейнтор сын Торлака, ср. о нем в «Саге о Людях с Песчаного Берега». Известен только один сын Стейнтора, по имени Гуннлауг.

[98] У Снорри Годи было десять дочерей, см. «Жизнь Снорри Годи», с. 130 и «Сагу о Людях с Песчаного Берега», с. 127, на одной из них, Турид Мудрой (1024—1112), был женат Гуннлауг сын Стейнтора (см. выше, с. 128). О дочерях Стейнтора ничего неизвестно.

[99] Дочери Геллира в других источниках не упомянуты, и некоторые комментаторы на этом основании сомневаются в правдивости рассказа о свадьбе Одда. См. вступительную статью.

[100] Об Эйнаре сыне Железного Скегги рассказывается в двух родовых сагах: «Саге о Битве на Пустоши» и «Саге о Людях со Светлого Озера».

[101] Халль сын Стюрмира дважды упоминается в генеалогических перечнях. Он известен только как отец Кольфинны, жены хёвдинга Торгильса сына Одди (ум. 1151 г.). В параллельной редакции саги (*K*) вместо правильного “Халль сын Стюрмира” (Hall son Styrmis) стоит бессмысленное “сын Халльстейна” (son Hallsteins), что объясняется ошибкой писца.

[102] О Рагнхейд дочери Геллира ничего неизвестно. Если допустить, что сага права, и Рагнхейд существовала, в 1055 г. ей должно было быть 18—20 лет. Геллир был женат на Вальгерд, дочери хёвдинга Торгильса сына Ари и Хельге дочери Эйнара. Торгильс и Хельга поженились в 1014 г., поэтому брак Геллира с Вальгерд едва ли мог быть заключен ранее 1034 г.

[103] Пугая Геллира, Офейг тщательно подбирает имена Союзников, на которых Одд может совершить набег. С Железным Скегги и Бродди Бородачом Геллир был связан по своей жене Вальгерд: она приходилась Железному Скегги племянницей, а жене Бродди двоюродной сестрой.

[104] Фактически Геллир получает от Офейга большую взятку, чем Эгиль, поскольку Офейг идет навстречу Геллиру в двух важных пунктах, касающихся брачного контракта Одда и Рагнхейд. Во-первых, Одд вызывается "оплатить приданое невесты" сам, во-вторых, он предлагает сыграть свадьбу у себя на хуторе (см. ниже гл. 11, с. 128), что сильно сокращает расходы Геллира.

[105] Упоминание о вечерне, которую собираются посетить Эгиль с Геллиром, — не анахронизм. В начале XI в. на альтинге уже была церковь. Снорри Стурлусон сообщает, что конунг Олав Святой (ум. 1030 г.) прислал исландцам для нее строевой лес и большой колокол. Дары для церкви на альтинге посылал и конунг Харальд Суровый (ум. 1066 г.): по одной версии, это был лес, по другой — колокол.

[106] Параллельная редакция саги (*K*) в этом месте говорит, что Офейг пришел к Скале Закона со своими родичами, Людьми с Ущелий. Неясно, какая из редакций ближе к протографу.

[107] Фраза о том, что Офейг всходит на Скалу Закона, когда "там собрались все, кого ожидали увидеть", выглядит странно: она, скорее всего, возникла в результате искажения протографа. Текст параллельной редакции саги (*K*) в этом месте более внятен: "когда люди выступили со своими делами".

[108] Говоря, что исход тяжбы может быть "столь же неожиданным, сколь неслыханным было ее возбуждение", Офейг фактически предупреждает Хермунда, что тяжба кончится крахом Союзников. Но Хермунд, уверенный в своем превосходстве, этого не замечает.

[109] Афоризм Торарина известен по сборнику исландских поговорок. Он представлен также в собрании датских поговорок XVI в. Считается, что датчане заимствовали его у исландцев.

[110] Передача тяжбы на мировую обычно подразумевала, что ответчик не может быть объявлен вне закона.

[111] Отводя хёвдингов, Офейг начинает со Стюрмира, объясняя, почему он не доверяет своему годи. Повод для отвода Стюрмира — неблагодарность к Офейгу и зависть к Одду.

[112] Повод для отвода Торарина — то, что именно он спланировал тяжбу против Одда.

[113] Повод для отвода Хермунда — его недоброжелательность, не позволяющая ему быть мировым судьей. О желании Хермунда унизить Одда ранее не говорилось. Возможно, однако, что соответствующие слова были в протографе саги.

[114] Повод для отвода Железного Скегги — непомерное самомнение. Обращает на себя внимание, что со Скегги Офейг обошелся мягче, чем с остальными.

[115] Конунг Харальд Суровый, правивший в 1046—1066 гг., слыл большим другом исландцев, не случайно с его именем связано большое количество прядей об исландцах: в некоторых из них прощупывается историческая основа, как, например, в «Пряди об Одде сыне Офейга» и «Второй Пряди о Халльдоре сыне Снорри».

[116] Бродди, скорее всего, прав, не воспринимая комплименты конунга Харальда всерьез. В компиляции об исландских епископах, носящей название «Хунгрвака»

(букв. «Пробуждение Голода») сообщается, что конунг Харальд говорил примерно то же самое о молодом купце Гицуре сыне Ислейва, впоследствии епископе Палатного Холма (1082—1118), а в «Пряди о Бранде Щедром» скальд Тьодольв в тех же выражениях расписывает конунгу достоинства пожилого купца Бранда сына Вермунда.

[117] Причина для отвода Бродди — его дружба с конунгом Харальдом — выглядит надуманной. Слушателей XI в. она вряд ли бы убедила. Но не стоит забывать, что сага записывалась в конце XIII — начале XIV в., когда Исландия уже утратила независимость, и чрезмерно тесные контакты с норвежскими конунгами были предосудительными.

[118] О том, что Геллир нуждался в деньгах, сообщает только «Сага о Союзниках». Отец Геллира, Торкель сын Эйольва, был известным богачом.

[119] Повод для отвода Торгейра — его некомпетентность и глупость. Поскольку Торгейр известен нам только по «Саге о Союзниках», единственным подтверждением его глупости служит неуклюжая попытка возразить Эгилю (см. далее, с. 240).

[120] “Волчий хвост” (так в оригинальном тексте висы) — скорее всего, эвфемизм. Офейг не мог позволить себе назвать кого-либо “волчим хвостом”, стоя на Скале Закона: хулительные стихи (нид) с официальной трибуны альтинга произносить было строжайше запрещено. Однако в Полях, где заключается мировая, запрет уже не действует, поэтому Офейг показывает свою истинную натуру.

[121] Офейг характеризует Эгиля как хищника, заботящегося исключительно о своей выгоде. Однако Эгиль не имеет личных оснований мстить Одду и угождать Стюрмиру, и Офейг якобы именно поэтому останавливает свой выбор на нем.

[122] Цифра “13”, которая фигурирует в вердикте Эгиля с Геллиром, была сама по себе оскорбительной. 13 эйриров неочищенного (т. е. бледного) серебра были смехотворно низкой суммой, дискретировавшей тяжбу Союзников: каждый из восьми истцов получал на руки по 1,625 эйрира серебра, т. е. немногим больше, чем рядовые члены Суда Северной Четверти, ранее подкупленные Офейгом.

[123] Объявляя оскорбительный для Союзников приговор, Эгиль и Геллир готовятся к перебранке с Союзниками и решают, что Эгиль, как более бойкий и циничный, сможет лучше “отвечать на вопросы”.

[124] Эта реплика, вложенная в уста Хермунду, подтверждает слова Офейга о том, что Хермунд ввязался в тяжбу, чтобы посрамить Одда. В итоге он сам оказывается главным посрамленным.

[125] Хермунд думает, что Геллир оговорился, и переспрашивает, имелось ли в виду “130 эйриров”. Скорее всего, эта сумма (немногим более сотни бледного серебра, см. выше примеч. 72, с. 359) тоже кажется ему заниженной в расчете на восьмерых. В параллельной редакции саги (*K*) Хермунд переспрашивает, имелось ли в виду “13 сотен эйриров серебра” т. е. 1560 эйриров: при таком раскладе каждому из Союзников досталось бы 195 эйриров. Возможно, в протографе саги, как и в редакции *K*, стояло “13 сотен эйриров серебра”, но рассказчик редакции *M* счел такую сумму штрафа чрезмерной и заменил слово “сотни” на слово “десятки”.

[126] Слова Эгиля, что Хермунд маниакально скуп и зарывает свои деньги в землю, можно было бы считать гнусной инсинуацией, если бы сага далее не подтверждала это обвинение в рассказе о смерти Хермунда.

[127] Эгиль жил у моря на хуторе Городище, в то время как Хермунд жил в верховьях Белой Реки на хуторе Крутояр.

[128] Йоль продолжался до 6 января.

[129] Хермунд сам разоблачает себя, признаваясь, что предложил Эгилю остаться у него с одним спутником: столь богатый хёвдинг, как он, мог и должен был кормить куда больше гостей.

[130] Тридцать лошадей Хермунда, скорее всего, сдохли на зимних пастбищах. До принятия христианства исландцы действительно ели конину, но в самом начале XI в. это было законодательно запрещено. Отягчающим обстоятельством было то, что лошадей ели перед Пасхой, т. е. во время Великого Поста, когда мясо вообще есть было нельзя. Тем самым, Эгиль нанес Хермунду тройное оскорбление — он обвинил его в пожирании падали, в следовании языческим обычаям и в нарушении Поста.

[131] Глумясь над Хермундом, Эгиль признает, что Хермунд не мог съесть тридцать дохлых лошадей — для этого, мол, Хермунд слишком скуп!

[132] Эти слова Эгиля являются не только пророчеством, но и проклятием, обращенным на Хермунда. Согласно саге, проклятие подействовало.

[133] Эгиль делает вид, что его диалог со Стюрмиром является частью традиционной забавы — “сравнения мужей”.

[134] “Черноножки” — секиры. Данное слово, видимо, было скальдическим хейти. Эгиль обвиняет Стюрмира в трусости.

[135] Эгиль обвиняет Торарина в онанизме. Редакция *K* в этом месте говорит, что “Торарин был тяжел и тучен и сидел, поддерживая руками колени”.

[136] И этот афоризм Торарина известен по сборнику исландских поговорок.

[137] Реплика Торгейра является глупой, подтверждая мнение Офейга о нем: он не находит ничего лучшего, кроме как констатировать, что тринадцать эйриров — это слишком мало.

[138] Тинг Кривой Реки находится на юге Исландии, но Торгейр жил в другой округе, и в принципе должен был ездить на Тинг Речного Мыса: именно последний топоним стоит в тексте редакции *K*. Мнения комментаторов по этому поводу разделились: большинство принимает чтение *K*, но Х. Магерой, напротив, доказывает, что чтение “Тинг Речного Мыса” — сознательная конъектура, внесенная писцом *K* ради большего правдоподобия.

[139] Редакция *K* говорит, что обидчиком Торгейра был не “захудалый бонд”, а “некий конюх”, что является еще более обидным для репутации годи.

[140] Вира в тринадцать овцематок является смехотворно низкой. Разумеется, весь эпизод выдуман Эгилем.

[141] Как указано выше, Скегги и Бродди были связаны с Геллиром родственными узами и не желали выступать против него открыто. Соответственно, Офейг обошелся в своей речи без оскорблений в их адрес.

[142] Ам — великан, Ойстри (Аустри) — карлик; “присяга Ама с Ойстри” — поэзия, в данном случае — виса, которую произносит Офейг. “Чаша шеи” — голова. Офейг похваляется, что будучи “неимущим”, сумел “заморочить” голову “мощным”, т. е. могущественным, хёвдингам.

[143] Ранее в тексте не говорилось, что свадьбу будут играть на Песчанике, т. е. хуторе жениха, но это явно входило в условия сделки Офейга с Геллиром. Семье жениха при таком раскладе достается больше почета, зато семья невесты избавляется от части расходов.

[144] Свадьбы по традиции игрались осенью. Альтинг заканчивался в период между 1 и 7 июля. Офейг, по расчетам Х. Магероя, встречается с Оддом 3—4 дня спустя, а сообщение “о шести неделях до конца лета” указывает на неделю, начинающуюся в четверг 27 августа — 2 сентября: в данном контексте термин “лето” (sumar) противопоставлен не “осени” (haust), а “зиме” (vetr).

[145] Торгейров Фьорд, где застряли норвежские купцы, лежит к востоку от Островного Фьорда. Это маленький фьорд глубиной в 2,5 км, выходящий в открытое море. Рассказчик не знал этой местности, иначе он не уверял бы читателей, будто купцы, находясь во Фьорде, не знали, что в море дует другой ветер.

[146] Ранее рассказчик не упомянул, что незадачливые купцы, застрявшие в Торгейровом Фьорде, были норвежцы: видимо, он считал это само собой разумеющимся.

[147] Не совсем понятно, почему Одд отправился за провизией на Оркнейские острова, а не в Норвегию. Возможно, дело здесь не ветре, который дул возле Торгейрова Фьорда, а в литературном влиянии: рассказчик саги мог знать «Прядь об Одде сыне Офейга» где говорилось о ссоре Одда с конунгом Харальдом.

[148] Солод (для пивоварения) и зерно были традиционными статьями исландского импорта: собственные посевы исландцев не покрывали внутреннего спроса.

[149] Тем самым Одд успел вернуться к сроку и вновь пристал в родных краях, подтвердив свою невероятную удачу.

[150] Х. Магерой обращает внимание на то, что в этом месте Геллир впервые упомянут р а н ь ш е Эгиля: раньше сага, перечисляя их, неизменно называла Эгиля первым. Такой сдвиг явно объясняется тем, что в данном эпизоде Эгиль выступает просто как почетный гость, в то время как Геллир является отцом невесты и соучредителем пира.

[151] Имеются в виду деньги, которые пошли в зачет приданого Рагнхейд: формально эта сумма должна была быть проплачена Геллиром, которого Одд избавил от данного бремени, оговорив, что подарки гостям они будут делать сообща.

[152] Пара волов, которую Одд дарит Эгилю, была дорогим подарком: волы ценились как вьючные животные. Кладеных баранов держали ради мяса.

[153] Не совсем ясно, где находился Тинг в Лощине. Лощина — хутор в верховьях Северной Реки, упоминаемый в «Саге о Курином Торире», но непонятно, зачем Хермунду, окружному хёвдингу, понадобилось ехать в эту глушь. Вероятно, рассказчик саги, нетвердо знавший окрестности Городищенского Фьорда, что-то напутал.

[154] Соколиная Гора известна по «Саге о Гуннлауге Змеином Языке», где с ней связан зловещий сон, в числе прочего, предвещающий гибель Гуннлауга, брата Хермунда. Ныне это название утрачено, но сама гора идентифицируется как Гребень в Долине Северной Реки. С учетом роковой репутации этого места высказывалось мнение, будто данная гора была древним могильником, и что первый компонент в Val-fell этимологически связан не с valr "сокол", а с valr "павшие на более боя". То, что, такая аллюзия при употреблении топонима Val-fell возникала, несомненно, но совершенно неясно, опирается ли она на исконное значение данного названия, или же является вторичной.

[155] Из симптомов следует, что с Хермундом случился удар (инфаркт или инсульт). "Удар", т. е. внезапная резкая боль, сопровождающаяся патологическими изменениями, обычно обозначался тем же словом, что "выстрел". Упоминание о якобы "зазвеневшей тетиве" отражает древнее поверье, что удар насылается темными силами — духами, троллями или эльфами — которые поражают человека из невидимого оружия, ср. в этой связи известные баллады скандинавского происхождения «Рыцарь Олуф» и «Лесной Царь». Так что читатель саги вправе заключить, что проклятие Эгиля подействовало, и его духи-защитники (а может быть, и тролли, которых он накликал на врага в гл. 10) наказали Хермунда.

[156] Хутор Двор Торгаута находится на северном берегу Белой Реки. Он упоминается во многих сагах, связанных с Городищенским Фьордом: в 1014 г. там проживал Торгаут, отец Гисли и Кетиля, убитых Барди (см. «Сагу о Битве на Пустоши»).

[157] Хутор Прибрежный Склон стоит на Белой Реке ниже Двора Торгаута. На этом хуторе церковь могла находиться с весьма раннего времени, хотя первое упоминание о ней связано с 1250 гг. годами. Параллельная редакция (*K*) саги называет священника по имени — Торд сын Сёльви, и связывает его с еще более известным хутором — Дымным Холмом, в начале XIII в. служившем резиденцией Снорри Стурлусона (1179—1241).

[158] Шепча священнику о "двух сотнях в расщелине", Хермунд признается в грехе, в котором его обвинял Эгиль — он прячет серебро в земле. Вторая часть обвинения Эгиля — о том, что Хермунд и сам не сможет отыскать зарытое — тоже подтвердилась: комментаторы по-прежнему не могут прийти к согласию, какое именно ущелье Хермунд и рассказчик саги имели в виду.

[159] Мар сын Хильдира и его семья неизвестны. Имя "Мар" было довольно редким, но в округе Хунавахтнсисла, откуда Мар сын Хильдира был родом, оно зафиксировано несколько раз в XI—XIII вв. Для того, чтобы выйти замуж за Мара, Свала должны была развестись с Оспаком, но сага об этом ничего не говорит. Возможно, Свала и Оспак вообще не были женаты.

[160] Бергтор в других сагах не упоминается. Он был одним из двух судей, которые получили от Офейга максимальную взятку в полмарки (ср. выше, примеч. 73), поэтому Оспак имел основания ему мстить. Хутор Бергтора Пригорок Бёдвара стоял на Озерном Мысу.

[161] В последних эпизодах саги Оспак приобретает демонические черты. Вся схема эпизода с появлением Оспака на хуторе Бергтора — стук в дверь в неурочный час, запрет хозяина покидать дом и убийство скотины в хлеву — типичны для рассказов о привидениях и злых духах. Самая близкая параллель в саговых текстах — смерть Тидранди в «Пряди о Тидранди и Торхалле», записанной ок. 1300 г.

[162] В редакции *K* уточняется, что Оспак подходит к “постели Мара и Свалы” и пронзает Мара, что делает параллель с двумя другими сагами, где рассказывается об убийстве хозяина хутора на супружеском ложе — «Сагой и Гисли сыне Кислого» и «Сагой о Сыновьях Дроплауг», точной. В этих сагах говорится также, что в ночь перед убийством убийца или его помощники проникают в хлев и заплетают хвосты скотине (ритуальное действие с не до конца понятным смыслом). В «Саге о Союзниках» вредительство Оспака в хлеву и убийство Мара на супружеском ложе отнесены к двум разным эпизодам.

[163] Данная виса саги — единственная из всех — представлена в обеих редакциях, что говорит о ее большей древности. “Отродье Хильдира” — Мар, муж Свалы. Слова Оспака, что он “не желает отдать” сопернику “объятий прекрасно сложенной Свалы” перекликаются со словами Хравна, наносящего смертельный удар Гуннлаугу в «Саге о Гуннлауге Змеином Языке». Возможно, они являются прямой цитатой из данной саги, записанной в 1220—1230-е гг.

[164] Хутор с названием Городищенский Пригорок неизвестен. По контексту можно заключить, что он был недалеко от Двора Свалы, где произошло убийство. То, что Оспак объявляет об убийстве Мара, хотя он вне закона, объясняется тем, что ему уже нечего терять: о своем первом убийстве в саге он не объявил, скрывшись с места преступления (ср. гл. IV).

[165] Убийство племенных лошадей, приписываемое Оспаку, — еще один акт вредительства, где Оспак охарактеризован почти как пришелец с того света, ведь достоверно не известно, был ли Оспак жив к моменту убийства лошадей.

[166] Черная кровь Оспака, по мнению рассказчика, изобличает его черную душу. Упоминание о “тазе с кровью”, стоявшем в пещере, может предполагать, что Оспак пытался пить собственную кровь ради исцеления. Эта неприглядная картина имеет не только бытовую, но и символическую интерпретацию.

[167] Поскольку Оспак убил Мара, уже будучи вне закона, семья Мара могла рассчитывать только на добровольную выплату виры со стороны семьи Оспака. Слова рассказчика о том, что убийства Мара и Оспака “остались неотомщенными”, являются ответом на ожидания аудитории, воспитанной на родовых сагах и ждущей продолжения распри.

[168] Людьми из Среднего Фьорда назывались держатели годорда на Песчанике, т. е. преемники и потомки Одда.

[169] Годи Снорри сын Кальва умер в 1175 г. Его внук Торгильс проживал на хуторе Песчаник в 1215 г., к этому времени годорд находился в руках Снорри Стурлусона. Сколько генеалогических звеньев связывало Снорри сына Кальва с Оддом сыном Офейга, неизвестно, зато известно, что матерью Снорри сына Кальва была Вальдис, дочь аббата Хрейна сына Стюрмира и праправнучка Хермунда, одного из главных врагов Одда в «Саге о Союзниках».

Пряди о Людях из Северной Четверти

Две пряди из «Книги о Заселении Земли» по своему содержанию соприкасаются с «Сагой о Союзниках». Элемент повествования в них отсутствует: предметом интереса являются имена первопоселенцев и генеалогии их потомков, доходящие до начала XIII в.

Примечания

[1] «Прядь об Аудуне Дышло» сообщает о людях, занявших Тальниковую Долину в округе Хунавахтнсисла. Текст пряди в «Книге Стурлы» и «Книги Хаука» идентичен.

[2] В этом месте «Книга Торда», вероятно следующая тексту «Книги с Песчаника», продолжает перечень потомков Сигурда Лысуна из Бьодара, называя последнего "отцом Викингского Кари" (полулегендарный персонаж).

[3] Данный Торарин, несомненно, иное лицо, нежели Торарин Годи Длинной Долины, упоминаемый в следующей пряди, и Торарин Мудрый, воспитатель Барди, персонаж «Саги о Битве на Пустоши». Возможно, однако, что названные люди были между собой в родстве.

[4] Данная генеалогия приводится (с небольшими вариациями) в «Большой Саге об Олаве сыне Трюггви», где Тора Лишай на Шее названа бабкой Ульвхильд (а не матерью, как в пряди).

[5] Имеется в виду епископ Гицур сын Ислейва (1082—1118).

[6] Считается, что данная генеалогия восходит к «Книге Стюрмира», поскольку она заканчивается на его старших современниках. Епископ Торлак сын Торхалля умер в 1193 г. и был провозглашен святым в 1198 г. Его капеллан Орм умер в 1204 г.

[7] Короткая «Прядь о Людях из Длинной Долины» сообщает генеалогию Торарина Годи, персонажа «Саги о Союзниках» и фрагмент генеалогии Стурлунгов. Текст пряди в «Книге Стурлы» и «Книги Хаука» идентичен.

[8] В «Саге о Союзниках» Торарин Годи Длинной Долины.

[9] О Халльдоре сыне Снорри см. выше примеч. 12 к «Жизни Снорри Годи», с. 315.

[10] См. выше примечания к «Пряди о Людях из Стремнинного Фьорда». В последнем тексте имя Торфинна, отца Гудлауга, передано как Торфид.

Сага об Ароне сыне Хьёрлейва: история и героическая биография

«Сага об Ароне сыне Хьёрлейва» повествует о событиях первой половины XIII в. и по своему содержанию примыкает к сагам, образующим обширную компиляцию, известную как «Сага о Стурлунгах»[1]. В то же время она не является “сагой о современных событиях” и, в отличие от большинства саг в названной компиляции, не записывалась по свежим следам: дистанция между временем записи (первая половина XIV в.) и временем действия не менее ста лет. По ряду жанровых признаков «Сага об Ароне» ближе родовым сагам — в ней явно проступает установка на героизацию прошлого. Этому способствовал выбор заглавной фигуры: Арон сын Хьёрлейва (ок. 1200—1255) не был хёвдингом, не вел оседлой жизни в Исландии и прославился исключительно благодаря выпавшим на его долю испытаниям — Арон несколько лет вел жизнь изгоя, в одиночку противостоя самым могущественным людям страны — и удаче, позволившей ему благополучно и мирно закончить жизнь дружинником норвежского конунга и уважаемым жителем города Бергена.

Действие саги разворачивается в драматический период истории Исландии, когда междоусобные распри переросли в гражданскую войну, норвежское вмешательство усилилось, и Исландия утратила независимость. Рассказчик саги неплохо ориентировался в распрях этого времени, но его интересовали не они, и, тем более, не противостояние Исландии и Норвегии — уже одно это подчеркивает, что он смотрит на события XIII в. глазами человека другой эпохи, — а перипетии личной судьбы Арона и памятные события, связанные с его именем. Местами изложение тенденциозно и неполно: рассказчик порой пропускает невыигрышные для облика Арона подробности или обнаруживает недостаточную осведомленность.

Современные комментаторы советуют сверять текст «Саги об Ароне» с текстом «Саги об Исландцах» Стурлы Тордарсона (1214—1284) и текстом других саг, включенных в состав «Саги о Стурлунгах»: авторы некоторых из них лично знали Арона. За этим сопоставлением стоит несравненно более серьезная проблематика, нежели прояснение деталей биографии конкретного исландца XIII в. или моральная оценка его поступков с точки зрения современников и читателей нового времени. «Сага об Ароне» проливает свет на то, как отношение исландцев к своему прошлому претворялось в саготворчество, и дает ключ к реконструкции первоначального облика некоторых весьма важных памятников XIII в.

---

[1] Данная компиляция была ок. 1300 г. составлена лагманом Тордом сыном Нарви (ум. 1308 г.).

Связь между родовыми сагами, прежде всего, сагами о знаменитых героях X—XI вв. Гисли сыне Кислого и Греттире сына Асмунда[2], объявленных вне закона и подолгу скрывавшихся в стране, и «Сагой об Ароне» нельзя считать односторонней и рассматривать «Сагу об Ароне» как позднюю стилизацию под известные образцы. События жизни Арона или даже ранняя версия саги о нем вполне могли повлиять на письменные версии «Саги о Гисли» и «Саги о Греттире». Арон скрывался в тех же местах, что Гисли и Греттир, но память о его странствиях по-прежнему представляла интерес для общества спустя сто лет — родной брат Арона, аббат Олав сын Хьёрлейва (ум. 1302 г.), пережил его почти на полвека и был уважаемым человеком в стране. Фантазия рассказчика «Саги об Ароне», даже если допустить, что сага приукрашивает жизнь Арона, была гораздо жестче ограничена фоновыми знаниями современной ему аудитории, нежели саговая традиция о Гисли и Греттире, которые не имели прямых потомков в XIII в., и подвиги которых не затрагивали интересов влиятельных людей. Напротив, рассказчик «Саги об Ароне» не решается подтвердить, что Арон ранил Туми сына Сигхвата (гл. V), хотя участие в нападении на Туми — один из первых подвигов Арона: признание этого факта поставило бы под сомнение позднейшее примирение между Ароном и родичами Туми. Поэтому читателю стоит отнестись к указаниям «Саги об Ароне» о том, что при такой-то встрече героев были произнесены определенные слова и что при этом присутствовали вполне определенные, названные по имени, исландцы, не как к домыслу рассказчика, а как к историческому свидетельству.

Еще одна примечательная параллель связывает рассказ о гибели старшего товарища Арона, Эйольва сына Кара, («Сага об Ароне», гл. VIII) со сценой гибели героя «Саги о Названых Братьях» Торгейра сына Хавара: первое из названных событий случилось весной 1222 г. в северной Исландии, на Гримовом Острове, а второе — ок. 1024 г.[3], тоже в северной Исландии, на полуострове Песцовая Равнина. В обоих случаях герои приняли свой последний бой против превосходящих сил врага на берегу, возле корабля. Некоторые детали заставляют полагать, что рассказчик «Саги об Ароне» знал какую-то из многочисленных редакций «Саги об Названых Братьях», поскольку он приписывает одному из тех, кто нанес Эйольву раны, довольно редкое имя “Мар”: “Маром звался человек, который ударил вдогонку Эйольву; удар пришелся в ногу у лодыжки и почти отсек ее, так что она держалась лишь на коже” (гл. VIII). Между тем в «Драпе о Торгейре сыне Хавара», сложенной названым братом Торгейра, Тормодом Скальдом Чернобровой (ум. 1030 г.), один из павших от руки Торгейра в последнем бою назван как раз Маром; в прозаическом тексте «Саги о Названых Братьях» ему приписана рана, нанесенная Торгейру[4]. О том, что жертву Торгейра звали Маром, упоминается также в «Пряди о Торарине Дерзком», которая предположительно локализуется на севере Исландии[5]. Вполне вероятно, что рассказчик «Саги об Ароне»

[2] Обе саги известны русскому читателю благодаря переводам О. А. Смирницкой. «Сага о Гисли сыне Кислого» была впервые опубликована в издании: Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973 (Библиотека всемирной литературы). «Сага о Греттире» выходила отдельным изданием в серии «Литературные памятники» (Новосибирск, 1976).

[3] См. комментарии к русскому изданию: Исландские саги / Пер. и коммент. А. В. Циммерлинга. М., 2000. С. 342.

[4] Там же, с. 166.

[5] Там же, с. 365.

стилизовал эпизод XIII в. в духе традиции, связываемой с именем Торгейра сына Хавара. В то же время отнюдь нельзя исключить и того, что обстоятельства гибели реального Эйольва сына Кара в 1222 г. и устная традиция XIII в., связанная с его именем, в свою очередь, повлияли на письменные версии «Саги о Названых Братьях». Скитания самого Арона в целом ряде эпизодов (изобретение вымышленных имен, выход героя из пещеры в поисках развлечений) описаны так же, как странствия Тормода Скальда Чернобровой в «Саге о Названых Братьях». Это закономерно: устная традиция о Тормоде связана с Западными Фьордами, т. е. именно той частью Исландии, где Арон скрывался особенно долго.

Есть в «Саге об Ароне» и черты, характерные для житийной литературы, и это отнюдь не случайно: Арон был ревностным приверженцем выдающегося церковного деятеля, епископа Гудмунда сына Ари (1162—1237), и защищал его с оружием в руках. Хотя епископ Гудмунд был при жизни отстранен от должности и провел много лет в изгнании[6], в начале XIV в. преемники Гудмунда предприняли попытку канонизировать его. В 1315 г. останки Гудмунда перезахоронили. Папе было направлено ходатайство о канонизации Гудмунда, которое было отклонено. Тем не менее, усилия исландских епископов не пропали даром и дали толчок для записи новых саг. В первой половине XIV в. было создано не менее четырех версий жития Гудмунда, дающих значительно более апологетический образ епископа, нежели саги XIII в. Если в XIII в., согласно «Саге об Исландцах» (гл. CXVIII), многочисленные враги епископа считали его не “тихим отшельником”, а “суровым и властным прелатом”, активно “вмешивающимся в мирские дела”, то тексты XIV в., включая «Сагу об Ароне», рисуют образ Гудмунда как защитника бедных и обездоленных, борца против несправедливости и мученика за веру. Такой образ возник не на пустом месте. Часть современников Гудмунда воспринимала его именно так, но они составляли меньшинство[7], и их версии распрей, в которых участвовал епископ, другая часть общества считала тенденциозными. Через сто лет они стали официально признанными. Агиографы XIV в. могли иметь доступ к записям, сделанным людьми из окружения Гудмунда, в частности к текстам, записанным его первым биографом, аббатом Ламбкаром сыном Торгильса (ум. 1249 г.), который составил т. н. «Prestsaga Guðmundar Arasonar», доходящую до момента его избрания епископом в 1203 г.[8] Так или иначе, “проепископская”, или “клерикальная”, традиция в XIII—XIV вв. никогда не прерывалась полностью.

---

[6] Очерк жизни епископа Гудмунда можно найти в статье: *Magnús Már Lárusson*. Guðmundr inn góði Arason // Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder. København, 1960. Bd. V. Sp. 538—541.

[7] Вооруженная свита Гудмунда, насчитывавшая не менее ста человек (иногда гораздо больше), состояла в основном из духовных лиц низшего звания и священников без прихода, сыновей бондов, бедняков и нищих. Руководили ими преданные епископу хёвдинги, бывшие опытными воинами, сперва Эгмунд Прут (Ǫgmundr sneis), а затем Эйольв сын Кара. Среди знатных людей сторонниками Гудмунда были Люди из Одди, Хравн сын Свейнбьёрна и Снорри Стурлусон. Лояльно относились к епископу Торд сын Стурлы и его сыновья, а также отдельные бонды на севере и западе страны. Напротив, непосредственные соседи епископа, жители Нагорного Фьорда, отказывались его содержать и видели в присутствии епископской свиты для себя угрозу.

[8] Свидетельства о существовании записей аббата Ламбкара, относящихся к более поздним годам жизни епископа Гудмунда, обсуждаются в работе: *Magnús Jónsson.* Guðmundar saga dýra // Studia Islandica. Reykjavík, 1940. Hefti 8. Bls. 45.

Реванш партии епископа Гудмунда в исландской историографии проявился не только в записи новых саг, превозносящих добродетель епископа и доблесть Арона сына Хьёрлейва, но и в ретуши, которой подверглись ранее записанные тексты. Известный филолог Бьёртн М. Ульсен утверждал, что вообще все фрагменты «Саги об Исландцах», положительно характеризующие епископа Гудмунда, не принадлежат автору этой саги Стурле Тордарсону и являются позднейшими клерикальными вставками[9]. Это серьезное преувеличение — Ульсен переоценивал антиклерикализм Стурлы и неправильно реконструировал обстоятельства записи ряда рукописей[10]. Тем не менее само наличие интерполяций и вставок в «Саге об Исландцах» не может быть оспорено: несмотря на огромный авторитет Стурлы Тордарсона, его текст, как и любая другая сага, не был защищен от искажений и добавлений. Протограф «Саги об Исландцах», написанной около 1280 г., утрачен; известно, что данная сага была подвергнута правке и урезана компилятором при включении в «Сагу о Стурлунгах», что произошло около 1300 г.[11] Парадоксальным образом принадлежащие клерикальной традиции «Сага об Ароне» и некоторые ранние редакции саги о Гудмунде, записанные в начале XIV в., ближе к первоначальному тексту «Саги об Исландцах», нежели текст «Саги об Исландцах» в составе «Саги о Стурлунгах», которая принадлежит “светской” традиции. Есть веские основания считать, что рассказчики «Саги об Ароне» и т. н. «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари» (*Guðmundar saga Biskups A*) имели дело с более ранней версией «Саги об Исландцах», нежели та, которая дошла до нас в составе «Саги о Стурлунгах». Чтобы понять, как это могло случиться, необходимо более подробно остановиться на списках «Саги об Ароне» и близких им рукописях.

«Сага об Ароне» плохо сохранилась и имела трудную судьбу. Конец саги содержится в рукописи AM 551 dß 4t°, датируемой началом XV в. К XVII в. рукопись уже была в плохом состоянии, и известный переписчик рукописей пастор Йоун Эрлендссон с хутора Виллингахольт переписал ее; по списку пастора Йоуна (AM 212 fol.) видно, что в XVII в. объем AM 551 dß 4to был несколько больше, чем ныне. Часть рукописи AM 212 fol. позднее была утрачена. Но прежде, чем это произошло, со списка пастора Йоуна был сделан новый список, (AM 426 fol., т. н. Vigurbók), который благодаря злоключениям более ранних рукописей, дает наиболее полный текст самостоятельной редакции «Саги об Ароне». Несамостоятельная редакция «Саги об Ароне» вплетена в «Древнейшую сагу о епископе Гудмунде сыне Ари» (*GA*). Протограф «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари» не сохранился, но, исходя из текстологических соображений, сага не может быть древнее 1330 г. и старше 1350 г.[12] «Древнейшая сага о епископе Гудмунде сыне Ари» — компилятивное произведение, вторая часть которо-

[9] *Björn Magnús Ólsen*. Um Sturlungu // Safn til sögu Íslands ok íslenzkra bókmennta. Bd. III. Kaupmannahöfn, 1902. Bls. 294.

[10] Ср. критический разбор Стефауна Катлссона: Guðmundar Sǫgur Biskups. Bd. I / Stefán Karlsson bjó til prentunar // Editiones Arnamagnæanæ. Ser. B. Kaupmannahǫfn, 1983. Vol. 6. Bls. XXXIV.

[11] Ср.: Sturlunga saga / Guðni Jónsson bjó til prentunar. Reykjavík, 1981. Bd. I. Bls. VIII (далее: St).

[12] Начало «Древнейшей Саги о епископе Гудмунде сыне Ари» содержится в рукописи AM 399 4to, а продолжение — в рукописи AM 394 4to. Критическое издание саги выпущено в 1983 г. Стефауном Катлссоном (Guðmundar Sǫgur Biskups. Bd. I: Ævi Guðmundar Biskups. Guðmundar Saga A).

го соединяет материал двух саг — «Саги об Исландцах» и интересующей нас «Саги об Ароне»[13]. К счастью, компилятор подошел к своей задаче нетворчески и в тех случаях, когда версии «Саги об Исландцах» и «Саги об Ароне» расходятся, приводил обе версии. Сличение вставок из «Саги об Исландцах» Стурлы Тордарсона с версией данной саги в составе «Саги о Стурлунгах» показывает, что компилятор «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари» почти не вносил редакторской правки: имеющиеся незначительные отклонения, в том числе перестановка небольших фрагментов, объясняются тем, что компилятор «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари» имел дело с более ранней версией, нежели та, которая доступна нам[14]. Поэтому нет оснований думать, что в случае «Саги об Ароне» компилятор изменил своим принципам и пошел на серьезные изменения текста.

«Древнейшая сага о епископе Гудмунде сыне Ари» использует материал «Саги об Ароне» начиная с гл. CLXXV до гл. CCXXIII, где говорится об отъезде Арона из Исландии и его паломничестве в Иерусалим[15]. Самое начало «Саги об Ароне», где излагалась родословная Арона и говорилось о его детстве и знакомстве с Эйольвом сыном Кара, компилятор «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари» не приводит, но оно включено в записанную позже «Среднюю сагу о епископе Гудмунде сыне Ари» (*GB*). Тем самым весь связный текст «Саги об Ароне» восстанавливается по разным источникам. Критическое издание «Саги об Ароне» отсутствует, а имеющиеся издания Гвюдбранда Вигфуссона[16] и Йоуна Йоуханнессона[17] в филологическом отношении неудовлетворительны. Как отмечает исландский текстолог Стефаун Катлсон, оба издателя дают смешанный текст, позволяя себе конъектуры, не соответствующие чтению какой-либо рукописи. Отчасти это объясняется тем, что самостоятельная редакция «Саги об Ароне», как отмечено выше, дошла до нас в искаженном виде. Как признает сам Стефаун Катлсон, там, где имеется параллельный текст «Саги об Ароне» и «Древнейшей саги о Гудмунде», последняя неизменно дает лучшее чтение[18].

В «Саге об Ароне» есть ряд скальдических вис, рассказывающих об убийстве Туми сына Сигхвата, битве на Гримовом Острове и подвигах Арона. Меньшая часть этих вис приводится в «Саге об Исландцах», откуда их и взял компилятор «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари»[19]. Для датировки «Саги об Ароне» важнее

[13] Первая часть компиляции использует самостоятельные, т. е. ранние редакции двух саг начала XIII в. — «Prestsaga Guðmunds Arasonar» и «Сагу о Хравне сыне Свейнбьёрна». Дополнительным источником «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари» являются анналы, фрагменты которых компилятор оформлял в виде отдельных главок и помещал после глав, где излагались события саги.

[14] См.: Guðmundar Sǫgur Biskups. Bls. CLVI–CLIX.

[15] Guðmundar Sǫgur Biskups. Bls. 190_{28}–232_{13}.

[16] Sturlunga saga / Ed. Guðbrandur Vigfússon. Oxford, 1878. Vol. II. P. 312—347.

[17] Sturlunga saga / Jón Jóhannesson, Magnús Finnbogason og Kristján Eldjárn sáu um útgafuna. Reykjavík, 1946. Bd. II. Bls. 237—278.

[18] Guðmundar Sǫgur Biskups. Bls. CLXI.

[19] Сюда относятся висы № 16, сложенная Олавом Белым Скальдом, и № 8, приписываемая некому Бранду и рассказывающая о гибели Эйольва сына Кара. Кроме того, в «Древнейшей саге о епископе Гудмунде сыне Ари» есть две висы о походе на Гримов Остров, принадлежащие Гудмунду сыну Одда, скальду из окружения Стурлы сына Сигхвата. Обе эти висы приводятся в

висы, которые отсутствуют в «Саге об Исландцах» и которые приписываются скальду XIV в., священнику Тормоду сыну Олава. О возможностях идентификации этого скальда существуют любопытные предположения. Высказывалось мнение, что он был племянником Арона сына Хьёрлейва. Достоверно, однако, известно лишь то, что в 1338 г. Тормод сын Олава выезжал из страны из Фьорда Дюри в Западных Фьордах[20] и что им сочинена виса об исландце X в. Гуннаре с Конца Склона, приводимая в одной из редакций «Саги о Ньяле», т. н. «Книге с Телячьего Ручья» (Kálfalækjarbók, AM 133 fol). Датировка Kálfalækjarbók колеблется от 1300 (Эйнар Оулавюр Свейнссон) до 1350 г. (Дж. Портер). Висы Тормода сына Олава в «Саге об Ароне» сложены двумя размерами — дротткветтом (№ 3, 4, 5, 9, 13, 14) и хрюнхентом (№ 7, 10, 11, 12). Большинство комментаторов полагает, что данные висы являются остатками двух поэм (драп), сочиненных Тормодом сыном Олава об Ароне. Противоположной точки зрения придерживался известный исландский филолог Йоун Хельгасон, который утверждал, что стихи из «Саги об Ароне» никогда не составляли циклов, но возникали как своего рода “заметки на полях саг”[21]. По отношению к висам в хрюнхенте гипотеза Йоуна Хельгасона неприемлема, так как виса № 7, состоящая всего из четырех строк, могла считаться законченной лишь в том случае, если она использовалась в качестве стева (т. е. рефрена) к драпе.

Манера цитирования текста «Саги об Ароне» в «Древнейшей саге о епископе Гудмунде сыне Ари» не оставляет сомнений в том, что компилятор «Древнейшей саги о епископе Гудмунде» и рассказчик «Саги об Ароне» — разные лица. Композиция «Саги об Ароне» доказывает, что рассказчик «Саги об Ароне», в отличие от компилятора «Древнейшей саги о епископе Гудмунде», не имел перед глазами текста «Саги об Исландцах» Стурлы Тордарсона и не сверял собственную версию событий с версией Стурлы[22]. Высказывались разные мнения о том, в каком порядке прозаический текст «Саги об Ароне» пополнялся висами. Крупнейший знаток поэзии скальдов Финнур Йонссон полагал, что некоторые висы были уже в протографе «Саги об Ароне», и что впоследствии была вставлена одна виса Олава Белого Скальда, современника и друга Арона (№ 15 в настоящем издании) и висы Тормода, “...которые приводятся в неправильном порядке”[23]. Действительно, вису № 15 предваряет реплика “Об этом

«Саге об Исландцах», откуда их и взял компилятор древнейшей саги. Комментаторы обоснованно исключают висы Гудмунда сына Одда из состава «Саги об Ароне», так как они принадлежат альтернативной скальдической традиции, прославляющей Стурлу сына Сигхвата. Напротив, висы № 1—2, где говорится о налете на Пригорки и убийстве Туми сына Сигхвата весной 1222 г., могли быть сложены людьми из окружения епископа. В таком случае неудивительно, что Стурла Тордарсон не приводит эти две висы в «Саге об Исландцах». Неясно, кем и когда сочинена виса № 6 — четверостишие, прославляющее победу Стурлы сына Сигхвата на острове Гримсэй.

[20] Об этом сообщает т. н. «Анналы Готтскалька» (Islandske Annaler indtil 1578 / Udg. ved G. Storm. Christiania, 1888. VIII s. a. 1338).

[21] “Det synes dog sandsyndligere, ad de skal betragtes som randnoter til sagaer end som levninger af større digte” (*Jón Helgason*. Norges og Islands digtning // Nordisk Kultur. Stockholm, 1953. Bd. VIII: Litteraturhistorie. [Del] B: Norge og Island. S. 141).

[22] Противоположную точку зрения отстаивал английский исследователь Дж. Портер: *Porter J.* Some aspects of Áróns saga Hjǫrleifssonar // Saga Book. London, 1970—1973. Vol. XVII.

[23] *Finnur Jónsson*. Den oldnorske og oldislandske litteraturs historie. København, 1923. Bd. II. S. 762—763.

событии сказал Олав Белый Скальд”, а последняя виса саги (№ 16) позже вводится словами: “Одного человека звали Олав сын Торда. Он был другом Арона. Олав сложил вису об Ароне и его путешествии”. Отсюда большинство комментаторов делает вывод, что первоначально в «Саге об Ароне» была лишь одна виса Олава — № 16, а виса № 15 была добавлена позднее[24]. Кроме того, три висы Тормода сына Олава о пребывании Арона у Орма сына Йона на хуторе Свинафедль приведены в неверном порядке: вначале должна идти виса № 12, за ней № 10, за ней № 11.

Хотя рассказчик «Саги об Ароне» начинает свой текст с указания о том, что действие начинается “во время правления конунга Сверрира” (ум. 1202 г.), когда в Исландии епископами были Паль сын Йона (1195—1211) и Гудмунд (1203—1237), и далее перечисляет “виднейших хёвдингов из числа мирян” (гл. I), его мало интересует борьба за власть в Исландии[25]. Внимание рассказчика приковано к фигуре епископа Гудмунда, борца за веру и защитника народа от неправедных и жестоких хёвдингов, которых сага называет коротко и просто — “Стурлунги”, и к друзьям епископа — Арону сыну Хьёрлейва и Эйольву сыну Кара, защищавшим епископа в заведомо безнадежных обстоятельствах. Промысел Божий и покровительство епископа в итоге позволяют Арону спастись и добиться процветания в Норвегии, а Эйольв жертвует собой ради спасения Арона и обретает героический апофеоз в саге и скальдических стихах (№ 8—9 в саге). Олицетворением Стурлунгов в саге является тиран Стурла сын Сигхвата (1199—1238), товарищ детства Арона, а впоследствии — его злейший враг. Стурла убивает и унижает людей и держит в страхе всю Исландию, но ему не суждено ни убить, ни запугать Арона, от чего читатель, несомненно, почувствует удовлетворение. Жизнь реального Арона сына Хьёрлейва давала повод для такой трактовки. В то же время, «Сага об Исландцах» Стурлы Тордарсона в ряде эпизодов сообщает менее выигрышные для Арона подробности. Упомянем лишь два места, где изложение «Саги об Ароне сыне Хьёрлейва» тенденциозно:

---

[24] Альтернативная возможность обсуждается ниже в примечаниях к тексту саги.

[25] Отслеживая приключения Арона в Исландии, рассказчик саги даже не упоминает о том, что после замирения Стурлы сына Сигхвата с сыновьями Хравна последние были вынуждены передать Стурле власть годи и отказаться от независимого положения взамен на дозволение мстить их общему врагу Торвальду из Озерного Фьорда. «Сагу об Ароне» интересует лишь то обстоятельство, что Арону приходится после встречи Стурлы с сыновьями Хравна искать себе иное пристанище. Не сообщается в «Саге об Ароне» и об уступках, на которые Стурла вынуждает идти всех, кто укрывает Арона. Тем самым Стурла сын Сигхвата предстает в «Саге об Ароне» как маньяк, который только и занят тем, как поймать и замучить объявленных вне закона. Напротив, действия Стурлы в «Саге об Исландцах» создают образ расчетливого политика, который пользуется различными предлогами, в том числе, скитаниями Арона для того, чтобы расширять сферу влияния и вербовать новых клиентов. Так, Вигфусу сыну Ивара приходится не только заплатить за симпатии к Арону частью своих земель, но и сопровождать в дальнейшем Стурлу в его походах («Сага об Исландцах», гл. LXI, CXLVII). Один из этих походов — не слишком удачный — обернется для Стурлы тем, что отнятые у Вигфуса за укрывательство Арона земли в 1227 г. по решению третейского судьи Торлака сына Кетиля (приемного отца Арона) в виде компенсации за ущерб перейдут другому лицу (гл. LXII, С. 152). Тем самым, личная вражда и юридические претензии при более глубоком взгляде оказываются разменной монетой в борьбе за сферы влияния.

1) Убийство Сигмунда Крючка. Согласно «Саге об Ароне», Арон убивает Сигмунда, действуя в одиночку: "Однажды Арону случилось проезжать мимо. Произошла встреча, и Сигмунд был быстро убит, потому что Арон застиг его вне дома" (гл. XV). Гораздо менее героично поведение Арона в описании Стурлы Тордарсона. Арон действует сообща с неким Старкадом сыном Бьёрна и отказывается вступить в бой с Сигмундом, когда тот везет сено с одним спутником. Арон поджидает, пока Сигмунд не оказывается дома один. При помощи Старкада он выманивает врага из дома и пронзает его, когда тот не может сопротивляться. После этого Арон со Старкадом сгоняют женщин и детей в дом и грабят хутор («Сага об Исландцах», гл. LV). Для того, чтобы оправдать позднейшее нападение на Сигмунда, «Сага об Ароне» ранее сообщает, что на Гримовом Острове Сигмунд публично надругался над трупом Эйнара Белька (гл. VII) — деталь, с учетом нравов эпохи, вполне правдоподобная, но в «Саге об Исландцах» она не упомянута.

2) Только в «Саге об Исландцах» сообщается о неблагородном поступке Арона по отношению к своему благодетелю Харальду сыну Сэмунда, который ранее помог Арону уехать из Исландии. Арон никак не ограждает Харальда от гнева своего нового патрона Торда Какали, напротив, фактически заманивает Харальда к Торду, где Харальда вынуждают отказаться от власти и уехать в Норвегию (гл. CLX).

Версия «Саги об Ароне» вызывает меньше доверия по сравнению с версией Стурлы Тордарсона и в ряде иных мест, где нет прямой тенденциозности. Только в «Саге об Исландцах» сообщается о намерении Арона, к тому времени уже объявленного вне закона, напасть на случайно проезжавшего мимо с двумя спутниками Стурлу сына Сигхвата (гл. LV). Но Хавторир, дядя Арона, хватает его и держит. Скорее всего, рассказчик «Саги об Ароне» просто не знал об этом эпизоде, иначе бы он мог упомянуть его в гл. XIII как доказательство смелости Арона. Далее в гл. XIII говорится о пребывании Арона с Хавториром у бонда Вигфуса на Сокольих Скалах и обстоятельствах гибели Хавторира. «Сага об Ароне» упоминает о безымянном лазутчике, который навел Стурлу на хутор Вигфуса. Из «Саги об Исландцах» можно понять, что этим лазутчиком мог быть Эйрик Берестяник, незадолго до того примкнувший к Стурле бродяга, который "ходил туда и сюда, чтобы разведать, что происходит" (гл. LV, С. 133). Рассказчик «Саги об Ароне» упоминает об Эйрике лишь тогда, когда тот во время облавы убивает Хавторира. Наконец, по «Саге об Ароне» можно заключить, что Арон, прорываясь из окружения, убил челядинца Стурлы по имени Бьёрн, ср.: "…бросается прямо на провожатого Стурлы, которого звали Бьёрн, и рубит его обеими руками. Удар пришелся в стальной шишак, и Бьёрн рухнул замертво как подкошенный" (гл. XIII). Между тем из текста Стурлы Тордарсона ясно следует, что Бьёрн, который точно идентифицирован в «Саге об Исландцах» как "Зернистый Бьёрн сын Йона и Торкатлы, дочери Барда с Колодезной Реки", был не убит, а лишь оглушен ударом Арона и что сразу после бегства Арона Бьёрн оказал ответную любезность укрывателю Арона, бонду Вигфусу, оглушив того обухом секиры (гл. LV, С. 134). Рассказчик же «Саги об Ароне» вначале упоминает об избиении Вигфуса, и лишь потом — о бегстве Арона и ударе, полученном Бьёрном.

Все это вовсе не означает, что сведения, приводимые в «Саге об Ароне сыне Хьёрлейва» и отсутствующие в других источниках, не заслуживают доверия и являются плодом фантазии рассказчика. Как раз напротив, обилие таких деталей подтвер-

ждает существование у с т н о й т р а д и ц и и об Ароне, которая могла опираться на информацию, не учтенную или проигнорированную «Сагой об Исландцах»[26] — произведением, несущим печать индивидуального авторства и раз и навсегда вошедшим в контекст п и с ь м е н н о й т р а д и ц и и, с которой был вынужден считаться любой, желавший записать свою сагу[27]. Только в «Саге об Ароне» рассказывается о жизни Арона в Норвегии в 1230-е гг., его встрече со Стурлой сыном Сигхвата в Бергене в 1233 г. и последующем конфликте с лендрманном Гаутом из Меля (гл. XVII—XVIII). Рассказ о том, что Арон вначале был дружинником ярла Скули, затем самовольно отправился в Иерусалим и лишь по своем возвращении был принят в дружину конунга Хакона (гл. XV), у Стурлы Тордарсона не приводится, но он выглядит правдоподобно: Арон прибыл в ту часть страны, где тогда находился Скули, а именно в Трандхейм, где встретил епископа Гудмунда[28] и своего отца Хьёрлейва. После этого Арон провел с ярлом год и лишь потом отправился в паломничество: едва ли он мог это осуществить, не обладая достаточно высоким социальным статусом, т. е. не будучи дружинником ярла[29]. Устная традиция должна была опираться на источники в Исландии и Норвегии, включая людей, которые непосредственно общались с Ароном[30]. Круг этих людей довольно четко вырисовывается по тем сагам, где Арон выступает в качестве действующего лица: сторонники епископа Гудмунда, свита преемника Гудмунда епископа Хейнрека сына Кара (1247—1260), младшие братья Арона Бард и Олав (ум. 1302 г.) и другие родичи Арона (ср. гл. XXI), новый покровитель Арона Торд Какали

[26] Имеется по крайней мере одно прямое свидетельство существования устной традиции об Ароне в XIII в. Гл. CCXVI «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари», предположительно воспроизводящая протограф «Саги об Исландцах», в рассказе о событиях осени 1222 г. говорит: “Впоследствии Арон находился у своих родичей с Западных Фьордов у сыновей Хравна на Песчаном Берегу во Фьорде Эрна, к а к р а с с к а з ы в а е т с я в С а г е о б А р о н е”. Крайне маловероятно, что Стурла Тордарсон имел здесь в виду письменный текст саги об Ароне и что «Сага об Ароне» вообще записывалась при жизни Стурлы: в противном случае компилятор «Саги о Стурлунгах», собравший воедино все саги о распрях XIII в., должен был бы ее учесть.

[27] Конечно, рассказчик «Саги об Ароне» не был совершенно чужд письменной традиции. Так, в конце гл. XV есть пассаж, который можно расценить как прямую отсылку к «Саге о Хаконе Старом» Стурлы Тордарсона: “Здесь стоит также упомянуть о том, что о т н о ш е н и я м е ж д у к о н у н г о м и я р л о м с т а л и п о р т и т ь с я, но разрыв вызревал достаточно долго. И все же затем пришел черед жестоких распрей, но о б э т о м с у щ е с т в у ю т п и с ь м е н н ы е р а с с к а з ы”. Тем не менее рассказчик «Саги об Ароне» едва ли постоянно сверял свою версию с сагами, записанными современниками событий, и, в любом случае, не имел перед глазами их текста.

[28] То, что епископ Гудмунд в данный период действительно находился в Трандхейме, подтверждается другими источниками.

[29] Как «Сага об Ароне», так и «Сага об Исландцах» сообщают, что Арон стал дружинником конунга Хакона лишь по возвращении из паломничества.

[30] В саге названо по именам около пятнадцати родственников и друзей Арона, не упоминаемых в других источниках: память о них сохранялась лишь в устной традиции, связанной с его именем.

(ум. 1256 г.), люди из окружения Торгильса Заячья Губа (1226—1258)[31], друг Арона и родной брат Стурлы Тордарсона Олав Белый Скальд (ум. 1259 г.), а также жители тех округ, где Арон скрывался подолгу, — Мыса Снежной Горы и Западных Фьордов. Поэтому ссылки на слова очевидцев, как, например, в гл. XIV: "Люди, бывшие там на месте, рассказывают, что Стурла [сын Сигхвата] собирался, захватив Арона, долго его мучить и готовил ему перед смертью не один и не два удара," — даже если они ошибочны, скорее всего, являются не домыслом самого рассказчика, но отражением эпизода в сознании части исландского общества — не обязательно самой компетентной или беспристрастной[32].

Стиль саги производит двойственное впечатление. С одной стороны, рассказчик изложил события жизни Арона в духе героической саги и сумел сделать созданный им текст занимательным, а местами — захватывающе интересным, с другой — он пытался присобиться к вкусам аудитории, значительно хуже, чем он, осведомленной в событиях и генеалогиях XIII в., и то и дело отступал от привычной манеры саг, разъясняя неподготовленному читателю подоплеку событий. В саге много мелких небрежностей: некоторые персонажи вводятся повторно, других рассказчик, напротив, забывает упомянуть вовремя. Часть подобных огрехов, возможно, объясняется порчей текста: как отмечено выше, самостоятельная редакция «Саги об Ароне» сохранилась в очень поздних и ненадежных рукописях. Столь же двойственное впечатление оставляет обращение рассказчика со своими источниками. С одной стороны, сага приводит такое

---

[31] Существуют интересные литературные связи, сближающие «Сагу о Торгильсе Заячья Губа», составленную Тордом Хитнесингом в период 1275—1280 гг., с окружением епископа Гудмунда и его преемников. Торд Хитнесинг сообщает, что епископ Гудмунд конфирмовал (byskupaði) двухлетнего Торгильса, подарил ему золотую погремушку и произнес пророчество о судьбе ребенка, которое, разумеется, сбылось. Позже Торгильс много общался с епископом на Пригорках Хейнреком сыном Кара, который был его духовником и в 1252—1254 гг. неизменно выступал на стороне Торгильса. В вечер перед убийством Торгильс велел зачитать ему «Сагу о св. Томасе», имевшуюся на хуторе Воронье Ущелье. Сага, которую он мог слышать, скорее всего, была составлена Бергом сыном Гуннстейна (ум. 1230 г.), священником, входившим в окружение епископа Гудмунда, см.: *Würth S.* Thomas Becket: ein literarisches und politisches Modell für die Islandishe Kirche im 13. Jahrhundert // The Ninth International Saga Conference: The Contemporary Sagas. Akureyri, 1994. S. 882.

[32] Сопоставляя «Сагу об Ароне» с рассказами об Ароне в «Саге об Исландцах», нужно иметь в виду, что сам Стурла Тордарсон не был вполне беспристрастен к Арону: иначе бы Стурла упомянул об участии Арона в норвежских событиях. Но в «Саге о Хаконе Старом», составленной Стурлой Тордарсоном, нет ни единого упоминания об Ароне, несмотря на то, что Арон был ближним дружинником конунга Хакона и во время военных походов должен был находиться с ним рядом. Этот пробел, возможно, объясняется тем, что одним из влиятельных информантов Стурлы в окружении конунга, под контролем которых Стурла составлял «Сагу о Хаконе Старом», был враг Арона, лендрманн Гаут из Меля (ум. 1270 г.). Кроме того, Стурла Тордарсон, составляя «Сагу об Исландцах», тоже опирался на устную традицию, и лакуны в его описании странствий Арона в Исландию могут объясняться не только предвзятостью, но и неполнотой сведений, которыми он располагал к моменту записи «Саги об Исландцах» (ок. 1280 г.). Как показано ниже в примечаниях к тексту, в ряде случаев «Сага об Исландцах» и «Сага об Ароне» опираются на взаимодополняющие (и частично противоречащие друг другу) источники информации о жизни и странствиях Арона.

количество достоверных бытовых деталей, что в основательном знакомстве рассказчика с устной традицией об Ароне не остается сомнений. С другой стороны, рассказчик, подробно отслеживающий шаги действующих лиц — Арона, Эйольва сына Кара, епископа Гудмунда, Стурлы, Торда Какали — становится крайне небрежен, когда речь заходит о вскользь упомянутых людях: особенно много нестыковок и мелких ошибок связано с семьей Арона.

* * *

Действие саги приходится на период, когда норвежскому конунгу Хакону Хаконарсону руками самих исландцев удалось дестабилизировать обстановку в стране и установить над ней свою власть. «Сага об Ароне» рассказывает о событиях этого драматического времени в перспективе частной жизни храброго и несколько легкомысленного человека, и в этом ее ценность. Но желательно, чтобы современный читатель был менее легковерен, чем Арон, и представлял себе подоплеку событий.

Исландские хёвдинги стремились заручиться поддержкой правителей Норвегии для борьбы с конкурентами и укрепления своей власти, присягали ему на верность и получали от конунга звания дружинника, лендрманна и даже ярла. Взамен они обязывались выполнять волю конунга, прибывать в его распоряжение по требованию, убивать или высылать его врагов из страны: первое время, конечно, врагом конунга неизменно оказывался враг его дружинника или лендрманна в Исландии. Первым хёвдингом, заключившим подобный альянс с конунгом, был Снорри Стурлусон (1179—1241), который в 1220 г. предстал перед соотечественниками в образе спасителя нации — Снорри отговорил норвежцев от карательной экспедиции в Исландию. Враги Снорри, в первую очередь Бьёрн сын Торвальда, оценивали его поведение в Норвегии иначе[33]. Естественно, одним из первых действий Снорри по возвращении было убийство Бьёрна сына Торвальда (1221 г.): в висе, сложенной по этому поводу челядинцами Снорри, есть прямое указание на волю норвежского правителя, ярла (впоследствии — герцога) Скули сына Барда[34]. Пик могущества Снорри пришелся на середину 1220-х гг. Следующим хёвдингом, заключившим союз с норвежцами, был племянник Снорри и персонаж «Саги об Ароне», Стурла сын Сигхвата (1199—1238), якобы обещавший в 1233—1235 гг. конунгу Хакону завоевать для того всю Исландию в обмен на право стать в ней единоличным правителем[35]. Стурла почти преуспел в

---

[33] «Сага об Исландцах», гл. XXXVIII (St. II, 86).

[34] «Сага об Исландцах», гл. XXXIX (St. II, 95).

[35] «Сага об Исландцах», гл. CXXXIX (St. II, 355). Стурла Тордарсон прослеживает поездки своего тезки в деталях, которые проливают свет на отношения между Стурлой и скандинавской знатью. Он сообщает, что Стурла остался зимовать в Бергене, но весной 1234 г. отбыл на юг, встретился с датским конунгом Вальдемаром Старым и получил от него богатые дары. Оттуда Стурла отправился в Германию, где встретил епископа Паля из Хамара, вместе с ним проделал путь до Рима и, при содействии Паля, получил от папы отпущение всех грехов для себя и своего отца Сигхвата. После этого Стурла с Палем вернулись в Скандинавию, и Стурла вновь отправился к конунгу Хакону, на сей раз в город Тунсберг в Вике. Зиму 1234 / 1235 гг. Стурла вновь провел с конунгом и “они постоянно беседовали друг с другом” (St. II, 231). Еще более подробно о переговорах Стурлы сына Сигхвата с конунгом Хаконом рассказывается в гл. CL «Саги о Хаконе Старом».

этом. По своем возвращении из Норвегии он устроил резню при Бэ (28 апреля 1237 г.), поработил всю западную Исландию, после чего выслал из страны Снорри Стурлусона и четырех его сподвижников, включая своего родного брата Торда Какали. Подобная агрессия эмиссаров конунга вызывала противодействие. Когда в 1238 г. Стурла вторгся в южную Исландию, двое оставшихся хёвдингов, Гицур сын Торвальда (1209—1268) на юге и Кольбейн Младший (1209—1245) на севере, взбунтовались и 21 августа 1238 г. разбили Стурлу в битве при Эрлюгсстадире: погиб сам Стурла, его отец Сигхват и большая часть их семьи. В это время в Норвегии в разгаре была гражданская война. Снорри Стурлусон в ней сделал ставку на герцога Скули, а Гицур — на конунга Хакона, что предопределило их дальнейшую судьбу[36]. В 1239 г. Снорри покинул Норвегию, вопреки прямому запрету конунга[37]. Конунг расценил это как государственную измену (landráð) и после победы в гражданской войне в 1240 г. послал Гицуру приказ убить Снорри[38], что Гицур выполнил в следующем (1241) году, отомстив Снорри за убийство своего старшего брата Бьёрна. Смерть Снорри нарушила баланс сил в стране и дала Гицуру с Кольбейном слишком большую власть. Поэтому следующим шагом конунга было разрешение Торду Какали, к тому времени ставшему дружинником конунга и давшему все нужные обязательства[39], вернуться в страну в 1242 г. и

---

[36] Баланс сил между Скули и Хаконом был официально закреплен на Бергенском съезде летом 1223 г. В 1225 г. Скули пришлось выдать свою дочь Маргрет за Хакона и придать правлению последнего дополнительную легитимность: враги Хакона из окружения Скули продолжали настаивать на незаконности захвата власти Сверриром и его потомками, включая Хакона. Согласно «Саге о Хаконе Старом», составленной Стурлой Тордарсоном, норвежские архиепископы были в целом враждебно настроены к Берестяникам и благоволили Скули, в то время как большинство лагманнов, включая влиятельного Гуннара Волосатый Зад (ум. 1232 г.), лагмана Эйрартинга в Трандхейме, были на стороне Хакона. В 1238 г. Хакон дал Скули звание герцога, но это не удержало последнего от мятежа. В 1239 г. Скули провозгласил себя конунгом, а в 1240 г. произошла решающая битва в городе Осло, нынешней столице Норвегии. Войска Скули были разбиты, он бежал, но вскоре был настигнут посланцами Хакона и убит. Хотя Стурла Тордарсон не упоминает в «Саге о Хаконе Старом» об Ароне в связи с событиями 1239—1240 гг., Арон, как ближний дружинник Хакона, должен быть находиться рядом с конунгом, который лично участвовал в битве в Осло.

[37] Стурла Тордарсон в «Саге об Исландцах» (гл. CXLIII) излагает этот эпизод так: "Но когда они уже стояли у Островка (undir Hólm) и были готовы к выходу в море, с юга от конунга явились гонцы с письмами. В них говорилось, что конунг воспрещает всем исландцам выезд в то лето. Гонцы показали это письмо Снорри, а он отвечает им: „Выйду в море"" (St. II, 363).

[38] В «Саге об Исландцах» (гл. CLI) сообщается: "Он [Гицур] велел тогда вскрыть письма, которые привезли с собой из Норвегии Эйвинд с Арни. В них говорилось, что Гицур должен заставить Снорри покинуть Исландию, хочет тот или нет, или же убить его за то, что тот покинул Норвегию вопреки запрету конунга. Конунг Хакон назвал Снорри государственным изменником (landráðamann við sik)" (St. II, 378).

[39] Вот что говорит «Сага о Торде Какали», гл. XLVIII: "В то лето [1250 г.] пришли письма конунга к Торда; его вызывали в Норвегию. В этих письмах были обвинения и упреки Торду за то, что тот больше старался завоевать страну для себя, чем для конунга, о чем ранее они столковались, беседуя наедине. Епископ Хейнрик тоже подтверждал, что Торд не выполнил всего того, что обещал конунгу" (St. III, 137).

продолжить междоусобную борьбу. В итоге к 1246 г. страна опять оказалась поделена надвое — на сей раз между Гицуром и Тордом. После чего конунг попеременно вызывал Гицура с Тордом к себе, стараясь не держать их в Исландии одновременно. Это было продуманной и верной тактикой: несмотря на всю личную вражду, исландские хёвдинги могли поладить между собой без посредничества конунга, тем более что их традиционные сферы влияния были географически четко очерчены — Торд, как и прочие Стурлунги, опирался на жителей западной Исландии, а Гицур — на жителей юга страны. Не был заинтересован конунг и в полной победе одного из конкурентов. Напротив, временное отсутствие одного из вождей было ему выгодно: хёвдинг, остававшийся в стране, старался использовать момент и расправиться со сторонниками врага, удовлетворив амбиции своей свиты. Это давало конунгу новый повод для вмешательства, переусердствовавший отзывался в Норвегию, и все повторялось заново[40]. Торд Какали учреждал свои порядки в 1247—1250 гг., после чего был отозван и до своей смерти (1256 г.) находился в Норвегии. Гицур удерживался вне Исландии с 1247 по 1252 г. после чего был послан в страну, но в 1254 г. вновь отозван в Норвегию: конунг предпочел сделать ставку на Торгильса Заячья Губа (1226—1258), который еще менее, чем Гицур и Торд Какали, стеснялся в средствах при выполнении поручений конунга[41]. Зимой 1258 г. Торгильс Заячья Губа был убит, и конунг снова обратился к услугам Гицура: летом 1258 г. тот получил звание ярла — единственный документированный случай в исландской истории[42] — и прибыл в Исландию. Конунг Хакон Хаконарсон не

[40] В 1237 г., после битвы при Бэ, конунг Хакон, ярл Скули и архиепископ Сигурд впервые направили вызов не лично кому-либо из хёвдингов, но всем годи страны сразу: формальной целью было урегулирование взаимных обид и наказание виновных в особо тяжких преступлениях. На этот призыв никто не откликнулся, но после убийства Снорри в 1241 г. исландские хёвдинги больше не рисковали ослушаться конунга

[41] Уже самые первые действия Торгильса в Исландии вызвали крайнее озлобление населения. После того как Торгильс в 1252 г. обнародовал мандат конунга, отнимавший у бондов весь Городищенский Фьорд, который переходил к Торгильсу как наместнику конунга, он был на волоске от гибели. От расправы его спас дядя, Стурла Тордарсон («Сага о Торгильсе Заячья Губа», гл. XVIII). Стурла позже сражался вместе с племянником в Битве на Поперечной реке 19 июля 1255 г. После этой битвы большая часть северной Исландии перешла к Торгильсу, что конунг официально закрепил в присланной им грамоте. В 1256 г. Торгильс вынудил часть бондов Северной Четверти дать согласие выплачивать конунгу дань, что дополнительно озлобило население. 22 января 1258 г. Торгильс был убит Торвардом сыном Торарина на хуторе Воронье Ущелье. На его теле оказалось двадцать две раны, что отражает степень ненависти к нему: значительная часть бондов сочувствовала расправе и воспринимала Торварда как законного правопреемника власти, убившего узурпатора. Торгильс был, без сомнения, одиозной фигурой: положительно его воспринимал разве что его зять и биограф Торд Хитнесинг. Стурла Тордарсон, имея в виду беспрецедентно тесное сотрудничество племянника с норвежским конунгом, заклеймил его в гл. CXC «Саги об Исландцах» как “мерзкую птицу, которая гадит в собственное гнездо”.

[42] Стурла Тордарсон отрицает в «Саге об Исландцах» тот факт, что при расставании в 1239 г. герцог Скули дал Снорри звание ярла, и ссылается на бывших свидетелями разговора своего брата Олава Белого Скальда (ум. 1259 г.), сына Снорри Орэкью (ум. 1245 г.) и Торлейва сына Торда (ум. 1257 г.). В то же время норвежский лендрманн Арнфинн сын Тьова утверждал, что Снорри получил от герцога звание ярла, и приближенный Снорри, ученый аббат Стюрмир сын Кари (ум. 1245 г.), как сообщает Стурла Тордарсон, сделал под 1241 г. запись “кончина

вполне доверял Гицуру и обоснованно считал его, как и прочих исландских хёвдингов, двурушником, стремящимся укрепить личную власть. В 1255 г. конунг Хакон впервые послал в Исландию норвежского эмиссара, Ивара сына Энгли[43], который должен был добиться от бондов присяги на верность конунгу. Этот процесс затянулся на несколько лет, но исход борьбы был предрешен, так как ни личностей, ни общественных слоев, способных оказать норвежцам организованное сопротивление, не было[44]. Правда, в 1260 г. альтинг отказался платить конунгу дань, и посланцы Хакона, Паль Льняная Нить (Páll Línseyma) и тот же Ивар сын Энгли, были вынуждены вернуться в Норвегию ни с чем. Но уже в следующем, 1261 г. прибыл новый эмиссар, Халльвард Золотой Башмак (Hallvarðr Gullskór), который при активной поддержке главного врага Гицура, Хравна сына Одда (ум. 1289 г.), стремившегося обезопасить себя и выслужиться перед конунгом, сумел обеспечить нужное волеизъявление исландцев. В 1262 г. сперва на Тинге Мыса Цапель, затем на альтинге, Тинге Кривой Реки и в Городищенском Фьорде жители северной, южной и западной Исландии присягнули на верность конунгу Норвегии и обязались выплачивать ему “дань во веки веков” (ævinligr skattr) и подчиняться “исправленному законодательству” (réttarbót), которое конунг милостиво жаловал новым подданным[45]. Один из списков «Саги о Стурлунгах» рассказывает, как Халльвард пресек попытку Гицура настроить народ против конунга и выступил в роли защитника бондов, разъяснив им, что конунг вовсе не ждет от них больших денег, а просто хочет, чтобы они “покорились его воле и платили посильную дань” (…vildi hafa hlýðni af bóndum ok slíkan skatt af landi, sem þeim yrði sízt afarkostr at gjalda)[46]. Характерно также, что Халльвард отменил ряд назначений, сделанных Гицуром, и передал Хравну от имени конунга наместничество в Городищенском Фьорде, ранее обещанное Стурле Тордарсону[47]. 16 декабря 1263 г. умер конунг Хакон Хаконарсон, а в 1268 г. умер Гицур, но это уже не имело решающего значения для судеб Исландии. Худой мир, предложенный норвежским конунгом — “покорность в обмен на стабильность” —

Снорри, тайного ярла”. Скорее всего, Скули действительно дал Снорри звание ярла, но родственники Снорри умышленно замолчали этот факт из соображений безопасности. Звание ярла, полученное от мятежного герцога Скули, служило лишним основанием для оправдания убийства Снорри и препятствием для получения его наследства. Ср. «Сага об Исландцах», гл. CLVII (St. II, 406—407).

[43] То же лицо в некоторых текстах названо Иваром сыном Арнльот. Ивар входил в ближайшее окружение конунга Хакона Старого и носил титул “предводителя дружины” (hirðstjóri).

[44] О том, что могло произойти с исландцами, оказывавшими конунгу и его представителям сопротивление, свидетельствует судьба Харальда сына Сэмунда и его братьев, контролировавших юг Исландии. Все сыновья Сэмунда, по словам Стурлы Тордарсона, были “крепкие бонды”, но никто из них не был в числе первых хёвдингов страны. Тем не менее, действуя сообща, они составляли серьезную оппозицию как для пришлых хёвдингов, таких как Торд Какали или Гицур сын Торвальда, так и для конунга Хакона. В связи с этим конунг отдал Торду Какали приказ выдворить из страны Харальда с Филиппусом, которых он считал своими врагами: Торд выполнил этот приказ в 1249 г. при поддержке Арона. Позже, в 1260-е гг., сыновья Андреаса сына Сэмунда устроили заговор против Гицура и покушались на его жизнь. В ответ Гицур захватил и убил в 1264 г. главного заговорщика, Торда сына Андреаса.

[45] St. III, 389.

[46] Там же.

[47] St. II, 502.

был для многих лучше “добрых ссор” эпохи Стурлунгов. Впрочем, альтернативы уже не было, и политические симпатии исландцев того времени легче понять не по их поступкам, а по текстам, которые они оставили.

Чем более одиозной фигурой становился союзник норвежцев на родине, тем больше он нуждался в поддержке легитимной власти — конунга и церкви. В 1238 г., на следующий год после смерти епископа Гудмунда, в обе исландские епархии были впервые назначены норвежцы: они регулярно ездили в метрополию и докладывали конунгу, насколько точно его лендрманны и дружинники выполняли его указания. Повод для вмешательства давали и конфликты епископов с хёвдингами, и здесь необычайно бурные распри епископа Гудмунда и бесчинства его свиты были для норвежского конунга и архиепископа весьма кстати. Правда, сам Гудмунд тоже пострадал: из-за противодействия паствы он не мог исполнять свои обязанности и был в конце концов отстранен от должности в 1232 г. Пострадал и второй епископ, Магнус сын Гицура, который был отрешен от должности еще ранее, в 1226 г., но уже за отсутствие солидарности с Гудмундом и потворство его гонителям: в распрях начала XIII в. епископ Магнус действовал целиком в интересах своей семьи — он был братом хёвдинга Торвальда сына Гицура, отца будущего ярла Гицура. Один из выводов, который в данной ситуации вправе сделать историк, заключается в том, что привычный для средневековой Исландии тип епископа, о д н о в р е м е н н о выступавшего в роли светского хёвдинга и отстаивавшего интересы своей семьи в ущерб другим, представлял для общества меньшую опасность, нежели воинствующий последователь св. Фомы Бекета, стремящийся контролировать светскую власть — идеал, которому следовал епископ Гудмунд[48]. Попытка осуществить этот идеал на практике привела не только к личной драме епископа, но и к тяжким последствиям для всей страны[49].

---

[48] О Гудмунде как последователе и проводнике культа св. Фомы в Исландии см. работы: *Würt S.* Op. cit. S. 885; *Whaley D.* Miracles in the Biskupa sǫgur: Icelandic variations of an international theme // The Ninth International Saga Conference. P. 848. Самый ранний текст, где говорится о том, что епископ Гудмунд подражает св. Фоме Бекету, приписывается врагу Гудмунда, хёвдингу Кольбейну сыну Туми (ум. 1209 г.).

[49] Епископ Гудмунд был насильно выдворен из страны Сигхватом и Стурлой после битвы на Гримовом Острове в 1222 г. и провел в Норвегии четыре последующих года: зиму 1222 / 1223 гг. он провел в Бергене, а три последующих (1223 / 1226 гг.) — в Трандхейме (г. Нидарос), где была резиденция архиепископа. За данные три года в Норвегии сменилось трое архиепископов: архиепископ Гутторм (1215—1224) умер в начале 1224 г., его преемник Петр был поставлен и прибыл в Нидарос в 1225 г., но умер уже в октябре 1226 г., а следующий архиепископ, Торир II (1227—1230), прибыл в Нидарос только в 1228 г., когда епископ Гудмунд уже отбыл в Исландию. В положении, в котором находился Гудмунд, он должен был доложить церковному начальству о том, что его преследуют и мешают исполнять свои прямые обязанности, и назвать имена гонителей. Плодом жалоб Гудмунда стали отрешение епископа Магнуса от должности в 1226 г. (за пособничество походу на Гримов Остров) и вызов его к архиепископу Петру, и предписание Торвальду сыну Гицура, Сигхвату сыну Стурлы и Стурле сыну Сигхвата явиться в Норвегию и предстать перед конунгом для объяснений и оправданий. Повторный вызов Магнусу, Сигхвату и Стурле сыну Сигхвата был направлен в 1228 г., уже архиепископом Ториром. Магнус и его племянник Гицур сын Торвальда выехали в 1228 г. и вернулись в 1232 г. с грамотами, отрешающими епископа Гудмунда от должности. Третий вызов Торвальду сыну Гицура, Сигхвату и Стурле последовал в 1232 г.: из них выезжал только Стурла сын Сигхвата.

Для оценки достоверности «Саги об Ароне» как исторического памятника, важно установить правильную хронологию. Проблему здесь представляют последние главы саги, сообщающие о том, сколько раз Арон приезжал в Исландию и сколько времени он провел там. Нельзя сказать, что версия «Саги об Ароне» полностью согласуется с показаниями саг, записанных современниками. Свое первое путешествие домой Арон, согласно «Саге об Ароне», проделал в 1242 г. под покровительством Торда Какали, которому конунг Хакон поручил добиться гражданской реабилитации Арона. По саге, это произошло в то же лето, после чего Арон отбыл обратно в Норвегию. Второе путешествие Арона в Исландию, согласно «Саге об Ароне», пришлось на 1247 г., он проделал его вместе с Тордом и свежеиспеченным епископом Хейнреком (гл. XXII). Как рассказывает далее «Сага об Ароне», Арон собрался уезжать тем же летом на корабле Эйстейна Белого, но потерпел кораблекрушение при выходе в море, спасся и остался зимовать у епископа Хейнрека на Пригорках. Это сообщение выглядит в целом правдоподобно. Но утверждение «Саги об Ароне» о том, что в следующем (1248) году Арон примирился с сыновьями Сигмунда Крючка, явно противоречит рассказу автора «Саги о Торгильсе Заячья Губа» Торда Хитнесинга о том, что Торгильс Заячья Губа провел последнюю зиму в Норвегии перед своим отъездом в Исландию (лето 1252 г.) именно у Эйстейна Белого в Трандхейме[50]. Крушение Эйстейна Белого стоит в анналах под 1253 г. и есть все основания думать, что ошибся не Торд, лично знавший Арона и Эйстейна, а рассказчик «Саги об Ароне». Стурла Тордарсон в гл. CLXVIII «Саги об Исландцах» сообщает, что Эйстейн Белый провел зиму 1252 / 1253 гг. с епископом Хейнреком, а конце следующего лета (1253 г.) корабль Эйстейна потерпел крушение, причем погибло более пятидесяти человек, а девять или десять, включая Арона, спаслось[51]. Торд Хитнесинг в гл. XXIII «Саги о Торгильсе Заячья Губа» упоминает о встрече с Эйстейном на сходке в Городищенском Фьорде летом 1253 г.: в этой сходке принимали участие Стурла Тордарсон и епископ Хейнрек. Торд в своей саге упоминает также о размолвке между Ароном и Торгильсом, произошедшей непосредственно перед этим в Нагорном Фьорде в 1253 г. (гл. XXII). Далее Торд сообщает, что в этот свой приезд Арон приплыл в Исландию на одном корабле с Гицуром сыном Торвальда и Эрлингом Крючком, сыном Сигмунда Крючка (гл. XXXII)[52]. Гицур тоже прибыл в страну в 1252 г., но на другом корабле. Тем самым восстанавливается правильная хронология событий этой части «Саги об Ароне»: окончательное примирение Арона с сыновьями Сигмунда Крючка произошло в 1253 г.[53], Эйстейн Белый потерпел крушение осенью 1253 г. и погиб[54], зиму 1253 / 1254 г. Арон провел с епископом Хейнреком, а летом 1254 г. отбыл обратно в Норвегию. Далее в «Саге об

---

[50] «Сага о Торгильсе Заячья Губа», гл. VIII (St. III, 188).

[51] St. II, 424.

[52] “Árón Hjǫrleifsson hafði komit út með Gizuri ok Erlingr snagi. Hafði Hákon konungr sætt þá um víg Sigmundar fǫður Erlings” (St. III, 259).

[53] Это доказывается именами гарантов мировой, приводимыми в «Саге об Ароне», гл. XXII: “Следующим летом Арон помирился с сыновьями Сигмунда Крючка. Решение по мировой вынесли епископ Хейнрек и аббат Бранд; позже поручителями со стороны Арона выступили также Гицур с Торгильсом Заячья Губа”. Торгильс прибыл в Исландию в 1252 г., а Гицур отбыл из Исландии в 1254 г.

[54] Об этом прямо говорится в «Саге об Исландцах», гл. CLXIX (St II, 425).

Ароне» говорится о болезни и смерти Арона в Бергене. Это случилось в 1255 г., тем самым слова саги о том, что Арон “не успел провести в Норвегии много времени, как тяжело заболел”, являются точными[55].

Примечательно, что Стурла Тордарсон в «Саге об Исландцах» все эти детали опускает и упоминает о приезде Арона в Исландию и его контактах с хёвдингами только в одной ситуации, имевшей значение для баланса сил в стране: Арон уговорил Харальда сына Сэмунда и его братьев сдаться на милость Торду Какали и уехать из страны («Сага об Исландцах», гл. CLX[56]). Это событие, открывшее конунгу путь к власти в южной Исландии, случилось в 1249 г. Тем самым, мы имеем, с одной стороны, п р я м ы е д о к а з а т е л ь с т в а пребывания Арона в стране в 1249 и 1252—1254 гг., с другой — у т в е р ж д е н и я «Саги об Ароне» о том, что он провел в Исландии лето 1242 г., когда выезжал вместе с Тордом Какали, и 1247—1248 гг., когда он выезжал вместе с епископом Хейнреком. Поскольку Арон был дружинником Хакона и не имел в Исландии ни хутора, ни социального статуса, правомерно предположить, что он обычно получал от конунга отпуск не более чем на один сезон и был сам заинтересован в скорейшем возвращении. Исключением является период 1247—1249 гг., когда Арон сперва из-за кораблекрушения, а затем по иным причинам, задержался в стране. Мы знаем также, что в 1252 г. он вновь приезжал в страну, стало быть, в 1249 г. он, скорее всего, вернулся в Норвегию.

Сравнительно редкие упоминания Арона при описании событий 1242—1254 гг. подтверждают, что он не принимал активного участия в распрях (не считая эпизода с сыновьями Сэмунда, где он выступал как посредник или выполнял прямое поручение конунга Хакона вывезти его врагов в Норвегию). Можно считать установленным, что он приезжал в Исландию не более четырех раз. Утверждения саги о том, что кораблекрушение случилось в 1247 г., ошибочно. Несмотря на эту ошибку, не исключено, что Арон действительно приезжал в Исландию летом 1247 г. вместе с епископом Хейнреком и провел зиму 1247 / 1248 гг. у последнего: память о странствиях виднейших исландцев должна была сохраняться именно в тех кругах, где вращался Арон. Осенью 1248 г., согласно «Саге о Торгильсе Заячья Губа», Арон был уже в Бергене, где его гостем был юный Торгильс Заячья Губа, недавно прибывший в город. Следующие слова Торда Хитнесинга в «Саге о Торгильсе Заячья Губа» о ежедневной среде общения Арона в Бергене представляются ключевыми:

“Средств у Арона было не так много, но своим друзьям он ни в чем не отказывал. Он пригласил к себе Торгильса потому, что у него был собственный двор — и т о т в с е г д а б ы л з а п о л н е н и с л а н д ц а м и”[57].

Иными словами, Арон был в Бергене главой исландского землячества — едва ли у кого-либо еще из его соплеменников был свой двор в Бергене — и посредником между конунгом Хаконом и исландской общиной. Очевидно, конунг был заинтересован в поддержании этого канала и в налаживании отношений между Ароном и его

[55] “На следующее лето Арон выехал из страны, и поездка прошла удачно. Корабль прибыл прямо в Берген, и Арон тотчас отправился на встречу с конунгом Хаконом. А тот, как обычно, отлично его принял. Арон не успел пробыть в Норвегии долгое время, как тяжело заболел”.

[56] St. II, 412.

[57] St. III, 181.

бывшими врагами. В этом качестве Арон мог быть полезен ему и в Исландии. Поэтому помощь Арону со стороны конунга (ср. гл. XVI и гл. XXI) и наказ Торду Какали добиться амнистии для Арона были продиктованы не только альтруизмом, но и политической выгодой: конунг Хакон целеустремленно стравливал исландских хёвдингов и, манипулируя их амбициями, вел дело к полному подчинению Исландии. Среди тех, кто оказал посильную помощь норвежскому конунгу, были и бергенские постояльцы Арона — пьяница Торд Какали и исполнительный юноша Торгильс Заячья Губа. Что, конечно, не отменяет того факта, что их хозяин был “хороший парень” (góðr drengr), как написал о нем Торд Хитнесинг[58], и “один из лучший мечей среди норвежских подданных”, как, если верить рассказчику «Саги об Ароне сыне Хьёрлейва», выразился на его похоронах в 1255 г. сам конунг Хакон.

Действительно ли, однако, конунг Хакон счел 1242 г. подходящим моментом для первой поездки своего преданного дружинника Арона в страну, где тот по-прежнему был вне закона? На этот вопрос могла бы ответить «Сага о Торде Какали», которая была записана непосредственно перед «Сагой о Торгильсе Заячья Губа» в период между 1271 г. и 1276 г. Но рассказчик «Саги о Торде Какали», как ни странно, вообще не упоминает Арона. Отчасти это объясняется тем, что данная сага дошла до нас в урезанном виде: составитель «Саги о Стурлунгах» выбросил начало и конец саги о Торде, оставив среднюю часть, где говорилось о распрях Торда в Исландии в период 1242—1247 гг.[59] Но «Сага о Торде Какали», в любом случае, должна была упомянуть о приезде Арона, если тот действительно прибыл на одном корабле с Тордом, поскольку как раз об обстоятельствах приезда Торда рассказано очень подробно. Торду, который крайне неудачно для себя пристал на севере страны в Островном Фьорде во владениях своего врага Кольбейна Младшего, пришлось спешно бежать от расправы с двумя спутниками — Снорри сыном Торальва, проделавшим вместе с ним путь из Норвегии, и Хамундом сыном Торстейна[60]. Это почти исключает возможность приезда Арона в 1242 г.: Арон, которого обвиняли не только в поддержке епископа Гудмунда, но и в убийстве Туми сына Сигхвата, брата Стурлы сына Сигхвата и Торда Какали (см. «Сагу об Ароне», гл. V, с. 250), нуждался именно в присутствии Торда Какали, который был гарантом его безопасности в Исландии. Между тем к моменту приезда Торд сам нуждался в защите. Более того, в следующем (1243) году Торда на альтинге объявили вне закона: в обстановке междоусобной войны это не имело решающего значения, но освобождало врагов от излишней щепетильности по отношению к семье и имуществу осужденного. Лишь к 1245 г. положение Торда стало прочным, а 1246 г., после победы в битве при Хаугснесе (19 апреля 1246 г.), ему удалось подчинить себе весь север Исландии, после чего Торд и Гицур сын Торвальда, контролировавший юг Исландии, были вызваны к конунгу Хакону и выехали в Норвегию. Первым из них мандат на отплытие получил Торд, который вернулся в 1247 г. и оставался до 1250 г. Как было отмечено, в этот период он действительно пересекался с Ароном в Исландии.

---

[58] “Арон был дружинник конунга Хакона и был мил конунгу. Был он, кроме того, хороший парень” (St. III, 180—181).

[59] Последние три главы из доступной нам части саги, как считается, были дописаны или переписаны позднее (*Guðni Jónsson*. Formáli // St. I, IX).

[60] St. III, 7. То же самое сообщает Стурла Тордарсон (St. II, 7).

С учетом приведенных фактов, исправленная хронология последних лет жизни Арона выглядит так:

Торд Какали получает от конунга Хакона разрешение вернуться в Исландию. Арон остается в Норвегии	1242 г.
Арон приезжает в Исландию на одном корабле с Тордом и епископом Хейнреком. Он остается на зиму (?)	1247 г.
Арон находится в Бергене	1248 г.
Арон находится в Исландии. По поручению Торда он убеждает Харальда сына Сэмунда и его братьев выехать в Норвегию к конунгу Хакону	1249 г.
Арон вновь приезжает в Исландию. В этот раз он плывет на одном корабле с Гицуром и Эрлингом Крючком	1252 г.
Арон гостит на Пригорках у епископа Хейнрека вместе с Эйстейном Белым	Зима 1252 / 1253 гг.
Примирение Арона с Эрлингом Крючком	лето 1253 г.
Ссора Арона с Торгильсом Заячья Губа	лето 1253 г.
Кораблекрушение и гибель Эйстейна Белого. Арон спасается	осень 1253 г.
Арон остается на зиму у епископа Хейнрека	зима 1253 / 1254 гг.
Арон отплывает в Норвегию	лето 1254 г.
Арон умирает в Бергене от болезни. На его похоронах присутствует конунг Хакон	1255 г.

Основные вехи всей «Саги об Ароне» выстраиваются так:

Родился Стурла сын Сигхвата	1199 г.
Родился Арон сын Хьёрлейва	ок. 1200 г.
Стурла и Арон на воспитании у Торлака сына Кетиля в Долине Реки Хит	ок. 1210—1214 гг.
Стурла и Арон покидают Кетиля	1214 г.
Арон переезжает к Эйольву сыну Кара на Плоский Остров в Широком Фьорде	ок. 1218 г.
Арон участвует в походе под началом Эйольва сына Кара	лето 1221 г.
Туми сын Сигхвата прогоняет епископа Гудмунда и занимает усадьбу на Пригорках	осень 1221 г.
Епископ Гудмунд, Эйольв и Арон зимуют на Рудном Острове	зима 1221 / 1222 г.
Налет Эйольва и Арона на Пригорки. Убийство Туми сына Сигхвата	4 февраля 1222 г.
Епископ Гудмунд, Эйольв и Арон перебираются на Гримов Остров к бонду Гнупу	весна 1222 г.
Битва на Гримовом Острове. Гибель Эйольва	весна 1222 г.
Арон находится у Орма на хуторе Свиная Гора	начало лета 1222 г.
Арона объявляют вне закона на альтинге	лето 1222 г.
Арон скрывается в Западных Фьордах под защитой сыновей Хравна	1222—1223 гг.

Сыновья Хравна отсылают Арона во Фьорд Гейртьова. Арон убивает Рёгнвальда сына Кара	1223 г.
Арон зимует в Западных Фьордах у Хельги сына Свейна на Замковых Скалах	зима 1223 / 1224 гг.
Арон и Хавторир прячутся у бонда Вигфуса на Сокольей Скале. Гибель Хавторира, бегство Арона	1224 г.
Арон убивает Сигмунда Крючка	зима 1224 / 1225 г.
Арон перебирается на юг Исландии к Харальду сыну Сэмунда	весна 1225 г.
Арон приезжает в Трандхейм и встречает епископа Гудмунда и своего отца Хьёрлейва	лето 1225 г.
Арон становится дружинником ярла Скули	зима 1225 / 1226 гг.
Епископ Гудмунд и Хьёрлейв отплывают из Норвегии. Епископ благополучно добирается до Исландии. Хьёрлейв по пути умирает	1226 г.
Арон самовольно отправляется в паломничество в Иерусалим	лето 1227 г.
Конунг Хакон делает Арона своим дружинником	лето 1228 г.
Встреча Стурлы с Ароном в Бергене	лето 1233 г.
Приезд Торда Какали в Норвегию	лето 1237 г.
Битва при Эрлюгсстадире, гибель Стурлы и Сигхвата	21 августа 1238 г.
Вести о битве при Эрлюгсстадире доходят до Бергена. Арон приглашает Торда к себе	осень 1238 г.
Битва при Осло между конунгом Хаконом и герцогом Скули. Гибель Скули, окончательная победа конунга Хакона в гражданской войне	1240 г.
Торд Какали получает от конунга Хакона разрешение вернуться в Исландию. Арон остается в Норвегии	1242 г.
Торда Какали объявляют вне закона на альтинге в Исландии	1243 г.
Битва при Хаугснесе. Торд подчиняет себе весь север Исландии. Его вызывают обратно в Норвегию	19 апреля 1246 г.
В Норвегию прибывает папский легат кардинал Вильгельм. Коронация конунга Хакона	1247 г.
Арон приезжает в Исландию на одном корабле с Тордом и епископом Хейнреком. Он остается на зиму (?)	1247 г.
Смерть кардинала Вильгельма	1248 г.
Арон находится в Бергене. Он приглашает к себе Торгильса Заячья Губа. Пожар в Бергене	Осень 1248 г.
Арон находится в Исландии. По поручению Торда он уговаривает Харальда сына Сэмунда и его братьев выехать в Норвегию к конунгу Хакону	1249 г.
Конунг Хакон вызывает Торда к себе и удерживает его в Норвегии	1250 г.
Арон вновь приезжает в Исландию. В этот раз он плывет вместе с Гицуром и Эрлингом Крючком	1252 г.
Арон гостит на Пригорках у епископа Хейнрека вместе с Эйстейном Белым	зима 1252 / 1253 гг.

Примирение Арона с Эрлингом Крючком	лето 1253 г.
Ссора Арона с Торгильсом Заячья Губа в Нагорном Фьорде	лето 1253 г.
Кораблекрушение и гибель Эйстейна Белого. Арон спасается	осень 1253 г.
Арон остается на зиму у епископа Хейнрека	зима 1253 / 1254 гг.
Арон отплывает в Норвегию	лето 1254 г.
Арон умирает в Бергене от болезни. На его похоронах присутствует конунг Хакон	1255 г.

Точное время записи «Саги об Ароне» установлено быть не может, а методы относительной хронологии, как было показано в начале статьи, свидетельствуют о том, что данная сага была записана в начале XIV в., незадолго до «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари», и о том, что рассказчик «Саги об Ароне» и рассказчик «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари» — разные лица. В настоящее время нет оснований пересматривать принятую датировку «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари» периодом с 1330 по 1350 г. Таким образом, самое вероятное время записи «Саги об Ароне» — 1300—1330 гг.

Отсутствие критического издания «Саги об Ароне» наложило на переводчика и редактора дополнительную ответственность и потребовало написания подробного аппарата, где обосновается хронология событий саги, идентифицируются действующие лица и уточняются упоминаемые реалии. Соответствующие сведения, без которых анализ «Саги об Ароне» как исторического памятника невозможен, читатель может найти в постраничных примечаниях.

Саги о епископе Гудмунде сыне Ари переводились на английский и немецкий языки. «Сага об Ароне» переводилась на английский язык (в полном объеме) и латинский язык (частично). На русский язык сага переводится впервые. Перевод сделан по изданию: Sturlunga saga / Guðni Jónsson bjó til prentunar. Reykjavík, 1981. Bd. III — и сверен с изданиями: Guðmundar Sǫgur Biskups. Bd. I: Ævi Guðmundar Biskups. Guðmundar Saga A / Stefán Karlsson bjó til prentunar // Editiones Arnamagnæanæ. Ser. B. Kaupmannahǫfn, 1983. Vol. 6; Sturlunga saga / Jón Jóhannesson, Magnús Finnbogason og Kristján Eldjárn sáu um útgafuna. Bd. I—II. Reykjavík, 1946; Sturlunga saga / Utg. af Kristian Kålund. Bd. I—II. København, 1906—1911.

Примечания

[1] Саги различных жанров часто начинаются с отсылок к внеисландским событиям. Конунг Сверрир умер в 1202 г. К этому времени Арону было около двух лет.

[2] То, что рассказчик изначально называет Сверрира сыном конунга Сигурда сына Харальда и вдобавок объявляет эту генеалогию “общеизвестной”, характеризует среду и время записи саги. Потомки Сверрира продолжали править Норвегией вплоть до начала XIV в.

[3] Паль сын Йона сына Лофта (ум. 1211 г.), седьмой по счету епископ Палатного Холма, был поставлен в 1195 г. Непосредственным предшественником Паля был его дядя по матери, св. Торлак сын Торхалля (1133—1193), канонизированный в 1198 г. при поддержке Паля.

[4] Палатный Холм — резиденция епископов Южной Исландии. Епархия была учреждена в 1056 г. и первоначально распространялась на всю Исландию, пока в 1106 г. на севере страны не была учреждена вторая епархия с резиденцией в Пригорках.

[5] Епископ Гудмунд сын Ари прибыл в свою епархию в 1203 г.

[6] Усадьба Пригорки расположена в Нагорном Фьорде на севере Исландии. Гудмунд был пятым по счету епископом в своей епархии, учрежденной в 1106 г. Первым епископом был св. Йон сын Эгмунда (1052—1121), канонизированный в 1200 г. при деятельном участии Гудмунда. Преемниками св. Йона были Кетиль сын Торстейна (1122—1145), Бьёрн сын Гильса (1147—1162) и Бьёрн сын Сэмунда (1163—1201).

[7] Рассказчик саги приводит имена исландских хёвдингов двух поколений, не соблюдая хронологического порядка. Это говорит не столько о некомпетентности, сколько о небрежности.

[8] Йон сын Лофта, сына Сэмунда Мудрого (1124—1197), глава рода Людей из Одди (Oddaverjar), был самым могущественным хёвдингом своего времени. Йон был отцом епископа Паля, упомянутого ранее, и Сэмунда, упоминаемого ниже.

[9] Сэмунд сын Йона, сына Лофта умер в 1222 г. К концу его жизни власть на западе и юго-западе Исландии перешла от Людей из Одди к семейству Стурлунгов.

[10] Дьякон Гицур сын Халля (ум. 1206 г.), глава рода Людей из Ястребиной Долины (Haukdœlir), был законоговорителем в 1181—1200 гг. Представители этого южноисландского рода традиционно носили духовные звания. Многие из них избирались епископами Палатного Холма. Первым исландским епископом был Ислейв сын Гицура Белого (1056—1080), которого сменил его сын Гицур (1082—1118). Имя “Гицур” повторялось в роду в память о Гицуре Белом сыне Тейта, одном из из инициаторов законодательного принятия христианства в Исландии.

[11] Священник Торвальд сын Гицура (ум. 1235 г.), отец ярла Гицура, был одним из самых выдающихся хёвдингов своего времени. О нем много рассказывается в «Саге об Исландцах» и других текстах XIII в. Торвальд был одним из главных гонителей епископа Гудмунда. Он умер аббатом монастыря Лесистого Острова, который сам же основал в 1227 г.

[12] Магнус сын Гицура (ум. 1237 г.), младший брат Торвальда сына Гицура, был поставлен епископом Палатного Холма в 1215 г., но в 1226 г. отрешен от должности за пособничество гонителям епископа Гудмунда. Рассказчик саги не назвал здесь третьего сына Гицура, аббата Халля сына Гицура (ум. 1230 г.), законоговорителя с 1201 г. по 1209 г., хотя у него был повод упомянуть Халля в связи с поездкой Стурлы сына Сигхвата к Халлю в 1224 г.

[13] Снорри сын Стурлы (1179—1241) назван здесь первым среди сыновей Стурлы, несмотря на то, что он был из них самым младшим. Трудно сказать, что послужило здесь основным мотивом для рассказчика — репутация Снорри как сагописца и скальда или лояльность Снорри по отношению к епископу Гудмунду. Сферой влияния Снорри был Городищенский Фьорд.

[14] Дьякон Торд сын Стурлы (1170—1237), старший из сыновей Стурлы, контролировал годорды запада Исландии на полуострове Мыс Снежной Горы. Торд и его

старший сын Бёдвар избегали участия в крупных распрях и были дружественно настроены к епископу Гудмунду.

[15] Сигхват сын Стурлы (1165—1238) был наиболее влиятельным и агрессивным из сыновей Стурлы. Благодаря политическим комбинациям Сигхват мог контролировать часть годордов на севере страны в Островном Фьорде, где он жил с 1215 г. и часть годордов на западе страны в Долинах, где проживал его второй сын Стурла.

[16] Родословная Хьёрлейва сына Гильса ни в одном из текстов не приводится полностью. Он не был ни годи, ни зажиточным бондом. Судя по тому, что далее рассказчик перечисляет лишь предков Хьёрлейва по материнской линии, мать Хьёрлейва была знатнее, чем его отец Гильс.

[17] Сигрид, мать Арона, принадлежала к знатному западноисландскому роду Людей Тюленьей Долины (Selárdœlir), глава которого, Хравн сын Свейнбьёрна (ум. 1213 г.), был первым хёвдингом на Западных Фьордах.

[18] Фраза о том, что родители Арона “были достаточно родовиты” является отступлением от обычного сагового канона. Возможно, мы сталкиваемся с попыткой рассказчика приспособиться к вкусам читателей мало знакомых с манерой родовых саг и нетвердо ориентировавшихся в генеалогиях.

[19] Ни один из источников не называет точной даты рождения Арона. Сага в гл. II говорит далее, что Арон и товарищ его детства Стурла сын Сигхвата (1199—1238) были почти одногодки, стало быть, Арон родился около 1200 г. Вероятно, он был чуть моложе Стурлы. Правда, слова Торарина в гл. X о том, что в год битвы на Гримовом Острове (1222 г.) Арон был “еще ребенком” нельзя следует воспринимать буквально: реальный Торарин сын Йона был вряд ли старше Арона. Более важно свидетельство саги о том, что епископ и Эйольв сын Кара опекали Арона как сына. Кроме того, мы знаем, что брат Арона Олав умер в 1302 г., а их отец Хьёрлейв умер в 1226 г., причем в 1225 г. Хьёрлейв уже покинул Исландию. Тем самым, разница в возрасте между Олавом и Ароном едва ли могла превышать двадцать лет.

[20] Офейг сын Хьёрлейва в других источниках не упоминается.

[21] О Барде сыне Хьёрлейва рассказывается также в «Саге о Торде Какали». В 1240-е гг. он проживал на Западных Фьордах, вероятно, в их северной части. Бард сражался в морской битве в заливе Хунафлоуи 25 июня 1245 г. на стороне Торда Какали.

[22] Хотя сага не говорит об этом прямо, из текста следует, что Олав сын Хьёрлейва не был сыном Сигрид, жены Хьёрлейва, и родился после того, как Хьёрлейв и Сигрид разошлись. В 1263 г. Олав сын Хьёрлейва был одним из посредников в распре между Стурлой Тордарсоном и Хравном сыном Одда, о чем сообщает «Прядь о Стурле».

[23] Олав сын Хьёрлейва стал аббатом монастыря на Святой Горе уже после смерти Арона и оставался им 42 года (1258—1302). Монастырь был переведен на гору Хельгафедль в 1184 г.; в период 1172—1184 гг. он размещался на Плоском Острове в Широком Фьорде, где позже проживал Эйольв сын Кара.

[24] Хутор Заводь Бьёрна на полуострове Мыс Снежной Горы — вотчина древнего рода Кьяллеклингов, потомков первопоселенца Бьёрна с Востока (см. «Сагу о Людях с Песчаного Берега», с. 26). Хьёрлейв унаследовал этот хутор от родичей по матери.

[25] Хутор Большой Холм расположен на южной оконечности полуострова Снайфедльснес, неподалеку от Стремнинного Фьорда. Съехав с Заводи Бьёрна, Хьёрлейв приобрел хутор в другой округе и дальше от моря.

[26] Фразу о том, что Хьёрлейв "первое время не нуждался в деньгах" следует воспринимать не как свидетельство зажиточности героя, а как предвосхищающее указание на то, что вскоре Хьёрлейв промотал все свое состояние.

[27] Халльдор сын Бранда и Ингвильд, мать Хьёрлейва, по другим источникам неизвестны, но, в любом случае, в приводимой генеалогии пропущено минимум одно звено.

[28] Легендарная щедрость богатого купца Бранда сменяется в XIII в. мотовством и непрактичностью его потомков Хьёрлейва и Арона. Трудно сказать, вызывал ли эту аллюзию рассказчик «Саги об Ароне» умышленно.

[29] Родословная Сигрид, матери Арона, известна в деталях. В роду повторялись имена "Бард", "Арон", и "Сигрид". Арон сын Барда Черного, прадед Арона сына Хьёрлейва, умер в 1193 г., а его сын Хавторир (или Хавтор) погиб ранее, в 1186 г.

[30] Все ниже перечисленные были единоутробными братьями Хьёрлейва; их отца звали Йорунд. Рассказчик не упомянул об этом во вводной главе по небрежности.

[31] Священник Сёльви сын Йорунда жил на хуторе Южный Красный Песчаник восточнее Большого Холма, второго хутора Хьёрлейва.

[32] Торд сын Йорунда жил в Долине Реки Хит юго-восточнее Большого Холма. Он упомянут в генеалогиях, включенных в «Сагу о Стурлунгах»

[33] Хельги сын Йорунда упоминается только в «Саге об Ароне».

[34] Годи Торлак сын Кетиля был заметной фигурой в Исландии. В генеалогиях из «Саги о Стурлунгах» то же лицо названо Торлейком. Торлак происходил из знатного североисландского рода и первоначально жил на своей вотчине, хуторе Почва в Островном Фьорде (впоследствии этот хутор занял в 1215 г. Сигхват сын Стурлы), но в 1199 г. был вынужден покинуть округу после нападения на местного хёвдинга Гудмунда Драгоценного и переселиться в Долину Реки Хит, где он принял годорд своего деда по матери, Торлейва Гневливого. Еще позже, в 1222 г., Торлак сын Кетиля проживал в той же округе на хуторе Двор Кольбейна. Сын Торлака, священник Кетиль (ум. 1273 г.), был законоговорителем в 1258–1262 гг.

[35] О незаурядных качествах Гудлауг дочери Эйольва, жены Торлака, ничего не известно, помимо того, что она происходила из знатного рода (она была праправнучка хёвдинга начала XI в. Гудмунда Могучего). Далее в гл. XI рассказчик говорит о Гудлауг, что "она никогда не умела держать язык за зубами", что не является положительной характеристикой.

[36] Утверждение саги о близком родстве Торлака с Сигрид, матерью Арона, преувеличено: они были троюродными братом и сестрой. Существенно, что Сигрид обращается к Торлаку за помощью не только как к родственнику, но и как жена бонда к местному хёвдингу.

[37] Говоря о том, что Сигрид оставила хутор на Большом Холме, рассказчик забывает упомянуть о разрыве между ней и мужем и отъезде Хьёрлейва в другое место. Возможно, мы имеем дело с порчей текста.

[38] По тексту трудно установить, когда Арон переехал к Торлаку. Если доверять словам саги о том, что к моменту переезда “Арон был уже достаточно взрослым”, то это не могло случиться ранее 1210 г.

[39] Местный хёвдинг должен был заботиться об иждивенцах в своей округе, но не был обязан содержать их у себя дома.

[40] У Сигхвата и его жены Халльберы дочери Туми было двое сыновей по имени Туми. В саге упоминается только его первенец, Туми Старший (1198—1222). Младший из всех сыновей Сигхвата, Туми Второй, был убит в 1244 г. по приказу Кольбейна Младшего.

[41] Стурла, второй сын Сигхвата, еще при жизни старшего брата вышел на первые роли в семье, а в 1230-е гг. стал безусловным лидером клана Стурлунгов. Стурла погиб в битве при при Эрлюгсстадире 21 августа 1238 г.

[42] У Сигхвата было двое сыновей по имени Торд. Упоминаемый здесь Торд сын Сигхвата — это Торд Какали (ум. 1256 г.), третий сын Сигхвата. Торд Младший носил прозвище “Крюк”: он был казнен сразу после битвы при Эрлюгсстадире.

[43] Не упоминаемые в «Саге об Ароне» Кольбейн сын Сигхвата и Маркус сын Сигхвата, как и их брат Торд Крюк, были казнены сразу после битвы при Эрлюгсстадире.

[44] Торлак был союзником Сигхвата и его сына Стурлы, которого воспитывал в юности, но в походах Сигхвата и Стурлы сам участия не принимал, часто выступая как третейский судья при улаживании споров.

[45] О росте, мощи и стати Стурлы сына Сигхвата, носившего величальное прозвище “Фрейр из Долин”, много рассказывает его двоюродный брат Стурла Тордарсон, автор «Саги об Исландцах».

[46] «Сага об Исландцах» в гл. XXXIII прямо говорит, что Арон и Стурла были названые братья. Стурла покинул Торлака, когда ему исполнилось пятнадцать лет, т. е. в 1214 г.

[47] В «Саге об Исландцах» о пребывании Арона у своего дяди Хельги сына Йорунда не сообщается, но говорится, что после расставания с Торлаком Арон перебрался к Эйольву сыну Кара на Плоский Остров. Версия «Саги об Ароне» заслуживает предпочтения.

[48] Из текста саги нельзя понять, сколько времени Арон провел у Хельги сына Йорунда, и у читателя может создаться впечатление, что Арон переехал к Эйольву сыну Кара и его жене Хердис в то же лето. Но такая возможность исключена: Эйольв женился на Хердис и купил Плоский Остров только в 1216 г. Таким образом, Арон должен был провести у Хельги минимум полтора года, с 1214 г. по лето 1216 г.

[49] Эйольв сын Кара (ум. 1222 г.) прославился благодаря отчаянной храбрости и гибели в бою за епископа Гудмунда. Сохранился диплом XIII в., где отец Эйольва подписался: “священник и монах Кар сын [Гейрм]унда, отец того Эйольва, который пал на Гримовом Острове”. Родители Эйольва происходили из Среднего Фьорда, но после битвы у Песчаника (1215 г.) ему пришлось перебраться на Западные Фьорды, где он снова оказался в центре бурных распрей. Наконец, в 1216 г. Эйольв съехал с Западных Фьордов и купил Плоский Остров. В 1219 г. Эйольв успешно отбил епископа

Гудмунда из плена и возглавил вооруженную свиту епископа. 30 августа 1220 г. войско епископа было разбито в битве при Святом Дворе, но Эйольв и его брат Йон получили пощаду. В 1221 г. Эйольв вновь возглавил свиту епископа и оставался с ним до своей смерти.

[50] Как и в ситуации с переездом Сигрид к Торлаку сыну Кетиля, сага преувеличивает степень родства героев: в действительности Хердис дочь Хравна приходилась Арону троюродной теткой.

[51] Если принять на веру слова саги о том, что Арон прожил у Эйольва два года, получается, что Арон жил у Хельги с 1214 г. по 1218 г., а у Эйольва — с 1218 г. по 1220 г., до того, как принял участие в военном походе под началом последнего.

[52] Сообщение о распрях между епископом Гудмундом и Сигхватом может быть приурочено как к событиям лета 1220 г. (битва при Святом Дворе), так и к событиям осени 1221 г. (вторжение Туми в Нагорный Фьорд). Эйольв защищал епископа в обоих случаях.

[53] После битвы при Святом Дворе в 1220 г. епископ Гудмунд был вынужден покинуть Северную Исландию и отправиться зимовать к Сэмунду (см. примеч. 9, с. 390) в Одди. Он смог вернуться в Нагорный Фьорд лишь осенью 1221 г., при помощи Торда сына Стурлы.

[54] Современные комментаторы не склонны принимать на веру утверждение «Саги об Ароне», будто злонравие Туми и его людей было единственной причиной, побудившей их покуситься на епископа. Усадьба на Пригорках, как и некоторые другие крупные усадьбы в Исландии, не передавалась по наследству и являлась общинной собственностью, попечителем которой мог быть епископ или иное лицо, отвечавшее за ее сохранность и благополучие. «Сага об Исландцах» в гл. XXXVII и XLII ясно говорит, что главной причиной массового противодействия Гудмунду было нежелание бондов платить высокие подати на содержание епископской усадьбы и их опасения за свою безопасность в случае появления крупной вооруженной свиты епископа (сто-двести человек), которая явочным порядком отправлялась на постой к бондам. Что касается непосредственно Туми сына Сигхвата, то у него был личный мотив для захвата усадьбы на Пригорках и альянса с бондами в борьбе против епископа. В 1221 г. умер хёвдинг Нагорного Фьорда Арнор сын Туми, а временно исполнявший роль предводителя округи Торарин сын Йона не пользовался авторитетом. Туми как первенец могущественного Сигхвата желал получить собственное наместничество и предложил бондам избавить их от епископа в обмен на признание его преемником Арнора, племянником которого он был. Этот вариант, как признает «Сага об Исландцах», “пришелся бондам по душе”.

[55] Из текста можно заключить, что свой первый поход под началом Эйольва Арон проделал в конце лета 1221 г., что согласуется с показаниями «Саги об Исландцах», умалчивающей об участии Арона в более ранних походах Эйольва.

[56] Рудный Остров находится в начале Нагорного Фьорда, у его восточного берега.

[57] Указание на точное число вооруженных спутников епископа Гудмунда, последовавших за ним на Рудный Остров в 1221 г., есть только в «Саге об Ароне».

[58] Поведение Туми осуждается в сходных выражениях и в «Саге об Исландцах». В оправдание Туми можно заметить, что усадьба на Пригорках была для него не чужой: детские годы он провел именно там у своего воспитателя Сигурда сына Орма.

[59] Рассказ об Аудуне Ручка в «Саге об Исландцах» не приводится. Вероятно, он попал в «Сагу об Ароне» из устной традиции, связанной с окружением епископа. «Сага об Исландцах» ограничивается сообщением о том, что люди епископа знали, где спит Туми.

[60] Месса Свечей (Сретение) приходится на 2 февраля. Налет Эйольва на Пригорки, согласно «Саге об Исландцах», случился в ночь с 3 по 4 февраля, на Мессу св. Бласиуса.

[61] В «Саге об Исландцах» причины отсутствия стражи в ночь нападения представлены так: "люди Туми сказали, будто ветер с суши посторожит за них".

[62] Стурла Тордарсон в «Саге об Исландцах» частично оправдывает епископа Гудмунда, сообщая о том, что епископ перед налетом на Пригорки воспретил своим людям трогать Туми и просил привезти Туми к нему.

[63] Епископ Гудмунд имел при жизни устойчивую репутацию провидца и пророка, причем не только в своем окружении.

[64] «Сага об Исландцах» в гл. XLII тоже говорит о том, что в налете на Пригорки приняло участие тридцать человек из числа лучших воинов. Очевидно, корабль, бывший в распоряжении Эйольва и Арона, просто не мог поднять на борт большее число людей, а меньшие суда не могли достичь берега из-за бури.

[65] Прозвище Эйнара, видимо, означает "молодой тюлень".

[66] Степень родства Эйнара Белька с епископом Гудмундом не установлена, но известно, что Эйнар, как и епископ, был родом с севера Исландии, предположительно, из Островного Фьорда, где жил его брат Хавр Управитель. Хавр был убит по приказу Сигхвата сына Стурлы в начале марта 1222 г. Это произошло после налета на Пригорки, но до битвы на Гримовом Острове.

[67] Что именно претерпел Эйнар от Стурлунгов, неизвестно, но у него должны были быть веские причины мстить Туми сыну Сигхвата. В «Саге об Исландцах» Эйнар объявляет захваченному Туми, что тот "не так распорядился годордами на севере страны, чтобы иметь право на жизнь".

[68] Петр сын Барда, сына Снорри, сына Барда Черного, видный бонд с Западных Фьордов, по отцовской линии принадлежал к роду Людей из Тюленьей Долины и, как все его семейство, поддерживал епископа Гудмунда и Эйольва сына Кара.

[69] Мать Петра, Тордис дочь Стурлы, была сестрой Сигхвата, поэтому Туми сын Сигхвата приходился Петру двоюродным братом, и Петр не мог участвовать в нападении на него.

[70] Все подробности о высадке отряда Эйольва и его пешем броске к Пригоркам в «Саге об Исландцах» отсутствуют. Рассказчик «Саги об Ароне» явно почерпнул их из традиции, связанной с окружением епископа. Усадьба на Пригорках находится более чем в пятнадцати километрах от моря.

[71] Месса Агаты — 5 февраля.

[72] Все подробности о рукопашном бое между людьми Эйольва и людьми Туми в «Саге об Исландцах» отсутствуют: Стурла Тордарсон ограничивается сообщением, что нападавшие сорвали крышу, подожгли дом и предложили сдаться всем, кто не хочет сгореть. Очевидно, Стурла не знал деталей боя или опустил их по каким-то другим соображениям.

[73] О ране, полученной Туми в бою, «Сага об Исландцах» умалчивает. Скорее всего, устная традиция XIII в. приписывала ее Арону, неслучайно именно он впоследствии носил оружие Туми в качестве трофея. То, что сам Арон "впоследствии не подтверждал, но и не опровергал" этот факт, объясняется условиями его позднейшего примирения со Стурлунгами и гражданской реабилитации (sýkn) в Исландии. По тем же причинам рассказчик саги не берет на себя лишней ответственности в рассказе об этом спорном моменте.

[74] Это сообщение согласуется с рассказом «Саги об Исландцах».

[75] Обычай заставлять сдающихся проходить через оцепление (kví) был весьма распространен в Исландии. При поджоге дома врага одна сторона специально оставлялась нетронутой. В ней делали пролом, через который могли выйти женщины, дети и те, кому обещали пощаду.

[76] В данном месте начинается лакуна. Утраченный фрагмент саги должен был содержать рассказ об убийстве Туми и двух других людей. Все события восстанавливаются по «Саге об Исландцах» и по двум приводимым ниже скальдическим висам, судя по всему, сложенным в первой половине XIII в. кем-то из окружения епископа. «Сага об Исландцах» сообщает о том, что предводители долго не могли решить, как поступить с Туми, который даже успел замерзнуть, стоя на морозе, и попросил не мучить его холодом, чтобы окружающие не думали, будто он дрожит от страха. Тогда Эйнар Белек объявил Туми, что тот не заслужил права на жизнь и собственноручно убил его, "поскольку других желающих не было".

[77] "Крючья" — здесь: хейти меча, "буча крючьев" — битва. "Светоч сеч" — меч. Названные по именам жертвы налета Торгейр сын Стейнгрима и Бергтор сын Одди известны только по этому эпизоду. Еще двоим людям Туми — неким Йону сыну Торда и Халльдору сыну Класи, — согласно «Саге об Исландцах», отрубили по ноге. Автор висы неизвестен, но нет сомнений, что она сложена людьми из ближайшего окружения епископа, возможно, еще при его жизни.

[78] Здесь версия «Саги об Ароне» выглядит недостоверно. Стурла Тордарсон сообщает в гл. XLII «Саги об Исландцах», что люди Эйольва были вынуждены спешно покинуть усадьбу не столько из-за нежелания упускать ветер, сколько потому, что их преследовали узнавшие о нападении сторонники Туми, которые даже приблизились к Эйольву на расстояние выстрела. При этом двое из отряда Эйольва не успели попасть на корабль и погибли: некто Йон был обнаружен двумя ночами спустя и убит, а некто Торарин был найден замерзшим от холода. Компилятор «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари» в рассказе о налете на Пригорки (гл. CLXIII—IV) механически соединил явно противоречащие друг другу версии «Саги об Исландцах» и «Саги об Ароне» и не сделал никакой попытки их согласовать.

[79] Упоминание о благоприятной погоде во время возвращения Эйольва призвано навести читателя на мысль о том, что налет на Пригорки и убийство Туми были богоугодными делами.

[80] “Смута копий” — битва. Фрейр — один из асов, “Фрейр шелома” — муж (слушатель висы). “Шест урона” — меч. Виса ценна тем, что сообщает о том, что Арон вел рукопашный бой в каморке. Неясно, сложена ли она в то же время, что и предыдущая виса. Тот факт, что второй хельминг посвящен Арону, наводит на мысль, что виса была сложена позднее первой, когда Арон уже успел прославиться своими подвигами. Теоретически не исключено, что виса была сложена священником Тормодом сыном Олава в XIV в. и входила в составленную им дротткветтную драпу об Ароне. Однако первой висой, которую сага приписывает Тормоду, является виса № 3. Кроме того, первый хельминг висы № 2 целиком посвящен убийству Туми, поэтому более вероятно, что виса сложена кем-то из окружения епископа в XIII в.

[81] Гримов Остров расположен в открытом море севернее Островного Фьорда. Он представляет собой естественное укрепление благодаря высоким скалистым берегам.

[82] Бонд Гнуп известен также по «Саге об Исландцам». Его сын Кетиль командовал кораблем жителей Гримова Острова в морской битве при Хунафлоуи 25 июня 1245 г., где он сражался на стороне Кольбейна Младшего.

[83] Упоминание о местных бондах с Гримова Острова не является домыслом: в средние века на Гримовом Острове действительно стояло несколько хуторов.

[84] Подробный рассказ о кончине Эйнара Белька от кровотечения есть только в «Саге об Ароне». «Сага об Исландцах» уделяет этому событию два предложения: “Епископ сидит на Рудном Острове. Эйнар Белек скончался там от кровотечения из носу”. Таким образом, согласно «Саге об Исландцах», Эйнар скончался еще на Рудном Острове, до того как епископ и его свита переехали на Гримов Остров. Между тем, из «Саги об Ароне» следует, что Эйнар Белек умер уже на Гримов Острове, где враги позже подняли его тело из могилы (см. ниже гл. VII, с. 257). Версия «Саги об Ароне» заслуживает безусловного предпочтения, поскольку она содержит ссылку на пророчество епископа Гудмунда о болезни Эйнара и рассказывает о попытках епископа исцелить Эйнара. Этот рассказ явно восходит к словам очевидцев; он мог попасть в сагу из перечня деяний епископа, составленного людьми из его окружения.

[85] Скорее всего, имеется в виду альтинг.

[86] Мы не имеем точных цифр применительно к ополчению, собранному для карательной экспедиции, но очевидно, что не все ополченцы, прибывшие на север Исландии на тридцати пяти кораблях, выехали с Сигхватом и Стурлой к Гримову Острову. «Сага о Торде Какали» говорит, что в морской битве в заливе Хунафлоуи в 1245 г. у одной из сторон (Кольбейна Младшего) было “двадцать судов и почти одиннадцать десятков четвертой сотни людей” (т. е. около 470 человек). Можно рассчитать, что на исландском корабле того времени помещалось в среднем ок. 20—25 человек; крупные корабли имели бóльшую осадку и могли принять на борт больше гребцов. Суда, которые собирались в Исландии для перевозки ополчения, были предназначены только для каботажных плаваний; выходить на них в открытое море было опасно.

[87] «Сага об Исландцах» в гл. XLIV представляет отношения Сигхвата и Стурлы так: “Весной после пасхи Сигхват послал сообщение на запад в Долины к Стурле и просил его выезжать на север с множеством народа; он сказал, что ему подобает добиваться возмездия за своего брата”.

[88] Сообщение о том, что Эйольв выставляет три отряда в разных местах, означает, что он закрывает три удобные пристани, имевшиеся на острове.

[89] Сведения о числе людей, бывших под началом Арона, и о потерях в его отряде приводит только «Сага об Ароне».

[90] Весь диалог Арона с Эйольвом приведен (в слегка сокращенной форме) в гл. LXIV «Саги об Исландцах». Оба источника единодушно признают Арона инициатором выноса трофейного оружия Туми. Трудно сказать, от кого Стурла почерпнул данную информацию: возможно, его информантом был старший брат Олав Белый Скальд, которого «Сага об Ароне» называет другом Арона.

[91] Описание трофейных доспехов Туми есть только в «Саге об Ароне». «Сага об Исландцах» кратко упоминает о тесаке, шлеме и броне, которые Арон вывез с Гримова Острова.

[92] Диалог Арона с епископом Гудмундом, с напутствием епископа “проявлять доброту к бедным”, приводится и в «Саге об Исландцах». Трудно сказать, от кого Стурла Тордарсон мог получить эту информацию, но она в любом случае исходила из окружения епископа. Одной из вероятных кандидатур является биограф епископа Гудмунда, в молодости член его свиты, аббат Ламбкар сын Торгильса (ум. 1249 г.), составивший т. н. «Prestsaga Guðmundar Arasonar». Ламбкар некоторое время жил в Усадебном Пригорке, хуторе Стурлы Тордарсона, в Западной Исландии. Стурла вновь встретился с Ламбкаром на севере Исландии в 1242 г., когда Ламбкар поручился за него перед Кольбейном Младшим, см. гл. CLVII «Саги об Исландцах».

[93] Три сотни людей в данном случае означает три “большие сотни”, т. е. 360 человек. Ту же цифру называет Стурла Тордарсон.

[94] Стурла Тордарсон уточняет, что перед битвой на Гримовом Острове в распоряжении епископа Гудмунда и Эйольва сына Кара было “семь десятков мужчин, способных носить оружие”; еще тридцать человек составляли женщины и нищие старики (stafkarlar).

[95] Этот диалог-перебранка между Ароном и Стурлой, только в косвенной речи и в чуть более умеренных выражениях, запечатлен и в «Саге об Исландцах».

[96] Священник Тормод сын Олава — скальд XIV в. Помимо стихов из «Саги об Ароне», с его именем связана виса о герое «Саге о Ньяле» Гуннаре с Конца Склона (см. статью к «Саге об Ароне», с. 374). Точные годы жизни скальда неизвестны. Мы знаем, что он выехал в Норвегию в 1338 г. из Западных Фьордов; это, скорее всего, означает, что он жил в этой части Исландии. Тормод сын Олава сочинил две поэмы об Ароне сыне Хьёрлейва, одну — в размере дротткветт, а другую — в размере хрюнхент. Относительная хронология прозаического текста саги и вис Тормода неясна, так как в висах нет деталей, противоречащих прозаическому комментарию.

[97] "Столп толпы" — муж, в данном случае — Стурла сын Сигхвата. Кеннинг подчеркивает, что Стурла выступал в качестве полководца. То же подчеркивает хейти "воевода".

[98] "Руда" — здесь: хейти золота. "Дробитель руды" — муж (тот, кто распределяет, дарит золото), в данном случае — Арон. "Фрейр раздора" — муж, в данном случае — Стурла сын Сигхвата.

[99] "Сокольи утесы" — руки. Кеннинг выглядит несколько непривычно, поскольку модель "рука как насест хищной птицы" чаще применяется по отношению к женской руке, чем к мужской. "Сын Хьёрлейва" — Арон. "Хладная хлябь" — море. Смысл висы: "Грозный Арон, поддерживаемый силой своих рук, калечил врагов в битве; немало врагов полегло перед тем, как Арон рухнул на берег".

[100] Стурла Тордарсон тоже сообщает о том, что Сигмунд Крючок спас Стурлу сына Сигхвата в бою против Арона, прикрыв его щитом.

[101] Стурла Тордарсон уточняет, что рану в щеку Арону нанес сам Стурла сын Сигхвата.

[102] "Буря лезвий" — битва. "Фрейр меча" — Стурла сын Сигхвата. Неясно, кем и когда сочинено данное четверостишие. Судя по тому, что оно прославляет победу Стурлы сына Сигхвата, его автором был не Тормод сын Олава, а один из скальдов начала XIII в., входивших в окружение Стурлы. В таком случае данное четверостишие, скорее всего, было частью цикла, посвященного походу на Гримов Остров.

[103] Данное четверостишие в размере хрюнхент является стевом (рефреном) драпы, сложенной Тормодом сыном Олава об Ароне. "Дело брани" — битва. Три строфы из той же драпы приведены ниже, в гл. X.

[104] О том, что Стурла сын Сигхвата велел вытащить из церкви и оскопить двух священников из свиты Гудмунда, по имени Кнут и Снорри, сообщает также «Сага об Исландцах», но идентификация этих людей представляет проблему. Имя "Кнут" было относительно редким в Исландии, поэтому данного Кнута можно предположительно отождествить со спутником епископа Гудмунда священником Кнутом, убитым во Фьорде Олава в марте 1232 г. другим провожатым епископа, Йоном сыном Бирны (см. «Сагу об Исландцах», гл. LXXVI). Соучастником убийства был признан священник Снорри сын Торальва (ум. 1245 г.), который был за это лишен сана («Сага об Исландцах», гл. CLVIII). О Снорри сыне Торальва известно, что он действительно был провожатым епископа Гудмунда, с 1235 г. стал провожатым Торда Какали («Сага об Исландцах», гл. CIX), и, наконец, примкнул к Кольбейну Младшему, участвовал на его стороне в битве в заливе Хунафлоуи 25 июля 1245 г. и умер от полученных ран. «Сага о Торде Какали» в гл. XXXII называет Снорри сына Торальва в числе уважаемых людей Северной Четверти, павших в войске Кольбейна. Но имя "Снорри" было в XIII в. слишком распространенным, чтобы делать определенные выводы, а отдельные детали биографии Снорри сына Торальва, прежде всего, его многолетняя дружба с Тордом Какали, братом его предполагаемого мучителя Стурлы, свидетельствуют против отождествления его с жертвой Стурлы на Гримовом Острове.

[105] В «Саге об Исландцах» сказано, что "Сигхват и его люди наложили в тот раз руки на епископа", т. е. побили его, и что Сигхват насильно увез его на своем

корабле. Рукописи самостоятельной редакции «Саги об Ароне» не упоминают о примечательном факте, о котором сообщает Стурла Тордарсон, и который, несомненно, получил широкую огласку в 1220-е гг.: епископ Гудмунд проклял своих гонителей и просил Бога отомстить за него, “ибо я, убогий, сам этого не могу” («Сага об Исландцах», гл. LXIV). Проклятие оказалось эффективным: разыгрался шторм, и погибло тридцать два человека (примерно десятая часть ополчения, принимавшего участие в карательной экспедиции). Эпизод с проклятием Гудмунда в еще более подробном виде запечатлен в «Древнейшей саге о Гудмунде сыне Ари», гл. CCVI. Неясно, был ли он в протографе «Саги об Ароне».

[106] Рассказ о том, что Сигмунд Крючок надругался над телом Эйнара Белька, есть лишь в «Саге об Ароне». Сама ситуация описана правдоподобно, но то, что рассказчик «Саги об Ароне» обвиняет в осквернении трупа именно Сигмунда Крючка, а не кого-либо еще, вызывает подозрения: недостойное поведение Сигмунда дает дополнительный повод Арону убить его.

[107] Стурла Тордарсон называет имена семи спутников Эйольва, павших на Гримовом Острове и добавляет, что кроме этих семи погибло еще двое или трое людей епископа.

[108] Стурла Тордарсон говорит, что в лодке, на которую Эйольв посадил Арона, было четверо гребцов. Рассказчик «Саги об Ароне» по небрежности опустил имя старшего в лодке — это был священник Арни, упоминаемый ниже в гл. IX.

[109] «Сага об Исландцах» разъясняет, что Эйольв отправился в корабельный сарай затем, чтобы привести в негодность суда, на которых Стурла и его люди могли отправиться в погоню за Ароном. Из обеих саг следует, что Эйольв осознанно пошел на верную смерть и пожертвовал жизнью ради спасения Арона и его товарищей.

[110] Бранд упомянут также в «Саге об Исландцах».

[111] Стурла Тордарсон называет точное число нападавших — девять человек, но он при этом явно ориентируется на вису № 8, где названо то же число. В то же время рассказчик «Саги об Ароне» имел перед собой уже две висы, повествующие о гибели Эйольва — известную Стурле Тордарсона вису № 8 и сложенную Тормодом сыном Олава вису № 9, где говорится уже о десяти нападавших. Поэтому рассказчик «Саги об Ароне» осторожно говорит о “девяти или десяти” людях.

[112] В «Саге об Исландцах» человек, ударивший вдогонку Эйольва и отрубивший ему ступню, назван Ториром, в то время как «Сага об Ароне» наделяет его редким именем “Мар”. Версия «Саги об Исландцах» заслуживает безусловного предпочтения. Имя “Мар” почти наверняка проникло в «Сагу об Ароне» благодаря знаменитому литературному образцу — сцене гибели Торгейра сына Хавара, героя «Саги о Названых Братьях». В своем последнем бою в 1024 г., Торгейр сражался с превосходящими силами врагами и убил Торира с Маром, которые нанесли ему раны. В поминальной «Драпе о Торгейре сыне Хавара», сложенной его названым братом Тормодом Скальдом Чернобровой, есть строчка, где обе жертвы Торгейра названы вместе: “Сгинул Мар, с ним Торир”. Строфа драпы Тормода с данной строчкой получила в XIII в. широкое распространение благодаря популярности «Саги о Названых Братьях», которая дошла до нас в четырех сильно отличающихся редакциях. Между «Сагой об Ароне» и «Сагой о Названых Братьях» есть и иные параллели, см. вступительную статью, с. 371.

[113] Описание смерти Эйольва и позы, в которой он застыл, показывает, что рассказчик «Саги об Ароне» стремился представить Эйольва как мученика за веру. В «Саге об Исландцах», где бытовые детали почти те же, данный мотив отсутствует.

[114] Стурла Тордарсон приводит в гл. XLIV «Саги об Исландцах» ту же вису, но там она не приписывается Бранду. Бранд известен лишь по этому эпизоду, поэтому авторство висы спорно.

[115] Любопытно, что рукописи «Саги о Стурлунгах» дают чтение “девять” (níu) в висе № 8, в то время как рукописи «Саги об Ароне» и «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари» говорят уже о десяти (tíu) противниках Эйольва. Метрика не позволяет установить истину, поскольку числительное níu / tíu занимает слабую позицию, ни с чем не рифмует и не аллитерирует. Если принять правдопободную гипотезу о том, что виса № 8 была сложена людьми, близкими к месту событий, и учесть, что Стурла Тордарсон согласовал свой комментарий о числе противников Эйольва в последнем бою с текстом висы, получается, что цифра “9” в конце XIII в. — начале XIV в. при письменной или устной передаче висы была округлена до “10”. Не исключено, что рассказчик «Саги об Ароне» и скальд Тормод сын Олава, пожелавший сочинить еще одну вису о гибели Эйольва (№ 9), видели письменный текст висы № 8 с чтением “10”: близки не только звуковая форма данных числительных, но и их графическое выражение — “ix” vs. “x”.

[116] “Слуги меча” — мужи, в данном случае — враги Эйольва. “Вран волн” — корабль. “Правитель врана волн” — муж, в данном случае — Эйольв.

[117] Неизвестно, входила ли эта виса в состав драпы или флокка, посвященного Арону.

[118] “Мост доспехов” — муж, в данному случае — Эйольв. Фраза “Умер… на отшибе” означает “умер на краю суши”, т. е. на берегу, но, кроме того, она подразумевает, что сам Гримов Остров, где произошло сражение, был краем обжитой исландцами территории.

[119] Данный диалог Сигхвата со Стурлой и пророчество Сигхвата, что Стурла еще раскается в том, что не стал преследовать Арона, есть только в «Саге об Ароне» и «Древнейшей саге о епископе Гудмунде сыне Ари».

[120] Священник Арни был старшим в лодке, на которой плыл Арон. Рассказчик забыл вовремя упомянуть о нем. Идентифицировать Арни трудно, так как имя является частотным.

[121] В этом месте в рукописях «Саги об Ароне» лакуна. В «Древнейшей саге о епископе Гудмунде сыне Ари» также не говорится, где именно Арон и его спутники сделали первый привал. Стурла Тордарсон сообщает, что большинство людей епископа, которым удалось бежать с Гримова Острова, пристали северо-восточнее Островного Фьорда. Это же подтверждает дальнейший маршрут Арона, который отправляется на восток.

[122] Хутор Двор Вальтьова расположен в Речной Долине в Восточной Исландии. «Сага об Исландцах» сообщает о поездке Арона крайне сжато, упоминая лишь, что “поздно вечером он явился к Свиной Горе”. Из «Саги об Ароне» следует, что Арон

физически не мог добраться до Свиной Горы в тот же день и потратил на переезд минимум несколько дней, если не неделю.

[123] Бонд Торарин — тот самый годи Торарин сын Йона, с которым Арон спустя короткое время столкнется на хуторе Свиная Гора. Рассказчик саги, по-видимому, упустил это из виду.

[124] Хутор Свиная Гора у края ледника Вахтнайокудль с давних пор был резиденцией хёвдингов восточной Исландии. В начале XI в. там жил герой «Саги о Ньяле» Флоси сын Торда, а в середине XI в. на хуторе погиб другой хёвдинг, Торстейн сын Халля с Побережья.

[125] Годи Орм сын Йона, сына Сигмунда (ум. 1241 г.), глава рода Свиногорцев (Svínfellingar), неизменно поддерживал Сигхвата и его сыновей и был врагом Снорри сына Стурлы.

[126] «Сага об Исландцах» говорит, что Арон прибыл на хутор Орма с о д н и м п р о в о ж а т ы м. Не исключено, что он был придан ему женой Торарина; такое предположение помогает понять, почему Торарин столь решительно встал на защиту Арона.

[127] Неясно, что такое "Каморка Сёрли", но это название в любом случае попало в сагу из устной традиции об Ароне. Их контекста следует, что это каморка или чулан с засовом, подходящий для того, чтобы держать человека взаперти. Она, однако, оказывается достаточно велика, чтоб в ней можно было поставить стол и разместиться нескольким людям.

[128] Годи Торарин сын Йона сына Сигмунда (ум. 1239 г.) был младшим братом Орма. Двор Вальтьова в Восточной Исландии он унаследовал от родни по матери, но сфера его влияния, по крайней мере, в отдельные годы, распространялась и на северную Исландию. Сыновья Торарина, Одд (ум. 1255 г.) и особенно Торвард (ум. 1296 г.), были могущественными людьми. Вероятно, упоминание о "превосходных качествах" их отца мотивировано именно этим.

[129] Торарин имел основания не доверять Стурлунгам: именно у него путем интриг Сигхват с Туми отобрали наместничество в Нагорном Фьорде (см. выше примеч. 54, с. 394). Торарин участвовал в походе на Гримов Остров, поскольку после гибели Туми наместничество вновь отошло к нему и он был обязан собирать ополченцев из Нагорного Фьорда.

[130] Сага преуменьшает возраст Арона (ему было около 22 лет) и преувеличивает возраст Торарина, который был вряд ли старше. В гл. XLII «Саги об Исландцах» Туми сын Сигхвата, 24 лет от роду, говорит бондам, что их предводитель Торарин "молод и неопытен".

[131] Диалог Орма и Торарина приводится только в «Саге об Ароне» и «Древнейшей саге о епископе Гудмунде».

[132] Данная виса Тормода сына Олава (№ 10) взята из драпы в размере "хрюнхент", куда также относится виса № 7 и висы № 11—12. Слова саги о том, что виса № 10 сложена именно Тормодом сыном Олава, являются большим подспорьем для комментаторов, поскольку прочие висы Тормода в размере "хрюнхент" не предваряются

указаниями на авторство. Между тем содержание вис № 10—12 тесно переплетается, а порядок следования этих вис в саге нарушен. Отсюда следует два вывода: 1) все висы из «Саге об Ароне», сложенные в размере “хрюнхент”, взяты из драпы об Ароне, сочиненной Тормодом сыном Олава; 2) Рассказчик «Саги об Ароне» и скальд Тормод сын Олава — разные лица (иначе не было бы пропуска вис драпы и путаницы с их расположением).

[133] “Росток ограды нив костра” — тройной кеннинг мужа; “костер ограды (щита)” — меч, “нивы меча” — щит, “росток щита” — муж, в данном случае — Торарин сын Йона. “Свиногорье” — хутор Свиная Гора.

[134] Стурла Тордарсон сообщает, что Арон оставил Орму броню и шлем Туми, но удержал свой знаменитый тесак и что Орм выдал Арону взамен шлема и брони Туми другое оружие.

[135] Гудмунд сын Олава (ум. 1239 г.) известен именно как провожатый Арона и участник сожжения Торвальда.

[136] Годи Торвальд из Озерного Фьорда сын Снорри (ум. 1228 г.) — исландский хёвдинг, контролировавший северную часть полуострова Западные Фьорды. О его вражде с Хравном сыном Свейнбьёрна и убийстве последнего в 1213 г. подробно рассказывается в «Саге о Хравне сыне Свейнбьёрна», записанной уже после гибели Торвальда. В 1220-е гг. Торвальд поддерживал сперва Сигхвата, а затем Снорри сына Стурлы, на дочери которого он женился в 1224 г.

[137] Сожжение Торвальда случилось 6 августа 1228 г. на Дворе Гилли в Западных Фьордах. Исполнителями были сыновья Хравна сына Свейнбьёрна, мстившие Торвальду за убийство отца; за ними стоял Стурла сын Сигхвата, которому впоследствии мстили сыновья Торвальда. Сожжение Торвальда произвело негативное впечатление на современников. Все участники сожжения погибли насильственной смертью; последним был убит как раз Гудмунд сын Олава.

[138] Рассказчик небрежно разместил три висы о пребывании Арона у Орма на Свиной Горе. Вначале должна следовать виса № 12 (Раненый Арон гонит коня по Восточным Фьордам к Свиной Горе, Орм хватает его), далее виса № 10 (Торарин вечером узнает о задержании Арона и решает помочь ему) и затем виса № 11 (Орм хочет утром казнить Арона, но Торарин этому препятствует).

[139] “Сумрак стрел” — битва. “Ревнитель брони” — муж, в данном случае — Арон. “Гонец победы” — он же.

[140] “Кровник врана” — муж, в данном случае — Арон. “Клинков посланец” — он же. “Столпы блестящей стали” — мужи, в данном случае — слуги Орма, враги Арона.

[141] Из саги следует, что после разрыва с Хьёрлейвом Сигрид, мать Арона, вышла замуж или стала сожительствовать со священником Сёльви, братом своего бывшего мужа. Но рассказчик не говорит об этом прямо.

[142] Аронова Пещера точно не локализуется, хотя из текста саги ясно, что она была в Городищенском Фьорде. Аналогичные трудно локализуемые названия, сохранявшиеся в устной традиции, связаны и с другими знаменитыми исландцами, объявленными вне закона и вынужденными прятаться подолгу, — Гисли сыном Кислого, Греттиром

сыном Асмунда и Тормодом Скальдом Чернобровой. Топоним Аронова Пещера ставит Арона в один ряд с этими героями родовых саг.

[143] Под тингом здесь имеется в виду альтинг.

[144] О пятнадцати людях епископа, объявленных вне закона вместе с Ароном, сообщает также «Древнейшая сага о епископе Гудмунде сыне Ари» в гл. CCXVI, но в этом месте она следует протографу «Саги об Ароне». Неизвестно, кто входил в число этих пятнадцати.

[145] Таким образом, Арон был объявлен вне закона и подвергнут “полному изгнанию” (skóggangr), которое предусматривало бессрочное поражение в правах при невозможности покинуть страну.

[146] По подозрению в укрывательстве объявленного вне закона можно было возбудить тяжбу, чем Стурла сын Сигхвата в дальнейшем будет пользоваться.

[147] Рассказчик не упоминает, что после расставания с Ароном в 1214 г. его воспитатель годи Торлак сын Кетиля сменил хутор и переселился на усадьбу Двор Кольбейна.

[148] Столь нелестная характеристика Гудлауг, жены Торлака, плохо сочетается с признанием ее “выдающейся женщиной” в гл. II. Вероятно, фраза о болтливости Гудлауг в протографе отсутствовала и была добавлена при переписи саги.

[149] Весь рассказ о нахождении Арона в пещере, его поездках по Городищенскому Фьорду и предупреждении Торлака сына Кетиля есть только в «Саге об Ароне». Стурла Тордарсон вообще не сообщает в «Саге об Исландцах» о перемещениях Арона до того момента, как тот оказался на хуторе Песчаный Берег у сыновей Хравна. Гл. CCXVI «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари», которая в основном следует за «Сагой об Исландцах», содержит знаменательную ссылку на «Сагу об Ароне»: “Впоследствии Арон находился у своих родичей с Западных Фьордов у сыновей Хравна на Песчаном Берегу во Фьорде Эрна, как рассказывается в Саге об Ароне”. Неясно, попал ли этот пассаж в «Древнейшую сагу о епископе Гудмунде сыне Ари» из «Саги об Исландцах». Даже если это так, гипотетическая ссылка Стурлы Тордарсона на «Сагу об Ароне» не подразумевает существования этой саги в письменном виде в XIII в.: в «Книге о Заселении Земли» Стурла часто ссылается на устные предания разных местностей, называя их “сагами”. Остается загадкой, почему компилятор «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари» предпочел в рассказе о событиях осени 1222 г. краткий текст «Саги об Исландцах» более подробному тексту «Саги об Ароне», но при этом сослался на последнюю.

[150] Лесистое Побережье находится на северном берегу полуострова Мыс Снежной Горы в начале Лощинного Фьорда. Арон и Гудмунд, скорее всего, пробирались к Лесистому Побережью горным путем.

[151] Бардово Побережье — отрезок северного побережья Широкого Фьорда к западу от мыса Вадиль.

[152] Братья Эйвинд (ум. 1253 г.) и Томас, сыновья Торарина, были двоюродными братьями Сигрид, матери Арона. Их мать Рагнхейд была сестрой Хавторира, отца Сигрид. Оба брата были священники и видные бонды. Томас, старший из братьев, был женат на Халле, дочери Торда сына Стурлы и сестре Стурлы Тордарсона. По-видимому,

Томас был первым исландцем, названным в честь св. Фомы Бекета, умерщвленного 29 декабря 1170 г. и причисленного к лику святых в 1173 г. Эйвинду приписывается авторство «Саги о Хравне сыне Свейнбьёрна», которая была записана после 1228 г. Хутор Эйвинда Тюленья Долина расположен в начале Фьорда Эрна, на его южном берегу; Томас в то время жил на хуторе Ограда непосредственно на Бардовом Побережье. Тем самым переправившись через Широкий Фьорд, Арон должен был попасть прямиком к Томасу.

[153] Хутор Песчаный Берег был вотчиной хёвдингов из рода Людей Тюленьей Долины, контролировавших южную, более густонаселенную часть полуострова. Он расположен на северном берегу Фьорда Эрна.

[154] У Хравна сына Свейнбьёрна (ум. 1213 г.) было не двое, а четверо сыновей: помимо названных в саге Эйнара (ум. 1231 г.) и Свейнбьёрна (ум. 1238 г.) известны также Крак (ум. 1238 г.) и Грим (ум. 1231 г.). Старший из сыновей Хравна (им, по-видимому, был Свейнбьёрн) должен был родиться ок. 1198 г. В 1215—1220 гг. Свейнбьёрн, Эйнар и их братья поддерживали своего зятя Эйольва сына Кара и епископа Гудмунда, но в походе на Рудный и Гримов Острова никто из четверых участия не принимал. Во второй половине 1220-х гг. сыновья Хравна заключили союз со Стурлой сыном Сигхвата и отдали ему свои годорды. В 1228 г. они сожгли убийцу своего отца Торвальда из Озерного Фьорда. После этого они стали настолько одиозными фигурами в Исландии, что лишь Стурла мог защитить их от мести врагов. Эйнар и Грим утонули во время кораблекрушения у Гримова Острова в 1231 г. (см. «Сагу об Исландцах», гл. LXXXI и «Древнейшую сагу о епископе Гудмунде», гл. CCXLVI), а Свейнбьёрн и Крак были казнены сразу после битвы при Эрлюгсстадире 21 августа 1238 г.

[155] Вновь, как и в предыдущих аналогичных случаях, рассказчик преувеличивает близость родства сыновей Хравна с Ароном: последние приходились Арону троюродными дядьями. Более существенную роль в приеме Арона сыграла его дружба с епископом и Эйольвом сыном Кара, а также наличие у сыновей Хравна собственного годорда и многочисленных сторонников.

[156] “Озерный Фьорд” в данном случае — название хутора Торвальда и вотчина хёвдингов Ледового Фьорда, контролировавших северную часть полуострова Западные Фьорды.

[157] Согласно «Саге об Исландцах», гл. XLVII, налет сыновей Хравна на Торвальда из Озерного Фьорда случился не весной 1223 г., как сообщает «Сага об Ароне», а осенью 1222 г. В походе также принимали участие Ингимунд сын Йона и его братья, которые после этого рассорились с сыновьями Хравна.

[158] «Сага об Исландцах» сообщает, что Торвальд и его люди в последний момент успели выбежать из церкви, сесть на корабль и отплыть на север.

[159] Ими и Снорри по другим источникам неизвестны. Редкое имя “Ими” засвидетельствовано в той же местности несколько ранее. «Сага о Хравне сыне Свейнбьёрна» сообщает, что в период 1213—1216 гг. Петр сын Барда (см. выше, примеч. 68, с. 395) велел убить некоего Ими сына Торкеля и отрубить ногу некоему Йону сыну Торстейна: обе жертвы были провожатыми Торвальда из Озерного Фьорда. Трудно сказать, опирается ли здесь «Сага об Ароне» на устную традицию о походе сыновей Хравна,

или же рассказчик исказил сообщение «Саги о Хравне сыне Свейнбьёрна», которую нетвердо помнил.

[160] Стурла Тордарсон рассказывает, что при налете на Торвальда погиб стражник последнего, некто Торфинн сын Эйрика Тюленя, которому в бою “отрубили ногу, а потом убили”.

[161] Рассказчик саги не упоминает о личной встрече Арона с Торвальдом из Озерного Фьорда, которая произошла на Песчаном Берегу позже осенью 1222 г., еще до отъезда Арона. Арон и другой воинственный сторонник сыновей Хравна, Одд сын Али, демонстративно отказались мириться с Торвальдом, когда Торвальд во главе большого отряда явился на хутор сыновей Хравна («Сага об Исландцах», гл. XLVIII). За этот поход Торвальд был объявлен вне закона на альтинге летом 1223 г.

[162] О тяжбе, возбужденной Стурлой сыном Сигхвата против сыновей Хравна, сообщают все источники, но только «Сага об Ароне» рассказывает, что Стурла самолично прибыл весной 1223 г. в Западные Фьорды. Официальной целью поездки Стурлы было объявление иска на хуторе ответчика (сыновей Хравна) и вызов их на альтинг. Кроме того, Стурла стремился запугать сыновей Хравна и завербовать себе новых союзников. Обе задачи были им успешно решены: в дальнейшем ополченцы Западных Фьордов неизменно составляли значительную частью войска Стурлы.

[163] Упоминание, что Стурла сделал привал в Тюленьей Долине означает, что Стурла остановился у Томаса сына Торарина (см. примеч. 152, с. 404), который мог посредничать между ним и сыновьями Хравна. В отличие от Арона, Стурла ехал на Западные Фьорды сухим путем и сперва проезжал территорию, контролируемую его тогдашним союзником Торвальдом.

[164] То, что Стурла п о с л а л за сыновьями Хравна, а не явился к ним лично, как того требовали правила вызова на альтинг, свидетельствует о том, что он в данном случае стремился не к открытой конфронтации, а к заключению мировой на выгодных для себя условиях.

[165] Точную цифру пени, полученной Стурлой, называет только «Сага об Ароне». Стурла Тордарсон сообщает в гл. LV «Саги об Исландцах», что позже летом 1223 г. на альтинге его брат Бёдвар поручился за сыновей Хравна и заплатил десять сотен: доля ответственности Бёдвара, видимо, заключалась в том, что он не препятствовал перемещениям Арона по полуострову Мыс Снежной Горы, откуда тот попал к сыновьям Хравна. Шестьдесят сотен, которые были вынуждены заплатить сыновья Хравна за укрывательство Арона, были очень крупным штрафом, если учесть, что вира за убийство их отца Хравна в 1213 г. составила сто сотен. Такая пеня могла серьезно подорвать финансовое благополучие ответчика.

[166] Имя “Йохамар” является крайне редким. В «Саге об Исландцах» то же лицо названо Торарином.

[167] Небольшой и узкий Фьорд Гейртьова лежит в стороне от населенных берегов Фьорда Эрна. В этих местах в X в. скрывался и был убит Гисли сын Кислого, герой одноименной саги.

[168] О двадцати людях, отряженных Стурлой на поиски Арона в Западных Фьордах, сообщает только «Сага об Ароне». Совершенно очевидно, что не все из двадцати были

собственными провожатыми Стурлы и не всех из них можно было отнести к категории “наемных убийц”, посланных “за головой Арона”, как наивно уверяет рассказчик: такого количества сомнительных личностей, да еще чужаков, местные бонды просто бы не потерпели.

[169] «Сага об Исландцах» сообщает в связи с усилиями, предпринятыми Стурлой для поимки Арона, что соответствующее задание получал в 1223 г. и родич Стурлы Ингимунд сын Йона, проживавший в южной части Западных Фьордов на хуторе Дымные Холмы. Ингимунд должен был искать Арона во Фьорде Эрна.

[170] Рёгнвальд сын Кара упомянут в гл. XLVI «Саге об Исландцах» среди провожатых сыновей Йона, участвовавших в неудачном налете на Торвальда осенью 1222 г. Имя, которое он носит, почти не встречалось в Исландии и Норвегии вне рода норвежских ярлов Мёра; ветвь этого семейства правила на Оркнейских Островах в X—XII вв. Один из наиболее выдающихся представителей рода, ярл Рёгнвальд Мороз сын Коля (ум. 1158 г.), был популярен в Исландии благодаря покровительству, которое оказывал исландцам. Почти все носители этого имени в XII—XIII вв. были родом с Западных Фьордов, и есть основания связать с этой частью страны и Рёгнвальда сына Кара.

[171] Торвальд сын Свейна, провожатый Стурлы, известен только в связи с неудачным нападением на Арона. По-видимому, он, в отличие от своего товарища по несчастью Берга был исландцем.

[172] Берг Танцор впервые упоминается в «Саге об Исландцах» осенью 1222 г.: Стурла Тордарсон говорит, что он прибыл к Ингимунду сыну Йона и его братьям с юга от Снорри сына Стурлы вместе со своим тезкой Бергом Шашистом (Tafl-Bergr). Столь редкие прозвища, указывающие на придворные занятия, нетипичные для исландского быта, заставляют предположить, что оба Берга прибыли в Исландию из Норвегии. Известно, что Снорри сын Стурлы в 1220-е гг. держал при себе большое количество норвежцев (до восьмидесяти человек).

[173] О починке лодки бонда сказано и в «Саге об Исландцах».

[174] «Древнейшая сага о епископе Гудмунде» в гл. CCXVI называет имя отца Сигурда, опущенное в тексте «Саги об Ароне»: Сигурд сын Эйвинда.

[175] «Сага об Ароне» опускает прозвище Эгиля “Толстый”, указываемое в «Саге об Исландцах». Сигурд сын Эйвинда и Эгиль Толстый, согласно гл. LV «Саги об Исландцах» до своего переезда к Торвальду были спутниками епископа Гудмунда. Именно поэтому они сочувствовали Арону и желали предупредить его об опасности. Арону сильно повезло, что он столкнулся именно с Сигурдом и Эгилем, а не с другими посланцами Торвальда: осенью 1222 г. он имел неосторожность настроить против себя Торвальда, отказавшись принести ему клятву в верности (см. выше, примеч. 161, с. 406).

[176] В «Саге об Исландцах» говорится, что при упоминании имени Торвальда “Арон взялся за секиру, ибо Торвальд не был его другом”. Рассказчик «Саги об Ароне» пропустил этот красочный жест, очевидно по той причине, что не отдавал себе отчета в степени вражды Арона и Торвальда.

[177] Гл. CCXVI «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари», возможно, отражающая здесь протограф «Саги об Исландцах», говорит, что инициатива предупредить

Арона исходила от Эгиля Толстого. Напротив, из версии «Саги об Исландцах» в составе «Саги о Стурлунгах» следует, что Сигурд и Эгиль действовали заодно. Неясно, было ли внесенное изменение умышленным.

[178] То, что Арон ранее никогда не встречал Сигурда с Эгилем, доказывает, что последние не принимали участия в походе епископа на Рудный Остров и Гримов Остров. Не исключено, что они перешли на службу к Торвальду после того, как войско епископа было рассеяно в битве при Святом Дворе в 1220 г. (см. примеч. 49, с. 394) или еще ранее.

[179] О том, что перед боем во Фьорде Гейртьова Арону во сне явился епископ Гудмунд, сообщают также «Сага об Исландцах» и «Древнейшая сага о епископе Гудмунде».

[180] Диалог между Сигурдом и Эгилем в «Саге об Ароне» представляет Сигурда как более робкого из них. В «Саге об Исландцах» Сигурд, напротив, выглядит заводилой.

[181] Сообщение о том, что Сигурд “мерил на себя броню” Арона, есть во всех источниках, повествующих о бою во Фьорде Гейртьова.

[182] По контексту легко реконструировать ситуацию, где должны были встретиться Рёгнвальд сын Кара и Арон: это произошло осенью 1222 г. во время налета на Торвальда, в котором оба поддерживали сыновей Хравна.

[183] Стурла Тордарсон сообщает, что Эгиль изначально стал посередине, “так как он был из них троих самым крупным”. Между версией Стурлы и версией «Саги об Ароне» нет серьезного противоречия, но «Сага об Ароне» дает более детальное описание боя и поэтому в данном случае заслуживает предпочтения.

[184] В этом месте в рукописях «Саги об Ароне» небольшая лакуна, где рассказывалось о ранах, которые Арон нанес своему противнику Торвальду.

[185] Судя по словам рассказчика о том, что “в этой саге Торвальд не проявил себя с лучшей стороны”, Торвальд сын Свейна, скорее всего, был исландцем и принимал участие в каких-то других распрях; память о нем, как о местном уроженце, могла сохраняться в устной традиции.

[186] «Древнейшая сага о епископе Гудмунде» в гл. CCXVII говорит, что Рёгнвальд “ранил Эгиля в ногу”, напротив, ряд рукописей «Саги о Стурлунагах» говорит о том, что они обменялись ранами и что “Эгиль ранил Рёгнвальда в ногу”. Какое-то из этих чтений определенно является результатом порчи текста.

[187] Ключевые детали поединка Арона с Рёгнвальдом и обстоятельства бегства Торвальда с Бергом во всех источниках изложены одинаково.

[188] Об уловке, к которой прибег Торвальд, говорится во всех источниках, но только в «Саге об Ароне» и «Древнейшей саге о епископе Гудмунде сыне Ари» в прямой речи персонажа встречается слово *fjandi* “дьявол”. Возможно, это слово было устранено компилятором «Саги о Стурлунгах» или самим Стурлой Тордарсоном по цензурным соображениям. Тем не менее компилятор «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари», заимствуя фрагменты «Саги об Ароне» не постеснялся дважды его употребить, передавая прямую речь врагов Арона: первый раз он сделал это в гл. CXCVIII в сцене перебранки между Стурлой сыном Сигхвата и Арона на Гримовом Острове.

[189] Стурла Тордарсон ограничивается сообщением, что Арон утопил труп Рёгнвальда. Обращение Арона с телом мертвого врага и его гневная реплика, заочно адресованная Стурле сыну Сигхвата, заставляют отнестись с доверием к сообщению саги о том, как Сигмунд Крючок обошелся с трупом Эйнара Белька на Гримовом Острове (см. примеч. 106, с. 400). Примечательно, что рассказчик не находит в поведении Арона ничего предосудительного, видимо, полагая, что Стурлунгам и их присным так и надо.

[190] Малодушное поведение хозяина Арона имеет литературный образец — описание паники бонда Торкеля в «Саге о Названых Братьях».

[191] Сообщение о том, что Арон требует себе провожатого, означает, что у приютившего его мелкого бонда был по меньшей мере один работник. То же самое сказано о его литературном прототипе — бонде Торкеле в «Саге о Названых Братьях».

[192] Мшистая Долина (долина и хутор) расположена на южном берегу Фьорда Эрна. В X в. там жили сыновья Бьяртмара, помогавшие объявленному вне закона Гисли сыну Кислого.

[193] Из Фьорда Гейртьова нельзя непосредственно приплыть к Песчаному Берегу, минуя Фьорд Эрна. К тому же у Арон и его хозяин, как мы знаем из саги, не имели исправной лодки.

[194] Все подробности о том, как Арон вез раненых Сигурда с Эгилем к сыновьям Хравна, сообщает только «Сага об Ароне»: очевидно, они основаны либо на местной традиции, либо на рассказах самого Арона.

[195] «Древнейшая сага о епископе Гудмунде», следующая протографу «Саги об Ароне», приписывает эту вису священнику Тормоду сыну Олава, что, несомненно, правильно. Указание на авторство висы выпало из самостоятельной редакции «Саги об Ароне» из-за небрежности переписчика.

[196] “Свод лезвий” — битва. “Вира” — здесь: хейти золота; “Враг виры” — муж (т. е. тот, кто тратит золото), в данном случае — Арон. “Куст щитов” — муж, в данном случае — Торвальд сын Свейна, бежавший от Арона.

[197] Неизвестно, кто жил в 1223 г. на хуторе Мшистая Долина.

[198] Отец Свейнбьёрна, Хравн, был самым известным врачом в средневековой Исландии.

[199] «Сага об Исландцах» подтверждает, что Торвальд одобрил поведение своих провожатых, несмотря на то, что Арон был его врагом. Аналогичная фраза есть и в «Древнейшей саге о епископе Гудмунде» в гл. CCXVIII.

[200] Овечья Гора — хутор Стурлы сына Сигхвата в Долинах и его основная резиденция.

[201] Диалог Стурлы с неудачливыми убийцами есть только в «Саге об Ароне». Высказанное Стурлой сожаление по поводу гибели Рёгнвальда подтверждает, что последний, как и Торвальд с Бергом, был к моменту поездки во Фьорд Гейртьова его челядинцем.

[202] Примечательно, что «Сага об Ароне» и другие источники в рассказе о маршруте Арона после убийства Рёгнвальда дополняют друг друга: «Сага об Исландцах» и следующая за ней «Древнейшая сага о епископе Гудмунде сыне Ари» умалчивают о

пребывании Арона у Хельги сына Свейна и Турид на Замковых Скалах, а «Сага об Ароне» не упоминает о том, что Арон после убийства Рёгнвальда подался на Бардово Побережье и скрывался там в Долине Эрна в пещере под опекой некой женщины с хутора Горное Междуречье, о чем сообщает Стурла Тордарсон.

[203] Хутор Замковые Скалы расположен на северном берегу Фьорда Эрна у его начала.

[204] Бонд Хельги сын Свейна с Замковых Скал (ум. 1238 г.), зять сыновей Хравна, впоследствии стал активным сторонником Стурлы сына Сигхвата и был убит в его войске в битве при Эрлюгсстадире 21 августа 1238 г. Торарин сын Свейна, брат Хельги, получил пощаду, и именно ему довелось обмыть труп Стурлы в день битвы («Сага об Исландцах», гл. CXXXVIII).

[205] О родстве Арона с детьми Хравна сына Свейнбьёрна см. выше примеч. 17 и 29, с. 391 и 392. У Хравна было четыре дочери, две из которых — Хердис, жена Эйольва сына Кара и Турид, жена Хельги сына Свейна — упоминаются в саге в связи со странствиями Арона.

[206] Фразу о том, что “зимой Арон попеременно находился то у Хельги с Тордис, то у других родичей” вне контекста можно трактовать двояко: она может относиться как к предыдущей зиме (1222 / 1223 гг.), так и к последующей (1223 / 1224 гг.). Несколько соображений заставляют решительно предпочесть второй вариант. Прежде всего, мы знаем по разным источникам, что зиму 1222 / 1223 гг. Арон провел у сыновей Хравна на Песчаном Берегу, а не у Хельги с Тордис. Кроме того, далее сага сообщает, что Стурла сын Сигхвата “летом прибыл на Западные Фьорды, чтобы взыскать положенные ему почести” с тех, кто укрывал Арона. Стурла уже приезжал на Западные Фьорды весной 1223 г. и наложил на сыновей Хравна крупную пеню, которую они обязались выплатить, что было подтверждено на альтинге летом 1223 г. (см. выше, примеч. 165, с. 406). В этих условиях второй приезд Стурлы сына Сигхвата спустя несколько месяцев был исключен: ему было не с кого взымать новые пени, кроме неимущего бонда Йохамара из Фьорда Гейртьова. Напротив, летом 1224 г. Стурла уже имел неопровержимые улики о пребывании Арона на Западных Фьордах у зажиточных людей зимой 1223 / 1224 гг. Стурла Тордарсон в гл. LV «Саги об Исландцах», несмотря на это, пишет, что Арон покинул Западные Фьорды и перебрался на Мыс Снежной Горы осенью того же года, когда убил Рёгнвальда (1223 г.). В данном случае Стурла ошибся.

[207] О Хавторире говорится и в «Саге об Исландцах», и в «Древнейшей саге о епископе Гудмунде»: в обеих источниках он назван Хавтором, и эта форма, несомненно, была в протографе «Саги об Исландцах». Стурла Тордарсон тоже сообщает, что Хавтор(ир) был братом Сигрид, матери Арона, но не называет имени его отца. Если чтение “Хавторир сын Снорри”, которое дает «Сага об Ароне», не ошибка переписчика, приходится заключить, что данный Хавторир был единоутробным братом Сигрид дочери Хавтор(ир)а, матери Арона. Хавтор(ир) старший погиб в 1186 г. (см. выше, примеч. 29, с. 392). Хавтор(ир) младший в любом случае родился после его смерти и был назван в его честь: либо, если сага права, он родился в следующем браке вдовы Хавтор(ир)а старшего с неким Снорри, либо он был сыном Хавтор(ир)а старшего, появившимся на свет после смерти отца, и по общему правилу, был наречен именем

отца. Таким образом, к моменту встречи со своим племянником Ароном в 1224 г. Хавтор(ир)у младшему было около 37—38 лет.

[208] Из текста «Саги об Ароне» неясно, где Хавторир встретился с Ароном. Стурла Тордарсон пишет, что это произошло уже после того, как Арон покинул Западные Фьорды. О его переезде на Мыс Снежной Горы «Сага об Исландцах» сообщает в гл. LV в таких словах: "осенью Арон взял у мыса Вадиль корабль Йона сына Аудуна и переправился на нем через Широкий Фьорд. После этого он отпихнул корабль обратно в море, и его отнесли к Песчаному Берегу к Торду. Арон жил осенью на южном берегу [Широкого] Фьорда в разных местах". Мыс Вадиль на Бардовом Побережье был в средние века одной из основных пристаней на западе Исландии. Ион сын Аудуна с Мыса Вадиль известен только по этому эпизоду. Под Песчаным Берегом, скорее всего, имеется в виду хутор Торда сына Стурлы, отца Стурлы Тордарсона: неудивительно, что рассказчик «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари» включил столь авторитетное свидетельство в свою компиляцию. Мнение Стефауна Катлссона, будто в данном месте речь идет о неком Торде из Фьорда Гейртьова, представляется ошибочным.

[209] О втором приезде Стурлы сына Сигхвата на Западные Фьорды сообщает только «Сага об Ароне». Как показано выше, это произошло летом 1224 г.

[210] Пеня в двести сотен, наложенная Стурлой сыном Сигхвата на укрывателей Арона, выглядит чрезмерной для рядовых бондов: Стурла явно стремился не только к увеличению своего достатка (о чем говорит рассказчик саги), но и к насильственному вовлеченью провинившихся в свою свиту. Мало кто в Исландии решался перечить Стурле, особенно после его нападения на собственного дядю Торда (1227 г.) и убийства сыновей Торвальда (1232 г.). По крайней мере семеро людей, в разное время помогавших Арону, были вынуждены в дальнейшем регулярно сопровождать Стурлу в его походах: четверо из них — сыновья Хравна, Свейнбьёрн и Крак, Хельги сын Свейна и Вигфус сын Ивара — погибли с ним в один день в битве при Эрлюгсстадире.

[211] О том, что Арон с Хавториром летом 1224 г. бежали на острова Широкого Фьорда и скрывались там от Стурлы, сообщают только «Сага об Ароне». Очевидно, Стурла Тордарсон не знал соответствующих рассказов или опустил их по другой причине. Арон повторяет путь Гисли сына Кислого, который, согласно саге о нем, летом часто прятался на островах Широкого Фьорда, прежде всего, на Острове Хергильса.

[212] «Сага об Исландцах» и следующая за ней «Древнейшая сага о епископе Гудмунде сыне Ари» сообщают о том, что незадолго до переезда на Соколью Скалу Арон и Хавторир случайно наткнулись в лесу на Стурлу с двумя спутниками, которые ехали в гости к аббату Халлю сыну Гицура (см. выше, примеч. 12, с. 390) на Святую Гору. Арон порывался напасть на Стурлу — у обоих, согласно «Саге об Исландцах» было по два спутника — но Хавторир схватил его и удержал; Стурла и его люди Арона не видели. С практической точки зрения, решение Хавторира было разумным: убийство Стурлы сына Сигхвата было бы равносильно смертному приговору. Интересно, что рассказчик «Саги об Ароне» не знал об этом примечательном эпизоде, в то время как компилятор «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари» выделил его в отдельную главку (гл. CCXIX). Халль сын Гицура (ум. 1230 г.) был аббатом монастыря на Святой Горе с 1221 г. по 1225 г. Оба спутника Стурлы названы в «Саге об Исландцах»

по имени, и оба они в дальнейшем упоминаются в «Саге об Ароне» — это бонд Вигфус сын Ивара и Зернистый Бьёрн, участник облавы на Арона.

[213] Хутор Соколья Скала находится у побережья Лощинного Фьорда сравнительно близко от Овечьей Горы, хутора Стурлы сына Сигхвата. О пребывании Арона с Хавториром на Сокольей Скале у Вигфуса, облаве, устроенной на него Стурлой, убийстве Хавторира и бегстве Арона сообщают все источники.

[214] Бонд Вигфус сын Ивара (ум. 1238 г.) серьезно пострадал из-за укрывательства Арона и до конца своих дней был вынужден сопровождать Стурлу в его походах. Помимо побоев, на его долю выпали имущественные лишения — Стурла отнял у него Острова Сокольей Скалы, стоимость которых оценивалась в двадцать сотен, — и моральное унижение — Вигфус был вынужден сдаться на милость Стурле и стать его домочадцем (heimamaðr).

[215] О том, что Арон в 1222 г. выехал на Западные Фьорды с Лесистого Побережья, говорилось ранее в гл. XI. Там о пребывании Арона на Сокольей Скале у Вигфуса не упоминалось: этот провал объясняется небрежностью рассказчика.

[216] Из контекста следует, что укрытие на хуторе Вигфуса было предназначено не только для Арона, но и для Хавторира.

[217] Эти слова саги, разъясняющие читателю, почему объявленному вне закона вопреки всем разумным основаниям не сидится в укрытии и зачем он ищет женского общества, перекликаются со знаменитой фразой из «Саги о Названых Братьях»: “Тормоду было скучно в пещере, потому что там было мало развлечений”.

[218] Стурла Тордарсон называет одного из лазутчиков Стурлы сына Сигхвата по имени: это был Эйрик Берестяник, бродяга, незадолго до того примкнувший к Стурле сыну Сигхвата. Против отождествления его с лазутчиком Стурлы, проникшим на хутор Вигфуса, говорит тот факт, что в 1222 г. Эйрик, вместе с упоминавшимся Бергом Танцором и Рёгнвальдом сыном Кара, сопровождал Ингимунда сына Йона (см. выше, примеч. 156, с. 405) и участвовал в налете на Торвальда из Озерного Фьорда. Но ни Арон, ни сыновья Хравна в этом налете не участвовали, поэтому Эйрик Берестяник и Арон, скорее всего, до 1224 г. не встречались, что подтверждается текстом саги. Тем самым, гипотеза о том, что Эйрик мог быть лазутчиком Стурлы, остается в силе.

[219] О том, что объявленных вне закона зимой прятали в хлеву, сообщается также в «Саге о Гуннаре Убийце Тидранди».

[220] О том, что со Стурлой приехало всего одиннадцать человек (четверых из них мы знаем по имени), сообщает только «Сага об Ароне». Очевидно, Стурла рассчитывал нагрянуть внезапно и потому не взял с собой из дому больше народа.

[221] О том, что бонда Вигфуса ударили обухом секиры, сообщают все источники. Стурла Тордарсон сообщает, что это сделал провожатый Снорри Зернистый Бьёрн, который незадолго перед тем вместе со Стурлой и Вигфусом ездил к аббату Халлю (см. выше примеч. 212, с. 411). Из «Саги об Ароне» следует, что это произошло еще д о бегства Арона, в то время как по «Саге об Исландцах» получается, что Вигфуса побили (вероятно, с досады) уже п о с л е того, как Арону удалось прорваться.

[222] Паль, домочадец Вигфуса, по другим источникам неизвестен. О его избиении сообщает только «Сага об Ароне».

[223] Прозвище Эйрика воскрешает стилистику гражданской войны в Норвегии в конце XII — начале XIII вв. Берестяниками называли вооруженных сторонников конунга Сверрира и его потомков. Буквальный смысл прозвища — “мужик в лаптях”, т. е., по мнению противников, “голь”, “подонок” — хорошо подходит к статусу Эйрика в Исландии и его занятиям. По-видимому, Эйрик действительно был норвежцем, прибывшим в страну вместе со Снорри сыном Стурлы и кочевавшим от одного хёвдинга к другому. Благодаря «Саге об Исландцах» мы знаем о нем, что в 1222 г. он вместе с Бергом Танцором и Бергом Шашистом перебрался от Снорри к Ингимунду сыну Йона (см. выше, примеч. 172, с. 407), в 1224 г. примкнул к Стурле и убил Хавторира, в 1227 г. участвовал в нападении Стурлы на хутор Торда сына Стурлы, в 1232 г. участвовал в расправе Стурлы над сыновьями Торвальда, в 1236 г. по приказу Стурлы выехал в Залив Тюлених для убийства людей Орэкьи сына Снорри, 28 апреля 1237 г. сражался под началом Стурлы в битве при Бэ, пережил битву при Эрлюгсстадире 21 августа 1238 г., сопровождал Клэнга сына Бьёрна в 1241 г., после гибели последнего переметнулся к его убийце Орэкье сыну Снорри, и, наконец, принял участие в походе Орэкьи и Стурлы Тордарсона против Гицура и сражался под их началом в битве на Палатном Холме 2 января 1242 г. Весной 1253 г. Эйрик был еще жив: «Сага о Торгильсе Заячья Губа» называет его в числе жителей Городищенского Фьорда, помогавших епископу Хейнреку перебираться через Белую Реку. Боевой путь Эйрика Берестяника был, судя по всему, типичен для многих других провожатых, набираемых хёвдингами XIII в. Стурла Тордарсон, знавший Эйрика лично, относился к нему неприязненно и во многих эпизодах «Саги об Исландцах» подчеркнул его неблагородное поведение.

[224] Стурла Тордарсон в гл. LV «Саги об Исландцах» передает реплику Эйрика так: “Эйрик вбежал в дом, говоря, что он убил кого-то из чертей (fjanda). Они [Стурла и его люди] схватили свое оружие и выбежали наружу”.

[225] Ответная реплика Стурлы сына Сигхвата есть только в «Саге об Ароне».

[226] О том, что Арон успел подойти к умирающему Хавториру, другие источники не сообщают.

[227] Арни сын Энунда по другим источникам неизвестен. Возможно, в текст саги вкралась ошибка, и имелся в виду бонд Арни сын Аудуна из Долин (ум. 1238 г.), активный сторонник Стурлы сына Сигхвата.

[228] Все подробности облавы, включая реплики Арни, Стурлы и Арона, другие источники опускают, упоминая лишь о том, что Арон вырвался из оцепления, оглушив Бьёрна. О том, что Стурла сын Сигхвата “собирался, захватив Арона, долго его мучить и готовил ему перед смертью не один и не два удара”, также известно только из «Саги об Ароне». Это свидетельство, подкрепленное ссылкой на слова очевидцев из свиты Стурла, “бывших там на месте”, с нашей точки зрения, заслуживает доверия. Оно проливает свет на обстоятельства казни сыновей Торвальда в 1232 г., которых Стурла, судя по всему, специально распорядился не убивать с первого раза («Сага об Исландцах», гл. LXXXV).

[229] Подвернувшийся Арону под руку Бьёрн, спутник Стурлы сына Сигхвата — это Зернистый Бьёрн сын Йона и Торкатлы, дочери Барда с Колодезной Реки, дважды упоминаемый в гл. LV «Саги об Исландцах» в связи с поездками Стурлы осенью 1224 г. Правда, в гл. CCXIX «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари» то

же лицо один раз названо Кольбейном, но это, как показал Б. М. Ульсен, результат порчи текста и ложных конъектур писцов: написание “Kornbjǫrn” (“Зернистый Бьёрн”) было неверно принято за личное имя “Kolbjǫrn” и затем переиначено в “Kolbeinn”. Колодезная Река, где проживал Бьёрн, находится близ Грязного Жилья в Долинах.

230 Данная виса сложена священником Тормодом сыном Олава, о чем сообщает «Древнейшая сага о епископе Гудмунде сыне Ари» в гл. CCXX. Указание на авторство висы выпало из самостоятельной редакции «Саги об Ароне» по небрежности переписчика; невозможно установить, когда это произошло.

231 “Златовержец” — муж (тот, кто низвергает золото, т. е. дарит его другим), в данном случае — Арон. “Рьяное древо меры” — он же.

232 О ране в лодыжку, полученной Ароном, другие источники не упоминают. Очевидно, что и здесь «Сага об Ароне» основывается на наиболее подробной версии событий, восходящей к свидетельству очевидцев, в то время как «Сага об Исландцах» предлагает сжатую версию, и пропускает детали, несущественные для дальнейшего рассказа.

233 Дьякон Олав Белый Скальд сын Торда сына Стурлы (ум. 1259 г.) был родным братом Стурлы Тордарсона и другом Арона, о чем сага говорит ниже. Неизвестно, где и когда завязалась эта дружба — в Исландии или в Норвегии, где Олав провел несколько лет. Олав был известным скальдом; им составлен т. н. «Третий грамматический трактат», представляющий собой наиболее развернутое руководство по скальдической поэзии после «Младшей Эдды». С именем Олава иногда связывают одну из лучших родовых саг, «Сагу о Людях из Лососьей Долины». В отличие от своего младшего брата Стурлы, Олав не был хёвдингом; тем не менее, был сделан законоговорителем в 1248—1250 гг. (на его назначении настоял Торд Какали) и в 1252 г. В распрях Олав поддерживал своего дядю и наставника Снорри, за что был выслан из страны Стурлой сыном Сигхвата в 1237 г.: он оставался в Норвегии по крайней мере до 1240 г., и учитывая его дружбу с Тордом Какали, мог гостить вместе с Тордом у Арона в Бергене. После смерти Снорри Олав поддерживал Торда Какали и своего племянника Торгильса Заячья Губа. Олав пережил Арона на четыре года: если приводимые в саге две висы, прославляющие Арона, были частью поминальной драпы или флокка, они датируются именно этим временем (1255—1259).

234 “Кольчуг крушитель” — муж, в данном случае — Арон. “Меченоша” — он же. Данная виса Олава, как и предыдущая виса Тормода о том же событии, приводится в «Древнейшей саге о епископе Гудмунде сыне Ари», но там их порядок иной: виса Олава поставлена ранее висы Тормода. Неясно, в какой последовательности эти две висы стояли в протографе «Саги об Ароне» и была ли там виса Олава вообще.

235 Пустошь Нагорья представляет собой горный проход между Лесистым Побережьем на севере и Пуговичной Долиной на юге. Арон пробирается на юг в округу, где живут его мать Сигрид и Торлак сын Кетиля.

236 Описание мытарств Арона, в одиночку бредущего по пустоши в бурю, напоминает аналогичный эпизод с Бьёрном Бойцом Широкого Залива в «Саге о Людях с Песчаного Берега». Бьёрн, как и Арон, идет горным путем, попадает в бурю и одежда начинает к нему примерзать.

[237] Хутор Мыс в Пуговичной Долине один раз упомянут в «Саге об Исландцах», но по другому поводу. Стурла Тордарсон не упоминает о том, что Арон сделал привал до Красного Песчаника, хутора своей матери.

[238] Неизвестно, кто такая Това, и кем она приходилась Сигрид, матери Арона. В 1234 г., десять лет спустя, на хуторе жил некто Фьялльгейр с сыновьями («Сага об исландцах», гл. CIII).

[239] Красный Песчаник, хутор Сигрид, находится относительно недалеко от хутора Мыс, где сделал привал Арон, ср. слова рассказчика о том, что Сигрид пришла туда пешком.

[240] “Возвращаясь к рассказу о Стурле”, рассказчик саги рассказывает лишь о божественном промысле, наславшем на Стурлу сына Сигхвата непогоду, но умалчивает о тяжких наказаниях, которым Стурла подверг бонда Вигфуса, см. выше примеч. 214, с. 412.

[241] Сообщение о погоде, благоприятствовавшей Арону в пути и мешавшей его преследователям, представлено рассказчиком как чудо, свидетельствующее о том, что Арон был угоден Богу, ср. аналогичный пассаж о возвращении Эйольва сына Кара в гл. V. Однако оно плохо согласуется с содержанием предыдущего абзаца, где говорится о мытарствах Арона в пути. Трудно определить, была ли эта нестыковка в протографе «Саги об Ароне», или же является плодом неудачного добавления, сделанного позднейшим писцом.

[242] Это место в саге — единственное, где Гудлауг, жена Торлака, представлена как деятельный участник саги, помогающий Арону. Скорее всего, оно было в протографе саги, ср. лестную вводную характеристику Гудлауг в гл. II.

[243] Диалог Арона с матерью и предупреждение Торлака с Гудлауг приводятся только в «Саге об Ароне». Стурла Тордарсон сообщает просто, что “Арон оставался там [у своей матери] до тех пор, пока не оказался в состоянии свободно передвигаться”.

[244] Неясно, опираются ли сообщения о молитвах Арона, которые тот перенял у епископа Гудмунда, на какую-либо устойчивую традицию о епископе, или же они были добавлены непосредственно при записи «Саги об Ароне». В перечне латинских молитв епископа Гудмунда (см. «Сагу об Исландцах», гл. CXIX) молитва Ave maria и псалом Benedicite отсутствуют, но этот перечень содержит только молитвы, с которых сам епископ начинал день.

[245] Стурла Тордарсон восполняет этот пробел и четко указывает, куда подался Арон, съехав с Красного Песчаника: он отправился в приход Песчаного Берега на хутор Отмель Берсерков к некоему Халльдору сыну Арни. На этом хуторе проживала наложница Хьёрлейва, отца Арона, и “отец с сыном часто встречались там” зимой. На том же хуторе к Арону примкнул некто Старкад сын Бьярни, по прозвищу Горлопан, по-видимому, объявленный вне закона или бродяга, и они с Ароном стали скрываться вместе. Как сообщает далее Стурла Тордарсон, Арон со Старкадом съехали с Отмели Берсерков незадолго до йоля и отправились на юг, и “их тайно держали в разных местах”. Старкад сопровождал Арона и во время убийства Сигмунда Крючка в январе 1225 г. Вызывает удивление, что столь значительный блок информации, включающий

упоминание о встрече Арона с отцом, совершенно выпал из поля зрения рассказчика «Саги обАроне».

[246] Сигмунд Крючок, провожатый Стурлы сына Сигхвата, упоминался ранее в гл. VII. Повторное введение персонажа почти наверняка является результатом порчи текста.

[247] Все саги указывают, что Сигмунд сражался на Гримовом Острове рядом со Стурлой сыном Сигхвата и спас последнего от удара Арона. Вполне вероятно, что Сигмунд ранил Арона в этом бою, но ни один из источников не говорит об этом прямо.

[248] Хутор Пустырь расположен в приходе Большого Холма в той же округе, где прятался Арон. Топоним "Пустырь" в «Древнейшей саге о епископе Гудмунде сыне Ари» опущен, но там приводится другой местный ориентир — топоним "Неприкрашенный Склон". В протографе «Саги об Исландцах» были оба топонима; трудно сказать, как обстояло дело в протографе «Саги об Ароне».

[249] Стурла Тордарсон дает гораздо более вразумительное описание убийства Сигмунда. Арон не "случайно проезжал мимо" жилища Сигмунда, как пытается представить дело рассказчик «Саги об Ароне», а специально подкарауливал его, лежа в стогу сена. Убийство произошло на девятый день йоля, в пятницу. Арон не захотел нападать на Сигмунда днем, когда тот вез сено домой с одним спутником, и дождался наступления темноты.

[250] Говоря, что Арон быстро расправился с Сигмундом "потому что, застал его вне дома", рассказчик саги лукавит или проявляет неосведомленность. «Сага об Исландцах» сообщает, что Старкад, пособник Арона, выманил Сигмунда за дверь, и Арон пронзил того тесаком в тот момент, когда враг не мог сопротивляться. После этого Арон со Старкадом заперли женщин и детей в доме и ограбили хутор. Затем они отправились по пустоши на юг к Красному Песчанику к матери Арона.

[251] Та же мотивировка убийства Сигмунда приводится и в «Саге об Исландцах». Подозрение Арона, что Сигмунд был "посажен охотиться за его головой" имело под собой серьезные основания, учитывая то, что Сигмунд поселился в той же округе, что Арон, в заведомо малолюдной и неплодородной местности.

[252] Утверждение саги, что Арон, убивая Сигмунда, мстил за своего дядю Хавторира, вновь стилизует биографию Арона в духе родовой саги. В «Саге об Исландцах» эта мотивировка, разумеется, не приводится.

[253] Мировая Арона с сыновьями Сигмунда Крючка была заключена летом 1253 г., во время его последнего приезда в Исландию.

[254] Хейнрек сын Кара был епископом на Пригорках в 1247—1260 гг. Арон много общался с ним и подолгу гостил у него в 1252—1254 гг. Саги описывают епископа Хейнрека как активного проводника воли конунга Хакона в Исландии (см. вступительную статью, с. 378). Среди исландских хёвдингов Хейнрек поддерживал Торда Какали и других врагов Гицура, но жаловался на своих союзников в Норвегию, если они отклонялись от обязательств, данных конунгу. Как и его предшественник епископ Гудмунд, епископ Хейнрек часто прибегал к отлучениям собственных врагов от церкви: в 1254 г. он был за это захвачен в плен наместником Гицура Оддом сыном Торарина (см. выше, примеч. 128, с. 402), но вскоре отпущен.

[255] Бранд сын Йона, епископ на Пригорках в 1263—1264 гг., был братом хёвдингов Орма Свиногорца и Торарина, с которыми Арон столкнулся в 1222 г. на хуторе Свиная Гора. Бранд был влиятельной фигурой не только в церковных, но и в светских кругах, и привлечение его в качестве третейского судьи в мировой Арона с сыновьями Сигмунда Крючка удивления не вызывает. В 1238 г., когда страна оказалась без действующих епископов, Бранд был официалом (заместителем епископа по судебным вопросам) епархии в Скаулахольте. К тому моменту он еще не был аббатом: аббатом монастыря в Густом Жилье он стал только в 1247 г. Рассказчик саги, видимо, затруднялся подобрать правильную титулатуру Бранда к моменту заключения мировой по тяжбе Арона.

[256] Упоминание о том, что в начале 1225 г. Арон скрывался под чужим именем, есть только в «Саге об Ароне». Столь прославленному человеку, как Арон, было трудно выдать себя за другого и обмануть жителей юго-западной Исландии, где он скрывался. Возможно, речь идет об известном по родовым сагам обычае называть хозяину заведомо значащее имя, такое как Гест “гость”, Вигфус “боевой дух” и т. п. Наиболее знаменитая коллекция подобных имен собрана в «Саге о Названых Братьях», где Тормод Скальд Чернобровой в разных ситуациях называет себя Отрюггом сыном Тортрюгга, т. е. “Неверным сыном Недоверчивого”, Вигфусом, т. е. “Боевым Духом”, Торрадом, т. е. “Трудным Замыслом” и, наконец, Освивром, т. е. “Беспокойным”. Услышав последнее имя, хозяйка хутора, сразу опознавшая Тормода, замечает: “Каждый таков, как его имя”. Представляется вероятным, что между преданиями об именах, под которыми странствовал Арон, и преданиями о Тормоде, есть связь.

[257] О том, что Арон скрывался в начале 1225 г. на Моржовом Мысу, сообщает также в «Саге об Исландцах». Моржовый Мыс — это самый край полуострова, где ныне находится столица Исландии, город Рейкьявик. Таким образом, Арон, пробираясь на юг Исландии, уже успел миновать многолюдный Городищенский Фьорд.

[258] Эйнар сын Снорри, дядя Арона по матери, известен только по «Саге об Ароне». Стурла Тордарсон подтверждает, что Арон до переезда к Харальду сыну Сэмунда побывал на Моржовом Мысу, но говорит, что его хозяином был некто Торстейн; сын этого Торстейна далее упоминается в гл. CLIII «Саги об Исландцах» в рассказе о событиях 1241 г. Поскольку Стурла Тордарсон и «Сага об Ароне» во многих случаях опираются на дополняющие друг друга устные свидетельства, представляется вероятным, что Арон гостил у обоих названных бондов. Компилятор «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари» по непонятным причинам выбросил в гл. CCXXIII упоминание об остановке Арона на Моржовом Мысу.

[259] Годи Харальд сын Сэмунда (ум. 1251 г.) унаследовал усадьбу в Одди от своего отца. Данная усадьба была в XIII в. одной из богатейших в Исландии. Мечтой Стурлы сына Сигхвата было завладеть ею, и это на короткое время удалось ему весной 1238 г.

[260] Священник Вильхьяльм сын Сэмунда (ум. 1273 г.) проживал в Одди вместе со своим братом Харальдом.

[261] Годи Филиппус сын Сэмунда (ум. 1251 г.) жил на Пригорке Сторольва в Южной Исландии.

[262] «Сага об Исландцах» и «Древнейшая сага о епископе Гудмунде сыне Ари», говоря о пребывании Арона в Одди, ограничиваются упоминанием Харальда, который

был главным благодетелем Арона. В то же время, обе эти саги приводят деталь, отсутствующую в «Саге об Ароне»: Арона некоторое время держали в приделе церкви в Одди.

[263] Люди из Одди традиционно поддерживали епископа Гудмунда. Помимо названных в саге Харальда, Вильхьяльма и Филиппуса, у Сэмунда были сыновья Андреас (ум. 1268 г.), проживавший на Эйвиндовом Пригорке, Бьёрн с Кривой Реки (ум. 1280 г.) и Хальвдан с Ключей (ум. 1265 г.). Последний был женат на Стейнвёр дочери Сигхвата и активно поддерживал Стурлунгов.

[264] О том, что епископ Гудмунд летом 1225 г. находился в Трандхейме, сообщают все источники — «Сага об Исландцах», анналы, т. н. «Жизнь епископа Гудмунда» и четыре саги о епископе Гудмунде, включая «Древнейшую сагу о епископе Гудмунде сыне Ари». Жизнь епископа Гудмунда была расписана по годам еще первыми его биографами в XIII в., хотя они порой допускали ошибки в определении точной даты: данный вопрос подробно изучен в XX в. С. Колсрудом и Стефауном Катлссоном.

[265] О поездке Хьёрлейва в Трандхейм известно только из «Саги об Ароне». Поскольку Хьёрлейв, по свидетельству Стурлы Тордарсона, встречался с Ароном в Исландии в декабре 1224 г. на хуторе Отмель Берсерков (см. выше, примеч. 245, с. 415), он должен был приехать в Норвегию летом 1225 г. Из контекста саги следует, что Хьёрлейв плыл на другом корабле, чем Арон, и прибыл в Норвегию раньше, чем он.

[266] Ярл Скули сын Барда (ум. 1240 г.) был в 1217—1240 гг. главным противником конунга Хакона, вокруг которого объединились бывшие Посошники, т. е. сторонники епископа Никуласа и противники Сверрира, и часть умеренных Берестяников. Скули и сам притязал на норвежский престол после смерти своего брата конунги Инги в 1217 г., но крайние Берестяники во главе с лагманном Гулатинга Дагфинном Бондом предпочли сделать ставку на юного Хакона (1204—1263). Фраза саги о том, что “той третью Норвегии правил тогда ярл Скули”, соответствует политическим реалиями. В 1220-е гг. у конунга Хакона было еще недостаточно сил, чтобы контролировать всю страну, и за ярлом была закреплена треть Норвегии, причем конунг Хакон и ярл Скули регулярно переезжали со своей свитой из Вика в Берген или Трандхейм.

[267] Скули покровительствовал исландцам, в первую очередь, людям из окружения своего лендрманна Снорри сына Стурлы, который имел контакты еще с его старшими братьями, конунгом Инги (ум. 1217 г.) и ярлом Хаконом Шальным (ум. 1214 г.).

[268] О том, что Арон вначале стал дружинником ярла Скули и лишь затем перешел на службу к конунгу Хакону, сообщает только «Сага об Ароне».

[269] “Йорсалир” — это Иерусалим. О том, что Арон был в Иерусалиме, сообщают все источники, но только «Сага об Ароне» указывает, что он уехал без разрешения ярла. Нет никаких оснований ставить это сообщение под сомнение: оно явно опирается на рассказы очевидцев и устную традицию об Ароне, проигнорированную Стурлой Тордарсоном в «Саге об Исландцах».

[270] О поездке Хьёрлейва в Исландию летом 1226 г. и его смерти в пути, сообщает только «Сага об Ароне». Странно, что рассказчик не сообщает о гораздо более известном факте — возвращении епископа Гудмунда в Исландию летом того же года. Этот факт был известен компилятору «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне

Ари», который выделил его в отдельную главку (гл. CCXXVIII). Текст данной главки заимствован из «Саги о Стурлунгах». Хьёрлейв должен был плыть на другом корабле, чем епископ Гудмунд: мы знаем, что епископ Гудмунд и его спутники благополучно пристали на севере страны в Хрутовом Фьорде.

[271] В исландских анналах под 1226 г. о кораблекрушениях ничего не сказано, но есть одна запись, которая может относиться к гибели Хьёрлейва и его товарищей: “людские потери (manntap) в Широком Фьорде”.

[272] О том, что Арон дал обет посетить святые места, ранее ничего не говорилось, но из саг мы знаем, что такие обеты часто давались в миг крайней опасности. Можно лишь гадать, в какой именно ситуации Арон дал данный обет, так как вся его жизнь в Исландии после 1222 г. представляла собой череду испытаний. Возможно, сообщение об обете, данном Ароном, было в протографе саги, но переписчик по небрежности пропустил его.

[273] Эйольв в других источниках не упоминается, и идентифицировать его проблематично.

[274] Все подробности о паломничестве в Иерусалим явно почерпнуты из традиции, опирающейся на рассказы самого Арона. Другие источники их пропускают, очевидно потому, что кроме Арона среди участников путешествия не было других видных исландцев.

[275] О том, что Арон по своем возвращении из Иерусалима встретился с конунгом Хаконом именно в Вике, т. е. на юге Норвегии, другие источники не сообщают.

[276] Олав сын Торда — то же лицо, что Олав Белый Скальд, автор ранее приводимой висы № 15 (см. выше, примеч. 233, с. 414). Повторное введение персонажа — небрежность рассказчика или переписчика, но по тексту самой саги невозможно заключить, какое именно упоминание Олава — первое или второе — является позднейшим добавлением. Большинство комментаторов полагает, что в протографе саги висы № 15 не было (ее нет и в «Саге об Исландцах»), поэтому именно первое упоминание Олава вызвано порчей текста. Но эта виса имеется в «Древнейшей саге о епископе Гудмунде сыне Ари» (правда, без указания на авторство на Олава), и трудно предположить иной источник для ее заимствования, кроме «Саги об Ароне». Отсюда следует, что либо компилятор «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари» имел дело не с протографом, а уже со списком «Саги об Ароне», либо второе, а не первое упоминание Олава (вопреки большинству комментаторов) является позднейшим добавлением. Второй вариант более вероятен.

[277] Данную вису приводит (со ссылкой на авторство своего брата Олава) Стурла Тордарсон в гл. LV «Саги об Исландцах». Есть она и в «Древнейшей саге о епископе Гудмунде сыне Ари».

[278] “Пресветлый Фрейр щита” — муж, в данном случае — Арон. “Стрелец” (хейти мужа) — он же. “Изгой” — объявленный вне закона, т. е. опять-таки Арон. Виса подчеркивает, что Арон, чью “доблесть” скальд ставит “превыше всего”, оставаясь вне закона в Исландии, обрел “сан” и “славу” в иных землях и прославил свое имя в Иерусалиме, на берегах Иордана.

[279] Об этом разговоре между конунгом Хаконом и ярлом Скули в 1228 г., как и о всех дальнейших событиях жизни Арона, другие источники не упоминают. Стурла Тордарсон ограничивается кратким сообщением, что Арон стал дружинником конунга Хакона после возвращения из Иерусалима.

[280] Это сообщение о почти тридцатилетнем стаже Арона в дружине конунга соответствует действительности: Арон стал дружинником конунга Хакона летом 1228 г. и оставался им до своей смерти в 1255 г.

[281] Перемещения конунга Хакона по Норвегии подробно описаны в «Саге о Хаконе Старом».

[282] О Рагнхильд, норвежской жене Арона, говорится в разных источниках, но только «Сага об Ароне» сообщает, что она была родней конунга Хакона. Торд Хитнесинг, автор «Саги о Торгильсе Заячья Губа», говорит о Рагнхильд, что она была очень рачительной хозяйкой и “быстро наживала имущество, которое Арон затем не менее быстро спускал” (St III, 183).

[283] Палаты и двор конунга Хакона в Бергене сохранились до наший дней; они расположены на том же берегу Бергенского Залива, где стояла многократно срываемая и восстанавливаемая в ходе гражданской войны Крепость Сверрира. Дворы дружинников должны были находиться в непосредственной близости от двора конунга.

[284] Описание бань, которыми заведовал Арон, является наиболее древним литературным свидетельством о городских банях в Скандинавии.

[285] Весовой пеннинг был одной двухсотсороковой частью весовой марки. Принято считать, что весовая марка составляла 214,32 граммов серебра. В таком случае один весовой пеннинг равнялся 0,9 г серебра, что, вопреки рассказчику, нельзя назвать “немалыми деньгами”.

[286] Помимо щедровсти и мотовства Арона — черт, вероятно, унаследованных им от своего отца Хьёрлейва, большие расходы Арона, о которых говорит сага, объяснялись тем, что он принципиально приглашал к себе всех соотечественников, приезжавших в Берген. Об этом прямо говорит Торд Хитнесинг в «Саге о Торгильсе Заячья Губа» (St III, 181). Конунг Хакон был заинтересован в поддержании этого канала связи с исландцами, иначе он не пожаловал бы Арону гарантированного источника дохода в виде ренты с городских бань. Среди бергенских постояльцев Арона были не только люди, которых он прежде никогда не видел, но и члены семей, имевших основания враждовать с Ароном, например, Торд Какали. Конунг присматривался к гостям Арона и, если они представляли для него интерес, приглашал их себе, как было в случае с Тордом Какали и Торгильсом Заячья Губа. Сам Арон тоже нуждался в дружеских связях с соотечественниками, поскольку он надеялся добиться с их помощью гражданской реабилитации (sýkn).

[287] Отдельные распри между сторонниками Хакона и Скули и переманивание сторонников друг друга не прекращались, пока Скули был жив; биография Арона, перешедшего из лагеря Скули в лагерь Хакона — один из многих подобных случаев.

[288] “Письменные рассказы” о “жестоких распрях” между конунгом Хаконом и ярлом Скули, на которые ссылается рассказчик, — это «Сага о Хаконе Старом» Стурлы Тордарсона. Под “порой жестоких распрей”, скорее всего, имеются в виду события

1239—1240 гг., когда столкновения между сторонниками Хакона и Скули переросли в гражданскую войну.

[289] Стурла сын Сигхвата выехал из страны в 1233 г. Эпизод, о котором идет речь, случился в Бергене в конце лета 1233 г. Оченью того же года в Берген для переговоров с конунгом Хаконом из Трандхейма прибыл ярл Скули, и они заключили между собой перемирие.

[290] У читателя саги может создаться превратное впечатление, будто Стурла сын Сигхвата прибыл в Берген ровно затем, чтобы убить Арона. В действительности, Стурла искал встречи с конунгом Хаконом, чтобы заключить с ним союз. Стурла Тордарсон сообщает в гл. XCII «Саги об Исландцах», что его тезка и двоюродный брат пристал в Норвегии севернее Бергена и сперва остановился у Альва из Торнберга, зятя ярла Скули, в Боргунде (Южный Мёр). Альв усиленно зазывал Стурлу к Скули, находившемуся в тот момент в Трандхейме, но Стурла наотрез отказался и предпочел отправиться к конунгу Хакону в Берген (St II, 229).

[291] О Хунбоги, родиче Арона, ничего не известно. Невозможно установить, кем он приходися Арону.

[292] Не совсем ясно, что рассказчик саги, живший в XIV в., понимал под "улицей". В XIII в. это слово воспринималось как имя собственное и было закреплено за главной в то время улицей Бергена, на которой стояли Церковь Марии, Церковь Лавранца и Церковь Никуласа.

[293] Торд сын Гудмунда, сына Сигрид (ум. 1238 г.), один из наиболее одиозных спутников Стурлы сына Сигхвата, погиб в битве при Эрлюгсстадире 21 августа 1238 г. О том, что Торд сопровождал Стурлу в его поездке в Норвегию, сообщает только «Сага об Ароне». Торд был сыном бонда с Западных Фьордов; «Сага о Исландцах» называет Гудмунда, отца Торда, "человеком изрядного ума и с большой родней" (St II, 257).

[294] Стурла Тордарсон сообщает, что Стурла остался зимовать в Бергене, но в весной 1234 г. отбыл в Данию и совершил оттуда предписанное ему паломничество в Рим.

[295] Не представляется возможным твердо установить, когда произошла описываемая ниже стычка между Ароном и Гаутом из Меля. Слова саги о том, что конский бой состоялся "однажды летом", побуждают считать, что это произошло не раньше 1235 г., так как Стурла сын Сигхвата, "приславший Гауту одного из коней из Исландии", прибыл в Берген на исходе лета или осенью 1233 г., а в 1234—1235 гг. Стурлы в Исландии не было. Кроме того, реплика Гаута, который желает, чтобы "Стурла был от Арона не дальше, чем сейчас стоит он", предполагает, что точные сведения о встрече Стурлы с Ароном в Бергене в 1233 г. уже успели широко распространиться в Норвегии. Таким образом, стычка между Ароном и Гаутом могла произойти между 1235 г. и 1238 г. (год гибели Стурлы), скорее всего, — в 1236—1237 гг.

[296] О конских боях много и подробно рассказывается в родовых сагах. Рассказ «Саги об Ароне» ценен тем, что он приурочен к весьма поздней эпохе и может опираться на свидетельства очевидцев.

[297] Лендрманн Гаут из Меля сын Йона (ум. 1270 г.) был одним из наиболее могущественных людей в Норвегии. Усадьба Мель, где он жил, расположена в Южном Хёрдаланде неподалеку от Бергена. Гаут впервые упоминается в числе лендрманнов

конунга в 1217 г.: это означает, что Гаут к тому времени был уже совершеннолетним, т. е. родился не позже 1199 г. Последнее упоминание о Гауте в «Саге о Хаконе Старом», приходится на август 1263 г., когда Гаут сопровождал конунга Хакона и его сына Магнуса в походе в Шотландию. В «Пряди о Стурле» рассказывается, как в том же году опальный Стурла Тордарсон прибыл в Норвегию и остановился у Гаута, который составил ему протекцию перед Магнусом, сыном конунга Хакона. Согласно Стурле Тордарсону, конунг Хакон часто сажал Гаута на тот корабль, на котором плыл сам: то же самое рассказчик «Саги об Ароне» говорит про Арона. Можно предположить, что вынужденное соседство на корабле конунга было неприятно обоим участникам конфликта.

[298] Годи Арни Беспорядок сын Магнуса, сына Амунди (ум. 1250 г.), проживавший сперва на Проезжем Холме в Городищенском Фьорде, а затем на Грязном Жилье в Долинах, часто бывал в Норвегии. Свое диковинное прозвище Арни получил за неудачную попытку выстроить “на норвежский лад” войско своего бывшего тестя Снорри сына Стурлы на альтинге летом 1234 г. Эта попытка провалилась, поскольку Арни, как пишет Стурла Тордарсон, был “к подобной работе непривычен” (St II, 248).

[299] Уточнение рассказчика, что “Арни Беспорядок был исландцем”, выдает в нем человека, смотрящего на излагаемые события со стороны: в любом тексте XIII в. подобная фраза была бы немыслима, так как Арни был не просто исландцем, но одним из всем известных хёвдингов. До 1239 г. Арни поддерживал Снорри сына Стурлы (он был женат на его дочери Халльбере в 1218—1224 гг.), но после того, как Снорри покинул Норвегию вопреки приказу конунга, их пути разошлись; в 1240-е гг. Арни действовал уже как союзник Гицура.

[300] О том, что Арни Беспорядок был другом конунга Хакона и одним из его доверенных лиц в Исландии, говорят и другие источники. «Сага об Исландцах» в гл. XLI сообщает, что Арни останавливался у конунга Хакона еще в 1221 г., так как “конунг был большим его другом”. В 1240 г. Арни и норвежский дружинник Хакона Эйвинд Крутой (Eyvindr Brattr) привезли в Исландии печально известные грамоты конунга, адресованные Гицуру: в них содержался приказ убить Снорри сына Стурлы. Содержание этих писем было разглашено Гицуром непосредственно перед нападением на Снорри и его убийством в 1241 г.

[301] О том, что лендрманн Гаут был одноглазым, сообщает только «Сага об Ароне». Едва ли такая деталь может быть плодом фантазии рассказчика, учитывая, сколько известным человеком был Гаут.

[302] Торарин, родич Арона, по другим источникам неизвестен.

[303] Причины дружбы между Ароном и Арни Беспорядком неясны; скорее всего, Арни тоже останавливался в Бергене у Арона во время одного из своих многочисленных приездов в Норвегию. Рассказчик саги ничего не говорит о том, что Арни помогал Арону в Исландии.

[304] Прозвище “Какали”, которое прилепилось к Торду, до сих пор не объяснено, так как оно не соответствует ни одному понятному древнеисландскому слову, а истории наречения прозвища нет. Она наверняка приводилась в «Саге о Торде Какали», но начало этой саги утрачено. Возможно, прозвище обыгрывает какую-то ситуацию, где

Торд оговорился, произнося слово kali, т. е. “мороз”: о косноязычии Торда сообщает и рассказчик «Саги о Торде Какали», говоря о впечатлении, которое тот произвел на бондов (St III, 16).

[305] Торд Какали был выслан из страны своим родным братом Стурлой сыном Сигхвата в 1237 г. вместе со своим дядей Снорри, своим двоюродным братом Олавом Белым Скальдом и Торлейвом сыном Торда. По-видимому, он пострадал за то, что встал на сторону Снорри в его распрях со Стурлой.

[306] Сообщение рассказчика о том, что Торд успел провести в Норвегии два года, ошибочно. Излагаемый эпизод датируется осенью 1238 г., когда вести о битве при Эрлюгсстадире еще не дошли до Норвегии; к этому моменту Торд находился в Норвегии чуть более года.

[307] О запойном пьянстве Торда и его вспыльчивом характере сообщают и другие источники.

[308] Рассказчик не уточняет, когда именно Торд переехал в Берген, но это, в любом случае, произошло не ранее весны 1238 г. «Сага об Исландцах» в гл. CXXVI сообщает, что Торд, как и его товарищи по изгнанию, прибыл в Нидарос к ярлу Скули и зиму 1237/1238 гг. провел с ним.

[309] Халльвард Черный, дружинник конунга Хакона и житель Бергена, по другим источникам неизвестен.

[310] Храни сын Кодрана (ум. 1254 г.), воинственный провожатый Торда Какали, был приметной фигурой на севере Исландии и активным участником распрей 1230—1250 гг. По-видимому, он прибыл в Норвегию вместе с Тордом в 1237 г., но в 1238 г., после того, как Торду стало не на что содержать свою свиту, покинул его в Бергене и перебрался в Нидарос к Снорри сыну Стурлы. В 1239 г. Храни прибыл в Исландию вместе со Снорри; по пути он, как сообщает «Сага об Исландцах» в гл. CXLIII, побил некоего норвежца. В 1244 г. Храни сражался уже против Торда в морской битве в заливе Хунафлоуи, где он командовал кораблем («Сага о Торде Какали», гл. XXIX). С 1246 г. Храни вновь на стороне Торда, который сделал его своим наместником в Островном Фьорде и вверил ему хутор Почва, где жил Сигхват, отец Торда. В 1249 г. Храни сопровождал Торда в походе на Пригорок Сторольва и ударил дубинкой Филиппуса сына Сэмунда (см. выше, примеч. 261, с. 417), за что был объявлен вне закона в 1251 г. Два года спустя Храни участвовал в покушении на Гицура сына Торвальда и сожжении его семьи на Мошкарных Болотах 22 октября 1253 г.: заговорщики поручали убить Гицура именно ему (St II, 443). Наконец, 29 мая 1254 г. Храни был застигнут врасплох на Гримовом Острове наместником Гицура Оддом сыном Торарина (см. выше, примеч. 128, с. 402) и после ожесточенного сопротивления убит (St II, 463). Это событие известно как “вторая битва на Гримовом Острове”. Одна из рукописей «Саги о Стурлунгах» доносит до нас описание внешности Храни, что применительно к исландцам XIII в. является редкостью: “Он был велик ростом, желт лицом и имел большой, вздернутый кверху, нос” (St III, 403). Неизвестно, как Арон относился к Храни во время пребывания того в Бергене, но летом 1253 г., когда Арон сопровождал в Исландии Торгильса Заячья Губа, он призывал Торгильса напасть на Храни. Торд Хитнесинг, вероятно, бывший свидетелем этой сцены, передает речь Арона так: “Я хочу куда-нибудь поскакать, не на запад, так на восток. Больше всего мне по душе,

коли мы поскачем на север к Храни и прибъем этого гада (þann fjanda), прежде чем они соберутся вместе, а потом обратимся против иных, если кто приедет с запада” (St III, 253).

[311] Торд Большой Палец сын Халльдора был провожатым хёвдинга Кольбейна Младшего и жил в Нагорном Фьорде на севере Страны. В 1234 г. он был при убийстве Кальва сына Гутторма, союзника Стурлунгов. В 1235 г. Торд Большой Палец и еще двое участников убийства Кальва выехали вместе с Кольбейном Младшим из страны; зимой 1235 / 1236 гг. все четверо совершили паломничество в Рим и благополучно вернулись в Берген (St II, 267). Кольбейн вернулся в Исландию в 1236 г.; неясно, последовал ли за ним Торд Большой Палец или же он задержался Норвегии еще на два года.

[312] Петр и Эйстейн, провожатые Торда Какали, по другим источникам неизвестны.

[313] Сообщение о пире вскладчину означает, что участники пира должны были сами оплачивать свою долю.

[314] Речь реально идет не о начале зимы, а о середине осени 1238 г. Битва при Эрлюгсстадире произошла 21 августа 1238 г., когда корабли из Исландии в Норвегию уже не ходили, поэтому вести о битве, как объясняет Стурла Тордарсон, дошли до Норвегии с опозданием («Саги об Исландцах», гл. CXXXIX). Это объяснение прекрасно согласуется с сообщением «Саги об Ароне» о том, что весть о битве пришла в Берген с Оркнейских островов.

[315] Финн, управитель конунга Хакона, по другим источникам неизвестен.

[316] Игра в шахматы была в середине XIII в. известна не только в Норвегии, но и на больших усадьбах в Исландии. «Сага о Торгильсе Заячья Губа» рассказывает, как в 1240-е гг. двое мальчишек играли в шахматы на хуторе Гицура (St III, 172). Впрочем Гицур, как и Торд Какали, много лет провел в Норвегии и стремился внедрять норвежские обычаи у себя дома.

[317] Имеется в виду битва при Эрлюсстадире 21 августа 1238 г. Рассказчик саги ни разу не указывает места битвы, хотя он не мог не знать его.

[318] Это неточность: в битве при Эрлюгсстадире погибли Сигхват и его сыновья Стурла, Кольбейн, Маркус и Торд Крюк. Младший сын Сигхвата, Туми Второй, был убит позже, 19 апреля 1244 г., уже после возвращения Торда Какали в Исландию.

[319] Снисходительное отношение Торда Какали к Арону, врагу его брата Стурлы, явно объясняется тем, что сам Торд тоже пострадал от агрессивных действий Стурлы, который выслал его из страны в 1237 г. Кроме того, Арон пользовался в Исландии поддержкой Бёдвара, двоюродного брата Торда Какали, и дружил с Олавом Белым Скальдом, с которым дружил Торд.

[320] Об этом поступке Арона ничего неизвестно. Слова Торда о том, что Арон “не захотел делить с ним помещение”, видимо, предполагают определенную процедуру принятия в дружину конунга, когда дружинники дают новому кандидату характеристики или выступают с отводами и выясняют между собой, кто согласен делить с новичком место на скамье и на корабле.

[321] В 1238—1239 гг. конунг Хакон не разрешал знатным исландцам покидать страну. Когда Снорри сын Стурлы в 1239 г. по совету герцога Скули собрался выходить в

море у Нидархольма в Трандхейме и плыть в Исландию, конунг специально послал к нему гонцов, чтобы объявить о запрете. Снорри ослушался и вышел в море вместе со своим сыном Орэкьей и Торлейвом сыном Торда. Конунг расценил этот поступок как государственную измену (landráð) и после победы в гражданской войне послал в 1240 г. послал в Исландию грамоты с приказом убить Снорри (St II, 378).

[322] Торд Какали оставался с конунгом Хаконом до 1242 г.

[323] Имеются серьезные основания считать, что рассказчик ошибся и Арон остался в Норвегии во время первого приезда Торда Какали в Исландию: в 1242 г. Торд Какали сам нуждался в защите и не мог гарантировать безопасность Арона. Все перечисленные ниже события, связанные с гражданской реабилитацией Арона, произошли во время следующего приезда Торда Какали в страну в 1247 г. Подробное доказательство этого положения и реконструкцию хронологии поездок Арона см. во вступительной статье, с. 387.

[324] Вопреки рассказчику, данные события произошли не в 1242 г., а в 1247—1250 гг. Другие источники не сообщают, что кто-либо покушался на Арона в этот период. Об участии Арона в распрях 1247—1253 гг. см. вступительную статью, с. 384.

[325] Неизвестно, с кем Арон заключил мировые во время первого своего приезда: это зависело от того, по каким статьям Арон был объявлен вне закона в 1222 г. и кто именно выступал в качестве истца. В любом случае, реабилитация Арона должна была проводиться на альтинге, что в период 1247—1252 гг. было нетрудно: в 1248—1250 гг. и в 1252 г. законоговорителем был Олав Белый Скальд, ставленник Торда Какали и друг Арона, а в 1251 г. законоговорителем был брат Олава Стурла Тордарсон.

[326] Когда Арон “отбыл в Норвегию”, точно неизвестно, но это случилось не позднее 1248 г., поскольку осенью 1248 г. он принимал у себя в Бергене Торгильса Заячья Губа. Осенью того же года в Бергене случился пожар, в тушении которого принимали участие Торгильс и другие дружинники.

[327] Сообщение саги о том, что Арон провел в Норвегии “несколько зим” между своими двумя поездками согласуется со свидетельством других источников о том, что следующий приезд Арона в Исландию пришелся на 1252 г.

[328] Все источники указывают, что папский легат кардинал Вильхьяльм (Вильгельм) прибыл в Норвегию в 1247 г.

[329] Коронация конунга Хакона и королевы Маргрет знаменовала дальнейшее усиление королевской власти и представляла собой официальное признание Норвегии одной из ведущих держав христианской Европы. Во внутринорвежском масштабе это действо было призвано раз и навсегда оправдать пребывание потомков Сверрира у власти и примирить правящую партию Берестяников с церковью.

[330] Кардинал Вильхьяльм скончался в 1248 г. О его пребывании в Норвегии и совершенных им “славных делах” рассказывает «Сага о Хаконе Старом» Стурлы Тордарсона.

[331] Епископ Хейнрек сын Кара был рукоположен на престол на Пригорках в 1247 г. и тем же летом прибыл в Исландию. Рассказчик ошибочно относит поездки Арона “вместе с Тордом Какали” и “вместе с епископом Хейнреком” к разным годам: в

действительности, Арон, епископ Хейнрек и Торд Какали прибыли в Исландию летом 1247 г. на одном корабле. Доказательство этого положения см. во вступительной статье, с. 385.

332 Рассказчик саги вновь путает две поездки Арона. Арон гостил у епископа Хейнрека на Пригорках две зимы — 1252 / 1253 гг. и 1253 / 1254 гг. Первая зимовка была запланированной, а вторая — вынужденной: корабль на котором Арон отплыл в Норвегию, разбился у берегов Исландии, о чем далее говорит сага.

333 Эйстейн Белый хорошо известен. Он был дружинником конунга Хакона, уважаемым горожанином г. Нидарос в Трандхейме и богатым купцом (kaupmaðr góðr). Зимой 1251 / 1252 гг. Эйстейн, по свидетельству Торда Хитнесинга, принимал у себя в Нидаросе Торгильса Заячья Губа (St III, 188) и он же привез Торгильса в Исландию на своем корабле летом 1252 г.

334 Крушение корабля Эйстейна Белого произошло осенью 1253 г. незадолго до Мессы Маттеуса (21 сентября). Стурла Тордарсон сообщает в гл. CLXIX «Саги об Исландцах», что Эйстейн замешкался со сборами и попал в шторм. Корабль понесло на берег, и он разбился; погиб сам Эйстейн и более пятидесяти человек, а восемь или девять человек, включая Арона, спаслись. Таким образом, мы знаем, что на торговом корабле богатого норвежского купца Эйстейна помещалось около шестидесяти человек. Это был не предел. Из «Саги об Исландцах» мы знаем, что на корабле Хольмдэла плыло сто человек: правда, это судно разделило в 1258 г. судьбу корабля Эйстейна и разбилось у берегов Исландии (St II, 493).

335 Это неверно: Арон действительно оказался в числе немногих спасшихся, но кроме него выжило еще семь или восемь человек.

336 Стурла Тордарсон называет по именам только троих — самого Арона, Ари сына Ингимунда и Торгейра Весельчака. Неизвестно, спас ли Арон двух последних, или кого-то еще. Следует иметь в виду, что Стурла Тордарсон выделил из спасшихся исландцев Ари с Торгейром потому, что эти двое месяц спустя оказались замешаны в трагическом для Стурлы событии — сожжении семьи Гицура на Мошкарных Болотах 22 октября 1253 г., где погиб Халль, сын Гицура и зять Стурлы, а Ингибьёрг, дочь Стурлы и невеста Халля, с трудом вытащили из огня. Арон был к этому нападению непричастен.

337 К сожалению, рассказчик «Саги об Ароне» не приводит вис о подвигах Арона во время кораблекрушения, хотя в поминальной драпе Олава Белого Скальда и в драпах священника Тормода сына Олава такие висы должны были быть.

338 Если доверять свидетельству самой саги, о том, что Арон окончательно примирился с сыновьями Сигмунда Крючка на следующее лето после кораблекрушения, примирение состоялось летом 1254 г, непосредственно перед отъездом в Норвегию. В противном случае, его следует датировать летом 1253 г. «Сага о Торгильсе Заячья Губа» упоминает только об одном сыне Сигмунда, Эрлинге, носившем то же прозвище “крючок”, что его отец. Торд Хитнесинг сообщает, что в 1252 г. Арон приплыл в Исландию на одном корабле с Гицуром и Эрлингом Крючком, сыном Сигмунда Крючка, и что “конунг Хакон ранее помирил их с Ароном в тяжбе об убийстве Сигмунда, отца Эрлинга” (St III, 259). Тем не менее Арону пришлось закреплять мировую не только

по норвежским, но и по исландским обычаям, т. е. выплачивать Эрлингу и его братьям виру за убийство их отца. Арон отправился в Западные Фьорды, где проживал его брат Бард, и получил от родичей часть требуемой суммы, что подтверждает «Сага о Торгильсе Заячья Губа» в гл. XXXII.

[339] Об аббате Бранде сыне Йона см. выше примеч. 255, с. 417.

[340] Ярл Гицур сын Торвальда (1209—1268), сын хёвдинга Торвальда сына Гицура (см. примеч. 11, с. 390), прибыл в Исландию в 1252 г. на одном корабле с Ароном, и конунг явно поручал опекать Арона в этот приезд именно Гицуру. Это предположение подтверждается тем, что Эрлинг Крючок, заключивший в Норвегии мировую с Ароном, но имевший основания мстить ему, был посажен на тот же корабль: очевидно, на Гицуре лежала обязанность присматривать за Эрлингом и охранять Арона в пути.

[341] Торгильс Заячья Губа сын Бёдвара сына Торда (1226—1258) был рьяным проводником воли конунга Хакона. Арон познакомился с Торгильсом осенью 1248 г., когда тот гостил у него в Бергене. О размолвке между ними в Исландии летом 1253 г. см. выше примеч. 310, с. 423. О литературных связях, сближающих «Сагу о Торгильсе Заячья Губа» Торда Хитнесинга с окружением епископа Гудмунда и других епископов с Пригорков, см. вступительную статью, с. 378.

[342] Арон покинул Исландию в 1254 г., т. е. в то же лето, когда, согласно саге, состоялось его примирение с сыновьями Сигмунда Крючка.

[343] Арон умер в 1255 г., поэтому слова саги о том, что он “не успел провести в Бергене много времени, как тяжело заболел”, достоверны.

ЧАСТЬ II

Комментарии к скальдическим стихам

Выбор скальда: германская метрика и история европейского стиха

Споет ли мне песню веселую скальд?

Жуковский

В данной части книги дается разбор шестидесяти двух стихотворений, т. н. *вис*, содержащихся в сагах и прядях, переведенных в первой части издания. Все эти стихотворения — авторские (правда, иногда имя автора не может быть установлено, и в ряде случаев атрибуция стихотворения названному по имени конкретному поэту, *скальду*, вызывает сомнение) и принадлежат скальдической традиции, предполагающей индивидуальное творчество и буквальное воспроизведение стихотворного текста[1]. Ни одно из стихотворений не связывается с именами лучших скальдов. В то же время, стихотворения дают представление о состоянии и возможностях развития данной поэтической традиции в древней Исландии, где владение навыками скальдической версификации было массовым.

Поэзия скальдов возникла в дописьменную эпоху. Она запечатлена в древнеисландских рукописях XIII—XV вв. и, в какой-то мере, на скандинавских рунических камнях эпохи викингов. Самые ранние из стихотворений, разбираемых ниже, приписываются лицам, принимавшим участие в викингских походах X в.; самые поздние сложены поэтами, жившими в середине XIV в. В распоряжении скальдов было несколько стихотворных размеров. Многие из них отражают эксперименты скальдов над унаследованными формами германского стиха и знакомство с европейскими системами стихосложения. Еще более важно, что на скандинавской почве авторская поэзия скальдов не вытеснила окончательно традиционные формы германского стиха (условно называемого здесь *эддическим* по названию главного собрания героических и мифологических песен скандинавов — «Старшей Эдды»), но существовала с ними одновременно в рамках той же культуры. Есть свидетельства того, что скальды знали и могли исполнять эддические песни[2]. Тем самым, предположение русского поэта, что “снова скальд чужую песню сложит/и как свою ее произнесет” вполне вероятно, хотя, “слагая чужие песни”, древнескандинавский поэт неизбежно выходил за пределы скальдической традиции. Гораздо более сложный вопрос, могла ли поэзия скальдов в присущих ей жанровых и метрических формах быть “веселой”, как утверждал Жуковский в вынесенной в эпиграф строке, или “героической”, “лирической” и т. п., как думали некоторые позднейшие комментаторы. Для чтобы понять вырази-

---

[1] *Стеблин-Каменский М. И.* Труды по филологии. СПб., 2003. С. 544.

[2] *Циммерлинг А. В.* Древние речи о Бьярки: Опыт толкования // Atlantica, III. М., 1997. С. 12—18.

тельные возможности поэзии скальдов, необходимо хотя бы вкратце охарактеризовать германский аллитерационный стих.

С позиции современной европейской культуры, поэзия скальдов устойчиво ассоциируется с героикой, элементом экзотики и эзотерической игры, доступной лишь посвященным. Этим сочетанием разнородных свойств, приписываемых скальдам, дорожат не только любители романтической старины, порой имеющие самое отдаленное представление о скальдах, — так Жуковский в цитированном выше переводе баллады Людвига Уланда «Три Песни» по собственному почину заменил словом “скальд” немецкое слово Harfner “арфист”[3], — но и специалисты. Среди филологов-германистов распространено убеждение, что древнегерманская система стихосложения, основанная на корневой аллитерации[4], отражает архаическое сознание, где “метрика как мера еще не отделилась от языка как измеряемого материала”, и не имеет явного прототипа в индоевропейском поэтическом языке, моделируя собственно германские особенности просодии слова и фразы[5]. Особенности метрики дают серьезное основание думать, что канон скальдов развился на основе внутренних ресурсов общегерманского стиха, а не за счет заимствования готовых форм из европейских систем стихосложения. И тем не менее, изоляция скальдического стиха не была полной. Прямые и опосредованные контакты скальдов с европейской поэзией особенно заметны, если рассматривать не только основной скальдический размер, *дротткветт*, но и т. н. малые размеры. Эволюция аллитерационной германской метрики на протяжении I тыс. н. э. направляется принципом, общим для разных стихотворных традиций.

Мера субъективности сообщения определяется синтаксической законченностью строки.

Для эпических памятников разных народов характерно полное или частичное совпадение границ элементарного предложения и строки: эта закономерность прослеживается независимо от того, что именно служит мерой длины — число словесных ударений в строке, общее число слогов, число мор или иные характеристики. Она свойственна квантитативному стиху Гомера[6] и, в еще большей степени, — изученным М. Перри и А. Б. Лордом разновидностям силлабического южнославянского десятисложника, где предложение никогда не заканчивается посреди строки[7]. Совпадение границ строки и предложения естественно связать с другой часто присущей устным эпическим песням чертой — их *астрофичностью* и *открытостью*. Отсутствие такой единицы сегментации как строфа легче понять в том случае, если эпический текст состоит не из строго ограниченного числа эпизодов, но из коротких синтаксически законченных сообщений, число которых может быть произвольно большим. Еще одна черта эпоса связана с характером передаваемой информации. Предметом сообщения

---

[3] Для Жуковского подобная замена в переводе была столь же естественной, как и переименование короля из той же баллады, который из *Зигфрида* по его воле превратился в *Освальда*.

[4] О древнегерманском стихе и жанрах древнегерманской литературы см. работы: *Heusler A.* Die Altgermanische Dichtung. Potsdam, 1942. *Смирницкая О. А.* Язык и стих древнегерманской поэзии. М., 1994.

[5] *Смирницкая О. А.* Указ. соч. С. 98.

[6] Ср. работу: *Golston C.*, *Riad T.* The phonology of Classical Greek Meter // Lingvistics 38—1 (2000). P. 99—167.

[7] *Лорд А. Б.* Сказитель. М., 1994. С. 163.

здесь являются *общезначимые события прошлого* — деяния героев, легенды и мифы. Они по определению есть достояние всех членов социума. Соответственно, способность передать услышанное и продолжить эпическую традицию тоже должна быть присуща каждому члену социума. Глубинная связь между способом передачи информации в дописьменном обществе и доступностью нарративной техники была вскрыта М. Перри и А. Б. Лордом на Западе и М. И. Стеблин-Каменским у нас[8].

Итак, складывается следующая модель. Конец предложения в нарративном эпическом тексте совпадает с концом строки, строфика отсутствует, количество строк неограничено, а сообщаемая информация — мифы и легендарные события — общедоступна: все в равной мере являются ее хранителями и никто не может претендовать на то, что является ее единственным источником. Конечно, нельзя приравнивать «Илиаду», «Беовульф» или «Старшую Эдду» к песням, зафиксированным фольклористами нового времени. Но по особенностям системы стихосложения можно и нужно восстанавливать путь, который она могла пройти ко времени записи памятника.

Аллитерация в древнегерманском стихе выделяет слова с общей инициалью: аллитерируют между собой согласные одного качества или гласные произвольного качества. Предпоследний икт в строке всегда выделен аллитерацией, а последний икт строки, напротив, никогда в ней не участвует. Существуют разные мнения о том, какой принцип построения стиховой строки был в древнегерманской поэзии основным. М. Л. Гаспаров признает аллитерационный стих тоническим[9]. О. А. Смирницкая вслед за Э. Зиверсом и большинством германистов выделяет в нем отрезки, подобные стопам, состоящие из икта и слабой позиции, т. е. фактически трактует аллитерационный стих как силлаботонику[10]. Наконец, К. Голстон и Т. Риад считают древнегерманскую метрику чисто квантитативной[11].

Древнегерманский аллитерационный стих дошел до нас в двух вариантах — западногерманском (древнеанглийские и древнесаксонские памятники VIII—X вв.[12]) и скандинавском (древнеисландские памятники, записанные в XIII—XIV вв.). Ни один из них не соответствует выведенной идеальной модели. Это обнаруживается, если изучать соотношение метрического и синтаксического членения с помощью трех параметров:

1) Текст членится на ряд коротких сообщений, каждое из которых не длиннее строки.

2) Элементарное предложение не кончается и не начинается посреди строки эпического стиха, занос предложения на следующую строку (enjambement) отсутствует.

---

[8] О связи между концепциями М. И. Стеблин-Каменского и М. Перри — А. Б. Лорда см.: *Либерман А. С.* М. И. Стеблин-Каменский: Взгляд на его творчество и воспоминания // *Стеблин-Каменский М. И.* Указ. соч. С. 891—892; *Смирницкая О. А.* Указ. соч. С. 208—226; *Гвоздецкая Н. Ю.* Язык и стиль древнеанглийской поэзии. Иваново, 1995. С. 48—50.

[9] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. М., 1989. С. 39.

[10] *Смирницкая О. А.* Указ. соч. С. 45.

[11] *Golston C.*, *Riad T.* Äldre Germansk Vers Är Kvantifierande // Meter, Mål, Medel Nordman M. (ed.) Proceedings of the University of Vaasa. Reports, 30. 1998.

[12] Сохранились две эпические песни, записанные аллитерационным стихом на древненемецких диалектах («Песнь о Хилтибранте» и «Муспилли»), но их стих расшатан и не дает полного представления о метрическом каноне.

3) Разбиение текста на строфы отсутствует.

Параметры (1), (2), (3) не всегда сопутствуют друг другу, что нередко упускается из вида в работах, авторы которых стремятся взять один из вариантов германского стиха за основу, а другую объявить результатом инновации. Анализ показывает, что оба варианта отошли от реконструируемого исходного состояния. В западногерманском варианте аллитерационного стиха конец предложения регулярно приходится на середину строки (т. н. занос, *enjambement*). Средняя длина предложения превышает две смежные строки и составляет n = $2^1/_2$, $3^1/_2$, $4^1/_2$… $k^1/_2$. Деления на строфы в древнеанглийских и древнесаксонских поэмах нет. В скандинавском варианте аллитерационного стиха конец предложения обычно совпадает с концом строки. Полной синтаксической законченностью строка не обладает и здесь, так как предложение регулярно захватывает большое число целых строк: n = 2, 3, 4… k. В нарративных песнях «Старшей Эдды» могут быть выделены примитивные строфы, но их длина не фиксирована даже в пределах одной песни, и они лишены собственных метрических свойств: правил аллитерации, рифмовки и т. п., специфичных для комплекса строк, нет. Ориентиром для эддической строфы служит синтаксическое членение, а не наоборот: строфа кончается там, где кончается предложение (после 3-й, 4-й, 7-й, 9-й строки и т. д.).

	Идеальный эпический стих (прагерманское состояние?)	Западногерманский стих	Скандинавский стих
Границы предложения и строки совпадают	+	–	–
Enjambment	–	+	–
Строфика	–	–	(+)

Оба варианта аллитерационного стиха проделали значительный путь в сторону усложнения и удлинения предложения. В результате синтаксическая законченность строки снижена. Западногерманский вариант генерализует занос (*enjambement*), а скандинавский вариант, где предложение захватывает несколько целых строк, эволюционирует в сторону строфики. И то, и другое является отступлением от реконструируемого исходного состояния. Между западногерманским и скандинавским вариантами аллитерационного стиха есть и другие различия. Одни из них, как, например, разное число слогов, допускающееся в спадах стиха, скорее всего, объясняются особенностями самих языков: древнеисландские знаменательные слова в среднем на один-два слога короче древнеанглийских и древнесаксонских. Другие, как можно думать, проистекают из особенностей жанра: строфичные песни «Старшей Эдды» значительно короче астрофичных древнеанглийских и древнесаксонских поэм.

Можно спорить о том, какие из древнегерманских текстов, сложенных аллитерационным стихом, более архаичны или менее затронуты книжной культурой. В одном отношении древнескандинавская языческая поэзия ближе к европейской, нежели христианская древнеанглийская и древнесаксонская поэзия — она предоставляет поэту в о з м о ж н о с т ь в ы б о р а между разными размерами в зависимости от коммуникативного предназначения текста. Наряду с основным общегерманским размером,

скандинавское название которого — *форнюрдислаг* (fornyrðislag), букв. «размер древних сказаний» — подчеркивает его связь с эпосом, в «Старшей Эдде» есть и другие — *льодахатт* (ljóðaháttr), букв. «размер напевов» и *малахатт* (málaháttr), букв. «размер речей»[13]. Эти размеры используются, если текст не носит нарративного характера или повествование не является единственной коммуникативной задачей. Особенно показателен размер льодахатт, который используется для гномических сентенций, выражающих житейскую мудрость, ср. пассаж из самой известной песни, сложенной льодахаттом — «Речей Высокого» (Hávamál):

> **M**eiyar orðom scyli **m**anngi trúa
> né því er *k*veðr *k*ona[14].
>
> Девы словам никто верить не должен
> Ни тому, что говорит женщина.

Министрофа льодахатта из двух парных строк и одной непарной представляет собой модификацию общегерманского аллитерационного стиха, где к двум парным двухударным кратким строкам (в цитированном примере они строятся по схеме –́ X –́ X / X X –̀ –́ X, аллитерация связывает третий икт с первым) добавлена непарная трехударная строка (в цитированном примере она имеет схему X –́ X –̀ –́ X). Преемственность льодахатта и общегерманского метра налицо. Вместе с тем, с т р о ф и к а льодахатта, как доказал К. фон Зее, заимствована германцами из соответствующей латинской формы, т. н. элегического дистиха[15], вместе с гномическим содержанием образца — античных эпиграмм и элегий. Похоже, что выход за рамки традиционного метра вообще невозможен без толчка извне, сколь бы замкнутой стихотворная традиция ни была. В древней Англии помимо эпических песен тоже были короткие тексты гномического и элегического содержания[16], но они сложены тем же основным общегерманским размером, который остается единственным. Тем самым, эпический метр превратился на английской почве в универсальный версификационный код, с помощью которого можно было строить тексты любого содержания.

До сих пор речь шла, в основном о традиционных, т. е. неавторских или по крайней мере, анонимных текстах, само содержание которых — эпические сказания или собрание житейской мудрости — не позволяло никому претендовать на индивидуальное авторство. Уникальность ситуации, сложившейся в древней Скандинавии в IX—XII вв., в том, что в бесписьменном обществе параллельно традиционной эпической поззии широко практиковалась авторская поэзия скальдов, предполагавшая индивидуальное творчество и фиксированную вербальную форму. Скальдические размеры тоже являются ответвлением общегерманского аллитерационного стиха, что убеди-

[13] В подборке стихотворений, собранных в данном томе, размером, близким к малахатту, сложена «Кредда» Транда.

[14] Здесь и далее аллитерирующие звуки выделены полужирным шрифтом.

[15] *See K. von.* Disticha Catonis und Hávámal // Edda, Saga, Skaldendichtung: Aufsätze zur skandinavischen Literatur des Mittelalters. Heidelberg, 1981. S. 27—44. Об элегическом дистихе см.: *Гаспаров М. Л.* Указ. соч. С. 79.

[16] *Гвоздецкая Н. Ю.* Указ. соч. С. 67—76.

тельно показано О. А. Смирницкой[17]. В поэзии скальдов метрическое членение окончательно побеждает синтаксическое. Деформации, вносимые скальдической метрикой в линейное развертывание предложений, столь значительны, что отдельно взятая строка не только не обладает синтаксической законченностью, но и нередко оказывается лишена какой-бы то ни было семантической интерпретации: связность — синтаксическая и семантическая — восстанавливается только на уровне строфы (четверостишия). В формальном плане почти все скальдические размеры могут быть определены как “аллитерационная строфика с обязательной рифмой в концовке стиха”. Под это определение не подходит лишь один размер, которым слагались авторские тексты — *квидухатт* (kviðuháttr), букв. “размер песен”. Ряд комментаторов оценивает квидухатт как размер, переходный между эддическими[18] и собственно скальдическими. Этот вывод подтверждается тем, что из всех применявшихся скальдами размеров лишь квидухатт имеет четкое коммуникативное предназначение: он используется в генеалогических перечнях и поминальных песнях[19]. Квидухатт — строфичный слогосчитающий размер с неравносложными двухударными строками. В нечетной строке ровно 3 слога, а в четной 4 или 5, ср.: –́ X –́ / X –́ X –́ **F**jǫlnis niðr / við **F**ýri brann “**Ф**ьёлльнира сын / у **Ф**юри сгорел”[20]. Внутренние ресурсы развития аллитерационного стиха, использованные в квидухатте — это, во-первых, жесткий счет слогов, во-вторых, сокращение стиховой строки за счет безударных слогов (их число, как нетрудно подсчитать, уступает числу ударных), в третьих, неравносложность строк и появление строфики. В силу всего этого метрика квидухатта накладывает жесткие ограничения на отбор языкового материала.

Все прочие скальдические размеры безусловно нарративны. Обязательная эпическая дистанция отсутствует: характер сообщаемого может быть любым — от текущей ситуации до давнопрошедших событий. Большинство скальдических размеров имеют соответствия или образцы в европейской (латинской) поэзии своего времени. Неизвестно лишь, какая негерманская традиция повлияла на становление главного скальдического размера — *дротткветта* (dróttkvætt), букв. “дружинный сказ”. В строке дротткветта три ударения (икта) и обязательная ударная концовка: предконечный слог всегда ударный и долгий, а конечный — безударный. Место двух первых иктов и количество слогов, их разделяющих, не фиксировано, что заставляет считать стих тоническим, а не силлаботоническим. От трехстопного хорея шестисложный дротткветт отличается, главным образом, тем, что второй икт регулярно попадает не на третий, а на второй слог, что особенно характерно для строк, первая половина которых заполнена композитом с односложной первой основой, ср. l*ín*bundin — fǫr þ*ín*a; g*ang*fǫgr liðir h*ang*a[21].

Основная функция аллитерации в дротткветте — объединять две соседние строки. В нечетной строке должно быть два (не менее двух) аллитерирующих слова,

---

[17] *О. А. Смирницкая*. Указ. соч. С. 335—422.

[18] Т. е. размерами, которыми сложены анонимные песни «Старшей Эдды» и более поздние тексты, близкие к ним по стилистике.

[19] Наиболее известным текстом в размере квидухатт является «Перечень Инглингов», сочиненный норвежцем Тьодольвом из Хвинира (начало IX в.).

[20] Пример из «Перечья Инглингов» Тьодольва из Хвинира.

[21] Здесь и далее корневая рифма выделена курсивом.

ударный слог концовки обязательно включен в аллитерацию. Следующая четная строка должна начинаться со слова, поддерживающего аллитерацию предыдущей нечетной строки, ср. Hvert hafið, ***G****er*ðr of ***g****ǫr*va, / **g***ang*fǫgr liðar h*ang*a. Главной функцией корневой рифмы является упорядочение звукового материала в н у т р и с т р о к и. Нечетные и четные строки сохраняют формальные отличия. В нечетной строке рифма должна быть неполной, то есть воспроизводить сегмент корня с некоторой вариацией (обычно сводящейся к замене гласного, ср. ***G****er*ðr of ***g****ǫr*va). Такая рифма называется *скотхендингом*, т. е. «опорным созвучием». В четной строке рифма должна быть полной, ср. точное повторение сегмента |*ang*| в строке **g***ang*fǫgr liðir h*ang*a. Такая рифма называется *адальхендингом*, т. е. «главным созвучием». Как полная, так и неполная рифмы всегда приходятся на концовку: последний икт дротткветного стиха обязательно соединен рифмой с одним из двух предыдущих. Обычно рифма не распространяется на начальный согласный, но охватывает ядро слога и его финаль (иногда не всю). Как отдельные строки дроттквета, скрепленные рифмой, так и двустишия, скрепленные аллитерацией, могут представлять собой бессвязный набор словоформ. Это возможно в силу трех причин: a) переплетения предложений внутри строфы (*тмесиса*); b) дистантного расположения частей скальдических перифраз (т. н. *кеннингов*[22]); c) нарушения нейтрального порядка слов.

Ср. четверостишие из висы Лейкнира:

> Hvert hafið, ***G****er*ðr of ***g****ǫr*va,
> **g***ang*fǫgr liðar h*ang*a.
> ***l****júg* vætr at mér — ***l****eyg*jar,
> ***l****ín*bundin — fǫr þ*ín*a.
>
> Букв. “Куда торишь, Герд, готовый,
> прекрасная-в-ходьбе, кисти поддержки,
> не лги мне — огня,
> одетая в лён, — путь свой”.

Если неискушенный читатель попытается восстановить общеязыковой порядок, то ему потребуется немало усилий, чтобы понять, что элементы ***G****er*ðr…liðar h*ang*a… ***l****eyg*jar («Герд… кисти поддержки… огня») — части общего сложного именования (кеннинга), что эпитет ***l****ín*bundin («одетая в лён») в начале четвертой строки относится к имени *Герд*, произнесенному уже в первой строке, а прилагательное ***g****ǫr*va «готовый», из той же строки, отсылает к словам fǫr þ*ín*a «путь свой», помещенными в конец четвертой строки.

Стих дроттквета знаменует собой предел демотивации первоначально столь прозрачного синтаксически аллитерационного стиха. Этот предел не перекрыт и вряд ли будет перекрыт в истории европейского стиха. Наряду с дротткветтом скальды практиковали и другие строфические размеры, имеющие больше точек пересечения со средневековой латинской метрикой. Один из них — *хрюнхент* (hrynhent), букв. “низвергающийся размер”, в современной перспективе может быть охарактеризован как четырехстопный хорей, а на фоне латинской поэзии своего времени — как амбро-

[22] О скальдических кеннингах существует обширная литература, см. обзор в: *Гуревич Е. А.*, *Матюшина И. Г.* Поэзия скальдов. М., 2000. С. 17—81.

зианский восьмисложник, пересаженный на скандинавскую почву и под влиянием дротткветта сменивший дактилическую концовку на женскую. Ср. фрагмент припева «Драпы об Ароне» Тормода сына Олава (XIV в.).

Aron g*ekk*, því **ó**ðisk *ekk*i,
ærit f*ram* í bǫðgerð *ram*ma.

Шел Арон, в бою не дрогнув,
Духом яр, на дело брани[23].

Стихотворения в хрюнхенте появляются с конца X в.[24] Заметим, что латинские восьмисложные стихи с женской рифмой, на первый взгляд, более близкие к хрюнхенту, нежели амброзианский стих, ср. *Dies irae*, *dies illa / Solvet saeclum in favilla* или *Stabat mater dolorosa / Iuxta crucem lacrimosa*, получают широкое распространение в Европе позже хрюнхента — в XII—XIII вв.[25] Тем самым, уместно говорить о параллельном развитии латинской и германской метрики в сторону силлаботоники. Для скандинавского стиха основная линия выглядит так:

1) Прото-силлаботоника (общегерманский аллитерационный стих) → скальдическая тоника (дротткветт) → скальдическая силлаботоника (хрюнхент).

Для латинского стиха линия развития, по М. Л. Гаспарову (указ. соч.), такова:

2) Античная квантитативная строфика (ямбический диметр, трохаический тетраметр) → средневековая латинская силлабика (амброзианский стих, пятнадцатисложник 8 + 7) → силлаботоника.

С X в. скальды экспериментируют с конечной рифмой. Такие стихи известны под сборным названием *рунхент* или *рунхенда* (runhent, runhenda), букв. “рядный размер”. На самом деле, речь должна идти о нескольких размерах с разным числом иктов (2-х, 3-х, 4-х ударные стихи), разной рифмой (мужская, женская) и разной организацией строфы — парная (*aabb*), реже перекрестная (*abab*) рифмовка. Германским источником рунхента был не столько дротткветт, сколько эпический аллитерационный стих. В ранних образцах рунхента, таких как поэма «Выкуп головы» (Hǫfuðlausn)

[23] Пер. А. В. Циммерлинга.

[24] Самое раннее стихотворение в хрюнхенте — знаменитая «Песнь о большой волне» (Hafgerðingardrápa), — как сообщается в «Книге о Заселении Земли» (S 91, H 352), была сложена гебридским скальдом-христианином (sic) во время плавания в Гренландию на корабле исландца Херьольва сына Барда в 986 г. Об этом плавании сообщается также в «Саге о Гренландцах». Под “большой волной” имеется в виду природное явление, известное ныне как цунами. Хотя точная датировка плавания Херьольва сына Барда (или, по другой версии, Бьярни сына Херьольва) остается предметом спора — некоторые ученые относят его не к 986 г., а к периоду 1016—1025 гг. — обстоятельства рассказа и атрибуция первого стихотворения в хрюнхенте не исландцу, а уроженцу скандинавских колоний вблизи Шотландии и Ирландии правдоподобны. Метрическую инновацию естественно было ждать именно в регионе скандинаво-англо-кельтских контактов, жители которого были христианами и могли ознакомиться с христианской поэзией, сложенной амврозианским стихом. В середине XI в. песни в хрюнхенте сочинял Арнор Ярлов Скальд, исландец, который подолгу жил в том же регионе, на Оркнейских Островах. Тем самым, среда, где возник хрюнхент, восстанавливается с достаточной точностью.

[25] *Гаспаров М. Л.* Указ. соч. С. 104—105.

Эгиля сына Скаллагрима (ок. 948 г.), конечная мужская рифма, приходящаяся на односложные слова, одновременно является корневой. Более того, ее можно считать в н у т р и с т р о ч н о й, если трактовать двустишие рунхента как единую строку аллитерационного стиха. Такой анализ оправдан, поскольку рифма в стихе Эгиля не нарушает традиционной схемы аллитерации, а лишь подчеркивает связь последнего, 4-го икта, по канонам эпического стиха аллитерацией не затрагиваемого, со 2-м иктом, ср. первую строфу поэмы:

	Строки	Схема аллитерации (икты)	Схема рифмы (икты)
1—2	**V**estr fórk of **v***er*, en ek **V**iðris b*er* –́ X X –́ X X –́ X –́	1—2—3	2—4
3—4	**M**unstrandar **m***ar*, Svás **m**itt of f*ar*[26] –́ –̀ X –́ X –́ X –́	1—2—3	2—4

По данному фрагменту видно, что поэт ввел новое метрическое ограничение, искуственно усилив при помощи рифмы последнюю, четвертую вершину стиха[27]. Тем самым, просодия стиховой строки перестала соответствовать просодии фразы: древнегерманские языки, скорее всего, не знали генерализованного фразового ударения на последнем слове предложения[28]. Зато данное новшество позволило преодолеть диктат эпического стиха, разбить четырехударную строку на две короткие двухударные и создать строфику нового типа, построенную на повторе финали, а не инициали слова. Прием был быстро освоен и нашел себе применение в текстах с разным коммуникативным предназначением — от хвалебных песен до сатир, сочиняемых на злобу дня[29].

Эксперименты скальдов с метрикой велись в X—XIII вв. и в других направлениях. Сохранившиеся образцы стихов в редких размерах — *тёглаге* (tøglag)[30], *хальвхнепте* (hálfhneppt)[31] и *хаддарлаге* (haddarlag, haðarlag)[32] интересны тем, что показывают разные способы преобразования аллитерационного стиха. Все эти размеры тонические. Тёглаг и хальвхнепт пошли по пути с о к р а щ е н и я строки и увеличения её плотности. Четыре слога строки тёглага заполняются двумя-тремя ударными словами, ср. Sá skal **r***áð*a / **r***ík*r, Súðav*ík* “Сей будет править / могуч, Судавиком” –́ X –́ X / –́ –́ X –́[33].

[26] В прозаическом переводе М. И. Стеблин-Каменского: “Я отправился на запад через море и привез море берега духа Видрира, таков мой нрав”.

[27] Характерно, что в рунхенте Эгиля мужская рифма в концовке может попадать на краткий слог, что в основном скальдическом размере (дротткветте) запрещено.

[28] Ср. доказательство этого положения в кн.: *Tarlinskaja M.* English Verse: Theory and History. The Hague; Paris, 1976.

[29] Первый случай сочинения цикла хулительных стихов с конечной рифмой засвидетельствован в начале XI в.

[30] Введение в оборот размера тёглаг связывается с именем исландского скальда Торарина Славослова, жившего в конце X — начале XI в.

[31] В подборке стихотворений, собранных в данном томе, в размере хальвхнепт сложена одна из вис Бьёрна Бойца Широкого Залива, датируемая 997—998 гг.

[32] В подборке стихотворений, собранных в данном томе, в размере хаддарлаг сложен флокк Тормода сына Бахромы, датируемый началом XI в.

[33] Пример взят из стихотворения XIII в., содержащегося в «Саге о Хравне сыне Свейнбьёрна».

На шесть слогов хальвхнепта приходится три-четыре ударных знаменательных слова. Компенсацией за плотность строки является отказ от ударной концовки дротткветта, что позволяет более свободно располагать икты. Тем самым, данные размеры пытаются генерализовать такой параметр, как нормальная длина слова (измеряемая числом слогов). Напротив, хаддарлаг генерализует обобщенный контур фразы, делая константой стиха место словораздела. В пятисложной строке хаддарлага главная схема словораздела 2 + 3 слога, а побочная — 3 + 2. При этом просодия реальных трехсложных словоформ служит ритмическим шаблоном для синтагм вида 1 + 2 слога, так группа ungr sigri (–́ –́ X) в стихе Тормода сына Бахромы ниже стоит в той же позиции, что и падежная форма folkrakki (–́ –́ X)[34]:

F*ekk* enn **f**olkr*akki*,
framðisk ungr sigri,
Sn*orr*i **s**ár-*orr*a
s*verð*i gnógs *verð*ar.

букв. “Дал еще владыка,
сподобился, млад, победы,
Снорри, тетереву-ран,
мечом обильную пищу”.

В большинстве скальдических размеров переплетение предложений в строфе встречается реже, чем в дротткветте, или не встречается вовсе, а синтаксическая законченность строки выше, чем в дротткветте. Правда, достигается это за счет сокращения, а не удлинения строки (исключением служит хрюнхент), поэтому строка обычно заполняется все-таки не целыми предложениями, но блоками из 2—4 слов, объединенных синтаксической связью — ср. приведенную в предыдущем абзаце строфу хаддарлага. Строфа из коротких строк, где каждая новая строка начинает новое предложение, имеет в описываемой культуре маркированное, нередко комическое звучание. В Исландии XIII в. были популярны короткие язвительные тексты в рунхенте. Так, когда некто Лофт был вынужден бежать на острова, а его покровитель Сэмунд не пришел ему на помощь, население откликнулось строфой: Loftr er í *eyjum*, / bítr lundab*ein*, / Sæmundr er á h*eiðum* / ok etr berin *ein*. В вольном переводе: “Лофт сел на шх*ерах*, / пташек дер*ет*, / Сэмунд в пещ*ерах* / и ягоды жр*ет*”.

Итак, расподобление метрического и синтаксического членения текста может идти двумя путями. В одном случае движущей силой является полное нарушение линейности речи, что демонстрирует основной скальдический размер — дротткветт; просодия строки при этом сама по себе не устанавливает жестких ограничений на отбор материала. В другом случае, который демонстрируют прочие скальдические размеры, движущей силой является введение новых просодических условий, что ограничивает возможное наполнение строки и, опять-таки, ведет к парцелляции предложения на группы слов, объединенных, прежде всего, метрикой, и лишь потом — синтаксисом. Второй путь для европейской поэзии более типичен: не случайно многие скандинавские размеры, включая эддический льодахатт, являются продуктом взаимодействия

[34] Реконструкция на второй основе сложного слова folk-rakki главного, а не второстепенного ударения оправдана тем, что она участвует в рифме.

общегерманского аллитерационного стиха и латинской метрики. Развитие в первом направлении могло осуществиться лишь при наличии специальных условий, обеспечивших массовое распространение эзотерической по своей природе поэзии скальдов в бесписьменном обществе. Примечательно, однако, что разработка аллитерационного стиха в обоих направлениях потребовала развития подлинной строфики из непарных строк: в становлении строфики подобного типа, чуждой эпическому аллитерационному стиху, ключевую роль сыграла рифма.

Скальдическая поэзия существовала достаточно долго для того, чтобы принципы, на которых она основана, отразились в трактатах по поэтике, написанных самими скальдами. Но даже если бы эти трактаты до нашего времени не дошли, вряд ли можно было бы сомневаться, что опыты скальдов свидетельствуют не просто о ресурсах развития стиха (т. е. о “внутренней логике системы”, о которой любят рассуждать ученые), но и о рефлексии поэтов над звуковым и синтаксическим строем в тех формах стиха, которые достались им в готовом виде. Стремление изменить эти формы — для создания текстов с заданной коммуникативной направленностью (льодахатт, отчасти рунхент), для придания метрике большей регулярности по сравнению с синтаксисом (хрюнхент), наконец, для имитации естественного ритмического членения фразы (хаддарлаг), — является следствием ситуации выбора, в который оказывается поэт и художник на определенной стадии развития общества[35]. А такая ситуация возникает лишь при столкновении разных культурных традиций — устной и письменной, автохтонной и заимствованной. Возникла такая ситуация и в бесписьменном изоляционистском древнескандинавском обществе, упорно державшемся своих традиций, в том числе, в области метрики — не случайно новые формы стиха, опирающиеся на рифму, не смогли вытеснить аллитерационный эпический стих полностью, а лишь ограничили сферу его употребления! Более того, в X—XI вв. в упрощенном форнюрдислаге, т. е. исконном размере эпических песен, в Исландии слагались короткие авторские тексты, называемые *квидлингами* или *стаками*, т. е. “стишками”: шесть подобных текстов приводятся в нашей подборке. Все квидлинги строфичны; кеннинги в них отсутствуют, а схема аллитерации упрощена. Имеется тенденция к равносложности строк, что можно объяснять влиянием слогосчитающих размеров, таких как квидухатт или тёглаг. Подобный стих считался незатейливым и ценился невысоко. Главным его достоинством была откровенность: он позволял выразить в экспромтах различные настроения говорящего, не облекая их в сложную поэтическую форму. Среди квидлингов, разбираемых ниже в нашем издании, можно найти “веселое” стихотворение — ср. образец грубого древнескандинавского юмора, стишок о Херьольве и медведе, стихотворение “героическое” — ср. вису Оспака из «Саги о Союзниках», нравоучение — ср. две висы Офейга из той же саги, оскорбительное ругательство — ср. еще одну вису Офейга, и, наконец, зловещее пророчество — стишок Головы из «Саги о Людях с Песчаного Берега». Те же настроения, впрочем, могли быть выражены и на основе других размеров: запретов, мешавших употреблять грубые слова или произносить пророчества, например, в дротткветте не было. Но ситуация выбора между размерами неизбежно вела к специализации последних.

[35] Культурно-исторический аспект проблемы связан с эволюцией т. н. канонического искусства. См. работу: *Циммерлинг В. И.* Канон и модель // Да и нет не говорите. М., 1999. С. 46—50.

Предпочтение, отдаваемое тому или иному размеру, определялось не только уровнем подготовки скальда, но и стоявшей перед ним конкретной задачей. Вряд ли случайно, что выражая редкие в поэзии скальдов романические чувства, Бьёрн Боец Широкого Залива прибег к редкому размеру хальвхнепт[36]. Особо тщательно должен подбираться размер для цикла вис — *драп* и *флокков*, хотя здесь современные комментаторы не всегда могут объяснить выбор скальда. Так, упоминавшийся выше Тормод сын Олава сочинил в XIV в. об Ароне сыне Хьёрлейва два цикла — один в дроттквете, а другой в хрюнхенте; подобное было бы невозможно, если бы скальдические размеры не несли в себе коммуникативной специфики.

* * *

В комментариях к скальдическим стихам использован тот же формат толкования, который апробирован в первом томе серии[37]. Толкование предполагает следующие основные зоны: 1) К о н т е к с т произнесения висы в ситуации, описываемой в саговом памятнике, откуда виса извлечена. 2) Т е к с т висы в подлиннике в нормализованной древнеисландской орфографии и фрагмент прозаического текста саги, непосредственно предшествующий появлению висы, в русском литературном переводе. 3) П о с л о в н ы й п е р е в о д текста висы на русский язык. 4) Л и н е й н а я р а з в е р т к а текста висы в последовательности, соответствующей нейтральной последовательности слов висы в языке древнеисландской прозы. 5) Особенности поэтического и общеязыкового с и н т а к с и с а висы. 6) Поэтические фигуры, скальдическая синонимика и другие особенности п о э т и к и висы. 7) С т и х о т в о р н ы й р а з м е р, которым сложена виса. 8) С м ы с л сообщения, заключенного в висе, а также с о х р а н н о с т ь т е к с т а висы (варьирование слов и строк, наличие висы в других источниках). 9) Справка о п е р е в о д а х данной висы и литературный перевод висы на русский язык.

Родовые понятия, называемые кеннингами и хейти, пишутся заглавными буквами, например: МУЖ, МЕЧ, КОРАБЛЬ. В разделах 5) и 6) в целях унификации толкования используются метаязыковые значки «≡» и «⇒». Запись A ≡ B означает “в скальдической поэзии выражение A является синонимом или парафразой выражения B”. При необходимости в скобках после данной записи уточняется название поэтической фигуры, обеспечивающей синонимическую замену или парафразирование. Например: *Образцовый чертог приговора* ≡ МЕЧ (кеннинг, расширенный эпитетом). Запись без скобок типа *Тропа наконечников* ≡ ЩИТ означает, что двучленное выражение “*Тропа наконечников*” является кеннингом со значением “щит”. Запись A ⇒ B означает “выражение A в данном случае имеет референцию B”. Например: “*мече-Ньёрды* ≡ МУЖИ ⇒ Торбьёрн и его люди”.

Циклам вис, приписываемых одному скальду или скальдам из одного окружения, предпосылаются вступительные статьи, где обсуждается вопросы поэтики и текстологии вис.

Антон Циммерлинг

---

[36] См. вису № 30 в «Саге о Людях с Песчаного Берега».

[37] *Циммерлинг А. В.* Исландские скальды и их аудитория // Исландские саги / Пер. с древнеисл., общ. ред. и коммент. А. В. Циммерлинга. М., 2000. С. 435—620.

Стихи из «Саги о Людях с Песчаного Берега»

Тридцать семь вис «Саги о Людях с Песчаного Берега» представляют скальдическую традицию Широкого Фьорда. Они посвящены памятным событиям, случившимся в Широком Фьорде в конце X — начале XI в., и их авторами (за исключением одного спорного случая), были местные уроженцы. В этом же разделе мы разбираем текст двух вис, сохранившихся в составе «Книги о Заселении Земли». Автором одной из них, с высокой вероятностью, был скальд Одд из Широкого Фьорда, две висы которого приведены в «Саге о Людях с Песчаного Берега». Другая виса из «Книги о Заселении Земли» комментирует прозвище первопоселенца Херьольва, прадеда скальда Торарина Черного, автора почти половины вис в «Саге о Людях с Песчаного Берега».

Большинство вис «Саги о Людях с Песчаного Берега» сложилось и передавалось в окружении семейства Кьяллеклингов, враждовавшего со Снорри Годи. К этой группе относится флокк Торарина Черного о битве на Чаечном Склоне зимой 980 / 981 гг. (семнадцать вис), а также стихи, приписываемые врагу Снорри, Бьёрну Бойцу Широкого Залива (семь вис), и три висы об убийстве берсерков, предположительно попавшие в сагу из устной традиции о вожде Кьяллеклингов, Стюре Убийце. С окружением Снорри бесспорно связаны пять аутентичных вис из хвалебной поэмы «Речи Ворона», составленной Тормодом сыном Бахромы, и, возможно, три апокрифических висы о событиях в Лебяжьем Фьорде; две висы (№ 36 и № 37) содержат пророчество о гибели названого брата Снорри, Тородда сына Торбранда, а виса № 34 посвящена битве в Лебяжьем Фьорде в 997 г. между Кьяллеклингами и Снорри. Сюда же можно отнести две висы (№ 1 и № 2) из «Драпы об Иллуги Черном», сложенной Оддом из Широкого Фьорда; эти висы прославляют победу Иллуги и Снорри в тяжбе с Кьяллеклингами весной 980 г.

Стихи «Саги о Людях с Песчаного Берега», в целом, заслуживают доверия в качестве исторического свидетельства. Часть вис аутентична и сложена именно теми, кому они приписаны: сюда можно отнести все висы Тормода сына Бахромы и Одда и большинство вис Торарина Черного. Другая часть вис является апокрифической: сюда можно отнести висы берсерков, Стюра и старухи (№ 21—23, 36—37). Между этими полюсами находятся висы, приписываемые Бьёрну Бойцу Широкого Залива. В то же время, нужно помнить, что даже апокрифические висы «Саги о Людях с Песчаного Берега» могут быть достаточно старыми (XI—XII вв.) и предшествовать прозаическому тексту саги. Основания для датировки конкретных стихов обсуждаются ниже в комментариях.

С точки зрения скальдической поэтики традиция Широкого Фьорда представляет значительный интерес. Она подтверждает мнение о высоком среднем уровне версификации в Исландии. Лишь немногие из авторов вис были профессиональными скальдами, слагавшими хвалебные поэмы по заказу. Обращает внимание то, что стиль

вис, приписываемых в саге разным лицам, несходен: индивидуальные особенности скальдов и типовые черты, объединяющие их, обсуждаются ниже в комментариях. К сожалению, нам не дано узнать, как оценивали стихи из саги современники скальдов или такие ученые авторитеты XIII в., как Снорри Стурлусон или Олав Белый Скальд. С эстетических позиций нового времени выделить какого-то одного скальда и отдать ему пальму первенства трудно. Висы Тормода сына Бахромы ценны, прежде всего, тем, что демонстрируют крайне редкий размер — т. н. хаддарлаг. Еще более редкий размер — т. н. хальвхнепт, представлен в одной из вис, приписываемой Бьёрну (№ 30). Флокк Торарина Черного интересен как образец последовательного проведения общих мотивов в цикле стихов. Кроме того, висы Торарина демонстрируют самые сложные кеннинги. Висы Одда наиболее емкие и передают максимум информации в сжатой форме. Висы Бьёрна, особенно № 24 и № 30, резко выделяются на общем фоне необычным образным строем и открытым выражением романических чувств. Любитель разгадывать шарады выделит висы берсерков, а любитель "роковых стихов" с их театральными эффектами порадуется висам № 36—37. Наконец, стиховед, оценивающий звучание поэзии по ее звучанию, оценит вису Стюра (№ 24).

Торарин Черный с Чаечного Склона

Скальд X в. Торарин Черный известен по флокку из семнадцати вис, посвященных ключевому эпизоду его исландской биографии — битве у Чаечного Склона зимой 980 / 981 гг., где Торарин отстоял честь семьи и убил могущественного соседа Торбьёрна Толстого. Весной 981 г. на Тинге Мыса Тора Торарин был осужден и вскоре после этого навсегда покинул Исландию. Флокк Торарина, по-видимому, получил широкую известность в Широком Фьорде не только в качестве отклика на запоминающееся происшествие, но и благодаря высокому качеству вис: Снорри Стурлусон цитирует в «Младшей Эдде» начальные две строки первой висы флокка (№ 3 по «Саге о Людях с Песчаного Берега»), а обе основные редакции «Книги о Заселении Земли» — «Книга Стурлы» и «Книга Хаука» — приводят полный текст висы № 11. Висы флокка сообщают о причинах, по которым Торарин, человек мирного нрава, в течение одного дня дважды вступал в бой с врагами (№ 3—4, 6—11, 15), характеризуют людей, помогавших ему в битве (№ 12—13), и сообщают о переживаниях и надеждах скальда в период между битвой и тингом, где будет слушаться иск против него (№ 5, 14, 16—19).

По своим родственным связям Торарин относился к семейству Кьяллеклингов, враждовавшим со Снорри Годи в 979—998 гг. Основным преследователем Торарина в иске об убийстве Торбьёрна был именно Снорри (он четырежды упоминается в висах флокка — № 5, 10, 14, 19), а одним из защитников — шурин Торарина, Вермунд Тощий, брат главы Кьяллеклингов, Стюра Убийцы. Вермунд (ум. не ранее 1015 г.) сопровождал Торарина в поездке в Норвегию после того, как Торарин был объявлен вне закона: Вермунд упоминается в висах № 5 и № 14. Главный, согласно прозаическому тексту «Саги о Людях с Песчаного Берега», покровитель Торарина, его дядя Арнкель Годи (ум. 993 г.), упомянут лишь однажды, в висе № 18, причем эта виса может быть апокрифической. Из персонажей саги, кроме того, дважды упомянута Турид, вдова Торбьёрна Толстого и сестра Снорри Годи. Оба раза она охарактеризована как жен-

щина легкомысленная и распутная (висы № 16—17). Все это побуждает предполагать, что флокк Торарина сохранялся и передавался в окружении Вермунда Тощего.

Рассказчик «Саги о Людях с Песчаного Берега» компоновал висы флокка по своему усмотрению, нарушив их первоначальный порядок. По крайней мере, в трех случаях он не вычленил или не захотел отразить в прозаическом комментарии информацию, заложенную в тексте вис. Из висы № 4 следует, что Торбьёрн и Торарин успели обменяться ударами; между тем в саге сказано просто, что Торарин “подскочил к Торбьёрну” и “разрубил ему голову до зубов”. В висе № 11 скальд ссылается на свои прежние подвиги у горы под названием Лоб, что рассказчик обходит полным молчанием. Наконец, виса № 14 отвечает на вопрос женщины, а не мужчины, вопреки тому, что говорит рассказчик саги.

Наличие общих композиционных приемов и сквозных мотивов, объединяющих висы флокка, не вызывает сомнений. Центральной можно считать тему агрессии и ее наказуемости. Весьма остроумно, враги, первыми напавшие на скальда и поплатившиеся за это своими жизнями, в кеннингах последовательно обозначаются через оборонительное оружие (щит, шлем, броню)[1], в то время как вне кеннингов, т. е. в открытом тексте, они в тех же висах клеймятся как агрессоры. Наоборот, самого себя скальд последовательно обозначает в кеннингах через наступательное оружие (меч и копье), а в открытом тексте тех же вис говорит о своем миролюбии[2]. В связи таким приемом, скальд строит большое количество кеннингов щита, некоторые из которых — ср. *луна викингов* и *святыня Хёгни* (виса № 15) или *крыша ВАЛЬХАЛЛЫ* (виса № 19) — являются весьма красочными[3]. К числу сквозных мотивов можно отнести и мотив “битва как слово Одина / валькирии” и уподобление воинственных людей, привыкших решать проблемы силой, поклонникам Одина[4]. Напротив, величальные кеннинги МУЖА как предводителя корабля во флокке почти не использованы: единственный “корабельный” кеннинг представлен в висе № 10, и его референция спорна. Развернутые кеннинги являют-

[1] Ср. такие кеннинги противников скальда или плохих воинов, как *держатели ЩИТА* (виса № 6), *сберегатель ЩИТА* (виса № 7), *знаток ЩИТА* (виса № 12), *правдолюбы ЩИТА* (виса № 19).

[2] Главное отклонение — виса № 18, где положительный персонаж, Арнкель Годи, обозначен “оборонительным” кеннингом.

[3] Читатель может обратить внимание и на две мифологические аллюзии в висах флокка: Торарин дважды называет подземные реки, текущие в Хель — Слидр (виса № 4) и Гьёлль (виса № 9), оба раза они указывают на кровь.

[4] Ср. в этой связи кеннинги: *хвалители бога беседы* (виса № 3), *полувеликаны натиска Триди* (виса № 7), *плавитель грома аса павших на поле брани* (виса № 5), *урезатель огня Хрофта* (виса № 11), *правдознайцы светила крыши Гаута* (виса № 19). Ни один из этих кеннингов не относится к самому скальду: напротив, он подчеркивает, что редко хвастается актами насилия (виса № 3) и нарушает мир, лишь тогда, когда нет выбора (виса № 7). Спокойная жизнь для него лучше войны (виса № 14), ему было нелегко решиться на убийства, ведя жизнь бонда (виса № 15). Он ввязался в бой, лишь отвечая на провокацию отъявленных негодяев (висы № 11, 16), и ему противна бравада преследователей и их подружек (висы № 10, 17). Снорри Годи, крючкотвор-законник, намеревается сжить скальда со света. Одна надежда на то, что покровители не оставят в беде и боги будут милосердны! (висы № 5, 14, 19).

ся ударным местом большинства вис: дважды встречаются четырехчленные кеннинги (висы № 9, 19) и трижды — тройные (висы № 5, 9, 19)[5]. Некоторые кеннинги выглядят экспериментальными; возможно, они являются индивидуальными находками Торарина. Ср. кеннинг *игра милосердия* (МИР) в висе № 7 и неожиданно современно звучащий кеннинг законника-крючкотвора как *мудрого зачинателя грабежа в законе* в висе № 5[6]. Ряд кеннингов содержит негативную оценку референта, и их правомерно считать характеризующими: к этой группе относятся не только кеннинги, называющие раба (висы № 12, 13), но и кеннинги, относящиеся к врагам скальда — бахвалам и подстрекателям. В целом, по богатству скальдического словаря и разнообразию кеннингов флокк Торарина вполне выдерживает сопоставление с висами лучших скальдов X—XI вв.

Висы Торарина были предметом анализа выдающихся филологов — Финнура Йоунссона, Э. А. Кокка и Эйнара Оулавюра Свейнссона, которые предложили ряд конъектур. Текст некоторых вис испорчен; наибольшие трудности представляет интерпретация вис № 8 и № 10 (см. ниже, с. 454—456; с. 457—460).

Виса 3

1. Контекст:

Начало 981 года. Бонд Торарин Черный, очень мирный человек, выведен из равновесия нападками злобного соседа Торбьёрна Толстого и подначками своей матери Гейррид. Он убивает Торбьёрна и после схватки возвращается домой на хутор.

2. Текст:

После этого Торарин и его люди поехали к дому, и Гейррид стояла в дверях. Она спрашивает, как обернулось дело:

Тут Торарин сказал вису:

Varðak mik, þars myrðir
morðfárs vega þorði
hlaut ǫrn af ná neyta
nýjum, kvenna frýju:
barkak vægð at vígi
valnaðrs í styr þaðra.
mælik hól fyr hœli
hjaldrsgoðs af því sjaldan.

3. Пословный перевод:

Отвел-я от меня, где-ж умертвитель
моровой=язвы разить решился
выпало орлу на трупах поживиться
свежих, женщин упреки.

[5] Максимальное количество кеннингов в одной висе Торарина равно шести (висы № 6, 15). Ср. также четыре кеннинга, относящиеся к одному человеку, в висе № 13.

[6] Ср. также аналогичный кеннинг в висе № 19.

Не-вносил-я умеренность в схватке
трупогадюки в раздор
молвлю я хвалу пред хвалителями
беседы=бога за это редко.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Я отвел от меня (= себя) упреки женщин, где-ж (= там, где) умертвитель моровой язвы решился разить; орлу выпало поживиться на свежих трупах.

$_{5–8}$ Я не вносил в схватке умеренность в раздор трупогадюки; я редко молвлю хвалу за это пред хвалителями бога беседы.

5. Синтаксис:

Орлу выпало поживиться ≡ орлу выпала пожива.

Я редко молвлю хвалу за это ≡ я редко похваляюсь этим.

6. Поэтика:

Моровая язва ≡ МЕЧ; *умертвитель* МЕЧА ≡ МУЖ ⇒ Торарин Черный.

Трупогадюка (*гадюка трупа*) МЕЧ; *раздор* МЕЧА ≡ БИТВА.

Беседа (оружия) — хейти БИТВЫ; *бог беседы* ≡ бог БИТВЫ ≡ Один; *хвалитель бога беседы* ⇒ агрессивный человек (характеризующий кеннинг).

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл и сохранность текста:

Я отвел от себя упреки женщин, орудуя мечом в битве; орлу привалило мертвечины; я не стремился уладить дело миром, но я редко похваляюсь подобным перед любителями крови.

Первые две строки приведены в «Младшей Эдде» в разделе «Перечень Размеров» (Háttatal).

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Varðak mik, þars myrðir	Опроверг я, — *изверг*
morðfárs vega þorði	*Вершей* бить решился, —
hlaut ǫrn af ná neyta	Крал с кормов нескрытых
nýjum, kvenna frýju:	*Кречет*, — бабьи речи.
barkak vægð at vígi	Тишь не внес я в *посвист*
valnaðrs í styr þaðra.	*Бестий* там на месте,
mælik hól fyr hœli	Слов не лью *бахвалам*,
hjaldrsgoðs af því sjaldan.	Часто, — *бога лести*.
	ⓒ *А. В. Циммерлинг, 2002*

Виса 4

1. Контекст:

См. выше.

2. Текст:

Гейррид спрашивает:

— Можете ли поведать об убийстве Торбьёрна?

Торарин сказал:

Knátti hjǫrr und hetti
hræflóð, bragar Móða,
rann (rauk) of sóknar sœki
sliðrbeittr staðar leita.
Blóð fell, en vas váði
vígtjalds náar skaldi
þá vas dœmisalr dóma
dreyrafullr of eyru.

— Значит, подначка подействовала, — сказала Гейррид, — заходите в дом и перевязывайте свои раны.

3. Пословный перевод:

Смог меч под капюшоном
трупов=поток браги Моди (род. п. / дат. п.)
бежал с натиска испытателя
жаловпивающий место сыскать.
Кровь лилась, но была угроза
боевого=шатра близко скальду
когда был образцовый=чертог приговора
забрызганный=кровью, у уха.

4. Развертка:

$_{1-4}$ Жаловпивающий меч смог сыскать место под капюшоном; поток трупов бежал с испытателя натиска (на) Моди браги;

$_{5-8}$ кровь (про)лилась, но угроза боевого шатра была близко скальду, когда забрызганный кровью образцовый чертог приговора был у уха.

5. Синтаксис:

Неясна отнесенность группы *Моди браги* в первом хельминге. Если Моди — дат. п., то хельминг выстраивается так: меч нашел незащищенное место под капюшоном, кровь Торбьёрна (жертвы) бежала на Торарина (скальда).

Если Моди — род. п., хельминг выстраивается так: кровь жертвы бежала, меч скальда нашел незащищенное место.

6. Поэтика:

Моди — один из асов, сын Тора; *брага* — хейти ПОЭЗИИ; *Моди браги* $\equiv$ МУЖ $\Rightarrow$ Торарин Черный.

Жаловпивающий (sliðrbeittr) — хейти МЕЧА. Соответствующее имя — *Слидр* — носит подземная река в Хель.

Поток трупов $\equiv$ КРОВЬ.

Натиск — хейти БИТВЫ, *испытатель натиска* $\equiv$ МУЖ $\Rightarrow$ Торбьёрн Толстый.

Боевой шатер $\equiv$ ЩИТ, *угроза* ЩИТА $\equiv$ МЕЧ.

Образцовый чертог приговора $\equiv$ МЕЧ (кеннинг, расширенный эпитетом).

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл:

Мой меч смог добраться до головы Торбьёрна под капюшоном; его кровь брызнула на скальда. Я убил его, но его меч был от моего уха в опасной близости[7].

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Knátti hjǫrr und hetti hræflóð, bragar Móða, rann (rauk) of sóknar sœki sliðrbeittr staðar leita. Blóð fell, en vas váði vígtjalds náar skaldi þá vas dœmisalr dóma dreyrafullr of eyru.	Меч башку под шапкой Смог сыскать, двуострый, — *Трупов ток* струился, Наземь с *Моди меда*. Кровь лилась, но *кровли* *Боя враг* подкрался, — Ухнул *тяжб глашатай*, Тяжкий, возле уха. © *А. В. Циммерлинг, 2002*

Виса 5

1. Контекст:

См. выше.

2. Текст:

После этого Торарин находился дома одну ночь. Наутро Ауд спрашивает Торарина, что он намерен предпринять:

— Выселять мы тебя не хотим, — говорит она, — но боюсь я, что этой зимой тут учинят не суд в дверях, ибо я знаю, что Снорри Годи будет неотступно вести тяжбу об убийстве своего зятя Торбьёрна.

Тогда Торарин произнес вису:

Myndit vitr í vetri
vekjandi mik sekja
þar ák lifhvǫtuð leyfðan,
lǫgráns, of þær vánir,
ef niðbræði næðak
nás valfallins ásar
Hugins letum nið njóta
nágrundar, Vermundi.

3. Пословный перевод:

Не-сумеет мудрый этой зимой
возбудитель меня засудить
там имею-я жизнеопеку обретенную
законного грабежа, на те виды.

[7] В прозаическом тексте саги не упоминается о том, что Торбьёрн успел замахнуться мечом на Торарина.

Если громоплавителя достиг-бы-я
павших=на поле брани аса (род. п)
Хугина (род. п.) позволим-мы потомку пользовать
землю трупов, Вермунда.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Мудрый возбудитель законного грабежа не сумеет меня засудить этой зимой; я имею те виды на обретенную жизнеопеку;

$_{5–8}$ если бы я достиг плавителя грома аса павших на поле брани, Вермунда; позволим потомку Хугина пользовать землю трупов.

5. Синтаксис:

Оба хельминга соединены синтаксически и тесно связаны по смыслу.

6. Поэтика:

Хугин — один из двух воронов Одина, *потомок Хугина* ≡ ВОРОН (кеннинг).

В подлиннике висы два омонима со звучанием nið: 1) "грохот" 2) "потомок" (вин. п.).

Земля трупов ≡ ПОЛЕ БРАНИ.

Мудрый возбудитель законного грабежа ≡ МУЖ, который лишает других гражданских прав, возбуждая против них тяжбы (характеризующий кеннинг) ⇒ Снорри Годи.

Ас трупов павших на поле брани ≡ Один; *гром Одина* ≡ БИТВА; [*Плавитель* [*грома* [*аса павших на поле брани*]]] ≡ МУЖ (тройной плеонастический кеннинг) ⇒ Вермунд Тощий.

Жизнеопека (lifhvǫtuðr) ≡ попечение о жизни. В оригинале употреблено окказиональное слово.

7. Размер:

Дроттквета.

8. Смысл:

Предусмотрительный законник Снорри не сможет меня засудить этой зимой, потому что у меня есть виды на покровительство храброго Вермунда. Пусть ворон терзает трупы!

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Myndit vitr í vetri	Грабежа в законе
vekjandi mik sekja	Знатный *зачинатель*
þar ák lifhvǫtuð leyfðan,	Превозмочь не должен, —
lǫgráns, of þær vánir,	Есть зимой защита,
ef niðbræði næðak	Коль *издольщики поля*
nás valfallins ásar	Щедрый, *павших аса*,
Hugins letum nið njóta	Нас поддержит, Вермунд, —
nágrundar, Vermundi.	*Сыть сыча* не сякнет!

© А. В. Циммерлинг, 2002

Виса 6

1. Контекст:

Торарин со спутниками приезжает к своему шурину Вермунду Тощему.

2. Текст:

В тот же день, все кто был при убийствах, поехали через фьорды и под вечер прибыли в Заводь Бьёрна. Они зашли, когда люди уже сидели за столом. Вермунд приветствует их и тотчас освобождает для Торарина с товарищами почетное сиденье. После того, как они уселись, Вермунд справился о новостях.

Торарин произнес вису:

Skalk þrymviðum þremja
þegi herr meðan, segja
vǫn es ísarns ǫsum
ǫrleiks, frá því gǫrla,
hvé hjaldrviðir heldu,
haldendr, við mik, skjaldar
roðin sák Hrundar handa
hnigreyr, lǫgum, dreyra.

3. Пословный перевод:

Должен-я громодревам лезвий
пусть=молчит войско пока, рассказать,
виды=на есть железа асам (дат. п. мн. ч.)
стрел=игру, про то внятно,
как беседодрева блюли
держатели, со мной, щита
обагренным зрел-я Хрунд (род. п.) рук
опускающийся колос, закон, текущей-кровью.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Я должен внятно рассказать громодревам лезвий, — асам железа есть виды на игру стрел — пусть войско пока молчит — про то,

$_{5–8}$ — как деревья беседы, держатели щита, блюли закон со мной; я зрел опускающийся колос Хрунд обагренным текущей кровью.

5. Синтаксис:

Оба хельминга висы синтаксически непосредственно связаны.

Обращает на себя внимание повтор кеннингов в позиции однородных членов; *древа беседы* и *держатели щита*.

Как [враги] *блюли со мной закон* ≡ как враги незаконно со мной обошлись.

6. Поэтика:

Гром — хейти БИТВЫ; *громодрева* (*древа грома*) ≡ МУЖИ.

Игра стрел ≡ БИТВА.

Асы железа ≡ МУЖИ.

Войско ≡ МУЖИ (хейти).

Держатели щита ≡ МУЖИ ⇒ враги скальда, т. е. Торбьёрн Толстый и его люди. Обращает внимание, что кеннинг врага включает указание на о б о р о н и т е л ь н о е оружие.

Колос (reyr), другая интерпретация — “движок” — хейти МЕЧА.

Хрунд — валькирия; *опускающийся колос Хрунд* ≡ МЕЧ (кеннинг, расширенный эпитетом).

Беседа — хейти БИТВЫ; *беседодрева* (*деревья беседы*) ≡ МУЖИ ⇒ враги скальда.

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл:

Я должен внятно рассказать воинам — пусть люди слушают меня молча — о том, как враги незаконно притесняли меня; мой меч был обагрен их кровью. Теперь следует ожидать распри.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Skalk þrymviðum þremja	Надлежит отряду —
þegi herr meðan, segja	Внемлет люд — про лютость
vǫn es ísarns ǫsum	*Асов пляски дротов*
ǫrleiks, frá því gǫrla,	Доложить открыто:
hvé hjaldrviðir heldu,	Перли не по праву
haldendr, við mik, skjaldar	*Крепи стрел стропила*, —
roðin sák Hrundar handa	Хрунд рычаг обручья
hnigreyr, lǫgum, dreyra.	Опускался всуе.
	© *А. В. Циммерлинг, 2002*

Виса 7

1. Контекст:

См. выше.

2. Текст:

— О чем это ты сейчас говоришь, шурин? — спрашивает Вермунд.

Торарин произнес вису:

Sóttu heim, þeirs hættu.
Hjǫr-Nirðir mik, fjǫrvi,
gnýljómi beit geymi
geira stígs at vígi;
svá gørðum vér sverða
sókn-miðjungar Þriðja
sleitka líknar leiki
lostigr, fáa kosti.

3. Пословный перевод:

Напали дома, которые рискнули
мече-Ньёрды, (на)-меня, жизнью,
грохота=блеск впился сберегателя
наконечников тропы в бою;
так оставили мы мечей
натиска-полувеликанам Триди (род. п.)
разорвал-я-не милосердия игру
добровольный, мало выбора.

4. Развертка:

$_{1-4}$ Мече-Ньёрды, которые рискнули жизнью, напали на меня дома; блеск грохота впился в бою (в) сберегателя тропы наконечников;

$_{5-8}$ так мы оставили полувеликанам натиска Триди мечей мало выбора; я разорвал игру милосердия, не добровольный.

5. Синтаксис:

В отличие, от предыдущей висы, хельминги синтаксически автономны и передают разные сообщения.

Которые рискнули жизнью ≡ которые поставили свою жизнь под угрозу.

Я не разорвал МИР добровольный ≡ я не разорвал мир добровольно.

6. Поэтика:

Виса интересна нестандартными кеннингами.

Выделяется кеннинг *игра милосердия* ≡ МИР, построенный в виде антонимической параллели к стандартному кеннингу *игра Хильд* ≡ БИТВА.

Грохот — хейти БИТВЫ, а *блеск* — хейти МЕЧА, поэтому *блеск грохота* ≡ МЕЧ.

Сберегатель тропы наконечников ≡ МУЖ (двойной "о б о р о н и т е л ь н ы й" кеннинг).

Тропа наконечников ≡ ЩИТ; *сберегатель* ЩИТА ≡ МУЖ ⇒ Торбьёрн[8].

Триди (*букв*. "*Третий*") — одно из имен Одина; *Триди мечей* ≡ ОДИН; *натиск* ОДИНА ≡ БИТВА.

Полувеликаны (miðjungar) — низшие божества. Данное слово часто встречается в кеннингах; *полувеликаны* БИТВЫ ≡ МУЖИ ⇒ Торбьёрн и его люди.

Ньёрд — один из асов; *мече-Ньёрды* ≡ МУЖИ ⇒ Торбьёрн и его люди.

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл:

Агрессоры, презрев опасность, напали на меня у меня же дома; мой меч поразил врага; мы оставили врагам немного выбора; я нарушил мир вынужденно.

[8] Обращает на себя внимание, что в стихах из «Саги о Людях с Песчаного Берега» (Торарин Черный, Бьёрн Боец Широкого Залива) "оборонительные" кеннинги используются для обозначения в р а г о в скальда, т. е. его ж е р т в, которые либо пали, либо бежали, н е с у м е в з а щ и т и т ь с я.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Sóttu heim, þeirs hættu. Hjǫr-Nirðir mik, fjǫrvi, gnýljómi beit geymi geira stígs at vígi; svá gørðum vér sverða sókn-miðjungar Þriðja sleitka líknar leiki lostigr, fáa kosti.	*Ньёрды жерди*, жизни Положив, жилище Осаждали, — *жало* *Троп ремня* пронзало. Трутней строя Триди Истребил я быстро: *Милость стрел* продлить мне Было не под силу. *© А. В. Циммерлинг, 2002*

Виса 8

1. Контекст:

См. выше.

2. Текст:

Гудню, его сестра, остановилась посреди помещения и сказала:

— Получается, что ты все-таки отвел от себя их хулу?

Торарин произнес вису:

Urðum vér at verja
varð ǫr drifin sára
hrafn naut hrævar, Gefnar
hjaldrskýja mik frýju.
þás við hjalm á holmi.
Hrein míns fǫður sveini,
þaut andvaka unda.
Unnr, benlœkir runnu.

3. Пословный перевод:

Пришлось нам отбивать
был ходатай пущен ран
ворон пользовал трупы, Гевн (род. п.)
беседооблака от=себя попреки.
когда-ж о шлем в поединке
лязгнул / низвергся моего отца парню
выла духа=вахта волн
вал, ран=ручьи бежали.

4. Развертка:

1–4 Нам пришлось отбивать от себя попреки Гевн беседооблака, ходатай ран был пущен, ворон пользовал трупы;

5–8 когда ж вал лязгнул парню моего отца о шлем в поединке; вахта дыхания волн выла, ручьи ран бежали;

или:

когда ж лязгнуло парню моего отца о шлем в поединке; неустанный вал волн выл; ручьи ран бежали (конъектура Э. О. Свейнссона).

5. Синтаксис:

В составе второго хельминга есть неясное слово andvaka и непонятна отнесенность слова unnr "вал". Состав предложений восстанавливается с большим трудом.

Слово andvaka известно как название трубы конунга Сверрира; в переводе «Саг о Посошниках» оно передано как "*Будящая Дух*". Второй компонент -vaka может быть также названием танца[9].

Э. О. Свейнссон предположил, что слово andvaka употреблено в висе как несклоняемое прилагательное при существительном м. р. unnr и приписал ему значение "неустанный". Тогда выражение *вал волн* читается как кеннинг КРОВИ (потока крови), причем поток крови "воет" или "вырывается со свистом" (þaut). Все это построение крайне искусственно, тем более, что приходится восстановливать странное безличное предложение "лязгнуло о мой шлем".

Минусом традиционного толкования является то, что слово unnr не является стандартным хейти МЕЧА.

6. Поэтика:

Во втором хельминге говорящий обозначает себя экстравагантным даже для дротткветтного стиха способом:

Парень моего отца ≡ сын моего отца (т. н. видкеннинг) ⇒ Торарин Черный.

Ходатай ран ≡ МЕЧ.

Гевн беседооблака ≡ БИТВА (двойной кеннинг); *беседа* — хейти БИТВЫ; *облако (заслон) беседы* ≡ ЩИТ; *Гевн* — валькирия; *Гевн* ЩИТА ≡ ЖЕНА ⇒ Гейррид, мать Торарина Черного, попрекавшая его трусостью (?). По контексту подходит также другая женщина — ведьма Катла.

Поединок (holmr) — скорее всего, просто хейти БИТВЫ.

Ручьи ран ≡ КРОВЬ (метафорический кеннинг, учитывающий буквальный смысл составляющей).

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл:

Нам пришлось отреагировать на попреки женщины, пустив в ход оружие; ворону досталась пожива, когда мой шлем отзывался на удары, и кровь лилась рекой.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Urðum vér at verja	*Ринд лавин* отринуть
varð ǫr drifin sára	Нам пришлось *упреки*, —
hrafn naut hrævar, Gefnar	*Вестник язв* вращался,
hjaldrský́ja mik frý́ju.	Вился вран над трупом.

[9] Ср. нисл. Viki-vaka "хоровод".

þás við hjalm á holmi.	*Лемех* в шлем, на сломе,
Hrein míns fǫður sveini,	Вдарил, *хлопцу отчю*;
þaut andvaka unda.	Из свища со свистом
Unnr, benlœkir runnu.	*Щелочь ран* хлестала.

Виса 9

1. Контекст:

См. выше.

2. Текст:

Вермунд сказал:

— Сдается мне, что вы рановато с ними сцепились.

Торарин произнес вису:

Knǫttu hjalmi hættar
hjaldrs á mínum skjaldi
Þrúðar vangs ens þunga
þings spámeyjar singva.
þás bjúgr ǫðull bógar
baugs fyr óðaldraugi
Gjǫll óx vápns á vǫllum,
varð blóði drifinn Fróða.

3. Пословный перевод:

Смогли шлему опасные
беседы на моем щите
Труд (род. п.) луга тяжелого
веча вещие=девы спеть.
Когда-ж гнутое светило локтя
обода пред вотчиной=полена
Гьёлль (им. п.) вздулась оружия на полях
было кровью забрызган Фроди (род. п.)

4. Развертка:

$_{1–4}$ Опасные шлему вещие девы тяжелого веча луга Труд беседы смогли спеть на моем щите;

$_{5–8}$ когда ж гнутое светило локтя Фроди было забрызгано кровью пред вотчиной обода полена; Гьёлль оружия вздулась на полях;

5. Синтаксис:

Опасные шлему — опасные для шлема.

6. Поэтика:

В отличие от предыдущей висы, громоздкие кеннинги расшифровываются без особого труда. В первом хельминге висы представлен развернутый четверной кеннинг.

Труд — валькирия; *беседа* — стандартное для всего цикла вис Торарина хейти БИТВЫ, поэтому *Труд* БИТВЫ ≡ ВАЛЬКИРИЯ (кеннинг); *луг* ТРУД беседы ≡ ПОЛЕ БРАНИ (двойной кеннинг).

Тяжелое вече ПОЛЯ БРАНИ ≡ БИТВА (тройной плеонастический кеннинг, определение и опора которого сами называют "шифрованное" понятие).

[*Вещие девы* [*тяжелого веча* [*луга* [*Труд беседы*]]]] ≡ СТРЕЛЫ (четверной кеннинг с замыканием, самое верхнее определение которого — ВАЛЬКИРИЯ, совпадает с определением второго снизу по глубине вложения кеннинга).

Фроди — легендарный конунг; по другой версии — одно из имен Фрейра; *локоть* — зд. хейти РУКИ; *светило руки* ≡ ЩИТ (круглой формы); [*изогнутое светило* [РУКИ Фроди]] ≡ ЩИТ (плеонастический двойной кеннинг).

Обод — хейти ЩИТА; *вотчина обода* — место, где положено бывать МЕЧУ, т. е. ЩИТ; слово draugr "*полено*" неоднозначно — оно может быть как хейти МЕЧА, так и хейти МУЖА. Поэтому *полено вотчины обода* толкуется либо как МЕЧ, либо как МУЖ ⇒ Торарин Черный (?).

Гьёлль — подземная река, текущая в Хель; *Гьёлль оружия* ≡ КРОВЬ.

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл:

Острые стрелы звенели в моем щите во время битвы; щит был обагрен кровью, кровь лилась на поле боя.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Knǫttu hjalmi hættar	*Дев распев* зловещий
hjaldrs á mínum skjaldi	*Веча Гевн увечья*
Þrúðar vangs ens þunga	Зазвучал, и щит мой
þings spámeyjar singva.	Отозвался в сече.
þás bjúgr ǫðull bógar	Обагрился *обод*
baugs fyr óðaldraugi	*Дров обручья Фроди*;
Gjǫll óx vápns á vǫllum,	*Гьёлль-река* из брега
varð blóði drifinn Fróða.	Изливалась в поле.
	© *А. В. Циммерлинг, 2002*

Виса 10

1. Контекст:

См. выше.

2. Текст:

Вермунд сказал:

— Похоже, теперь они знают, мужчина ты или женщина.

Торарин произнес вису:

Reka þóttumk ek Rakna
remmiskóðs við Móða
kunnfáka hné kennir
klámorð af mér, borða
hvatki's Hildar gǫtva,
hrafn sleit af ná beitu
síks við sína leiku
sælingr umb þat mælir.

3. Пословный перевод:

Отбил / отомстил кажется-мне я Ракни (род. п.)
горького=урона (на) Моди (род. или дат. п.)
сведущего=конька пал / колено знаток / склонился
срамное=слово от меня, бортов.
Как-бы-ни Хильд (род. п. ж. р.) брони
ворон рвал с трупов корм
сига к своей дружке
блаженник про то молвит.

Текст синтаксически неоднозначен: элемент kennir может быть им. п. имени деятеля “знаток” или презенсом 3 л. глагола kenna в значении “припадать”, “касаться”; слово hné может быть существительным “колено” в им. п. / вин. п., либо претеритом глагола hníga “склоняться”.

4. Развертка:

$_{1-4}$ Я, мне кажется, отбил от меня срамное слово на [Моди [бортов горького урона]], [Ракни [сведущего конька]] склонился;

или:

$_{1-4}$ Я, мне кажется, отомстил от меня (за) срамное слово на [Моди [горького урона Ракни]], [знаток сведущего конька] склонился (Э. О. Свейнссон);

или:

$_{1-4}$ Я, мне кажется, отбил от меня, [Моди бортов [горького урона]], срамное слово, [знаток [сведущего конька Ракни]] склонился;

$_{5-8}$ Как бы [блаженник [сига [Хильд брони]]] ни молвит про то своей подружке — ворон рвал корм с трупов.

5. Синтаксис:

Отбил — глагол Reka имеет также значение “отомстить”.

Отбил кажется мне я бранное слово — в оригинале более сложная инфинитивная конструкция: *я убежден отбить бранное слово… от меня* ≡ я убежден, что я отомстил, отведя от себя бранное слово.

6. Поэтика:

Дружка (leika) — подружка; в современном языке слово означает “женский половой орган”. Неясно, учитывалось ли это значение в висе[10]. Еще одно значение этого

[10] Ср. анализ употребления слова аналогичного слова pika, эволюционирующего в исландском языке от первоначального значения “девушка” (< др. дат. pikæ) через значение “девственность”

слова традиционно передавалась как “игрушка”, (ср. Dvalins leika “игрушка Двалина” — о СОЛНЦЕ) но может быть, и здесь в основе лежит смысл “подружка Двалина”.

Виса приурочена к времени, когда Снорри Годи — референт кеннинга — еще не был женат.

Хильд — валькирия; значение “броня” восстанавливается для слова gǫtva довольно надежно; *Хильд брони* ≡ ВАЛЬКИРИЯ.

Сложнее обстоит дело со скальдическим окказионализмом *блаженник* (sælingr); по своей внутренней форме оно означает “тот, кому выпала удача в чем-либо”; *сиг* (рыба) — хейти МЕЧА; *сиг Хильд брони* ≡ МЕЧ (двойной кеннинг); *блаженник сига брони Хильд* ≡ МУЖ (тройной кеннинг) ⇒ Снорри Годи.

Ракни — морской конунг. Исходя из аллитерации, хотелось бы соотнести с этим именем и remmiskóð — “*горький*”, т. е. “гибельный” *урон*. Если Ракни погиб в сухопутной битве (о чем никому не ведомо), то *урон Ракни* ≡ МЕЧ, а если в морской — то *урон Ракни* ≡ КОРАБЛЬ. Более вероятно, что *урон Х-а* ≡ МЕЧ, поэтому если строить кеннинг [*борт* [*горького урона*]], то он толкуется как *борт* МЕЧА ≡ ЩИТ.

Сведущий конек ≡ КОРАБЛЬ (хейти); *знаток сведущего конька* ≡ МУЖ; связь слов *сведущий конек* и *знаток* почти несомненна (ср. аллитерацию).

Моди — один из асов, сын Тора. О нем нет никаких мифов, поэтому, если принять членение [*Имя* 1 [*горького урона Имени* 2], то кеннинг может читаться как [*Моди* [*горького урона Ракни*], с более абстрактным именем слева.

Еще одна попытка — [*Моди бортов* [*горького урона*]]. Тогда *борты* — края ЩИТА, *горький урон бортов* ≡ МЕЧ.

Отдельный вопрос — кого этот кеннинг называет. Традиционное чтение “Я, мне кажется, отбил от меня срамное слово на [*Моди* [*бортов горького урона*]]” неудовлетворительно тем, что в других висах Торарина имя *Моди* встречается в кеннингах самого скальда (ср. вису № 4 из того же флокка), а жертва скальда обозначена более характерным способом.

Поэтому мы предлагаем разбить текст иначе, и читаем: “Я, мне кажется, отбил от меня, [*Моди бортов* [*горького урона*]]”, где кеннинг с опорой *Моди* стоит в позиции аппозитивного уточнения к предложной группе af mér “от меня”. Тогда [*знаток* [*сведущего конька Ракни*]] ≡ МУЖ (кораблеводитель) ⇒ Торбьёрн Толстый.

7. Размер:

Дроттквётт.

8. Смысл:

Я отплатил обидчику за срамные слова; водитель корабля пал; Снорри Годи может как угодно преподносить произошедшее своей подружке — ворон рвал падаль с трупов.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

к значению “женский половой орган” в работе: *Matthew J. Driscoll*: Postcards from the Edge: an overview of marginalia in Icelandic manuscripts // Scandinavia and Christian Europe. The 12th International Saga Conference. Bonn, 2003. P. 131.

Reka þóttumk ek Rakna	Отомстил вполне я
remmiskóðs við Móða	За молву срамную:
kunnfáka hné kennir	*Всадник волн* не сдюжил
klámorð af mér, borða	В тяжбе с *Моди борта*.
hvatki's Hildar gǫtva,	Что бы там *избранник*
hrafn sleit af ná beitu	*Рыб брони*, подруге,
síks við sína leiku	Ни брехал, — но коршун
sælingr umb þat mælir.	Брашно брал на трупах!
	© *А. В. Циммерлинг, 2002*

Виса 11

1. Контекст:

См. выше.

2. Текст:

После этого Торарин рассказывает новости:

Затем Вермунд сказал:

— А зачем ты побежал за ними вдогонку: неужели тебе не показалось достаточным то, что произошло в первый раз?

Торарин произнес вису:

Kveðin man, Hropts, at heiptum,
hyrskerðir, mér verða,
kunnak áðr fyr Enni,
ylgsteiti, vel beita;
es lutviðir létu
lœkendr, þeirs skil flœkja
eggjumk hófs, at hjøggak
Hlín guðvefjar mína.

— Вполне понятно, — говорит Вермунд, — что ты не усидел на месте.

3. Пословный перевод:

Речено будет Хрофта (род. п.), что к ненависти
огне=(у)резатель, мне станет
мог-я прежде перед Лбом
волчицы=веселье, ладно вонзать / наживлять.
Что гнутые=древа сделали-вид
пащенки, которые-ж искажают толк,
раззадорен-я вволю, что обрубил-я
Хлин боевой=ткани, мою.

4. Развертка:

1–4 Урезатель огня Хрофта! Будет речено, что веселье волчицы станет мне к ненависти; прежде я мог ладно вонзать / наживлять пред Лбом;

5–8 что гнутые древа, пащенки, которые искажают толк, сделали вид, что я обрубил мою Хлин боевой ткани; я раззадорен вволю.

5. Синтаксис:

БИТВА *станет мне к ненависти* ≡ меня будут ненавидеть за то, что я устроил БИТВУ.

Что обрубил я мою Хлин боевой ткани ≡будто я сам отрубил руку своей [ЖЕНЕ].

6. Поэтика:

Лоб (Enni) — вдающаяся в море гора. Фраза "я прежде мог ладно вонзать / наживлять пред Лбом" неоднозначна: часть комментаторов полагает, что скальд говорит о том, что он проявил себя как удачливый рыбак в море перед Лбом, а другая часть комментаторов считает, что Торарин имеет в виду какую-то стычку, произошедшую до убийства Торбьёрна Толстого. В прозаическом тексте саги ни о том, ни о другом не говорится ни слова, так что текст висы в любом случем оставляет нас перед загадкой. Глагол beita "вонзать / наживлять" дает повод для обоих толкований. Игра данных двух значений обыгрывается в висе Тормода Скальда Чернобровой[11].

Огне(у)резатель Хрофта ≡ *(у)резатель огня Хрофта*; *Хрофт* — одно из имен Одина; *огонь Одина* ≡ МЕЧ[12]; *(у)резатель огня Одина* ≡ МУЖ (двойной кеннинг) ⇒ слушатель висы.

Есть резон понимать *огонь Хрофта* и как кеннинг ЗОЛОТА; тогда МУЖ определяется как "урезатель", т. е. истребитель ЗОЛОТА.

Веселье волчицы ≡ БИТВА (нестандартный кеннинг).

Гнутые древа (чтение Э. А. Кокка) ≡ МУЖИ (характеризующий кеннинг, дающий негативную оценку референта).

Пащенки которые-ж искажают толк, (чтение Э. А. Кокка) — подонки, которые мутят воду и науськивают людей друг на друга. В прозаическом тексте по имени назван лишь один "подонок" — Одд сын Катлы, который исподтишка отрубил руку Ауд, жене Торарина, и приписал это Торарину.

Хлин — валькирия; *Хлин боевой ткани* ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ Ауд.

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл и сохранность текста:

Воин! люди скажут, что, затеяв битву, я подставил себя под удар; ранее я стяжал похвалы за работу возле Лба (без контекста неясно, какую именно); подонки, которые мутят воду, сделали вид, будто я сам отрубил руку своей жене; я был раззадорен вволю.

Виса принадлежит к числу наиболее емких во флокке Торарина. Она приводится также в составе двух редакций «Книги о Заселении Земли» — «Хауковой книги» и «Тордовой Книги», что неудивительно, так как она в сжатой форме передает квинтэссенцию распри Торарина с Торбьёрном и сообщает ключевую деталь боя — отрубленную руку Ауд. Это достигается за счет сокращения числа кеннингов и широкого употребления характеризующих выражений.

В рукописях сильно варьируется заполнение пятой и шестой строк. Это, как ни странно, не сказывается на смысле висы: в этих строках содержатся пейоративные выражения, клеймящие противников скальда.

[11] См. «Сагу о Названых Братьях», виса № 21 в кн.: Исландские саги / Пер. с древнеисл., общ. ред. и коммент. А. В. Циммерлинга. М., 2000. С. 177, 520–522.

[12] Толкование Э. О. Свейнссона.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Kveðin man, Hropts, at heiptum, hyrskerðir, mér verða, kunnak áðr fyr Enni, ylgsteiti, vel beita; es lutviðir létu lœkendr, þeirs skil flœkja eggjumk hófs, at hjøggak Hlín guðvefjar mína.	*Молний Хрофта*, — молвят — *Прожигатель*! — прежде Бил у Лба я вволю, — *Волчий толк* мне тошен. Извращенцы вервий *Битвы* врать горазды, — Сам лишил-де — брешут! — Длани *Хлин подола*.

Виса 12

1. Контекст:

Торарина спрашивают, как ему помогали зимовавшие у него купцы. Он отвечает, что один из них струсил, а другой сражался достойно.

2. Текст:

— А как, по твоему, проявили себя иноземцы?

Торарин произнес вису:

Nagǫglum fekk Nagli
nest dáliga flestum,
hafsunnu réð kennir
kløkkr í fjall at støkkva;
heldr gekk hjalmi faldinn,
hjaldrs, at vápna galdri,
þurði eldr of aldir,
Alfgeirr af hvǫt meiri.

3. Пословный перевод:

Трупогусыням дал Нагли
подкормку скверно большинству
пучины-солнца решил знаток
пугливый в горы рвануть,
гораздо шел шлемом покрытый
беседы, к оружия ворожбе
свирепствовал огонь на племенах
Альвгейр со стяжанием большим.

4. Развертка:

$_{1-4}$ Нагли скверно дал подкормку большинству трупогусынь; пугливый знаток солнца пучины решил рвануть в горы;

$_{5-8}$ Альвгейр, покрытый шлемом, шел с гораздо большим стязанием к ворожбе оружия; огонь беседы свирепствовал на племенах.

5. Синтаксис:

Дал скверно подкормку X-у = скверно кормил X-а.

6. Поэтика:

Все кенninги и хейти данной висы трафаретны.

Трупогусыни (гусыни трупов) ≡ ВО́РОНЫ.

Пугливый знаток солнца пучины ≡ МУЖ (двойной кеннинг, расширенный эпитетом) ⇒ Нагли; *солнце пучины* (т. е. МОРЯ) ≡ ЗОЛОТО, *знаток* ЗОЛОТА ≡ МУЖ; ср. выражение “знаток” выше в висе № 10.

Ворожба оружия ≡ БИТВА.

Беседа — стандартное хейти БИТВЫ, проходящее через весь флокк Торарина[13]; *огонь беседы* ≡ БИТВА.

Племена = МУЖИ (хейти).

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл:

Нагли не убил многих людей; трус рванул в горы; Альвгейр сражался с гораздо большим рвением; битва была кровопролитной.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Nagǫglum fekk Nagli	Нагли — *гагу нави*
nest dáliga flestum,	Баловал едва ли:
hafsunnu réð kennir	*Страж ларца* от страха
kløkkr í fjall at støkkva;	В гору задал деру.
heldr gekk hjalmi faldinn,	Шел, покрыт шеломом,
hjaldrs, at vápna galdri,	В *ворожбе оружья*,
þurði eldr of aldir,	*Огнь сражения* жатву
Alfgeirr af hvǫt meiri.	Пожирал — Альвгейр.
	Ⓒ *А. В. Циммерлинг, 2002*

Виса 13

1. Контекст:

См. выше.

2. Текст:

— Выходит, Нагли не слишком помог тебе? — сказал Вермунд.

Торарин произнес вису:

[13] См. выше висы № 3, 6, 8, 9.

Grátandi rann gætir
geira stígs at vígi,
þar vasat grímu geymi
góð vôn friðar hônum.
svát merskyndir myndi,
men-skiljandi, vilja
hugði bjóðr á bleyði
bifstaups, á sjó hlaupa.

3. Пословный перевод:

Рыдая, бежал сторож
копий тропы из боя
там было-не забрала хранителю
доброй надежды на-мир ему.
Так=что погонятель=кобылы должно=быть
ожерелье=делитель, хотел
мыслил разносчик с трусости
колеблющегося=сосуда, в море броситься.

4. Развертка:

$_{1-4}$ Рыдая сторож тропы копий бежал из боя; там ему, хранителю забрала, не было доброй надежды на мир;

$_{5-8}$ Так что, делитель ожерелий, погонятель кобылы, должно быть, хотел броситься в море; разносчик колеблющегося сосуда мыслил (так) с трусости.

5. Синтаксис:

Х должно быть хотел броситься — в оригинале инфинитивная конструкция: *должно быть… хотеть… броситься.*

Х мыслил с трусости ≡ Х поступил так, потому что проявил трусость.

6. Поэтика:

Виса интересна повторами тематического материала предыдущих вис и целой коллекцией уничижительных кеннингов МУЖА.

Сторож тропы ремня ≡ МУЖ (двойной кеннинг с “оборонительной” внутренней формой) ⇒ Нагли; *тропа ремня* ≡ ЩИТ.

Забрало (gríma) — зд. хейти ШЛЕМА; *хранитель забрала* ≡ МУЖ (еще один оборонительный кеннинг) ⇒ Нагли.

Погонятель кобылы ≡ МУЖ ⇒ Нагли.

Разносчик колеблющегося сосуда ≡ МУЖ ⇒ Нагли; оба последних кеннинга оскорбительны, так как указывают на занятия, подобающие рабам, а не свободным людям[14].

Хотел броситься в море — в саге рассказывается, что Нагли в помешательстве бросился бежать и едва не спрыгнул со скалы в море.

7. Размер:

Дроттквет.

[14] В реальной жизни свободный человек тоже мог разливать пиво и погонять кобыл или свиней. Но назвать так кого-либо в скальдической поэзии значило четко указать, что человек ни на что другое не годен.

8. Смысл:

Нагли, всхлипывая, бросился бежать, потому что понял, что в бою ему не сдобровать; он проявил себя как полный дурак и с перепугу чуть не бросился в море.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Grátandi rann gætir	С плачем — *перепутье*
geira stígs at vígi,	*Копий* трус покинул:
þar vasat grímu geymi	Мир обресть навряд ли
góð vôn friðar hônum.	В *дебрях* мог *забрала*.
svát merskyndir myndi,	Понукатель клячи
men-skiljandi, vilja	И *мастак запястья*
hugði bjóðr á bleyði	Чуть в пучину с кручи
bifstaups, á sjó hlaupa.	Скал не прыгнул, жалкий.
	© *А. В. Циммерлинг, 2002*

Виса 14

1. Контекст:

Опасаясь преследований Снорри Годи, Вермунд решает сбыть с рук Торарина и отвезти его к могущественному Арнкелю.

2. Текст:

[Вермунд сказал]

— Сегодня мы вместе поедем на Жилой Двор к твоему родичу Арнкелю и узнаем, чем он готов помочь нам. А от Снорри Годи, сдается мне, можно ждать серьезных преследований.

— Вам решать, — говорит Торарин.

Когда они выехали на тропу, Торарин произнес вису:

Muna munum vér at vǫrum
Vermundr glaðir stundum,
auðar þǫll, áðr ollum
auðvarpaðar dauða,
nú séumk hitt, at hlaupa,
hǫr-Gerðr, mynim verða
leið erum randa rauðra
regn, fyr prúðum þegni.

Эти слова он сказал, имея в виду Снорри Годи.

3. Пословный перевод:

Помнить будем-мы что были-мы
(да)-Вермунд довольны порой
богатства сосна, прежде вызвали-мы
богатствошвырятель смерть.

Теперь видится-мне то, что бежать
льна-Герд, должно быть придется
противен есть-нам краев красных
дождь, от гордого воина.

4. Развертка:

$_{1-4}$ Сосна богатства! Мы да Вермунд, будем помнить, что мы были порой довольны, прежде чем мы вызвали смерть богатствошвырятеля.

$_{5-8}$ Теперь мне, Герд льна, видится то, что, должно быть, придется бежать от гордого воина; дождь красных краев есть нам противен.

5. Синтаксис:

Что бежать должно быть… придется — в оригинале инфинитивная конструкция: *должно быть… приходиться… бежать*.

Мы да Вермунд ≡ *мы с Вермундом*.

6. Поэтика:

Виса незатейлива и сплошь строится на стандартных клише. Наиболее интересная деталь — несоответствие ее текста прозаическому комментарию: сага уверяет, что виса сказана в ответ на вопрос Вермунда, в то время как в висе в позиции обращения стоит кеннинг ЖЕНЩИНЫ. По контексту ей может быть *Гудню*, жена Вермунда и сестра Торарина. То, что Вермунд не является адресатом висы, видно, кроме того, из того, что скальд говорит *мы да Вермунд*, т. е. мы с Вермундом.

Сосна богатства ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ Гудню. В списках саги слово “сосна” подправлено на м. р., что следует расценивать как попытку переписчика привести вису в соответствие с прозой.

Богатствошвырятель ≡ МУЖ ⇒ Торбьёрн Толстый[15].

Герд льна ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ Гудню.

Дождь красных краев ≡ БИТВА (двойной кеннинг); *край* — хейти ЩИТА, ср. эпитет *красный* (раскрашенный щит); *дождь* ЩИТОВ — то, что угрожает целости щитов ≡ БИТВА;

То, что *дождь красных краев* скальду *противен*, подчеркивает миролюбие Торарина;

Гордый воин (prúðr þegn) ≡ МУЖ ⇒ Снорри Годи, который будет преследовать убийцу своего шурина Торбьёрна.

7. Размер:

Дроттквет.

8. Смысл:

Женщина! Прежде нам с Вермундом жилось беззаботно, но теперь Торбьёрн убит, и рьяный Снорри Годи задаст нам жару; распря мне противна.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

---

[15] Вызывает некоторое подозрение, что Торбьёрн обозначен “наступательным” кеннингом, подчеркивающим удаль референта; на протяжении всего флокка Торарина, по отношению к врагам скальда, используется обратный прием.

Muna munum vér at vǫrum	Мир до умервщленья
Vermundr glaðir stundum,	*Мота клада, — Лада*
auðar þǫll, áðr ollum	*Благ*! — и радость пира,
auðvarpaðar dauða,	Помним мы да Вермунд.
nú séumk hitt, at hlaupa,	Нынче, чую, — *Нанна*
hǫr-Gerðr, mynim verða	*Льна*! — бежать нам доле, —
leið erum randa rauðra	*Дождь краев червленых*
regn, fyr prúðum þegni.	Мне не люб — от *буя*.
	© *А. В. Циммерлинг, 2002*

Виса 15

1. Контекст:

Вермунд отвез Торарина к Арнкелю Годи.

2. Текст:

Вермунд и Торарин прибыли на Жилой Двор, и Арнкель приветствовал их и справился о новостях. Торарин произнес вису:

Vas til hreggs at hyggja
hrafn-víns á bœ mínum,
þurði eldr of aldir,
uggligt, Munins tuggu,
þás á fyrðu fundi
frǫn víkinga mána
lind beit; lǫgðis kindir
liðu Hǫgna vé gǫgnum.

3. Пословный перевод:

Было к шквалу чтоб замышлять
ворона-вина на хуторе моем
свирепствовал огонь на племенах
боязно, жвачки Мунина (род. п.);
когда-ж на мужей встрече
сверкающая викингов луну
липа взяла; уложителя родичи
прошли Хёгни (род. п.) святилище насквозь.

4. Развертка:

1–4 Было боязно, чтоб замышлять к шквалу вина ворона на моем хуторе; огонь жвачки Мунина свирепствовал на племенах.

5–8 Когда-ж на встрече мужей сверкающая липа взяла луну викингов; родичи уложителя прошли святилище Хёгни насквозь.

5. Синтаксис:

Было боязно чтоб замышлять к шквалу ≡ было боязно замышлять (устраивать) шквал.

6. Поэтика:

Виса интересна усложнением ранее введенных мотивов и несколькими нестандартными элементами внутри кеннингов.

Шквал вина ворона ≡ БИТВА (двойной кеннинг). Необычно слово “вино” (!) в роли хейти КРОВИ.

Мунин — один из двух воронов Одина; *жвачка Мунина* ≡ ТРУПЫ; *огонь* ТРУПОВ ≡ ОРУЖИЕ.

Строка 3 “*огонь… свирепствовал на племенах*” уже встречалась выше в висе № 12, но там слово “*огонь*” было опорой простого, а на двойного кеннинга: [огонь [*жвачки Мунина*]].

Встреча мужей ≡ БИТВА (прямая номинации или видкеннинг (?)).

Сверкающая липа ≡ КОПЬЕ. Эпитет “сверкающее” предпочительно понимать в смысле “гладко обструганное”.

Луна викингов ≡ ЩИТ (нестандартный метафорический кеннинг: викинги вывешивали щит на борт судна).

Хёгни — мифологический конунг (отец Хильд, погиб в битве с ее женихом Хедином; *святилище Хёгни* ≡ ЩИТ (?). Кеннинг нестандартен.

Уложитель — хейти МЕЧА; *родичи* или *роды* (kindir) *уложителя* ≡ МЕЧИ. Если перед нами кеннинг, то он строится по тому же типу, что кеннинг *родич ХУГИНА* ≡ *ВО́РОН* в висе № 5[16].

7. Размер:

Дроттквett.

8. Смысл:

Было боязно заранее замышлять битву, сидя у себя на хуторе; она оказалась кровопролитной. В стычке копья и мечи сокрушили оборону.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Vas til hreggs at hyggja	Трудно на подворье
hrafn-víns á bœ mínum,	На *пургу бирючью*, —
þurði eldr of aldir,	*Мор потравы врана*
uggligt, Munins tuggu,	Жег народ — решиться,
þás á fyrðu fundi	Где на сходке — *липа*
frǫn víkinga mána	Жалит *блеск отвеса*,
lind beit; lǫgðis kindir	И булат буравит
liðu Hǫgna vé gǫgnum.	Бок *святыни Хёгни*.

Виса 16

1. Контекст:

Торарин произнес предыдущую вису перед Арнкелем.

---

[16] Механизм номинации: МЕЧ ≡ “орудие класса смертоносных мечей”.

2. Текст:

Арнкель спрашивает, как в точности произошли те события, о которых сказал Торарин. Когда тот поведал, как все было, Арнкель сказал:

— Разъярился ты, родич, а ведь ты человек очень мирный.

Торарин произнес вису:

Hétu hirðinjótar
haukaness til þessa,
heptandi vask heiptar,
hóglífan mik drífu;
opt kømr, alnar leiptra
ævifúrs ór dúri,
nú kná jǫrð til orða,
œðiregn, at fregna.

— Все может быть, — говорит Арнкель, — и я хочу предложить тебе, родич Торарин, побыть у меня, пока это дело чем-нибудь не закончится.

3. Пословный перевод:

Называли радетельные-пользователи
ястребиного-мыса до того
сдерживавши не-был-я буйство
мирноживущего меня метели.
Часто приходит, локтя молний
вечноогня (?) из тиши (?)
теперь сможет земля о словах
грозный=дождь, узнать.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Радетельные пользователи метели ястребиного мыса до того называли меня мирноживущего; я не был сдерживавши буйство;

$_{5–8}$ часто из тиши приходит грозный дождь вечноогня; теперь земля молний локтя сможет узнать о словах.

5. Синтаксис:

Я не был сдерживавши буйства — в оригинале причастная конструкция: *я не препятствовал насильственному развитию событий*.

6. Поэтика:

Для висы характерно развитие и усложнение мотивов, ранее введенных в висах с простой фактурой.

Радетельные пользователи метели ястребиного мыса ≡ МУЖИ ⇒ нереферентные либо враждебные скальду соседи (?).

Кеннинг необычен, так как *ястребиный мыс* ≡ РУКА (чаще всего женская!), *метель* РУКИ ≡ СЕРЕБРО, а *радетельные пользователи* СЕРЕБРА ≡ МУЖИ.

Правомерно считать этот кеннинг “оборонительным”, т. е. пейоративным, и усматривать в нем отрицательную оценку тех, кто ранее считал скальда слизняком, которого можно безнаказанно давить.

Другое толкование состоит в том, чтобы признать Haukanes не нарицательным, а собственным именем — топонимом “Ястребиный Мыс”. Этой конъектурой воспользовался переводчик висы.

Молния локтя ≡ ЗОЛОТО (в виде украшений на руке женщины); *земля молний локтя* ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ Турид дочь Тордис, вдова Торбьёрна, убитого Торарином.

Мотив *дождя* введен выше в висе № 14. Здесь же говорится о *грозном дожде вечноогня* ≡ БИТВЕ.

Окказиональное слово “вечноогонь” (ævifúrr) можно понять (что сделали комментаторы) как *огонь жития/жизни*; и в том, и в другом случае восстанавливается кеннинг МЕЧА. Какой механизм положен в основу кеннинга, неясно; ср. ævin-Hildr “*извечная Хильд*” в висах из «Сна Торстейна». В любом случае, выражение “грозный дождь” (œðiregn) само по себе кеннингом не является и может быть лишь частью кеннинга ОГОНЬ МЕЧЕЙ + БИТВА. Это служит главным доводом в пользу принятого выше чтения шестой строки по списку *V* (= Vatnshyrna) как ævifúrs ór dúri[17].

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл:

Ранее люди считали меня мирным человеком, но в этот раз я не сдерживал себя и других. Гроза часто разражается внезапно — теперь вдова убитого врага (или: жизнерадостная бабенка) сможет оценить мои слова.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Hétu hirðinjótar	Мыса птиц питомцы
haukaness til þessa,	Незлобивым звали, —
heptandi vask heiptar,	Но не сбавил буйства
hóglífan mik drífu;	Я в *забаве бури*.
opt kømr, alnar leiptra	Часто *гость ненастья*
ævifúrs ór dúri,	Из тиши приходит:
nú kná jǫrð til orða,	Впредь *земля заклада*
œðiregn, at fregna.	Будет знать про это.
	© *А. В. Циммерлинг, 2002*

[17] В списке 446 (= Wolfenbüttelbók, AM 446 4 t°) представлено чтение ævifúrs ór dúri, которое, парадоксальным образом, мало влияет на общий смысл хельминга. Скорее всего, это конъектура, меняющая рифму шестой строки предпринята для исправления непонятного кеннинга *грозный дождь вечноогня*. Слова dús и dúr являются синонимами; слово dús имеет более специальное метеорологическое значение “штиль, тихая погода”, в то время как слово dúr обычно передает смыслы “спокойствие духа”, “дремота”. При конъектуре слово ævifúrs становится атрибутом кеннинга Турид: [*жизнелюбивая земля* [*локтя молний*]]. Но это, скорее всего, домысел переписчика.

opt kømr, alnar leiptra	Часто приходит, локтя молний
ævifús ór dúsi,	**жизнелюбивая из тиши**
nú kná jǫrð til orða,	теперь сможет земля о словах
œðiregn, at fregna.	грозный=дождь, узнать.

Виса 17

1. Контекст:

Торарин переселился к Арнкелю и загрустил.

2. Текст:

Торарин вел себя в соответствии со своим нравом и подолгу молчал. Арнкель любил домашний уют и был большой весельчак: ему не нравилось, когда другие не веселились с ним вместе, и он часто выговаривал Торарину, что тот должен быть безмятежен и бодр, — он, де, слышал, будто вдова с Вещей Реки стойко переносит свое горе, и ей покажется смехотворным, что вы держитесь не так хорошо, как она.

Торарин произнес вису:

Skalat ǫldrukkin ekkja,
ek veit at gat beitu
hrafn af hræva efni,
hoppfǫgr af því skoppa,
at hjǫrdǫggvar hyggjak,
hér es fjón komin ljóna
haukr unir hǫrðum leiki
hræva stríðs, á kvíðu.

3. Пословный перевод:

Не-должна пиво=пьяна вдова
я знаю, что достал поживу
ворон с трупов вещества
присядкой=прекрасная от того прыгать,
что росы=мечей мню-я
здесь есть злоба наставши людей
ястреб радуется суровой игре
трупов мучения, с печали.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Вдова, прекрасная присядкой, не должна прыгать, пьяна пивом, от того — я знаю, что ворон достал поживу с вещества трупов, —

$_{5–8}$ — что я мню с печали росы мечей; злоба людей есть здесь наставши; ястреб трупов радуется суровой игре мучения.

5. Синтаксис:

Виса выделяется прихотливым порядком слов, при этом вставное предложение первого хельминга разрывает синтаксическую связность всей висы: “вдова… не должна скакать от того, что я мню с печали”.

Злоба есть наставши людей здесь ≡ здесь проявилась людская злоба (в оригинале перфектная конструкция с причастием).

6. Поэтика:

Вдова ⇒ Турид с Вещей Реки.

Прекрасная присядкой (hoppfǫgr) — эпитет (саннкеннинг), указывающий на посадку корпуса женщины в танце. Танец, который имеет в виду скальд, наверняка был круговым.

То, что “вдова прыгает, пьяна пивом”, всего пару месяцев спустя гибели мужа, разумеется, плохо. В саге далее говорится о романе Турид с Бьёрном сыном Асбранда, но он, по хронологии самой саги, завязался позже.

Вещество трупов ≡ ПАДАЛЬ, т. е. те же ТРУПЫ.

Печаль росы мечей — по-видимому, нестандартный двойной кеннинг ТРУСОСТИ как боязни увидеть КРОВЬ; *роса мечей* ≡ КРОВЬ.

Ястреб суровой игры мучения ≡ ВО́РОН (двойной кеннинг). Наиболее интересная его часть — нестандартный кеннинг БИТВЫ *игра мучения*. Ср. выше в висе № 7 окказиональный кеннинг МИРА как *игры милосердия*.

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл:

У легкомысленной бабенки нет повода накачиваться допьяна пивом и носиться вприпрыжку, полагая, будто я робею при виде крови. Произошла распря; я твердо знаю, что ворон терзал тела убитых мной.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Skalat ǫldrukkin ekkja,	Не к лицу вприпрыжку
ek veit at gat beitu	Днесь нестись вдовице,
hrafn af hræva efni,	С пьяных глаз — коль гложет
hoppfǫgr af því skoppa,	*Остов тел* обжора.
at hjǫrdǫggvar hyggjak,	Не лелею распрю
hér es fjón komin ljóna	Я, но *ястреб язвы*
haukr unir hǫrðum leiki	Чтит *игру мученья*,
hræva stríðs, á kvíðu.	Злобу мужа множа.
	© *А. В. Циммерлинг, 2002*

Виса 18

1. Контекст:

Торарин произнес предыдущую вису на хуторе Арнкеля.

2. Текст:

На это один из домочадцев Торарина ответил:

— До конца тинга на Мысе Тора весной ты еще знать не можешь, сколько удачи тебе суждено в этом деле.

Торарин произнес вису:

Láta hitt at hljóta
haldendr myni, skjaldar,
sœkjum róð und ríkjan,
rómusamt ór dómi,

nema Arnketill órum
orðgóðr við lof þjóðar,
vel trúik grímu geymi
galdrs, sammǫlum haldi.

3. Пословный перевод:

Полагают то, что выпадать
держатели будет-нам щита
прибегнем к-советам у могущественного
боем-чревато от суда;
если-не Арнкетиль наши
добрый=словами к похвале народа
вполне доверяю-я забрала сберегателю
заклинания, соглашения выполнит.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Держатели щита полагают то, что нам будет выпадать чревато-войной от суда прибегнем к советам у могущественного;

$_{5–8}$ если Арнкетиль, добрый словами, не выполнит наши соглашения к похвале народа; я вполне доверяю сберегателю заклинания забрала.

5. Синтаксис:

Оба хельминга синтаксически и семантически тесно связаны.

Чревато-войной — предикатив (окказиональное слово категории состояния, не специально поэтизм!).

Нам будет выпадать чревато-войной от суда ≡ мы столкнемся с опасностью войны после завершения суда.

6. Поэтика:

Данная виса, поставленная во флокке Торарина предпоследней, имеет ряд особенностей. Только в ней названо имя Аркеля Годи.

Арнкетиль — полная форма имени *Арнкель.*

Под *словом* “скальды” обычно имеют ввиду п о с т у п к и героя (ср. наш комментарий к «Поминальной Драпе о Торгейре сыне Хавара»). Поэтому эпитет *добрый словами* следует трактовать как “деятельный и справедливый”, а не как “добрый на словах”.

Могущественный ⇒ Арнкель Годи (т. н. саннкеннинг, т. е. обозначение хёвдинга по сути).

Сберегатель заклинания забрала ≡ МУЖ (двойной кеннинг) ⇒ Арнкель; *забрало* — хейти ШЛЕМА, а *заклинание* (песнь) ШЛЕМА ≡ БИТВА.

Материал кеннинга уже встречался в висе № 13, ср. *сберегатель забрала* ≡ МУЖ (о Нагли). Настораживает, что сугубо положительный персонаж Арнкель назван “оборонительным” кеннингом, как и трус Нагли. Либо кеннинг *сберегатель БИТВЫ* построен по принципу двойного отрицания ≡ “тот, кто не бережет ШЛЕМ в БИТВЕ”, либо виса присочинена позже.

Держатели щита ≡ МУЖИ (нереферентные); тот же оборонительный кеннинг встречался выше в висе № 6.

Словоформа “соглашения” (sammǫlum) взята нами по спискам редакции Vatnshyrna. В списке 309 (Wolfenbüttelbók, AM 309 4 t°) представлена форма sákmǫlum “наступательным делам”, “искам”, которая явно возникла как конъектура.

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл.

Люди скажут, что после тинга нам будет угрожать опасность нападения, если Арнкель, известный своей твердостью, не выполнит свои обязательства по отношению к нам; мы прибегли к помощи могущественного мужа, и я полностью ему доверяю.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Láta hitt at hljóta haldendr myni, skjaldar, sœkjum róð und ríkjan, rómusamt ór dómi, nema Arnketill órum orðgóðr við lof þjóðar, vel trúik grímu geymi galdrs, sammǫlum haldi.	*Оборонцам* — кару Люд пророчит в споре, Коль защиты мощной До суда не сыщем; Соблюдает Арнкель Клятвы наши свято, — Верю *бережливцу* *Звона струн забрала*. © *А. В. Циммерлинг, 2002*

Виса 19

1. Контекст:

Весной Снорри Годи выехал к хутору Арнкеля вызывать Торарина на Тинг Мыса Тора.

2. Текст:

Затем Снорри вызвал Торарина и всех, кто был при убийствах, на Тинг Мыса Тора; Арнкель выслушал это спокойно. После этого Снорри и его люди уехали прочь и направились к Ульваровой Горе.

Когда они уехали, Торарин сказал вису:

Esat sem gráps fyr glœpi
grund fagrvita mundar
fúra fleygiǫru
frænings lǫgum ræni,
ef sannvitendr sunnu,
sék þeira lið meira,
oss megni goð gagni
Gauts þekju mik sekja.

3. Пословный перевод:

Несть, словно града пред преступлением
почва прекрасного=маяка длани
пламени стремительного=ходатая
блестяныша законом грабителю.
если правдознайцы светила
видел-я их войско больше
нам да-смогут боги пособить,
Гаута (род. п.), крышу меня осудят.

4. Развертка:

1–4 Почва прекрасного маяка длани! Несть, словно грабителю стремительного ходатая огня града блестяныша пред преступлением,

5–8 если правдознайцы солнца крыши Гаута меня осудят; я видел (что) войско их больше.

5. Синтаксис:

Оба хельминга синтаксически и семантически связаны.

Кеннинг *почва прекрасного маяка длани* стоит в первом хельминге в позиции обращения — О, ЖЕНЩИНА.

Высказывание “несть словно грабителю пред преступлением” следует понимать в смысле: “ситуация не такова, как перед грабежом”.

Если меня осудят — по контексту следует понимать как футуральный презенс.

Я видел войско их больше ≡ *я видел, что войско у них больше.*

6. Поэтика:

Данная виса, стоявшая во флокке Торарина последней, выделяется двумя нестандартными сложными кеннингами. Прозаический комментарий саги не вполне адекватен, так как из текста висы следует, что она отвечает на вопрос женщины. Мотив “ущемления прав других людей согласно процедуре закона” как “грабежа по закону” см. ранее в висе № 5, с. 449, где Снорри Годи обозначен кеннингом [*vitr vekjandi* [*lǫgráns*]] ([*мудрый возбудитель* [*законного грабежа*]]).

Почва прекрасного маяка длани ≡ ЖЕНЩИНА (двойной кеннинг) ⇒ слушательница висы (Гудню, сестра Торарина?); *прекрасный маяк руки* ≡ ЗОЛОТО (на руке женщины), *почва* ЗОЛОТА ≡ ЖЕНЩИНА.

[*Грабитель законом* [*стремительного ходатая* [*огня* [*града блестяныша*]]]] ≡ МУЖ (оригинальный четверной кеннинг) ⇒ Снорри Годи.

Блестяныш — хейти МЕЧА или КОПЬЯ; *град блестяныша* ≡ БИТВА; *пламя* БИТВЫ ≡ МЕЧ; *стремительный ходатай* МЕЧА ≡ МУЖ; *грабитель законом* МУЖА ≡ МУЖ, который притесняет других, опираясь на букву закона ⇒ Снорри Годи.

Кеннинг является характеризующим.

Правдознайцы светила крыши Гаута ≡ МУЖИ (тройной кеннинг); *Гаут* — одно из имен Одина; *светило* — хейти СОЛНЦА; *крыша Гаута* ≡ ВАЛЬХАЛЛА, чертог Одина и местоприбывание павших в бою; *светило* ВАЛЬХАЛЛЫ ≡ ЩИТ, так как крыша Вальхаллы сложена из щитов; *правдознаец* ≡ МУЖ (саннкеннинг).

В контексте висы данный кеннинг тоже можно считать характеризующим, так как [*Правдознайцы* [*светила* [*крыши Гаута*]]] ≡ МУЖИ ⇒ враги скальда, которые предвкушают успешный для себя исход распри.

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл.

Женщина! Ситуация еще не так плоха, как перед триумфом законника-крючкотвора. Враги уже празднуют свою победу и готовятся меня засудить — я видел, что войско у них больше. Да помогут нам боги!

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Esat sem gráps fyr glœpi	Вор гонца огнива
grund fagrvita mundar	*Градин гада*, рад бы
fúra fleygiǫru	Обобрать в правах нас,
frænings lǫgum ræni,	Полк набрав с избытком, —
ef sannvitendr sunnu,	Либо *правдолюбы*
sék þeira lið meira,	*Солнца кровли Тротта*
oss megni goð gagni	Нас засудят скопом, —
Gauts þekju mik sekja.	Боги нам подмога!
	© *А. В. Циммерлинг, 2002*

Тормод сын Бахромы

Речи Ворона

Скальд Тормод сын Бахромы (конец X — начало XI в.) сочинил поэму (флокк или, что менее вероятно, драпу) о Снорри Годи. О самом скальде неизвестно почти ничего, кроме того, что он “сочинял о Снорри Годи”[18]. Зато отец скальда, хёвдинг Торкель Бахрома, часто упоминается в родовых сагах — ср., прежде всего, «Сагу о Курином Торире», «Прядь о Снэбьёрне Борове» и «Сагу о Людях из Лососьей Долины».

Название поэмы «Речи Ворона» побуждает считать, что она была поминальной[19]. Название, видимо, связано с композиционным приемом: ворон Одина приветствует героя, прибывающего после смерти в Вальхаллу, и перечисляет памятные дела покойного, которые послужат образцом для живущих[20]. Такое же название носит флокк Стурлы Тордарсона (1263—1264), сочиненный в память о конунге Хаконе Старом.

[18] Об этом говорится только в одной из поздних редакций «Книги о Заселении Земли» — т. н. «Книге Торда», причем данное место считается добавлением, сделанным составителем этой редакции, Тордом Йоунссоном (ум. 1670 г.), знавшим «Сагу о Людях с Песчаного Берега».

[19] Иного мнения придерживается И. Г. Матюшина, которая пишет, что флокк Тормода сына Тревиля сочинен в 1012 г. Однако эта точка зрения не подкреплена аргументами. См.: *Гуревич Е. А.*, *Матюшина И. Г.* Поэзия скальдов. М., 2000. С. 102.

[20] Австралийская иследовательница Дж. Квинн, исследовавшая флокк Тормода, недавно предложила другое объяснение: название «Речи ворона» может быть связано с тем, что во флокке

Двадцать вис флокка Стурлы приводятся в «Саге о Хаконе Старом», составленной Стурлой Тордарсоном около 1264—1265 гг. «Речи Ворона» Стурлы сложены в том же редком размере хаддарлаг, что и одноименный флокк Тормода сына Бахромы, и, как отмечают комментаторы, содержат много текстуальных совпадений со стихами Тормода сына Бахромы, дошедшими до нас в составе «Саге о Людях с Песчаного Берега».

Герой флокка, Снорри Годи, умер в 1031 г. как христианин и прославился как активный поборник принятия христианства в Исландии. Любопытно было бы узнать, были ли во флокке висы, где это вменялось Снорри в заслугу.

В «Саге о Людях с Песчаного Берега» приводятся пять вис флокка. Все они посвящены тем эпизодам биографии Снорри, где погибли его враги, павшие в битве или убитые при его непосредственном участии. Виса № 20 сообщает об убийстве Вигфуса, виса № 26 — об убийстве Арнкеля, виса № 33 — о битве в Лебяжьем Фьорде, виса № 34 сообщает об убийстве Торстейна сына Гисли и последовавшей вслед за этим битве на Тинге Мыса Тора. Наконец, виса № 35 посвящена победе над разбойниками.

Подлинность вис особых сомнений не вызывает: фальсификация вис Тормода сына Бахромы, скальда, по всем признакам, второстепенного, вряд ли была уместна. Кроме того, налицо повторы мотивов, связывающих висы в единый цикл[21]. Наконец, стих Тормода сына Бахромы имеет ряд особенностей, которые не укладываются в позднейший метрический канон; от фальсификатора XIII в. можно было ожидать более жесткой ретуши числа слогов и унификации рифмы.

Висы флокка сложены в размере хаддарлаг (хадарлаг)[22]. Аллитерация такая же, как в дротткветте. Строки обычно пятисложные, со словоразделом 2 + 3. Метрический канон этого размера точно неизвестен, поэтому с уверенностью сказать, являются ли отступления от правил дроттветтной рифмы дефектами, трудно[23]. В разных списках

в качестве стервятника назван только ВОРОН, а не ВОЛК. Quinn J. Hrafns mál. 2003. (In press). В таком случае, «Речи ворона» — это дела Снорри Годи, убивающего своих врагов.

[21] Повторяется, прежде всего, композиционный рисунок висы. Автор широко прибегает к прямой номинации — дважды названо имя Снорри (№ 26, 33) и дважды имена его жертв (№ 20, 26) — и характеризующим кеннингам. В висе № 34 зашифрован топоним “Мыс Тора”, в висе № 33 прямой номинацией назван топоним “Лебяжий Фьорд”. Стиль вис несколько суховат. Автор не избегает клише и не чурается повторять прозаизмы, т. е. ключевые слова рядов хейти: повторяются слова “меч”, “рана”. В батальных эпизодах участвуют только пернатые стервятники, которые собраны в большом количестве: в кеннингах упоминаются чайка (№ 26), детеныши чайки (№ 20), тетерева (№ 26), орел и лебедь (№ 33), орлан (№ 35), прямой номинацией назван ворон (№ 35). Ограничений на употребление “морских” и “наступательных” кеннингов по отношению к жертвам героя и отрицательным персонажам нет. Дошедшие до нас висы информативны и далеки от грубой лести: Снорри приписываются только те свойства, которыми он обладал. Он представлен как “предводитель отряда”, т. е. хёвдинг, в висах № 20, 26, 33 и как “человек, прибегающий к насилию по необходимости” в висе № 35. Из висы № 26 можно понять, что Снорри самолично нанес одну из ран Арнкелю Годи, что сага не комментирует.

[22] Этимология названия неясна. Демонстрационная виса-образец в данном размере приводится Снорри Стурлусоном в «Перечне размеров» в гл. 80.

[23] Ср. обсуждение И. Г. Матюшиной в кн.: *Гуревич Е. А.*, *Матюшина И. Г.* Поэзия скальдов. М., 2000. С. 102. Снорри Стурлусон в «Перечне Размеров» пишет, что строка хаддарлага всегда пятисложна. В демонстрационной висе, сочиненной Снорри, это условие соблюдено, но в «Речах Ворона» оно не действует. О факультативности рифмы в нечетных

саги есть расхождения по отдельным строкам, но они невелики и не дают повода к ретуши текста.

Виса 20

1. Контекст:

В 982 г. человек по имени Вигфус сын Бьёрна подослал наемного убийцу к Снорри Годи, но покушение не удалось; убийца был схвачен и выдал заказчика. После этого Снорри с шестью домочадцами, не мешкая, отправился к Вигфусу и убил его.

2. Текст:

Тормод сын Бахромы сложил такую вису об убийстве Вигфуса:

Felldi folksvaldi
fyrst ens gollbyrsta
velti valgaltar,
Vígfús þann hétu;
slítu þar síðan
sára benskárar
Brǫð af bǫð-Nirði
Bjarnar arfnytja.

3. Пословный перевод:

Сразил полка=владыка
сперва златощетинного
низвергателя павших=вепря,
Вигфусом того звали.
Рвали там позже
ран язво=чайчата
свежатину с бое=Ньёрда
Бьёрна наследника.

4. Развертка:

1–4 Сперва владыка полка сразив низвергателя златощетинного вепря павших, того звали Вигфусом;

5–8 Позже язвочайчата ран рвали там свежатину с бое-Ньёрда, наследника Бьёрна.

5. Синтаксис:

В строфе нет переплетения предложений, кеннинги не переходят за рамки строки.

6. Поэтика:

Владыка полка ⇒ Снорри Годи.

Низвергатель златощетинного вепря павших ⇒ МУЖ; *вепрь* — хейти ШЛЕМА, так как на гребне шлемя часто изображали вепря, поэтому *вепрь павших* (или: *поля*

строках Снорри не говорит ничего, однако неясно, отражают ли представления Снорри об этом редком размере реальную скальдическую практику. В «Речах Ворона» Стурлы Тордарсона (1263—1264) из 160 строк хаддарлага шесть слогов имеют лишь две: glumdi á gjálfrtǫmdum («Сага о Хаконе Старом», виса № 102) и heldu of haf aldir («Сага о Хаконе Старом», виса № 104).

боя) ≡ ШЛЕМ; *златощетинный* — шлем с золотым гребнем. *Низвергатель* ШЛЕМА ≡ МУЖ ⇒ Вигфус (что открыто сообщается в следующей за кеннингом строке).

Чайченок — детеныш чайки или маленькая чайка (skári); *чайка ран* ≡ ВÓРОН. Любопытно, что в кеннинге семантический компонент "рана" повторяется дважды без видимой причины, кроме метрической необходимости: [[*чайчата язв*] *ран*].

Наследник Бьёрна ⇒ Вигфус (видкеннинг).

Ньёрд — один из асов; *бое-Ньёрд* (*Ньёрд боя*) ≡ МУЖ ⇒ Вигфус.

7. Размер:

Хаддарлаг. В пятой и восьмой строках плохо с рифмой (если [arfn] не произносится как [arn]). Все строки пятисложны, словораздел 2 + 3.

8. Смысл:

Первой жертвой хёвдинга был муж по имени Вигфус; воронье рвало его падаль.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен С. Ю. Агишевым.

Felldi folksvaldi	Сперва умервщлен
fyrst ens gollbyrsta	В шеломе златом
velti valgaltar,	Вигфус был в поле
Vígfús þann hétu;	Дружиною Снорри.
slítu þar síðan	С наследника Бьёрна
sára benskárar	Позже задорно
Brǫð af bǫð-Nirði	Вóроны рвали
Bjarnar arfnytja.	Мясо клоками.
	© *С. Ю. Агишев, 2003*

Виса 26

1. Контекст:

В 993 г. Снорри подстерег своего главного врага Арнкеля Годи на хуторе Двор Эрлюга и напал на его с четырнадцатью спутниками. Арнкель держал оборону в одиночку и был убит.

2. Текст:

Об убийстве Арнкеля Тормод сын Бахромы сложил такую вису:

Fekk enn folkrakki
framðisk ungr sigri
Snorri sár-orra
sverði gnógs verðar;
laust í lífs kǫstu
Leifa máreifir
unda gjalfrs eldi,
þás hann Arnketil felldi.

3. Пословный перевод:

Задал полком=смелый
прославился млад победой
Снорри (им. п.) ран-тетеревам
мечом обильную трапезу.
Проник в хранилище жизни
Лейви (род. п.) чайко-веселитель
язв плеса огнем
когда-ж он Арнкетиля сразил.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Снорри, смелый полком, задал мечом тетеревам ран обильную трапезу; млад прославился победой;

$_{5–8}$ Чайко-веселитель Лейви проник огнем язв плеса в хранилище жизни, когда ж он сразил Арнкетиля.

5. Синтаксис:

В первом хельминге есть вставное предложение, занимающее вторую строку.

6. Поэтика:

Смелый полком ≡ МУЖ (саннкеннинг) ⇒ Снорри Годи. Вопреки Э. О. Свейнссону, который трактует *смелый полком* просто как клише со значением “смелый в бою”, мы настаиваем на буквальном прочтении данного выражения — “хёвдинга, добивающегося успеха во главе отряда”, и видим в нем точную биографическую деталь. Прозаический контекст не оставляет никаких сомнений в том, что бой был неравным. Степень активности Снорри в эпизоде убийства Арнкеля даже не обсуждается!

Млад ≡ МУЖ (саннкеннинг) ⇒ Снорри. Снорри Годи было к моменту битвы на Дворе Эрлюга 29 или 30 лет, а его антагонисту — гораздо больше: один из персонажей саги называет его “старым орлом”.

Тетерева ран ≡ ВО́РОНЫ.

Лейви — морской конунг; *чайка Лейви* ≡ ВО́РОН; *веселитель чайки Лейви* ≡ МУЖ (двойной кеннинг) ⇒ Снорри Годи.

Хранилище жизни ≡ ГРУДЬ (грудная клетка).

Плес ≡ хейти МОРЯ; *плес язв* ≡ КРОВЬ; *огонь плеса язв* ≡ МЕЧ (двойной кеннинг).

7. Размер:

Хаддарлаг. Все строки, кроме последней, пятисложны, словораздел 2+3. В третьей строке рифма, вопреки дротткветтному канону, полная.

В восьмой строке семь слогов, словораздел и рифма k*etl* ∼ f*elld* вызывают сомнения. В имени Arnketil последние два слога краткие. Метрическая схема восьмой строки þás hann Arnketil felldi неясна. Наиболее вероятно чтение X X –́ | –́ | (X) –́ | X, т. е. как пятисложной строки, отягощенной анакрузой — двумя безударными слогами слева. Менее вероятно, что на двух кратких слогах ke-til происходит распущение метрической вершины.

8. Смысл:

Снорри смолоду прославился своей победой, когда во главе отряда сразил Арнкеля, потешив воронье; он поразил грудь врага мечом.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен С. Ю. Агишевым.

Fekk enn folkrakki framðisk ungr sigri Snorri sár-orra sverði gnógs verðar; laust í lífs kǫstu Leifa máreifir unda gjalfrs eldi, þás hann Arnketil felldi.	Снорри победы Смлада изведал, Воронам пир Мечом дарил. Вместе с дружиной Снова поживу Им он нашел — Арнкетиль сражен. © *С. Ю. Агишев, 2003*

Виса 33

1. Контекст:

В 997 г. в Лебяжьем Фьорде случилась битва между Снорри Годи и Стейнтором с Песчаного Берега. Со стороны Стейнтора пало пять человек, а со стороны Снорри — двое.

2. Текст:

Тормод сын Бахромы в Речах Ворона говорит так:

Saddi svangreddir
sára dynbǫru
ǫrn á úlfs virði
í Alptafirði,
þar lét þá Snorri
þegna at hjǫrregni
fjǫrvi fimm numna;
svá skal fjandr hegna.

3. Пословный перевод:

Насытил лебедя-кормилец
ран шумной=волны
орла на волка трапезе
в Лебяжьем Фьорде;
там изволил тогда Снорри
воинов к мечей дождю
жизни пять лишить;
так надо врагов карать.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Кормилец лебедя шумной волны ран насытил орла на трапезе волка в Лебяжьем Фьорде;

$_{5–8}$ там Снорри изволил тогда лишить пять воинов жизни к дождю мечей; так надо карать врагов.

5. Синтаксис:

Переплетения предложений нет. В первом хельминге кеннинг переходит из первой строки во вторую.

6. Поэтика:

Лебедекормилец шумной волны ран ≡ МУЖ (тройной кеннинг со смещением); *шумная волна ран* ≡ КРОВЬ; *лебедь* КРОВИ ≡ ВО́РОН. Хейти *лебедь*, неслучайно встречается именно в висе, посвященной событиям в Лебяжьем Фьорде. [*Кормилец* [*лебедя* [*шумной волны ран*]]] ≡ МУЖ ⇒ Снорри Годи.

Весьма интересна фраза “Насытил… орла на *трапезе волка*” — слово “орел” используется как хейти ВОРОНА (стервятника) — ср. вису № 35, где появится *орлан*, а *трапеза волка* ≡ ПОЛЕ БРАНИ. Здесь обозначение ВОЛКА, несомненно, имеет иной смысл, чем обозначения птиц. Волк — тролль, нечисть, адское существо. Поэтому Волк или Волчица есть само воплощение БИТВЫ или ее РОКОВОГО ИСХОДА, в то время как “*чайка ран*, рвущая падаль” — лишь орнаментальный эпитет битвы.

Само слово “волк” во флокке Тормода сына Бахромы в кеннингах МУЖА н е в с т р е ч а е т с я; такое же табу есть в «Драпе о Торгейре», сложенной современником и тезкой Тормода сына Бахромы, Тормодом Скальдом Чернобровой.

Дождь мечей ≡ БИТВА (клишированный кеннинг).

7. Размер:

Хаддарлаг. Все строки, кроме четвертой и шестой, пятисложны, со словоразделом 2 + 3. В шестой строке шесть слогов. Впрочем, в шестой строке напрашивается чтение с элизией þegn*a* at hjǫrregni.

Четвертая строка í Alptafirði трехтактна и пятисложна, но имеет словораздел между двумя условными просодическими словами 3 + 2:

[í Alpta] + [firði] т. е. [–́ | –́ | X] + [–́ | X]

В третьей, четвертой и восьмой строках корневой рифмы нет, но финалы третьей и четвертой строк рифмуют между собой virði ∼ firði. Произношение дат. п. virði в клаузуле третьей строки (ǫrn á úlfs virði), возможно, является исконным и древним. В ряде списков саги представлена аналогическая форма verði, которая, однако, рифмы не спасает. Какое чтение выбрать — дело вкуса. Теоретически не исключено, что форма virði подставлена позже вместо verði для того, чтобы подчеркнуть конечную рифму, но, скорее всего, она была просто фонетически закономерной в силу межслоговой ассимиляции.

Конечная рифма, возможно, связывает также шестую строку с восьмой.

8. Смысл:

В жестокой битве при Лебяжьем Фьорде Снорри одержал победу, нанеся противнику большой урон и потешив стервятников; противник потерял пять человек убитых. Вот как надо карать врага!

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен С. Ю. Агишевым.

Saddi svangreddir	Снорри кормил
sára dynbǫru	Кровью из жил
ǫrn á úlfs virði	Орла в битве страшной
í Alptafirði,	Во Фьорде Лебяжьем.
þar lét þá Snorri	И пять, кто там был,
þegna at hjǫrregni	Он загубил,
fjǫrvi fimm numna;	Чтоб показать,
svá skal fjandr hegna.	Как нужно карать.
	© С. Ю. Агишев, 2003

Виса 34

1. Контекст:

В 1008 г. Снорри Годи отправился в Городищенский Фьорд и убил своего врага Торстейна сына Гисли с его сыном Гуннаром. Это вызвало большие распри, вылившуюся в битву на Тинге Мыса Тора между Снорри Годи и тезкой убитого Торстейном сыном Торгильса. В этой битве противники Снорри потеряли семь человек.

2. Текст:

Обо всех этих событиях, убийстве Торстейна сына Гисли и его сына Гуннара, и о случившейся затем битве на Тинге Мыса Тора, Тормод сын Бахромы сочинил в Речах Ворона такую вису:

Meir vá enn móðbarri
menn at hjǫrsennu
týnir tjǫrreinar
tvá fyr ǫ sunnan;
lǫgu sjau síðan,
slíks eru jarteignir,
gífrs á grand-nesi
gumnar fjǫrnumnir.

3. Пословный перевод:

Больше убил духом-крепкий
людей к мечей перебранке
губитель штыря (?) межи
двоих за рекой на-юге;
легло семь позже
таковому есть подтверждения,
нечисти на вреда-мысе
мужей жизне-лишенных.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Крепкий духом губитель межи штыря убил больше людей к перебранке мечей — двоих за рекой на юге;

$_{5–8}$ позже на мысе вреда нечисти — таковому есть подтверждение — легло семь жизнелишенных мужей.

5. Синтаксис:

В обеих хельмингах есть разрывы предложений и перенос элементов кеннингов; вторая строка второго хельминга содержит вставное предложение.

Убил больше мужей — здесь: убил еще мужей, кроме тех, что были названы ранее.

6. Поэтика:

[*Крепкий духом* [*губитель* [*межи штыря*]]] ≡ МУЖ (тройной кеннинг).

Точное вещественное значение слова, переданного здесь как “штырь” (tjǫr) неизвестно, но известно, что это хейти КОПЬЯ; поэтому *межа* КОПЬЯ ≡ ЩИТ; а *губитель* ЩИТА ≡ МУЖ ⇒ Снорри Годи.

Река на юге — Белая Река в Городищенском Фьорде.

Перебранка мечей ≡ БИТВА (кеннинг).

Вредо-мыс нечисти ≡ МЫС ТОРА (индивидуальный кеннинг со смещением); Тор является истребителем великанов и прочей нечисти (gífrs).

Таковому есть подтверждения — есть вещественные доказательства.

7. Размер:

Хаддарлаг. В первой строке “Meir vá enn móðbarri” и шестой строке “slíks eru jarteignir” по шесть слогов. Для обеих строк очевиден словораздел 3+3, но в первой строке возможно чтение с двумя ударениями в первом “слове” [–́ | –́ | X] + [–́ | X]. В пятой строке два икта могут быть только на втором “слове”.

В четвертой, пятой, шестой и седьмой строках нет рифмы.

8. Смысл:

Решительный хёвдинг, Снорри, не ограничился предыдущими подвигами и убил еще несколько людей: двоих к югу от реки Хвитау, а семерых — позже на Тинге Мыса Тора. Всему этому есть неоспоримые доказательства.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен С. Ю. Агишевым.

Meir vá enn móðbarri	Могучий Снорри
menn at hjǫrsennu	Еще двоих воев
týnir tjǫrreinar	На юге убил,
tvá fyr ǫ sunnan;	В битве сразил.
lǫgu sjau síðan,	И семеро позже
slíks eru jarteignir,	Мужей легло все же
gífrs á grand-nesi	На тинге, на месте,
gumnar fjǫrnumnir.	Верны о том вести.
	© *С. Ю. Агишев, 2003*

Виса 35

1. Контекст:

В 1008 г. Снорри Годи перебрался на хутор Сайлингсдальтунга. В его новой округе завелись разбойники, которых сага вполне обоснованно называет “викингами” — часть своих набегов они совершали по морю. Поэтому Снорри пришлось организовать карательную экспедицию и взять штурмом логово разбойников во Фьорде Стужа. При этом погибло трое разбойников, в том числе оба их атамана.

2. Текст:

Тормод в Речах Ворона сказал так:

Bǫð varð í Bitru,
brǫð hykk þar fengu
gørvi gnógs styrjar
gjóðum sigrfljóða
lǫ̂gu lífs vanir
leiðendr hafreiðar
þrír fyr þrekstœri,
þar fekk hrafn væri.

3. Пословный перевод:

Бой был на Битре (Стуже)
свежатины думаю-я там задал
деятель достаточного раздора
орланам победо=девы.
Легли жизни лишенные
путника морского-плота
три пред подвиго-множителем
там получил ворон поживу.

4. Развертка:

$_{1–4}$ На Битре (Стуже) был бой; я думаю, деятель достаточного раздора задал там свежатины орланам победо-девы;

$_{5–8}$ Три путника морского плота легли лишенные жизни пред множителем подвигов; ворон получил там поживу.

5. Синтаксис:

В обеих хельмингах есть разрывы предложений и перенос элементов кеннингов.

Я думаю, деятель… задал там свежатины — в оригинале конструкция вин. п. + инфинитив II, букв.: *я думаю… деятеля… там было задать… свежатины.*

6. Поэтика:

[*Деятель* [*достаточного раздора*]] ≡ МУЖ (двойной кеннинг). Выражение *достаточный раздор* мы трактуем как индивидуальный кеннинг БИТВЫ, содержащий похвалу Снорри как хёвдингу, прибегавшему к насилию лишь по необходимости. Такой кеннинг вполне уместен в эпизоде наказания разбойников.

Орлан — крупная хищная птица, здесь ≡ хейти ВОРОНА.

Победо-дева (дева победы) ≡ ВАЛЬКИРИЯ; *орлан девы победы* ≡ ВО́РОН (двойной кеннинг).

Множитель подвигов ≡ МУЖ ⇒ Снорри Годи.

Морской плот ≡ КОРАБЛЬ; *путники морского плота* ≡ МУЖИ (двойной кеннинг) ⇒ разбойники. "Корабельный" кеннинг вполне к контексте более чем уместен, поскольку разбойники описаны в саге как в и к и н г и, т. е. именно как воины, совершающие набеги по морю.

Стоит отметить, что Тормод сын Бахромы не резервирует "корабельные" или "наступательные" кеннинги типа *водитель корабля* или *разрушитель щита* за героем или его союзниками, но свободно употребляет их в «Речах Ворона» по отношению к жертвам Снорри Годи.

7. Размер:

Хаддарлаг. Везде пять слогов, словораздел 2+3. В первой, пятой и восьмой строках рифмы нет вообще, во второй строке она вызывает большие сомнения (ykk ∼ eng) и, в любом случае, не является полной. Вероятно, финали седьмой и восьмой строк связаны конечной рифмой.

8. Смысл:

На Битре (Стуже) произошло сражение. Герой, не чуравшийся применять силу там, где это было нужно, вполне обеспечил стервятников свежатиной. Трое викингов легло бездыханными перед Снорри.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен С. Ю. Агишевым.

Bǫð varð í Bitru,	Бой был на Битре:
brǫð hykk þar fengu	Мужи пали в битве.
gørvi gnógs styrjar	Там Снорри пир
gjóðum sigrfljóða	Орланам дарил.
lôgu lífs vanir	Викингов трое
leiðendr hafreiðar	Там перед Снорри
þrír fyr þrekstœri,	Легли распластавшись,
þar fekk hrafn væri.	С жизнью расставшись.
	© *С. Ю. Агишев, 2003*

Одд из Широкого Фьорда

Драпа об Иллуги Черном

Скальд Одд из Широкого Фьорда (конец X — начало XI вв.) сочинил драпу о хёвдинге Иллуги Черном из Городищенского Фьорда. Неизвестно, случилось ли это при жизни Иллуги (ум. ок. 1020 г.), или же наследники заказали поминальную драпу после смерти героя. «Сага о Людях с Песчаного Берега», принадлежащая традиции Широкого Фьорда, сохранила два куплета драпы, где речь идет о случившейся весной 980 г. распре на Тинге Мыса Тора между Иллуги и родом Кьяллеклингов. В этой распре Иллуги получил поддержку со стороны местного хёвдинга Снорри Годи (963—1031 гг.), бывшего тогда совсем еще юным.

Эпизод, отразившийся в двух данных куплетах «Драпы об Иллуги», известен также по «Саге о Гуннлауге Змеином Языке», гл. XI: Гуннлауг, сын Иллуги, хвастается перед Торстейном сыном Эгиля успехами своего отца на Тинге Мыса Тора.

Подлинность вис не вызывает сомнений. Текст их сохранился сравнительно хорошо, возможные следы порчи есть лишь в двух местах: виса № 1, строка 6 и виса № 2, строка 6.

О самом скальде известно немногое. Он упоминается в гл. 254 «Книги о Заселении Земли» и гл. 22 «Саги о Барде Асе Снежной Горы». В обоих источниках он назван *Жителем Широкого Фьорда*, что следует понимать как прозвище. Известно, что Одд сочинил поминальную драпу о хёвдинге из Северной Исландии, Хьяльти сыне Торда, и исполнил ее на тризне, и что “ранее Глум сын Гейри (исландский скальд, ум. ок. 985 г.) вызывал Одда на Тинг Мыса Тора, но сыновья Хьяльти оказали Одду поддержку”. Тем самым, можно констатировать, что оба адресата драп Одда — Иллуги Черный и Хьяльти сын Торда — проживали за пределами той округи, где жил Одд. Это говорит о том, что Одд был при жизни довольно известным скальдом и часто сочинял стихи о могущественных исландцах.

Виса 1

1. Контекст:

На том же тинге Торгрим сын Кьяллака и его сыновья враждовали с Иллуги Черным из-за имущества и приданого жены Иллуги Ингибьёрг дочери Асбьёрна, которое хранилось у Оловянного Форни. Во время тинга была сильная буря, поэтому никто с Побережья Средней Горы не смог явиться к началу тинга; из-за этого Торгрим не мог развернуться во всю свою мощь, ведь родичи его не подъехали. У Иллуги было сто человек, все как на подбор, и он успешно продвигал свои тяжбы в суде. Кьяллеклинги подошли к месту суда и попытались его разогнать; образовалась сильная давка, но все же их развели. Кончилось тем, что Оловянный Форни выплатил Иллуги деньги по его требованию. Скальд Одд так говорит об этом в Драпе об Иллуги:

2. Текст:

Vestr vas þrǫng á þingi
Þórsness, með hug stórum
hǫppum studdr þars hodda
hjalmraddar stafr kvaddi

snarráðan kom síðan
sætt vasat gǫr með létta
Forna sjóðs und fœði
farmr dolgsvǫlu barma.

3. Пословный перевод:

На-западе была давка на тинге
Мыса-Тора, с решимостью сильной
удачей поддержанный, там-где клада
шлемогласа посох потребовал.
Смелоумному пришел позже
мировая не-была готова с легкостью
Форни (род. п. м. р.) кошелька к кормильцу
груз раздора-ласточки брата.

4. Развертка:

1–4 На западе на тинге Мыса Тора была давка, там где поддержанный удачей посох шлемогласа с сильной решимостью потребовал клада;

5–8 Позже груз кошелька Форни пришел к смелоумному кормильцу брата ласточки раздора.

5. Синтаксис:

Все просто и взаимосвязано (ср. особо строки 1, 4, 6 с почти прозаическим порядком слов).

6. Поэтика:

На тинге Мыса Тора… на западе — герой Драпы Иллуги Черный живет в Городищенском Фьорде, т. е. н а ю г е по отношению к полуострову Мыс Тора.

Давка — данное слово (þrǫng) передает в древнеисландском языке смысл “напряженная ситуация, которая может перерасти в открытое столкновение”.

Шлемоглас ≡ *глас* (*звон*) *шлема* (*-ов*) ≡ БИТВА; *посох* БИТВЫ ≡ МУЖ (двойной кеннинг) ⇒ Иллуги Черный.

Ласточка раздора ≡ ВÓРОН; *брат ласточки раздора* ≡ ВÓРОН (чистый плеоназм); *кормилец брата ласточки раздора* ≡ МУЖ (двойной (?) кеннинг) ⇒ Иллуги Черный.

Форни — имя собственное; *груз кошелька Форни* ≡ ЗОЛОТО; оно же вполне уместно названо в первом хельминге *кладом*, так как Форни его пытался удержать и не сразу отдал законному владельцу.

7. Размер:

Дротткветтт. В шестой строке “sætt vasat gǫr með létta” рифма неканоническая: вопреки нашим представлениям о правильной полной рифме долгие гласные разного подъема æ и é рифмуют между собой. В списке 446 рифма исправлена: вместо með létta “с легкостью” находим með hætti “посредством приема”. Неясно, можно ли это

считать коньектурой знатока стиха, или же это исконное чтение, поскольку выражение með létta можно, в свою очередь, считать конъектурой вместо расплывчатого með hætti.

8. Смысл:

На тинге Мыса Тора на западе возникла напряженная ситуация; Иллуги, которому сопутствовала удача, решительно потребовал выдать ему деньги. Добиться мировой было отнюдь не простым делом. Затем содержимое кошелька Форни перекочевало к достойному мужу, Иллуги.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Vestr vas þrǫng á þingi	Запад вздыблен тяжбой
Þórsness, með hug stórum	Мыса Тора — спóро
hǫppum studdr þars hodda	Посох песни шлема
hjalmraddar stafr kvaddi	Притязал на злато.
snarráðan kom síðan	*Крачки распрь кормилец*,
sætt vasat gǫr með létta	Наконец, казною
Forna sjóðs und fœði	Форни враз разжился
farmr dolgsvǫlu barma.	Лад возник негладко.
	© *А. В. Циммерлинг, 2003*

Виса 2

1. Контекст:

После этого буря стихла, и северные Кьяллеклинги прибыли на тинг. Тогда Торгрим сын Кьяллака не захотел долее придерживаться мировой и напал на Иллуги; началась битва. Снорри Годи созвал к себе людей, и им вместе удалось заключить перемирие. Там пало трое людей в войске Кьяллеклингов и четверо в войске Иллуги; двоих из них убил Стюр сын Торгрима. Одд в Драпе об Иллуги говорит так:

2. Текст.

Drótt gekk sýnt á sættir
svellendr en þar fellu
þremja svells fyr þolli
þrír andvǫku randa
áðr kynfrǫmuðr kœmi
kvánar hreggs við seggi
frígt gørðisk þat fyrða
forráð, gríðum Snorri.

Иллуги поблагодарил Снорри за помощь и предложил ему деньги, но тот сказал, что не хочет принимать награды в первый раз, когда он помог людям. Тогда Иллуги пригласил Снорри к себе, и на это Снорри согласился. Иллуги сделал ему хорошие подарки, и они со Снорри какое-то время были друзьями.

3. Пословный перевод:

Дружина пошла явно против перемирия;
разбухатели но там пали
лезвий льдин пред кедром
три побудки-духа краев.
Прежде-чем родопитатель добился
жены бурана / Флегга (м. р. род. п.) с воинами
знаменита сделалась та мужей
управа, мира Снорри.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Дружина пошла против перемирия явно, но там пред кедром лезвий льдин пали три разбухателя краев побудки духа,

$_{5–8}$ прежде чем родопитатель жены бурана / Флегга, Снорри, добился мира с воинами; та управа мужей сделалась знаменита.

5. Синтаксис:

Начало второго хельминга не прерывает синтаксических связей первого.

Дружина пошла против перемирия явно ≡ дружина открыто нарушила перемирие.

6. Поэтика:

Дружина — хейти МУЖЕЙ, здесь ⇒ Кьяллеклинги, люди Торгрима сына Кьяллака.

Первая строка висы "дружина пошла явно против перемирия" с небольшой модификацией — Drótt er sein til sætta "Дружина медлит с перемирием", — повторяется в висе Снорри Стурлусона, датируемой 1229 г. Обычно этот факт считают доказательством знакомства Снорри с «Сагой о Людях с Песчаного Берега».

Разбухатель (svellandi) — хейти МУЖА ≡ "тот, кто расширяет БИТВУ"; *край* — стандартное хейти ЩИТА; *побудка духа* ≡ МЕЧ[24] (?); *край меча* ≡ БИТВА; *разбухатель краев побудки духа* ≡ МУЖ (двойной или тройной кеннинг).

Пали трое — характерно, что скальд упоминает лишь о павших в войске противников героя драпы; *кедр* (в оригинале þollr — м. р. "сосна") *льдин лезвий* ≡ МУЖ (двойной кеннинг) ⇒ Иллуги Черный; *льдина* — хейти МЕЧА; *льдина льдины* ≡ МЕЧ.

Флегг — имя великана; *родопитатель жены бурана / Флегга лезвий* МУЖ ⇒ Снорри Годи. Очень интересный и не вполне понятный тройной кеннинг со смещением. Ясно, что *буран* или имя собственное "Флегг" (по другому списку) — обозначение демона ВЕТРА, а *жена ветра* — ВЕЛИКАНША, т. е. ≡ БИТВА. Слово "питатель" указывает на стервятников, которых поддерживает воин, убивающий врагов. Наиболее вероятно, что демонические существа из *рода великанши* ≡ ВОЛКИ, т. е. ТРОЛЛИ.

Та управа мужей сделалось знаменита — то, как конфликт был улажен, стало историей.

7. Размер:

Дроттквett. Во второй и третьей строках дважды встречаются существительные с корнем svell- "бухнуть", но они относятся к разным кеннингам.

[24] О слове andvaka "побудка" в скальдической поэзии и за ее пределами см. комментарии к висе Торарина Черного (№ 8 в «Саге о Людях с Песчаного Берега», с. 455).

8. Смысл:

Свора Кьяллеклингов открыто нарушила перемирие; за это противники Иллуги поплатились жизнями трех человек, прежде чем смелый Снорри не принудил их заключить мир. Такое завершение расприи прославило Иллуги и Снорри.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Drótt gekk sýnt á sættir	Гридь не чла поруку:
svellendr en þar fellu	Искромсал троих там
þremja svells fyr þolli	*Кромки ран смутьянов*
þrír andvǫku randa	*Клен каленой льдины*,
áðr kynfrǫmuðr kœmi	До того, как Снорри,
kvánar hreggs við seggi	*Друг Жены Кромешной*,
frægt gørðisk þat fyrða	Не пресек той сечи,
forráð, gríðum Snorri.	Власть вождей прославив.

«Книга о Заселении Земли»

Виса 20

1. Контекст:

Скальд Одд из Широкого Фьорда оказался в трудном положении. Его выручили покровители — сыновья Хьяльти сына Торда, которые приплыли издалека в Тресковый Фьорд на тинг Западной Четверти во главе внушительного отряда. Их появление на тинге впечатлило современников.

2. Текст:

Manngi hugði manna
morðkannaðra annat,
ísarns meiðr, en Æsir
almærir þar fíri;
þás á þorskafjarðar
þing með ennitinglum
holtvartaris Hjalta
harðfengs synir gengu.

3. Пословный перевод:

Никто думал (из) мужей
убийствам=привычных иное,
железа древо, что Асы
всеславные там шли;
когда на Трескового=Фьорда
тинге с лобными=пластинами
рощи=ремешка Хьяльти (род. п. м. р.)
сурового сыновья проходили.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Никто, древо железа, (из) привычных (к) убийствам мужей не думал иное, что (это) шли всеславные Асы,

$_{5–8}$ когда на тинге Трескового Фьорда сыновья сурового Хьяльти проходили с лобными пластинами ремешка рощи.

5. Синтаксис:

Оба хельминга синтаксически связаны.

Не думал... иное, *что Асы шли...* ≡ не думал иное, что это шли сами Асы.

6. Поэтика:

Древо железа ≡ МУЖ ⇒ адресат висы.

Лобные пластины ремешка рощи ≡ ШЛЕМЫ (двойной кеннинг); *ремешок рощи* ≡ ЗМЕЯ; слово tingl “пластина” является хейти ШЛЕМА, но его вещественное значение не совсем ясно — либо забрало шлема, либо его гребень.

Асы ≡ высшие божества языческого пантеона.

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл:

Когда сыновья сурового Хьяльти шли на Тинге Трескового Фьорда в своих роскошных шлемах, никто из бывалых людей не сомневался, о, воин, что перед ними проходят сами боги.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Manngi hugði manna	Из мужей, в сраженьях
morðkannaðra annat,	Бивших силу вражью,
ísarns meiðr, en Æsir	Каждый мнил, что поступь
almærir þar fíri;	Асов видит вьяве:
þás á þorskafjarðar	Шла, в *обличьях лобных*
þing með ennitinglum	*Круч ремня*, на Вече,
holtvartaris Hjalta	Рать потомков Хьяльти, —
harðfengs synir gengu.	Фьорда Рыб, сурова.
	© *А. В. Циммерлинг, 2003*

Бьёрн Боец Широкого Залива

Бьёрну сыну Асбранда, он же Бьёрн Боец Широкого Залива, в «Саге о Людях с Песчаного Берега» приписывается семь вис, весьма примечательных в плане скальдической поэтики. Эти висы, видимо, не составляли цикла и изначально передавались вместе с прозаическими рассказами о подвигах Бьёрна. Бьёрн враждовал со Снорри Годи и имел любовную связь с его замужней сестрой Турид: виса № 24 говорит о нежелании скальда расставаться с любимой. Молва считала его отцом ребенка Турид, и Бьёрн подтверждает это в висах № 27—28. Тородд, муж Турид, мстил Бьёрну, но Бьёрн один справился с пятерыми и убил двоих нападавших, см. вису № 25, с. 497. За это он был объявлен вне закона и провел одиннадцать лет вне Исландии (ок.

985—996 гг.). За это время Бьёрн вступил в войско йомсвикингов и принял участие в знаменитой битве на Полях Фюри близ города Уппсала в Швеции, о чем говорит виса № 31. Вернувшись в Исландию, Бьёрн возобновил связь с Турид, но однажды, по пути домой со свидания, был застигнут бураном на пустоши и едва не погиб; об этом приключении говорят висы № 29—30. В 998 г. Бьёрн вторично покинул Исландию, на сей раз окончательно. Предания о выдающемся земляке начали складываться еще при его жизни. Самое раннее из них приведено в гл. 64 «Саги о Людях с Песчаного Берега» со ссылкой на известного купца Гудлейва; в начале XI в. Гудлейв якобы общался с Бьёрном в некой отдаленной стране за морем. Все это делает наличие у с т н о й с а г и о Бьёрне, включавшей стихи, связываемые в традиции с его именем, весьма вероятным, хотя и не доказывает, что стихи сочинены действительно им. Впрочем, гипотетическая сага о Бьёрне могла строиться как с а г а о с к а л ь д е, а это было возможно лишь в том случае, если Бьёрн имел прижизненную славу скальда. Так или иначе, с и м е н е м Б ь ё р н а к моменту записи «Саги о Людях с Песчаного Берега» связывался ряд вис, хотя мы не можем доказать, что эти висы сочинены одним человеком или в одно и то же время.

Из вис Бьёрна по стилю выделяются две, проникнутые романическими (или романтическими) настроениями, — № 24 и № 25. Виса № 24 представляет собой редчайший случай, когда скальд, по выражению М. И. Стеблин-Каменского, “поднимается до общих мест и обобщенных ситуаций”[25] и создает подлинную лирику. Читатель может сам убедиться в этом по подстрочнику: скальд выражает сожаление, что день (время свидания) слишком короток для них двоих, сетует, что взор девы “сулит ему горе” и заявляет, что “вечером будет пить тризну по своей утраченной радости” (sic!)[26]. Виса № 30 сложена в крайне редком, экспериментальном, размере, т. н. “хальвхнепте” и является, бесспорно, лучшей из дошедших до нас вис в этом размере. Ситуацию, которую она описывает, тоже можно считать “обобщенной” в том смысле, как это понимал М. И. Стеблин-Каменский. Скальд сетует, что он с риском для жизни проделал на “груженом судне” опасный путь из заморских стран, рассекая *леденящую глыбу лебедей*; теперь же ему приходится вместо “супружеского ложа” лежать в пещере на холодной скале. В плане образного строя две данные висы больше напоминают любовную лирику трубадуров или более раннюю латинскую лирику, нежели поэзию скальдов; гипотеза о внешнем литературном влиянии представляется вполне уместной, с учетом того, что рассказ о жизни самого Бьёрна тоже выглядит стилизованным в духе средневековых рыцарских романов. Однако предложить на этом шатком фундаменте конкретную датировку вис нельзя: скальд, восприимчивый к импульсам из европейской поэзии, мог жить как XIII в., в эпоху массового распространения п и с ь м е н н ы х текстов рыцарских романов в Скандинавии, так и в конце X в., когда предполагаемые контакты скандинавов с латинской и романской поэзии могли быть только у с т н ы м и. Финнур Йоунссон и Эдуард Зиверс настаивали на поздней датировке ви-

[25] Цит. по: *Стеблин-Каменский М. И.* Лирика скальдов? // Труды по филологии. СПб., 2003. С. 540.

[26] И. Г. Матюшина относит данную вису Бьёрна к особому скальдическому жанру, т. н. *мансёнгу*, т. е. эротическим стихотворениям о женщине. См.: *Гуревич Е. А.*, *Матюшина И. Г.* Поэзия скальдов. М., 2000. С. 527. Сочинение таких стихотворений преследовалось по закону.

сы № 30 в связи с тем, что она сложена в редком размере. Это рассуждение основано на ложной презумпции о том, что т. н. малые размеры являются плодом поздних экспериментов скальдов XII—XIII вв. Как раз наоборот, мы знаем, что конец X — начало XI вв. был веком активных новаций скальдов в области метрики: ср. «Выкуп Головы» Эгиля сына Скаллагрима (размер рунхент), «Песнь о Морской Волне» гебридского скальда (размер хрюнхент), «Тёгдрапу» Торарина Славослова (размер тёглаг), «Речи Ворона» Тормода сына Бахромы (размер хаддарлаг). Нет никаких причин исключать из этого ряда хальвхнепт только потому, что в нашем распоряжении нет более ранней висы в данном размере, приписанной более известному скальду, чем Бьёрн. Дополнительное соображение в пользу древности висы № 30, состоит в том, что новый размер мог понадобиться именно для освоения нового содержания, связанного с любовными переживаниями скальда.

Висы Бьёрна содержат немало количество кеннингов ЖЕНЩИНЫ, обращенных к Турид, но все они шаблонны. Гораздо более интересны бытовые детали, пробивающиеся в открытом тексте вис. Так, в висе № 28 возлюбленная “вешает простыни в закутке на крюк”, а в висе № 24 скальд прослеживает путь солнца, на рассвете освещающего “желтизну деревьев”, а на закате садящегося в “синем море”. В двух висах — № 25 и № 27 — обнаруживается остроумная игра слов. В обоих случаях скальд, используя стандартные кеннинги, обыгрывает вполне определенные особенности ситуации. В висе № 25 вымогатель Тородд “собирает *дань Одина*”, в то время как в реальности он отнял дань у посланцев оркнейского ярла, а в висе № 27 ребенок, названный кеннингом *куст досок*, бежит по вполне реальным кустам. Как и в висах Торарина Черного, “корабельные” кеннинги МУЖА употребляются недифференцированно и лишены величальной функции. В то же время противопоставление нейтральных кеннингов МУЖА, где референт обозначается через наступательное оружие, пейоративным кеннингам МУЖА, где референт обозначается через оборонительное оружие (щит, шлем, броня), четко выдерживается. Наиболее показательна в этом плане виса № 25, где пейоративным оказывается кеннинг *слабый сгибатель лука*. Это позволяет уточнить семантическую доминанту пейоративных кеннингов: в рамках поэтики, которой придерживался автор вис, предосудительным считалось обозначение МУЖА через любое оружие, не являющееся инструментом ведения ближнего боя.

Виса 24

1. Контекст:

984 год. Бьёрн и замужняя женщина Турид любят друг друга. Бьёрн продолжает ходить к Турид на свидания, а Тородд, муж Турид, замышляет подстеречь его на обратном пути вместе со своей челядью.

2. Текст:

Однажды случилось так, что когда Бьёрн пришел на Вещую Реку и сел беседовать с Турид, Тородда нигде рядом не оказалось, хотя обычно он садился поблизости всякий раз, когда приходил Бьёрн.

Турид сказала:

— Подумай хорошенько, как ты пойдешь домой, Бьёрн, — сказала она, — думаю я, что Тородд замыслил проучить тебя за походы сюда. Сдается мне, что сейчас они ждут тебя, сидя в засаде, и Тородд явно надеется на свой перевес в числе.

Тогда Бьёрн произнес эту вису:

Guls mundum vit vilja
viðar ok blás á miðli,
grand fæ’k af stoð stundum
strengs, þenna dag lengstan.
Alls í aptan, þella,
eg tegumk sjálfr at drekka
opt horfinnar erfi
armlinns, gleði minnar.

3. Пословный перевод:

Желтого бы мы-с-тобой хотели
леса и синевой между,
горе получаю-я от опоры порой
каната, этот день дольше-всего.
Вообще этим вечером, сосна
я собираюсь сам пить
часто (по) утраченной тризну
змеи руки, радости моей.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Мы бы с тобой хотели, чтобы этот день (длился) дольше всего между желтых древес и синевой (моря). Порой я получаю горе от опоры каната.

$_{5–8}$ Вообще, этим вечером, (о) сосна змеи руки, я (как вообще часто) собираюсь сам пить тризну по моей утраченной радости.

5. Синтаксис:

Мы бы с тобой хотели этот день самым долгим ≡ мы бы с тобой хотели, чтобы этот день длился бесконечно долго.

Я получаю утрату ≡ несу урон, испытываю огорчение, горе, боль.

Вообще этим вечером я собираюсь часто сам пить ≡ этим вечером, как и вообще случается часто, я приготовился пить.

6. Поэтика:

Виса содержит несколько индивидуальных образов.

Синева ≡ хейти НЕБА или МОРЯ, еще одно возможное значение ≡ ГОРИЗОНТ.

Желтый лес — возможное свидетельство древности висы (X—XI вв.). Позже леса в Исландии были сведены.

Между желтым лесом и синевой — характеристика дня; на полуострове Мыс Снежной Горы солнце всходит на суше и заходит в море, поэтому скальд говорит, что день начинается с ж е л т и з н ы д е р е в ь е в (кустарников) и заканчивается в с и н е м м о р е.

Тризна по моей утраченной радости — горе от расставаний с Турид. Скальд вынужден вечером расставаться с Турид, и это доставляет ему боль.

Опора каната ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ Турид[27].

Сосна змеи руки ≡ ЖЕНЩИНА (двойной кеннинг) ⇒ Турид; *змея руки* ≡ ЗАПЯСТЬЕ (часто делалось в виде змеи).

7. Размер:

Дротткветт. Во второй и шестой строках по семь слогов.

8. Смысл:

День для наших свиданий слишком короток. Взор девы сулит мне горе. В этот вечер я буду пить тризну в память о своей утраченной радости.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом

Guls mundum vit vilja	Мы с тобою, — девы
viðar ok blás á miðli,	Взор сулит мне горе, —
grand fæ'k af stoð stundum	День до дна бы длили,
strengs, þenna dag lengstan.	Меж *теней и синью*.
Alls í aptan, þella,	Все одно, зазноба!
eg tegumk sjálfr at drekka	Пировать мне тризну
opt horfinnar erfi	В память о минувшей
armlinns, gleði minnar.	Радости, под вечер.
	© *А. В. Циммерлинг, 2002*

Виса 25

1. Контекст:

Бьёрн возвращается домой к своему отцу Асбранду. По пути он отражает нападение Тородда, мужа Турид, убив двоих из его людей. Сам Бьёрн получает раны.

2. Текст:

Асбранд вышел в горницу и спросил, отчего Бьёрн в крови:

— Или вы с Тороддом-таки встретились?

Бьёрн отвечает и говорит, что все так и есть.

Асбранд спрашивает, как проходила их встреча.

Бьёрн произнес вису:

[27] И. Г. Матюшина высказала точку зрения, что оба кеннинга Турид в данной висе частично мотивированы материалом висы. См.: *Гуревич Е. А.*, *Матюшина И. Г.* Поэзия скальдов. М., 2000. С. 527. По мнению исследовательницы, лексема stoð "опора" в составе кеннинга stoð strengs "опора каната" находится в "оксюморонной связи" с существительным grand "горе", "ущерб". Однако слова grand и stoð ни сами по себе, ни в составе кеннингов нельзя считать антонимами. Второй кеннинг Турид — *сосна змеи рук*, по мнению И. Г. Матюшиной, поддерживает указание на л е с а (ср. лексему viðr "лес" во второй строке). Можно согласиться с тем, что скальд подобрал состав хельмингов так, чтобы у них был некоторый общий образный строй. Однако в висе Бьёрна нет мотива леса как такового, а есть мотив д н я — времени, когда он встречается с возлюбленной. Ни один из кеннингов Турид в висах Бьёрна не выходит за рамки шаблонов, и говорить об их "актуализации" или "ситуативности" вряд ли уместно.

Munat hyrlesti hraustum
hríðar mér at stríða,
heldr hefk vígi valdit
Viðleggs sona tveggja,
sem vígbálkar válki
valdr geymi-Bil falda
eða dalsveigi deigum
Draupnis skatt at kaupa.

3. Пословный перевод:

Вряд ли-было огнегрузителем храбрым
бури (со) мной враждовать,
скорее имею-я убийство учинивши
Деревянной Ноги сыновей двоих,
Как бое-балки томить
владыке блюстительну-Биль убора
или лукосгибателю слабому
Драупнира дань скупать.

4. Развертка:

1–4 Вряд ли было, враждовать (со) мной, храбрым огнегрузителем бури (просто, так же как), скорее я имею учинивши (учинил) двоих сыновей Деревянной Ноги.

5–8 Как владыке бое-балки томить блюстительну-Биль убора или слабому лукосгибателю скупать дань Драупнира.

5. Синтаксис:

Оба хельминга висы соединены синтаксически. Выражаемый смысл:

Враждовать со мной, *наверное*, *было не* (*то же самое*), *как томить красавицу или вымогать деньги у потерпевших кораблекрушение*.

Я имею учинивши убийство ≡ я учинил убийство (перфект).

6. Поэтика:

Огнегрузитель бури ≡ МУЖ (двойной кеннинг со смещением); *буря* ≡ хейти БИТВЫ, *огонь* БИТВЫ ≡ МЕЧ, *грузитель* МЕЧА ≡ МУЖ ⇒ сам Бьёрн.

Владыка бое-балки ≡ МУЖ ⇒ Тородд (двойной кеннинг); *бое-балка* ≡ ЩИТ.

Лукосгибатель ≡ МУЖ (кеннинг) ⇒ Тородд.

Обращает на себя внимание, что кеннинг Бьёрна построен на обозначении меча, т. е. наступательного оружия ближнего боя, в то время как кеннинги Тородда построены на обозначениях щита (средство защиты) и лука (дальнобойного оружия), хотя Тородд и здесь “слаб”.

Биль — богиня, *блюстительная Биль убора* ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ Турид.

Головной убор (faldr) — нечто вроде кокошника.

Налог Драупнира ≡ ЗОЛОТО. С кольца *Драупнир* каждую девятую ночь падают девять колец равного веса.

Кеннинг является мифологическим, но одновременно он обыгрывает эпизод с наречением прозвища Тородда — *Скупщик Дани*: Тородд, как вымогатель, воспользовался

тяжелым положением потерпевших бедствие посланцев оркнейского ярла и заставил их отдать ему большую часть дани.

7. Размер:

Дротткветт. В первой и седьмой строках по семь слогов.

8. Смысл:

Нападать на меня, храброго воина, не то же самое, что угнетать красавицу и вымогать деньги у бедолаг; я убил двоих сыновей Торира Деревянная Нога.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Munat hyrlesti hraustum	Зря *щита носильщик*
hríðar mér at stríða,	Тщился встрянуть в сечу:
heldr hefk vígi valdit	Враз сгубил сынов я
Viðleggs sona tveggja,	Двух Ноги Древесной.
sem vígbálkar válki	Проще прощелыге
valdr geymi-Bil falda	Гробить *Биль убора*
eða dalsveigi deigum	Иль *сквалыге лука*
Draupnis skatt at kaupa.	Ныкать *дань владыки*.
	© *А. В. Циммерлинг, 2003*

Виса 27

1. Контекст:

В 996 г., после одиннадцати лет, проведенных в изгнании, Бьёрн возвращается домой в ореоле славы — он стал йомсвикингом и побывал в крупнейших битвах своего времени. На сходке он впервые видит Кьяртана, сына Турид, который родился уже после его отъезда.

2. Текст.

Днем на сходке случились увечья, и один из северян получил опасную для жизни рану; его отнесли на песок и положили у одного куста, что рос там. Из раны вытекло много крови, и у куста стояла целая лужа. Юный Кьяртан, сын Турид с Вещей Реки, находился поблизости; у него в руках была топорик. Мальчик подбежал к кусту и окунул топорик в кровь. А когда те, кто жил к югу от пустоши, поехали домой, Торд Пучеглазый спросил Бьёрна, как прошла его беседа с Турид. Бьёрн сказал, что все хорошо.

Тогда Торд спросил, не видел ли он сегодня маленького Кьяртана, их общего с Тороддом сына.

— Видел, — сказал Бьёрн.

— Ну и как он тебе показался? — сказал Торд.

Тогда Бьёрн произнес вису:

Sák, hvar rann í runni
runnr at fenris brunni,
œgiligr í augum,
íðglíki mér, bríkar;

láta þeygi þrjótar
þat barn vita Mǫrnar,
hesta hleypi rastar
hlunns, sinn fǫður kunna.

3. Пословный перевод:

Видел-я, где (как) бежал в кусте
куст к Фенрира источнику,
грозен в глазах,
полное-подобие мне, досок.
Сочтут наврядли убавители
это дитя маяка Мёрн
коня погонятеля сажени
сходней, своего отца знать.

4. Развертка:

1–4 Я видел, как куст досок, грозен в глазах, полное подобие мне, бежал в кусте к источнику Фенрира.

5–8 Убавители маяка Мёрн наврядли сочтут это дитя знать своего отца, погонятеля коня сходней сажени.

5. Синтаксис:

X-ы сочтут это дитя... знать своего отца ≡ сочтут, что это дитя знает своего отца, т. е. пошло в отца, “имеет его гены”.

X бежал в кусте — здесь: ≡ бежал по кустарнику.

6. Поэтика:

В первом хельминге есть игра слов. Слово “куст” в первой строке использовано в своем обычном предметном значении, во второй — как основа кеннинга МУЖА.

Фенрир — чудовищный волк, *источник Фенрира* ≡ КРОВЬ.

Куст досок — нестандартный кеннинг РЕБЕНКА. Его модель: “куст (т. е. МУЖ), который бегает в доме по доскам” ≡ РЕБЕНОК ⇒ Кьяртан.

Мёрн — река; *маяк Мёрн* ≡ ЗОЛОТО. *Убавители маяка Мёрн* ≡ ЛЮДИ (двойной кеннинг, употреблен нереферентно).

Погонятель коня сажени сходней ≡ МУЖ (тройной “корабельный” кеннинг).

Сажень (*простор*) — хейти МОРЯ; *сходни* (каток для корабля) — атрибут КОРАБЛЯ, тем самым, —

Сажень Сходней ≡ МОРЕ, *конь* МОРЯ ≡ КОРАБЛЬ, *погонятель* КОРАБЛЯ ≡ МУЖ ⇒ Тородд[28].

7. Размер:

Дроттквett.

8. Смысл:

Я видел, как мальчуган, точная моя копия, с огнем в глазах пробирался по кустам к луже крови. Люди вряд ли скажут, что ребенок уродился в отца-мореплавателя.

[28] Кеннинг указывает на род занятий Тородда до того, как он стал бондом.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Sák, hvar rann í runni	Чу! Бежит в чащобе
runnr at fenris brunni,	Ловко к *влаге Волка*
œgiligr í augum,	*Лавки хвощ*, повадкой
íðglíki mér, bríkar;	Схож со мной, похоже.
láta þeygi þrjótar	Не в отца, *довеска*
þat barn vita Mǫrnar,	*Сивки вод*, развилось
hesta hleypi rastar	То дитя, — *Дробилам*
hlunns, sinn fǫður kunna.	*Дерна Мёрн* на диво.

Виса 28

1. Контекст:

См. выше.

2. Текст:

(продолжение предыдущего отрывка)

Торд сказал:

— Что же теперь остается говорить Тородду о том, кто из вас отец ребенка?

Тогда Бьёрн произнес вису:

Þá mun þǫll en mjóva
Þórodds aðalbjóra,
fold unni mér fǫldu
fannhvít, getu sanna,
ef áttgǫfug ítti
auðbrík sonu glíka,
enn emk gjarn til Gunnar
gjalfrelda, mér sjǫlfum.

3. Пословный перевод:

Тогда наверно сосна тонкая
Тородда благородных-шатров
земля любила меня убора
снежно-белая, догадку подтвердит.
Если родовитая имеет
богатств-доска сыновей схожих,
я тоже есмь охоч до Гунн
плеса огня, (со) мной самим.

4. Развертка:

$_{1-4}$ Тогда, наверное, тонкая сосна благородных шатров подтвердит догадку Тородда — снежно-белая земля убора меня любила,

$_{5-8}$ если (= раз уж) родовитая доска богатств имеет сыновей схожих (со) мной самим; я тоже есмь охоч до Гунн огня плеса.

5. Синтаксис:

Союз “если” в начале второго хельминга можно интерпретировать как “раз уж”, “поскольку”.

6. Поэтика:

Благородный шатер (aðalbjórr) — полог из драгоценной ткани, который вешали на перегородку у торцовой (задней) стены дома; верхний край полога достигал коньковой балки.

Тонкая сосна благородного шатра ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ Турид.

Снежно-белая земля убора ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ Турид.

Родовитая доска богатств ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ Турид.

Гунн плеса огня ≡ ЖЕНЩИНА (двойной кеннинг); *плес* — хейти МОРЯ, *огонь* МОРЯ ≡ ЗОЛОТО; *Гунн* (валькирия) ЗОЛОТА ⇒ Турид.

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл:

См. выше.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þá mun þǫll en mjóva	Подтвердит супруга
Þórodds aðalbjóra,	Сокрушения, верно,
fold unni mér fǫldu	Ровная *крушина*
fannhvít, getu sanna,	*Рощ шатра*, роскошна,
ef áttgǫfug ætti	Коль сыны такие
auðbrík sonu glíka,	Есть у сей невесты!
enn emk gjarn til Gunnar	Да и мне, *помоста*
gjalfrelda, mér sjǫlfum.	*Мист* мила, вестимо.
	© *А. В. Циммерлинг, 2003*

Виса 29

1. Контекст:

Бьёрн продолжает навещать Турид, невзирая на Тородда. Тот боится нападать на него, но нанимает колдунью, чтобы наслать на него порчу. Бьёрн попадает в буран и вынужден прятаться в пещере.

2. Текст:

Зимой Тородд дал Торгриме Колдовская Щека денег за то, чтобы она наслала на Бьёрна буран, когда он пойдет по пустоши. Однажды днем Бьёрн отправился на Вещую Реку; вечером, когда он собрался домой, погода была теплой и даже шел дождь, и Бьёрн изрядно замешкался с выходом. Но когда он вышел на пустошь, похолодало и

замело. Стало настолько темно, что он больше не различал дороги перед собой. После этого разразилась снежная буря с такими порывами ветра, что он насилу мог устоять на ногах; тут одежда начала к нему примерзать, ведь прежде он весь вымок до нитки. Он брел наугад, и не знал, в какую сторону идет. Ночью на его пути попалась небольшая пещера; он забрался внутрь и провел ночь там, и убежище его было холодным.

Тут Бьёрн сказал:

Myndit Hlín of hyggja
hafleygjar vel þeygi
sú's berr í vǫ víða
váðir, mínu ráði
ef eld-Njǫrun ǫldu
einn vissi mik steina
hirðiþ ǫll í helli
hafviggs kalinn liggja

3. Пословный перевод:

Не-стала-бы Хлин думать
моря-пламени хорошо навряд ли
которая-ж цепляет на крюк в закутке
простыни, (о) моей доле.
Если огне-Ньёрун волны
одного знала меня камней
радетельного кедра в пещере
морского-жеребца промерзшим лежать.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Хлин пламени моря, которая же цепляет простыни на крюк в закутке, навряд ли (не) стала бы хорошо думать о моей доле,

$_{5–8}$ если (бы) Ньёрун огня волны знала меня, радетельного кедра морского жеребца лежать одного промерзщим в пещере камней.

5. Синтаксис:

Оба хельминга висы синтаксически связаны.

Если бы Ньёрун… знала меня одного лежать промерзшим в пещере ≡ если бы она знала, что я лежу промерзший один в пещере.

6. Поэтика:

Пещера камней ≡ *каменная пещера*. В прозаическом комментарии употреблено слово helliskúta.

Которая цепляет простыни на крюк в закутке — красивая бытовая деталь, необычная для поэзии скальдов. Белье развешивали в “закутке на крючья” (í vǫ víða).

Ньёрун — богиня или валькирия; *огне-Ньёрун волны* ≡ ЖЕНЩИНА (двойной кеннинг со смещением); *огонь волны* ≡ ЗОЛОТО; *Ньёрун* ЗОЛОТА ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ Турид.

Радетельный кедр морского жеребца ≡ МУЖ (двойной корабельный кеннинг). *Кедр* (þǫllr) — в оригинале слово грамматического мужского рода, которое не удается

перевести его буквальным эквивалентом рус. “сосна” (так как сосна в русском языке ж. р.).

Морской жеребец (*жеребец моря*) ≡ КОРАБЛЬ; *кедр* КОРАБЛЯ ≡ МУЖ ⇒ Бьёрн.

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл:

См. выше.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Myndit Hlín of hyggja	Не одобрит участь
hafleygjar vel þeygi	Скальда *Хлин кольчуги*,
sú’s berr í vǫvíða	Что на крюк в закуте
váðir, mínu ráði	Крутит покрывала.
ef eld-Njǫrun ǫldu	Но не знает *Нанна*
einn vissi mik steina	*Тканей льна*, как стынет
hirðiþ ǫll í helli	*Укротитель тура*
hafviggs kalinn liggja.	*Вод*, под сводом лежа.
	© *А. В. Циммерлинг, 2003*

Виса 30

1. Контекст:

См. выше.

2. Текст:

(продолжение предыдущего отрывка)

Вслед за этим он сказал:

Sýlda skark svana fold
súðum, þvít gæibrúðr
ǫstum leiddi oss fast,
austan með hlaðit flaust.
Víða gatk vásbúð;
víglundr nú um stund
helli byggir hugfullr
hingat fyr konu bing.

3. Пословный перевод:

Леденящую резал-я лебедей землю
бортами, ибо смышленая невеста
любовью прикипела к нам крепко,
с востока на груженом корабле.

Много изведал-я тягот,
боедрево теперь на время
пещеру обживает отважное
сюда, вместо женщины ложа.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Я резал леденящую землю лебедей с востока бортами на груженом корабле, ибо смышленая невеста крепко нас полюбила.

$_{5–8}$ Я изведал много тягот (по пути) сюда, (а) теперь отважное боедрево на время обживает пещеру вместа ложа женщины.

5. Синтаксис:

Слово hingat “сюда” из восьмой строки, скорее всего, относится к предложению “Я изведал много тягот (по пути) сюда”. Другие интерпретации менее содержательны, в частности, приходится приписать этому слову несвойственный ему смысл “здесь”.

6. Поэтика:

Главное достоинство висы — не кеннинги (они трафаретны, как и обычно в висах, приписываемых Бьёрну), а эпитеты и бытовые детали.

Леденящая земля лебедей ≡ МОРЕ (“орнаментальный” кеннинг с эпитетом). Редкое слово *леденящее* (Sýlda) экспрессивно.

Груженый корабль (hlaðit flaust) — в оригинале вместо “корабль” употреблен довольно редкий поэтический синоним (хейти).

Любовью прикипела к нам крепко (ǫstum leiddi oss fast) — клишированное и довольно сильное выражение; в саговой прозе (родовые саги) подобное найти трудно.

Смышленая (или: наблюдательная, разумная) *невеста* ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ ТУРИД (санккеннинг).

Отважное боедрево (*древо боя*) ≡ МУЖ ⇒ Бьёрн.

7. Размер:

Хальвхнепт, букв. “наполовину застегнуто”. Это единственная виса в данном размере в составе «Саги о Людях с Песчаного Берега». Его параметры — четыре ударения (второе ударение падает на глагол или служебное слово и является слабым) в строке при предельно ограниченном числе слогов; обычно их шесть, а в строках 5—6 — всего пять, причем последний слог ударный. При таком условии на четыре икта строки приходятся ровно четыре слова (считая основы композита), и стих обретает дополнительную мерность.

Аллитерация и рифма сходна с дротткветтом. Дротткветтной клаузулы нет, так как последний слог всегда ударный, а запрет на размещение икта перед последним ударным слогом снят.

Имеется переплетение предложений.

8. Смысл:

См. выше.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Sýlda skark svana fold
súðum, þvít gæibrúðr
ǫstum leiddi oss fast,
austan með hlaðit flaust.
Víða gatk vásbúð;
víglundr nú um stund
helli byggir hugfullr
hingat fyr konu bing.

Лебедей леденящую глыбу
Резал я на наклонном челне,
Ибо смладу смышленая дева
Прикипела любовью ко мне.
Путь с востока пройдя без опаски,
Натерпелся повсюду невзгод:
Вместо ложа жены обживает
Клен сражений — скалистый оплот.

Виса 31

1. Контекст:

Бьёрн возвращается домой, проведя в пещере трое суток.

2. Текст:

Бьёрн провел в этой пещере трое суток, прежде чем буря пошла на убыль, и на четвертые сутки вышел из пещеры на пустошь и пришел к себе домой на Гребень; он был очень изнурен. Домочадцы спросили, где он переждал непогоду.

Бьёрн сказал:

Spurðisk vǫr und vǫrðum
verk Styrbjarnar merkjum
jarnfaldinn hlóð ǫldum
Eirekr í dyn geira.
Nú traðk hauðr of heiði
hundvillr, þvít fatk illa
víða braut í vátri
vífs gjǫrninga drífu.

3. Пословный перевод:

Разнеслись наши под обороняли(сь)-мы
дела Стюрбьёрна (род. п.) знаменами,
закованный-в-железо воздавал народам
Эйрек в громе копий.
Ныне попирал-я оплот на пустоши,
Вдрызг-заблутавший, ибо брел-я худо
широкой дорогой в мокрой
бабы навороженной метели.

4. Развертка:

$_{1-4}$ Наши дела разнеслись (далеко), мы оборонялись под знаменами Стюрбьёрна; закованный в железо Эйрек воздавал народам в громе копий.

$_{5-8}$ Ныне я, вдрызг заплутавший, попирал оплот, ибо я худо брел широкой дорогой на пустоши в навороженной мокрой метели бабы.

5. Синтаксис:

Наши дела разнеслись ≡ весть о наших делах разнеслась далеко; в подлиннике это значение компактно выражается словоформой spurðisk.

Насланная мокрая метель бабы ≡ мокрая метель, насланная бабой (колдуньей Торгримой).

6. Поэтика:

Стюрбьёрн Сильный — правитель Швеции, на стороне которого (“под знаменами”) сражался Бьёрн в кровопролитной “битве народов» под Уппсалой[29], отсюда выражение “*народы*” (aldir). Вне специального констекста оно является просто хейти ЛЮДЕЙ.

Закованный в железо Эйрек ⇒ Эйрик Победоносный, конунг Швеции, победитель битвы под Уппсалой.

Гром копий ≡ БИТВА.

Оплот ≡ ЗЕМЛИ (хейти).

Широкая Дорога — скорее всего, хейти СНЕГА как бескрайних снежных просторов.

7. Размер:

Дроттветт.

8. Смысл:

Весть о наших подвигах, когда мы на стороне Стюрбьёрна сражались против Эйрика, на слуху у людей. Теперь же мне приходится плутать наугад в снежном буране по вине бабы-ворожеи.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Spurðisk vǫr und vǫrðum	На слуху остался
verk Styrbjarnar merkjum	Сказ о днях Стюрбьёрна;
jarnfaldinn hlóð ǫldum	Угрожал народам
Eirekr í dyn geira.	Эйрек в *реве дротов*.
Nú traðk hauðr of heiði	Но теперь в пустыне
hundvillr, þvít fatk illa	Я бреду постылой,
víða braut í vátri	Заплутав по воле
vífs gjǫrninga drífu.	Бабы злой, в метели.
	© *А. В. Циммерлинг, 2003*

Берсерки и Стюр

В «Саге о Людях с Песчаного Берега» приводится три висы, связанные с убийством иноземных берсерков возле хутора Лавовая Пустошь в 983 г. Эти висы должны были содержаться в устной саге о Стюре Убийце (ок. 940—1008 гг.), одиозном хёвдинге, собственноручно убившем около сорока человек: фрагменты этой саги вошли в «Сагу о Людях с Песчаного Берега» и «Сагу о Битве на Пустоши». В последней саге Стюру приписывался ряд стихов, которые он произносил после совершенных

[29] В исландских сагах данная битва известна под названием «Битва на полях Фюри».

убийств[30]. Единственная виса, которую произносит Стюр в «Саге о Людях с Песчаного Берега», связана с двойным убийством берсерков. Две висы вложены в уста берсеркам; по крайней мере, одна из них приводилась также в «Саге о Битве на Пустоши».

Несмотря на то, что все три висы, приуроченные к данному эпизоду, принадлежат одной и той же саговой традиции, стиль их разительно несходен. Если стихи берсерков построены как шарады и аппелируют к интеллекту слушателя, виса Стюра адресована, прежде всего, его уху. Висы берсерков, в полном противоречии с описанием героев как недалеких и грубых людей, чрезвычайно изысканны: они изобилуют нетрафаретными кеннингами и культурными аллюзиями. Напротив, виса Стюра представляет собой брутальную браваду и целиком состоит из готового скальдического материала. Текст этой висы рассчитан на громкое произнесение вслух, и ее чеканный стих, особенно, во втором хельминге, полностью освобожденном от кеннингов, обрушивает на слушателя каскад звучных рифм. Наиболее интересной чертой висы является смена ритма: скальд чередует облегченные двухударные строки, с начальным ударением и подавленным вторым иктом[31], с перегруженными строками, где главное ударение, подчеркнутое рифмой, падает на неначальный слог[32]. Пытаясь передать ритм подлинника, переводчик отказался от трехстопного хорея, используемого в настоящем издании для передачи дроттквета, в пользу четырехстопного.

Виса 21

1. Контекст:

Берсерки, братья Лейкнир и Халли, служат могущественному Стюру Убийце. Халли вздумал посвататься к дочке хозяина. Стюр замыслил убить обоих берсерков. Чтобы заманить их в западню, Стюр велит дочери одеться как можно наряднее и пройтись перед ними.

2. Текст:

Тут мимо них прошла Асдис дочь Стюра в своем самом лучшем наряде. Халли и Лейкнир окликнули ее, но она не отозвалась.

---

[30] Ныне эти висы утрачены, поскольку рукопись, содержащая начало «Саги о Битве на Пустоши», сгорела во время пожара в Копенгагене в 1728 г. О стихах Стюра известно из «Пересказа» писца Йоуна Оулафссона, который сумел запомнить содержание некоторых вис и даже воспроизвести по памяти отдельные строки. См.: Исландские саги / Пер. с древнеисл., общ. ред. и коммент. А. В. Циммерлинга; Стихи в пер. Ф. Б. Успенского и А. В. Циммерлинга. М., 2000. С. 234—235.

[31] Схема иктов 1—(3)—5 характерна для первой, третьей и пятой строк, где второй икт приходится на слабоударные служебные слова и местоимения: S**ynd**isk *mér* sem m**ynd**i (строка 1); **Ál**a *ekki* d**æl**ir (строка 3), **ugg**ik *ekki* s**egg**ja (строка 5). Полужирным шрифтом выделена рифма, соединяющая третий икт с первым.

[32] Ср. строки 6 и 8, имеющие схему иктов 1—2—5: ofr**gang** of mik str**ang**an (строка 6); bers**erk**jum stað m**erk**ðan (строка 8). Полужирным шрифтом выделена рифма, соединяющая третий икт со вторым.

Hvert hafið, Gerðr of gǫrva,
gangfǫgr liðir hanga,
ljúg vætr at mér — leygjar,
línbundin — fǫr þína;
þvít í vetr, en vitra
vangs sákat þik ganga
hirðidís frá húsi
húns, skrautligar búna.

3. Пословный перевод:

Куда торишь, Герд готовый
прекрасная-в-ходьбе, кисти поддержки
не лги мне — огня,
одетая в лен — путь свой;
ибо зимой, мудрая
луга не-видел-я тебя идти
радетельная дис из дома
дамки (или медвежонка), нарядней одетой.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Прекрасная в ходьбе Герд огня кисти поддержки, куда торишь готовый свой путь, одетая в лен; не лги мне,

$_{5–8}$ ибо я не видел тебя, радетельная дис луга дамки, идти зимой из дома одетой нарядней.

5. Синтаксис:

Торить... готовый путь свой — плеонастическая конструкция, примерно соответствующая русской “направлять свои стопы”.

Ибо я не видел тебя идти... из дома одетой нарядней ≡ я не видел, чтобы ты выходила из дома одетой нарядней.

6. Поэтика:

Герд — богиня, здесь — хейти ЖЕНЩИНЫ. *Герд огня поддержки кисти* ≡ ЖЕНЩИНА (тройной кеннинг). *Поддержка кисти* ≡ РУКА; *огонь* РУКИ = ЗОЛОТО (золотое запястье, которое носят на руке). Герд ЗОЛОТА ⇒ Асдис дочь Стюра.

Прекрасная в ходьбе — мотивированный эпитет (саннкеннинг) ЖЕНЩИНЫ.

Устойчивое выражение “одетая в лен” имеет в скальдической поэзии знаковый смысл и вводит тему о п а с н о с т и: возможно, что нарядно одетая женщина воплощает с у д ь б у героя.

Дис(*а*) — божество (женская сила плодородия), здесь ≡ хейти ЖЕНЩИНЫ; *радетельная дис луга дамки* ⇒ Асдис дочь Стюра (двойной кеннинг). Кеннинг может толковаться двояко, в зависимости от того, как интерпретируется многозначное слово húnn. Большинство комментаторов вчитывает в слово húnn смысл “дамка в шашках”. Тогда *луг дамки* — это шашечная доска, а *дис шашечной доски* ≡ ЖЕНЩИНА (поскольку игра в шашки — ж е н с к о е в р е м я п р о в о ж д е н и е).

С другой стороны, можно усмотреть в кеннинге зашифрованное имя Асдис (Ásdís). Второй компонент имени — *дис* — выражен в составе кеннинга открытым текстом.

Слово húnn имеет, помимо специального значения “фишка в шашечной игре”, еще ряд значений — “медвежонок”, “верхушка мачты”. Если вложить в слово “húnn” смысл “медвежонок”, то получается первый компонент имени «Ас-дис», так как кеннинг “луг медвежонка” логично прочитать как “г о р н ы й к р я ж”, т. е. *Áss*.

7. Смысл:

Дротткветт. В первой строке семь слогов.

8. Размер:

Прекрасная женщина в праздничных одеждах, куда держишь свой путь? Скажи мне правду. Ведь я не видел, чтобы ты выходила зимой из дому одетой нарядней.

9. Переводы:

Виса переводилась на русский язык А. В. Циммерлингом в составе издания «Исландские саги»[33].

Hvert hafið, Gerðr of gǫrva,	*Липа льна*, нелживо
gangfǫgr liðir hanga,	Мне скажи, куда же
ljúg vætr at mér — leygjar,	Путь торишь, прекрасна, —
línbundin — fǫr þína;	По траве — как пава.
þvít í vetr, en vitra	Ведь зимой из дому,
vangs sákat þik ganga	Вдаль досель не длила
hirðidís frá húsi	Шаг, в узорной шали,
húns, skrautligar búna.	*Дис дороги асов*.
	© *А. В. Циммерлинг, 2000*

Виса 22

1. Контекст:

См. выше.

2. Текст:

Затем Лейкнир сказал:

Sólgrund Siggjar linda
sjaldan hefr of faldit
jafnhátt; ǫglis stéttar
elds nú's skart á þellu.
Hoddgrund, hvat býr undir,
Hlín, oflæti þínu,
hýrmælt, hóti fleira
hvítings, án vér lítum?

После этого разминулись.

[33] Исландские саги / Пер. с древнеисл., общ. ред. и коммент. А. В. Циммерлинга; Стихи в пер. Ф. Б. Успенского и А. В. Циммерлинга. М., 2000. С. 473–475.

3. Пословный перевод:

Солнца=почва Сигг (род. п. ж. р.) пояса
редко имеет нацепивши
столь=высоко; кречета подпорка
огня теперь-есть украшение на ели;
клада=почва, что (ли) кроется под
Хлин (им. п. ж. р.) своенравьем твоим,
огнеречивая чуток больше
беленного=рога, чем мы различаем?

4. Развертка:

$_{1-4}$ Почва солнца пояса Сигг редко имеет нацепивши столь высоко; теперь на ели подпорке кречета есть украшение.

$_{5-8}$ Почва клада, что (ли) под твоим своенравием, огнеречивая Хлин беленного рога, кроется чуток больше, чем мы различаем?

5. Синтаксис:

X редко имеет нацепивши — в оригинале посессивный перфект ≡ редко нацепляла.

Нацепивши... столь высоко — имеется в виду смысл: “редко когда X надевает столь высокий головной убор”.

6. Поэтика:

Почва солнца пояса Сигг ≡ ЖЕНЩИНА (тройной кеннинг).

Сигг — гора в Норвегии; *пояс Сигг* ≡ МОРЕ; *солнце* МОРЯ ≡ ЗОЛОТО.

Почва ЗОЛОТА ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ *Асдис дочь Стюра*.

Ель огня подпорки кречета ≡ ЖЕНЩИНА (тройной кеннинг); *подпорка кречета* ≡ РУКА; *огонь* РУКИ ≡ ЗОЛОТО; *Ель* ЗОЛОТА ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ *Асдис дочь Стюра*.

Почва клада ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ Асдис дочь Стюра.

Огнеречивая Хлин беленного рога ≡ ЖЕНЩИНА; *Хлин* — валькирия; *Хлин беленного рога* ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ *Асдис дочь Стюра*. Эпитет “огнеречивая”, видимо, скорее следует понимать как “сладкоречивая”, нежели как “зажигательная”, “заводящая мужчин речь”, что, впрочем, тоже не исключено.

О своенравии Асдис сказано и в прозаическом тексте саги. Слово ofláti можно перевести и как “каприз”.

7. Смысл:

Дротткветт.

8. Размер:

Красавица редко носила при нас столь высокий кокошник; сейчас на ней много украшений. Скажи правду, ты вырядилась так неспроста? Быть может, за твоим нарядом, красотка, таится умысел, которого мы с ходу не понимаем?

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Sólgrund Siggjar linda	*Пядь подпруги брега*
sjaldan hefr of faldit	*Сигг*, досель небрежна,
jafnhátt; ǫglis stéttar	Водружает косы
elds nú's skart á þellu.	Вкруг главы высоко.

Hoddgrund, hvat býr undir,	Неспроста та прихоть,
Hlín, oflæti þínu,	Хоть не зрим мы тайны:
hýrmælt, hóti fleira	Рдеет рот твой, *рога*
hvítings, án vér lítum?	*Труд*, мужей смущая.

Стюр Убийца

Виса 23

1. Контекст:

Стюр убил берсерков и велел сбросить их тела в глубокую расщелину возле дороги, которую они перед этим сами расчистили.

2. Текст:

После этого Стюр велит позаботиться об их телах; их свезли на лавовую пустошь и засыпали камнями в одной из расщелин — она столь глубока, что оттуда не видно вообще ничего, кроме одного неба. Место это находится возле самой дороги.

Над погребением берсерков Стюр сказал вису:

Syndisk mér sem myndi
móteflandar spjóta
Ála ekki dælir
él-herðǫndum verða;
uggik ekki seggja
ofrgang of mik strangan
nú hefr bilgrǫnduðr brandi
berserkjum stað merkðan.

3. Пословный перевод:

Кажется мне что были-бы
сходки / против=зачинатели копей
Али (род. п.) не пригодны
шквала-закалителям оказаться.
Боюсь-я не воинов
напора на меня сурового,
теперь имеет уронокрушитель клинком
берсеркам место разметивши.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Кажется мне, что зачинатели сходки копий были не оказаться не пригодны закалителям шквала Али;

$_{5–8}$ Я не боюсь сурового напора воинов на меня; теперь уронокрушитель имеет разметивши место берсеркам клинком.

5. Синтаксис:

X имеет разметивши место берсеркам — посессивный перфект ≡ X разметил место берсеркам.

X-ы были бы не пригодны оказаться одетой нарядней ≡ оказались бы непригодны.

6. Поэтика:

Зачинатели сходки копий ≡ МУЖИ (двойной кеннинг); *сходка копий* ≡ БИТВА; *зачинатели* БИТВЫ ≡ МУЖИ ⇒ берсерки Халли с Лейкниром.

Закалители шквала Али ≡ МУЖИ (двойной кеннинг); *Али* — морской конунг; *шквал Али* ≡ БИТВА; *закалители* БИТВЫ ≡ МУЖИ ⇒ жители Исландии.

Уронокрушитель ≡ МУЖ (саннкеннинг “тот, кто наносит урон”) ⇒ Стюр Убийца.

Произнося фразу: “Я не боюсь сурового напора воинов на меня”, подразумевая, что Стюр похваляется, что не боится мести за убийство берсерков, хотя за них мог мстить сам ярл Хакон.

7. Размер:

Дротткветт. В седьмой строке семь слогов. Возможно, что шестая строка тоже произносилась в семь слогов, если сонорный в слове ofrgang [ˈof-ur-ˈgang] был слоговым. Наиболее проблематична вторая строка: требуемый для дротткветта минимум в шесть слогов получается только при вставке неправильной формы причастия móteflandar, которая на слог длиннее классической формы móteflendr[34].

8. Смысл:

Я решил, что от берсерков проку народу не будет; я не боюсь ничьей мести. Я сам определил берсеркам последнее пристанище своим мечом.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Syndisk mér sem myndi	*Опричников стыка копий*
móteflandar spjóta	Не счел я гонцами счастья
Ála ekki dælir	Для тех, кто в *купели Али*
él-herðǫndum verða;	*Кол* закаляет *шквала*.
uggik ekki seggja	Не устрашен роковым я
ofrgang of mik strangan	Бояр на меня напором —
nú hefr bilgrǫnduðr brandi	Меч мой сплеча разметил
berserkjum stað merkðan.	Место навек берсеркам.
	© *А. В. Циммерлинг, 2003*

[34] Э. О. Свейнссон считал причастную форму móteflandar поздней и оспаривал авторство Стюра на том основании, что исландец X в. не мог употребить столь позднюю форму. Виса Стюра, скорее всего, действительно является апокрифической, но выдвинутый аргумент неубедителен: удлиненная форма móteflandar может представлять собой не инновацию в языке, а ритмическую вольность, допускавшуюся в дротткветтном стихе. Ср. строку djarfr Hávarar arfi с аномальной трехсложной формой род. п. имени собственного Hávarr (вместо правильной двусложной формы *Hávars*) в «Драпе о Торгейре сыне Хавара» Тормода Скальда Чернобровой (ок. 1020 г.).

Старуха

В «Саге о Людях с Песчаного Берега» приводится две висы, приписываемые воспитательнице бонда Тородда, которого бык забодал насмерть на собственном хуторе. Старуха предупреждает героя об опасности, но тот не обращает на ее слова внимания и вскоре гибнет. Тем самым, данные висы могут быть отнесены к категории “стихов о роковых событиях”. Виса № 36 примечательна окказиональными кеннингами БЫКА, МОГИЛЫ и СТАРИКА и употреблением глагола sinna в архаическом значении, несвойственном древнеисландской прозе и скальдам. Виса № 37 проще и содержит только стандартные кеннинги. Тем самым, порядок расположения вис соответствует принципу: “от усложненного стиля к откровенному”.

Висы старше прозаического текста «Саги о Людях с Песчаного Берега» и датируются XI—XII вв. Содержание висы № 36 частично противоречит прозаическому комментарию: рассказчик саги вкладывает ее в уста с т а р у х е, хотя из текста висы недвусмысленно следует, что ее произносит с т а р и к. Виса № 37 содержит кеннинг ЖЕНЩИНЫ, буквально повторяющийся в висе из «Саги о Торгильсе и Хавлиди», которая была предположительно записана еще в конце XII в.; это совпадение, скорее всего, доказывает, что рассказчик «Саги о Торгильсе и Хавлиди» знал вису № 37.

Виса 36

1. Контекст:

В начале XI в. в Лебяжьем Фьорде растет большой бык Глэсир. Хозяин хутора, Тородд сын Торбранда, пестует его, но старуха, воспитавшая Тородда, знает, что бык этот — оборотень, который забодает хозяина до смерти. Старуха постоянно причитает и просит убить быка, но от нее отмахиваются.

2. Текст:

И пока они беседовали, бык вновь подал голос и заревел в этот раз намного страшнее, чем раньше.

Тогда старуха произнесла эту вису:

Haus knýr hjarðar vísi,
hann ræðr of fjǫr manna,
hallar hristi mjallar
hadds, blóðvita rǫddu;
sá kennir þér sinna
svarðristit ben jarðar
þat verðr, at fé fjǫtrar
fjǫr þitt, en sék gǫrva.

3. Пословный перевод:

Голову гнет стада вождь
он отним(а)ет жизнь людей
прозревает(ся) встряхивателю седокудрых
волос, кровевестным гласом;

сей укажет тебе ехать
(к) покровосрезанной ране земли;
то наступит, что скот захватит-в-путы
жизнь твою, а вижу-я ясно.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Вождь стада гнет голову (с) кровевестным гласом; он отнимает жизнь людей; встряхивателю седокудрых волос прозревает(ся);

$_{5–8}$ Сей укажет тебе ехать (к) покровосрезанной ране земли; это наступит, что скот захватит в путы твою жизнь, а вижу я ясно.

5. Синтаксис:

X-у... прозревает (безличная конструкция) ≡ X прозревает.

X укажет Y-у ехать... покровосрезанной ране земли ≡ X укажет Y-у путь к ране земли.

Требует внимания глагол “ехать” — в оригинале употреблен глагол sinna “направляться”, который в данном значении засвидетельствован лишь в корпусе эддических памятников. На этом основании ряд комментаторов (Конрауд Гисласон, Эйнар Оулавюр Свейнссон) предлагали раннюю датировку висы (до XIII в.).

БЫК гнет голову кровевестным гласом ≡ БЫК гнет голову с кровевестным гласом.

6. Поэтика:

Виса примечательна окказиональными кеннингами БЫКА, МОГИЛЫ и СТАРИКА.

Вождь стада ≡ БЫК ⇒ Глэсир, бык Тородда.

Встряхиватель волос седокудрых ≡ СТАРИК ⇒ ?

Комментаторы саги проглядели, что кеннинг относится к мужчине (ср. имя деятеля *встряхиватель* в качестве опорного слова), поэтому прозаический комментарий неадекватен. Можно предположить, что первоначальна виса была вложена в уста какому-то СТАРИКУ, а не СТАРУХЕ. По контексту на эту роль лучше всего подходит Торбранд, отец Тородда; дошедшие до нас редакции не сообщают, когда он умер.

Недостаточно известна сочетаемость слова haddr “копна волос”, “пышная шевелюра”, которое в «Старшей Эдде» употребляется по отношению к женским волосам (ср. haddr Svanhildr “волосы Сванхильд”). Однако, судя по имени Þorhaddr “с шевелюрой, как у Тора”, оно могло употребляться и по отношению к мужским волосам.

Кровевестный глас — бычий рев, сулящий людям смерть.

Рана земли ≡ МОГИЛА (окказиональный кеннинг); *срезанный покров* с раны земли — срезанный слой дернины. Эпитет метафоричен, так как слово “покров” (svǫrðr) в оригинале специально обозначает кожаный покров, ср. hǫfuðsvǫrðr “скальп”.

Скот — здесь: хейти БЫКА ⇒ Глэсир.

Скот... захватит-в-путы твою жизнь — скотина лишит тебя жизни.

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл:

Бык угрожающе выгибает голову с ревом, сулящим смерть. Он смертельно опасен — старик прозревает все наперед. Это животное лишит тебя жизни и сведет тебя в могилу — я все предвижу ясно.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен С. Ю. Агишевым.

Haus knýr hjarðar vísi,	Гнет главу вождь стада,
hann ræðr of fjǫr manna,	В гласе — крови жажда,
hallar hristi mjallar	Тем, кто все в сединах,
hadds, blóðvita rǫddu;	В том видна погибель.
sá kennir þér sinna	Скот сей жизнь захватит
svarðristit ben jarðar	Твою в путы, явно
þat verðr, at fé fjǫtrar	Видит это старец —
fjǫr þitt, en sék gǫrva.	Ты сойдешь в могилу!
	© *С. Ю. Агишев, 2003*

Виса 37

1. Контекст:

Тородд не внял предостережению в виде предыдущей висы.

2. Текст:

Тородд отвечает:

— Разум твой, мать, теперь смутен: и видеть этого ты не можешь.

Она сказала:

Opt es auðar þopta
œr / œri, es tungu hrœrir
sék á blóðgum búki
bengrát, es / en þér látið.
tarfr mun hér, þvít horfa
hann tekr reiðr við mǫnnum,
þat sér golls ens gjalla
Gerðr, þinn bani verða.

— Не будет, мать, ничего такого, — сказал он.

— Хуже всего, что все так и будет, — сказала она.

3. Пословный перевод:

Часто есть богатства *калина
безумна / моложе, что языком ворочает;
вижу-я на окровавленном туловище
ран-град, что / чем вы мните.
Бык будет тут, ибо обращаться
он начинает гневен против людей
это видит злата звонкого
Герд, твоим убийцей становиться.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Калина богатства, что ворочает языком, часто есть безумна, что вы мните;

или:

$_{1–4}$ Калина богатства, что ворочает языком, часто есть моложе, чем вы мните;

$_{5–8}$ Бык будет тут становиться твоим убийцей, ибо он начинается обращаться, гневен, против людей; Герд звонкого злата это видит.

5. Синтаксис:

Бык будет становиться твоим убийцей — бык станет твоим убийцей.

Ключевое предложение первого хельминга *калина богатства... что ворочает языком... часто есть... безумна... что/чем вы мните* выглядит несколько невразумительно. Возможно, поэтому в большинстве списков «Саги о Людях с Песчаного Берега» вместо относительного союза es “что”, “который”, мы находим в четвертой строке сравнительный союз en “чем”. Тогда связное чтение получается при замене односложного слова œr “безумная” двусложником œri “моложе” во второй строке:

X, *когда ворочает языком*, *часто оказывается моложе*, *чем вы думаете* $\equiv$ *X* еще не впала в старческий маразм и по-прежнему способна говорить разумные вещи.

	Оптимальное чтение	Смысл:
M	Opt es auðar þopta œ r, es tungu hrœrir sék á blóðgum búki bengrát, e s þér látið.	Часто бывает ЖЕНЩИНА б е з у м н а, когда языком ворочает, — я вижу на мертвом теле КРОВЬ, — к а к вы мните.
V, *W*	Opt es auðar þopta œ r i, es tungu hrœrir sék á blóðgum búki bengrát, e n þér látið.	Часто бывает ЖЕНЩИНА м о л о ж е, когда языком ворочает, — я вижу на мертвом теле КРОВЬ, — ч е м вы мните.

6. Поэтика:

Калина богатства $\equiv$ ЖЕНЩИНА $\Rightarrow$ Старуха-воспительница.

Град ран $\equiv$ КРОВЬ.

Герд звонкого злата $\equiv$ ЖЕНЩИНА $\Rightarrow$ Старуха-воспитательница.

Данный кеннинг повторяется в скальдическом корпусе еще один раз, что косвенно подтверждает древность материала висы № 37. В одной из саг о недавнем прошлом — «Саге о Торгильсе и Хавлиди», гл. 27, в уста главному герою, хёвдингу Торгильсу сыну Одди, вложено четверостишие, которое он якобы произнес в 1121 г., обращаясь к своим сторонникам[35]. Прозаический контекст «Саги о Торгильсе и Хавлиди» этому противоречит, так как кеннинг *Герд звонкого злата* стоит там в позиции обращения, на что давно обратил внимание исландский филолог Конрауд Гисласон. Возможно, рассказчик «Саги о Торгильсе и Хавлиди» не к месту вставил кеннинг из какой-то висы, бытовавшей в местной традиции и сложенной ранее 1121 г.

[35] Фактически, повторяется не только кеннинг, но и большая часть комплекса из двух строк висы. Ср.: 1) *þat* sér *golls ens gjalla* / *Gerðr*, þinn bani *verða* (Старуха) 2) *þat* ségik *golls ens gjalla* / *Gerðr*, þinglogi *verða* (Торгильс). Если же считать не общие слова, а с л о г и с одинаковым звучанием, то сходство будет почти полным, ср. þinn bani [θ i n: bani] в висе Старухи и þinglogi [θinglogi] в висе Торгильса. Совершенно очевидно, что мы имеем дело с одним и тем же ритмико-синтаксическим шаблоном.

Бык начинает гневен обращаться против людей — в саге рассказывается, что вначале Глэсир был смирным, но затем характер его испортился, и он стал бросаться на людей. Виса сообщает ровно о том же.

7. Размер:

Дроттквett.

8. Смысл:

Женщину, когда она открывает рот и что-то говорит, вы считаете выжившим из ума треплом, но я явственно вижу кровь на твоем бездыханном теле, Тородд! Бык этот угробит тебя, он уже начал бросаться на людей. Вещунья (я) предвидит все это заранее.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен С. Ю. Агишевым.

Opt es auðar þopta	Баба рот откроет, —
œr / œri, es tungu hrœrir	Мните пустословьем
sék á blóðgum búki	Все, что она скажет,
bengrát, es / en þér látið.	Но я труп твой вижу,
tarfr mun hér, þvít horfa	*Градом ран* побитый, —
hann tekr reiðr við mǫnnum,	Смертью бык сей станет
þat sér golls ens gjalla	Для тебя, бросаться
Gerðr, þinn bani verða.	На людей уж начал.
	© *С. Ю. Агишев, 2003*

Квидлинги

В прозаических древнеисландских памятниках часто встречаются четверостишия, сложенные стихом без рифмы. Такие четверостишия принято называть “квидлингами” (kviðlingar, букв. “стишки” или “песенки”, уменьшительное от kviða “эпическая песнь”)[36]. Квидлинги нередко сочинялись как потешные стихи, обыгрывавшие смешные и необычные ситуации; многие из них, по свидетельству саг о современных событиях, возникли как экспромты[37]. Сюда можно отнести четверостишие из «Книги о Заселении Земли», комментирующее гротескное прозвище первопоселенца Херьольва. С другой стороны, в родовых сагах квидлинги нередко предваряют рассказ о зловещих событиях; в этом случае их могут изречь призраки и сверхъестественные существа[38].

[36] “Квидлингами”, видимо, могли называться и д в у с т и ш и я, сложенные аллитерационным стихом без рифмы. В то же время, в о с ь м и с т и ш и я в форнюрдислаге обычно назывались другим термином — staka “простая виса без кеннингов”. Этот термин предваряет, в частности, висы Офейга в тексте «Саги о Союзниках».

[37] Ср. прежде всего коллекцию квидлингов, произнесенных в 1119 г. на свадьбе на Дымных Холмах [Reykjarhólar], и давших повод к распре, имевшей далекие последствия. Данные квидлинги приводятся в «Саге о Торгильсе и Хавлиди», записанной в конце XII в, ср. (St I, 34—37). Квидлинги, запечатленные в «Саге о Торгильсе и Хавлиди», сочинены тремя разными размерами — форнюрдислагом, малахаттом и рунхентом.

[38] Данный прием, характерный для поэтики родовых саг, широко использует Стурла Тордарсон в «Саге об Исландцах», добиваясь впечатляющего эффекта. Так, например, перед битвой при

К этой группе относится единственный квидлинг из «Саги о Людях с Песчаного Берега».

Большинство квидлингов сложены упрощенным форнюрдислагом, т.е. двухударным аллитерационным стихом без рифмы. В отличие от классического форнюрдислага, представленного в песнях «Старшей Эдды», метр квидлингов более однообразен: в нем наблюдается тенденция к ограничению длины КС до четырех-пяти слогов и к равносложности строк. Двойная аллитерация, как правило, отсутствует. Все это можно наблюдать на примере квидлинга из «Саги о Людях с Песчаного Берега» и стихов из «Саги о Союзниках», разбираемых ниже.

Квидлинг из «Книги о Заселении Земли» имеет черты другого эддического размера — т.н. малахатта. От форнюрдислага малахатт отличается не только большей средней длиной КС (минимум составляет пять слогов)[39], но и тенденцией к трехударности. Правда, полного тождества эддического малахатта с метром квидлингов нет. Большинство стиховедов трактуют малахатт как двухударный размер с обязательным второстепенным ударением[40], ср. стих из «Гренландских Речей Атли», построенный по схеме –́ X –̀ X –́ X / –́ X –̀ –̀ X: **Ber**a **kvað** at **orð**i / **blíð** í **hug** **sín**om[41] (Am. 34, 1—2). Напротив, метр квидлингов непредвзятый комментатор, скорее всего, сочтет трехударным размером, ср. стих, построенный по схеме –́ X –́ X –́ X / –́ –́ X X –́ –́ X: **Ber**si **brun**nin**raz**i / **Beit geit** fyrir Her**jólf**i.

Мертвая Голова

Виса 32

1. Контекст:

Незадолго до кровопролитной битвы в Лебяжьем Фьорде в 997 г., где погибло семь человек, некто Фрейстейн Проныра подошел к гряде Гейрвёр, где ему было знамение.

2. Текст:

Вечером того дня, когда Эгиль отправился в путь, Фрейстейн Проныра пошел за овцами на запад за реку. Когда он поднялся на гряду, что проходит западнее реки и зовется Гейрвёр, то увидел неприкрытую землей человеческую голову без туловища. Голова сказала такой стишок:

Эрюгсстадире 21 августа 1238 г. некто Эйольв ночует вне дома. Во сне ему является женщина и изрекает двустишие: «Спишь ты снаружи / Вижу огонь над тобой я».

[39] В эддическом форнюрдислаге изредка попадаются КС в шесть слогов и более, но они, во-первых, свободно сочетаются с короткими четырехсложными строками в рамках ДС, ср. Lit *hefir þú* Gunn*a*rs / *oc* læt*i* hans (Grp. 39, 1—2), а во-вторых, удлинение КС возможно лишь за счет добавления безударных слогов, а не за счет добавления сверхсхемных ударений. Ср. строку Ligg*i* *occar enn í* mill*i* / málmr hr*ing*var*iðr* (Sig. sk. 68, 1—2). Курсивом выделены безударные слоги.

[40] Ср. *Гуревич Е. А.*, *Матюшина И. Г.* Поэзия скальдов. М., 2000. С. 176, 715.

[41] Полужирным шрифтом здесь и ниже выделены метрические вершины.

Roðin es Geirvǫr
gumna blóði,
hón mun hylja
hausa manna.

3. Пословный перевод:

Обагрена есть Гейрвёр
мужей кровью;
она будет покрывать
черепа людей.

4. Развертка:

—

5. Синтаксис:

Конец предложения совпадает с концом долгой строки.

6. Поэтика.

Кеннинги отсутствуют. Наиболее экспрессивным словом является имя собственное “Гейрвёр”, букв. “Копейная Губа”. Можно предположить, что такое название гряда получила уже после битвы, хотя сага не говорит об этом прямо.

7. Размер:

Форнюрдислаг. В первой строке пять слогов, в остальных — четыре.

8. Смысл:

Здесь на гряде случится битва, и многие люди найдут в ней свою смерть.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Roðin es Geirvǫr	Кровью людскою
gumna blóði,	Окрашена Гейрвёр,
hón mun hylja	Скрыть суждено ей
hausa manna.	Их черепа.
	© *А. В. Циммерлинг, 2003*

О Херьольве и медведе

«Книга о Заселении Земли»

Виса 4

1. Контекст:

Мальчик по имени Херьольв убил в Норвегии медведя. Об этом сложили шуточный стишок.

2. Текст:

…Херьольв восьми лет отроду убил бурого медведя за то, что тот загрыз его козу. Об этом сложили стишок:

Bersi brunninrazi
Beit geit fyrir Herjólfi,
En Herjólfr holkinrazi
Hefndi geitr á bersa.

3. Пословный перевод:

Мишка с-бурым-задом
задрал козу у Херьольва,
а Херьольв с-низким-задом (или: с каменным задом)
отомстил за козу мишке.

4. Развертка:

—

5. Синтаксис:

Конец предложения совпадает с концом долгой строки.

6. Поэтика:

Виса интересна как образец бытового юмора.

Мишка — в оригинале использовано слово bersi, одновременно являющееся уменьшительным от мужского имени Bjǫrn «Бьёрн» и от нарицательного существительного bjǫrn “медведь”[42]. Эпитет “бурозадый” (brunninrazi) подчеркивает, что речь идет именно о б у р о м медведе, живущем в лесу.

Первая часть прозвища holkinrazi не вполне ясна. Точный смысл прозвища, вероятно, ускользал уже от составителей «Книги Стурлы», «Книги Хаука» и рассказчика «Саги о Людях с Песчаного Берега»: в этих трех памятниках прозвище Херьольва сына Сигурда представлено в трех графических вариантах — holkinrazi, hølkinrazi и hokinrazi. Слово hølkn (имеется вариант holkn, сохранившийся в норвежских диалектах) значит в исландском языке “бесплодная каменистая земля”: в этом случае hølkinrazi может передавать смыслы: 1) “человек с каменистой земли”; 2) “человек с твердокаменным задом”, “тот, кого трудно сдвинуть с места”. Поскольку прозвище, по контексту, дано ребенку, более вероятен второй смысл. Если исходить из формы hokin-, запечатленной в «Книге Хаука», то восстанавливается значение “склоняться к земле”,

[42] Форма bersi получается от основы *bern-/bjǫrn- фонетически закономерно: *bern-si > bersi > bessi. Имеются также параллельные формы bjǫssi и bassi, с тем же значением.

“ползать на карачках”. Тогда юмор заключается в том, что медведя убил мальчишка, столь маленький, что он еще ползает и “чей зад невысоко поднимается над землей”.

7. Размер:

Малахатт (?). Краткие строки объединены двойной аллитерацией, причем в обоих случаях имя / название аллитерирует с прозвищем / эпитетом референта. В первой и четвертой строках по шесть слогов, во второй и третьей, по номинальному составу слогов[43], — по семь.

8. Смысл:

Бурый мишка съел козу мальчишки. А мальчишка, от горшка два вершка, отомстил за это мишке.

9. Переводы.

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Bersi brunninrazi	Мишка бурозадый
Beit geit fyr Herjólfi,	Сгрыз козу Херьольва,
En Herjólfr holkinrazi	Херьольв низкозадый
Hefndi geitr á bersa	Мишке мстил успешно.
	© *А. В. Циммерлинг, 2003*

[43] Вторая строка, скорее всего, произносилась с сокращенной формой союза fyr = fyrir. В третьей строке начальный слог, приходящийся на союз en “а”, можно приравнять к анакрузе, затакту. Если принять эти поправки, все четыре строки квидлинга будут шестисложными.

Стихи из «Саги о Союзниках»

«Сага о Союзниках» содержит шесть вис, но лишь одна из них — приписываемая Оспаку виса № 6 — есть в обеих редакциях саги (*K* и *M*). Прочие пять вис, приписываемые Офейгу, есть только в редакции *M* (Mǫðruvlallabók). Большинство комментаторов, исключая Х. Магероя, считало, что эти висы отсутствовали в протографе саги и были присочинены позже. В любом случае, все шесть вис саги — апокрифические. Они могли быть сочинены практически в любое время с XII по XIV вв., наиболее вероятно — в конце XIII — начале XIV вв.

Виса в форнюрдислаге, приписываемая Оспаку, имеет неустранимый метрический дефект (неправильную схему аллитерации) в первом хельминге. Второй хельминг той же висы содержит цитату из прозаического текста «Саги о Гуннлауге Змеином Языке», записанной в окружении Снорри Стурлусона в 1220—1230-е гг. Есть основания полагать, что виса Оспака была записана не раньше второй половины XIII в. и что метрический дефект был присущ ей изначально. Высказывалось мнение (А. Листёль), что виса связана с устной традицией Среднего Фьорда и сложилась уже в XI—XII вв. Проверить это утверждение невозможно, но более чем вероятно, что висы, приписываемые Оспаку и Офейгу, действительно сочинены разными людьми: в висах Офейга отклонений от метрического канона нет.

Две из пяти вис, вложенных в уста интригану Офейгу, сложены в дротткветте (№ 3 и № 5), три остальные — их сага называет термином staka “простая виса без кеннингов” сложены в форнюрдислаге. Висы Офейга собраны в два маленьких цикла, приуроченных к двум разным ситуациям — переговорам с Эгилем сыном Скули (висы № 1—3) и заключению мировой на альтинге (висы № 4—5). В обеих ситуациях Офейг для затравки начинает с безобидных вис в форнюрдислаге, а затем произносит вису в дротткветте, содержащую ядовитые насмешки над врагом. Примечательно, что персонаж саги сбрасывает личину и обнаруживает свое истинное лицо, меняя стихотворный код. Этот переход имеет два знаковых аспекта. Во-первых, скальд переходит с максимально безличного размера, форнюрдислага, к размеру авторской поэзии, дроттквету. Во-вторых, скальд переходит от общепонятного стиха, без рифм, кеннингов и переплетения предложений, к эзотерическому стиху, где линейность речи резко нарушена: поэтому более “откровенные”, с личностной точки зрения, висы Офейга, одновременно являются более “зашифрованными”, защищенными в плане формы.

Хотя висы, приписываемые Офейгу, встроены в любопытную культурную коллизию, сами по себе они лишены выдающихся достоинств. Более того, они прозаичны: самые интересные для исследователя места в них связаны с устойчивыми оборотами, заимствованными из непоэтического языка: фаллической метафорой в висе № 4 и идиомами, выражающими смыслы “обвести вокруг пальца” и “пустить пыль в глаза”.

Офейг сын Скиди

Висы в размере дротткветт

Виса 3

1. Контекст:

Офейг, отец богача Одда, беседует с одним из Союзников, выдвинувших иск против Одда, — Эгилем сыном Скули, и убеждает Эгиля, что действуя по закону, он не получит с Одда желаемой суммы.

2. Текст:

— Все верно, — сказал Эгиль, — ты хороший и мудрый старик и наверняка знаешь точно, каково богатство Одда.

[Офейг] говорит:

— Я полагаю, что никому об этом не известно больше моего, и я могу сказать тебе, что как бы высоко богатство Одда не оценивали со стороны, это не преувеличение. Но я заранее посчитал для себя, что из этого богатства может достаться тебе.

И с уст его слетела виса:

Satt er at sækir átta
Seims ágirni beima,
Orð gerast auðar Njǫrðum
Ómæt, ok ranglæti.
Ynni ek yðr, fyrir mǫnnum,
Iðja hlátr at láta,
Þundum þykkja randa
þeys, ok sæmdarleysis.

3. Пословный перевод:

Верно, что движет владеючи
сокровищ жадность героями
Слова делаются богатства Ньёрдам —
Незначимы, несправедливость.
Желаю я вам, перед людьми,
Иди (род. п. м. р.) смеха чтоб-лишиться,
Тундам (дат. п. м. р. мн. ч.) толстых краев
Шума, и отсутствие-почестей.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Верно, что жадность и несправедливость движет владеючи героями. Слова Ньёрдов богатства делаются незначимы.

$_{5–8}$ Я желаю вам, Тундам шума толстых краев, чтоб лишиться смеха, иди перед людьми, и отсутствие почестей.

5. Синтаксис:

В конструкции *слова… Ньёрдам богатства* — дат. п. имеет поссессивную функцию ≡ *Слова Ньёрдов богатства*.

Х-ами движет владеючи — перфектная конструкция ≡ *Х-ами владеет*.

6. Поэтика:

Виса содержит четыре кеннинга, один из них двойной.

Иди — сын великана Тьяцци, т. е. тоже великан; *смех Иди* ≡ ЗОЛОТО.

Герои сокровищ ≡ МУЖИ ⇒ Союзники.

Ньёрды богатства ≡ МУЖИ ⇒ Союзники.

Тунд — имя Одина. *Тунды шума толстых краев* ≡ МУЖИ (двойной кеннинг).

Край — хейти ЩИТА; *шум щитов* ≡ БИТВА; *Тунды* БИТВЫ ≡ МУЖИ ⇒ Союзники.

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл:

Вами, хёвдингами, движет корыстолюбие и низменные соображения. Ваши слова не стоят ломаного гроша. Я желаю вам понести убытки и публично осрамиться.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Satt er at sækir átta	Право, развращают
Seims ágirni beima,	*Вертопрахов злата*
Orð gerast auðar Njǫrðum	Зла корысть, и кривда, —
Ómæt, ok ranglæti.	Слово сильных хило.
Ynni ek yðr, fyrir mǫnnum,	Вам сулю прилюдно
Iðja hlátr at láta,	*Лихо смеха Хати*,
Þundum þykkja randa	Тунды смуты тарчей
þeys, ok sæmdarleysis.	*Толстых*, да бесчестье!
	© *А. В. Циммерлинг, 2003*

Виса 5

1. Контекст:

После окончания судебного разбирательства, где ему удается посрамить Союзников, Офейг, глумясь над противниками, произносит вису.

2. Текст:

Тут Офейг сказал:

— Теперь я хочу произнести перед вами вису, чтобы этот тинг и исход нашей тяжбы, что окончилась здесь, остались в памяти большего числа людей.

Flestr mun, Áms ok Austra
Ek vátta þat sáttum,
Málma runnr um minna,
Mik gælir þat, — hælask.
Gat ek hǫfðingjum hringa
Hattar land, en sandi
Æst í augun kastat
Óríkr vafit flíkum.

3. Пословный перевод:

Многий мог-бы, Ама (м. р. род. п.) и Аустри (м. р. род. п.)
Я свидетельствую об-этом соглашениями,
Руды куст меньшим
Меня веселит это, хвалиться.
Сумел я хёвдингам колец
Шляпы страну, но песком,
Жадные в глаза бросивши,
небогатый, обмотать перьями.

4. Развертка:

$_{1-4}$ Многий куст руды мог бы хвалиться меньшим, я свидетельствую об этом соглашениями Ама и Аустри; меня это веселит;

$_{5-8}$ Я, небогатый, сумел обмотать хёвдингам страну колец шляпы перьями, и бросить песок в жадные глаза.

5. Синтаксис:

Во втором хельминге представлены две идиомы.

Бросить в глаза песку ≡ рус. “пустить пыль в глаза”.

Обмотать перья вокруг ГОЛОВЫ ≡ ср. рус. “заморочить голову”, “обвести вокруг пальца”.

6. Поэтика:

Куст руды ≡ МУЖ (нереферентный).

Второй хельминг содержит два кеннинга, ни один из которых не является кеннингом МУЖА: один из них — это кеннинг ПОЭЗИИ, другой — кеннинг ГОЛОВЫ.

Ам — великан; Аустри — карлик; *соглашения Ама с Аустри* ≡ ПОЭЗИЯ (мифологический кеннинг). Мёд поэзии, продукт карликов, хранился у великана [его имя — Суттунг] в скале. Имя Ам (букв. “темный”) символизирует т е м н ы е с к а л ы, откуда Один похитил мед[1].

Небогатый — другое толкование: “не отличающийся могуществом”.

Страна колец шляпы ≡ ГОЛОВА (двойной кеннинг); *кольца шляпы* ≡ ШЛЕМ, *страна* ШЛЕМА ≡ ГОЛОВА.

7. Размер:

Дроттквет.

8. Смысл:

Многие могли бы по праву хвастаться меньшими успехами. Это мне льстит. Я, бедный (или: скромный) человек, обвел хёвдингов вокруг пальца и выставил их жадность в глупом виде.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

[1] Ср. строки из «Песни о морской волне» (X в.), где слово *ámr* употреблено как прилагательное: Hlýði allir ossu fulli / *ámra fjalla* Dvalins hallar.

Flestr mun, Áms ok Austra	Всяк — *присягу Ама*
Ek vátta þat sáttum,	*С Ойстри* строю присно —
Málma runnr um minna,	Был бы горд и меньшим, —
Mik gælir þat, — hælask.	Тешусь тем — успехом.
Gat ek hǫfðingjum hringa	Неимущ, я мощным
Hattar land, en sandi	Заморочил *чашу*
Æst í augun kastat	*Шеи*, в завидущи
Óríkr vafit flíkum.	Очи пыль забросив.
	© *А. В. Циммерлинг, 2003*

Висы в размере форнюрдислаг

Виса 1

1. Контекст:

Офейг, отец богача Одда, заводит беседу с одним из тех, кто выдвинул иск против Одда, — Эгилем сыном Скули.

2. Текст:

Офейг отвечает ему стихом, сорвавшимся с уст.

Fyrr var sœmra
Til sonar hugsa,
Gekk ek aldrigi
Odds at sinni.
Sá hann lítið
Til laga, gassi,
Þótt fjár hafi
Fullar gnóttir.

3. Пословный перевод:

Раньше было приличнее
О сыне думать,
Шел я никогда
Одду на помощь.
Смотрел он мало
За законами, выскочка / гордец.
Хотя добра имел
Полные горсти.

4. Развертка:

$_{1-4}$ Было приличнее думать о сыне раньше. Я никогда (не) шел Одду на помощь.

$_{5-8}$ Он, выскочка / разиня, мало смотрел за законами, хотя имел добра полные горсти.

5. Синтаксис:

Границы предложений примерно совпадают с границами блока из двух строк (нечетной + четной).

6. Поэтика:

Ключевое слово gassi может иметь значения: 1) “разиня”, “болтун”[2]; 2) “гордец”, “задавака”.

Двое издателей «Саги о Союзниках» — Хатльдоур Фридрикссон и Халльвард Магерой — усомнились в правильности текста висы в рукописи *M* и предложили конъектуры *get* вместо *gekk* во второй строке (Магерой) и *kann* вместо *hann* в пятой строке (Хатльдоур Фридрикссон). Соответственно, меняется и интерпретация соседних слов: строки 3—4 читаются *get* ek aldregi / Odds *at sinni* “не *слышу* я, *как поминают* / Одда на сей раз”, а строки 5—6 *Sá kann* lítið / Til laga, gassi “*Сей знал* мало / в законах, выскочка”.

Обе конъектуры следуют отвергнуть: наличествующийся текст сложен на правильном и идиоматичном исландском языке и лучше соответствует контексту произнесения висы. Напротив, толкования Хатьлдоура Фридрикссона и Х. Магероя натянуты — фраза о том, что имя Одда никто не произносит, звучит странно в ситуации, где Одд является ответчиком по сенсационной тяжбе. Данные конъектуры, сделанные в XI—XX вв., показывают, сколь мало был защищен стихотворный текст от домыслов переписчиков и их попыток внести “улучшения”.

7. Размер:

Форнюрдислаг. Размер не предполагает рифмы и строится только на аллитерации. Минимальное количество слогов в строке — четыре. Во второй, третьей и шестой строках по пять слогов.

8. Смысл:

Лучше было бы думать о делах сына прежде, а я не стремился помочь ему. Он был разиней и плохо следил за законами, хотя имел полные горсти денег.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Fyrr var sœmra	Впору бы прежде
Til sonar hugsa,	Вспомнить об Одде, —
Gekk ek aldrigi	Не шел никогда я
Odds at sinni.	Сыну на помощь.
Sá hann lítið	Плохо следил
Til laga, gassi,	Остолоп за законом,
Þótt fjár hafi	Хоть денег имел он
Fullar gnóttir.	Полные жмени.
	© *А. В. Циммерлинг, 2003*

Виса 2

1. Контекст:

См. выше.

2. Текст:

А затем он сказал так:

[2] В данном смысле слово gassi используется, например, в «Саге о Гисли».

Þat er nú gǫmlum
Gleði heimdraga
At spjalla helst
Við spaka drengi.
Muntu eigi mér
Máls um synja,
Því at virðar þik
Vitran kalla.

3. Пословный перевод:

Это есть теперь старому
Радость домоседу
Говорить прежде-всего
Со спокойными / разумными воинами.
Будешь-ты не мне
В беседе отказывать,
Так как люди тебя
умным считают.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Это есть теперь прежде всего радость старому домоседу — говорить со спокойными воинами.

$_{5–8}$ Ты не будешь мне отказывать в беседе, так как люди считают тебя умным.

5. Синтаксис:

Это есть теперь прежде-всего радость старому домоседу говорить с МУЖАМИ ≡ Для старого домоседа главная радость — говорить с *МУЖАМИ.*

Будешь-ты не мне в беседе отказывать ≡ ты вряд откажешь мне в беседе.

6. Поэтика:

Ключевое слово heimdraga во второй строке может иметь значения “сидень”, “домосед”. Слово spakr в качестве средства положительной оценки имеет значения “степенный”, “почтенный”, “основательный”, “знающий меру”[3]. Другое слово со значением “умный” см. во втором хельминге, с. 529.

7. Размер:

Форнюрдислаг. В первой, второй, четвертой, пятой и седьмой строках по пять слогов.

8. Смысл:

Нынче радость старому домоседу поговорить со спокойными воинами. Ты не откажешь мне в беседе, так как люди считают тебя умным человеком.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

---

[3] В церковных текстах слово spakr часто имеет значение “кроткий” и употребляется как эпитет Агнца Божия.

Þat er nú gǫmlum	Старому сидню
Gleði heimdraga	Нет слаще отрады, —
At spjalla helst	С мужем почтенным
Við spaka drengi.	Перемолвиться словом.
Muntu eigi mér	Мне ты навряд ли
Máls um synja,	В беседе откажешь,
Því at virðar þik	Ибо мужи тебя
Vitran kalla.	Мудрым считают.
	© *А. В. Циммерлинг, 2003*

Виса 4

1. Контекст:

Офейгу предоставлено право отвода. Он отводит шестерых истцов из восьми и делает вид, что не слишком доволен оставшимися двумя.

2. Текст:

Тут Офейг оглянулся вокруг, и из уст его слетел стих:

Illt er ýtum
Elli at bíða,
Tekr hun seggjum frá
Sýn ok visku.
Átti ek næsta vǫl
Nýtra drengja,
Nú er úlfs hali
Einn á króki.

3. Пословный перевод:

Плохо есть людям
Старости ждать,
Отнимает она мужей от
Зренье и разум.
Имел я недавно выбор
Стоящих воинов,
Теперь есть волчий хвост
Один на крючке.

4. Развертка:

$_{1\text{–}4}$ Плохо есть людям ждать старости, она отнимает от мужей зренье и разум;

$_{5\text{–}8}$ Недавно я имел выбор стоящих воинов, теперь есть один волчий хвост на крючке.

5. Синтаксис:

Отнимает она мужей от — конструкция с поствербом ≡ она отнимает у мужей.

6. Поэтика:

Выражение “волчий хвост” является фаллической метафорой. Коллокация, связывающая “волчий хвост” с “крюком”, дает повод для разных толкований; во всяком

случае, эта коллокация была устойчивой. В «Саге о Торгильсе и Хавлиди» Бёдвар сын Асбьёрна на альтинге в 1121 г. бросает оскорбительную реплику в адрес хёвдинга Хавлиди сына Мара: “вон там в с т а л у к р ю к а”.

7. Размер:

Форнюрдислаг. Во второй, третьей и седьмой строках по пять слогов, а в пятой строке — шесть.

8. Смысл:

Старость есть зло для людей, ибо она отнимает зрение и разум. Совсем недавно у меня были воины как на подбор, а теперь и те, что есть, — предатели.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Illt er ýtum	Старости ждать
Elli at bíða,	Мужам несподручно:
Tekr hun seggjum frá	Зренье и разум
Sýn ok visku.	Берет она разом.
Átti ek næsta vǫl	Прежде был выбор
Nýtra drengja,	Вождей превосходных —
Nú er úlfs hali	Ныне лишь с *волчьим*
Einn á króki	*Хвостом* я остался.
	© *А. В. Циммерлинг, 2003*

Оспак сын Глума

Виса 6

1. Контекст:

Объявленный вне закона Оспак ночью приходит в дом к своей жене Свале и ее новому сожителю Мару сыну Хильдира. Он убивает Мара тесаком прямо на ложе.

2. Текст:

Этот человек походит к кровати и поражает Мара тесаком, так что сразу пронзает внутренности. Это был Оспак. Он сказал вису:

Brá ek úr slíðri
Skálm nýbrýndri,
Þeirri lét ek Mávi,
Á maga hvátat
Unni ek eigi
Arfa Hildis
Fagrvaxinnar
Faðmlags Svǫlu.

3. Пословный перевод:

Выхватил я из ножен
Нож свежеточеный,
Им решил я Мара
В живот поразить.
Желал я не
Наследнику Хильдира
Прекраснословенной
Объятий Свалы (род. п. ж. р.).

4. Развертка:

$_{1–4}$ Я выхватил из ножен свежеточеный нож, я решил поразить им Мара, поразить в живот;

$_{5–8}$ Я не желал наследнику Хильдира объятий прекраснословенной Свалы.

5. Синтаксис:

Желал я не = я не желал.

6. Поэтика:

Слово skálmr во второй строке имеет значения “большой нож” или “узкий тесак”. Можно думать, что оно вставлено в стих ради своего звукового состава. В прозаическом тексте оружие, которым был убит Мар, названо “тесаком” (sax).

Наследник Хильдира = Мар (видкеннинг).

Комментаторы давно обратили внимание на параллель между убийством Мара в «Саге о Союзниках» и убийством Гуннлауга в «Саге о Гуннлауге». В обеих сагах убийство происходит из-за женщины, и убийца (Оспак в «Саге о Союзниках», Хравн в «Саге о Гуннлауг») мотивирует свой поступок тем, что “он не мог уступить со-

пернику объятий красавицы Хельги”. В «Саге о Гуннлауге» эта реплика передана прозой, а в «Саге о Союзниках» — стихами, приписанными Оспаку.

Слово “объятья” в контексте “объятья женщины” правомерно понимать в смысле “сексуальный контакт”.

7. Размер:

Форнюрдислаг. В первой, четвертой и пятой строках по пять слогов, в третьей строке — шесть.

Комментаторы обратили внимание на то, что аллитерация, соединяющая слова *sl*íðr “ножны” и *sk*álm “нож”, “тесак”, неправильная: обычно начальные группы согласных s+k, s+t, s+p повторяются в аллитерационном стихе полностью. Норвежский филолог Аслак Листёль предложил конъектуру Brá ek úr *skeiðum* / *Sk*álm nýbrýndri, где слово *sl*íðr “ножны” заменено его синонимом *skeið.* В то же время, слово *sl*íðr стоит в рукописях обеих основных редакций «Саги о Союзниках» — *M*, *K*, и есть все основания полагать, что оно было в протографе. Х. Магерой предлагает считать слово *sl*íðr поэтизмом. Неясно, может ли это соображение оправдать дефект аллитерации. В любом случае, сомнения в правильности чтения Brá ek úr *sl*íðr*um* / *Sk*álm nýbrýndri относятся лишь к уровню компетентности скальда, сочинившего или впервые записавшего вису, вложенную в уста Оспака, а не к возможности искажения текста висы при дальнейшей переписи саги (что в данном случае практически исключено).

8. Смысл:

Я выхватил только что отточенный нож, решив поразить Мара в живот, я не желал уступить ему прекрасной Свалы.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Brá ek úr slíðri	Тесак прихватил я,
Skálm nýbrýndri,	Заточенный остро,
Þeirri lét ek Mávi,	Им пробуравил
Á maga hvátat	Брюхо я Мару.
Unni ek eigi	Отдать не желал я
Arfa Hildis	*Отродью Хильдира*,
Fagrvaxinnar	Сбитой прекрасно,
Faðmlags Svǫlu.	Свалы объятий.
	© *А. В. Циммерлинг, 2003*

Стихи из «Саги о Фарерцах»

В «Саге о Фарерцах» приводится стихотворная молитва, называемая термином “кредда”, т. е. Credo. Этот текст, согласно саге, освоенный фарерским бондом Трандом с Гати в начале XI в., представляет собой народную молитву, более поздние варианты которой известны в нижненемецкой, фарерской, нидерландской, древне- и средне-английской, французской передаче. Собственно Credo, т. е. *символом веры*, является лишь заключительная часть вечерней молитвы (строки 4—7), где говорящий называет имя Христа и обещает петь семь покаянных псалмов Давидовых, чтобы бог был на его стороне[1].

Первая часть молитвы Транда, как указал немецкий филолог Конрад Маурер[2], является началом *утренней молитвы*, обращенной к *ангелам-хранителям*. Более поздние варианты этой молитвы, фактически представляющей собой *оберег*, зафиксированы в верхненемецкой рукописи XIV в. и норвежской рукописи XVIII в.; как немецкая, так и норвежская молитва изложены стихом с конечной рифмой:

Верхнемецкая молитва XIV в.[3]

Heute ich us ge.	Сегодня выхожу я наружу.
Min engel mit myr geyn;	Мои ангелы со мной идут,
Dry myn waldyn,	трое мной управляют,
Dry mych behalden,	трое меня охраняют,
Dry mich beshyrmyn	трое меня прикрывают,
Czobende czu gutyr herberge brengyn	Волоком в добрый приют доставляют.

Норвежская молитва XVII в.[4]

Idag skal jeg en Vei udfare,	Сегодня пойду я наружу.
Guds Engle skal mig bevare,	Пусть божьи ангелы хранят меня,
Tre fra Ild +, tre fra Vand +	трое от огня, трое от воды, +
Tre fra vred Mands Haand +	трое от буйного мужа руки +
Og tre fra alt Ond, mig skade kan.	и трое от всяческого зла, (что) может мне повредить.

---

[1] Подобного рода низовые народные молитвы известны в литературе под сборным названием “маленькое кредо” или “малое кредо”: др. англ. *se læssa créda*, н.-нем. *kleine crede*, ср. нид. *de corte crede*, фр. *credo-le-petit*, англ. *little creed*, *little credo*.

[2] *Maurer K.* Ein altes Kindesgebet // Germania XII. S. 234—236.

[3] Цит. по: *Ohrt F.* Gamle danske Folkebønner // Studier fra Sprog- og Oldtidsforsking. № 149. S. 55—66.

[4] Цит. по: *Bang A. Chr.* Norske Hexeformularer og Magiske Opskrifter // Videnskabsselskabets Skrifter, II. Hist.-Filos. Klasse 1901, № 1, № 1326.

Вариант молитвы, отраженный в «Саге о Фарерцах», гораздо архаичнее: вместо конечной рифмы использована аллитерация. В этой связи вызывает вопросы нечетное количество строк, при котором первая строка молитвы остается вне аллитерации. Существует не исландская, а собственно *фарерская редакция* молитвы Транда, записанная в начале XIX в. Й. Х. Шрётером и опубликованная К. К. Равном в его издании «Саги о Фарерцах» в 1832 г.[5] В этой редакции молитва начинается со слов «Gjivnir eru Ajnglar gowir af Gudi», букв. «Даны есть Ангелы добрые от Бога». Если отбросить слова af Gudi, нарушающие связность текста, в сочетании с последующей строкой (первой по тексту «Саги о Фарёрцах»), получается правильный аллитерационный стих, который мы приводим ниже в древнеисландской нормализации:

Исландская утренняя молитва

*G*efnir eru *g*óðir englar (af guði[6])	Даны есть добрые ангелы (от бога).
*g*angat ek einn út	Я выхожу не один наружу,
*f*jórir mer *f*ylgja	четверо мне следуют,
*f*imm guðs englar[7].	пять бога ангелов.

Выдающиеся филологи прошлого — К. Маурер[8] и Финнур Йонссон[9] исходили из того, что фарерская редакция отражает молитву Транда в виде, близком к первоначальному, в то время как компилятор «Книги с Плоского Острова», где сохранилась соответствующая часть «Саги о Фарерцах», опустил первую строку. К сожалению, в более позднее время в научной литературе утвердилась обратная точка зрения, которую без должных оснований отстаивали П. Фут[10] и Оулавюр Хатльдоурссон[11]: эти исследователи видели в молитве Транда литературную пародию и утверждали, что фарерская редакция молитвы, записанная в начале XIX в., сама возникла под влиянием текста «Саги о Фарерцах». Аргументы П. Фута и Оулавюра Хатльдоурссона неубедительны. П. Фут утверждал, что исландский рассказчик нарочно употребил диалектную фарерскую форму gangat “я не иду”, без палатальной перегласовки, вместо правильного исландского gengat, чтобы подчеркнуть местный колорит. Поэтому текст якобы должен начинаться именно с формы gangat, а не с какого-то иного слова. Тот факт, что молитва Транда представляет собой не авторский, а традиционный текст, и притом, стихотворный, Фут игнорирует. К тому же редкую форму gangat можно интерпретировать не только как изъявительное наклонение (что делает большинство комментаторов), но и как *желательное* наклонение “пусть я не иду”, и тогда ее аномальность будет

[5] Færeyinga saga…, udgiven af Carl Christian Rafn. Kjøbenhvan, 1832.

[6] Можно предложить альтернативную конъектуру, при которой стихотворный текст обретает правильность: вместо gefnir eru góðir englar *af guði* “даны есть *добрые ангелы от бога*” читать gefnir eru *guðs* englar “даны есть *бога* ангелы”.

[7] Аллитерация выделена курсивом.

[8] *Maurer K.* Op. cit.

[9] Corpus poeticum boreale I. S. 568—569.

[10] *Foote P.* Þrándr and the Apostles // Medieval Literature and Civilization. Studies in Memory of G. N. Garmonsway. London, 1969. P. 129—140.

[11] *Ólafur Halldórsson*. Formáli // Færeyinga saga. Ólafur Halldórsson. bjó til prentunar. Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, rit 30. Reykjavík, 1987. P. CCXXVIII.

существенно меньше[12]. Оулавюр Хатльдоурссон обратил внимание на то, что неправильное, по меркам древнеисландской прозы, употребление дат. п. firi Kriste “перед Христом” вместо вин. п. в строке “bæn firir Kristi” повторяется в фарерской редакции молитвы Транда: «Bije e firi mär Bøn, Bera tajr tä [Bøn] f i r i K r i s t e». Это якобы доказывает, что рассказчик саги заставил Транда ради комического эффекта сделать грамматическую ошибку в склонении слова “Христос”, и что эта ошибка перекочевала из «Саги о Фарерцах» в фарерскую редакцию молитвы. Этот аргумент более чем спорен: употребление firir Kristi может представлять некоторый реальный идиолект древнеисландского (или древнефарерского) языка, где вин. п. вытеснялся дат. п.[13] К тому же, форма firir Kristi, делающая строку пятисложной, лучше в метрическом отношении. Вообще, тот факт, что исландские слушатели «Саги о Фарерцах» смеялись в XIII—XIV вв. над молитвой Транда, отнюдь не означает, что рассказчик саги выдумал ее или нарочно портил в ней стих и грамматику. Скорее всего, цитирование “кредды” Транда в «Саге о Фарерцах» отражает насмешливое отношение образованных исландцев к простонародным молитвам, популярным в Скандинавии к моменту записи саги, т. е. к началу XIII в.

Кредда

1. Контекст:

Мать маленького Сигмунда, отданного на воспитание могущественному бонду Транду, интересуется, каким молитвам воспитатель его научил. Мальчик отвечает, что Транд научил его петь “*патерностер*” и “кредду”, т. е. Credo.

2. Текст:

Ей показалось, что *патерностер* он поет более или менее сносно, а *кредо* Транда таково:

Gangat ek æinn ut
Fiori mer fylgja
Fim guds æinglar
Ber ek bæn firir mer
Bæn firir Kristi
Syng ek salma vij.
Siai gud hluta min[14]

[12] В этом случае спорную форму можно анализировать как *gangi+a+t > gangat. В древнеисландском языке формы желательного наклонения наст. вр. обычно образовывались от неперегласованной основы, ср. komi “пусть я приду / пусть он придет”. Классическая древнеисландская форма желательного наклонения gengi от глагола ganga “идти” объясняется, скорее всего, нефонетически, как результат выравнивания по форме изъявительного наклонения geng.

[13] Такая тенденция действует и в современном исландском синтаксисе.

[14] Виса приводится в ненормализованной орфографии по тексту «Книги с Плоского Острова».

3. Пословный перевод:

Иду=не я один со-двора
Четыре за-мной следуют
Пять бога ангелы
Приношу я молитву за меня
Молитву перед Христом
Пою я псалмов семь
Присмотри Бог за-долей моей.

4. Развертка:

—

5. Синтаксис:

Иду не я один со-двора ≡ я иду со двора не один.

6. Поэтика:

Четыре за мной следуют, *пять бога ангелы* ≡ за мной следует четыре плюс пять ангелов (т. е. всего девять).

Семь псалмов — семь покаянных псалмов Давидовых, № 6, 32, 51, 102, 130, 143.

7. Размер:

Аллитерационный стих без рифмы. В третьей строке четыре слога, в четвертой — шесть, в остальных — по пять. Об отсутствии аллитерации в первой строке см. вступительную статью, с. 431—442.

8. Смысл:

Когда я выхожу из дому, меня охраняет девять ангелов божьих. Вечером я молюсь и пою семь покаянных псалмов, чтобы бог меня не забыл.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Gangat ek æinn ut	За порог — не одинок,
Fiorir mer fylgja	Четверо вспfive,
Fim guds æinglar	Ангелов божьих пять.
Ber ek bæn firir mer	Лелею мольбу,
Bæn firir Kristi	Мольбу пред Христом,
Syng ek salma vij.	Псалмов пою семь,
Siai gud hluta min	Помни о мне, господь!
	© *А. В. Циммерлинг, 2003*

Стихи из «Саги об Ароне»

Стихи из «Саги об Ароне» делятся на две неравные группы. Большая их часть (десять вис) сочинена скальдом Тормодом сыном Олава, жившим в первой половине или середине XIV в. Тормод сын Олава опирался на письменные тексты, где упоминался Арон, прежде всего, на «Сагу об Исландцах», на стихи своих предшественников, сочинявших об Ароне в XIII в., и, вероятно, в какой-то мере, на устную традицию об Ароне и Эйольве сыне Кара. Стихи Тормода, безусловно, древнее прозаического текста «Саги об Ароне», но в них нет деталей, противоречащих ей, и они, в сущности, не добавляют никакой новой информации к тому, что мы знаем об Ароне и Эйольве сыне Кара. Причины интереса скальда XIV в. к фигуре Арона не вполне понятны; неясно также, зачем Тормод сочинил целых два цикла стихов, причем в разных размерах.

Другая часть стихов (шесть вис) представляет поэзию XIII в. Две из шести вис цитируются в «Саге об Исландцах» Стурлы Тордарсона (ум. 1284 г.), причем одна из них (№ 16) сложена его родным братом, Олавом Белым Скальдом (ум. 1259 г.), который был другом Арона. Еще одна виса Олава Белого Скальда (№ 15) цитируется в «Древнейшей саге о епископе Гудмунде сыне Ари». Обе висы входили в цикл стихов (драпу или флокк), которые Олав сложил об Ароне, предположительно после смерти последнего в 1255 г.; прочие висы этого цикла ныне утрачены, но они могли быть известны Тормоду сыну Олава и теоретически могли приводиться в протографе «Саги об Ароне». Еще две висы (№ 1 и № 2), сообщающие о подвигах людей епископа в 1222 г., явно сложены кем-то из сторонников епископа Гудмунда в XIII в.: невозможно установить, сложены ли они по свежим следам событий или по прошествии нескольких десятилетий. Напротив, виса № 6 сложена скальдом из окружения Стурлы сына Сигхвата и прославляет его победу на Гримовом Острове в 1222 г.; эта виса должна была быть стевом (рефреном) драпы, прославляющей Стурлу. Наконец, виса № 8, приписываемая в «Саге об Ароне» некому Бранду, сообщает о гибели Эйольва сына Кара в 1222 г.; она могла быть сложена как сторонниками Стурлы, так и почитателями Эйольва. Стурла Тордарсон приводит ее в «Саге об Исландцах», несмотря на присущие ей формальные изъяны: это доказывает, что Стурла Тордарсон воспринимал данную вису как аутентичное историческое свидетельство, т. е. отклик современников на гибель Эйольва.

Висы XIII в. дошли до нас в гораздо худшем состоянии, нежели висы Тормода сына Олава. Поскольку критическое издание «Саги об Ароне» отсутствует, а буквальное воспроизведение текста вис по рукописям в ряде случаев дает совершенно неудовлетворительный результат, на издателя легла дополнительная нагрузка по восстановлению связного и непротиворечивого стихотворного текста. С этой целью были проверены ранее выдвигавшиеся конъектуры к висам из «Саги об Ароне», предложенные Финнуром Йоунссоном во втором томе его издания корпуса скальдической

поэзии. Часть этих конъектур оказалась оправданной, но в некоторых случаях чтения Финнура Йоунссона пришлось отвергнуть и выдвинуть новые интерпретации спорных мест: все подобные случаи оговариваются в анализе текста вис.

Тормод сын Олава

Скальд XIV в. священник Тормод сын Олава сочинил два цикла стихов об Ароне сыне Хьёрлейва, один — в размере дроттквет (висы № 3, 4, 5, 9, 13, 14), другой — в размере хрюнхент (висы № 7, 10, 11, 12). О скальде почти ничего не известно, кроме того, что в 1338 г. он выезжал из страны с Западных Фьордов. Высказывалось мнение, что Тормод сын Олава был уроженцем этой части страны и даже, возможно, племянником Арона, сыном аббата Олава сына Хьёрлейва (ум. 1302 г.). Последнее маловероятно, так как висы Тормода сына Олава по своему стилю довольно сильно отличаются от стихов XIII в., приводимых в той же саге. Компилятор «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари» цитирует все десять вис, которые есть в самостоятельной редакции «Саги об Ароне». Сколько было вис Тормода в протографе «Саги об Ароне» установить невозможно, хотя более или менее ясно, что компилятор «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари» опускал те висы Тормода, которые полностью дублировали содержание более ранних вис XIII в. В двух местах компилятор «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари» все же приводит и висы XIII в. (№ 8 и № 15), и висы Тормода (соответственно, № 9 и № 14), относящиеся к одним и тем же эпизодам, но как раз в этих случаях версия эпизода, которую дает Тормод, слегка отклоняется от того, что сообщают его предшественники. Похоже, однако, что дополнительные штрихи, которые вносит здесь Тормод, основываются лишь на его собственных домыслах, а не на дополнительных источниках информации.

С формальной точки зрения висы Тормода сына Олава сложены весьма умело: скальд свободно владеет обоими стихотворными размерами, в которых сочинены стихи об Ароне — традиционным дротткветтом и более новомодным хрюнхентом, соблюдает законы рифмы и аллитерации и ловко подбирает кеннинги, в том числе обыгрывающие языческие мифы, например, *выкуп за выдру* и даже *пламя Рейна*. В то же время, в висах Тормода высока информационная избыточность: скальд часто добавляет длинные эпитеты и искуственно удлиняет кеннинги, не зная, чем занять пространство стиха. Для стиля Тормода характерно использование прилагательных в качестве опорных слов кеннинга, ср. *щедрый битвы* в висе № 10 и употребление фигур, стоящих на грани между кеннингами и образными выражениями, ср. *утро бури щитов* в той же висе — имеется ли в виду *утро в день битвы*, или же *хмурое*, *мрачное утро*? Особенно много таких пограничных фигур в висах, сложенных в размере хрюнхент.

В плане метрики самая интересная особенность, проявляющаяся у Тормода, связана с висой № 13, где он в четной строке дротткветта, требующей полной рифмы, рифмует слоги ***Rín***ar ~ ***týn***i с этимологическими разными гласными. Поскольку в других случаях Тормод строго соблюдает полную рифму, приходится сделать вывод, что он произносил выделенные слова с одинаковыми гласными, т. е. по крайней мере в этой паре слов не различал фонемы ⟨í⟩ и ⟨ý⟩. Тем самым, мы имеем дело с весьма

ранним случаем делабиализации (утраты огубленности) фонемы ⟨ý⟩. К сожалению, этот важный для исторической фонетики исландского языка факт не позволяет однозначно датировать стихи Тормода, поскольку делабиализация ⟨ý⟩ могла произойти как ок. 1300 г., так и ок. 1350 г.

Драпа об Ароне в размере дротткветт

Шесть вис Тормода сына Олава в размере дротткветт, по всей видимости, являются остатками цикла, посвященного Арону. Стев (четверостишие, служившее рефреном драпы) отсутствует, но вероятно, что Тормод сочинил именно драпу, т. е. полномастштабную скальдическую поэму: создание флокка, т. е. тематических циклов стихов без рефрена, более характерно для ситуации, где скальд сочинял по свежим следам. Скальды XIII—XIV вв., обращавшиеся к фигурам героев прошлого и черпавшие материал из письменных текстов, обычно сочиняли драпы[1]. Мнение исландского филолога Йоуна Хельгасона о том, что стихи Тормода сына Олава, цитируемые в «Саге об Ароне», вообще не составляли цикла, а якобы возникали как “заметки на полях саг”[2], следует отвергнуть ipso facto. Во-первых, именно таким путем возникло большинство драп о давно прошедших или легендарных событиях, а во-вторых, неясно, текстами каких саг мог пользоваться Тормод: стихи Тормода старше прозаического текста «Саги об Ароне» и «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари». Источником Тормода могла быть «Сага об Исландцах», но на ее основе скальд не мог заключить, например, что Арон убил Бьёрна во время облавы у хутора Соколья Скала (см. вису № 14, с. 548). Скорее всего, Тормод при составлении драпы, наряду с «Сагой об Исландцах», черпал информацию как из устной прозаической традиции об Ароне, так и из скальдической традиции о нем: он почти наверняка знал цикл стихов об Ароне, сложенный его предшественником Олавом Белым Скальдом.

Сохранившиеся висы драпы посвящены следующим эпизодам жизни Арона: перебранка Арона со Стурлой сыном Сигхвата перед высадкой последнего на берег (№ 3), поединок Арона со Стурлой (№ 4), оборона и ранение Арона на Гримовом Острове (№ 5), бой Арона с наемными убийцами во Фьорде Гейртьова (№ 13), облава на Арона у Сокольей Скалы и его спасение (№ 14). Виса № 9 посвящена не Арону, а его наставнику Эйольву сына Кара, чью героическую гибель на Гримовом Острове она прославляет; эта виса, единственная из всех, могла бы подтвердить тезис Йоуна Хельгасона о том, что висы Тормода из «Саги об Ароне» не составляли цикла. Однако Эйольв был не только старшим товарищем Арона, но и полководцем, под чьим началом Арон сражался на Гримовом Острове: поэтому наличие вис об Эйольве в «Драпе об Ароне» выглядит вполне естественным.

---

[1] Ср. «Драпу о Йомсвикингах», приписываемую епископу Бьярни сыну Кольбейна (ум. 1224 г.), «Драпу о Плацидусе» и т. п.

[2] “Det synes dog sandsyndligere, ad de skal betragtes som randnoter til sagaer end som levninger af større digte.” См.: *Jón Helgason*. 1953. S. 141.

Виса 3

1. Контекст:

Стурла сын Сигхвата ведет свои корабли к Гримову Острову и высаживается на берег. Заметив Арона, он призывает своих слуг убить его. Арон отвечает Стурле оскорблением.

2. Текст:

Тут Стурла молвит такое слово:

— Вон он стоит, этот дьявол Арон! Бросайтесь на него порешительней, и мы быстро его прикончим.

Арон откликается, вздымая вверх тесак — сокровище Туми:

— Здесь, трусливая сволочь, ты можешь видеть клинок Туми, твоего брата. Так что, коли охота, нападайте на нас, а мы будем ждать вас, не дрогнув.

Вот как говорит священник Тормод сын Олава:

Styrkr var á stýris birki
staddr, sá er Aron kvaddi
hǫrðum heiftar-orðum
hildar ruðr enn milda.
En í mót fyr mǫnnum
mjǫk lík, afarríkum
garpr veitti svǫr snǫrpust
sannfrægr hǫfuðsmanni.

3. Пословный перевод:

Сильный был на руля березе
Стоящий, когда-ж Арона назвал
Суровыми словами-гнева,
Битвы куст, щедрого.
Но навстречу пред мужами
очень схожими крайне-могущественному
удалец дал ответы крепчайшие
достославный, предводителю.

4. Развертка:

$_{1-4}$ Сильный куст битвы был стоящий на березе руля, когда же [он] назвал щедрого Арона суровыми словами гнева.

$_{5-8}$ Но достославный удалец дал пред мужами навстречу крайне могущественному предводителю очень схожие крепчайшие ответы.

5. Синтаксис:

Хельминги синтаксически независимы.

X был стоящий на [КОРАБЛЕ] ≡ X стоял на [КОРАБЛЕ].

X дал очень схожие ответы навстречу Y-у ≡ X отвечал Y-у в схожих выражениях.

6. Поэтика:

Сильный куст битвы ≡ МУЖ ⇒ Стурла сын Сигхвата.

Береза руля ≡ КОРАБЛЬ.

Достославный удалец ≡ МУЖ (саннкеннинг) ⇒ Арон.

Воевода ≡ МУЖ (саннкеннинг) ⇒ Стурла сын Сигхвата.

7. Размер:

Дротткветт. В первой строке 7 слогов.

8. Смысл и сохранность текста:

Могучий воин, стоя на корабле, в гневе назвал Арона дурными словами. Храбрец прилюдно ответил полководцу в том же духе.

Виса известна по рукописям «Саги об Ароне» и «Древнейшей Саги о епископе Гудмунде сыне Ари». Финнур Йоунссон исправил в первом хельминге падежные формы stryks и mildi на stryks и mildi по соображениям синтаксической связности, и мы принимаем его чтение. В шестой строке некоторые рукописи дают вариант *aptr* ríkum “*назад* могущественному” вместо afarríkum “крайне могущественному”: на смысл висы это почти не влияет.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Styrkr var á stýris birki	*Столп толпы*, на струге
staddr, sá er Aron kvaddi	Стоя, гневным словом,
hǫrðum heiftar-orðum	Щедрого Арона
hildar ruðr enn milda.	Обозвал в запале.
En í mót fyr mǫnnum	Но вернул с избытком,
mjǫk lík, afarríkum	В выраженьях схожих
garpr veitti svǫr snǫrpust	Речь храбрец известный,
sannfrægr hǫfuðsmanni.	*Воеводу* кроя.
	© *А. В. Циммерлинг, 2002*

Виса 4

1. Контекст:

Стурла соскакивает на берег и бросается на Арона. Арон сбивает его с ног сильным ударом.

2. Текст:

Удар пришелся Стурле в живот. И поскольку подошвы проскальзывали, водоросли были мокрыми, а удар очень сильным, то Стурла потерял равновесие и упал.

Священник Тормод говорит так:

Sturla réð í stríði
strangr á land at ganga,
hauðr með hǫlðum fríðum
harðr þars Aron varði.
En eldbrota unnar
Iðja dóms, á miðjum,
Freyr svát fell enn dýri,
framabragð vas þat, lagði.

3. Пословный перевод:

Стурла решил в распре
Жестокий, на сушу идти,
Твердь с воинами отборными
Суровый, где-ж Арон защищал.
Но огнеломателя волны
Иди (род. п.) суда, в середину,
Фрейр, так-что пал ценный,
Славный-удар был то, поразил.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Стурла, жестокий в распре, решил идти на сушу [там], где же суровый Арон с отборными воинами защищал твердь.

$_{5–8}$ Но Фрейр суда Иди поразил огнеломателя волны в середину, так что ценный пал; то был славный удар.

5. Синтаксис:

Хельминги синтаксически независимы.

6. Поэтика:

Твердь ≡ ЗЕМЛЯ (хейти).

Огнеломатель волны ≡ МУЖ (двойной кеннинг со смещением); *огонь волны* ≡ ЗОЛОТО; *ломатель* ЗОЛОТА ≡ МУЖ ⇒ Стурла сын Сигхвата.

Фрейр суда Иди ≡ МУЖ (двойной кеннинг); *Иди* — великан; *суд Иди* ≡ БИТВА[3]; *Фрейр* — один из Асов; *Фрейр* БИТВЫ ≡ МУЖ ⇒ Арон.

Ценный ≡ МУЖ (саннкеннинг) ⇒ Стурла сын Сигхвата.

7. Размер:

Дротткветт. В седьмой строке семь слогов.

8. Смысл и сохранность текста:

Жестокий в распре Стурла вознамерился высадиться там, где Арон с отборными воинами занял оборону. Но Арон сбил его с ног, ударив в живот: удар вышел на славу.

Виса известна по рукописям «Саги об Ароне» и «Древнейшей Саги о епископе Гудмунде сыне Ари». В пятой строке Финнур Йоунссон исправил им. п. eldbrot*i* (так в рукописях) на вин. п. eldbrot*a*. Мы принимаем эту конъектуру.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Sturla réð í stríði	Строгий в распре, Стурла,
strangr á land at ganga,	Остров брать решился,
hauðr með hǫlðum fríðum	Где Арон, с отборной
harðr þars Aron varði.	Ратью, ждал напора.

[3] Схема: “речь великана / великанши / валькирии” ≡ БИТВА.

En eldbrota unnar Iðja dóms, á miðjum, Freyr svát fell enn dýri, framabragð vas þat, lagði.	Но *руды дробитель* Врезал посередке, — Рухнул *Фрейр раздора*: Был удар изрядный!
	© *А. В. Циммерлинг, 2002*

Виса 5

1. Контекст:

Арон принял бой на берегу и оказал людям Стурлы ожесточенное сопротивление, прежде чем рухнул наземь.

2. Текст:

А далее священник Тормод говорит так:

Sonr jók saxi benjar
seggja kind til beggja,
hlífsendir naut, handa,
Hjǫrleifs, vala kleifar.
Margr hné maðr við dreyrgar,
malmr sundraðisk, undir
áðr fullhuginn felli,
frægr nær svǫlum ægi.

3. Пословный перевод:

Сын увеличил тесаком раны
мужей рода, с обеих,
защиты-кончатель, пользовался, рук
Хьёрлейва (род. п.), сокола утесами.
Многие склонились люди в кровавых
руда крушилась, волнах,
прежде чем храбрец пал,
славный, близ хладного моря.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Сын Хьёрлейва увеличил тесаком раны рода мужей с обеих рук, кончатель защиты пользовался утесами сокола.

$_{5–8}$ Многие люди склонились в кровавых волнах — руда крушилась — прежде чем славный храбрец пал близ хладного моря.

5. Синтаксис:

Хельминги синтаксически независимы.

6. Поэтика:

Сын Хьёрлейва $\Rightarrow$ Арон (видкенинг).

Род мужей $\equiv$ МУЖИ (скальдический плеоназм) $\Rightarrow$ враги Арона.

Кончатель защиты $\equiv$ МУЖ $\Rightarrow$ Арон.

Утесы сокола $\equiv$ РУКИ.

Руда $\equiv$ ОРУЖИЕ (хейти).

Славный храбрец ≡ Арон (саннкеннинг).

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл:

Сын Хьёрлейва, поддерживаемый силой своих рук, рубил тесаком наотмашь и ранил многих врагов, прежде чем сам распростерся на берегу.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Sonr jók saxi benjar	Тесаком — *утесов*,
seggja kind til beggja,	Силой, жив, *сокольих* —
hlífsendir naut, handa,	Люд сплеча калечил
Hjǫrleifs, vala kleifar.	Лютый сын Хьёрлейва.
Margr hné maðr við dreyrgar,	Распласталась челядь,
malmr sundraðisk, undir	Вражья, в луже крови,
áðr fullhuginn felli,	Перед тем, как воин
frægr nær svǫlum ægi.	Пал у хладной хляби.

Виса 9

1. Контекст:

Эйольв сын Кара пал на Гримовом Острове в 1222 г. Он продолжал безнадежную борьбу против десяти врагов даже после того, как ему отрубили ногу; в таком состоянии он сумел доплыть до ближней шхеры, где умер.

2. Текст:

Священник Тормод сложил такую вису:

Frák ofrhugann efra
Eyjólf við þrek deyja,
Seggr fekk sæmð af hǫggum,
sannfrægr tíu manna,
Meiðr svam mens frá láði
mætr við stýfðum fæti,
mikit vas málma sækis,
megn, ok lagðr í gegnum.

3. Пословный перевод:

Сведал-я храбреца на отшибе
Эйольва, с отвагой умирать.
Муж стяжал почет от ударов
исто-славный десяти людей.

Побег плыл ожерелья от моря
ценный с обрубленной ногой,
велика была руды испытателя
мощь, и пронзен насквозь.

4. Развертка:

$_{1\text{–}4}$ Я сведал храбреца Эйольва умирать на отшибе с отвагой; истославный муж стяжал почет от ударов десяти людей.

$_{5\text{–}8}$ Ценный побег ожерелья плыл от моря с отрубленный ногой, [и] пронзен насквозь; мощь испытателя руды была велика.

5. Синтаксис:

Хельминги синтаксически независимы.

Я сведал Х-а умирать с отвагой ≡ я сведал, что Х умер с отвагой.

6. Поэтика:

Ценный побег ожерелья ≡ МУЖ; *ожерелье* ≡ ЗОЛОТО (хейти); *побег* ЗОЛОТА ≡ МУЖ ⇒ Эйольв сын Кара.

Руда ≡ ЖЕЛЕЗО, ОРУЖИЕ (хейти); *испытатель* ОРУЖИЯ ≡ МУЖ[4] ⇒ Эйольв сын Кара.

7. Размер:

Дроттквэтт. В седьмой строке семь слогов.

8. Смысл и сохранность текста:

Я слышал, что отважный Эйольв пал на краю исландских земель в бою против десятерых. Его мощь была столь велика, что он смог проплыть от берега до ближней шхеры с отрубленной ногой и будучи пронзен насквозь.

Виса известна по рукописям «Саги об Ароне» и «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари».

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Frák ofrhugann efra	Эйольв на отшибе
Eyjólf við þrek deyja,	Умер, бесшабашный:
Seggr fekk sæmð af hǫggum,	Десятью, уважен,
sannfrægr tíu manna,	Вождь, в неравном споре.
Meiðr svam mens frá láði	Плыл, пронзен навылет,
mætr við stýfðum fæti,	Без ноги на сгибе,
mikit vas málma sækis,	С мыса, *мост доспехов*,
megn, ok lagðr í gegnum.	Мощь явив на диво.
	© *А. В. Циммерлинг, 2002*

[4] В стихах Тормода сына Олава слово malmr “руда” используется как хейти ОРУЖИЯ: в данной висе, скорее всего имеется в виду БРОНЯ или ШЛЕМ, т. е. металлические части защитного снаряжения. Тем самым, кеннинг МУЖА строится по схеме ≡ “тот, кто испытывает броню на прочность”.

Виса 13

1. Контекст:

Стурла сын Сигхвата летом 1223 г. послал за головой Арона троих наемных убийц: Рёгнвальда сына Кара, Торвальда сына Свейна и Берга. Они нашли Арона во Фьорде Гейртьова, где произошел бой; к Арону примкнуло двое симпатизировавших ему людей. В бою Арон убил Рёгнвальда, отрубив ему голову, а Торвальд с Бергом насилу спаслись бегством.

2. Текст:

О встрече во Фьорде Гейртьова была сложена такая виса:

Étt hefr Aron hættan
eggja fund við seggi.
Stál klauf styrjar deilir
stirð í Geirþjófsfirði.
Rjóðr hljóp rimmu klæða
Rínar logs at týni.
Otrs veitti bǫrr bitran
bana gjalda Rǫgnvaldi.

3. Пословный перевод.

Устроивши имел Арон опасную
Лезвий встречу с мужами,
Сталь колол раздора делитель
Тугую во Фьорде Гейртьова.
Багритель бежал бráни одежд
Рейна пламени от губителя.
Выдры учинил отпрыск горькую
Смерть, выкупа, Рёгнвальду.

4. Развертка:

1–4 Арон имел устроивши опасную встречу лезвий с мужами; делитель раздора колол тугую сталь во Фьорде Гейртьова.

5–8 Багритель одежд брани бежал от собирателя пламени Рейна; отпрыска выкупа выдры учинил горькую смерть Рёгнвальду.

5. Синтаксис:

Хельминги синтаксически независимы.

X имел устроивши БИТВУ ≡ X устроил БИТВУ.

6. Поэтика:

Виса замечательна двумя мифологическими кеннингами ЗОЛОТА, употребленными в одном хельминге. Возможно, они являются следствием знакомства скальда с текстом «Младшей Эдды».

Встреча лезвий ≡ БИТВА.

Делитель раздора ≡ МУЖ.

Багритель одежд брани ≡ МУЖ (двойной кеннинг); *одежды брани* ≡ ДОСПЕХИ; *багритель ДОСПЕХОВ* ≡ МУЖ ⇒ Торвальд сын Свейна, наемный убийца[5].

Губитель пламени Рейна ≡ МУЖ (двойной кеннинг); *Рейн* — р. Рейн в центральной Европе; *пламя Рейна* ≡ ЗОЛОТО; *губитель ЗОЛОТА* ≡ МУЖ[6] ⇒ Арон.

В рукописях вместо at týni (от губителя) написано at tine. Это непосредственно свидетельствует о том, что в эпоху, когда виса создавалась, фонемы верхнего подъема ⟨y⟩ и ⟨i⟩ уже начали смешиваться из-за делабиализации ⟨y:⟩. Курьезным образом, этот факт повлиял на комментаторов XX в. Финнур Йоунссон неверно постулировал здесь форму глагола tína (собирать): при этом восстанавливается правильная полная рифма в четной строке, но не получается удовлетворительного кеннинга. Приходится признать, что в эпоху создания висы (середина XIV в.) скальд Тормод сын Олава уже мог произносить глаголы týna (губить, терять) и tína (собирать) одинаково.

Древо выкупа выдры ≡ МУЖ (двойной кеннинг); *выкуп выдры*, т. е. выкуп за выдру ≡ ЗОЛОТО[7]; *древо* ЗОЛОТА ≡ МУЖ ⇒ Арон.

7. Размер:

Дротткветт. Полная рифма ***Rín***ar ∼ ***týn***i в шестой строке восстанавливается только при допущении, что скальд произносил ***týn***i как [t i: ni].

8. Смысл и сохранность текста:

Арон попал в опасную переделку во Фьорде Гейртьова, где ему пришлось колоть стальные доспехи. Он покарал Рёгнвальда ужасной смертью, а Торвальд трусливо бежал от героя.

Виса известна по рукописям «Саги об Ароне» и «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари». Конъектуру Финнура Йоунссона — tína (собирать) в шестой строке — мы отвергаем по семантическим соображением и предлагаем этимологизировать написание at tine как týni (см. обоснование выше в разделе 6, с. 547).

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Étt hefr Aron hættan	*Лезвий свод* изведать
eggja fund við seggi.	Довелось Арону,
Stál klauf styrjar deilir	На отряд нарвавшись
stirð í Geirþjófsfirði.	В Фьорде Гейртьова.
Rjóðr hljóp rimmu klæða	*Куст щитов* спасался
Rínar logs at týni.	Рысью от героя;
Otrs veitti bǫrr bitran	*Виры враг* повергнул
bana gjalda Rǫgnvaldi.	Мертвым Рёгнвальда.
	© *А. В. Циммерлинг, 2002*

[5] Референция кеннинга устанавливается из прозаического контекста: в «Саге об Ароне» прямо сказано, что Торвальд бежал от Арона и “проявил себя не с лучшей стороны”.

[6] Схема: МУЖ ≡ “тот, кто тратит золото”.

[7] По известному мифу о том, как асы были вынуждены заплатить за убийство великана Отра, принявшего образ выдры, столько золота, сколько было нужно, чтобы полностью прикрыть шкуру убитой выдры.

Виса 14

1. Контекст:

Осенью 1224 г. Стурла сын Сигхвата устроил облаву на Арона возле хутора Сокольья Скала; по свидетельству очевидцев, Стурла замышлял пытать Арона и замучить его до смерти. Однако Арон оглушил Бьёрна, спутника Стурлы, и вырвался из окружения.

2. Текст:

И все в один голос говорят, что никому, кроме Арона, не удавалось с такой честью ускользнуть от столь суровых людей, как те, что там были.

Вот какой стих сложен о встрече Стурлы с Ароном:

Út hefr Aron leitat
ógnrammr at Valshamri,
hann varð hreystimǫnnum
harðráðr, ór manngarði.
Auðs rak ólmum dauða
enn rǫskligast kenni[r],
Bjǫrn hné áðr fyr ernum,
undan, bauga lundi.

3. Пословный перевод:

Вдаль имел Арон подавшись
Страх-вселяющий от Сокольих Скал.
Он оказался [к] храбрецам
Суров, из оцепления.
Богатств отогнал лютую смерть
Вновь предоблестно знаток,
Бьёрн склонился сперва пред бодрым
Ниц, запястий (колец) древом.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Арон, вселяющий страх, имел подавшись вдаль от Сокольих Скал, он оказался суров [к] храбрецам из оцепления.

$_{5–8}$ Знаток богатств вновь предоблестно отогнал лютую смерть; сперва пред бодрым древом запястий склонился Бьёрн.

5. Синтаксис:

Хельминги синтаксически независимы.

X имел подавшись вдаль ≡ X подался вдаль.

Предложение оригинала enn rak auðs kenni rǫskligast undan ólmum dauða, исходя из состава второго хельминга, можно считать безличным и переводить как “от знатока богатств вновь предоблестно прогнало лютую смерть”; во всех рукописях действительно стоит косв. п. kenni. Однако при таком чтении не очень понятно обстоятельство rǫskligast “предоблестно”, которое требует активного субъекта. Поэтому мы предлагаем в шестой строке конъектуру kennir (им. п.) вместо kenni (дат. п.). Если не принимать эту конъектуру, нужно глоссировать глагол rak не как

“прогнал”, а как “пронесло”, “подфартило” и интерпретировать спорное предложение следующим образом:

“Х-у вновь лихо подфартило, и он избежал лютой смерти”.

6. Поэтика:

Знаток богатств ≡ МУЖ ⇒ Арон; хейти “*знаток*”, скорее всего, синонимично хейти вроде “губитель”.

Древо запястий ≡ МУЖ; *запястье* — кольцо из драгоценного металла, которое носили на запястье, здесь ≡ ЗОЛОТО; *древо* ЗОЛОТА ≡ МУЖ ⇒ Арон.

Формулировка “Бьёрн склонился сперва пред [Ароном] ниц”, в принципе, означает, что Арон убил Бьёрна. Возможно, скальд представлял себе именно ситуацию именно так[8].

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл и сохранность текста:

Грозный Арон подался прочь от Сокольих Скал, разбросав стоявших в оцеплении смельчаков. Он вновь удачно избежал лютой смерти; сперва он поверг Бьёрна на землю.

Виса известна по рукописям «Саги об Ароне» и «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари». О том, что ее сочинил Тормод сын Олава, говорится только в «Древнейшей саге о епископе Гудмунде сыне Ари».

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Út hefr Aron leitat	Прочь Арон отпрянул,
ógnrammr at Valshamri,	Вдаль от Скал Сокольих,
hann varð hreystimǫnnum	К смельчакам неласков,
harðráðr, ór manngarði.	В оцепленьи ставшим.
Auðs rak ólmum dauða	Разминулся с лютой
enn rǫskligast kenni[r],	Смертью *златовержец*, —
Bjǫrn hné áðr fyr ernum,	Бьёрн сперва пред рьяным,
undan, bauga lundi.	Рухнул, *древом меры*.
	© *А. В. Циммерлинг, 2002*

[8] В прозаическом тексте «Саги об Ароне», как и в данной висе Тормода, сказано, что Бьёрн от удара “рухнул замертво как подкошенный”. Между тем, из текста «Саги об Исландцах» Стурлы Тордарсона, где излагается тот же исторический эпизод, недвусмысленно следует, что Бьёрн был лишь оглушен ударом, а не убит. Скорее всего, рассказчик «Саги об Ароне» описал эпизод с Бьёрном, положившись на поэтическое слово Тормода.

Драпа об Ароне в размере хрюнхент

К второй драпе Тормода сына Олава об Ароне — в размере хрюнхент[9]— относятся три восьмистрочные висы о пребывании Арона на хуторе Свиная Гора (№ 10—12) и стев-четверостишие, прославляющее Арона как борца против Стурлы сына Сигхвата (№ 7). Неясно, полностью ли драпа Тормода в хрюнхенте дублировала по содержанию его же драпу об Ароне в дроттквете, но они отличаются по стилю: дошедшие до нас висы в хрюнхенте значительно менее конкретны и более выспренни.

Рассказчик «Саги об Ароне», и вслед за ним компилятор «Древнейшей саги о Гудмунде сыне Ари» небрежно расположили висы в хрюнхенте, что логично объяснить именно информационной избыточностью вис, содержание которых пересекается: в эпизоде о пребывании Арона на Свиной Горе; вначале должна идти виса № 12 (Арон вечером прибывает на Свиную Гору, Орм велит его схватить), затем виса № 10 (Арон ночью сидит в темнице и ждет казни, Торарин узнает об этом и решает его спасти), и лишь потом виса № 11 (наступает утро, Торарин спасает Арона). Наконец, эффектный стев драпы, где “Арон колет черепа, исполнясь гнева против Стурлы” (№ 7), рассказчик «Саги об Ароне» предпочел привести в главе о битве на Гримовом Острове. Это не является прямой ошибкой, хотя топоним «Гримов Остров» в висе отсутствует, и заложенное в ней сообщение естественно распространить на все эпизоды, где Арон борется со Стурлой и его людьми.

С точки зрения метрики хрюнхент «Драпы об Ароне» представляет собой четырехстопный хорей; применительно к материалу древнеисландского языка это означает, что в каждой строке есть, по меньшей мере, четыре ударных корневых морфемы с начальным ударением. Строго восьмисложны строки стева: это задает чеканный стопобойный ритм, удобный для скандирования стиха. Висы № 10—12 ритмически более разнообразны: из 24 строк треть (8 строк) имеет более 8 слогов (9 или 10 слогов). Это не является отступлением от метрического канона: в спаде хрюнхента разрешалось размещать два кратких безударных слога, ср. строки Þór*arinn* hét, sá er þegni mætum (–́ X X –́ X X –́ X –́ X)[10]. Долготная концовка строки с женской рифмой и правила рифмовки те же, что в висах, сложенных в дроттквете.

Синтаксическое членение проще, чем в висах Тормода, сложенных в размере дроттквет. Переплетение предложений имеется лишь в трех из семи[11] хельмингов.

Виса 7

1. Контекст:

Арон отчаянно сражался против Стурлы и нанес врагу немалый урон.

[9] О проихождении данного размера см. вступительную статью о скальдической поэзии, с. 438.

[10] В нескольких случаях можно предположить э л и з и ю безударных гласных в слабой метрической позиции, ср. ógnar-ráð (*i ok)* miklum váða или их с и н к о п у (выпадение), ср. randa storms af Svín(*a*)fells-Ormi. Однако строго доказать н е о б х о д и м о с т ь произнесения подобных строк хрюнхента с элизией и синкопой гласных нельзя, ср. строки “ráð*i*nn v*a*s honum raunmjǫk dauði, hót*a*t v*a*s honum dauða skjótum”, где нет оснований предполагать, что отрезки “ráð*i*nn v*a*s” и “hót*a*t v*a*s” произносились в два слога.

[11] С учетом стева (виса № 7).

2. Текст:

Aron gekk, því óðisk ekki,
ærit fram í bǫðgerð ramma,
hǫlða klauf hann heldr en skjǫldu
heiftar fullr í móti Sturlu.

3. Пословный перевод:

Арон шел, ибо смутился-он не,
рьяно вперед в битво-деле сильном,
мужей колол он больше, чем щиты,
ненависти исполнен против Стурлы.

4. Развертка:

1–2 Арон рьяно шел вперед, ибо он не смутился в сильном деле битвы.
3–4 Исполнен ненависти против Стурлы, он колол больше мужей, чем щиты.

5. Синтаксис:

Членение на предложения примерно совпадает с членением на строки: нечетные строки (1-я и 3-я) содержат ядро предложений, т. е. главные члены, а четные (2-я и 4-я) — второстепенные члены (определения и уточняющие обороты).

Смутился он не ≡ он не смутился.

6. Поэтика:

Виса, скорее всего, была стевом к драпе об Ароне, сложенной Тормодом сыном Олава в размере хрюнхент. Кеннинги в ней отсутствуют.

Сильное дело битвы ≡ БИТВА (скальдический плеоназм).

7. Размер:

Хрюнхент. В каждой строке 8 слогов.

8. Смысл и сохранность текста:

Арон не трусил в жестоких схватках и яростно бился против Стурлы.

Виса известна по рукописям «Саги об Ароне» и «Древнейшей Саги о епископе Гудмунде сыне Ари».

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Aron gekk, því óðisk ekki, ærit fram í bǫðgerð ramma, hǫlða klauf hann heldr en skjǫldu heiftar fullr í móti Sturlu.	Шел Арон, в бою не дрогнув, Духом яр, на *дело брани*. Черепа дробил, — не древа, Гнева полн, средь полчищ Стурлы. © *А. В. Циммерлинг, 2002*

Виса 10

1. Контекст:

В начале лета 1222 г. раненый Арон явился на хутор Свиная Гора к хёвдингу Орму сыну Йона. Орм велел схватить его и собирался казнить. Этого не произошло благодаря заступничеству Торарина сына Йона, брата Орма.

2. Текст:

Священник Тормод говорит так:

Þórarinn hét, sá er þegni mætum
þrútins elds, at Svínafelli,
rǫskliga dugði, runnr, í háska
randa svinnr, ok náðum stinnum.
Aron hlaut af Ormi at mæta
ógnar-ráði ok miklum váða,
herðinn bjóz því hǫlðr at varða
hlýra sínum dreng inn skýra.

3. Пословный перевод:

Тораріном звался, тот-кто воину ценному
раздутого огня, на Свиной Горе,
доблестно помог, куст, в опасности
щитов мудрый, и (в) нужде крепкой.
Арону выпало от Орма получить
ужаса-замысел и большую напасть,
закаленный вызвался поэтому муж оборонять
от-кровника своего молодца светлого.

4. Развертка:

1–4 Мудрый куст раздутого огня щитов, тот кто доблестно помог ценному воину в опасности и крепкой нужде, звался Торарином.

5–8 Арону выпало получить от Орма замысел ужаса и большую напасть, поэтому закаленный муж вызвался оборонять светлого молодца от своего кровника.

5. Синтаксис:

Хельминги синтаксически независимы. В первом хельминге есть переплетение предложений.

6. Поэтика:

Мудрый куст раздутого огня щитов ≡ МУЖ (двойной кеннинг); *раздутый огонь щитов* ≡ МЕЧ; *куст* МЕЧА ≡ МУЖ ⇒ Торарин сын Йона.

Ценный воин ≡ МУЖ (саннкеннинг) ⇒ Арон.

Замысел ужаса ≡ ужасный замысел, угроза смерти.

Светлый молодец ⇒ Арон.

Закаленный муж ⇒ Торарин сын Йона.

Кровник Торарина ⇒ Орм сын Йона, единоутробный брат Торарина.

7. Размер:

Хрюнхент. В первой строке 10 слогов, в третьей строке, пятой и шестой по 9 слогов, в остальных — по 8.

8. Смысл и сохранность текста:

Спаситель Арона на Свиной Горе звался Торарином. Он не побоялся защищать Арона от своего брата Орма, который собирался расправиться с ним.

Виса известна по рукописям «Саги об Ароне» и «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари».

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þórarinn hét, sá er þegni mætum	Торарин, *росток ограды*
þrútins elds, at Svínafelli,	*Нив костра*, на Свиногорье,
rǫskliga dugði, runnr, í háska	Пособил герою бодро,
randa svinnr, ok náðum stinnum.	От беды упас и горя.
Aron hlaut af Ormi at mæta	Замышлял ведь Орм подвергнуть
ógnar-ráði ok miklum váða,	Казни злой зело Арона, —
herðinn bjóz því hǫlðr at varða	*Вольный муж* отбить решился
hlýra sínum dreng inn skýra.	Супостата, впрямь, у брата.
	© А. В. Циммерлинг, 2002

Виса 11

1. Контекст:

Торарин принял Арона на свое попечение и вывез его со Свиной Горы.

2. Текст:

О том, как Арона захватили на Свиной Горе, сложены такие висы:

Morginn kom yfir mistar fergi,
mannraun hlaut þá Aron sanna,
ráðinn vas honum raunmjǫk dauði
randa storms af Svínafells-Ormi.
Stríðir hratt þá vel við váða,
víðfrægt hefr þat orðit síðan,
mest of barg þá malma treysti
mildr Þórarinn, vápna, hildar.

3. Пословный перевод.

Утро встало над битвы вершителем,
Испытание выпало тогда Арону подлинное,
Предрешена была ему на-деле смерть,
Щитов бури от Свиногорца Орма.
Спорщик отбился тогда отлично от угрозы,
Знаменито имеет то сделавши впоследствии,
Больше-всего помог тогда руды доверителю
Щедрый Торарин, оружия, в бою.

4. Развертка:

1–4 Утро бури щитов встало над вершителем битвы, Арону выпало тогда подлинное испытание, ему была на деле предрешена смерть от Свиногорца Орма.

5–8 Спорщик оружия тогда отлично отбился от угрозы, то впоследствии имеет сделавши знаменито, больше всего доверителю руды помог тогда Торарин, щедрый в бою.

5. Синтаксис:

Хельминги синтаксически независимы. В обоих хельмингах есть переплетение предложений.

То впоследствии имеет сделавши знаменито ≡ впоследствии это стало знаменито.

У-у была на деле предрешена смерть от Х-а ≡ Х на деле предрешал У-у смерть.

6. Поэтика:

Буря щитов ≡ БИТВА; *утро* БИТВЫ ≡ утро, сулящее битву или смерть кому-л.

Вершитель битвы ≡ *МУЖ* ⇒ Арон.

Спорщик оружия ≡ *МУЖ* ⇒ Арон.

Руда ≡ ОРУЖИЕ (хейти); *доверитель руды* ≡ МУЖ[12] ⇒ Арон.

Щедрый в бою ≡ МУЖ[13] (саннкеннинг или неканонический кеннинг) ⇒ Торарин сын Йона.

7. Размер:

Хрюнхент. В первой, третьей и четвертой строках по 9 слогов.

8. Смысл и сохранность текста:

Утро не сулило Арону ничего хорошего: Свиногорец Орм всерьез вознамерился казнить его. Герою удалось выпутаться, что впоследствии стало широко известно. Больше всего Арону помог воинственный Торарин.

Виса известна по рукописям «Саги об Ароне» и «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари».

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Morginn kom yfir mistar fergi, mannraun hlaut þá Aron sanna, ráðinn vas honum raunmjǫk dauði randa storms af Svínafells-Ormi. Stríðir hratt þá vel við váða, víðfrægt hefr þat orðit síðan, mest of barg þá malma treysti mildr Þórarinn, vápna, hildar.	*Сумрак стрел* с утра Арон Не сулил добра недаром: Свиногорец Орм надумал Уморить его взаправду. Избежал *брони ревнитель* — Шла молва о том широко — Бед — помог *гонцу победы* Торарин, в ристаньях щедрый. © *А. В. Циммерлинг, 2002*

[12] Схема: МУЖ ≡ “тот, кто доверяет(ся) оружию”.

[13] Схема: МУЖ ≡ “тот, кто горазд устраивать битву”.

Виса 12

1. Контекст:

См. выше.

2. Текст:

Aron reið við sollnum sárum
símðar hraustr um fjǫrðu austan,
vistar þurfti varganistir
vellum grimmr, at Svínafelli.
Hǫndum tóku hjǫrva sendi,
hótat vas honum dauða skjótum,
lundar unnu ljóssa branda
luktan hann í myrku ranni.

3. Пословный перевод.

Арон ехал-верхом с набухшими ранами
Почестей отважный, по фьордам на востоке
В крове нуждался волков кормилец,
К-злату жестокий, к Свиной Горе.
Руками схватили мечей посылателя,
Угрожаемо было ему смертью скорой,
Древа сотворили светлых клинков
Заперши его в темном доме.

4. Развертка:

1–4 Арон, отважный почестей, ехал верхом с востока по фьордам к Свиной Горе; кормилец волков, жестокий к злату, нуждался в крове.

5–8 Древа светлых клинков схватили руками посылателя мечей, сотворили заперши его в темном доме; ему было угрожаемо скорой смертью.

5. Синтаксис:

Хельминги синтаксически независимы. Переплетение предложений отсутствует.

Х-ы Сотворили заперши У-а ≡ Х-ы заперли У-а.

Х-ы Схватили У-а руками ≡ Х-ы захватили У-а.

У-у было угрожаемо скорой смертью ≡ У-у угрожали скорой смертью.

6. Поэтика:

Отважный почестей ≡ МУЖ (неканонический кеннинг) ⇒ Арон.

Кормилец волков ≡ МУЖ ⇒ Арон.

Жестокий к злату ≡ МУЖ ⇒ Арон.

Посылатель мечей ≡ МУЖ ⇒ Арон.

Древа светлой стали ≡ МУЖИ ⇒ Люди Орма сына Йона, враги Арона.

7. Размер:

Хрюнхент. В шестой строке 9 слогов, в остальных 8 слогов.

8. Смысл и сохранность текста:

Арон ехал верхом с набухшими ранами по восточным фьордам: он нуждался в крове и держал путь к Свиной Горе. Там враги схватили героя и посадили на ночь в темницу; Арону угрожала быстрая расправа.

Виса известна по рукописям «Саги об Ароне» и «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари». Судя по ее содержанию — первый хельминг сообщает о приезде Арона на Свиную Гору — она предшествовала в «Драпе об Ароне» висам № 10 и № 11.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Aron reið við sollnum sárum	Гнал коня при гнойных ранах
símðar hraustr um fjǫrðu austan,	Воин твёрдый через фьорды, —
vistar þurfti varganistir	Ради крова *кровник врана*
vellum grimmr, at Svínafelli.	Пробирался в Свиногорье.
Hǫndum tóku hjǫrva sendi,	Завлекли *клинков посланца*
hótat vas honum dauða skjótum,	Там *столпы блестящей стали*,
lundar unnu ljóssa branda	Скорой смертью угрожая,
luktan hann í myrku ranni.	Заточили в черном срубе.

Олав Белый Скальд

Олав Белый Скальд (ум. 1259 г.), старший брат Стурлы Тордарсона, имел славу одного из ведущих скальдов своего поколения. «Сага об Ароне» называет Олава “другом Арона” (о причинах этой дружбы и политических симпатиях Олава см. примеч. 233 к «Саге об Ароне», с. 414). Олав входил в ближайшее окружение Снорри сына Стурлы [Снорри Стурлусона] и, как и его учитель Снорри, оставил пособие по скальдической поэтике — т. н. «Третий грамматический трактат». Стихи Олава, цитируемые в других текстах, сохранились хуже. Стурла Тордарсон приводит в «Саге об Исландцах» только одну вису Олава (№ 16 по «Саге об Ароне»); примечательно, что она посвящена Арону. Еще одна виса из того же цикла об Ароне (№ 15) цитируется в «Саге об Ароне» и «Древнейшей саге о епископе Гудмунде сыне Ари». Обе эти висы сложены в размере дроттквеетт. Напротив, почти все висы Олава, цитируемые Стурлой Тордарсоном в «Саге о Хаконе Старом», сложены в размере хрюнхент; по мнению Финнура Йоунссона, большинство этих вис являются остатками драпы[14], сложенной Олавом в 1240 г.[15] Кроме того, с именем Олава связаны два коротких фрагмента из

---

[14] Сохранился стев данной драпы, где говорится о благоприятных знамениях в 1217 г., когда юный Хакон был избран конунгом.

[15] Вероятно, что адресатом этой драпы Олава были конунг Хакон и его тесть герцог Скули одновременно: Скули поднял мятеж в 1239 г. и был убит в 1240 г., но его дочь королева Маргрет оставалась законной женой Хакона, и сочинение драпы, воплощающей официальную версию взаимоотношений конунга Хакона и Скули, было политкорректным шагом в контексте примирения конунга с женой. Датировка Финнура Йоунссона основана на том, что Олав об-

утраченного ныне цикла о св. Фоме Бекете и два четверостишия, вероятно, возникшие как экспромты и запомнившиеся современникам.

Невозможно установить, являются ли две дротткветтные висы Олава об Ароне остатками флокка или драпы: мнение комментаторов о том, что Олав сочинил именно д р а п у, основывается, скорее всего, на его высокой репутации как скальда, нежели на текстологических соображениях.

Виса 15

1. Контекст:

Осенью 1224 г. Стурла сын Сигхвата устроил облаву на Арона и его дядю Хавторира возле хутора Соколья Скала. Хавторир погиб, но Арону удалось вырваться, избежав встречи со Стурлой.

2. Текст:

Об этом событии сказал Олав Белый Скальд:

Fundr vas hættr, þars hittusk,
hermenn um dag tvennir,
áðr vas stála stríðir
styrframr, at Valshamri.
Hringr vas of hjǫrva slǫngvi
harðfengr skipaðr drengjum,
áðr en Aron flýði
undan Sturlu fundi.

3. Пословный перевод:

Сход был опасный, там-где встретились
Воины днем с-двух-сторон,
Ранее был стали спорщик
В-раздоре-славный, у Сокольих Скал.
Кольцо было вкруг мечей взметателя
Трудноодолимое устроено [из] мужей,
Прежде чем Арон бежал
Прочь Стурлы от-встречи.

суждает последние события жизни Скули, в том числе битву при Осло (1240 г.), где “потомок Сверрира”, т. е. конунг Хакон “победил по праву”. Однако последняя по порядку виса Олава в размере хрюнхент, цитируемая в «Саге о Хаконе Старом», относится к более позднему эпизоду — коронации конунга Хакона в 1247 г. Ни стиль этой висы, ни ее тема — преемственность власти в Норвегии и торжество конунга Хакона — не противоречат висам, сообщающим о более ранних эпизодах. Поэтому нельзя исключить, что данная драпа Олава была составлена позже, чем предполагает Финнур Йоунссон.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Был опасный сход там, где встретились воины с двух сторон, ранее спорщик стали, славный в раздоре, был суров у Сокольих Скал.

$_{5–8}$ Вкруг трудноодолимого взметателя мечей было устроено кольцо из мужей, прежде чем Арон бежал прочь от встречи Стурлы.

5. Синтаксис:

Хельминги синтаксически независимы.

Бежал от встречи X-а ≡ бежал от встречи с X-м.

6. Поэтика:

Славный в раздоре спорщик стали ≡ МУЖ ⇒ Арон.

Взметатель мечей ≡ МУЖ ⇒ Арон.

7. Размер:

Дротткветт. В седьмой строке 7 слогов.

8. Смысл и сохранность текста:

Возле хутора Соколья Скала однажды днем случилась опасная встреча: Арон уже до этого покрыл себя славой. Герой попал в окружение вооруженных врагов, но, тем не менее, сумел избежать встречи со Стурлой.

Виса известна по рукописям «Саги об Ароне» и «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари». О том, что ее сочинил Олав Белый Скальд, сказано только в «Саге об Ароне».

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Fundr vas hættr, þars hittusk,	Выпал сход опасный,
hermenn um dag tvennir,	Днем, для войск обоих:
áðr vas stála stríðir	Был *кольчуг крушитель*
styrframr, at Valshamri.	Крут, у Скал Сокольих.
Hringr vas of hjǫrva slǫngvi	*Меченоша*, брошен
harðfengr skipaðr drengjum,	В круг мужей суровых,
áðr en Aron flýði	Все ж, с крючка сорвался
undan Sturlu fundi.	Враз, Арон у Стурлы.
	© А. В. Циммерлинг, 2002

Виса 16

1. Контекст:

В 1226 г. Арон, оставаясь вне закона в Исландии, отправился в паломничество в Иерусалим и благополучно вернулся в Норвегию, после чего был принят в дружину конунга Хакона.

2. Текст:

Одного человека звали Олав сын Торда. Он был другом Арона. Олав сложил вису об Ароне и его путешествии.

Fór, sás fremð ok tíri
fleinrýrir, gat stýra,
mest lofak mikla hreysti
manns, Jórsali at kanna.
Nafn rak út við ítra
Jórðán við þrek stóran
skjaldar Freyr inn skýri
skógarmanns at gnógu.

3. Пословный перевод:

Шел, тот-кто доблестью и славой
Дротов-колебатель, мог управлять,
больше всего хвалю-я великую храбрость
мужа, Йорсалир проведать.
Имя пронес вдаль у пределов,
Йордан, с подвигом большим,
Щита Фрейр тот светлый
Изгоя, с лихвою.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Колебатель дротов, тот кто мог управлять доблестью и славой, шел проведать Иерусалим; я больше всего хвалю великую храбростью мужа.

$_{5–8}$ Тот светлый Фрейр щита с лихвою пронес вдаль с большим подвигом имя изгоя у пределов Йордана.

5. Синтаксис:

Хельминги синтаксически независимы.

6. Поэтика:

Колебатель дротов ≡ МУЖ ⇒ Арон.

Фрейр щита ≡ МУЖ; Фрейр — *один из асов*; *Фрейр щита* ≡ МУЖ ⇒ Арон.

Изгой — объявленный вне закона ⇒ Арон.

Йордан — р. Иордан в Палестине.

Йорсалир — г. Иерусалим в Палестине.

7. Размер:

Дротткветт. В третьей и четвертой строках по 7 слогов.

8. Смысл и сохранность текста:

Арон, стяжавший себе великую славу, шел проведать Иерусалим; более всего достойна восхваления храбрость героя. Он с лихвой расквитался за то, что на родине его сделали изгоем, и прославил свое имя в краю, где течет Иордан.

Виса известна по рукописям «Саги о Стурлунгах», «Саги об Ароне» и «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари». О том, что ее сочинил Олав Белый Скальд, сообщается во всех источниках.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Fór, sás fremð ok tíri	Шаг, *стрелец*, обретший
fleinrýrir, gat stýra,	Сан и славу — ставлю
mest lofak mikla hreysti	Выше доблесть мужа —
manns, Jórsali at kanna.	Мерил к Иордану.
Nafn rak út við ítra	Смыл клеймо, с лихвою,
Jórðán við þrek stóran	*Фрейр щита* пресветлый,
skjaldar Freyr inn skýri	Вознеся изгоя
skógarmanns at gnógu.	Имя, в Йорсалиме.

Анонимные стихи XIII века о событиях 1222 г.

Проепископская традиция

«Сага об Ароне» и «Древнейшая сага о епископе Гудмунде сыне Ари» приводят две висы о налете людей епископа на Пригорки в феврале 1222 г. В обеих висах открыто одобряется убийство Туми сына Сигхвата: неудивительно, что Стурла Тордарсон, двоюродный брат Туми, эти висы в «Саге об Исландцах» опустил. Неясно, сочинены ли висы одним и тем же скальдом, или разными людьми из окружения епископа. Виса № 1 ценна тем, что в ней сообщаются имена всех троих жертв налета на Пригорки — самого Туми, Торгейра и Бергтора: из предводителей похода в ней поименно не назван никто. Это наводит на мысль о том, что виса сочинена по свежим следам событий еще при жизни предводителей похода Эйольва сына Кара и Эйнара Белька, т. е. в феврале — марте 1222 г. Виса № 2 интересна тем, что в ней прямо говорится об участии Арона в рукопашном бою с людьми Туми: поскольку в дальнейшем Арон заключил мировую со Стурлунгами и не подтверждал тот факт, что он ранил Туми, правомерно сделать вывод, что виса сочинена до примирения Арона со Стурлунгами в конце 1240-х гг.

Ценность вис в качестве исторического свидетельства не компенсирует сбоев в их поэтической технике. В обеих висах есть весьма странные кеннинги, а в висе № 2 — еще и трудно устранимый метрический изъян. Есть все основания думать, что эти дефекты изначальны, и что рассматриваемые висы являются плодом версификации рядовых исландцев из окружения епископа.

Виса 1

1. Контекст:

Сторонники епископа Гудмунда во главе с Эйольвом сыном Кара, Ароном и Эйнаром Бельком в феврале 1221 г. совершили налет на усадьбу на Пригорках, незаконно занятую Туми сыном Сигхвата. После схватки люди Туми были выведены наружу; трое из них — сам Туми, Торгейр и Бергтор, были убиты.

2. Текст:

Туми просит пощады и дозволения выйти и предлагает временное перемирие. Им позволяется покинуть каморку и выйти из наружу, если они бросят оружие, но никакой пощады не обещают. Вокруг выходящих, по обычаю воинов, устраивают оцепление.

Вот до Туми выходит пять или шесть человек, и всех их тотчас хватают [лакуна в тексте]. Тогда была сложена эта виса.

Gerðu geirhríð harða
Gunnar setrs á vetri
hríðar sól á Hólum
hjaldrþungir buðlungar,
þás vígfimir vágu
valdeirs at Þorgeiri
Túmi vas felldr til foldar
frændstórr með Bergþóri.

3. Пословный перевод:

Сотворили наконечников-бурю суровую
Гунн (род. п. ж. р.) обиталища зимой
Бури солнцем на Пригорках
В беседе-тяжкие Будлунги.
Тогда-ж в-бою-умелые
Владетели-пощады убили Торгейра,
Туми был повержен на землю
Родом-знатный, с Бергтором.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Будлунги, тяжкие в беседе, сотворили солнцем бури суровую бурю наконечников обиталища Гунн зимой на Пригорках.

$_{5–8}$ Тогда же умелые в бою владетели пощады убили Торгейра; Туми, знатный родом, был повержен на землю с Бергтором.

5. Синтаксис:

Второй хельминг, начинающийся с союза þás “тогда же”, “когда”, синтаксически продолжает первый.

6. Поэтика:

Состав кеннингов в первом хельминге восстанавливается с трудом. Наиболее вероятное чтение:

Суровая буря наконечников обиталища Гунн ≡ БИТВА (двойной плеонастический кеннинг со смещением); Гунн — валькирия; *обиталище наконечника* ≡ КОПЬЕ; буря КОПИЙ ≡ БИТВА; вместе с тем, *буря* ГУНН тоже ≡ БИТВА.

Буря ≡ БИТВА (хейти); *солнце* БИТВЫ ≡ МЕЧ. Альтернативное толкование ≡ ОГОНЬ. В прозаическом тексте саги сказано о том, что люди епископа подожгли усадьбу на Пригорках.

Будли — легендарный конунг; *Будлунги*, т. е. потомки Будли ≡ МУЖИ (хейти) ⇒ сторонники епископа Гудмунда.

Беседа ≡ БИТВА (хейти); *тяжкие в беседе* ≡ неуступчивые в БИТВЕ.

Умелые в бою владетели пощады ≡ МУЖИ (кеннинг) ⇒ сторонники епископа Гудмунда. Обращает на себя внимание, что кеннинг специально употреблен в ситуации, где в пощаде было отказано.

7. Размер:

Дроттквет.

8. Смысл и сохранность текста:

Суровые люди епископа устроили битву, явившись зимой на Пригорки на Пригорки с оружием в руках (или: с огнем и мечом). Воины убили Торгейра, Бергтора и знатного родом Туми.

Виса известна по рукописям «Саги об Ароне» и «Древнейшей Саги о епископе Гудмунде сыне Ари». Финнур Йоунссон предложил во второй строке вместо слова buðlungar, т. е. Будлунги (потомки Будли), конъектуру bǫglungar (*посошники*, т. е. “вооруженные сторонники епископа”). Представляется вероятным, что сторонники Гудмунда действительно называли себя “посошниками”, как и их норвежские предшественники, вооруженные сторонники епископа Никуласа Арнорссона[16]. Однако все рукописи дают чтение buðlungar, которое не нарушает семантической связности, поэтому конъектуру следует отвергнуть.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Gerðu geirhríð harða	Учинила *бучу*
Gunnar setrs á vetri	*Крючьев* — чадь владыки,
hríðar sól á Hólum	*Светоч сеч* в усадьбу
hjaldrþungir buðlungar,	Средь зимы подкинув.
þás vígfimir vágu	Был по воле рати
valdeirs at Þorgeiri	Умервщлен Торгейр,
Túmi vas felldr til foldar	Туми пал надменный,
frændstórr með Bergþóri.	Родом крут, с Бергтором.
	© *А. В. Циммерлинг, 2002*

Виса 2

1. Контекст:

Эйольв сын Кара, Арон и Эйнар Белек после убийства Туми сына Сигхвата возвращаются к епископу Гудмунду на Рудный Остров и рассказывают ему о случившемся.

2. Текст:

Тогда была сложена эта виса.

Sóttu heim við hættu
hjalmrunnar styrkunnir,
snjallr, segik Freyr at felli
fránbóls Túma at Hólum.
Inn gekk Aron manna
einna fremstr í skemmu,
hann vann hildar mána
hjaldrskóð roðin blóði.

---

[16] Слово “посошники” по отношению к сторонникам Гудмунда встречается в висе Гудмунда сына Одда (1221 г.), скальда из окружения Стурлы сына Сигхвата.

3. Пословный перевод:

Напали в доме, с риском
Шлемо-кусты раздоро-сведущие,
Смелый, говорю-я Фрейр, что пал
Сверкающего остова, на Туми, на Пригорках.
Внутрь вошел Арон из-людей
Один из-первейших в горницу,
Он разил битвы месяцом
Беседы-уроном, обагренным кровью.

4. Развертка:

$_{1–4}$ Сведующие в раздорах кусты шлемов с риском напали в доме на Туми на Пригорках, я говорю, что смелый Фрейр сверкающего остов пал.

$_{5–8}$ Арон вошел внутрь в горницу из людей один из первейших. Он разил обагренным кровью уроном беседы месяца битвы.

5. Синтаксис:

Хельминги синтаксически независимы. Глагольная форма sóttu (“напали на…”) в первом хельминге является переходной; в позиции дополнения при ней может стоять только форма Túma (Туми), которую Финнур Йоунссон правильно расшифровал как вин. п. ед. ч. В рукописях имя Туми прописано только инициалом “T”: двое издателей — Гвюдни Йоунссон и Стефаун Катлссон ошибочно восстановили здесь форму им. п. Túmi.

6. Поэтика:

Кусты шлемов ≡ МУЖИ ⇒ сторонники епископа Гудмунда.

Смелый Фрейр сверкающего остова ≡ МУЖ; *Фрейр* — один из асов. *сверкающий остов*[17] ≡ МЕЧ (хейти или неканонический кеннинг). *Фрейр* МЕЧА ≡ МУЖ ⇒ Туми сын Сигхвата.

Обагренный кровью урон беседы месяца битвы ≡ МЕЧ (тройной плеонастический кеннинг); *месяц битвы* ≡ МЕЧ; *беседа* МЕЧА ≡ БИТВА; *урон* БИТВЫ ≡ МЕЧ.

7. Размер:

Дротткветт. В третьей и четвертой строках по 7 слогов. Неполная рифма v*ann* ~ m*án*a в седьмой строке выглядит сомнительно. В рукописях вместо последнего слова стоит manna “людей”, но это чтение явно ошибочно.

8. Смысл и сохранность текста:

Умелые воины, презрев опасность, напали на Туми у него дома на Пригорках. Я сообщаю, что герой пал. Арон вошел внутрь в горницу одним из первых, он обагрял меч кровью врагов.

Виса известна по рукописям «Саги об Ароне» и «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари». Ее текст сильно испорчен. Финнур Йоунссон предложил две конъектуры, одна из которых является необходимой, а другая — возможной. Вместо *hjalm*skóð (*урон шлема*) в восьмой строке Финнур Йоунссон предложил чтение

[17] Конъектура Финнура Йоунссона. В рукописях стоит слово fagrhjóls ([*Фрейр*] *красивого колеса*) — выражение, которое можно трактовать как хейти ЩИТА.

*hjaldr*skóð (*урон битвы*), поскольку кеннинг *урон шлема месяца битвы* явно бессмыслен. Вместо *fagrhjól*-s (*красивое колесо*) в четвертой строке Финнур Йоунссон предложил чтение *fránból-s* (*сверкающий остов*), которое сохраняет полную рифму. Семантически оба варианта примерно равноценны. Мы принимаем обе конъектуры.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Sóttu heim við hættu	В дом назад внезапно
hjalmrunnar styrkunnir,	Заявилось войско,
snjallr, segik Freyr at felli	В *смуте копий* Туми
fránbóls Túma at Hólum.	Умер, *Фрейр шелома*!
Inn gekk Aron manna	Внутрь Арон ворвался,
einna fremstr í skemmu,	Сам-первой, в каморку.
hann vann hildar mána	Орошал врагов он
hjaldrskóð roðin blóði.	Кровью — *шест урона.*
	© *А. В. Циммерлинг, 2002*

Окружение Стурлы сына Сигхвата

В «Саге об Ароне» и «Древнейшей саге о епископе Гудмунде сыне Ари» приводится четверостишие, прославляющее победу Стурлы сына Сигхвата над людьми епископа на Гримовом Острове весной 1222 г. Оно сложено скальдом из окружения Стурлы сына Сигхвата и, вероятно, было стевом (рефреном) ныне утраченной драпы, прославлявшей Стурлу. Принадлежность скальда к окружению Стурлы сына Сигхвата подчеркивается тем, что он использует в стеве для обозначения Стурлы кеннинг *Фрейр меча*: из прозаических текстов известно, что Стурла сын Сигхвата носил величальное прозвище *Фрейр из Долин* (Dala-Freyrr).

Виса 6

1. Контекст:

Стурла сын Сигхвата устроил побоище на Гримовом Острове и одержал решительную победу над людьми епископа Гудмунда.

2. Текст:

Об этом сложена такая виса:

Sturla fekk, þás stukku,
stálhríð, búendr fríðir
harðr hjó heila byrðar
hjǫr-Freyr í Grímseyju.

3. Пословный перевод:

Стурла получил, когда-ж бежали
Стали-бурю, бонды ладные.
Суровый рубил мозгов вместилища
Клинка-Фрейр на Гримовом Острове.

4. Развертка:

$_{1–2}$ Стурла получил бурю стали, когда же ладные бонды бежали.

$_{3–4}$ Суровый Фрейр клинка рубил на Гримовом Острове вместилища мозгов.

5. Синтаксис:

Единственный хельминг состоит из двух предложений, каждое из которых занимает ровно две строки.

6. Поэтика:

Буря стали ≡ БИТВА.

Суровый Фрейр клинка ≡ МУЖ; *Фрейр* — один из асов; *Фрейр клинка* ≡ МУЖ ⇒ Стурла сын Сигхвата.

Вместилища мозгов ≡ ГОЛОВЫ.

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл и сохранность текста:

Суровый Стурла устроил битву на Гримовом Острове; он разносил бондам головы в схватке.

Виса известна по рукописям «Саги об Ароне» и «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари». В третьей строке Финнур Йоунссон вместо выражения “heila byrðar” (*вместилища мозгов*) восстановил другой кеннинг головы *hálsa byrðar (ноша шеи)*. Цель этой конъектуры не вполне понятна, поскольку оба кеннинга приемлемы и обозначают один и тот же объект; между тем, во всех рукописях стоит heila byrðar.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Sturla fekk, þás stukku, stálhríð, búendr fríðir harðr hjó heila byrðar hjǫr-Freyr í Grímseyju.	Стурла в толще бондов Вызвал *бурю лезвий*. *Сонм мозгов* рассеял *Фрейр меча* на Гримсэй. © *А. В. Циммерлинг, 2002*

Бранд (?)

«Сага об Ароне» и «Древнейшая сага о епископе Гудмунде сыне Ари» приводят вису XIII в., сообщающую о героической гибели Эйольва сына Кара на Гримовом Острове весной 1222 г. В этих двух текстах XIV в. виса приписывается некому Бранду, участнику боя с Эйольвом: Бранд якобы произнес вису, докладывая Стурле сыну Сигхвата о случившемся. Стурла Тордарсон приводит данную вису в гл. 44 «Саги об Исландцах», но не приписывает ее Бранду. Дефекты висы — неправильный кеннинг, две эллиптические конструкции — служат лучшим доказательством ее подлинности. Столь искусный скальд, как Стурла, не мог присочинить ее сам, и тот факт, что он вообще цитирует вису, подтверждает, что он воспринимал ее, прежде всего, как и с т о р и ч е с к о е   с в и д е т е л ь с т в о, т. е. как отклик современников на смерть Эйольва сына Кара. Неясно, кто был автором висы — он мог принадлежать как к окружению Стурлы сына Сигхвата, так и к людям епископа. В пользу второго предположения говорит обилие деталей, прославляющих Эйольва и отсутствие деталей, прославляющих

нападавших. В пользу первого предположения говорит то соображение, что прославление павшего врага могло быть средством возвеличить Стурлу сына Сигхвата.

Виса 8

1. Контекст:

Эйольв сын Кара долго оборонялся веслами против людей Стурлы сына Сигхвата и пал на Гримовом Острове, проявив чудеса отваги. Расбросав нападавших, он сумел доплыть до ближней шхеры и там умер. Участники боя, среди них некто Бранд, рассказывают обо всем Стурле.

2. Текст:

На этом они расстаются с ним, едут на берег, находят Стурлу и правдиво рассказывают ему о встрече с Эйольвом. Стурла и прочие люди с ним согласились, что это была выдающаяся оборона. Стурла дал понять, что доволен случившимся.

Тогда Бранд произнес эту вису:

Varizk hefr Eyjólfr ǫrum
ǫrfengr tíu lengi,
fræg's orðin sú fyrðum,
fleyvangs í Grímseyju,
áðr út í sker skreytir
skorðu blakks enn rakki
brjótr, með benjar heitar,
brynflagða, þar lagðisk.

3. Пословный перевод:

Боронивши имел Эйольв веслами
Щедрый [против] десяти, долго,
Знаменита есть сделавши та [оборона] людей,
корабле-луга на Гримовом Острове,
Прежде чем вовне на шхере продвигатель
Катка ворона доблестный
Ломатель, с язвами горячими
Брони-ведьмы, там растянулся.

4. Развертка:

1–4 Щедрый Эйольв долго имел боронивши веслами на Гримовом Острове [против] десяти людей луга кораблей, та [оборона] есть сделавши знаменита;

5–8 прежде чем доблестный продвигатель ворона катка, ломатель ведьмы брони, растянулся там вовне на шхере.

5. Синтаксис:

Второй хельминг синтаксически продолжает первый.

Виса замечательна двумя эллиптическими конструкциями, которые четко восстанавливаются по тексту: если пропуск предлога “против” *[móti] достаточно обычен, пропуск существительного “оборона” *[vǫrn] при сохранении указательного местоимения ж. р. sú (эта), “та” в третьей строке для скальдической поэзии редок. Неясно,

можно ли считать наличие этих двух эллиптических конструкций достоинством висы, но вероятно, что они изначально были в тексте.

Х Долго имел боронивши ≡ Х долго оборонялся.

Х оборонялся десяти ≡ Х оборонялся против десяти.

Та оборона есть сделавши знаменита ≡ Та оборона сделалась знаменита.

6. Поэтика:

Люди (fyrðar) *луга кораблей* ≡ МУЖИ (двойной кеннинг); *луг кораблей* ≡ МОРЕ; *Люди* МОРЯ ≡ МУЖИ[18] ⇒ враги Эйольва.

Кеннинг выглядит странно, так как в виде опорного слова в нем выступает слово fyrðar (*люди*), которое в лучших образцах поэзии не формирует кеннингов. Возможно, что этот дефект был в висе изначально. Финнур Йоунссон предложил вместо слова fyrðar конъектуру "fúra" (огня), но тогда приходится постулировать третий случай эллипсиса, на сей раз уже в самом кеннинге: *tíu* [**þǫllum*] *fleyvangs fúra* (*девяти* [**ДЕРЕВЬЯМ*] *луга кораблей*). Эту конъектуру следует решительно отвергнуть, тем более что она нарушает рифму в строке — {*orð* ∼ *u:r*} вместо нормального {*orð* ∼ *yrð*}.

Цифра "десять" (.x.), называющая число противников Эйольва в его последнем бою, проставлена в рукописях «Саги об Ароне» и «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари». В рукописях «Саги об Исландцах» стоит цифра "девять" (.ix.). О значении этой детали для датировки произаческого комментария к эпизоду см. примеч. 111 к «Саге об Ароне», с. 400.

Доблестный продвигатель ворона катка ≡ МУЖ (двойной кеннинг); *каток* (сходня) — приспособление для спуска корабля на воду; *вóрон катка* ≡ КОРАБЛЬ; *продвигатель* КОРАБЛЯ ≡ МУЖ ⇒ Эйольв сын Кара.

Ломатель ведьмы брони ≡ МУЖ (двойной кеннинг); *ведьма брони* ≡ КОПЬЕ; *ломатель* КОПИЙ ≡ МУЖ ⇒ Эйольв сын Кара.

В прозаическом тексте саги сказано, что Эйольв сломал в бою несколько копий своих противников; возможно, эта информация повлияла на текст висы. В принципе, кеннинг *ломатель ведьмы брони* можно отнести не только к Эйольву, но и к некоторому слушателю висы, как это сделал в своем Финнур Йоунссон. Но это решение менее обосновано, учитывая детали последнего боя Эйольва, отраженные в тексте висы.

7. Размер:

Дротткветт.

8. Смысл и сохранность текста:

Эйольв сын Кара умер как герой на Гримовом Острове. Он долго оборонялся против десяти противников веслами, прежде чем распростерся на шхере возле берега.

Виса известна по рукописям «Саги об Стурлунгах», «Саги об Ароне» и «Древнейшей саги о епископе Гудмунде сыне Ари». Финнур Йоунссон предложил две конъектуры. Одна из них касается цифры "десять" (tíu) во второй строке, которую Финнур Йоунссон с оглядкой на рукописи «Саги о Стурлунгах» заменил на "девять" (níu). Другая касается замены выражения fyrðum (людей) в третьей строке выражением fúra (огня) и мотирована желанием Финнура Йоунссона исправить кеннинг *fyrðar fleyvangs*. Обе конъектуры следует отвергнуть.

---

[18] По величальной схеме МУЖ ≡ *водитель корабля*.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Varizk hefr Eyjólfr ǫrum	Веслами, — на славу —
ǫrfengr tíu lengi,	Отбивался Эйольв
fræg's orðin sú fyrðum,	От десятка, долго,
fleyvangs í Grímseyju,	*Слуг меча* на Гримсэй.
áðr út í sker skreytir	После — вплавь пустился,
skorðu blakks enn rakki	Мучим раной жгучей, —
brjótr, með benjar heitar,	*Врана волн правитель*
brynflagða, þar lagðisk.	К шхере шел последней.
	© *А. В. Циммерлинг, 2002*

Приложения

Указатели имен собственных

Указатель топонимов

Указатель личных имен

Указатель прозвищ

---

[1] Точный смысл прозвища: «молодой тюлень».

[2] Два связанные между собой смысла прозвища: 1) «человек низкого происхождения», «мужик-в лаптях», 2) «вооруженный сторонник норвежских конунгов».

[3] См. примечания к «Саге об Ароне».

[4] Точный смысл прозвища: «большой палец на ноге». По-видимому, палец носителя прозвища был покорежен или оттопырен или имел иной дефект.

[5] Прозвище давалось людям, воевавшим под началом конунгов или викингских вождей за пределами Норвегии, в том числе, вступившим в войско йомсвикингов.

[6] Комментируется в тексте «Саги о Людях с Песчаного Берега».

[7] История наречения прозвища приводится в «Саге о Людях с Песчаного Берега».

[8] Прозвище носит вдова самого могущественного человека на Фарерских Островах.

[9] В саге упоминается двое тезок, носивших то же прозвище. Один из них охарактеризован как колдун и провидец.

[10] Применительно к данному персонажу прозвище «*викинг*» означает, прежде всего: «разбойник», «преступник».

[11] В древнеисландском языке соответствующее слово означает: «скала, далеко вдающаяся в море».

[12] Прозвище обыгрывает скальдическое хейти ястреба: «оперенные ноги». Носителя прозвища зовут Хаук, т. е. «ястреб».

[13] Букв.: «Южанин». Носитель прозвища был родом с *Южных*, т. е. Гебридских Островов.

[14] История наречения прозвища комментируется в тексте «Саги о Людях с Песчаного Берега».

[15] Прозвище комментируется в древнеисландских текстах.

[16] Прозвище носит глубокий старик. Вероятное значение: «лысый старческий череп», «голова-одуванчик».

[17] Оба исландских синонима имеют значение: «половой член».

[18] Смысл прозвища: «тот, кто принял участие в нескольких поединках в мирное время».

[19] Прозвище носит викингский вождь. Возможно, оно означает: «железный шлем».

[20] Прозвище неясно. Другой вариант перевода: «тот, кто хромает, ходит с трудом».

[21] Прозвище указывает на врожденное уродство.

[22] Прозвище является кеннингом золота. Носитель прозвища был известным скальдом, сочинявшим хвалебные поэмы за плату.

[23] Прозвище персонажа повторяет прозвище его деда по матери, которого тоже звали '*Гуннлауг*'.

[24] Прозвище комментируется в древнеисландских текстах.

[25] Прозвище неясно. См. прим. к «Саге об Ароне».

[26] Прозвище неясно. Возможно, оно кельтского происхождения.

[27] Прозвище означает: «тот, из кого получится мужчина». Личное имя персонажа было *Торфинн*.

[28] Прозвище неясно. Один из вариантов перевода: «тот, кто имеет физический недостаток». Персонажу отрубили ногу, возможно он получил прозвище за это.

[29] Ласкательное, детское, прозвище.

[30] Прозвище комментируется в древнеисландских текстах.

[31] Прозвище комментируется в древнеисландских текстах.

[32] Носитель прозвища описан как человек мощного сложения. В группе древнеисландских текстов прозвище данного лица трактуется как ироническое: «человек высокого роста и мощного сложения».

[33] Детское прозвище.

[34] В древнеисландском языке соответствующее слово означает: «металлическая петля», «капкан». Смысл прозвища: «человек с крепкой хваткой».

---

[35] В древнеисландском языке соответствующее слово означает: «стержень, колышек, на котором нечто крепится».

[36] Личное имя персонажа было *Торкель*. Прозвище означает: «торговый корабль немецкого типа».

[37] Прозвище указывает на неуклюжую походку носителя, его косолапость. Другой вариант перевода, принятый ранее: «*Бьёрн Бычья Нога*».

[38] Прозвище указывает на местность в Норвегии.

[39] Смысл прозвища: «Тот, кто качается в ходьбе».

[40] Точный смысл прозвища: «могущественный». Наш перевод следует устоявшейся традиции.

[41] Прозвище давалось тем, кого считали оборотнями или буянами.

[42] Данное слово, переданное здесь рус. «*мудрый*», означает «обладающий многими сведениями», «рассудительный», «сдержанный».

[43] Данное слово, переданное здесь рус. «*мудрый*», означает: «книжник», «латинист».

[44] Прозвище носит женское божество, почитавшееся в Норвегии.

[45] Прозвище неясно. В «Книге о Заселении Земли» приводится другие варианты его написания.

[46] Прозвище дано персонажу, который, будучи норвежцем по происхождению, воюет в западных морях.

[47] Прозвище различает двух совладельцев корабля по их происхождению.

[48] Прозвище является патронимическим и означает: «*сын Пални*».

[49] Согласно легенде, носитель прозвища не мог ездить верхом из-за огромного веса.

[50] Прозвище неясно.

[51] История наречения прозвища излагается в ряде древнеисландских текстов.

[52] Точный смысл прозвища: «человек с пристальным взором», «тот, кто пялится».

[53] Прозвище является хейти быка. Бык был тотемом носителя. Впоследствии в роду носителя прозвище использовалось как имя: «*Геллир*».

[54] Прозвище относится к человеку субтильного сложения и малого роста.

[55] Прозвище давалось тем, кто много и без устали рыщет по местности. Двух его носителей подозревали в связи с нечистой силой.

[56] История наречения комментируется в «Саге о Людях с Песчаного Берега».

[57] Прозвище означает: «владелец хутора Свиная Гора».

[58] Форма прозвища данного персонажа варьирует в разных древнеисландских текстах.

[59] Перевод следует устоявшейся традиции передавать краткое прилагательное оценочным существительным, ср. рус. «силач», «богач».

[60] История наречения комментируется в в «Саге о Людях с Песчаного Берега»..

[61] История наречения комментируется в в «Саге о Людях с Песчаного Берега»..

[62] Ранее прозвище не переводилось.

[63] Первоначально — прозвище носителя: «задира». Комментируется в «Саге о Людях с Песчаного Берега».

[64] Первоначально — прозвище носителя: «задира». Затем полностью вытеснило его имя.

[65] Прозвище может передавать два разных смысла: 1) «старший из носителей данного имени в роду», 2) «достигший преклонного возраста и остающийся социально активным».

[66] Прозвище комментируется в самой саге.

[67] Носитель прозвища был первооткрывателем Америки. Смысл прозвища: «тот, кому сопутствует удача в дальних плаваниях».

[68] См. комментарии к «Саге об Ароне».

[69] Детское прозвище. Более ранние переводы: «*Истребитель Трески*», «*Трескоед*».

[70] История наречения излагается в «Книге о Заселении Земли», где рассказывается, что на персонажа в детстве накинули для согрева мешок из тюленьей шкуры.

[71] Прозвище имеет два смысла: 1) «тот, кто убил много людей в стране своего проживания», 2) «задира», «тот, кто рвется в бой».

[72] Так в рукописи «Саги о Людях с Песчаного Берега». Иное графическое написание прозвища данного лица в «Книге о Заселении Земли» дает смысл: «*Лофт с Песков*» (Eyrar-Loptr).

[73] Прозвище кельтского происхождения: «волчонок». Детское прозвище, было дано носителю в Шотландии или кельтской няней (о ней сообщается в «Книге о Заселении Земли»).

[74] Носитель двух данных прозвищ — скальд конца XII в. Первое прозвище, аллитерирующее с личным именем носителя, может иметь значение: «половой член». Второе прозвище отличает его от исландца середины XIII в.

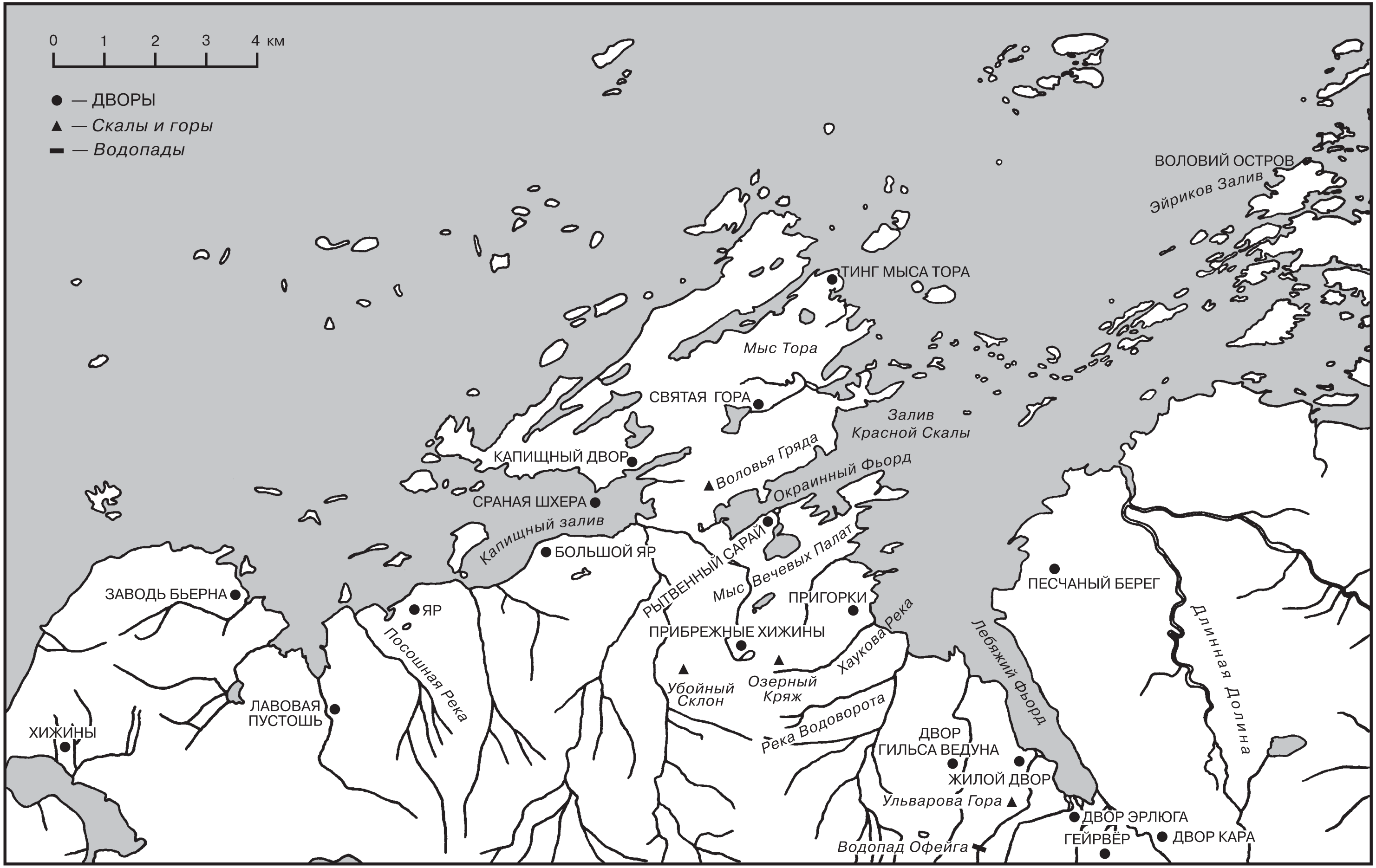
[75] Смысл прозвища: «герой из Хёрдаланда» (область в Норвегии). Имя «*Кари*» само по происхождению является прозвищем: его исконный смысл «Кудрявый». Личное имя носителя, согласно «Саге о Торде Пугале», было «*Кетиль*».

[76] У данного лица было и второе прозвище: «*Торстейн Сурт Умный*» (Þ. Surtr enn vitri), см. выше.

[77] Прозвище комментируется в древнеисландских текстах.

[78] Носитель прозвища — житель *Южного Острова* на Фарерских Островах.

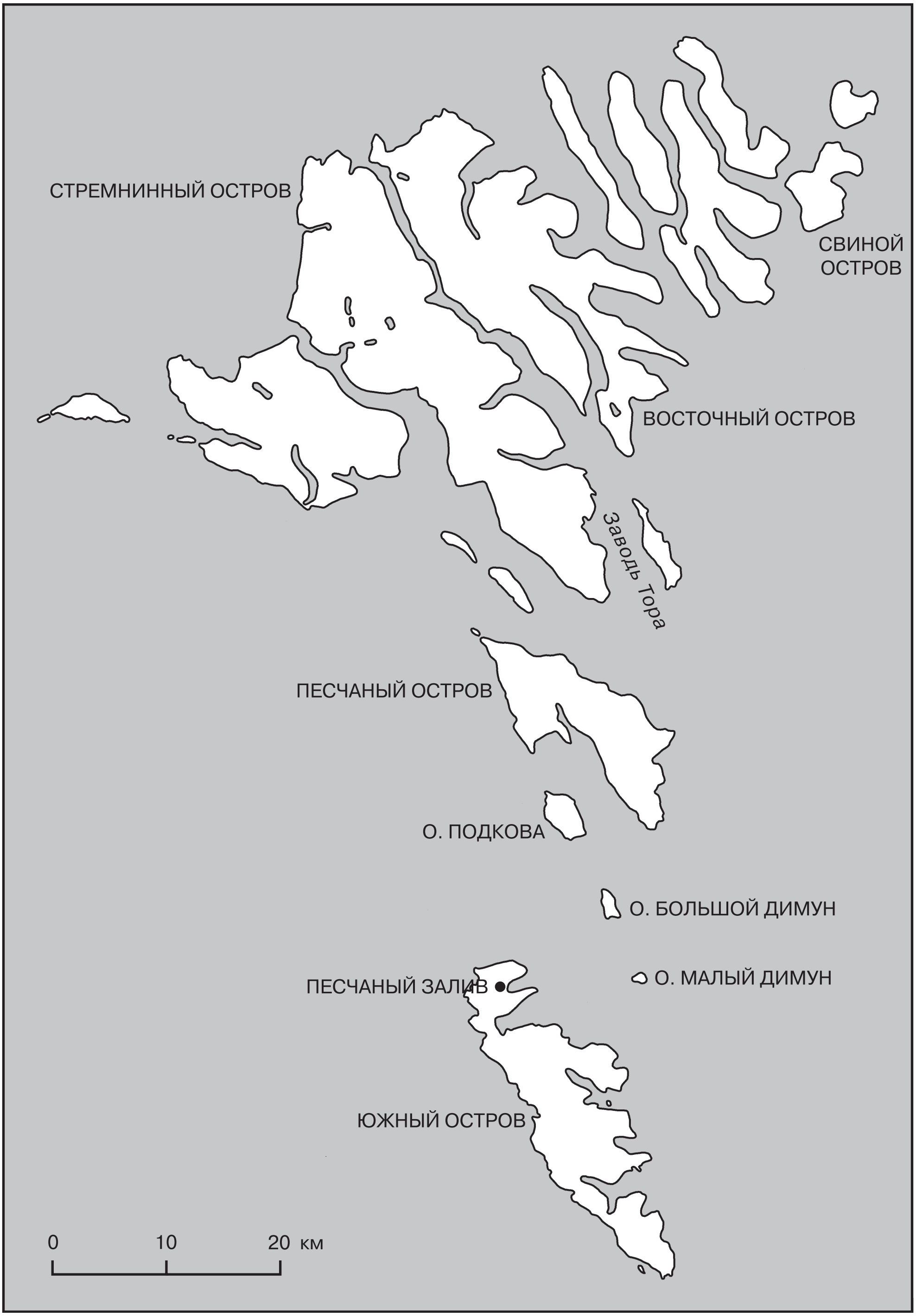
Географические карты

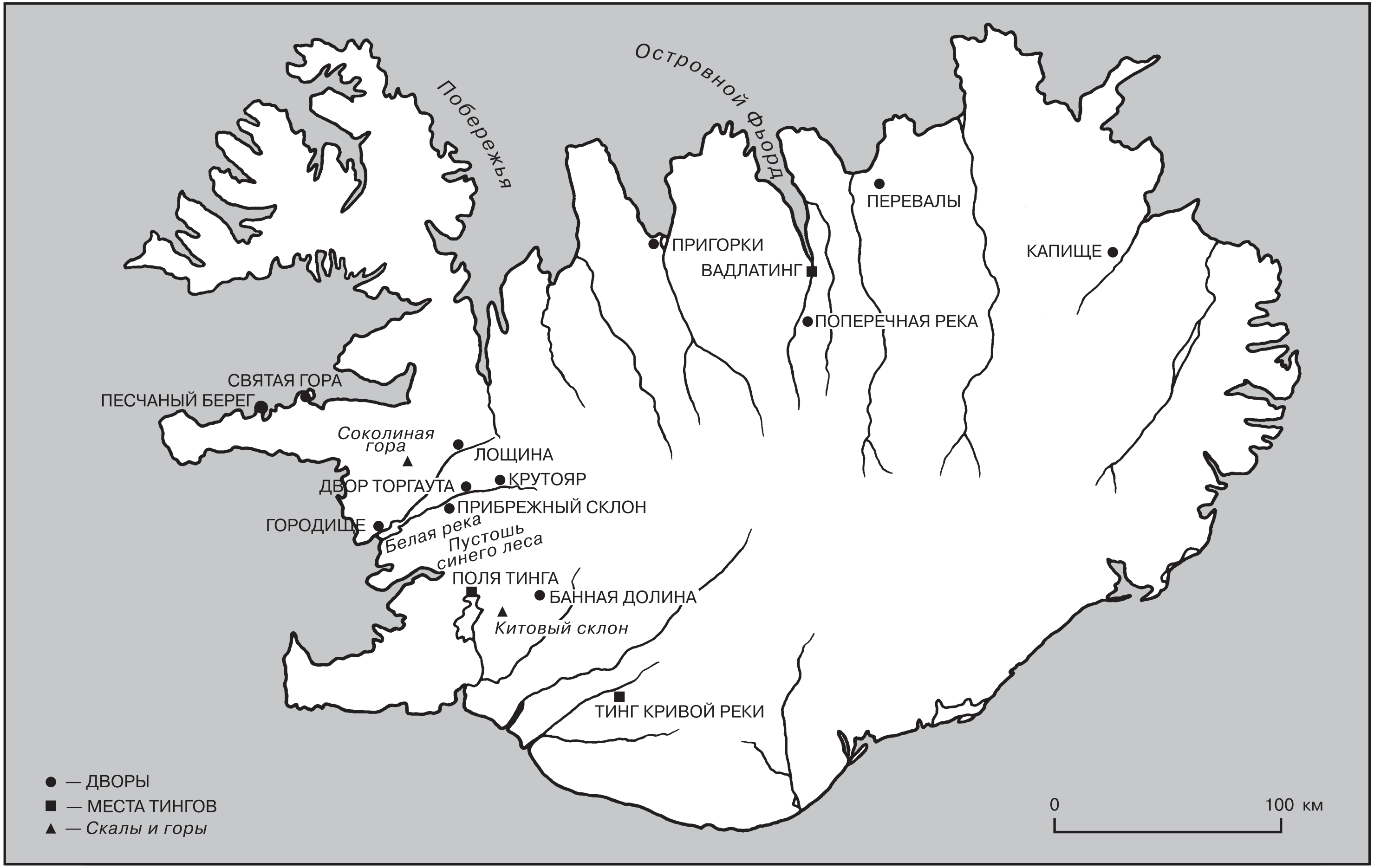
Окрестности Святой Горы

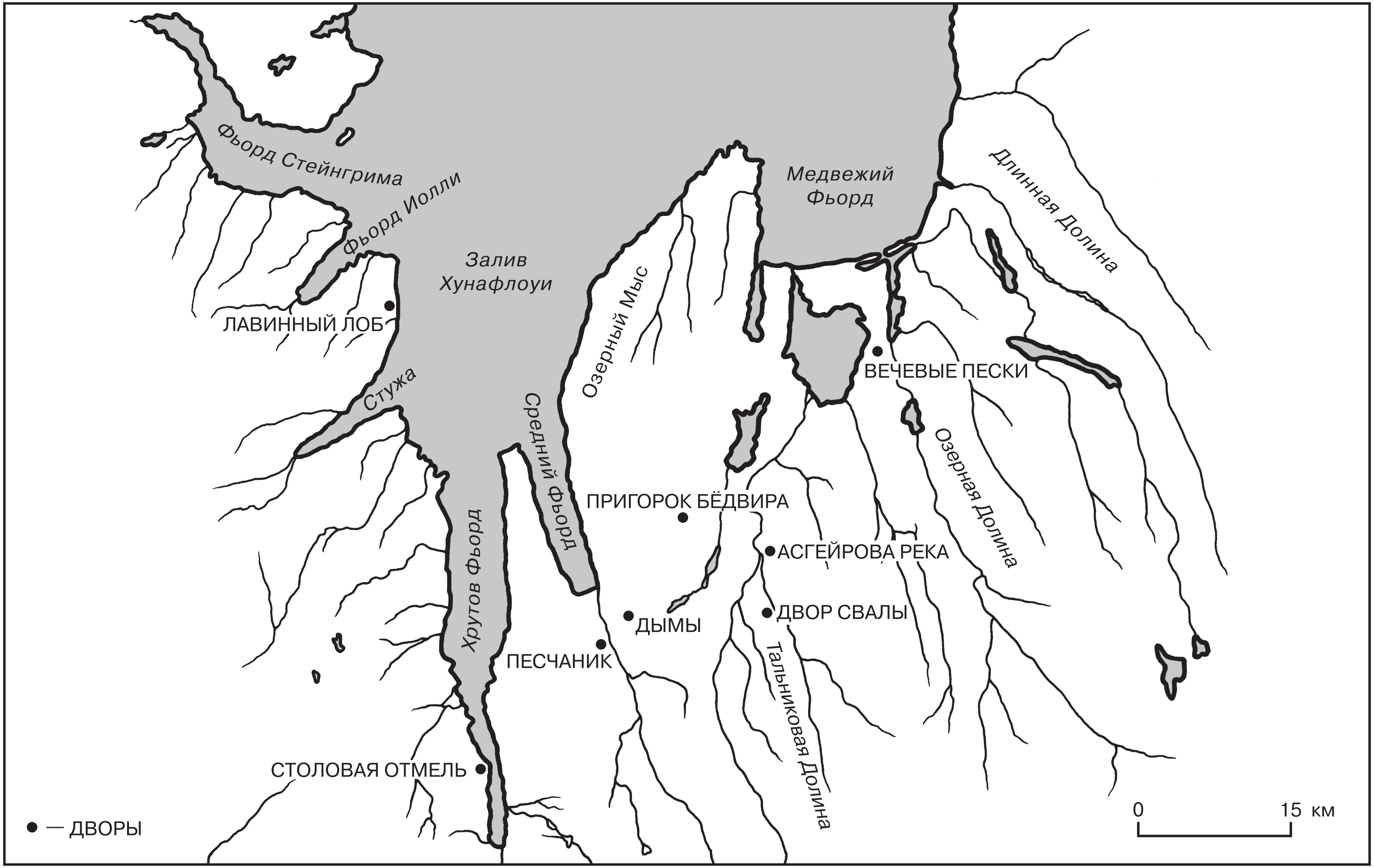
Широкий Фьорд

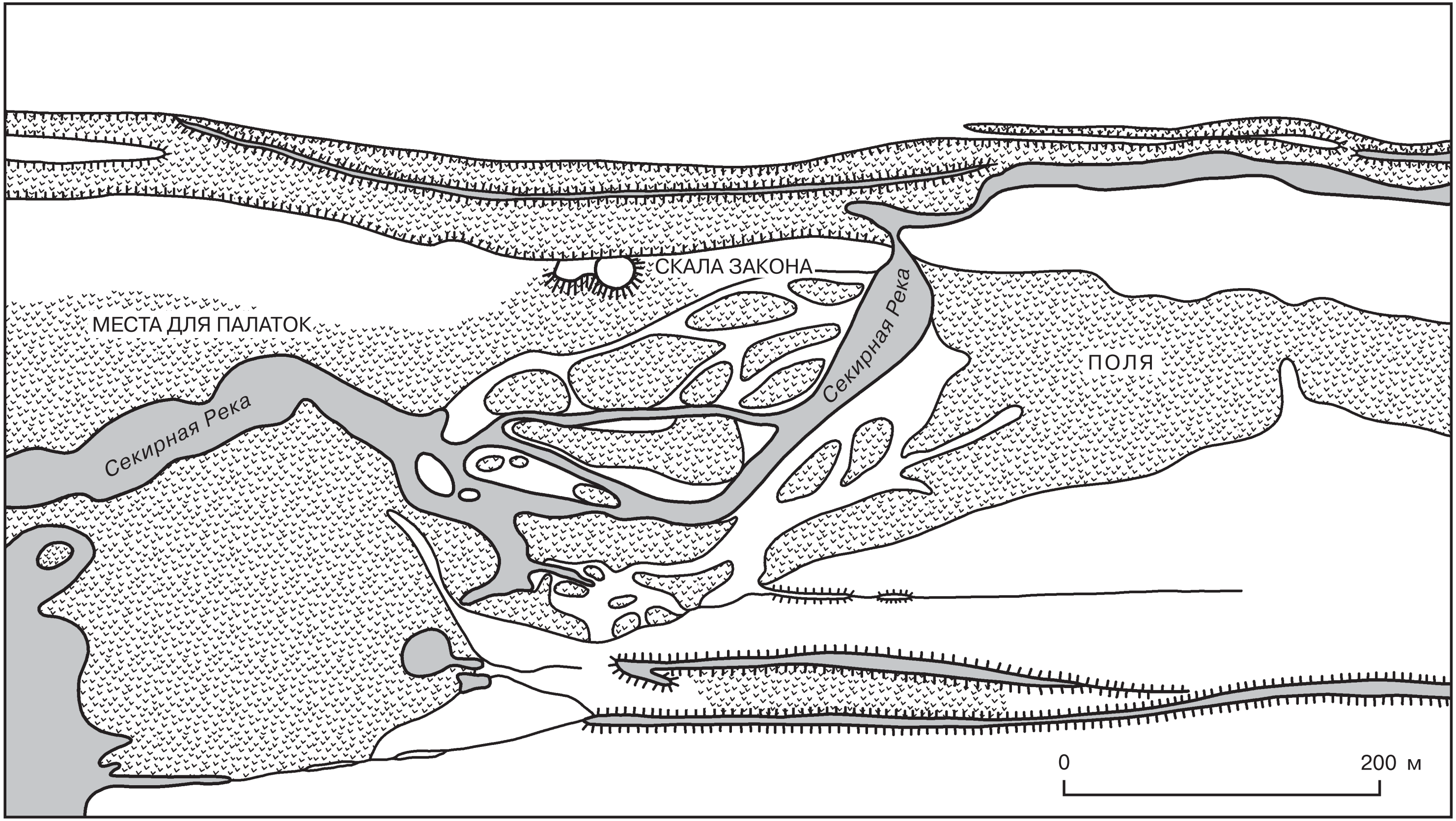
Фарерские Острова

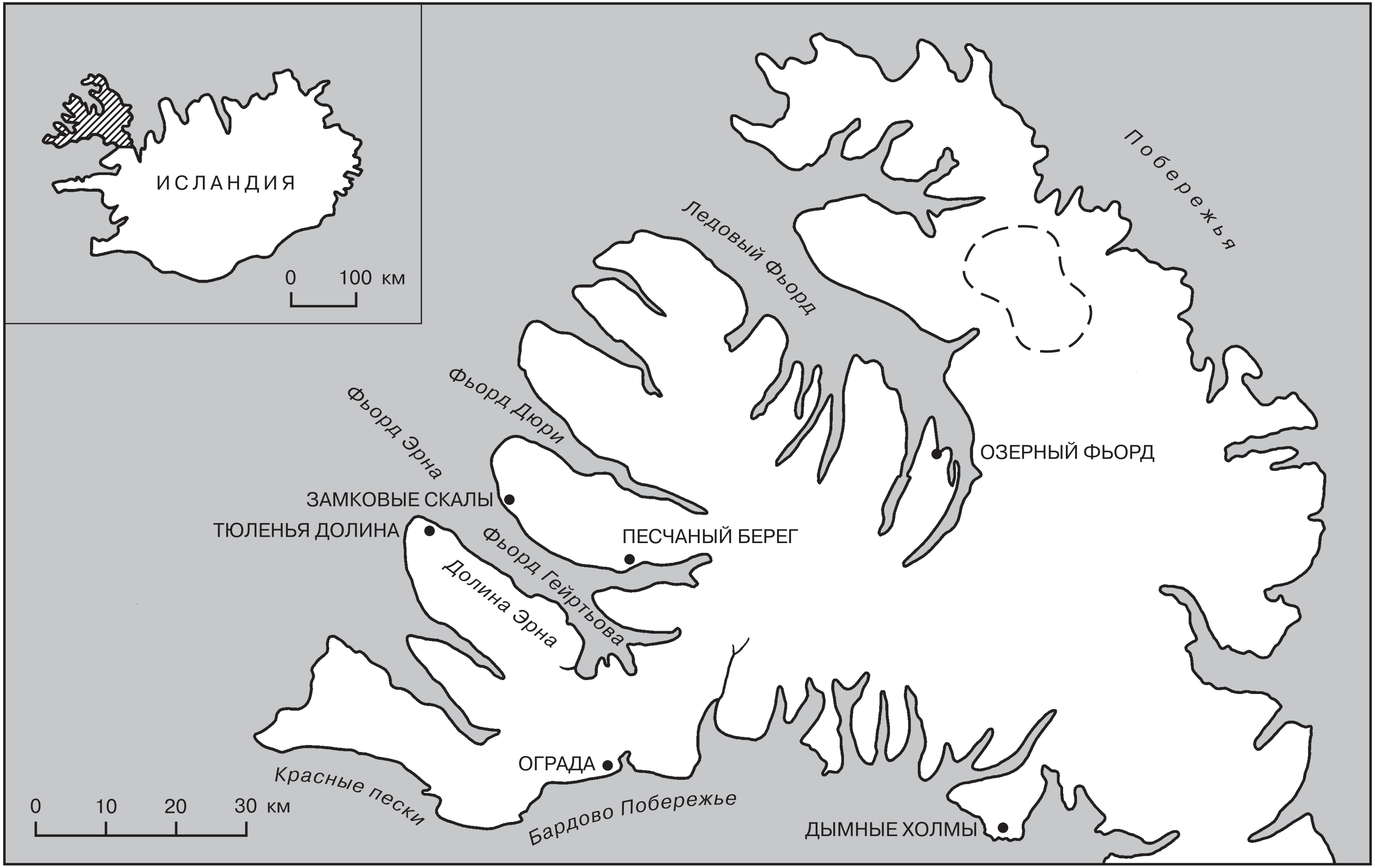
Исландия XI – XIII вв.: карта к «Саге об Ароне» и «Саге о Союзниках»

Средний Фьорд

СКАЛА ЗАКОНА
МЕСТА ДЛЯ ПАЛАТОК
ПОЛЯ
Секирная Река
Секирная Река
0
200 м

Альтинг

Западные Фьорды

ИСЛАНДСКИЕ САГИ

Том 2

Издатель А. Кошелев

Корректор Е. Зуевская

Оригинал-макет подготовлен А. В. Шипуновой

Подписано в печать 15.05.2004. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная.
Усл. печ. л. 49,02. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. M153).
E-mail: Lrc@comtv.ru

*